

Р Ю ПОЧЕКАЕВ

Р Ю. ПОЧЕКАЕВ

ЦАРИ ОРДЫНСКИЕ

БИОГРАФИИ ХАНОВ
И ПРАВИТЕЛЕЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

2-е издание, исправленное и дополненное

Санкт-Петербург
2012

ББК 63.3(0)43

УДК 94

П65

Почекаев Р. Ю.

П65 Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. — Изд. 2-е, испр. и доп. — СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. — 464 с.: ил. ISBN 978-5-91852-036-9

Представляем вашему вниманию второе, расширенное и дополненное издание книги петербургского исследователя Р. Ю.Почекаева. В процессе подготовки нового издания автор постарался учесть новейшие исследования, появившиеся уже во втором десятилетии XXI в., и добавил несколько новых очерков. Теперь книга включает 17 очерков о 20 ханах и правителях Золотой Орды, охватывая период от ее основания в начале XIII в. до падения на рубеже XV–XVI вв. К четырнадцати биографиям, составившим содержание предыдущего тома добавилось еще три очерка: о Батые — фактическом основателе Золотой Орды, о правителе середины XV в. Сеид-Ахмеде, которого принято считать первым ханом так называемой «Большой Орды», а также о начальном этапе многолетней золотоордынской смуты — «Великой замятне», героями которого являются четыре хана из разных ветвей рода золотоордынских ханов, боровшиеся за власть в период с 1361 г. по 1362 г.: Кульна, Наурус, Хызр и Кильдибек. Книга адресована широкому кругу читателей.

© Почекаев Р. Ю., 1-е изд., текст, 2010

© Почекаев Р. Ю., 2-е изд., текст, 2011

© Лосев П. П., дизайн обложки, 2011

ISBN 978-5-91852-036-9 © Оформление, ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

КТО ОНИ — «ЦАРИ ОРДЫНСКИЕ»?

Я просил бы не считать за самомнение, что человек такого низкого и незаметного состояния позволяет себе рассуждать о правлении князей и устанавливать для них правила, ибо как люди, рисующие какой-нибудь вид, спускаются в долину, чтобы видеть очертания гор и возвышенностей, и высоко поднимаются на горы, чтобы видеть долины, так и для того, чтобы хорошо познать сущность народа, надо быть князем, а чтобы правильно постичь природу князя, нужно быть из народа.

Николо Макиавелли

В первой половине XIII в. государства Восточной Европы, в том числе и Русь, пережили ряд потрясений. Одним из них стало падение в 1204 г. Византийской империи, правитель которой (император или базилевс) в русской государственной традиции именовался «царем» и считался вышестоящим монархом по отношению к русским князьям-Рюриковичам.

Упразднение Византийской империи и, соответственно, исчезновение «царя» («природного кесаря») создало для русских князей определенную лакуну в международной иерархии. Ни захватившие Константинополь крестоносцы, создавшие здесь эфемерную Латинскую империю, ни греческие правители Никейской империи не рассматривались русскими как полноправные преемники Византии. Подчинение Руси Золотой Орде позволило заполнить эту лакуну: новым «царем», «кесарем» для русских князей стал золотоордынский монарх.

Это признание в известной мере позволило русским князьям смириться с потерей независимости в результате монгольских походов 1237–1242 гг. В соответствии с новой идеологией русские земли подчинялись, платили дань и принимали инвеституру не из рук диких кочевников-«сыроядцев», а от законных «царей» — вышестоящих в международной иерархии монархов. Преемство «царской»

власти Золотой Ордой от Византии в глазах русских идеологов весьма красноречиво отразилось в средневековых летописях. Так, например, в знаменитом летописном Лицевом своде, созданном по повелению Ивана Грозного в третьей четверти XVI в., имеются миниатюры, на которых византийский император и правитель Золотой Орды Батый показаны в совершенно одинаковых «царских венцах», т. е. императорских коронах. В такой же короне далее изображен и сам Иван Грозный, претендовавший на правопреемство от Золотой Орды.¹

При этом, хотя титул «царь» в русской политической традиции связывался с титулом хана, даже первые ордынские правители, не обладавшие еще ханским титулом (Бату, Берке) в летописях XV–XVI вв. также титулуются царями: их «царский статус» подтверждал сам факт их сюзеренитета над Русью.² Подчинение «царям», таким образом, не было зазорно для Руси: западноевропейские государи также признавали высокое положение ханов Золотой Орды, именуя их императорами.

Поэтому под общим названием «цари Ордынские» в этой книге фигурируют и первые правители Золотой Орды, и монархи, реально обладавшие ханским («царским») титулом, и даже временщики, которые также нередко воспринимались за рубежом или вошли в историографическую традицию как полноправные монархи. Так, например, знаменитый Мамай в русской историографии часто именуется «царем», а восточные историки нередко говорят и о «царствовании» не менее известного Едигея.

Выбор темы книги представляется актуальным. Дело в том, что изучение истории Золотой Орды насчитывает уже несколько веков, и за это время были исследованы многие аспекты существования этого государства: государственный строй, политическая система, экономические отношения, материальная культура, даже философия, искусство и литература, однако за пределами внимания исследователей нередко оставались личности — ордынские ханы и влиятельные государственные деятели. Конечно, историки в рамках своих исследований отмечают, что при таком-то хане состоялась денежная реформа, а такой-то временщик пытался восстановить сильную централизованную власть в Золотой Орде. Но правители Золотой Орды в таких исследованиях предстают перед читателем своего рода «хронологическими маркерами» глобальных политических процессов, происходивших в государстве. И даже в какой-то степени заложниками этих самых процессов — мол, каким бы энергичным и талантливым

не был конкретный правитель, он все равно не смог бы противостоять «объективным тенденциям» государственного развития.

Нам же представляется целесообразным рассмотреть именно биографии отдельных правителей, что позволяет заострить внимание на некоторых вопросах, связанных с ролью личности в истории. Например, почему именно Узбек сумел провести масштабную реформу, введя ислам и практически полностью изменив систему управления, существовавшую в Золотой Орде до него более века? Почему темник Мамай в течение двадцати лет сохранял власть над западными уделами Золотой Орды, когда в Поволжье и восточном крыле (Синей Орде) иногда менялось по несколько ханов в год? Почему хану Токтамышу удалось взять верх над этим властным и решительным правителем и объединить Золотую Орду? Почему хану Ахмаду так и не удалось вернуть распадающейся Орде ее былое величие? Ответы на эти и подобные вопросы не могут быть получены в глобальном контексте истории — они связаны с личностями конкретных правителей и государственных деятелей. И думается, что не только общие законы государственного развития влияли на судьбу Золотой Орды, но также поступки и намерения отдельных государей.

Жизнь любого выдающегося исторического деятеля — это уже микроистория. Если же речь идет о властителе такого государства, как Золотая Орда, то его биография — это уже важный отрезок в истории как минимум континента под названием Евразия. Анализ жизни и деятельности ордынских государей и правителей позволяет пролить свет на разные «темные места» истории не только Золотой Орды, но и современных ей государств. Не говоря уж о том, что в процессе анализа источников при создании биографии того или иного хана нередко начинаешь немного по-другому понимать то или иное сообщение источника и в результате совершенно иначе трактовать события, имеющие, казалось бы, устоявшуюся, однозначную трактовку в историографии.

Безусловно, эта книга — далеко не первая работа, посвященная личностям золотоордынских правителей. В частности, еще на рубеже XIX–XX вв. татарский богослов и историк Р. Фахретдин написал серию небольших биографических статей о 12 правителях (включив в число золотоордынских монархов также Чингис-хана и Джучи). В 1922 г. вышла крупная работа Н. И. Веселовского о Ногае. В. В. Трепавлов в своей фундаментальной «Истории Ногайской Орды» целую главу посвятил ее основателю Едигею и его эпохе. И. В. Зайцев в 2003 г. опубликовал биографический очерк о послед-

нем ордынском хане Шейх-Ахмаде. В том же 2003 г. вышли научная монография И. М. Миргалеева о жизни и деятельности хана Токтамыша и научно-популярная книга Р. М. Амирхана «Золотая Орда и ее правители». Наконец, в 2007 г. в Казахстане появилась книга К. Бегалина «Ханы Золотой Орды» — также научно-популярного характера. Периодически появляются публицистические работы, посвященные известным ордынским ханам и правителям — Узбеку, Мамаю, Улуг-Мухаммаду. Все эти и другие работы так или иначе привлекались при написании данной книги. Кроме того, автор постарался учесть широкий круг источников — исторические хроники и летописи, официальные документы, данные нумизматики и археологии, а также исследования по истории Золотой Орды — от самых ранних (первая половина XIX в.) до новейших.

Начало истории Золотой Орды неразрывно связано с личностью Бату — ее первого фактического правителя, поэтому серию очерков мы решили начать с его жизнеописания и довести ее до последних дней существования Золотой Орды. Однако кто же именно должен был стать героем того или иного жизнеописания?

За всю историю Золотой Орды на ее троне сменилось не менее 55 правителей и ханов, а периодически к власти приходили и могущественные временщики, обладавшие куда большим влиянием на государственные дела, нежели монархи, — таковых можно насчитать не менее десятка. Далеко не все из них оставили значительный след в истории, да и сведения о многих ханах не сохранились в количестве, достаточном для создания биографии. Поэтому мы приняли решение представить вниманию читателя серию очерков о тех ханах и правителях, чье правление знаменует или отражает ту или иную эпоху в истории Золотой Орды.

Так, с именами Бату, Берке, Менгу-Тимура, Ногая и Токты традиционно связывается становление Золотой Орды, ее превращение в независимое государство, утверждение на международной арене. Правление Узбека и Джанибека — эпоха расцвета Золотой Орды, апогей ее могущества. Темник Мамай, а также ханы Пулад и Арабшах — деятели смутного времени, известного по русским летописям как «великая замятня». Деятельность хана Токтамыша и временщика Едигея представляют собой последнюю попытку восстановления могущества Золотой Орды. Последующие же ханы — Улуг-Мухаммад, Сайид-Ахмад, Ахмад и Шейх-Ахмад — это уже фактически правители осколков некогда обширной империи, фактически основатели (или основоположники династий) государств — ее преемников.

Каждая биография представляет собой научно-популярный очерк, достаточный для того, чтобы составить себе представление о его герое. Для тех же, кого интересуют более детальные сведения историко-источниковедческого характера, каждый очерк дополнен комментариями, в которых содержатся ссылки на источники, обоснование позиции автора, представленной в биографическом очерке, научная полемика и другие элементы исторического исследования.

Считаем нужным отметить, что название «Золотая Орда» является анахронизмом, поскольку так только в сочинениях XVI в. стали называть Улус Джучи; официальными (или современными ему) названиями этого государства были Улус Джучи, Улуг Улус (Великий Улус), Монгольское государство, Кипчакское ханство. Тем не менее, мы считаем возможным использовать название «Золотая Орда» в нашей книге как наиболее широко употребительное в историографии и более известное и привычное. Чтобы не путаться в терминологии и не сбивать с толку читателя, мы используем это название и когда говорим о государстве конца XIV — начала XVI вв., которое исследователи предпочитают именовать «Большой Ордой».³

Аналогичным образом мы подошли и к именам ханов и правителей: в заглавия очерков вынесены более распространенные в отечественной историографии формы имен — Едигей, Улуг-Мухаммед, Сеид-Ахмед, Ахмат и т. д. В самом тексте очерков используются более корректные формы, принятые в востоковедческой литературе: соответственно Идигу, Улуг-Мухаммад, Сайид-Ахмад, Ахмад и т. д. В цитатах сохраняется правописание, принятое в источниках.

Считаю своим приятным долгом выразить благодарность Д. М. Исхакову, М. Г. Крамаровскому, И. М. Миргалееву, И. А. Мустакимову, К. З. Ускенбаю, А. Г. Юрченко за советы, критические замечания и рекомендации, которые были учтены при подготовке второго издания книги.

§

§

§

§

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

БАТЫЙ, ИЛИ ТРИ ЖИЗНИ САИН-ХАНА (ПРАВИТЕЛЬ, 1227–1256)¹

Осмотрительность так же подобает воину, как и храбрость.

Д. Ф. Купер

Земли, на которых впоследствии возникла Золотая Орда, были выделены Чингис-ханом своему старшему сыну Джучи, который управлял ими в 1222–1227 гг., и поэтому в дальнейшем эти владения назывались Улусом Джучи. Однако фактически первым правителем Золотой Орды стал Бату, второй сын Джучи (известный в русских источниках как Батый), правивший улусом около тридцати лет.

В биографии Бату четко прослеживаются три этапа: царевич, рядовой представитель «Золотого рода» Чингизидов, один из многочисленных внуков Чингис-хана; полководец, возглавивший великий поход монголов на Запад; и, наконец, правитель, фактически определявший судьбу не только Золотой Орды, но и всей Монгольской империи. Эти три этапа, столь отличающиеся один от другого, мы и назвали «тремя жизнями».

I

Бату родился в год земли-змеи (1209 г.). Он был сыном Джучи, первенца Чингис-хана, и его второй супруги Уки-хатун из племени кунграт. У Джучи было, по некоторым сведениям, до сорока сыновей, а наследование отцовского имущества и титулов у монголов не было четко регламентировано, так что Бату совершенно не обязательно должен был занять видное место среди Джучидов — не говоря уж обо всем семействе Чингис-хана, число внуков и подрастающих правнуков которого приближалось к сотне. Таким образом, в своей «первой жизни» Бату был всего лишь одним из многочисленных отпрысков «Золотого рода» без особых надежд на заметное положение в Монгольской империи и семейной иерархии.

Кроме того, над Джучи, отцом Бату, в течение всей его жизни тяготело подозрение в незаконнорожденности. Дело в том, что когда Чингис-хан еще не был Чингис-ханом и носил имя Тэмуджин, его любимая супруга Борте была похищена племенем меркитов, напавших на лагерь ее мужа. Тэмуджину через какое-то время удалось спасти ее, но в плену или вскоре после освобождения Борте родила сына, и будущий Чингис-хан не мог быть уверен в своем отцовстве. Этим сыном и был Джучи.

Сам Чингис-хан никогда не выказывал сомнений в происхождении своего первенца: он поручал ему командование войсками и при разделе своих владений между сыновьями выделил ему самые обширные области. Однако когда между сыновьями Чингис-хана вспыхнула ссора по поводу того, кто будет наследником отца, Чагатай, второй сын Чингис-хана, прилюдно обозвал Джучи «меркитским подарком». За это он получил выговор от отца, но нет сомнения, что Чагатай всего лишь озвучил то, о чем другие шептались.⁵

Как бы то ни было, ни Джучи, ни Чагатай не стали наследниками Чингис-хана, который завещал после своей смерти избрать новым монгольским ханом своего третьего сына Угедэя. По этой причине или по какой-то другой между Чингис-ханом и Джучи произошло отчуждение, и отец Бату, покинув монгольские степи, несколько лет безвыездно пребывал в своих новых владениях в Дешт-и Кипчаке (Половецкой степи), под различными предложениями отказываясь приезжать к отцу.

Весной 1227 г. (по некоторым сведениям, еще в 1225 г.) Джучи умер, и в источниках указываются различные причины его смерти. По одним сведениям, он умер от болезни в своей ставке. По другим, старший сын Чингис-хана погиб во время охоты, причем и здесь присутствуют разные версии — упал с лошади и сломал себе шею, был затоптан стадом диких куланов и даже погиб в схватке с тигром! Наконец, средневековые историки, наиболее недоброжелательно относившиеся к Чингис-хану и его семейству, сообщают, что Джучи задумал заговор или мятеж против своего отца и был отравлен по его приказанию.⁶

Как бы то ни было, старший сын Чингис-хана и первый глава Улуса Джучи скончался, и было необходимо выбрать ему преемника. Чингис-хан назначил новым главой Улуса Джучи (который далее мы будем именовать Золотой Ордой) Бату — второго сына Джучи. Историки и исследователи предлагают самые различные объяснения причин выбора Чингис-хана. При этом большинство склоняется к тому,

что Бату, якобы, уже успел проявить себя эффективным правителем и воинственным полководцем.⁷ Однако не будем забывать, что Бату к моменту смерти отца было всего 18 лет, и он, скорее всего, еще не участвовал в военных действиях. И, уж во всяком случае, не командовал войсками, поскольку у Чингис-хана и помимо Бату было несколько сыновей, немало старших внуков и много опытных полководцев!

Полагаем, наиболее вероятной причиной назначения Бату наследником отца является его происхождение по материнской линии: его мать Уки-хатун была дочерью Алчи-нойона, приходившегося братом Борте — старшей хатун Чингис-хана и матери Джучи. Таким образом, Бату был и внуком, и внучатым племянником Борте, которая вместе со своим влиятельным родом кунгратских нойонов (из которого члены «Золотого рода» постоянно брали себе жен)⁸ вполне могла предложить супругу назначить наследником Джучи именно Бату.

Однако в августе 1227 г. скончался и Чингис-хан, переживший своего старшего сына всего на полгода. И Бату пришлось ехать в Монголию, на курултай, где должны были выбрать нового великого хана, который по закону должен был подтвердить назначения, сделанные его предшественником.

II

Как и ожидалось, преемником Чингис-хана стал его третий сын Угедэй. Он подтвердил основные назначения, сделанные его отцом, в т. ч. и статус Бату как правителя Золотой Орды (хотя в источниках сообщается, что Угедэй в свое время, как и Чагатай, враждовал с Джучи). Однако вступить во владение отцовским наследием Бату так и не удалось: по приказу своего дяди-хагана (так Бату обращался к Угедэю в переписке) ему пришлось сопровождать новоизбранного хана в походе против северно-китайской империи Цзинь.⁹ Вероятно, Угедэй не доверял малознакомому племяннику и поэтому решил на какое-то время оставить его при себе.

Империя Цзинь была разгромлена монголами в 1234 г., и годом позже состоялся великий курултай, на котором члены «Золотого рода» и монгольская аристократия распределили завоеванные территории и приняли решения относительно дальнейших завоеваний. Бату также получил удел в Китае — ему отошла область Пиньнанфу, с которой он (а затем и его преемники) имел право получать доходы.¹⁰ Кроме того, на курултае 1235 г. было принято решение о завоевании земель на западе — тех, которые, по замыслу Чингис-хана, должны были отойти еще Джучи.

Еще через год, в 1236 г., Бату принял участие в еще одном курултае — на этот раз специально посвященном западному походу. Сыновья Чингис-хана, по-видимому, решили, что отдать все завоеванные на западе земли роду Джучи будет слишком щедро, и поэтому решили отправить в поход также и своих отпрысков — естественно, в благодарность за помощь эти царевичи должны были получить или новые земли на западе, или солидную часть добычи! В результате в поход отправились Гуюк и Кадан — сыновья хана Угедэя, сын Чагатая Байдар и внук Чагатая Бури, Мунке и Бюджек — сыновья Тулуя, а также младший сын Чингис-хана Кулькан и внучатый племянник Чингис-хана Аргасун (внук Хачиуна, брата Чингис-хана).¹¹ Поскольку изначально поход затевался все же как расширение удела Джучидов, вместе с Бату выступило гораздо больше его братьев, нежели других потомков Чингис-хана: в завоевании западных земель приняли участие Джучиды — Орду, Шибан, Тангут, а позднее к ним присоединился и еще один брат, Берке.

На основании источников нельзя однозначно утверждать, что Бату с самого начала предводительствовал всем западным походом монголов (хотя исследователи и высказывают такое предположение). На самом деле ряд Чингизидов в течение 1236–1239 гг. действовал самостоятельно. Например, Гуюк и Менгу командовали отдельными отрядами и вели военные действия против кипчаков, народов Северного Кавказа и русских городов, Бури также самостоятельно действовал на Руси и в Крыму, даже Берке, брат Бату, сам предводительствовал войсками в борьбе с кипчаками. Бату, таким образом, являлся, видимо, номинальным предводителем похода, «старшим среди равных». ¹² Тем не менее, для него даже такой статус был большим шагом вперед в семейной иерархии. Так началась его «вторая жизнь» — жизнь полководца, предводителя Великого западного похода Чингизидов.

III

Под личным командованием Бату войска монголов в 1236 г. вторглись в Волжскую Булгарию и к осени 1237 г. разгромили эту страну, которой впоследствии суждено было стать центром владений Бату. Именно поэтому он не стал разрушать города и вырезать их население, хотя согласно русским летописям, монголы разрушили болгарские города и вырезали практически все население «от старца... и до сущаго младенца».¹³

После того как Волжская Булгария была покорена, войска Бату начали вторжение на Русь. В декабре 1237 г. они вступили на

территорию Рязанского княжества и начали переговоры с местными князьями. Современные исследователи, опираясь на «Повесть о разорении Рязани Батыем», фольклорное произведение XVI в., подробно описывают убийство монголами рязанских послов, героическую битву рязанцев с монголами «в диком поле», подвиги Евпатия Коловрата. Однако все эти события, несомненно, относятся к народному творчеству, что отмечали уже исследователи XIX в.¹⁴

На основании источников (западных и восточных современников событий) восстанавливается следующий порядок вторжения Бату на Русь. В декабре 1237 г. часть войск под командованием Бату вступила на рязанские земли. К местным правителям были отправлены монгольские послы с требованием подчиниться монголам, уплачивать им дань («десятину во всем») и предоставлять людей для дальнейших походов. Получив отказ, Бату дождался подхода своих родичей и вместе с ними осадил Рязань. В осаде участвовало семеро Чингизидов — Бату, Орду, Гуюк, Мунке, Кадан, Кулькан и Бури. Совместными усилиями им удалось уже на седьмой день осады захватить Рязань, которая была полностью разрушена. Вскоре были захвачены и другие рязанские города, и в самом начале января 1238 г. войска монголов подошли к последнему оплоту рязанцев — Коломне.

Здесь в военные действия вмешался новый участник — великий князь владимирский Юрий Всеволодович, отправивший войска под командованием своего сына Всеволода на помощь Коломне. Объединенные силы рязанцев и владимирцев были разгромлены у стен города, который затем также пал, а монголы получили законное основание для вторжения во Владимиро-Суздальскую Русь. Кроме того, в битве под Коломной (или при штурме города) погиб Кулькан, младший сын Чингис-хана, и война с Владимирской Русью приобрела для его родственников еще и характер мести.¹⁵

Сам Бату в битве у Коломны, по-видимому, не участвовал, поскольку в эти дни осаждал пограничную крепость Суздальской Руси — Москву. Город был взят благодаря энергичным действиям Шибана, брата Бату, 20 января 1238 г.

Войска восьми Чингизидов вновь соединились под стенами столицы Северо-Восточной Руси — города Владимира-Залесского, который осадили 2 февраля. Великий князь еще накануне осады покинул город, отправившись на север своих владений, чтобы собрать войска для отпора монголам, а защиту столицы поручил своим сыновьям. Несмотря на то что в осаде участвовали практически все войска монголов, она, по-видимому, не была слишком трудной для них — не

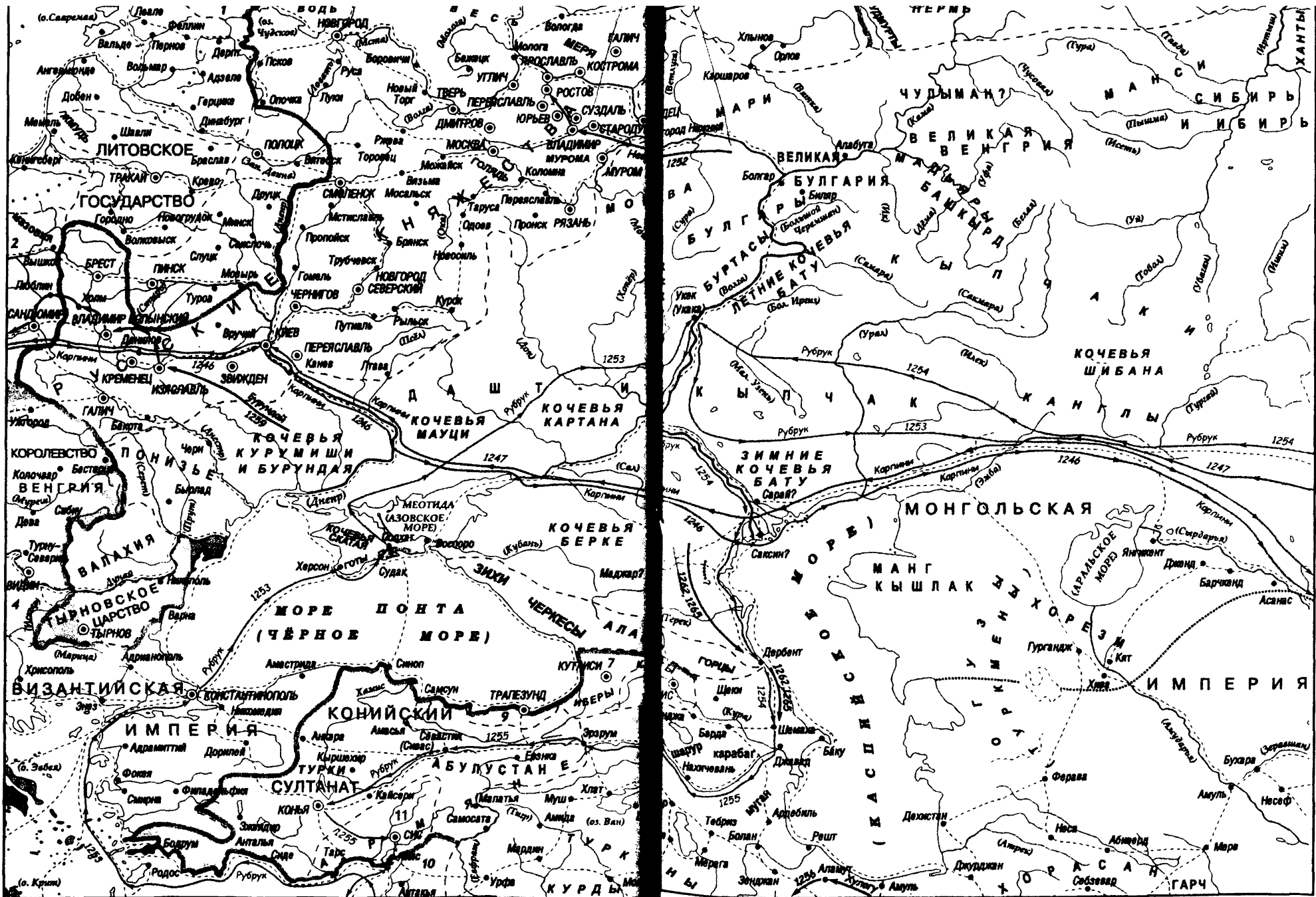
случайно в самый разгар осады Владимира, 5 февраля, часть монгольских войск оставила лагерь и без боя захватила Суздаль — личный удел великого князя.

Между тем, сыновья великого князя Юрия оказались не слишком эффективными военачальниками. Согласно русским же летописцам, Всеволод Юрьевич попытался сдаться на милость Бату и явился к нему с дарами, но был убит, поскольку решил сдаться уже после начала военных действий. Мстислав, брат Всеволода, напуганный его участью, решил искать спасения в бегстве, но также был убит. Владимир-Залесский пал на шестой день осады, 8 февраля 1238 г.¹⁶

После взятия столицы Северо-Восточной Руси силы монголов разделились и в течение февраля захватили, согласно летописцам, 14 городов Владимиро-Суздальской Руси. Меньше чем за месяц были захвачены Ярославль, Галич-Мерьский, Стародуб, Переяславль-Залесский, Юрьев и др.; Ростов и Углич сдались монголам без боя.

4 марта 1238 г. монгольский отряд под командованием полководца Бурундая обнаружил лагерь великого князя Юрия на р. Сить. Согласно русским летописям, между русскими и монголами произошла битва, в которой великий князь погиб с большинством своих воинов.¹⁷ Однако венгерский хронист сер. XIII в. Фома Сплитский и персидский историк начала XIV в. Рашид ад-Дин ничего не сообщают о битве, а упоминают лишь, что великий князь был схвачен и убит монголами.¹⁸ Так что есть основания полагать, что битва на р. Сити — такой же поздний вымысел, как и битва рязанцев с монголами «в поле», а на самом деле великий князь просто был схвачен в результате неожиданного нападения монголов и казнен ими.

Бату не достались лавры победы над великим князем владимирским: он в это время осаждал передовую крепость Новгородской земли — Торжок. И, захватив его после 5 недель осады, отступил от Новгорода, не дойдя до него около ста верст! Это отступление монголов представлено русскими летописцами как некое чудо, приписываемое заступничеству святых, современные же исследователи объясняют его либо весенней распутицей и невозможностью продвижения далее, либо большими потерями, уже понесенными монголами. На наш взгляд, истинной причиной отхода Бату от Новгорода стало невмешательство новгородского князя Ярослава Всеволодовича в конфликт монголов с Рязанью и Суздалем (кстати, впоследствии именно Ярослав Новгородский первым из русских князей признал зависимость от монголов).

Карта 1. Западные улусы Монгольской империи в 1242–1265 гг. (автор – Астайкин А. А.).

1 Владения Дании, 2 Польские княжества, 3 Владения Генуи, 4 Видинское княжество, 5 Владения Венеции, 6 Герцогство Афинское, 7 Западное Грузинское царство, 8 Восточное Грузинское царство, 9 Трапезундская империя, 10 Государство мамлюков, 11 Киликия. Границы государств нанесены на 1265 г.

Так, к апрелю 1238 г. Бату выполнил поставленную задачу и разгромил всех князей Северо-Восточной Руси, оказавших сопротивление монголам. После этого он повернул на восток и направился в Поволжье для восстановления сил и отдыха. Дойдя до границ Черниговской земли, он осадил небольшой пограничный город Козельск, который не мог взять в течение семи недель. Только когда на помощь Бату подошли войска Чингизидов Кадана и Бури, город был захвачен. Отметим, что, в отличие от битвы «в поле» или сражения на р. Сить, осада Козельска является отнюдь не мифом: о многонедельной осаде этого города сообщают не только русские летописцы, но и Рашид ад-Дин.¹⁹

Взятие Козельска стало завершающим актом кампании 1237–1238 гг., после чего в походе наступил перерыв. Сам Бату занимался устройством своего нового улуса; высказывались предположения, что он мог даже отправиться в Монголию и принять участие в курултае 1240 г.²⁰

Как раз к этому времени (между 1238 и 1240 гг.) относится известная ссора Бату со своими родичами Гуюком, Бури и Аргасуном, о которой сам Бату так написал в письме к хану Угедэю: «Воздвигнув большой шатер, мы собрались пировать, и я, как старший среди находившихся здесь царевичей, первый поднял и выпил провозглашенную чару. За это на меня прогневались Бури с Гуюком и, не желая больше оставаться на пиршестве, стали собираться уезжать, причем Бури выразился так: "Как смеет пить чару раньше всех Бату, который лезет равняться с нами? Следовало бы протурить пяткой да притоптать ступнею этих бородатых баб, которые лезут равняться!" А Гуюк говорил: "Давай-ка мы поколем дров на грудях у этих баб, вооруженных луками! Задать бы им!" Эльчжигидаев сын Аргасун добавил: "Давайте-ка, мы вправим им деревянные хвосты!" Что же касается нас, то мы стали приводить им всякие доводы об общем нашем деле среди чуждых и враждебных народов, но так все и разошлись непримиренные под влиянием подобных речей Бури с Гуюком. Об изложенном докладываю на усмотрение государя и дяди».²¹

Угедэй, по-видимому, неплохо относившийся к Бату после совместного участия в походе против империи Цзинь, вызвал к себе и сурово отчитал провинившихся царевичей. Гуюк вообще был отозван из похода на запад. Есть все основания полагать, что именно после этого досадного инцидента Бату и был назначен действительно верховным военачальником в западном походе — для того, чтобы пресечь возможные дальнейшие попытки неповиновения ему со стороны амбициозных родственников.

IV

Бату не спешил, впрочем, сразу реализовать свои новые полномочия: почти все 1238—1240 гг. он посвятил обустройству своих новых владений на Волге, тогда как завоевательные действия вели его родственники-Чингизиды. Так, летом 1238 г. войска Берке, Мунке, Гуюка и Кадана действовали против кипчаков и народов Северного Кавказа. В 1239 г. Шибан, Бюджек и Бури вторглись в Крым, а Гуюк и Кадан — в мордовские земли и пределы Муромского княжества.²²

Но уже в 1239 г. начался первый этап вторжения в Южную Русь. В марте был осажден и захвачен Переяславль-Южный, а осенью — Чернигов, после чего Мунке двинулся к Киеву, но то ли не смог его взять, то ли не имел на то полномочий. Последнее представляется более вероятным, поскольку в начале осени следующего года войска монголов под общим командованием Бату, верховного главнокомандующего, осадили Киев. Осада «матери городов русских» длилась с 6 сентября по 19 ноября, а возможно и по 6 декабря 1240 г. Город был жестоко разорен, однако не так сильно, как считали позднейшие исследователи: уже 4—5 лет спустя в Киев приезжали торговать иностранные купцы.²³

После захвата Киева войска Бату двинулись в Юго-Западную Русь и в начале 1241 г. захватили Галич, Владимир-Волынский, Каменец, Изяславль и другие города Галицко-Волынской земли. Небольшие, но хорошо укрепленные города Кременец и Данилов оказали упорное сопротивление, и монгольские войска не стали задерживаться, поскольку спешили вторгнуться в Венгрию, пока венгерские войска не заперли перевалы в Карпатах.

Формальным поводом для нападения Бату на Венгрию стало то, что король Бела IV предоставил убежище кипчацкому хану Котяну — злейшему врагу монголов еще со времен битвы на р. Калке (в 1223 г.). Король Венгрии не только позволил кипчакам укрыться в своих владениях, но и не реагировал на многочисленные послания монгольского хана Угедэя, требовавшего их выдачи. Непродуманная политика Бела IV повлекла монгольское вторжение и разорение его страны. Стоит отметить, что в походе на Венгрию приняли участие и выходцы из Южной Руси, которые только что упорно сопротивлялись монголам, но охотно согласились вместе с ними пойти на «угров».

Несмотря на то что Бату обладал статусом верховного главнокомандующего, фактически вся стратегия вторжения в Европу была разработана и реализована Субэдэй-багатуром — выдающимся

монгольским полководцем, соратником Чингис-хана — что признавал и сам Бату, заявлявший: «Все, что захватили в то время — это заслуга Субэтая!»²⁴ Согласно плану Субэдэя, вторжение в Центральную Европу состоялось по трем направлениям.

Южная колонна под командованием Кадана, Бюджека и Бури двинулась на территорию Молдавии и Валахии.

Северная колонна, возглавляемая Орду и Байдаром, ворвалась в Польшу и 9 апреля 1241 г. разгромила у Лигницы цвет польского рыцарства под предводительством Генриха Силезского — самого могущественного из польских князей, который сам погиб в этой битве. Военные действия в Польше не были основными и имели целью лишь не допустить соединения польских и чешских правителей с венгерским королем. Поэтому вскоре после битвы у Лигницы войска Орду и Байдара покинули Польшу и соединились с основными силами монголов.

Центральная колонна монгольских войск под командованием самих Бату и Субэдэй-багатура вторглась непосредственно в Венгрию. 11 апреля 1241 г. на р. Шайо войска Бату встретились с армией короля Белы IV и полностью разгромили ее. Битва у Шайо является весьма знаменательной страницей в биографии Бату, поскольку на этот раз именно он осуществлял командование войсками и имел полное право отнести победу над венграми на свой счет. Правда, согласно китайский династийной истории «Юань ши», Бату просто-напросто пришлось принять на себя руководство сражением с венграми, так как Субэдэй-багатур с частью войск отправился форсировать реку и задержался в поисках переправы. Когда же Субэдэй наконец подошел, Бату обрушил на него упреки в неисполнении обязанностей военачальника и в гибели войск из-за его опоздания. Однако впоследствии все же вынужден был признать, что «все, что захватили в то время, — это заслуга Субэтая!».

Между тем, венгерский король Бела, потеряв всю свою армию, бежал на запад, и монголы преследовали его, попутно захватывая венгерские города и деревни. В результате к концу 1241 г. восточная Венгрия оказалась во власти монголов. Сами венгры называют период господства монголов в Венгрии (кон. 1241 — весна 1242 гг.) «тартарьярас» и считают одним из тяжелейших периодов своей истории.²⁵ Но, кажется, Бату вовсе не собирался уничтожить страну: согласно современнику и очевидцу событий, канонику Рогерию, он приказал заняться восстановлением хозяйства и даже привлечь к сотрудниче-

ству часть венгерских и немецких феодалов, которым удалось убедить население вернуться обратно в города и деревни.

Монархи Европы, между тем, не были готовы к оказанию вооруженного сопротивления столь активно продвигавшимся на запад монголам. Один, король-крестоносец Людовик IX, готовился принять мученический венец в случае вторжения варваров во Францию. Другой, император Фридрих II, по некоторым сведениям даже вел переписку с Бату, намереваясь вступить с ним в союз против папы римского (по другим сведениям, напротив, папа римский Григорий IX намеревался использовать монголов в борьбе против императора). И в таких условиях просто как божья милость была воспринята весть о том, что монголы уходят из Европы: такой приказ Бату отдал весной 1242 г.

Русские историки уверены, что Бату заставила повернуть назад упорная борьба русского народа в тылу его войск,²⁶ их европейские коллеги придерживаются мнения, что превосходно вооруженные и обученные рыцари остановили натиск легкой конницы «варваров».²⁷ Однако средневековые источники ничего не говорят о «партизанской борьбе» русского народа — напротив, русские пополнили ряды войск Бату в походах на Польшу и Венгрию. Об «успехах» же европейского рыцарства свидетельствуют итоги битв у Лигницы и на р. Шайо! Причиной ухода Бату из Европы было решение поставленных задач — уничтожение хана Котьяна и обеспечение безопасности западных границ Монгольской империи. К тому же, получив известие о смерти хана Угедэя, скончавшегося в конце 1241 г., он, согласно обычаю, должен был прервать поход и явиться на курултай для избрания нового монарха. Это стало вполне обоснованным поводом прекращения наступления на Запад.²⁸ Великий поход подошел к концу, как и карьера Бату в качестве военачальника.

Завершая рассказ о «второй жизни» Бату, обратим внимание на весьма примечательный факт: за весь поход он только в битве при Шайо и командовал лично войсками — во всех остальных сражениях и осадах другие Чингизиды или полководцы более ярко проявляли свои полководческие таланты. Так, в Волжской Булгарии это был Бурундай, при осаде Москвы — Шибан, при осаде Козельска — Кадан и Бури; Рязань, Владимир, Киев и другие города осаждали войска сразу нескольких Чингизидов. Следовательно, нет никаких оснований считать Бату выдающимся полководцем, да и сам он, по-видимому, к этому не стремился.²⁹ Гораздо более ярко он проявил себя в «третьей жизни» — жизни политика и правителя, начавшейся с 1243 г.

V

Между смертью хана Угедэя и воцарением его преемника на троне Монгольской империи прошло около пяти лет. Причиной столь затянувшегося «междоусобия» стали многочисленные интриги членов «Золотого рода», стремившихся посадить на опустевший трон наиболее устраивающих их кандидатов, каковых насчитывалось не менее трех-четырёх. Среди претендентов на трон называли имена Гуюка, старшего сына Угедэя, его брата Годана, племянника Ширэмуна (внука Угедэя) и даже Тэмугэ-отчигина, брата Чингис-хана. Пока шла борьба за трон различных группировок, фактическая власть в стране принадлежала Туракине-хатун, вдове Угедэя, которая была вполне довольна сложившейся ситуацией и не очень-то желала проведения курултая и выборов нового хана.³⁰

Немалое значение имело и то, что Бату, глава Золотой Орды, не спешил ехать на курултай: вскоре стало ясно, что наиболее вероятным претендентом на трон Монгольской империи был Гуюк (сын Угедэя), с которым Бату открыто враждовал. Естественно, правитель Улуса Джучи не горел желанием поскорее посадить на трон своего недруга и под разными благовидными предлогами оттягивал свое участие в курултае. А поскольку после смерти в мае 1242 г. Чагатая, последнего из сыновей Чингис-хана, Бату стал «ака» — старейшиной рода Чингизидов, без его участия курултай просто не мог состояться. В результате выборы преемника Угедэя затянулись на пять лет, однако Бату в конце концов пришлось согласиться на проведение курултая. Сам наследник Джучи так и не прибыл в Монголию, но в курултае участвовали несколько его братьев, которые, в соответствии с указаниями Бату, поддержали кандидатуру Гуюка.³¹

За время междоусобия 1242–1246 гг. Бату восстановил порядок в завоеванных странах и существенно укрепил свои позиции. Фактически именно при нем оформились более-менее стабильные границы Золотой Орды, хотя считать его основателем этого государства (как делают многие исследователи) оснований нет: ни при Бату, ни при его ближайших преемниках Улус Джучи не являлся самостоятельным государством, и его правители не обладали ни независимостью, ни ханским титулом (первым ханом Золотой Орды стал лишь в 1269 г. Менгу-Тимур, внук Бату).³²

Тем не менее именно при Бату были заложены основы могущества и будущей независимости Золотой Орды. Он не только объединил под своей властью многочисленные народы и племена Сибири, Урала, Поволжья, Дешт-и-Кипчака и южнорусских степей, но и сумел

создать эффективную систему управления. И хотя формально Бату делил власть со своим старшим братом Орду, возглавлявшим восточное крыло Улуса Джучи (современные Урал, Западная Сибирь, Северный Казахстан), а несколько других братьев и менее близких родичей управляли крупными уделами, верховная власть Бату в Улусе Джучи не оспаривалась на протяжении всего его правления. Кроме того, в 1243–1246 гг. Бату установил монгольский сюзеренитет над соседними государствами — княжествами Северо-Восточной Руси, Грузией, Сельджукским султанатом, княжеством Феодоро в Крыму, возможно — над Влахо-Болгарским царством. Наместники Бату управляли также и некоторыми иранскими областями.

Таким образом, Бату был готов противостоять хану Гуюку. Однако, понимая, насколько катастрофичны для Монгольской империи (а возможно, и для него лично) могут оказаться последствия этого противостояния, наследник Джучи неоднократно старался найти общий язык с новым ханом. Так, в беседах с иностранными послами Бату всячески подчеркивал свое единомыслие с Гуюком (в частности, об этом пишет участник таких бесед Иоанн де Плано Карпини, посланец папы римского).³³ Когда встал вопрос о назначении вассальных правителей на Руси, в Грузии и Сельджукском султанате, Бату не принял решение лично, а отправил претендентов на трон к монгольскому хану. В результате на Руси появились два великих князя (Александр Невский и его брат Андрей), в Грузии — два царя (Давид Нарин и Давид Улу), а в государстве Сельджуков — два султана (Изз ад-Дин Кей-Кавус и Рукн ад-Дин Килич-Арслан). При этом один из каждого дуумвирата был ставленником Бату, другой — Гуюка.

Тем не менее вооруженный конфликт между ханом Гуюком и главой рода Чингизидов Бату представлялся неизбежным, несмотря на попытки Бату и других родичей закончить дело миром. В начале 1248 г. Гуюк, собрав значительные силы, двинулся к границам Улуса Джучи, с сарказмом заявив: «Погода склоняется к теплу, воздух Имиля подходит для моей природы, и тамошняя вода благотворна для моей болезни»,³⁴ тем самым намекая на постоянные отказы Бату приезжать в Монголию под предлогом нездоровья. Формально хан лишь требовал от Бату выразить ему покорность, что тот до сих пор не сделал, поскольку так и не явился на курултай. Но все понимали, что в Монгольской империи началась гражданская война, которая должна была закончиться лишь со смертью одного из соперников. Более расторопным оказался Бату: около Самарканда Гуюк как-то очень своевременно скончался; посланник французского короля Вильгельм

де Рубрук, посетивший Монголию несколько лет спустя, со слов другого французского дипломата прямо обвинил Бату в организации убийства Гуюк-хана.³⁵

VI

Как и в прошлый раз, «междоусобица» в Монголии затянулось на несколько лет. На трон претендовали сразу два сына Гуюка, Наху и Ходжа, и его племянник Ширэмун. Пока царевичи из рода Угедэ спорили за власть, регентство, как и в прошлый раз, перешло к вдове умершего хана — на этот раз к Огул-Гаймиш, старшей супруге Гуюка. Бату поначалу поддержал регентшу, когда начались раздоры между ней и ее собственными сыновьями, претендовавшими на трон.³⁶ Но вскоре правитель Золотой Орды предпринял такие действия, которые сегодня можно было бы назвать государственным переворотом.

По его решению в 1249 г. был созван очередной курултай — причем на этот раз не в Монголии, а во владениях самого Бату. Помимо его братьев, на курултай съехались сыновья Тулуя — Мунке, Арик-Буга и Мого, сын Угедэ Кадан и сын Чагатая Мауци (оба последних просто не могли не явиться, поскольку имели уделы во владениях Бату). Приехали также и внук Чагатая Кара-Хулагу и сыновья Гуюка, Наху и Ходжа, которые сразу же заняли подчеркнуто независимую позицию, демонстрируя свою незаинтересованность в решениях курултая. Уже на следующий день они покинули место сбора, оставив вместо себя некоего Темур-нойона, которому дали указания: «Бату — ака всех царевичей. Что бы он ни приказал, его слово закон. Мы соглашаемся со всем, что он посоветует и что сочтет наилучшим, и не будем возражать против этого». Аналогичным образом действовал и несостоявшийся наследник Угедэ Ширэмун, который даже не соизволил прибыть на курултай, а направил туда своего представителя Конкур-Токай-нойона, дав ему примерно такие же наставления.³⁷ Видимо, Угедэиды и Чагатаиды полагались на завещание Чингис-хана и на уже сложившуюся традицию, согласно которой именно потомство Угедэ должно было наследовать монгольский трон.

Однако Бату сделал заявление, которое произвело эффект разорвавшейся бомбы. Это было фактически обвинительное заключение против Угедэидов, согласно Рашид ад-Дину, состоявшее в следующем: «Дети Угедэ поступили вопреки словам отца и не отдали трон Ширэмуну, и, преступив закон и обычай, убили без суда младшую дочь Чаур-сэчен [любимую дочь Чингис-хана, упоминаемую в монгольских источниках под именем Актылун-хаан. — Р. П.]. По этой причине

ханство им не подобает».³⁸ Убедительны были эти доводы или нет, но Бату прекрасно понимал, что собравшиеся у него Чингизиды и нойоны были полны решимости отстранить Угедэидов от трона Монгольской державы, а потому им было вполне достаточно и таких оснований.

И пока участники курултая переваривали неожиданное заявление главы рода, Бату, не дав им опомниться, предложил в качестве альтернативы потомкам Угедэя своего ставленника — Мунке, сына Тулуя (четвертого сына Чингис-хана). Примечательно, что когда родичи предложили трон самому Бату, он отказался, заявив, что предпочитает управлять своей Золотой Ордой. Уверовав после смерти Гуюка в свое могущество, Бату даже попытался провести в собственных владениях курултай для выборов хана, но неожиданное упорство Чингизидов все же заставило его согласиться на проведение выборов в традиционном месте — в Монголии, на берегу р. Онон.³⁹

В Монголию Бату, однако, как и в прошлый раз, не поехал. Вместо этого он отправил в Монголию своего брата Берке с 30 000 воинов, которые и обеспечили «победу» Мунке в 1251 г.⁴⁰ Вскоре после воцарения Мунке сторонники семейства Гуюка составили заговор с целью убийства нового хана, но их заговор был раскрыт, а многие заговорщики были казнены. Некоторые из врагов Мунке и Бату — Бури, внук Чагатая, и Эльджигитай, племянник Чингис-хана, — были отправлены к Бату, который не смог отказать себе в удовольствии лично расправиться с давними противниками.⁴¹

После воцарения Мунке статус Бату повысился еще больше: он стал формальным соправителем нового хана в западных уделах Монгольской империи, получив право издания ярлыков, что являлось прерогативой исключительно ханов. Любопытно, что Бату ханского титула так и не получил: персидский историк Джувейни называет его «каан-ака» (т. е. «старший над ханами»), а армянский летописец Киракос Гандзакечи — «ханским отцом», вероятно переводя так титул упомянутый Джувейни.⁴²

Казалось бы, в Монгольской империи наконец-то наступили мир и согласие. Мунке заявлял посланцу Людовика IX Вильгельму де Рубруку: «Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Бату». Но вскоре выяснилось, что Мунке оказался далеко не таким покладистым правителем, как рассчитывал Бату. Хан начал всячески укреплять центральную власть и ограничивать права улусных владетелей, самым влиятельным из которых был как раз Бату. Дошло даже до того, что хан урезал доходы

Бату от его восточных владений (в Китае и Центральной Азии), заявив, что следует экономнее расходовать средства государственной казны!⁴³ И самое обидное, приходилось подчиняться: что сказали бы другие Чингизиды, откажись Бату повиноваться хану, которого сам же и возвел на трон?

Бату пришлось пойти на ряд уступок хану: вынужден был разрешить провести в Золотой Орде перепись населения,⁴⁴ направил часть своих войск на помощь Хулагу, брату хана, готовившемуся выступить в поход на Иран.⁴⁵ Но и Мунке, в свою очередь, пошел на компромисс со своим соправителем: признал за Бату право контролировать политику Волжской Булгарии, Руси, Северного Кавказа. Но земли Закавказья, Ирана и Малой Азии до самой смерти Бату оставались яблоком раздора между Сараем и Каракорумом.⁴⁶ А после смерти Бату и Мунке правители Золотой Орды и Ирана начали из-за этих территорий открытую войну, продолжавшуюся более ста лет. Тем не менее, сам Бату политикой взаимных уступок сумел сохранить единство Монгольской империи, по крайней мере, еще на полтора десятилетия.

VII

Многие отечественные исследователи, опираясь преимущественно на сообщения русских летописцев, склонны считать, что основу политики Бату составляли отношения с русскими князьями, причем представляют наследника Джучи «врагом Руси № 1». Вряд ли подобное мнение обоснованно: русские княжества представляли для Бату не такой уж большой интерес по сравнению с владениями в Иране, Передней Азии и на Кавказе, не говоря уж об интригах при ханском дворе в Каракоруме. Тем не менее, следует сказать несколько слов о взаимоотношениях Улуса Джучи и русских княжеств.

В 1243 г. великий князь Ярослав, брат Юрия Всеволодовича, убитого на Сити в 1238 г., прибыл к Бату и был признан «старей всем князем в русском языке».⁴⁷ Согласно новейшим исследованиям российских историков, именно с этого времени термин «великий князь» на Руси превращается из почетного прозвища в реальный титул.⁴⁸ Примечательно, что после 1249 г. этот титул оставался исключительно за потомками Ярослава. В 1244–1252 гг. вассалами Бату стали также князья Ростовской земли и Рязанского княжества. Тем не менее, первые великие князья — сам Ярослав, его сыновья Андрей и Александр Невский — вынуждены были ездить в Каракорум для официального подтверждения своего титула ханом. Лишь с воцарением Мунке Бату приобрел право самостоятельно утверждать русских правителей.

Несколько иная ситуация складывалась в Южной Руси. Некоторые территории Переяславского, Черниговского, Киевского и Галицко-Волынского княжеств, пригодные для кочевников, непосредственно вошли в состав Золотой Орды, и здесь утвердились монгольские наместники.⁴⁹ Местные князья для сохранения остальных своих владений также вынуждены были подтверждать свой статус у ее правителя. Не все из них в этом преуспели: так, в 1245 или 1246 г. в ставке Бату были умерщвлены черниговские князья Михаил Всеволодович и Андрей Мстиславич.⁵⁰ Зато другой влиятельный князь Южной Руси, Даниил Галицкий, примерно в то же время побывавший у Бату, сумел расположить его к себе. Это повысило авторитет Даниила среди восточноевропейских государей. Однако вскоре, к концу правления Бату, Даниил сблизился с Польшей, Венгрией и папой римским и начал военное противостояние с Ордой.⁵¹ Только решительные действия Берке в 1258–1260 гг. позволили монголам сохранить свои владения в южнорусских степях.

В 1252 г. великий князь Андрей Ярославич также выступил против монголов. Некоторые авторы склонны трактовать его действия как проявление «западничества»,⁵² однако, на наш взгляд, факты позволяют сделать несколько иной вывод. Во-первых, самый главный «западник» на Руси — Даниил Галицкий не поддержал Андрея, хотя и был его тестем. Во-вторых, выступление великого князя произошло примерно в то же время, что и заговор потомков Угедэя против Мунке. А если вспомнить, что Андрей получил великокняжеский титул из рук либо Гуюка, либо его вдовы Огул-Гаймиш, то вполне очевидным представляется, что великий князь действовал отнюдь не в интересах Запада, а наоборот — в союзе с потомками Угедэя. Именно это, вероятно, и заставило Бату жестоко подавить выступление Андрея Ярославича: карательный рейд монголов, получивший в русских летописях название «Неврюевой рати», причинил Северо-Восточной Руси еще большие опустошения, чем «Батыев погром» 15 лет назад! Андрей Ярославич потерпел поражение и бежал, а великим князем стал союзник Бату Александр Невский.

«Неврюева рать» является, пожалуй, единственным примером активного вмешательства Бату в дела Руси. Чаще же он принимал русских князей в своей ставке или отправлял собственных посланцев на Русь. Тем не менее, именно Бату стал олицетворением злых степных сил, приносящих Руси беды и разорения, хотя при его преемниках походы ордынцев на Русь были куда более разорительны и часты, чем при самом Бату...

VIII

Гораздо больше внимания Бату уделял внутренней политике, а также своим владениям в Дешт-и Кипчаке, Крыму и вассальным государствам в Закавказье и Малой Азии.

Так, именно при Бату фактически начала складываться система права Улуса Джучи, существенно отличавшаяся от правовой системы Монгольской державы. Как формальный соправитель хана Мунке, Бату имел право выдавать ярлыки (прерогатива, принадлежавшая только верховным правителям — ханам). Согласно Джувейни, «султанам Рума, Сирии и других стран он жаловал льготные грамоты и ярлыки, и всякий, кто являлся к нему, не возвращался без достижения своей цели». ⁵³ Помимо ярлыков — жалованных грамот Бату также издавал ярлыки, представлявшие собой решения по судебным делам: армянский историк Киракос Гандзакецци пишет, что «начали являться к нему цари и царевичи, князья и купцы — все огорченные тем, что были лишены вотчин своих. И Батый судил по справедливости и возвращал каждому, кто просил, его области и владения, и снабжал специальными грамотами, и никто не смел противиться приказам его». ⁵⁴

Вероятно, во многом благодаря Бату наибольший вес в системе права Золотой Орды приобрели именно ханские ярлыки, а не кодифицированное законодательство, как, например, в империи Юань. С помощью ярлыков Бату и его преемникам удавалось оперативно и эффективно ликвидировать «пробелы» в Ясе Чингис-хана, которую запрещалось изменять и дополнять. Впоследствии эту практику настолько активно продолжили преемники Бату, что вскоре ханские ярлыки стали основным источником права Улуса Джучи, оттеснив на второй план и торе — обычное право, и ясу — право монгольских хаганов. При этом и на торе, и на ясу Джучиды с пиететом ссылались в своих ярлыках и своих решениях в течение еще нескольких столетий! ⁵⁵

В последние годы жизни Бату неоднократно заставлял своих золотоордынских родичей и нойонов перекачевывать с одного места на другое. Он это делал, чтобы не позволять им закрепляться в полученных ими владениях и обзаводиться союзниками из числа местной знати. Стремясь не допустить появления автономных наследственных уделов, Бату периодически «перетасовывал» владения своих родственников, переводя царевичей под разными предлогами из одних уделов в другие. Пример подобной политики наследника Джучи приводит Вильгельм де Рубрук, посланник французского короля, побывавший

в Золотой Орде в 1252–1253 гг.: «У Бату есть еще брат по имени Берка, пастбища которого находятся в направлении к Железным воротам, где лежит путь всех сарацинов, едущих из Персии и из Турции; они, направляясь к Бату и проезжая через владения Берки, привозят ему дары... Тогда, по нашем возвращении, Бату приказал ему, чтобы он передвинулся с этого места за Этилию, к востоку, не желая, чтобы послы сарацин проезжали через его владения, так как это казалось Бату убыточным».⁵⁶

Доставляли Бату проблемы и некоторые регионы Золотой Орды, обладавшие особым, специфическим статусом. Так, например, сохранилась приписка на греческом синаксаре крымского города Сурожа (Судака): «В тот же день (27 апреля 1249 г.) очищено от татар все... и счел севаст (правитель) народ... и праздновал торжественно». С этого времени Бату был вынужден ограничить зависимость Сурожа от Улуса Джучи лишь уплатой дани.⁵⁷ Восстановление власти Золотой Орды над этим регионом состоялось уже при Берке.

Согласно степным и сибирским татарским преданиям, в начале 1250-х гг. в результате восстания была сброшена власть ордынских правителей и в Западной Сибири, причем при этом погиб старший брат Бату — Орду, управлявший этими землями.⁵⁸ И хотя восстание вскоре удалось подавить, это не могло вернуть наследнику Джучи брата, которого он очень уважал и который его всегда поддерживал.

Вмешивали Бату в свои распри также и правители вассальных государств — грузинские цари Давид Улу (сын Георгия IV Лаши, ставленник Гуюка) и Давид Нарин (сын царицы Руссудан, протеже самого Бату) постоянно спорили за власть. Стремление Бату примирить соперников не привело, однако, к миру, и оба царя постепенно стали все больше подпадать под влияние иранских монгольских наместников, а затем — ильханов Ирана.

Бату приходилось также держать под контролем государство Сельджуков, которое уже давно старался подчинить себе Байджу — наместник монгольского хана в Иране, давний недоброжелатель Бату. После воцарения Мунке в Руме воцарился Изз ад-Дин Кей-Кавус II, признавший сюзеренитет Бату. Но вскоре Байджу стал пытаться противопоставить новому султану его младшего брата Рукн ад-Дина Килич-Арслана IV. Чтобы разрешить спор по поводу трона, братья-соперники отправились на суд к Бату. С ними вместе выехал и еще один соискатель трона, их младший брат Алла ад-Дин Кей-Кубад III, но по дороге старшие братья нашли общий язык на почве ненависти к младшему и убили его. Бату пришлось принять компромиссное

решение: Кей-Кавус II остался правителем западных земель султаната, Килич-Арслан IV — восточных. Как и в случае с грузинскими царями, таким решением остались недовольны все. Конфликт между братьями приобрел вооруженный характер, и вскоре Кей-Кавус напал на брата, захватил его в плен и бросил в тюрьму, о чем направил послов к правителю Золотой Орды. Бату, довольный победой своего протеже, принял его посланников очень ласково и постарался еще больше ограничить контроль Байджу над Сельджуками.⁵⁹

Однако гораздо больше, чем все смуты и раздоры внутри Золотой Орды и в вассальных государствах, Бату беспокоило охлаждение отношений с монгольским ханом. Чтобы попытаться восстановить доверие и дружбу с Мунке, Бату в 1255 г. отправил в Каракорум своего старшего сына Сартака. Сын Бату прибыл в Каракорум и, в самом деле, сумел расположить к себе хана, но это уже не имело никакого значения, ибо очень скоро в столицу пришло известие о смерти правителя Улуса Джучи.

IX

Бату умер в 1256 г.⁶⁰ Наиболее вероятно, что причиной его смерти стало какое-то ревматическое заболевание, которым он страдал много лет: средневековые авторы сообщают, что у него были «слабость членов», онемение конечностей, а лицо его было покрыто красноватыми пятнами и пр. Однако некоторые современные авторы, опираясь на чисто фольклорную «Повесть об убиении Батыея», составленную в XV в., делают вывод о его гибели во время очередного похода! Собственно, подобные сообщения относятся уже к «четвертой жизни» Батыея — к жизни в истории и легендах.

В исторических сочинениях сведения о Бату довольно скудны, что довольно странно, учитывая его роль и значение в делах Монгольской империи и многих других государств того времени. Собственно золотоордынских исторических трудов не сохранилось, а историки из других государств Чингизидов не считали нужным уделять много внимания правителям Улуса Джучи, с которыми их государства (империя Юань в Китае, Чагатаев Улус в Средней Азии, государство ильханов в Иране) чаще всего враждовали. Не больше сведений о преемнике Джучи содержится в русских летописях и трудах историков из восточных государств, имевших контакты с Золотой Ордой. Как ни парадоксально, наиболее подробные сведения о Бату представлены в сочинениях европейских авторов Иоанна де Плано Карпини, Бе-

недикта Поляка и Вильгельма де Рубрука, лично общавшихся с наследником Джучи.

Именно поэтому Бату в большей степени сохранился в народной памяти (особенно на Руси) в образе былинного персонажа. Естественно, его образ в русских былинах весьма далек от исторического прототипа: былинный Батый («Батыга») — это квинтэссенция сил зла, стремящихся разорить и поработить русский народ, он обладает «огненным дыханием», поклоняется «Магомету» (хотя по сообщениям восточных авторов Бату весьма скептически относился к любой религии) и является самым главным врагом Руси. Даже Мамай в т. н. «повестях Куликовского цикла», готовясь к походу на Русь, сравнивается именно с Батыем.⁶¹

Большой вклад в пропаганду такого образа Бату внесли русские дореволюционные и советские историки, опиравшиеся преимущественно на сообщения русских летописей и фольклорные или житийные сочинения вроде «Повести о разорении Рязани Батыем», «Повести об убиении Батыя» и пр. Поэтому до недавнего времени исследователи практически не занимались его личностью и деятельностью, предпочитая составлять и «клонировать» жизнеописания национальных героев — Александра Невского, Даниила Галицкого и др., а о «враге № 1» просто умалчивать.

Лишь к концу XX в. историкам было позволено иметь мнение о том, что Бату, может быть, был не совсем таким чудовищем, каким его представили летописцы. И исследователи, обратившиеся к историческим трудам восточных средневековых авторов, с большим удивлением обнаружили, что Бату был вовсе не кровожадным монстром, а великодушным и щедрым правителем, опытным дипломатом, весьма терпимым в национальном и религиозном отношении политиком. А Л. Н. Гумилев даже позволил себе поставить Батыя на один уровень с Карлом Великим, отметив при этом, что держава Карла распалась вскоре после его смерти, а Золотая Орда на долгие годы пережила своего основателя.⁶² В последнее время начали появляться исследования, посвященные жизни и деяниям Бату, в которых он предстает не как главный враг Руси, но и не как идеальный правитель, а как реальный политический деятель со своими достоинствами и недостатками, но в любом случае вписавший значительную страницу в историю средневековой Евразии.

Как уже отмечалось выше, Бату до самой смерти оставался правителем Золотой Орды, не нося ханского титула. Тем не менее, в ряде средневековых источников — восточных исторических сочинений,

русских летописей, западных хроник он упоминается с титулом «Саин-хан». Английский исследователь Дж. Э. Бойл склонен полагать, что этот термин означал лишь «покойный», т. е. был посмертным титулом Бату, равно как и ряда других правителей.⁶³ Действительно, эпитет «саин» периодически встречается в восточных средневековых сочинениях, когда речь идет об умерших монархах. Но «Саин-хан» был только один: под этим титулом Бату фигурировал даже в ярлыках ханов поздней Золотой Орды.⁶⁴ Даже сам Улус Джучи восточные историки еще века спустя будут называть «Саин-хановым юртом».⁶⁵

ОЧЕРК ВТОРОЙ
БЕРКЕ, ИЛИ МЛАДШИЙ БРАТ
(ПРАВИТЕЛЬ, 1257—1266)

Много умеет, кто много на себя рассчитывает.

Вильгельм Гумбольдт

Берке, младшего брата великого Бату, историки неизбежно должны были сравнивать со старшим братом. Вполне возможно, что именно дух соперничества, желание войти в историю не только в качестве родственника выдающегося правителя, но и как самостоятельного деятеля, подталкивало его к активной деятельности, и это, в конечном счете, привело к тому, что он стал одним из выдающихся правителей Золотой Орды.

I

В 1220 г. при взятии монголами крепости Илал в Мазандеране в плен к Чингис-хану попали Теркен-хатун, мать хорезм-шаха Алла ад-Дина Мухаммада, и ее внучка Хан-Султан, старшая дочь хорезм-шаха. Чингис-хан отдал ее в жены своему старшему сыну Джучи, которому предстояло стать правителем значительной части бывших владений хорезм-шаха. Несколько лет спустя у Джучи и Хан-Султан уже было три сына — Берке, Беркечар и Бури. По-видимому, Берке, старший из них, родился около 1221 г.⁶⁶ Уже с раннего детства Берке и его братья воспитывались в мусульманских традициях. И это легко объясняет, почему он покровительствовал исламу в те годы, когда возглавлял Золотую Орду.

Впрочем, до этого было еще далеко, а поначалу у Берке было не так уж много шансов рассчитывать на джучидский трон: у его отца было несколько старших сыновей, у которых, в свою очередь, появились дети. Лучшее, на что мог рассчитывать Берке, это обладание собственным улусом. Принимая во внимание его происхождение по материнской линии, Джучи, по-видимому, намеревался выделить сыну

область в мусульманских землях и отправил юного царевича учиться в Ходжент.⁶⁷

В 1227 г. Берке узнал о смерти своего отца, а затем и деда — Чингис-хана. И вскоре царевичу пришлось прервать учебу: вместе со своими братьями Орду, Бату, Шибаном, Беркечаром и Туга-Тимуром Берке отправился в Монголию, на курултай 1228–1229 гг., на котором был избран преемник Чингис-хана.⁶⁸

Как известно, наследником Чингис-хана стал его третий сын Угедэй. Он подтвердил назначения, сделанные отцом, и вскоре выступил в поход на Китай. Берке, которому в это время было около семи-восьми лет, эти события, вероятно, не касались. Можно предполагать, что по возвращении из Монголии он отправился в Сыгнак продолжать обучение и оставался там до 1238 г., когда его вызвал к себе старший брат, Бату.⁶⁹

II

Бату, в 1235/1236 г. возглавивший великий западный поход Чингизидов, был вынужден смириться с приказом хана Угедэя, согласно которому в этом походе участвовало также множество его двоюродных братьев — сыновья Угедэя (Гуюк и Кадан), Тулуя (Мунке и Бюджек), сын Чагатая (Байдар) и его внука (Бури), а также Кулькан — младший сын самого Чингис-хана. Бату понимал, что потомки других сыновей Чингис-хана за свое участие в походе получают право требовать значительную часть добычи и вновь завоеванных территорий. Чтобы увеличить долю дома Джучи, Бату привлек к участию в походе своих братьев, достигших к тому времени совершеннолетия — Орду, Шибана и Тангута.

К 1238 г. Бату счел возможным вызвать для участия в походе и Берке, которому в это время исполнилось около семнадцати лет. Прибыв к старшему брату, Берке получил отряд (возможно, тумен) воинов, во главе которого в 1238–1239 гг. совершил несколько рейдов. Сначала он успешно расправился с кипчаками Нижнего Поволжья, разгромив и пленив их предводителей. Затем, по-видимому, именно Берке, преследуя недобитых кипчаков, разорил старинный южный русский город Переяславль, предоставивший убежище этим заклятым врагам монголов. Город был захвачен, разграблен и сожжен, жители перебиты или уведены в рабство. Среди погибших оказался даже Симеон, последний епископ Переяславля, хотя обычно монголы щадили духовенство (не исключено, что Берке допустил это

убийство в силу своих мусульманских пристрастий или пристрастий своего окружения).

Не секрет, что большинство царевичей-Чингизидов, принявших участие в походе на Запад, лишь номинально возглавляли свои войска, фактически же ими командовали опытные полководцы-темники. Есть основания полагать, что Берке командовал войсками сам и успешно проявил себя на военном поприще. Впоследствии он, один из немногих правителей Золотой Орды, не раз будет еще возглавлять войска, которые под его командованием одержат ряд побед. Но это будет гораздо позже, десятилетия спустя — во время войны с персидскими ильханами. А в 1240 г. Бату, двинувшийся на Юго-Западную Русь и Венгрию, оставил Берке в арьергарде своих войск, действовавших против кипчаков, чтобы сохранить завоевания, пока основные силы монголов сражались в Центральной Европе.⁷⁰

К 1243 г. великий поход был окончательно завершен. Однако способности, проявленные Берке, заставили Бату отнестись к нему с большим вниманием и позволили привлечь младшего брата и к политической деятельности.

III

В 1246 г. Берке вместе с другими своими братьями отправился в Монголию, на курултай, на котором предстояло избрать преемника хану Угедэю, умершему еще в конце 1241 г. Были весьма велики шансы на избрание Гуюка — старшего сына Угедэя и главного недоброжелателя Бату. Поэтому вполне объяснимо было желание самого Бату не присутствовать на триумфе своего недруга. Впрочем, своим братьям Бату дал наказ поддержать того кандидата, которого выберет большинство участников курултая. Как и ожидалось, новым ханом был избран Гуюк. На этот раз Берке пришлось ограничиться ролью рядового участника курултая и не удалось проявить своих качеств как политика.

Зато это в полной мере удалось Берке в 1251 г. на следующем курултае, который он сам, собственно говоря, организовал и провел. После смерти Гуюка, скончавшегося при невыясненных обстоятельствах в 1248 г., Бату решил выдвинуть в ханы своего сторонника — Мунке, старшего сына Тулуя. В 1250 г. Берке прибыл в Монголию во главе представительной делегации, в которую вошли Сартак (старший сын Бату) и... тридцать тысяч воинов Золотой Орды!

Поскольку у Чингизидов и представителей знати практически не было сомнений, что будет избран Мунке, многие его противники

просто-напросто отказывались участвовать в фарсе, в который обещали превратиться ханские выборы. Берке, отличавшийся решительностью, на этот раз запаниковал: все-таки, он был в далекой Монголии, среди почти незнакомых ему родичей и аристократов, и поддержки ему было ждать практически не от кого. В отчаянии он не придумал ничего лучше, чем написать письмо Бату: «Прошло два года, как мы хотим посадить на престол Менгу-каана, а потомки Угедей-каана и Гуюк-хана, а также Йису-Менгу, сын Чагатая, не прибыли». Бату ответил коротко и ясно: «Ты его посади на трон, всякий, кто отвернется от ясы, лишится головы», фактически объявив всех, кто не явится на курултай, нарушителями ясы.

И Берке с блеском провел курултай, который был в большей степени инсценировкой, да еще и без почти половины его обязательных участников! Несмотря на то что явились преимущественно те царевичи и нойоны, которые считались сторонниками избрания Мунке, Берке решил принять беспрецедентные меры безопасности, чтобы быть уверенным в результате выборов. Он окружил место проведения курултая тысячами своих воинов. Он нарушил установленный порядок рассадки участников, посадив на почетные места своих надежных нукеров, а тех царевичей и аристократов, в позиции которых сомневался, заставил сесть подальше, чтобы они не могли бы выразить свое несогласие достаточно громко. Естественно, избрание Мунке прошло как по маслу.⁷¹

И, тем не менее, одно незапланированное действие во время избрания состоялось, и его инициатором оказался сам Берке: по сведениям некоторых источников, не согласовав свое намерение ни с Бату, ни с Мунке, он заставил новоизбранного хана поклясться на Коране, что тот будет оказывать покровительство мусульманам Монгольской империи. Мунке (отчасти благодарный Берке за содействие, отчасти опасавшийся джучидских туменов, все еще находившихся в Монголии) был вынужден подчиниться, но затаил неприязнь к исламу и к Берке лично, что впоследствии нашло отражение в политике нового хана.⁷²

С триумфом вернувшись в Золотую Орду, Берке начал стремительно выдвигаться среди царевичей и знати, фактически став вторым лицом в улусе после самого Бату. Возможно, впрочем, что это было связано не только с его политическими успехами в Монголии, но и с тем, что к 1251–1252 гг. скончались старшие братья, Орду и Шибан, и статус Берке значительно возрос не только в золотоордынской политике, но и в семейной иерархии Джучидов. Вместе с ханом Мунке и Бату он, в частности, принял участие в репрессиях

против потомков Чагатая и Угедэя, устроивших в 1252 г. заговор с целью свержения и убийства новоизбранного хана.⁷³ Бату, по некоторым сведениям, рассматривал Берке даже как своего соправителя.⁷⁴ Высокое положение царевича, похоже, вскоре вскружило ему голову, и он время от времени стал позволять себе выходки, которые не всегда находили понимание и одобрение у Бату. Так, владея собственным уделом на Северном Кавказе, Берке зашел настолько далеко, что стал самостоятельно обмениваться посольствами с мусульманскими государствами, принимая их послов и оставляя себе те почести и дары, которые формально предназначались его старшему брату. Естественно, властитель Золотой Орды поспешил осадить зарвавшегося братца: он отобрал у Берке удел на Кавказе и велел ему перекочевать за Волгу.⁷⁵

Однако эти меры не означали, что Берке был отстранен от государственных дел и утратил влияние в Золотой Орде вообще и на Бату в частности — совсем напротив. В 1253 г. братья вдруг узнали, что их ставленник Мунке без согласования с ними отправляет своего младшего брата Хулагу в поход на Иран, планируя закрепить за ним все иранские владения — включая и те, что прежде числились в сфере влияния Бату! К тому же, предписав Хулагу покончить с властью багдадского халифа — доброго друга Берке по переписке! Да еще и приказав правителю Золотой Орды выделить для участия в этом походе одну пятую часть всех своих войск! Возмущенный Берке явился к старшему брату и заявил: «Мы возвели Менгукана, и чем он воздаст нам за это? Тем, что оплачивает нам злом против наших друзей, нарушает наши договоры, презирает нашего клиента и домогается владений халифа, моего союзника, между которым и мною происходит переписка и существуют узы дружбы. В этом есть нечто гнусное».^{75a} Своими словами он настолько распалил гнев старшего брата, что Бату повел себя решительнее, чем ожидал от него Мунке: формально подчинившись приказу хана и начав собирать войска для иранского похода, он дал понять Хулагу, что вторжение в Иран очень огорчит его, Бату. В результате брат монгольского хана с войсками застрял на восточном берегу Амударьи, не решаясь провоцировать гнев ордынского правителя, и провел там более двух лет — до самой смерти Бату на рубеже 1255–1256 гг.⁷⁶

IV

Смерть наследника Джучи существенно изменила расстановку сил в Монгольской империи. И формально, и фактически всю полноту власти наконец-то получил Мунке-хан, соправителем которого Бату

являлся в последние годы. Политические интриги начались и в самой Золотой Орде, где в борьбу за трон вступили два самых влиятельных после Бату царевича-Джучида — его брат, мусульманин Берке, и сын, христианин Сартак: оба активно участвовали в политической деятельности в последние годы правления Бату и поэтому не без оснований считали себя его наследниками.

Незадолго до своей смерти Бату отправил Сартака ко двору Мунке, чтобы тот попытался снизить напряжение между ним и ханом. Берке был немало обрадован удалением соперника из Золотой Орды. Но когда Бату скончался, Мунке тут же утвердил его преемником Сартака, с которым, видимо, нашел общий язык за время его пребывания в Каракоруме.⁷⁷

Едва ли не первым волеизъявлением нового правителя Золотой Орды стал приказ ордынским войскам немедленно присоединиться к основным силам Хулагу: христианин Сартак не испытывал ни малейших сомнений по поводу необходимости борьбы с Багдадским халифатом. В результате у Хулагу не осталось никаких препятствий для начала похода, и он немедленно вторгся в Иран. Сартак, облаканный Мунке, двинулся в свои владения.⁷⁸

Берке, между тем, не собирался без борьбы уступать власть племяннику и поэтому развил бурную деятельность. Он установил прочные контакты с мусульманским купечеством и духовенством и через них сумел привлечь на свою сторону в борьбе с правителем-христианином практически всех мусульман Золотой Орды. В результате он получил немалые средства от ордынских торговцев, что помогло ему обеспечить и поддержку многих представителей знати и военачальников. Берке удалось склонить на свою сторону также золотоордынских Чингизидов и племенных вождей. Кого-то он привлек с помощью денег, кого-то — апеллируя к гордости и законопослушанию: мол, Мунке не имел права назначать правителя улуса, не посоветовавшись с ними; Сартаку, в свою очередь, не следовало соглашаться на это назначение, не предложив пост правителя сначала своим дядьям, как это предписывалось старинными монгольскими обычаями. В результате к возвращению Сартака в Золотую Орду практически вся правящая верхушка улуса была настроена против него.

Впрочем, Берке до последнего не желал прибегать к крайним мерам и надеялся договориться с племянником. Он направил к нему посланца, которому велел передать такие слова: «Я заступаю тебе место отца; зачем же ты проходишь точно чужой и ко мне не заходишь?»

Но Сартак, еще молодой,⁷⁹ а к тому же воодушевленный поддержкой хана Мунке и ослепленный ненавистью к дяде-иноверцу, пресек все попытки переговоров. Он прислал Берке дерзкий ответ: «Ты мусульманин, я же держусь веры христианской; видеть лицо мусульманское для меня несчастье». Берке ничего не оставалось как решиться на крайнее средство: он дал указания своему родному брату Беркечару, через владения которого должен был проезжать Сартак, и Беркечар, принимая у себя племянника, отравил его прямо на пиру. Несмотря на то что вина Берке и Беркечара была очевидна, вся Золотая Орда настолько была настроена против Сартака, что никто не осудил его дядьев.⁸⁰

Однако устранение главного соперника все же не позволило Берке занять желанный трон Золотой Орды. Мунке, не забывший своей неприязни к нему, узнал о смерти Сартака и тут же назначил правителем его сына, юного Улагчи, регентшей при котором стала его бабушка Боракчин, вдова Бату и мать Сартака. Улагчи находился у власти около года и даже успел за время своего правления произвести очередной передел владений в землях Руси: подтвердил права одних русских князей и утвердил новых, только что занявших столы.⁸¹ Впрочем, годом позже, в 1257 (или начале 1258) г., он неожиданно умер. На этот раз прямых оснований для обвинения Берке в убийстве правителя не имелось, однако именно ему эта смерть была наиболее выгодна.

Теперь, казалось, между Берке и троном не стояли соперники, но у него по-прежнему оставались препятствия для вступления на этот самый трон. Боракчин-хатун, успевшая почувствовать вкус власти, не собиралась уступать ее своему шурину и попыталась сделать правителем Золотой Орды своего второго сына Тукана. Но она допустила роковую ошибку, решив опереться не на местную знать (которая, впрочем, в большинстве своем поддерживала Берке) и даже не на хана Мунке, а на его брата Хулагу — властителя Ирана. В отчаянной попытке сохранить хотя бы часть своей прежней власти, правительница предложила иранскому правителю фактически стать регентом Золотой Орды!

О переписке Боракчин с Хулагу стало известно Берке, и, естественно, он не преминул обвинить правительницу в измене. И она в значительной степени подтвердила его обвинения: поняв, что ее замысел раскрыт, она пыталась бежать и добраться до Ирана, под защиту Хулагу. Тут даже наиболее преданные семейству Бату нойоны

убедились в ее измене. И когда Боракчин была перехвачена по пути, ни у кого не было сомнений в том, что она заслужила смерть.⁸²

После ее казни у Берке не оставалось уже никаких влиятельных соперников, несмотря на то что живы были другие сыновья Сартака.⁸³ Однако брат Бату вполне отдавал себе отчет, что Мунке никогда не утвердит его правителем Золотой Орды. Когда же Берке узнал, что хан лично отправился в поход против империи Сун в Южном Китае, он решился на крайне рискованный шаг: самовольно провозгласил себя правителем Золотой Орды, фактически узурпировав власть.⁸⁴

В самой Орде Берке, как уже отмечалось, пользовался безусловной поддержкой большинства знати и значительной части населения — всех мусульман. Соседние страны не посмели вмешиваться во внутренние дела могущественного улуса Джучидов. Таким образом, единственная опасность для власти нового правителя могла исходить только от монгольского хана Мунке: известный своей приверженностью к законам, он мог сурово расправиться с узурпатором, бросившим вызов его власти!

Но пока Мунке находился в Китае, целиком поглощенный проблемами войны с империей Сун, Берке не слишком беспокоился. В конце концов, все правители смертны, и на войне могло случиться что угодно...

V

Берке не зря верил в провидение: действительно, осенью 1259 г. Мунке-хан умер в Южном Китае во время осады города Хэ-чжоу: по одним сведениям, от дизинтерии, по другим — от ранения в голову камнем из крепостного каменета.⁸⁵ Дальнейшие события в Монгольской империи развивались таким образом, что власть Берке в Золотой Орде укрепилась, а его влияние на имперском уровне существенно возросло.

У Мунке остались два младших брата — Хубилай и Арик-Буга, который был оставлен наместником в Монголии и счел это основанием, чтобы провозгласить себя преемником Мунке. В 1260 г. Арик-Буга собрал в Каракоруме курултай, на котором был объявлен новым монгольским ханом. Это не понравилось его брату Хубилаю, который в момент смерти Мунке участвовал в кампании против Южной Сун вместе с ханом, был талантливым администратором и полководцем и являлся, к тому же, наместником монгольских владений в Китае. Естественно, Хубилай посчитал достойным ханского трона исключительно себя, и поэтому одновременно с Арик-Бугой провел в Китае

курултай, на котором также был провозглашен властителем Монгольской империи.

Соперники начали войну, причем сразу же постарались заручиться поддержкой своих родичей — улусных правителей. На стороне Арик-Буги выступили Алгуй, правитель Улуса Чагатая, и Хайду, претендовавший на власть в Улусе Угедэя. Однако Берке и Хулагу, самые могущественные из Чингизидов, предпочли сохранять нейтралитет. Впрочем, Берке, оценив соотношение сил соперников, предпочел поддержать слабейшего из них — Арик-Бугу, которого в течение нескольких лет признавал законным преемником Мунке.⁸⁶ Несомненно, чем дольше длилась смута в Монгольской империи, тем дольше он мог не беспокоиться о сохранении собственной власти в Золотой Орде!

Между тем, Арик-Буга, поначалу добившийся в борьбе с братом некоторых успехов, очень скоро показал свою несостоятельность и как правитель, и как полководец; его союзники предали его, и в 1264 г. он сам был вынужден сдаться Хубилаю и отказаться от претензий на трон. Потерпевший поражение претендент рассматривался победителем как мятежник и в качестве такового должен был быть предан смерти. Однако Хулагу и Берке, которые не принимали участия в гражданской войне и уже успели начать войну между собой, на этот раз выступили сообща и не позволили Хубилаю казнить своего брата. Победитель ограничился тем, что расправился с сановниками Арик-Буги, а его самого отправил в ссылку, где тот как-то очень быстро скончался спустя два года, в 1266 г.

Хубилай высоко оценил нейтралитет влиятельных улусных правителей и поэтому не предпринял никаких попыток сместить Берке как узурпатора власти. Впрочем, занятый гражданской войной, а затем и внешними завоеваниями, новый хан, вероятно, просто-напросто не имел возможности сделать это, даже если бы и захотел. В результате Хубилай был вынужден «спустить» Берке расправу с ханскими сборщиками дани на Руси (во время антимонгольского восстания в 1262 г.), которая произошла если и не по прямому приказу ордынского правителя, то, по крайней мере, с его молчаливого согласия.⁸⁷

Хубилай «отыгрался» годом позже. В отместку за то, что Берке в 1263 г. развязал войну с Хулагу, монгольский хан приказал перебить ордынских подданных в Самарканде и Бухаре, где Джучиды имели владения со времен Чингис-хана. Сами владения, естественно, были конфискованы в пользу хана, равно как и джучидские владения в Китае. Впрочем, вряд ли Берке сильно переживал по поводу этих

потерь: среднеазиатские и тем более китайские земли были далеко и, находясь в составе улусов других Чингизидов, принадлежали его семейству чисто формально.⁸⁸

Поэтому на эти действия Хубилая он никак не отреагировал, приобретя гораздо больше, чем потерял: монгольский хан не вмешивался в дела Золотой Орды вплоть до самой кончины Берке, позволив ему проводить самостоятельную политику в Европе и на Ближнем Востоке. Включая и войну с Хулагу, который был родным братом Хубилая — войну, которая заняла практически все последние годы правления Берке.

VI

Вражда Берке с его двоюродным братом Хулагу, как мы помним, началась еще в последние годы правления Бату в связи с тем, что Хулагу готовился начать поход против багдадского халифа — друга и союзника Берке. Однако лишь десятилетие спустя вражда эта вылилась в открытое военное противостояние.

Причиной войны были, несомненно, спорные территории, на которые претендовали правители Золотой Орды и которые по воле Мунке были отданы во владение Хулагу и его потомкам. Речь шла, в первую очередь, об Азербайджане — богатом регионе, являвшемся также важным и в стратегическом отношении: хозяин Азербайджана мог контролировать торговлю между Европой и Азией, а также управлять всем Кавказом и Северным Ираном. Борьба за обладание этим регионом затянулась на полтора столетия, но начало ей положил именно Берке.⁸⁹

Поводов же для начала войны с Хулагу у ордынского правителя накопилось предостаточно. Во-первых, Хулагу расправился с рядом мусульманских властителей Ближнего Востока во главе с багдадским халифом, с которым Берке поддерживал дружественные отношения. Во-вторых, «очень кстати» выяснилось, что Хулагу не выплатил Берке законную пятую часть военной добычи за то, что ордынские войска участвовали в походе. В-третьих, несколько ордынских военачальников, участвовавших в походе Хулагу, как-то быстро и таинственно скончались в 1262 г. Наконец, на войне с Хулагу настаивал новый союзник Берке — египетский мамлюкский султан аз-Захир Бейбарс. Таким образом, война была предreshена, и оставалось только найти благоприятный момент для начала боевых действий.⁹⁰

Война началась в августе 1262 г., причем крайне неудачно для Берке. Передовые золотоордынские отряды под командованием Ногая,

внучатого племянника Берке, вторглись в Ширван и столкнулись с авангардом войск Хулагу. Поначалу Ногай сумел разгромить многочисленные пограничные отряды противника, но тут подоспел сам Хулагу во главе своих основных сил, обратил Ногаю в бегство и гнал 12 дней в сторону ордынской границы. Развивая свой успех, ильхан в декабре того же года сам перешел в наступление, вторгся в переделы Золотой Орды и вскоре оказался у Дербента. Вторично разгромив Ногаю под стенами Дербента, он захватил город. Часть войск Хулагу под командованием его старшего сына Абаги двинулась вдогонку за отступавшим Ногаем, переправилась через Терек и даже захватила его лагерь, в котором оставались жены и дети ордынских воинов.

Берке не ожидал столь решительных действий ильхана и оказался не готов к отпору, в результате чего иранские монголы сумели продвинуться в глубь ордынских владений на пятнадцать дней пути. Впрочем, на этом успехи Хулагу и закончились. Берке спешно объявил всеобщую мобилизацию, приказав садиться на коня каждому своему подданному старше десяти лет, и вскоре его армия, превосходившая по численности силы ильхана, выступила навстречу захватчикам. Войска Хулагу, не принимая боя, начали отступать через Терек. При отступлении многие утонули в реке, провалившись под лед, который стал проламываться под тяжестью такого количества людей. Достигнув границы, Хулагу оставил заслон под командованием военачальника Ширэмуна (сына знаменитого Чормагуна, первого монгольского наместника в Иране), которому удалось сдерживать ордынские силы, пока сам ильхан не оказался в безопасности в своей ставке.⁹¹ Таким образом, первая военная кампания не принесла существенной выгоды ни одной из сторон: Берке отвоевал Дербент, а Хулагу вернулся в Тебриз, не завоевав новых территорий, но и не утратив имевшихся.

Годом позже Берке запланировал новое вторжение в Иран, и его авангард под командованием Ногаю двинулся от Дербента в сторону владений ильхана. Хулагу, неготовый к схватке, запустил дезинформацию: его лазутчик явился в ордынский лагерь и сообщил Ногаю, что Хубилай, разгромивший своего мятежного брата Арик-Бугу, направил на помощь Хулагу тридцатитысячное воинство. Ногай поспешил отступить.⁹²

В начале февраля 1265 г., в разгар подготовки к ответному вторжению, умер ильхан Хулагу. Берке счел этот момент весьма подходящим, чтобы перейти от военного противостояния к дипломатии,

и начал переговоры с новым ильханом Абагой. У нового ильхана после вступления на трон было немало проблем, и он с готовностью пошел на мировую, приняв предложения Берке. Правитель Золотой Орды в качестве миролюбивого жеста попросил у него разрешения построить в Тебризе соборную мечеть и несколько ткацких фабрик. Разрешение было получено. Расценив уступчивость Абаги как слабость, Берке начал готовить новое вторжение в Иран, причем упомянутые заведения в Тебризе, по его замыслу, должны были стать местами сбора его сторонников, а их работники — еще и ордынскими соглядатаями. Узнав о планах ордынского правителя, Абага немедленно приказал разрушить его ткацкие фабрики. Берке, в свою очередь, повелел перебить иранских торговцев, находившихся в его владениях, и приказал немедленно начать наступление на Иран.⁹³

В начале 1266 г. золотоордынские войска под командованием все того же Ногая вторглись в пределы державы ильхана и расположились лагерем на р. Куру. Вслед за ним двинулись более крупные силы — пятьдесят тысяч воинов под командованием ордынского полководца Сунтая. Однако Абага оказался подготовлен к войне лучше, чем думали Берке и его военачальники, а дальнейшие события продемонстрировали, насколько несогласованными оказались действия ордынских полководцев. Ногай двинулся против Абаги, который начал притворное отступление, Сунтай же по непонятной причине решил, что войска Ногая окружены силами ильхана и разгромлены, и поэтому, в свою очередь, отдал приказ отступать. В результате Ногай оказался один против превосходящих сил ильхана. Юшумут, брат Абаги, неожиданно напал на Ногая, разгромил его и обратил в бегство. Сам Ногай в битве был ранен и лишился глаза. Затем повторился сценарий первой кампании: Абага двинулся по следам отступавших воинов Ногая и дошел до Ширвана, где навстречу иранским монголам вновь выступил сам Берке с многочисленными войсками (по некоторым данным, до трехсот тысяч воинов), заставив Абагу отступить обратно за Куру. Ильхан захватил все переправы и укрепился на берегу, не давая ордынским войскам переправиться через реку. Берке в течение двух недель предпринимал безуспешные попытки форсировать Куру, после чего приказал своим войскам двигаться к Тифлису, чтобы переправиться там. Однако по пути Берке скончался, и его смерть заставила ордынских полководцев прекратить военные действия. Абага, воспользовавшись временным затишьем, приказал воздвигнуть на границе своих владений валы и рвы, после чего вернулся в Хорасан.⁹⁴

Так, со смертью двух инициаторов войны Золотой Орды с Ираном, как-то сам собой закончился ее первый этап. Продолжать войну предстояло уже преемникам Хулагу и Берке.

VII

Приход Берке к власти совпал с мощным сепаратистским движением в вассальных государствах. В последние годы правления Бату от Золотой Орды фактически отпали южный берег Крыма и Юго-Западная Русь. Сам Бату, с головой погрузившийся в имперскую политику, не успел разобраться с этой проблемой, и теперь решать ее предстояло его младшему брату.

И Берке уладил ее с присущей ему энергией и решительностью. Первым делом он отправил свои отряды в Крым, но, к чести и золотоордынского правителя, и самих обитателей Крыма, обошлось без кровопролития: местное население вновь признало власть монголов в Крыму, приняло их наместников и стало выплачивать ранее установленные налоги и сборы. Собственно, этим власть ордынского правителя в Крыму и ограничивалась: Берке, как и его преемники, прекрасно осознавал своеобразие этого торгового региона (складывавшееся в течение веков) и важность его для Золотой Орды, а потому не стремился жестко контролировать его.⁹⁵

Гораздо больше трудностей ждало ордынского властителя на пути к восстановлению сюзеренитета над Юго-Западной Русью. Ее правитель, Даниил Романович Галицкий, начал активное сближение с государствами Центральной Европы, женил двух своих сыновей на венгерской и австрийской принцессах, а сам в 1253 г. принял королевский титул. Понадеявшись на помощь родичей-союзников, он начал решительно вытеснять ордынских наместников из своих владений, а также расправляться с их местными ставленниками — русскими боярами и градоначальниками. Его не останавливало даже то, что он открыто выступал против воли ордынских правителей: так, например, он приказал казнить Андрея, наместника в городе Кременце, за постоянные измены, несмотря на то что наместник потрясал перед ним «Батыевой грамотой». Куремса, ордынский даруга в Южной Руси (сын Орду и племянник Бату), не имел достаточно сил, чтобы противостоять ему, и поэтому был вынужден пассивно наблюдать, как его людей изгоняют из Галицко-Волынских территорий.⁹⁶

Берке прекрасно понимал, что на этот раз ему придется иметь дело с куда более сильным и опытным противником, нежели торговые поселения южного берега Крыма. За последние несколько лет

Даниил сумел укрепить свои города, превратив их в неприступные крепости, реорганизовал армию по монгольскому же образцу и был готов противостоять ордынскому вторжению. Именно поэтому Берке в 1258 г. решил заменить Куремсу другим наместником — Бурундаем, прославленным полководцем, успешно сражавшимся в Волжской Булгарии и Северо-Восточной Руси в 1230-е гг. Во главе многочисленных войск (по некоторым данным, до 60 000 всадников) Бурундай вступил во владения Даниила и вызвал короля к себе.

Даниил, вполне справедливо считавший себя в состоянии войны с Золотой Ордой, благоразумно уклонился от встречи с баскаком и отправил вместо себя своего брата Василька и своего старшего сына Льва. Однако Бурундай повел себя совершенно не так, как ожидали Даниил и его семейство: вместо того чтобы с помощью угроз потребовать от южнорусских князей повиновения, он заявил, что идет походом на Литву и Польшу и предлагает им, князьям, присоединиться к нему — если, конечно, князья не считают себя его врагами.

К такому повороту галицкий князь оказался не готов: если бы ордынский полководец сразу открыл военные действия, Даниилу не оставалось бы ничего, кроме как принять бой. Теперь же появился шанс избежать кровопролития. И Даниил приказал Васильку и Льву присоединиться со своими войсками к Бурундаю в походе на литовцев и поляков. Бурундай и в самом деле совершил успешный рейд на Литву и Польшу, чем превратил местных правителей из союзников Даниила в его врагов. Кроме того, князья Василько и Лев фактически оказались заложниками ордынского полководца, который во время похода на поляков и литовцев продемонстрировал силу и опытность своих воинов, чем существенно понизил решимость галичан и волынцев к сопротивлению.

Возвращаясь обратно через Галицко-Волынскую землю, Бурундай наконец обнаружил свои истинные намерения: он приказал князьям скрыть укрепления всех городов Галицко-Волынской земли — ведь в Золотой Орде города стенами не обносились. И Васильку со Львом пришлось самим разрушать то, что создавал их брат и отец в течение стольких лет! Галич, Владимир, Львов, Каменец и другие города были лишены укреплений. Крепостные стены сохранил только Холм — столица Даниила: жители города отказались исполнять приказ Василька и Льва, отговорившись тем, что получают приказания только от самого Даниила — своего непосредственного правителя. Бурундай решил не омрачать торжества своей бескровной победы, понимая, что один укрепленный город не обеспечит безопасности всей обширной

державы Романовичей. Ордынский полководец ограничился тем, что по пути в южнорусские степи все же разграбил ряд поселений, принадлежавших местным князьям, продемонстрировав им напоследок, что с властями Золотой Орды шутки плохи.⁹⁷

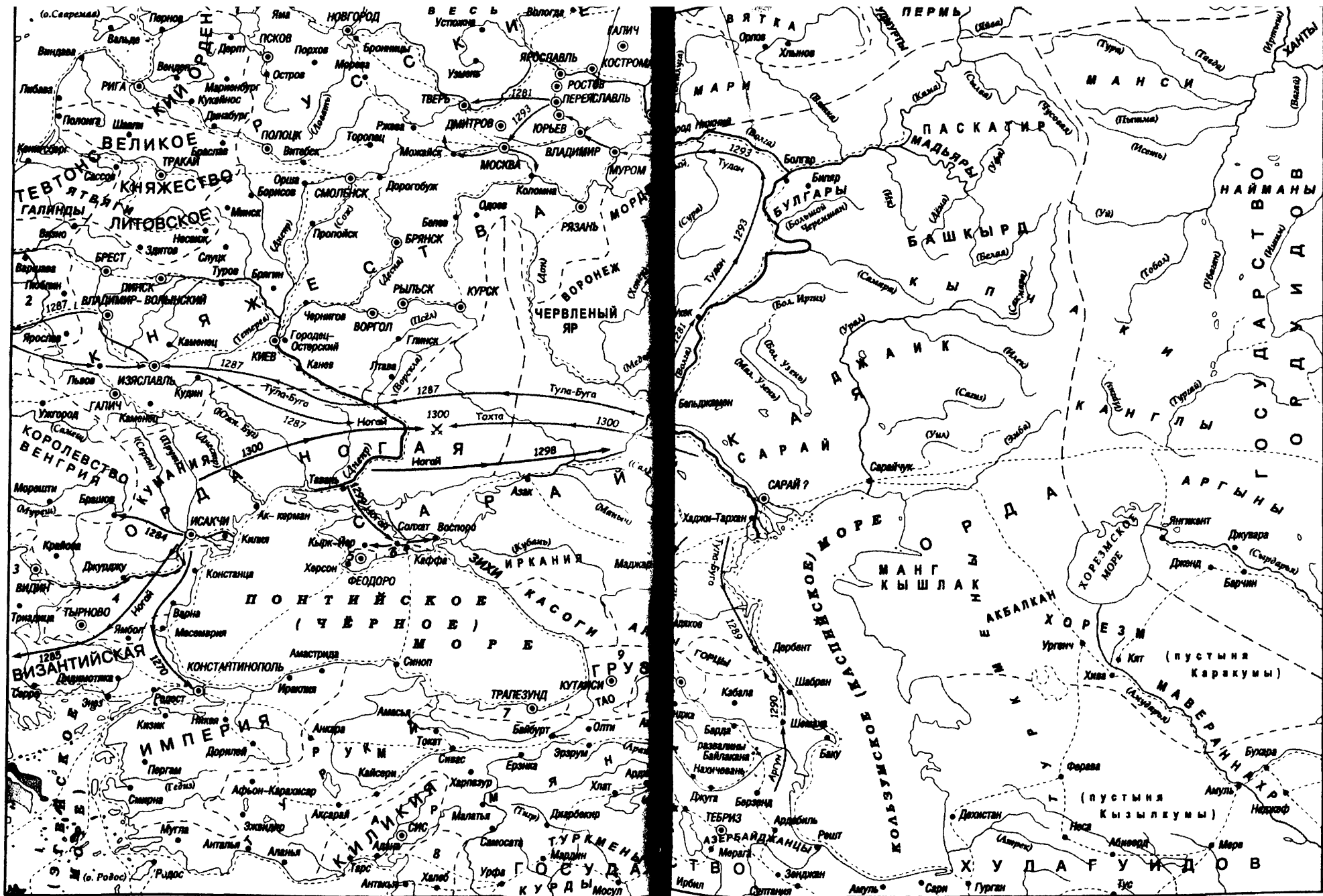
Таким образом, Берке, практически не ведя военных действий, разрушил амбициозные планы Даниила Романовича стать королем Малой Руси, создать коалицию европейских государей и выступить против Золотой Орды. Ни Польша с Венгрией, ни папство и рыцарские ордена не помогли ему, и поэтому королю Даниилу вновь пришлось признать себя данником ордынского правителя, причем на этот раз не формально, как при Бату, а на деле: во владениях Даниила появились ордынские чиновники, державшие местных династов под постоянным контролем. Даниил так и не оправился от этого удара: последние несколько лет жизни он фактически отошел от государственной деятельности, переложив дела на плечи брата и сыновей, которые даже и не пытались бороться с Ордой.

Отношения Берке с княжествами Северо-Восточной Руси тоже нельзя было назвать безоблачными. Так, в 1259 г. он приказал провести перепись населения в Новгороде и обложил его данью, как и другие княжества, чего в свое время не сумел добиться даже сам Бату. Попытки новгородцев выступить против ордынских чиновников были жестоко пресечены, причем по приказу Берке их выступление подавил сам великий князь Александр Ярославич Невский, некогда бывший новгородским князем.⁹⁸

В 1262 г. тот же Александр Невский был вынужден ехать к Берке в Сарай, чтобы уговорить Берке отказаться от мысли набирать русских воинов для войны с Ираном. Хотя в отечественной историографии прочно утвердилась мысль о том, что отношения Александра Невского и Берке были напряженными, великому князю удалось полностью достичь цели.⁹⁹

А незадолго до своей смерти в 1263 г. Александр Ярославич вновь оказался в Золотой Орде — на этот раз, чтобы согласовать с Берке кандидатуру своего потенциального преемника, поскольку, вероятно, он уже чувствовал приближение кончины. И эта поездка Невского также оказалась удачной: вскоре после его смерти, в начале 1264 г., новым великим князем стал его брат Ярослав Ярославич Тверской.¹⁰⁰

Русские летописцы — православные монахи, оскорбленные явной приверженностью Берке к исламу, — впоследствии писали, что в его правление на Руси было «засилье бесерменское». Однако нельзя не

Карта 2. Орда Ногая и Сарайская Орда 1265–1300 гг. (автор – Астайкин А. А.).

1 Владения Дании, 2 Польские княжества, 3 Видинское княжество, 4 Тырново царство, 5 Княжество Феодоро, 6 Владения Генуи, 7 Трапезундская империя, 8 Государство мамлюков, 9 Западное Грузинское царство, 10 Восточное Грузинское царство. Границы государств нанесены на 1290 г.

отметить, что именно мусульманин Берке в 1261 г. позволил впервые учредить в Сарае русскую православную епархию — вместо переяславской, последний глава которой погиб во время взятия Переяславля около четверти века тому назад. Не менее красноречивым свидетельством отсутствия у Берке предубеждений против христианства стало то, что он разрешил своему племяннику выехать на Русь, в Ростов, и принять там православие. Этот Джучид стал известен на Руси под именем «царевича Петра Ордынского».¹⁰¹

Стоит также отметить, что никаких значительных притеснений со стороны Берке княжества Северо-Восточной Руси не испытывали. За его почти десятилетнее правление эти земли ни разу не подверглись ордынским набегам. Впрочем, вряд ли следует объяснять это миролюбием Берке или его прорусскими симпатиями — просто у него были другие политические приоритеты.

VIII

Внешняя политика Берке, не столь яркая и бурная, как у его старшего брата, в целом оказалась не менее активной и последовательной. Как и Бату, Берке преследовал две главные цели: обеспечить безопасность своих границ и найти союзников в борьбе с внешними врагами, главным из которых для него был, конечно, хулагуидский Иран. Поэтому основной вектор золотоордынской внешней политики при Берке сместился из Центральной Европы на Ближний Восток. Пожалуй, самой большой его дипломатической удачей стало установление союзных отношений с мамлюкским Египтом, который еще в начале XV в. оставался главным стратегическим партнером Золотой Орды на международной арене.

Любопытно, что инициатива установления отношений исходила не от Берке, нуждавшегося в союзниках для борьбы с Хулагу, а от египетского султана ал-Малика аз-Захира Бейбарса — самого могущественного властителя Средиземноморья, который в 1260 г. нанес монголам страшное поражение в битве при Айн-Джалуде в Сирии. Послы Бейбарса впервые посетили Берке еще в 1262 г. Они прибыли в Золотую Орду с богатыми дарами и посланием султана, в котором Бейбарс выражал радость по поводу обращения Берке в ислам и надеялся, что теперь золотоордынский правитель, как и подобает истинному мусульманину обратит свое оружие против неверных — монголов Ирана. Берке не торопился с ответным посланием, проявив разумную осторожность. Во-первых, его приверженность к исламу была вовсе не так велика, во-вторых, призыв Бейбарса к войне с неверными

был не тем доводом, который мог бы убедить влиятельных нойонов Золотой Орды (в большинстве своем не являвшихся мусульманами) начать войну с ильханом.

В связи с этим следует сказать несколько слов о вероисповедании Берке. Несомненно, он, воспитанный с детства в мусульманской традиции, впоследствии принял ислам, получил мусульманское имя Джамал ад-Дин Ибрахим и, вполне возможно, являлся мюридом (учеником и последователем) знаменитого бухарского шейха Сайф ад-Дина Бахарзи. Но представление Берке религиозным фанатиком, стремившимся распространить во всем мире «истинную веру» и целиком полагавшимся на поддержку Аллаха — это плод воображения средневековых мусульманских историков. Открыто объявив о своей приверженности к исламу, Берке вовсе не стремился сделать его официальной религией в Золотой Орде и тем более навязать вассальным государствам. Мусульманство самого Берке ограничивалось соблюдением некоторых религиозных обрядов и покровительством мусульманскому духовенству и купечеству — в тех случаях, когда ему самому это представлялось выгодным.¹⁰²

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Берке, получив послание Бейбарса, не бросился в распростертые объятия собрата-мусульманина и не поспешил начать «священную войну» против Хулагу. Напротив, в большой степени зависящий от своих нойонов, он выждал, когда его приближенные и военачальники осознают необходимость этой войны и сами выскажутся в ее пользу.

Кроме того, надо сказать, что у Берке и султана Бейбарса одно время был конфликт интересов. Вскоре после того, как Хулагу взял Багдад и приказал умертвить халифа ал-Мустасима, два представителя рода Аббасидов объявили себя халифами. При этом Берке поддержал претензии на власть некоего ал-Хакима, провозгласившего себя халифом в Алеппо, тогда как Бейбарс признал халифом другого претендента — ал-Мустансира, который выступил в Дамаске. В конце концов, оба претендента прибыли в Каир и заключили соглашение: ал-Хаким признал первенство ал-Мустансира и согласился считаться его наследником. Бейбарс выделил новоявленному халифу несколько сотен воинов, и тот отправился на завоевание Багдада, по пути усилив свой отряд несколькими тысячами бедуинов из аравийской области Хиджаз. Естественно, из его авантюры ничего не вышло: его войска были разбиты, а сам незадачливый халиф пропал без вести. Не исключено, что Бейбарс намеренно отправил его в эту рискованную экспедицию, чтобы ал-Мустансир погиб, а новым

халифом стал ал-Хаким (ставленник Берке): он ни в какие походы не пускался и мирно просидел на троне в Каире в течение сорока лет (1262–1302), пережив семерых султанов и несколько военных переворотов. Тем самым Бейбарс продемонстрировал, что готов учитывать интересы золотоордынского правителя.¹⁰³ Несколько позже султан повелел читать в Мекке хутбу с поминанием имен Берке и его сына, и эта честь, наверное, произвела впечатление на ордынского властителя, который, в конце концов, соизволил направить султану дружеское послание.¹⁰⁴

Впрочем, еще до официального установления отношений с Египтом Берке совершил одно действие, оказавшееся на пользу султану Бейбарсу. Как мы помним, пятая часть войск Золотой Орды вошла в состав армии Хулагу, отправленной на завоевание Ирана и Ближнего Востока. Планируя войну со своим двоюродным братом, Берке приказал этим войскам покинуть Хулагу и возвращаться домой, а если не получится — прорываться в Египет. В результате около двух тысяч золотоордынских воинов с боями вырвались из окружения войск ильхана и добрались до Сирии, где были встречены эмиссарами султана Бейбарса и препровождены в столицу Египта. Бейбарс встретил их с почетом и вскоре образовал из ордынских воинов (большинство которых, по-видимому, были тюрками-кипчаками) свою гвардию.¹⁰⁵

В конечном счете, от союза Золотой Орды и Египта в большей степени выиграл Берке, а не Бейбарс: поскольку война с Хулагу началась бы в любом случае, Берке существенно помогло, что мамлюкские войска сковывали часть войск ильхана в Сирии и Палестине. В свою очередь, Берке ничего не стоило, одержав очередную победу, направить Бейбарсу реляцию, в которой он заявлял, что победил с помощью и во имя торжества «истинной веры». В кругу же своих воинов Берке сетовал: «Грустно мне, что монголы убивают друг друга, но что придумать против того, кто изменил ясе Чингизхана!»¹⁰⁶ Бейбарс, выполняя союзнический долг, защищал интересы Берке и в отношениях с державами Средиземноморья, включая Францию, итальянские торговые республики и государства крестоносцев. Правитель Золотой Орды в качестве «ответной любезности» однажды совершил поход против Византийской империи, закончившийся, впрочем, весьма необычно.

Византийский император Михаил VIII Палеолог, оказавшийся между двух огней — султанатом мамлюков в Египте и державой монголов в Иране, — был вынужден лавировать, чтобы сохранить свою империю, только что отвоеванную у латинян. Сам император склонял-

ся к союзу с Хулагу, который воевал против мусульман, и поэтому в 1264 г. уповая на поддержку ильхана, решился на смелый поступок: задержал послов Бейбарса, направлявшихся к Берке с грамотами и дарами. Правитель Золотой Орды, возмущенный таким обращением с дипломатами, отреагировал немедленно: он приказал своим войскам двигаться на Константинополь, и императору пришлось обратиться за защитой... к султану Бейбарсу, напомнив ему о прежних добрых отношениях и объясняя все случившееся недоразумением. И султан попросил Берке, вступившего за его же, султана, послов, отозвать войска!¹⁰⁷

Однако на следующий год Берке удалось завершить поход против ромеев. В 1265 г. его полководец Ногай в союзе с болгарским царем Константином Тихом вторгся в Византию, разорил ряд селений и едва не захватил в плен самого Михаила VIII. Императора спасло только то, что он сумел вернуться в свою столицу не по суше (где его ждала ордынско-болгарская засада), а по морю. Целью похода Ногай было освобождение из византийского плена бывшего сельджукского султана Изз ад-Дина Кей-Кавуса. Свергнутый своим братом Рукн ад-Дином Килич-Арсланом, султан прибыл к Михаилу VIII, надеясь найти у него защиту, но император, опасаясь, что многочисленные спутники Кей-Кавуса станут угрозой для его империи, предпочел посадить султана под замок. Интерес Берке к судьбе бывшего султана объяснялся просто: золотоордынский правитель намеревался вернуть Кей-Кавусу трон и тем самым возратить Сельджукский султанат под влияние Золотой Орды (как это было при Бату). Вероятно, в рамках этого своего плана Берке приказал, чтобы приверженцы Кей-Кавуса, обосновавшиеся в окрестностях современной Добруджи, последовали за своим государем и переселились в ордынские владения в южнорусских степях. В результате похода Ногай султан был освобожден и прибыл к Берке, который выдал за него замуж свою дочь Урбайхатун и пожаловал в качестве временного владения крымский город Солхат (современный Старый Крым) — пока не выдастся возможность отвоевать утраченный трон. Однако вскоре Берке умер, а его преемник Менгу-Тимур не стал реализовывать его проект. В конце концов, Кей-Кавус так и умер в Золотой Орде.¹⁰⁸

Еще одним направлением внешнеполитической деятельности Берке стали контакты с государствами Закавказья — Грузией и Арменией, которые некогда также входили в сферу влияния Золотой Орды. Поскольку армянский царь Гетум являлся ближайшим союзником Хулагу, Берке постарался привлечь на свою сторону двух грузинских

царей — Улу Давида и Давида Нарини. Неизвестно, как именно планировал ордынский правитель использовать их в войне против Хулагу, но оба царя расценили его намерения не совсем верно: вообразив, что Берке готов оказать им поддержку, оба царя в 1259 г. восстали и попытались изгнать наместников Хулагу из Грузии. Естественно, цари были разгромлены и вынуждены бежать в горы, тогда как рядовые участники восстания и даже царские приближенные подверглись избиению. Таким образом, залитая кровью Грузия к началу войны Золотой Орды с Ираном никак не могла помочь Берке в его боевых действиях против Хулагу.¹⁰⁹

В отличие от Бату, Берке не очень активно взаимодействовал с европейскими монархами, предпочитая связи с государями-единоверцами на Востоке. Одним из немногих исключений стала Венгрия, граничившая с Золотой Ордой. В течение своего правления Берке неоднократно предлагал королю Беле IV породниться, женив одного из королевских сыновей на дочери ордынского правителя, причем новоиспеченный зять должен был с частью венгерского народа перейти под власть Орды. Причиной такого предложения стало то, что в Венгрии в то время проживало значительное число кипчаков, некогда бежавших туда от монгольского нашествия, но впоследствии желавших вернуться на родину и неоднократно обращавшихся к Берке с просьбой предоставить им эту возможность.

Бела на рубеже 1250–1260-х гг. понес несколько серьезных поражений от чешского короля Оттокара II и находился в сложном политическом положении, а потому практически был готов принять предложение Берке. Однако под влиянием папы римского Александра IV, обещавшего королю всяческую поддержку в борьбе с восточными врагами, Бела отказался от союза с Золотой Ордой. Недовольный его отказом, Берке в 1260 г. направил в пределы Венгрии карательные отряды, не причинившие, впрочем, стране большого ущерба: вероятно, не считая свои отношения с Венгрией особо важными, Берке послал против Бела IV не слишком крупные силы. В 1262 г. Иштвану II, сыну и соправителю Бела, удалось заключить мир с Берке, который в это время сосредоточил свои основные силы на границе с Ираном и потому не желал проблем на западных границах. Но уже в 1264 г., воспользовавшись затишьем в борьбе с Хулагу, Берке возобновил переговоры с Белой IV, вновь предлагая союз, скрепленный браком их детей. Как и несколько лет назад, римский папа (теперь уже Урбан IV, сменивший Александра IV) сумел отговорить венгерского короля от этого плана. В результате Венгрия еще в течение доволь-

но длительного времени оставалась объектом набегов ордынских войск.¹¹⁰

В правление Берке началась активная колонизация Крыма и Северного Причерноморья, которую осуществляли итальянские торговые республики — Венеция, Генуя и Пиза, представители которых начали проникать ко двору ордынских правителей еще при Бату. В первой половине 1260-х гг. генуэзцам и венецианцам удалось создать первые фактории в ордынских городах Тане (Азов) и Кафе (Феодосия). Впрочем, при Берке итальянцы еще только начинали обосновываться в Северном Причерноморье, а их официальное закрепление в этих областях состоялось уже при его преемниках.¹¹¹

Другие европейские государства, входившие в сферу интересов Золотой Орды, чаще всего рассматривались Берке как объект набегов — такими были, в частности, Польша и Литва, которые неоднократно подвергались нападениям ордынских войск, захватывавших богатую добычу и множество пленников.

IX

Берке умер в 1266 г., по сведениям средневековых историков, «от болезни колик».¹¹² Он оставил своим преемникам богатый и могущественный улус, имеющий влиятельных союзников. Желая сравниться по значению с Бату, своим старшим братом, при котором в Золотой Орде был построен ряд городов, Берке постарался существенно расширить и развить их. В частности, Сарай, построенный при Бату, в правление Берке настолько разросся и изменил свой облик, что впоследствии даже стал носить название Сарай-Берке. Различные историки приписывали Берке также основание таких городов, как Эски-Юрт в Крыму и Сарайчук на Урале.¹¹³ Также Берке активно способствовал развитию торговли и наук. При его дворе трудились мусульманские правоведы и богословы, некоторые из них даже посвятили свои произведения Берке, который им покровительствовал.¹¹⁴

Наследники Берке не были его прямыми потомками. Из летописных источников известно, что у него было три жены и, как минимум, двое детей — дочь Урбай-хатун, выданная замуж за сельджукского султана Кей-Кавуса, и неизвестный по имени сын, которого вместе с отцом повелел упоминать в хутбе египетский султан Бейбарс.¹¹⁵ Но хотя после смерти Берке власть вновь перешла к роду Бату, в арабской средневековой исторической литературе последующие правители Золотой Орды нередко именовались «домом Берке»¹¹⁶ — вероятно, из-за того, что большинство арабских хронистов были египтянами,

а именно Берке первым из ордынских правителей установил связи с Египтом. Впрочем, они не старались идеализировать образ этого правителя и представлять его идеалом для мусульманских государей. Это отразилось даже в описании внешности Берке, составленном на основании отчета египетских послов к правителю Золотой Орды: «Описание его: жидкая борода; большое лицо желтого цвета; волосы зачесаны за оба уха; в одном ухе золотое кольцо с ценным восьмиугольным камнем; на нем шелковый кафтан; на голове его колпак и золотой пояс с дорогими камнями на зеленой болгарской коже; на обеих ногах башмаки из красной шагреновой кожи. Он не был опоясан мечом, но на кушаке его черные рога витые, усыпанные золотом».¹¹⁷ Описание, как видим, весьма далекое от образа идеального государя, прекрасного телом и душой!

Сам Берке не стремился к формальной независимости своего улуса, не носил ханского титула и в сочинениях современников фигурировал как «огул», т. е. представитель ханского рода, не обладающий титулом монарха (в ряде восточных источников более позднего времени он все же назван ханом). Однако уже его преемник Менгу-Тимур, благодаря политике своего предшественника, получил возможность объявить независимость Золотой Орды и официально провозгласить себя ханом.

ОЧЕРК ТРЕТИЙ

МЕНГУ-ТИМУР, ИЛИ ПЕРВЫЙ ХАН

(ХАН, 1267–1280)

Какая забота поэтам, узнает ли потомство историю их жизни?
Вся она — в славе их произведений.

Пьер-Жан Беранже

Менгу-Тимуру (монг. Мунке-Тэмур) очень не повезло в историографии: исследователи обычно склонны представлять его довольно посредственным правителем на фоне таких ярких государей и государственных деятелей, как Бату, Берке, Ногай, Узбек, Токтамыш. И в самом деле, по сравнению с ними он выглядит весьма невыразительно. А между тем, уже тот факт, что именно Менгу-Тимур стал первым ханом Золотой Орды, официально принявшим этот титул, уже позволяет отнести его к числу наиболее выдающихся «царей ордынских».

I

Менгу-Тимур был вторым из пяти сыновей Тукана, второго сына Бату. Матерью его была Кучу-хатун, дочь (или сестра) Буга-Тимура из влиятельного монгольского племени ойрат.¹¹⁸ Точная дата рождения Менгу-Тимура неизвестна, полагаем, что он родился в 1240-х гг. Его отец, которого Боракчин-хатун безуспешно пыталась возвести на трон после смерти Улагчи, скончался, вероятно, на рубеже 1250–1260-х гг., а к 1262/1263 г. умер и Тарбу, старший брат Менгу-Тимура.

В результате Менгу-Тимур остался к этому времени старшим в семействе Бату, которое, как считалось, имело некие преимущества в наследовании ордынского трона. Поэтому он стал кем-то вроде «наследного принца» при своем двоюродном деде Берке. Арабские дипломаты, посетившие Золотую Орду в 661 г. х. (1263 г.), сообщали, что Менгу-Тимур был «назначен в наследники» Берке и носил в качестве

такового титул «Амир Оглу, то есть Амир Малый». ¹¹⁹ По-видимому, «старшим эмиром» считался сам Берке, который не претендовал на ханский титул. Вполне вероятно, что признание Менгу-Тимура наследником стало тем условием, при котором другие Джучиды согласились признавать Берке правителем Золотой Орды.

Тем не менее, несмотря на официальный статус «наследного принца», приход Менгу-Тимура к власти после смерти Берке оказался не таким уж гладким. Русские летописи под 1266 г. (год смерти Берке) сообщают: «Бысть мятежь великъ в самехъ Татарех, избишася сами промежи собою бещисленное множество акъ песокъ морьскы». ¹²⁰ У Менгу-Тимура были соперники в борьбе за ордынский трон, за спиной которых стояли влиятельные силы.

Первым из них стал Туда-Менгу, родной младший брат Менгу-Тимура. Он был следующим по возрасту, отличался довольно покладистым характером и, подобно Берке, тяготел к исламу. Эти качества привлекали к Туда-Менгу, с одной стороны, мусульманское население Золотой Орды, с другой — тех монгольских нойонов, которые опасались властного нрава Менгу-Тимура. Вторым претендентом на трон был, вероятно, малолетний сын Берке, которого могли поддержать как мусульманские приверженцы его отца, так и те представители рода Джучидов, которые не желали возвращения к власти прямых потомков Бату. Наиболее влиятельным среди них был темник Ногай — любимец Берке, имевший большой вес в ордынских войсках. ¹²¹

Однако происхождение Менгу-Тимура и формальный статус наследника Берке помогли ему добиться власти. И хотя вступление нового правителя на трон оказалось не бескровным, он не стал (или не имел возможности) проводить масштабные репрессии против тех, кто противился его воцарению, и ограничился тем, что удалил от двора наиболее влиятельных своих противников. В частности, Ногай был лишен командования ордынскими войсками, отправлен в свой удел на Дунае и в течение всего правления Менгу-Тимура не допускался к государственным делам. Впрочем, и Менгу-Тимур, со своей стороны, старался не вмешиваться в дела его улуса, позволив темнику создать нечто вроде автономного государства в составе Золотой Орды. ¹²² Исторические источники ничего не сообщают о дальнейшей судьбе малолетнего сына Берке, и это наводит на мысль, что он был устранен по приказу Менгу-Тимура.

Не желая всецело зависеть от какого-либо чрезмерно могущественного военачальника, Менгу-Тимур разделил вооруженные силы Золотой Орды на три части. Центр возглавил он сам, правое крыло

поручил нойону Тайре, а левую — нойону Маву. Надо думать, оба эти полководца способствовали его приходу к власти и пользовались доверием внука Бату.¹²³

Как мы помним, Берке провозгласил себя главой Золотой Орды самовольно, не получив согласия хана Мунке. Хубилай, преемник Мунке, был вынужден смириться с воцарением Берке и теперь с тревогой наблюдал, что и наследники Берке идут по его стопам и вовсе не нуждаются в подтверждении своей власти ханом. После некоторого размышления Хубилай попытался хоть как-нибудь исправить ситуацию и прислал Менгу-Тимуру ярлык, в котором назначал его правителем Золотой Орды.¹²⁴ Конечно, этот жест никого не мог обмануть: фактически Хубилай сам признал, что смиряется с фактом прихода к власти внука Бату и лишь признает его воцарение. Тем не менее, Менгу-Тимур принял этот ярлык: не взяв на себя никаких обязательств по отношению к центральной власти, он приобрел легитимность в глазах хана и правителей других монгольских улусов, а это укрепляло его позиции и внутри Золотой Орды. Отныне его слово и фактически, и формально становилось законом для всех поданных Джучидской державы.

II

Многие ожидали, что внук Бату, придя к власти, будет проводить политику, резко отличающуюся от политики Берке — хотя бы для того, чтобы показать, что к власти вернулась ветвь потомков (и продолжателей дела) Бату, и заявить о себе как о самостоятельном политике. Однако в целом Менгу-Тимур продолжил политику своего двоюродного деда, лишь сместив некоторые акценты. Особенно ярко это проявилось в его внешней политике.

Так, подобно Берке, Менгу-Тимур стал поддерживать союзные отношения с Египтом. Султан Бейбарс обменивался с ним дружескими посланиями и богатыми дарами — несмотря на то что Менгу-Тимур исповедовал традиционную монгольскую религию тенгрианство, а не ислам!¹²⁵ Было вполне очевидно, что Бейбарс надеется на продолжение войны Золотой Орды с Ираном Хулагуидов, а это сулило ему, султану, свободу действий на Ближнем Востоке.

Казалось, поначалу надежды Бейбарса вполне оправдываются: в первый год своего правления Менгу-Тимур продолжил войну с ильханом Абагой, начавшуюся еще при Берке. Но в 1268 г. новый ордынский правитель понес от ильхана серьезное поражение и поспешил заключить с Ираном мир. К большому огорчению Бейбарса, этот мир

не нарушался до самой смерти Менгу-Тимура.¹²⁶ Египетский султан пытался повлиять на ордынских сановников и через них подтолкнуть Менгу-Тимура к новой войне с Ираном; но на инициативы Бейбарса положительно отреагировал только Ногай — и то, вероятно, потому, что в это время находился не у дел и всячески старался поддерживать свой престиж в глазах иностранных государей. В 1277 г. султан Бейбарс умер, так и не дождавшись возобновления войны Золотой Орды с Ираном.¹²⁷

С Русью Менгу-Тимур (опять же подобно Берке) находился в спокойных отношениях: уже в самом начале своего правления, в 1267 г., он выдал ярлык православной церкви, освободив ее от налогов и повинностей и предоставив автономию во внутренних ее делах. В дошедшем до нас виде ярлык Менгу-Тимура выглядит следующим образом: «Вышняго бога силою вышняя троица волею Менгугемерьво слово людским баскаком и князем и польчным князем и к данщиком и к писцем и к мимозяздящим послом и к соколником и к пардусником. Чингиз царь потом что будет дань или корм, ать не заммають их да правым сердцем богови за нас и за племя наше моляться и длагословляють нас. Тако молвя и последнии цари по тому же пути пожаловали попов и черньцов. Дань ли или иное что ни будеть, тамга, поплужное, ям, воина кто чего ни попросить и рекли были дати, кто паки того у нас не ведаеть, вси ведаем. И мы, богу молясь, и их грамоты не изыначили. Тако молвя по первому пути, которая дань или поплужное, или подвода, или корм кто ни будеть, да не просят; ям, воина, тамга не дають. Или что церковное, земля, вода, огороди, винограды, мелници, зимовища, летовища — да не заимають их. И яже будуть поимали, — и они да въздадуть назад. А что церковное мастери, соколници, пардусници кто ни будеть, да не заимають их, ни стерегуть их. Или что в законе их книги или ино что — да не заимають, ни емлють, ни издеруть, ни погубять их. А кто иметь веру их хулити — тот человек извиниться и умереть. Попове един хлеб ядуще и во едином дому живущее, у кого брат или сын, и тем по тому же пути пожалование, ажь будуть от них не выступились. Будет же ли, от них выступились дань ли или ино что, — ино им дати. А попове от нас пожаловани по първои грамоте, бога молящи и благословляющее нас стоите. А иже имете не правым сердцем о нас молитесь, — богу тот грех на вас будеть. Так мълвя. Аж кто не поп будеть, иные луди, иметь у себе приимати, хотя богови молитись, что в том будеть. Так мълвя, сему митрополиту грамоту дали есьмя. Сию грамоту видяще и слышаще от попов и от черньцов ни дани ни иного чего ни хотять

ни взмутъ баскаци, княжи писци, поплужники, таможници, а возмутъ инее по велицей язе извиняться и умруть. Тако мльвья зачего лета осеннего пръваго месяца в четвертыи ветха на Талы писано». ¹²⁸ Этот ярлык можно считать, с одной стороны, продолжением политики монгольских ханов по отношению к религии (начиная с Чингис-хана, еще в 1223 г. выдавшего первый такой ярлык даосам). С другой стороны, этот документ означал, что Менгу-Тимур уже намеревался провозгласить себя ханом, ибо только самостоятельные монархи-Чингизиды обладали правом выдачи ярлыков.

Русь была для Менгу-Тимура одновременно источником доходов и человеческих ресурсов, а также перевалочным пунктом на торговом пути с Европой. Наследник Берке всемерно покровительствовал развитию торговли и поэтому стремился создать западным торговцам максимально выгодные условия ведения дел в Золотой Орде. Так, около 1269 г. Менгу-Тимур выдал ярлык великому князю Ярославу Ярославичу, предписывающий тому дать «путь чист» ганзейским купцам, то есть пропускать их через свои земли без пошлин и сборов. ¹²⁹

Приблизительно тогда же Менгу-Тимур, первый из ордынских правителей, позволил итальянским торговцам обосноваться на юге золотоордынских владений — в Крыму и Северном Причерноморье, где в это время появляются фактории венецианцев, генуэзцев и пизанцев. Генуэзцы в эпоху Менгу-Тимура осуществляли торговые экспедиции даже в Каспийском море и прилегающих к нему областях. ¹³⁰ А в 1278 г. в Судак прибыл уже и венецианский консул, первый официальный дипломатический представитель республики. ¹³¹

Во внутренней политике Менгу-Тимур старался следовать принципам своего деда Бату. Он прекрасно понимал опасность того, что владетельные Чингизиды и племенные предводители, укрепившись в отведенных им областях, могут «пустить корни», завести семейные и политические связи и, опираясь на поддержку местного населения, перестанут подчиняться власти правителей Сарая. Чтобы избежать этого, Менгу-Тимур периодически предписывал своим родичам и нойонам перекочевывать вместе с их подданными на новые места. Так, например, он перевел Уран-Тимура (сына Туга-Тимура, потомки которого традиционно имели владения в восточных областях Золотой Орды — Синей Орде), в Крым. ¹³² И не вина Менгу-Тимура, что его преемники на сарайском троне перестали практиковать подобную «перетасовку». В конце концов, удельным владетелям удалось-таки закрепиться на определенных территориях и добиться не только широкой автономии, но и самим претендовать на высшую власть. ¹³³

Максимально укрепив свою власть внутри страны и обеспечить безопасность Золотой Орды на международной арене, Менгу-Тимур приступил к делу всей своей жизни — приобретению Золотой Орды полной независимости.

III

Прежде чем Менгу-Тимур удалось провозгласить себя ханом, он вел не очень долгую по времени, но сложную и насыщенную событиями военно-дипломатическую игру.

Как мы помним, хан Хубилай в начале своего правления столкнулся с оппозицией в лице своего родного брата Арик-Буги и его сторонников. В 1264 г. Арик-Буга был разгромлен и сдался в плен, но на свободе остался его приверженец Хайду, внук Угедэя. Будучи поначалу безудельным царевичем, не имевшим ни сторонников, ни владений, ни средств, к 1268 г. он сумел настолько усилиться, что осмелился бросить вызов самому Хубилаю. Созвав в Монголии курултай, Хайду провозгласил себя ханом, объявив при этом Хубилая незаконным правителем и в придачу обвинив в том, что тот нарушает все монгольские обычаи, приняв титул императора династии Юань. В результате на востоке Монгольской империи началась война, продолжавшаяся до самой смерти Хайду в 1301 г.

Менгу-Тимур, получив от Хубилая ярлык, подтверждавший его право на власть в Золотой Орде, поначалу не вмешивался в распри своих восточных родичей. Напротив, он даже пообещал императору, что будет поддерживать его в борьбе с мятежниками, и осудил действия Хайду.¹³⁴ Однако вскоре позиция Менгу-Тимура изменилась, и он решил поддержать Хайду.

В 1268 г. Борак, правитель Чагатаева улуса, ставленник и союзник Хубилая, начал войну с Хайду. Менгу-Тимура не устраивало усиление блока Хубилая и Чагатаидов, и он немедленно направил на помощь Хайду 30 000 воинов под командованием своего двоюродного деда Беркечара, родного брата Берке. Зажатый между двумя противниками, Борак, так и не дождавшийся помощи от Хубилая, завязшего в борьбе с южно-китайской империей Сун, был вынужден капитулировать.¹³⁵

В 1269 г. в долине реки Талас состоялся курултай, на который прибыли Хайду, Борак и ряд царевичей-Чингизидов из улусов Джучи, Чагатая и Угедэя. Менгу-Тимур по какой-то причине не считал возможным лично явиться на съезд и отправил представлять свои интересы

вышеупомянутого Беркечара — с теми же тремя туменами войска, которые нанесли поражение Бораку.

Участники курултая приняли ряд решений, определивших дальнейшую судьбу Монгольской империи. Прежде всего, победители, Менгу-Тимур и Хайду, отделили от владений Борака добрую треть в свою пользу. Когда же он выразил возмущение их аппетитами, они предложили ему в качестве компенсации... совершить грабительский поход на владения ильхана Абаги — племянника и союзника императора Хубилая!¹³⁶

Однако самым важным и судьбоносным из решений стало то, что участники курултая официально провозгласили свои владения независимыми от власти Хубилая, а сами приняли ханские титулы. Хотя Менгу-Тимур уже с начала своего правления вел себя как независимый монарх (чеканил монету с собственным именем и выдавал ярлыки), но теперь он получил формальное признание своего ханского титула в глазах родичей. Хайду, и ранее предъявлявший претензии на ханскую власть, также был признан родичами в ханском достоинстве. Борак последовал их примеру, поскольку был зол на Хубилая за то, что тот не оказал ему военной помощи в войне с Хайду и Менгу-Тимуром.

Получив признание ханского титула от восточных Чингизидов, Менгу-Тимур перестал вмешиваться в общеимперскую политику и с этого времени оказывал своим союзникам больше дипломатическую и моральную поддержку. Тем не менее, Хубилай и подвластные ему Чингизиды не раз отказывались от нападения на владения Хайду и Чагатаидов, когда до них доходили слухи, что Менгу-Тимур собирается направить свои войска на помощь союзникам. Однако золотоордынский хан прежде всего защищал свои интересы и не желал чрезмерного усиления любого из противоборствующих ханов. Так, например, в 1271 г., когда Хайду, не довольствуясь титулом независимого монарха в Улусе Угедэя, провозгласил себя великим ханом (хаканом), Менгу-Тимур не признал его верховенства. Напротив, когда Хубилай назначил наместником в Монголии своего сына Нумугана, хан Золотой Орды вступил с новым наместником в переговоры и выказал всяческую поддержку его планам по укреплению власти Хубилая в монгольских степях. По сведениям «Юань ши», Менгу-Тимур даже заключил с Хубилаем соглашение о совместной борьбе против внутренних мятежников, что едва не вызвало нападения Хайду на Улус Джучи: лишь убедившись, что золотоордынский хан готов к войне, внук Угедэя отказался от своих намерений.¹³⁷

Но, увидев, что влияние Нумугана в Монголии усиливается и, в свою очередь, начинает угрожать балансу сил в империи, Менгу-Тимур в очередной раз принял сторону Хайду. В 1278 г. Нумуган и его верховный военачальник Хантун-нойон были преданы своими союзниками, царевичами-Чингизидами из рода Мунке и Угедэя, и выданы Хайду. Внук Угедэя отправил их к своему союзнику Менгу-Тимуру, при дворе которого оба пленника находились до самой его смерти. Столь ценные заложники обеспечили хану Золотой Орды в высшей степени миролюбивые отношения с Хубилаем!¹³⁸ Так, всего лишь однажды задействовав свои военные силы в междоусобной борьбе Чингизидов, Менгу-Тимур добился независимости Золотой Орды и стал ее первым ханом. Ему даже не пришлось сражаться за свою независимость: эта задача была переложена на плечи его союзников, которые создали Хубилаю столько проблем, что он просто не мог позволить себе войну с самым отдаленным улусом империи, каковым являлась Золотая Орда.

IV

Итак, уже за первые три года своего правления Менгу-Тимур сумел добиться независимости Золотой Орды и обезопасить свои владения на юге (заключив мир с ильханом Абагой) и на востоке (вступив в союз с Чагатаидом Бораком). Казалось, это должно было развязать ему руки для активной завоевательной политики на Западе. Однако этот осторожный и дальновидный монарх-прагматик чаще ограничивался демонстрацией силы, нежели ее реальным применением.

Так, в 1270 г., когда рыцари Тевтонского ордена, располагавшиеся в Ревеле (Таллине), в очередной раз намеревались совершить поход против Великого Новгорода, и напуганный князь Ярослав Ярославич обратился за помощью к Менгу-Тимуру, хан приказал своему владимирскому баскаку Амрагану явиться на переговоры новгородцев с немцами. Решение хана оказалось эффективным: увидев среди русских монгольский отряд (свиту баскака), немцы сразу утратили агрессивность и подписали с Новгородом мир «на всей воле новгородской».¹³⁹

В том же году великий князь Ярослав снова обратился к хану — на этот раз с жалобой на самих новгородцев. Новгородцы отказались признавать великого князя Ярослава своим князем и пригласили на княжение в Новгород его племянника Дмитрия Переяславского, сына Александра Невского. Несмотря на то что племянник остался лоялен дяде и даже открыто принял его сторону в конфликте с Новгородом, великий князь вознамерился сурово наказать новгородцев. Ярослав

выступил против них с владимирскими, тверскими, переяславскими и смоленскими дружинами, а также отправил к Менгу-Тимуру своего посланника, новгородского посадника Ратибора Клуковича, с просьбой предоставить ордынские войска для восстановления порядка на Руси. И снова Менгу-Тимур лишь сделал вид, что собирается направить для решения проблемы свои войска. На самом деле он дождался приезда в Орду Василия Костромского (брата великого князя), который лично прибыл в ставку хана и убедил его в том, что «новгородци прави, а Ярослав виновать». И хан «возврати татарскую рать». Поход ордынских войск на Русь вновь не состоялся.¹⁴⁰

Годом позже Ярослав Ярославич, вероятно, уже будучи больным и чувствуя приближение смерти, приехал к хану, чтобы по уже сложившейся практике согласовать кандидатуру своего преемника на великокняжеском столе. Поддержка хана на этот раз была очень важна, ибо законный наследник, Василий Ярославич Костромской, брат Ярослава, обладал куда меньшими способностями к великому княжению, нежели следующий по старшинству племянник — Дмитрий Переяславский, сын Александра Невского. Тем не менее, старинное лествичное право было за Василием, и Менгу-Тимур дал согласие поддержать именно его как наиболее легитимного претендента на владимирский трон. Авторитет хана на Руси был настолько высок, что Василий после смерти Ярослава в 1272 г. без каких-либо проблем утвердился во Владимире.¹⁴¹

Время от времени Менгу-Тимур направлял своих воинов на помощь русским князьям для борьбы против общих внешних врагов. Так, в 1274–1275 гг. хан по просьбе Льва Даниловича Галицкого направил ему на помощь воинов, которые приняли участие в походе галицко-волинских князей на Литву.¹⁴² Подобная политика Менгу-Тимура имела несколько положительных последствий: во-первых, хан демонстрировал поддержку своим верным вассалам, русским князьям, во-вторых, настраивал против них литовцев (которые могли стать потенциальными союзниками Червонной Руси в борьбе с Ордой) и, наконец, позволял своим воинам захватывать добычу даже тогда, когда Золотая Орда формально не вела никаких войн.

В 1276 г. скончался и великий князь Василий Ярославич (за год до этого, как и его предшественники, согласовавший с ханом кандидатуру своего преемника¹⁴³), и великий стол перешел, наконец, к его племяннику Дмитрию Александровичу. Однако Дмитрий, возможно, обиженный на хана за то, что тот не пожелал поддержать его великокняжеские претензии в обход дяди Василия, не стремился

тесно взаимодействовать с Сараем. Новый великий князь даже не пошел в поход, который Менгу-Тимур устроил против ясов (осетин) в 1277–1278 гг. и в котором весьма активное участие приняли многие русские князья. С их помощью хан сумел захватить осетинский город Джулат (в русских летописях — Дедяков).¹⁴⁴ Эта победа позволила Менгу-Тимуру укрепить позиции Золотой Орды на Северном Кавказе и тем самым в еще большей степени гарантировать мирные отношения с Хулагуидским Ираном.

Как можно увидеть, Менгу-Тимур поддерживал с Русью в целом благожелательные отношения. За время его правления погиб только один русский князь — рязанский владетель Роман Ольгович, и хотя в русских источниках в его гибели принято обвинять Менгу-Тимура, вряд ли хан на самом деле имел отношение к убийству князя.

По-видимому, Роман Ольгович пал в борьбе со своими соперниками — удельными пронскими князьями, которые в течение XIII–XV вв. неоднократно претендовали на верховную власть в Рязанском княжестве. Не исключено, что пронские владетели привлекли на свою сторону монгольские отряды местных баскаков и с их помощью покончили с рязанским князем. Известно, что как раз с 1270 г. в Пронске стал княжить Ярослав, сын Романа Ольговича: по-видимому, он вместе с братьями решил отомстить местным князьям за отца и выгнал их из собственного княжества.¹⁴⁵

Однако позднее рязанской епархии понадобилось заполучить «собственного» христианского великомученика, и в результате появилась агиографическая легенда о «житии святого благоверного князя Романа Рязанского». Согласно «житию», кто-то донес на Романа Ольговича Менгу-Тимуру, будто князь отказывается выплачивать ордынский выход и хулит веру монголов. Хан вызвал князя в Сарай, а тот прямо в глаза хану осудил его язычество и стал расхваливать христианство. Разъяренный хан приказал предать его мучительной казни — «разъять по суставам», а затем отрубить голову и вздеть ее на копье.¹⁴⁶

Такова официальная версия православной церкви, но она появилась лишь в XVI в. и совершенно не имеет отношения к реальным событиям. Во-первых, неизвестно ни одного случая, чтобы какой-либо золотоордынский хан казнил князя или простолюдина за отстаивание своих религиозных убеждений. Во-вторых, сам Менгу-Тимур покровительствовал русской православной церкви, свидетельством чему является его ярлык 1267 г. Сарайский епископ Митрофан неоднократно выполнял дипломатические поручения хана в Византии. Более того, в течение всего своего правления Менгу-Тимур, лояльный к русской

православной церкви, не позволял католическим миссионерам закрепиться в центральных областях Золотой Орды: в конце его правления несколько миссий действовало лишь на ордынских границах с Венгрией, тогда как в Сарае католики смогли обосноваться лишь при преемниках Менгу-Тимура.¹⁴⁷ Все эти факты заставляют отвергнуть версию о казни Романа Рязанского по приказу внука Бату.

Имея определенные религиозные предпочтения, первый золотоордынский хан, однако, не был силен в религиозных вопросах, и порой это его невежество приводило к нежелательным политическим последствиям. Это проявилось, в частности, в истории с сельджукским султаном Изз ад-Дином Кей-Кавусом и его сыном.

Как мы помним, Берке в конце своего правления удалось вызвать свергнутого султана Кей-Кавуса II из византийского плена. Надеясь вернуть султану трон и использовать его в качестве орудия своей политики на Ближнем Востоке, Берке осыпал Кей-Кавуса милостями, женил на своей дочери и пожаловал в управление крымский город Солхат. Однако Менгу-Тимур в 1268 г. заключил мир с ильханом Абагой и, вероятно, чтобы избежать поводов к возобновлению войны, отказался от плана Берке и изменил отношение к Кей-Кавусу. Он отозвал бывшего султана из Крыма и держал при себе, в Сарае. При его дворе Изз ад-Дин Кей-Кавус и скончался в 1277 или 1278 г.

Вот тут-то Менгу-Тимур и выказал свое незнание особенностей различных религий! Он предложил Масуду б. Кей-Кавусу жениться на Урбай-хатун, вдове его отца и дочери Берке. С точки зрения монгольской религии и степных обычаев такой брак не только допускался, но и приветствовался. Однако по канонам шариата он рассматривался едва ли не как кровосмешительство и потому был совершенно неприемлем для сельджукского принца. Недозволенному религией браку Масуд предпочел бегство из Золотой Орды.¹⁴⁸ Вместе со своим братом Фарамарзом он бежал из Сарая и добровольно явился к ильхану Абаге, который, как ни странно, отнесся к сельджукским принцам благожелательно и даже выделил им в качестве удела часть сельджукской державы.¹⁴⁹ В результате Менгу-Тимур лишился даже призрачной возможности возвести на сельджукский трон своего ставленника и вернуть Золотой Орде контроль над Малой Азией, которым она обладала в эпоху Бату.

Впрочем, несмотря на такие неудачи, в целом внешняя политика Менгу-Тимура оказалась весьма эффективной, и он сумел оставить своим преемникам державу, пользующуюся большим авторитетом на международной арене.

V

Держава Менгу-Тимура процветала и наслаждалась миром. Хан проявлял себя не только как дальновидный политик, но и как справедливый судья: в памяти потомков он остался под прозвищем Келек-хан, т. е. справедливый хан, при котором «все обиженные благодарили его природу, а обидчики жаловались».¹⁵⁰

Менгу-Тимур продолжил денежную политику Берке, последовательно обеспечивая выпуск на всей территории Золотой Орды единой монеты, которая обладала бы единым весом и единым оформлением. Он также приказал чеканить свой титул на монете, именуя себя «ханом высочайшим» и титулом «султан», который, вероятно, призван был поднять репутацию Менгу-Тимура в мусульманском мире. Кроме того, именно при Менгу-Тимуре на монетах Золотой Орды появляется так называемая «тамга дома Бату», показывавшая, что Золотая Орда является уделом уже не всего семейства Чингизидов, а именно потомков Бату.¹⁵¹

Говорят, что тот, к кому благоволят боги, умирает молодым. По-видимому, Менгу-Тимур в значительной степени пользовался их покровительством: он скончался, не достигнув 40 лет. Смерть хана наступила в результате неудачной операции: у него в горле появился нарыв, который неумело вскрыли придворные врачи, что и привело к смерти. Произошло это в 1280 г.¹⁵²

Менгу-Тимур имел несколько жен, из которых старшей была Джиджек-хатун, ставшая супругой первого ордынского хана после смерти своего первого мужа Берке. Других его жен звали Олджай-хатун (из рода кунграт, племянница Мунке-хана), Султан-хатун (из рода ушин) и Кутуй-хатун. От этих жен у него было десять сыновей (Алгуй, Токта, Тудан, Бурлюк, Абаджи, Сарай-Буга, Тогрул, Малакан, Кадан и Кутуган), которые, в свою очередь, оставили многочисленное потомство. Таким образом, сохранение и продолжение рода Бату было обеспечено.¹⁵³

Но это не означало сохранение власти в роду именно самого Менгу-Тимура — первого хана! Поскольку, даже приняв ханский титул, Менгу-Тимур не сумел (или не счел нужным) ввести в Золотой Орде какой-либо четкий порядок передачи власти, сразу после его смерти между его многочисленными родственниками началась очередная борьба за трон. Наиболее ярко проявил себя в ней темник Ногай.

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ
НОГАЙ, ИЛИ ОРДЫНСКИЙ KINGMAKER
(ВРЕМЕНЩИК, 1280–1299)

Ежели не желаете нажить себе врагов, то старайтесь не выказывать над людьми своего превосходства.

Артур Шопенгауэр

Личность Ногая (монг. Нохой) является одной из самых известных и вместе с тем противоречивых в истории Золотой Орды. Прямой потомок Чингис-хана по мужской линии, не имевший права претендовать на трон. Воин, добившийся высших командных постов и снискавший славу полководца, но не выигравший ни одного сражения. Деятель, пользовавшийся любовью и уважением окружения, но при этом не доверявший никому. Высший сановник Золотой Орды, едва не расколовший ее пополам. Как все это могло соединиться в жизни одного человека? К чему же, в конце концов, привело?

I

Считалось, что у средневековых монголов не было незаконных детей: отец признавал своих сыновей, родившихся от наложниц, также как и сыновей от законных жен, и все они имели право на часть родительского наследства.¹⁵⁴ В семействе потомков Чингис-хана это было и так, и не так. С одной стороны, сыновья ханов и царевичей и от жен, и от наложниц считались законными членами «Золотого рода», имели право на улус и на участие в политической жизни. С другой — сыновья от наложниц не имели надежды занять трон, пока жив был хотя бы один Чингизид, родившийся от законной жены своего отца.

Это в полной мере относилось и к Ногаю, который сам, как ни странно, был рожден в законном браке — как и его отец Татар. Но вот отец Татара, Бувал, сын Джучи, первенца Чингис-хана, родился

от наложницы, и это перечеркнуло всем его потомкам путь к ханскому трону и верховной власти.¹⁵⁵

Ногай родился, вероятно, в 1230-е гг.: его дед являлся одним из старших сыновей Джучи (а возможно, и самым старшим) по возрасту¹⁵⁶ и, соответственно, уже в 1210-е гг. мог сам иметь детей. О молодых годах Ногая ничего неизвестно. Несомненно одно: он был одним из многочисленных царевичей-Чингизидов с большими амбициями, но небольшими возможностями — и в силу своего происхождения, и из-за большого числа старших и более знатных родственников, стоявших между ним и властью. Правда, впоследствии Ногай заявлял, что уже в ранней молодости он был приближен к самому Бату и даже якобы получил от него наказ блюсти законность и правопорядок в Улусе Джучи.¹⁵⁷ Однако не следует доверять словам честолюбивого царевича: в годы правления Бату Ногай был еще слишком молод и незначим среди других, которые действительно находились в окружении Саин-хана.

По-видимому, Ногай в течение первых лет своей жизни пребывал во владениях своего семейства, потомков Бувала, которым были выделены самые западные территории Золотой Орды на Дунае — на территории современной Молдавии.¹⁵⁸ Ни в каких политических делах Ногай в эпоху Бату не участвовал, хотя, возможно, именно тогда начал устанавливать связи с правителями балканских государств, столь пригодившиеся ему впоследствии. По некоторым (правда, не слишком достоверным) сведениям, именно он возглавлял монгольские войска, которые в 1248 г. захватили и разграбили Херсонес, отказавшийся признавать власть монголов.¹⁵⁹

В положении рядового члена ханского рода, не имеющего никаких шансов выдвинуться, Ногай пробыл вплоть до прихода к власти Берке, брата Бату. При Берке его звезда стала стремительно восходить.

II

Карьеру Ногая при Берке можно, без преувеличения, назвать головокружительной. В течение короткого времени он стал командиром отряда в авангарде ордынских войск, затем — темником и, наконец, командиром целой армии. Почему же Берке решил выделить и продвинуть именно Ногая?

Как мы помним, сам Берке пришел к власти, мягко говоря, не вполне законным способом — оттеснив от власти семейство своего брата Бату (причем устранив физически некоторых его представителей), а также не получив одобрения со стороны монгольского хана

Мунке. Естественно, в его интересах было привлекать к себе представителей младших ветвей рода Джучи, которые были бы целиком обязаны ему своим возвышением и в дальнейшем стояли на страже его интересов. Энергичный Ногай в этом отношении являлся самым идеальным протеем.

Кроме того, в какой-то мере Ногай был обязан своим возвышением и случайному, в общем-то, стечению обстоятельств. Судьбе было угодно, чтобы среди командиров золотоордынских отрядов, которые по приказу хана Мунке отправились вместе с Хулагу на завоевание Ирана, был Тутар б. Минг-Кудур б. Бувал — двоюродный брат Ногая. Около 1260 г. Хулагу обвинил его в покушении на свою жизнь и приговорил к смерти.¹⁶⁰ Естественно, когда Берке двумя годами позже начал войну с Хулагу, он решил поручить командование передовым отрядом Ногаю, не без оснований полагая, что этот царевич захочет отомстить ильхану за гибель своего близкого родича.

В результате в августе 1262 г. Ногай стал военачальником Берке и, возглавив часть авангарда ордынских войск, первым осуществил вторжение в Ширван. Его дебют в качестве полководца оказался довольно неудачным. Вначале, воспользовавшись неожиданностью своего нападения, он сумел смять немногочисленные кордоны иранских монголов, но вскоре навстречу ему выступил сам Хулагу, и Ногаю пришлось плохо. Ильхан разгромил Ногая и гнал его целых двенадцать дней до самой ордынской границы. Только там незадачливому военачальнику удалось оторваться от преследования. Он стал лагерем у Дербента, приводя в порядок свои потрепанные войска.

Несколько месяцев спустя, в декабре, Хулагу, не дав Ногаю окончательно восстановить силы, сам перешел в наступление и вторгся в пределы Золотой Орды. Ногай был вторично разбит наголову и обратился в бегство, преследуемый передовыми отрядами ильхана под командованием Абаги б. Хулагу. Но увлекшись преследованием воины Абаги оказались глубоко на территории Золотой Орды, за что и поплатились: Берке сумел мобилизовать огромные силы и внезапно обрушился на Абагу, обратив его в бегство. Ногай, оказавшись в составе превосходящих сил, с удвоенной яростью бросился на врагов и проявил в сражении богатырскую силу и отвагу, сумев отбросить войска Абаги за Терек, при переправе через который многие иранцы утонули. Таким образом, Ногай сумел избежать наказания за свое поражение и даже остался в милости у своего двоюродного деда: Берке не только не снял его с театра военных действий, но даже поручил ему в следующем году командование всем авангардом.¹⁶¹

Прибыв в печально памятный ему лагерь под Дербентом, Ногай приказал своим подчиненным выступать в Иран и ускоренным маршем двинулся во владения Хулагу. Однако на первой же стоянке он пал жертвой военной хитрости ильхана. В лагерь Ногай пришел человек, который, выдав себя за перебежчика от Хулагу, заявил: «Недавно из Китая прибыли гонцы с вестью, что Кубилай-каан воссел на престол, а Арик-Бокэ покорился его приказу, Алгу же скончался, а Хулагу-хану вышел ярлык, что он-де государь от реки Амуйе до дальних пределов Сирии и Мисра, и тридцать тысяч монгольских удалцов ему отправили на помощь».¹⁶² Ногай поспешил отступить на территорию Золотой Орды, и его трудно винить за это. Несомненно, он опасался не столько тридцатитысячного подкрепления врагу, сколько самого факта вмешательства хана Хубилая в войну и хотел сначала получить указания от правителя Золотой Орды, следует ли продолжать боевые действия в изменившихся политических условиях.

В самом деле, Берке решил не рисковать и на время отложил военные действия против ильхана. Ногай получил возможность реабилитироваться на другом фронте — балканском: Берке поручил ему деликатную миссию по освобождению из византийского плена бывшего сельджукского султана Изз ад-Дина Кей-Кавуса. Вероятно, направляя в этот поход именно Ногай, Берке полагал, что Ногай, имея владения на Балканах, сумеет использовать свои связи в этом регионе для успешного завершения операции.

Так и получилось. Ногаю даже не понадобились значительные ордынские силы: с помощью посулов или угроз он сумел убедить болгарского царя Константина Асена принять участие в походе со своей многочисленной армией. Болгарский царь, к которому Кей-Кавус неоднократно обращался за помощью, и сам разрабатывал планы по освобождению пленного султана и поэтому внимательно следил за событиями в Византии. Получив сообщение, что император Михаил VIII Палеолог находится в Фессалии и собирается возвращаться в Константинополь, Ногай и царь Константин замыслили дерзкий план: захватить императора в плен, и тогда освобождение султана оказалось бы проще простого.

Болгары, издавна воевавшие с Византией и хорошо знавшие местность, оказались хорошими проводниками. Они сумели скрытно провести войска Ногай и Константина в пределы Фракии, где ордынцы решили устроить засаду императору. Правда, долго сохранять свои намерения в тайне им не удалось: воины Ногай, а за ними и болгары

начали грабить местное население, в результате чего по всей округе разнеслись слухи о вторжении врага, которые, в конце концов, дошли и до императора. Михаил VIII, отрезанный от столицы и своих основных сил, попал в крайне затруднительное положение. Один раз он оказался на расстоянии дневного перехода от войск Ногая и едва не попал в плен. С большим трудом императору удалось добраться до города Гана, где он, к своему огромному облегчению, увидел в порту две генуэзские галеры и решил добраться до столицы морем.

Не сумев пленить императора, Ногай вернулся к первоначальному плану и двинул свои объединенные силы к городу Эн, в котором Михаил VIII держал султана Кей-Кавуса. Осадив его, Ногай направил в город посланцев, через которых передал местным жителям: если те не выдадут султана, он возьмет город и истребит всех поголовно. Находившиеся при султани императорские стражники, опасаясь наказания за утрату пленника, намеревались оказать сопротивление и были готовы в крайнем случае даже умертвить султана, но не отдавать его ордынцам. Однако население, решив использовать имеющийся шанс сохранить жизнь и имущество, заставило их выдать Кей-Кавуса. Как только султан покинул город и оказался в лагере Ногая, ордынский полководец приказал немедленно сниматься и уходить: он также не горел желанием завершить столь удачный и прибыльный поход встречей с императорскими войсками, которая неизвестно чем могла кончиться. Ногай поступил совершенно правильно: два дня спустя после его ухода на рейде Эна оказался императорский флот.¹⁶³

С освобожденным султаном Ногай вернулся в Орду, по пути разграбив ряд византийских и болгарских селений. Захваченной добычей он всегда щедро делился с соратниками, которые готовы были в огонь и в воду за своего вождя...

В феврале 1265 г. до Берке дошли слухи, что Хулагу умер и что никаких войск Хубилая в Иране не замечено, и решил предпринять очередной поход в Азербайджан. Ногай снова был поставлен во главе авангарда, насчитывавшего на этот раз 30 000 воинов, а следом за ним двинулись пять туменов золотоордынских войск под командованием нойона Сунтая. Новый ильхан Абага, получив сведения о численности вражеских войск, решил применить военную хитрость и притворным отступлением заманил Ногая далеко в глубь своей территории. В результате хитрых тактических маневров иранским монголам удалось создать у Сунтая впечатление, что Ногай окружен и разгромлен, и полководец поспешил отступить к границам Золотой Орды, чтобы не разделить его участь.

В результате Ногай со своими тремя туменами остался один против всей иранской армии. Юшумут, брат ильхана, обрушился на него и разгромил. Вероятно, одной из причин поражения ордынских войск стало то, что в разгар битвы Ногай был ранен копьем в лицо и лишился глаза. Боль была настолько сильной, что он даже не мог сидеть в седле, и его пришлось положить на повозку. Оставшимся без командира ордынцам не оставалось ничего другого, как обратиться в бегство.

Однако дальше в точности повторился сценарий кампании 1262 г.: Абага, увлекшийся преследованием, зашел дальше, чем требовало благоразумие, и внезапно оказался перед 300-тысячной армией под командованием самого Берке. Ильхан поспешил отступить за Куру и укрепился на своем берегу, успешно отражая все попытки ордынцев переправиться. Несмотря на то что Ногай в очередной раз потерпел поражение, его никто не смог бы упрекнуть: его раны свидетельствовали о его мужестве.¹⁶⁴

Возможно, Берке и начал подумывать о замене своего любимца более опытным полководцем, однако даже если и имел такие намерения, то не успел привести их в исполнение. Как мы помним, во время «стояния на Куре» в 1266 г. правитель Золотой Орды скончался, оба войска разошлись по домам, так и не вступив в сражение, и война на некоторое время затихла.

III

Каково бы ни было отношение к Ногаю у Берке к концу его правления, смерть покровителя весьма существенно отразилась на дальнейшей судьбе Ногая. Будучи одним из приближенных Берке, он принял активное участие в придворных интригах после его смерти, стремясь поставить во главе Золотой Орды удобного для себя правителя.

Кого именно поддерживал Ногай, неизвестно, несомненно одно: он сделал неверную ставку, отказавшись сразу признать новым правителем Менгу-Тимура, внука Бату. Менгу-Тимур же, выйдя к 1267 г. победителем в борьбе за власть, немедленно отстранил Ногая от командования войсками и повелел ему отправляться в родовые владения на Дунае. Впрочем, Менгу-Тимур прекрасно понимал, что Ногай сохранил влияние и в семейной иерархии, и особенно в войсках, а потому, отправив его в ссылку, сам благоразумно не стал вмешиваться во внутренние дела его улуса, фактически предо-

ставив опальному темнику полную свободу действий во внутренней и внешней политике.¹⁶⁵

Таким образом, Ногай в течение всего правления Менгу-Тимура не участвовал в общеордынских делах: не бывал при дворе, не командовал войсками, не принимал участия в событиях 1269 г., в результате которых Менгу-Тимур стал первым ханом Золотой Орды. Несомненно, удаление от сарайского двора стало сильным ударом для энергичного и амбициозного царевича. Однако Ногай вовсе не собирался ставить крест на своей карьере и тихо доживать век в придунайских владениях. Напротив, он активизировал свою деятельность, лихорадочно пытаясь найти свое место на международной арене и доказать как золотоордынским властителям, так и иностранным государям, что его еще рано списывать со счетов.

К счастью для Ногайя, монгольские правители, как правило, старались «не выносить сор из избы» и не делали свои внутренние конфликты достоянием международной общественности. Поэтому иностранные государи в течение всего срока опалы Ногайя даже не подозревали, что этот темник, столь влиятельный при Берке, теперь находится в немилости и играет далеко не первую роль при ордынском дворе. Естественно, и сам Ногай старался создать у них представление об обратном. В результате в течение всего правления Менгу-Тимура арабские правители, отправляя послов в Золотую Орду, присылали дары не только хану, его женам и братьям, но и Ногаю.¹⁶⁶

Пользуясь тем, что Менгу-Тимур никак не вмешивается в дела его улуса, Ногай развернул широкую дипломатическую деятельность, бесцеремонно присвоив себе право самостоятельных внешних сношений, являвшееся прерогативой только независимых государей. Без какого-либо согласования с ханским двором он обменивался посольствами и заключал союзы с государями Востока и Запада.

Так, в 669 г. х. (1270 г.) он направил собственное посольство к египетскому султану Рукн ад-Дину Бейбарсу, предложив ему союз. Чтобы в большей степени расположить к себе султана, Ногай поведал ему в своем послании, что принял ислам (возможно, темник это действительно сделал, поскольку в арабских источниках он фигурирует под мусульманским именем Иса). Бейбарс немедленно отреагировал на инициативу темника, и с этого времени между ними завязалась дружественная переписка. Ногай наслаждался своим положением практически самостоятельного государя, обменивавшегося посланиями с одним из могущественнейших правителей в мире. И лгал. Лгал

самым беспардонным образом, обещая султану, что непременно подействует в развязывании новой войны с Ираном, прекрасно зная, что ничего не сможет сделать, пока Менгу-Тимур жив и находится у власти.¹⁶⁷

Как ни странно, но султан Бейбарс, сам опытный политик и прожженный интриган, охотно верил обещаниям Ногая. Может быть, потому что хотел верить? Однако ожидания султана не сбылись: он умер в 1277 г., так и не дождавшись войны Золотой Орды с Ираном, которую обещал Ногай. Однако преемники Бейбарса унаследовали, помимо всего прочего, и хорошие отношения с Ногаем, которому и впоследствии постоянно направляли послания и богатые дары. В конце концов, Ногаю удалось выполнить обещание, данное Бейбарсу, и развязать войну с хулагуидским Ираном — правда, это случилось, когда трон Золотой Орды занял Тула-Буга, второй по счету преемник Менгу-Тимура, а во главе Египта стоял султан Калаун, третий преемник Бейбарса. Впрочем, как ни странно, Ногай даже вынужденный мир с Ираном сумел использовать в своих интересах: он направил к ильхану Абаге в качестве посланца своего сына Тури, который женился на дочери ильхана.¹⁶⁸

Дружеские связи Ногая с египетским султаном не могли не отразиться на положении темника в глазах других государей, которые были вынуждены соотносить свою внешнюю политику с позицией Египта. Одним из таких государей был Михаил VIII Палеолог — император Византии, некоторое время тому назад едва не угодивший в плен к Ногаю и его союзнику, болгарскому царю Константину. Стремясь оградить себя от новых нападений со стороны могущественного темника, император пошел на беспрецедентный шаг: он выдал замуж за Ногая свою внебрачную дочь Евфросинию. Так дикий неграмотный кочевник стал зятем византийского базилевса и даже получил в византийской имперской иерархии титул архонта — правителя провинции!¹⁶⁹

Породнившись с императором, Ногай и в самом деле стал проводить гораздо более дружественную политику по отношению к Византии, правителя которой он не без иронии именовал своим «отцом». Естественно, базилевс мог считаться «отцом» Ногая только в «семейном» отношении, а не в политическом: темник не мог признавать его верховенства, являясь (пусть и фактически номинально) подданным золотоордынского хана.

То, что Ногай не испытывал никакого пиетета к своему «отцу», он откровенно демонстрировал, принимая его посольства, которые

Михаил VIII направлял к новоявленному зятю с богатыми дарами — целыми бочками знаменитых ромейских вин, золотой и серебряной посудой, роскошными драгоценными одеждами и головными уборами, приличествующими византийской знати. Принимая вина и щедро воздавая им должное, Ногай с изрядной долей презрения относился к византийским одежаниям. Беря в руки расшитые жемчугом головные уборы, он спрашивал: «Полезна ли эта калиптра для головы, чтобы она не болела, или эти рассеянные по ней жемчужины и другие камни имеют ли силу защищать голову от молнии и ударов грома, так чтобы человек под такую калиптрою был непоражим?» Примеряя драгоценные златотканые одежды, темник задавал аналогичные вопросы: «А эти драгоценные платья избавят ли члены моего тела от утомления?» И когда византийские дипломаты со смущением были вынуждены отвечать отрицательно, Ногай с отвращением сбрасывал чуждые ему одежания (а иногда даже и рвал их на глазах у императорских посланцев) и демонстративно облачался в привычный ему армяк.¹⁷⁰

Но император сквозь пальцы смотрел на «дипломатические шалости» Ногай, поскольку на деле темник нередко доказывал союз с Византией. В первую очередь, это отразилось на византийско-болгарских отношениях: став зятем императора, Ногай не только сам прекратил набеги на византийские области, но и запретил совершать их своему прежнему союзнику и вассалу — болгарскому царю Константину Тиху. В 1277 и 1278 гг. войска Ногай совместно с армией императора действовали против болгар, а в 1282 г. — против фессалийского правителя Иоанна, и в это время — удивительное дело! — монголы находились на территории Византии в качестве союзников.¹⁷¹

В 1277 г. царь Константин Асен был свергнут и убит в результате народного восстания, и трон Болгарии занял «крестьянский царь» Ивайло, женившийся на вдове Константина. Новый царь сразу начал боевые действия против монголов, которых однажды сумел даже разгромить в сражении. Но всего год спустя против него выступил ставленник византийского императора Иван Асен III (также зять Михаила VIII), и Ивайло не нашел ничего лучше, как обратиться за помощью к Ногаю. Он прибыл в лагерь темника, который поначалу принял его с честью: свергнутый царь был для него орудием влияния на политику Болгарии и Византии. Еще год спустя был свергнут и Иван Асен III, который также прибыл к Ногаю. Темнику, безусловно, льстило, что от его решения зависят судьбы двух царей Болгарии. Однако он прекрасно понимал, что долго такая неопределенность

длиться не может, а потому принял решение, обосновав его интересами своего тестя. В 1280 г. на пиру, на котором присутствовали оба свергнутых болгарских монарха, он заявил, указав на Ивайло: «Этот человек — враг моего отца, императора, и достоин никак не жизни, а смерти». Свергнутый царь был тут же на месте умерщвлен. Иван Асен III, со дня на день ожидавший такой же участи, в конце концов, по настоянию Евфросинии, супруги Ногая, был отослан в свои прежние владения в сербской Мачве.¹⁷² Новый царь, Георгий Тертер, поначалу плативший ордынцам дань (подобно русским вассалам Золотой Орды), с 1285 г. был вынужден признать себя фактическим подданным — причем даже не хана, а самого Ногая, и чеканил монеты с соответствующей символикой.¹⁷³

Отказавшись от набегов на Византию, Ногай обратил свой взор на другие страны Центральной Европы. В 1275–1279 гг. он совершил ряд набегов на территории Польши и Литвы. Эти походы оказались полезны для Ногая не только с точки зрения поживы, хотя ему и удавалось награбить достаточно добычи и увести в рабство множество местных жителей. Гораздо важнее было то, что во время этих походов темник сблизился с южнорусскими князьями — Львом Галицким и Романом Брянским, которые в большей мере стали подчиняться ему, а не сарайскому хану. А самое главное, его соратником по набегам стал царевич Тула-Буга, являвшийся баскаком в Южной Руси и, вместе с тем, одним из наиболее вероятных претендентов на ханский трон: он был сыном Тарбу, старшего брата Менгу-Тимура. Несколько позднее, в 1283 и 1285 гг., Ногай и Тула-Буга вместе с галицко-волынскими князьями совершили успешные набеги на Венгрию и Польшу, и эти удачные кампании еще больше сблизили двух Джучидов.¹⁷⁴ Союз со столь влиятельным родичем открывал перед Ногаем весьма заманчивые перспективы в будущем.

И это будущее наступило очень скоро: в 1280 г. умер хан Менгу-Тимур; с его смертью ссылка Ногая закончилась, и он получил возможность вернуться к активной политической жизни.

IV

Вынужденная ссылка пошла Ногаю на пользу: он вернулся в Сарай гораздо более могущественным, чем был, когда его удалили от двора. Оказавшись в столице, он полностью погрузился в мир интриг и междоусобиц, в которых чувствовал себя как рыба в воде.

Как мы помним, Менгу-Тимур не назначил себе преемника, что привело к очередному всплеску борьбы за власть. Кто-то стоял за

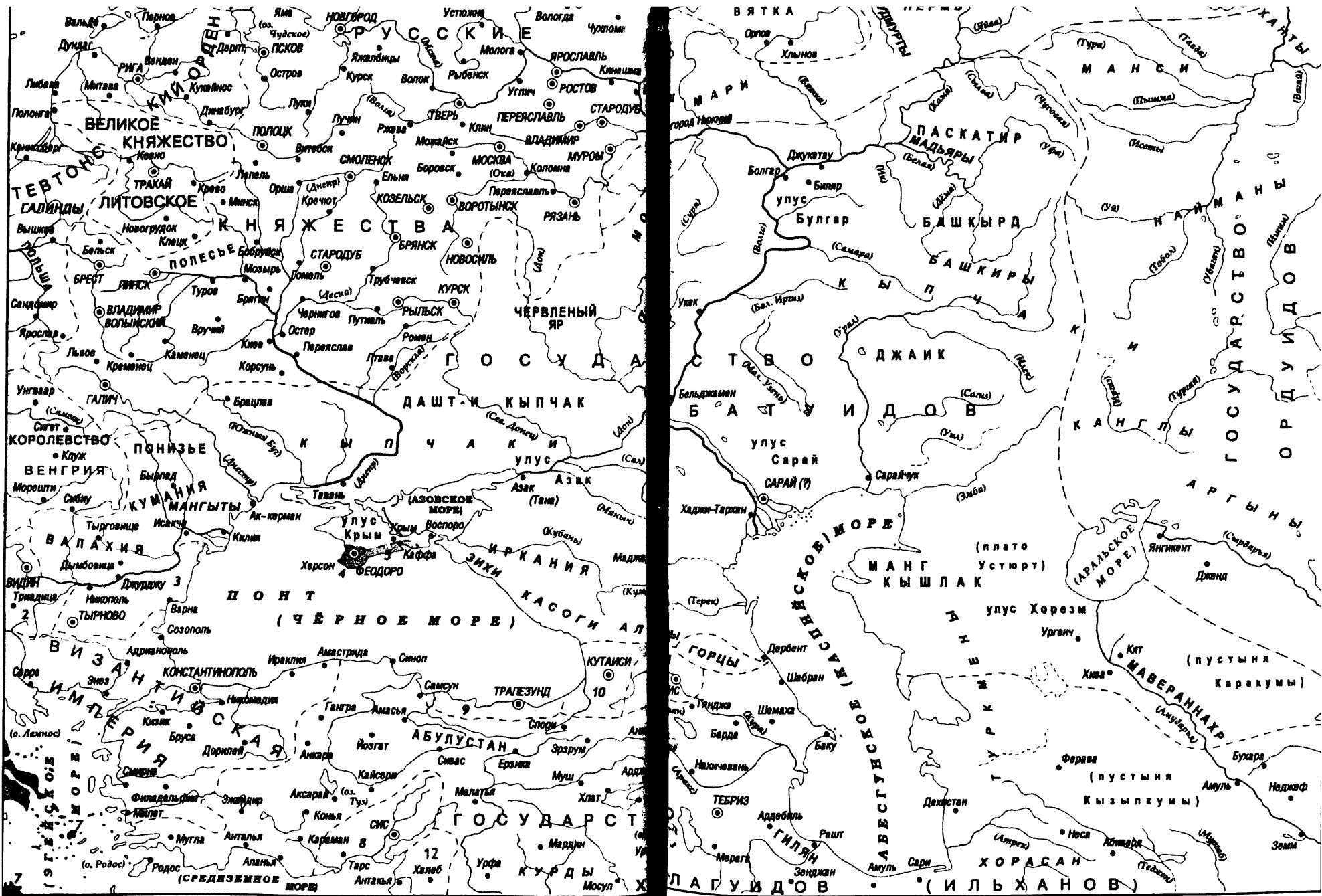
Туда-Менгу, младшего брата хана, кто-то — за Тула-Бугу, его племянника. Сторонники Тула-Буги даже утверждали, что Менгу-Тимур якобы завещал выбрать ханом именно Тула-Бугу, поскольку его отец Тарбу был старшим братом Менгу-Тимура, а сам Тула-Буга был старшим сыном своего отца. Однако на стороне Туда-Менгу были и возраст, и старшинство в семейной иерархии, а главное — он исповедовал ислам, и поэтому на его стороне выступали представители мусульманской общины Золотой Орды, влиятельные богословы и торговцы.

Несомненно, за время общения с балканскими государями Ногай поднатерел в политике, что позволило ему на этот раз поддержать «правильного» кандидата, и он, несмотря на свои дружеские отношения с Тула-Бугой, сделал выбор в пользу его дяди Туда-Менгу. Новый хан отблагодарил Ногаю, возведя в ранг бекляри-бека — фактически премьер-министра и верховного главнокомандующего войсками всей Золотой Орды.¹⁷⁵

Впрочем, Ногай не был бы самим собой, если бы не продумал запасного плана: он вовсе не собирался порывать отношения с Тула-Бугой, а напротив — пообещал ему, что тот вскоре займет трон. Возможно, сведения об этом дошли до Туда-Менгу, а может быть, хан просто стал тяготиться чрезмерным усилением своего военачальника, но он начал проводить политику, которой прежде придерживался его брат Менгу-Тимур: хан постарался ограничить власть Ногаю, дистанцируя его от большой ордынской политики.

И вскоре интересы хана и бекляри-бека столкнулись, причем в отношении русских земель. Надо сказать, что не только Орда, но и Русь в это время стала представлять как бы два удела — Юго-Западная и Южная Русь целиком и полностью находились в сфере влияния бекляри-бека, тогда как северо-восточные княжества все еще были под властью хана. Туда-Менгу решил положить этому конец и предпринял ряд действий, чтобы исправить ситуацию.

Наиболее радикальным вмешательством Туда-Менгу в политику Руси стала замена одного великого князя другим — такого не позволял себе ни один ордынский правитель со времен Бату, помогшего Александру Невскому сместить своего брата Андрея! В 1281 г. к хану обратился князь Андрей Городецкий, второй сын Невского, с жалобой на своего старшего брата, великого князя Дмитрия. Андрей обвинил брата в неподчинении ханской власти и сумел убедить хана, что будет куда лучшим вассалом, нежели Дмитрий. Кроме того, Дмитрий Переяславский в свое время по какой-то причине замешкался

Карта 3. Государство Батуидов на рубеже XIII и XIV вв. (автор – Астайкин А. А.).

1 Владения Дании, 2 Видинское княжество, 3 Тырновское царство, 4 Княжество Феодоро, 5 Владения Генуи, 6 Герцогство Афинское, 7 Владения Венеции, 8 Киликия, 9 Трапезундская империя, 10 Западное Грузинское царство, 11 Восточное Грузинское царство, 12 Государство мамлюков. Хорезм – отдельные владения в государстве Батуидов. Границы государств нанесены на 1300 г.

явиться к хану для подтверждения своего великокняжеского статуса, а Андрей еще и имел в Орде сильных покровителей среди сановников и военачальников: он обзавелся ими еще при Менгу-Тимуре во время совместного русско-ордынского похода на Джулат (Дедяков). Результатом стала очередная ордынская «рать» на Русь: хан выдал Андрею Александровичу ярлык на великое княжение и отправил с ним войска под командованием нойонов Кавгадыя и Алчедая. Ордынские полководцы не удовольствовались тем, что заставили Дмитрия оставить великий стол и бежать аж в Швецию, но еще и разорили русские княжества — Переяславское, Муромское, Суздальское, Юрьевское и др. Андрею Александровичу удалось занять великий стол, а немного позже стать и новгородским князем.

Однако на следующий год новый великий князь был вынужден бежать из только что обретенного Владимира, поскольку его брат Дмитрий вернулся, собрал рать и двинулся на него. Андрей вновь обратился к хану за помощью, и тот вторично предоставил ему войска — на этот раз под командованием Тура-Тимура и Алына, которые, возвращая великий стол Андрею, снова разграбили суздальские земли. На этот раз Дмитрий Александрович, прекрасно осведомленный о разногласиях между Туда-Менгу и Ногаем, обратился за помощью к бекляри-беку, который приказал братьям помириться, а трон вернул старшему, Дмитрию Александровичу. Влияние Ногая было настолько сильным, что хану пришлось смириться с таким положением дел.¹⁷⁶

Но на этом противостояние Туда-Менгу и Ногая по поводу русских земель не прекратилось. Тогда же, в начале 1280-х гг., Ногай назначил в Курское княжество баскаком купца-мусульманина Ахмата, который около 1283 г. создал там две «слободы», в которых охотно селил крестьян и горожан, бежавших от своих князей. Беглецов привлекало то, что в этих слободах взималось куда меньше налогов и повинностей, чем у русских же князей. Естественно, князьям такое положение не очень-то нравилось, и двое из них, Олег Рыльский и Святослав Липецкий, обратились с жалобой к хану. Туда-Менгу приказал им: «Что будет ваших людей в слободах тех, тех людей выведете в свою волость, а слободы те разгоните». Ободренные ханской поддержкой, курские князья вместе с ханскими «приставами» разграбили слободы, а их обитателей захватили в плен. Ахмат немедленно обратился с жалобой к Ногаю, причем представил дело так, будто Олег и Святослав готовятся к войне против него, бекляри-бека. Ногай вызвал к себе «провинившихся» князей, однако те, естественно, не рискнули явиться, и тогда он двинул в Курскую волость свои войска.

Олег и Святослав бежали к Туда-Менгу-хану, но Ахмату удалось захватить нескольких их бояр, которых он предал казни. Свои слободы баскак вскоре восстановил, и когда Олег Рыльский снова отправился в Орду, Святослав Липецкий, не дожидаясь ханского решения, опять разгромил их. Вернувшись из Сарая с ханскими чиновниками, Олег узнал о содеянном и, рассвирепев, убил Святослава, желая тем самым избежать нового нашествия Ногая. Это князю и в самом деле удалось: вскоре он вместе с двумя сыновьями был убит Александром Липецким, братом Святослава. Впрочем, узнав о гибели обоих князей, Ногай пришел к выводу, что виновные понесли заслуженное наказание, и больше не совершал набегов на и без того разоренную Курскую волость.¹⁷⁷

Попытавшись уменьшить власть и влияние Ногая, Туда-Менгу, лишенный могущества и энергии своего брата Менгу-Тимура, оказался не в состоянии сделать это и в результате поплатился тронем. Ногай стал все больше и больше «давить» на хана, постепенно отстраняя его от дел и выводя на первые роли своего доброго приятеля Тула-Бугу. Большую помощь Ногаю в интригах оказала Джиджекхатун — властная женщина, бывшая сначала любимой женой хана Берке, а затем — главной супругой Менгу-Тимура и пользовавшаяся огромным влиянием в стране, особенно среди мусульман, поскольку сама исповедовала ислам. А в 1287 г. Тула-Буга объединился со своими родными и двоюродными братьями и устроил государственный переворот: под формальным предлогом, что хан, якобы, слишком много внимания уделяет религиозным делам и совершенно не вникает в дела государственные, заговорщики заставили Туда-Менгу отречься от трона. Хан понял, что власть ему уже не удержать, и, желая сохранить хотя бы жизнь, объявил, что охотно отрекается и намерен провести остаток жизни в благочестивых занятиях. Его племянникам только того и надо было: они объявили дядю сумасшедшим и на этом основании признали неспособным к ханствованию.¹⁷⁸

Туда-Менгу был посажен под арест в дальних покоях ханского дворца в Сарая и больше в политической жизни Золотой Орды не участвовал, а два года спустя таинственно скончался. По-видимому, он был умерщвлен по приказу Тула-Буги и Ногая. Интересно отметить, что бекляри-бек лично не принимал участия в этом перевороте, предоставив действовать своим сообщникам-царевичам. Тем самым Ногай избежал возможных обвинений в мятеже против законного хана, тогда как у него самого появлялись основания в случае необходимости обвинить в этом Тула-Бугу и его сообщников...

V

Казалось, настал звездный час Ногая: на трон взошел его прямой ставленник Тула-Буга. Однако бекляри-бек, никогда и никому не доверявший до конца, и на этот раз решил подстраховаться: хотя он и позволил Тула-Буге стать ханом, однако не собирался отдавать новому монарху всю полноту власти. Фактически соправителями нового хана стали его родной брат Кунчек и два двоюродных — Алгуй и Тогрул, сыновья Менгу-Тимура. Ногай сохранил за собой пост бекляри-бека, а кроме того, самовольно присвоил себе статус «ака» — главы рода Джучидов с правом разрешать по собственному усмотрению все споры в ханском семействе.¹⁷⁹ И, решив максимально использовать преимущества своего положения, Ногай вознамерился в очередной раз выказать себя великим полководцем, причем на том же театре боевых действий, где уже не раз терпел поражение — в войне с хулагуидским Ираном.

С 1265 г. не только в Золотой Орде, но и в Иране сменилось несколько монархов. В 1282 г. умер Абага, которого сменил его брат Тохудар, принявший ислам и мусульманское имя Ахмад, поэтому Туда-Менгу, тоже мусульманин, не хотел враждовать с ним, несмотря на недовольство Ногая. Тохудар, в свою очередь, был свергнут Аргуном, сыном Абаги, исповедовавшим буддизм. В глазах Ногая, стремившегося предстать в глазах египетских союзников ревностным мусульманином, Аргун являлся язычником, и бекляри-беку не составило труда убедить нового хана объявить войну Ирану. Ильхан, занявший трон после кровавой междоусобицы в 1284 г. все еще навел в своей стране порядок и вовсе не имел намерения сражаться с Золотой Ордой. Но еще меньше Аргун желал без сопротивления уступить Азербайджан, который столь успешно отстаивали его дед и отец. Поэтому, когда в 1288 г. золотоордынские войска под командованием Ногая и Тама-Токты двинулись в сторону Шиврана, Аргун немедленно собрал свои силы и выступил им навстречу.

Поистине, азербайджанская и иранская земля были созданы не для Ногая: он в очередной раз потерпел поражение от войск ильхана! На этот раз опытный и уже немолодой полководец был разбит 30-летним Аргуном, практически не имевшим опыта большой войны (да еще и страдавшим врожденной смертельной болезнью), и совсем молодым эмиром Чопаном, которому впоследствии суждено было стать «Ногаем» в государстве Хулагуидов. Наголову разбив ордынцев, Аргун благоразумно не стал их преследовать, позволив поредевшим войскам Ногая и Тама-Токты достичь границ Золотой Орды. Это хотя

бы отчасти спасло репутацию Ногая и целостность державы Джучидов, поскольку разгромленный бекляри-бек даже не оставил пограничных заслонов, и приграничные территории Орды были полностью беззащитны перед вторжением врага.¹⁸⁰

Чтобы хоть как-то реабилитировать себя в глазах хана и сановников за столь позорный разгром, Ногай решил осуществить другую кампанию, в успехе которой не сомневался — грабительский рейд на Венгрию, подобный тому, который три года назад он успешно совершил совместно с Тула-Бугой. Хан вознамерился снова лично принять участие в набеге: по-видимому, и он сохранил не менее приятные воспоминания о той вылазке.

Тула-Буга и Ногай решили осуществить вторжение в Венгрию с двух сторон: бекляри-бек выступил из своих причерноморских владений через равнины, а хан — из южнорусских земель через Карпаты, поскольку, будучи баскаком в Южной Руси, успел неплохо узнать этот путь. Однако и этот поход Ногая оказался неудачным. Во-первых, ордынцам не удалось взять богатой добычи, поскольку области, постоянно подвергавшиеся их нападениям, не успевали восстановить свое благосостояние за столь короткий срок. Во-вторых, Тула-Буга, возвращаясь через Карпаты, оказался застигнут бураном и потерял воинов больше, чем во время набега.¹⁸¹ В результате отношения между ханом и бекляри-беком совершенно испортились: Тула-Буга обвинил Ногая в том, что бекляри-бек специально отправил его через горы, чтобы самому вернуться со славой и добычей, оставшись единственным победителем. Соправителям Тула-Буги и другим родичам удалось погасить ссору, но напряженность в отношениях хана и его бекляри-бека осталась.

В 1290 г. Ногай предпринял очередную попытку вторжения в Иран и направил десятитысячный отряд в Шабран. Несмотря на то что сам он на этот раз даже не командовал войсками (ордынцев возглавили его прежний соратник Тама-Токта и еще несколько царевичей), они были снова разгромлены ильханом Аргуном и, оставив на поле боя убитыми 300 воинов, а еще больше пленными, были вынуждены отступить.¹⁸²

Тула-Буга и его соправители, все больше тяготившиеся зависимостью от бекляри-бека, начали открыто выражать сомнения в его способностях полководца и целесообразности сохранять за ним пост главнокомандующего. Ногай, в свою очередь, стал серьезно сомневаться, стоит ли Тула-Буге продолжать занимать трон — тем более что бекляри-бек уже нашел ему замену в лице Токты, 16-летнего сына

Менгу-Тимура. Вынужденный скрываться от своих братьев, и ранее считавших его опасным соперником, Токта с радостью пошел на сговор с Ногаем, но до поры до времени они решили сохранять свои намерения в тайне.

Ногай сделал вид, что готов пойти на мировую с ханами-соправителями и каждому из их приближенных говорил при встрече: «Подходит пора старости, я оставил споры, распри и смуты, ни с кем не ссорюсь и не помышляю воевать. Однако есть у меня от Саин-хана указ, что если кто-либо в его улусе совершит непутевое и расстроит улус, то чтобы я расследовал это дело и склонил их сердца к согласию друг с другом». Таким образом, в глазах нойонов он представлял мудрым и миролюбивым старцем, изо всех сил старавшимся сохранить мир в стране и согласие в семействе Джучидов.

Реализуя свой коварный план, Ногай решил также заручиться содействием своей старинной союзницы Джиджек-хатун, которая по-прежнему пользовалась большим влиянием и уважением в семействе Джучидов. Когда ее посланец вошел в шатер Ногая, он застал бекляри-бека лежащим без сил на кошме и постоянно харкающим кровью (на самом же деле хитрый Ногай заранее набрал в рот свежей крови и теперь периодически сплевывал ее!). Узнав от своего приближенного, в каком состоянии находится Ногай, Джиджек-хатун немедленно направила к Тула-Буге и его братьям послание, в котором, в частности, говорилось: «Как можно скорее удостойтесь беседы с тем немощным старцем, оставляющим сей мир и твердо решившим отправиться в другой мир. Если вы допустите в этом деле небрежность и нерадивость, то молоко ваших матерей да не будет вам впрок!»

Хан и его братья поверили Джиджек-хатун и, кроме того, пожелали лично убедиться в том, что Ногай смертельно болен и более не представляет угрозы. Все четверо явились к бекляри-беку в шатер, где он по-прежнему продолжал разыгрывать из себя смертельно больного. Только на этот раз он еще и начал читать им нравоучение: «Дети, я служил отцам нашим, и в старину и в недавние времена устанавливал всяческую справедливость, поэтому вам необходимо выслушать мое нелицеприятное слово, дабы я мог сменить ваши распри на истинное согласие. Ваше благо — в мире, устройте курилтай, дабы я дал вам мир». Пока братья с напускным смирением и почтением выслушивали «последнюю волю умирающего», шатер окружили сторонники Ногая и Токты, которые по сигналу ворвались внутрь и схватили всех четверых.¹⁸³

Ногай приказал подвести пленников к Токте и заявил ему: «Вот этот, — он указал на Тула-Бугу, — завладел царством отца твоего и твоим царством, в вот эти сыновья отца твоего согласились с ним схватить и убить тебя. Я отдал их в твои руки; умертви их, как хочешь». Токта прекрасно знал, чего от него хочет Ногай: не дрогнув, он отправил на казнь четырех потомков Бату, среди которых были два его брата по отцу — родной Алгуй и единокровный Тогрул. Вскоре по его приказу были казнены еще три сына Менгу-Тимура, принявшие сторону Тула-Буги, — Малакан, Кадан и Кутуган.¹⁸⁴

Так 17-летний Токта стал очередным ханом, которого «сделал» Ногай. Возможно, всесильный бекляри-бек не исключал возможности в будущем заменить и его, если новый хан станет выказывать строптивость. Однако вряд ли Ногай мог себе представить, что только что по собственной воле возвел на трон самого опасного своего противника, который впоследствии станет виновником его крушения и гибели!

VI

Поначалу в отношениях Токта-хана и его бекляри-бека царила полная идиллия. Молодой хан безропотно исполнял любые требования Ногая, которые чаще всего сводились к приказу устранить кого-либо из нойонов, не угодных бекляри-беку.

Так, однажды Яйлак(Байлак)-хатун, супруга Ногая, прибыла в гости к Токте и сказала ему: «Отец твой, — она имела в виду Ногая, — говорил тебе, что на пути твоём осталось еще немного терна». Токта прекрасно понял намек и спросил: «А что это за терн?» И Яйлак-хатун назвала ему более двадцати нойонов, которым не доверял ее супруг. Хан подчинился приказу бекляри-бека: он под какими-то предлогами вызвал к себе всех этих нойонов поодиночке и казнил. Чуть позже Токта, также по приказу Ногая, велел задушить и ханшу Джиджек — к счастью для хана, она не была его матерью!¹⁸⁵

Избавившись от всех влиятельных соперников при ханском дворе, Ногай стал еще больше усиливаться. Освободившиеся места сановников он старался передать собственным родственникам — своим сыновьям Джуки, Теке и Тури и внуку Ак-тайджи, который был сыном его дочери и нойона Таш-Тимура. Сам бекляри-бек все больше времени проводил в своем придунайском улусе, стараясь превратить его в практически независимое государство и укрепляя свое влияние в балканских странах. В 1292 г. он возвел на трон Болгарии своего ставленника боярина Смилеца, а также вынудил сербского краля

Стефана Милутина признать вассалитет — но опять-таки не от хана Золотой Орды, а именно от Ногая! Сын краля Стефан (будущий краля Стефан Дечанский, отец Стефана Душана) был отдан Ногаю в заложники. Вассалитет от Ногая признали также автономные болгарские княжества — Видинское и Браничевское.¹⁸⁶ В результате беклярибек в начале 1290-х гг. превратился в повелителя огромной империи, включавшей половину Золотой Орды и имеющей собственных вассалов среди русских и балканских правителей.

Как отмечает В. И. Булгакова в статье «Конфликтная зона Черное море...» (с. 62), в начале 1290-х гг. Ногай также вмешался в противостояние венецианских и генуэзских колоний в Причерноморье. В 1291 г. он поддержал венецианцев, вынудив их соперников-генуэзцев прибегнуть к покровительству персидских ильханов.^{186а}

Около 1296 г. Ногай начал чеканить монету с собственным именем, фактически претендуя на статус правителя, независимого от хана Золотой Орды. И, что вызвало особенно негативную реакцию при ханском дворе, приказывал проставлять на монете не только свое имя, но и своего старшего сына Джуки, намереваясь сделать его своим преемником — что вообще нарушало все традиции семейства Чингизидов.¹⁸⁷

При дворе Токты начала формироваться новая оппозиция Ногаю, которую возглавил нойон Салджидай-гурген, прежде считавшийся сторонником Ногая. Салджидай владел улусом «вблизи Хорезма» и был весьма знатного рода: он происходил из племени кунграт (из которого большинство Чингизидов брало себе жен), сам был женат на Келмиш-хатун, сестре великого хана Мунке, а его дочь Олджай-хатун была супругой Менгу-Тимура и матерью Токты, которому Салджидай, соответственно, приходился дедом. Не довольствуясь столь тесными связями с «Золотым родом», Салджидай решил породниться еще и с Ногаем: он женил своего сына Яйлага на Кабак, дочери Ногая.¹⁸⁸ И вот теперь этот влиятельный нойон вместе с Тама-Токтой, еще одним бывшим соратником Ногая, начал настраивать своего царственного внука против беклярибека, что, впрочем, не составляло особого труда: повзрослевший хан и сам уже тяготился зависимостью от всеильного временщика. Воспользовавшись недовольством, которое росло среди нойонов, Токта и его дед вознамерились лишить Ногая его постов и власти, но для этого надо было сначала заманить его к себе. Хан неоднократно приглашал беклярибека ко двору, но недоверчивый Ногай постоянно находил благовидные предлоги, чтобы отказаться от приглашения.

Ногаю очень не нравилось усиление Салджидаея, и он, в свою очередь, раз за разом слал Токте письма, в которых с раздражением писал: «Людам известно, сколько я понес трудов и тягот, самого себя

я сделал причастным к вероломству и коварству, чтобы хитростью освободить для тебя трон Саин-хана, а теперь на этом троне правит карачу Салджидай. Если сын мой Токтай хочет, чтобы между нами укрепились отцовско-сыновние отношения, то пусть он Салджидай отошлет в его юрт, который находится вблизи Хорезма». Хан на эти послания не реагировал, и это привело к еще большей вражде между Ногаем и его сватом Салджидаем, который вместе со своим сыном Яйлагом перестал оказывать уважение Кабак, дочери Ногая, и она пожаловалась отцу на притеснения со стороны мужа и свекра.¹⁸⁹

Ногай, понимавший, что Токта так просто не выдаст своего деда на расправу, решил принять другие меры. Супруге бекляри-бека Яйлак-хатун удалось уговорить нескольких военачальников Токты перекочевать во владения Ногая, который радушно принял их и даже выдал за одного из них, Таза, замуж свою дочь Тугулджу. Токта возмутился столь явным нарушением Ясы Чингис-хана и потребовал от Ногая вернуть беглых эмиров, однако получил ответ: «Я отошлю их тогда, когда он пришлет ко мне Салджидай, его сына Яйлага и Тама-Токту». Токта ответил: «Он мне как отец и воспитатель, и он старый эмир, как же я отдам его в руки врага?»¹⁹⁰ Трудно сказать, что больше разгневало Ногая — сам факт, что хан отказался выполнить его волю, или что Токта назвал Салджидай «отцом», как прежде он именовал самого бекляри-бека. Как бы то ни было, ответ хана стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Ногая. Зимой 698 г. х. (1298 г.) он начал собирать войска, демонстративно заявляя, что его кони хотят пить, и он намерен напоить их водой из Дона — как раз на Дону в это время располагалась ставка Токты. Во главе своих многочисленных войск Ногай двинулся во владения хана. Чтобы не выглядеть в глазах ордынской знати явным мятежником, он объяснил свои действия следующим образом: «Я имею намерение устроить курилтай, чтобы примириться с вами».

Токта оказался не готов к противостоянию с бекляри-беком: ханские войска были не только рассредоточены по разным улусам, но еще и ослаблены из-за перехода части военачальников к Ногаю. Тем не менее, хан не уклонился от битвы и встретил врага на берегах Дона. Силы были неравны: войска Ногая насчитывали до 200 000 воинов, у Токты было в два раза меньше. В результате хан потерпел поражение и бежал в Сарай. Ногай намеревался преследовать его, однако получил известие, что Тама-Токта уже ведет на помощь хану войска, набранные на востоке Золотой Орды. Потрепанная армия Ногая была не в состоянии справиться с ними, и Ногаю пришлось отказаться от намерения захватить хана в его столице.¹⁹¹

Тем не менее, на данном этапе борьбы с Токтой он вышел победителем. Результатом его победы стал фактический раскол Золотой Орды на две части: все владения к западу от Дона отошли к Ногаю, который более чем когда-либо прежде имел основания считать себя неограниченным владыкой Причерноморья.

VII

Первым делом Ногай решил подчинить своей власти Крым, также оказавшийся теперь в числе его владений. Он назначил своего внука Ак-тайджи наместником Солхата и отправил его со свитой принимать присягу от местного населения. Тот успешно выполнял поручение деда, пока не оказался в Кафе. Генуэзские власти Кафы, вероятно, посчитали, что раз Ногай не стал добивать Токту, значит, он не так уже силен, и решили оказать сопротивление. Однако они выбрали для этого самый худший способ: пригласили к себе Ак-тайджи вместе со свитой, а на торжественном пиру напоили их допьяна и всех умертвили. Ногай, получив известие о гибели внука, рассвирепел — не только из-за горечи утраты, но и из-за вероломства генуэзцев. Войска бекляри-бека вторглись в Крым, осадили Кафу и превратили ее в пепел. Стремясь отомстить за гибель внука, Ногай не остановился на этом: его войска также разграбили и сожгли Судак, Солхат, Керчь и другие крымские поселения. Погибшие в результате похода Ногайя крымские города Сары-Кермен и Эски-Кермен так и не были отстроены заново.¹⁹²

Несколько позже его гнев остыл, и бекляри-бек (по некоторым сведениям, уже начавший именовать себя ханом) осознал, что погорячился, и решил хоть как-то исправить содеянное. Поэтому, когда к нему обратились жители Солхата с просьбой вернуть пленных, он согласился, вспомнив, что этот город не имел никакого отношения к убийству его внука. Однако и тут он не смог угодить всем: его решение освободить крымских пленников восстановило против него собственных военачальников, поскольку лишало их добычи.¹⁹³

Особенно бурно протестовали темники Абаджи, Карачин и Йанджи. В семейной иерархии Джучидов они были по статусу даже выше Ногайя, поскольку приходились сыновьями Куремсы¹⁹⁴ и внуками Орду — старшему сыну Джучи. Вынужденные признавать власть Ногайя как бекляри-бека, они вовсе не желали сносить его самодурство и в особенности выходки его сыновей, которые день ото дня все более нагло вели себя по отношению к другим Джучидам и военачальникам. В результате все три внука Орду после бурного выяснения отношений

с Ногаем решили сняться с лагеря и отправиться к Токте — своему законному повелителю. Бекляри-бек послал вдогонку за ними своих сыновей, и те, не рискуя вступать в открытое столкновение с силами трех военачальников, начали с ними переговоры. Йанджи дал себя уговорить вернуться к Ногаю и обещал его сыновьям, что убедит братьев последовать его примеру. Абаджи и Карачин отправились на переговоры с Джуки, Теке и Тури, которые прямо тут же велели схватить и казнить их. Йанджи удалось бежать, после чего сыновья Ногая обрушились на войска сыновей Курмиши, лишившиеся командиров, и перебили значительную их часть. Однако многим воинам мятежных темников все же удалось спастись. Они обосновались на территории Валахии под командованием нескольких тысячников, которые не желали ни присоединяться к Токте, ни возвращаться к Ногаю. Стремясь расколоть семейство бекляри-бека, мятежники обратились к его сыну Теке, предложив ему принять начальство над ними и стать правителем собственного улуса. Когда же тщеславный царевич приехал, тысячники тут же схватили его и посадили под замок.¹⁹⁵

Между тем, обстоятельства складывались так, что Ногай даже не предпринял попытки спасти сына. Вероломные действия его сыновей против близких родичей, каковыми являлись сыновья Курмиши, привели к тому, что от Ногая стали бежать и другие военачальники. Трое влиятельных нойонов, Маджи, Сутан и Сангуй, перешли к Токте вместе со своими войсками. А вскоре их примеру стали следовать и другие нойоны, военачальники и даже простые воины. Среди перебежчиков оказался и нойон Мунджук — отец Таза, новоиспеченного зятя Ногая.

В то же время вассальные государства Ногая стали одно за другим выходить из повиновения ему. В Болгарии между 1296 и 1298 гг. скончался царь Смилец, и бояре не спешили отправлять посланцев к Ногаю, предпочитая получить нового царя-марионетку от византийского императора Андроника II, а не от мятежного бекляри-бека. В 1299 г., воспользовавшись раздорами в лагере Ногая, бежал сербский заложник, королевич Стефан, по возвращении которого его отец, краль Милутин, немедленно отказался признавать власть Ногая и даже захватил вассальные ему Видин и Браничев.¹⁹⁶ Выход Болгарии и Сербии из-под контроля Ногая означал, что он не мог рассчитывать на их войска в борьбе с Токтой.

В результате к концу 1299 г. Токта оказался во главе куда больших сил, чем Ногай, и сам решил перейти в наступление, воспользовавшись смутами в улусе бекляри-бека. В отчаянии Ногай решился на

крайнее средство: он направил послов к персидскому ильхану Газану, сыну Аргуна, которому напоминал, что его сын Тури женат на тетке ильхана, и просил принять его, Ногая, в подданство вместе со всеми своими людьми и владениями. Однако Газан оказался на редкость благоразумным правителем и, к тому же, уже успел заключить мир с Токтой, а потому ответил на просьбу Ногая увещеванием: «Я не вхожу в ваши междоусобные дела и не пользуюсь вашими неблагоприятными обстоятельствами. Если бы вы еще поладили друг с другом, то было бы хорошо и похвально».¹⁹⁷ Итак, к своим мятежным действиям Ногай добавил еще и более серьезное преступление — сговор с внешним врагом. Потерпев неудачу в переговорах с ильханом, он был вынужден выступить навстречу Токте со всеми силами, оставшимися в его распоряжении. Войска противников встретились на реке Ак-су (Южный Буг).

Понимая, что сражение неизбежно, Ногай попытался в очередной раз прибегнуть к коварству. Помня, как удачно сработала его уловка в отношении хана Тула-Буги, он снова решил притвориться смертельно больным, приказал уложить себя на арбу и, напустив на себя самый несчастный вид, начал слать к хану гонцов с предложениями мира. Бекляри-бек старался убедить Токту, что вовсе не собирался воевать против него, а лишь выступил против мятежников, и теперь, когда узнал, что законный государь прибыл лично, он, Ногай, намерен целиком и полностью ему покориться. Завершал бекляри-бек свое послание такими словами: «Если и произошел какой-нибудь пустяк, то это было по вине сыновей. Вся надежда на милость государя, что он соизволит простить эту вину». А тем временем эти самые сыновья уже переправлялись во главе части войск через Ак-су, чтобы нанести по ханским войскам удар с тыла...

Токта, несмотря на перевес, все же опасавшийся сил Ногая, также не решался напасть на него и надеялся использовать любую возможность, чтобы решить дело миром. Поэтому, получив послание Ногая, он вступил с ним в переговоры, тем самым поддавшись на хитрость мятежного бекляри-бека. Однако хитроумный замысел Ногая был нарушен в последний момент в результате случайности: передовым воинам Токты удалось захватить в плен то ли разведчика, то ли перебежчика из войск бекляри-бека, и пленник выдал хану его планы. Токта немедленно прервал переговоры и приказал своим войскам начинать наступление.¹⁹⁸

Войска Ногая были наголову разбиты, а их остатки рассеяны. Джуки и Тури удалось бежать, а сам бекляри-бек, возле которого

осталось всего семнадцать воинов, был окружен воинами Токты, ранен и взят в плен русским ратником из ханской армии. Ногай назвал себя и потребовал отвести к хану, однако русский не прислушался к его словам и убил бекляри-бека, а голову его с торжеством доставил хану Токте. Выдающийся ордынский «делатель королей» погиб на рубеже 1299–1300 гг.¹⁹⁹

Согласно свидетельствам современников, под конец жизни это был высокий и тучный старик со столь мохнатыми бровями, что они закрывали ему глаза.²⁰⁰ Г. В. Вернадский также отмечает: «известно, что Ногай был толстым»,²⁰¹ хотя ни на какие источники при этом не ссылается.

ОЧЕРК ПЯТЫЙ
ТОКТА, ИЛИ САМЫЙ ТАЛАНТЛИВЫЙ
И ЧЕСТОЛЮБИВЫЙ СРЕДИ СЫНОВЕЙ
МЕНГУ-ТИМУРА
(ХАН, 1291-1312)

Сильному и мудрому даны его дары не для того, чтобы угнетать,
а чтобы помогать и поддерживать слабого.

Джон Рескин

По определению выдающегося русского монголоведа Г. Е. Грумм-Гржимайло, Токта (монг. Тохтогу) «среди сыновей Менгу-Тимура выделялся особой талантливостью и честолюбием». ²⁰² И в самом деле, этому царевичу удалось взять верх в кровавой борьбе за власть, избавиться от опеки грозного бекляри-бека Ногая и устранить опасность раскола Золотой Орды. К концу правления Токты Орда окончательно превратилась в самостоятельное и могущественное государство, занимающее важное место на мировой арене.

I

Токта, родившийся около 1274 г., ²⁰³ был одним из младших сыновей Менгу-Тимура, первого хана Золотой Орды. У него было девять братьев, однако его мать, Олджай-хатун из рода кунграт, была старшей женой Менгу-Тимура, что давало Токте определенные преимущества в вопросе престолонаследия. Сыном Олджай был также Алгуй, старший сын Менгу-Тимура, который в силу своего происхождения и стал одним из соправителей хана Тула-Буги. ²⁰⁴

К 1290 г. Токта уже достиг шестнадцати лет и, вероятно, уже не раз имел возможность продемонстрировать свои качества, необходимые правителю. По крайней мере, Тула-Буга и его соправители вскоре после своего прихода к власти увидели в нем опасного конкурента и предприняли попытку устранить его. Спасая свою жизнь, Токта

бежал на восток Золотой Орды, во владения Билыкчи б. Беркечара, который являлся к тому времени старейшим представителем рода Джучидов. Тула-Буга и Алгуй с братьями в это время были поглощены противостоянием со своим бекляри-беком Ногаем и поэтому пока решили удовлетвориться бегством брата-конкурента, не предпринимая дальнейших попыток преследовать его.

Токта, в свою очередь, вступил в сговор с Ногаем, которому он направил почтительное письмо: «Двоюродные братья покушаются на мою жизнь, ты же старший, я прибегаю к защите того, кто является старшим, дабы он поддержал меня и прекратил покушение родственников на меня. Пока я жив, я буду подчинен старшему и не нарушу его благоволения».²⁰⁵ Послание оказалось очень кстати, поскольку Ногай как раз в это время задумал избавиться от непокорного хана Тула-Буги и его братьев. Юный Токта представлялся ему вполне подходящим кандидатом в ханы — достаточно активным, чтобы занять трон, и недостаточно сильным, чтобы выйти из-под его, Ногая, влияния.

Как мы помним, бекляри-беку удалось заманить Тула-Бугу-хана вместе с Алгуем, Кунчеком и Тогрулом в ловушку и схватить. Однако ответственность за их казнь он возложил на Токту. И царевич, которому было тогда всего 17 лет, хладнокровно приказал казнить своих двух двоюродных и двух родных братьев, а немного позже — еще троих сыновей своего отца, принявших сторону Алгуя и Тогрула. Хладнокровие и решительность Токты произвели сильное впечатление на золотоордынскую знать, и даже совершение им многократного братоубийства не стало препятствием для избрания его в ханы — тем более что за его спиной стоял грозный Ногай. А бекляри-бек, находясь на пике своего могущества, как-то умудрился проглядеть, что Токта оказался куда более властным и решительным правителем, нежели казалось поначалу...

II

Впрочем, в течение довольно длительного времени Токта вел себя с бекляри-беком весьма покладисто. В первые два-три года своего правления он по велению Ногая устранил многих влиятельных нойонов и военачальников, некогда служивших еще его отцу, и даже свою мачеху Джиджек-хатун — влиятельную вдову Менгу-Тимура. Тем самым хан усыпил бдительность бекляри-бека, который несколько ослабил контроль действий хана, что позволило Токте принимать и самостоятельные решения.

Так, в 1293 г. хан решил заменить великого князя Дмитрия Александровича Переяславского его братом — Андреем Городецким, который в очередной раз сумел склонить влиятельных ханских советников на свою сторону. Вместе с Андреем Токта направил на Русь своего брата и верного соратника Тудана во главе многочисленных ордынских войск. Поход на Русь 1293 г., известный по русским летописям как «Дюденева рать», привел к очередному разорению и опустошению Владимира, Суздаля, Мурома, Юрьева, Переяславля, Коломны, Москвы, Можайска, Дмитрова, Углича и других городов, напомнив русским походы Бату и Неврюя. Цель «рати» была достигнута: великий князь Дмитрий был свергнут, а вскоре и формально отрекся от великого княжения в пользу младшего брата.²⁰⁶

Как мы помним, старший сын Невского являлся ставленником Ногая, и Токта сильно рисковал, действуя за спиной бекляри-бека в пользу Андрея. Однако то ли Дмитрий Александрович со временем утратил благорасположение Ногая, то ли бекляри-бек просто потерял интерес к русским делам, увлекшись крупной политической игрой на Балканах, но он никак не отреагировал на смену великого князя. И это стало первым шагом на пути усиления власти Токты и, соответственно, ослабления позиций Ногая в Золотой Орде.

В середине 1290-х гг. вокруг Токты сплотились влиятельные ордынские царевицы — братья хана Тудан, Сарай-Буга и Бурлюк, полководец Тама-Токта б. Балакан (внук Шибана, брата Бату), а также Салджидай-гурген, дед Токты по материнской линии: все они были сильно недовольны чрезмерной властью Ногая. В течение какого-то времени Ногай не подозревал об этом союзе, тем более что он сам рекомендовал хану Токте приблизить к себе братьев, Тама-Токта в течение ряда лет был соратником бекляри-бека в войне с Ираном, а Салджидай-гурген женил своего сына на дочери Ногая. Но затем от своих осведомителей в Сарае бекляри-бек наконец узнал о настроениях при ханском дворе и попытался исправить ситуацию. Сделать это он решил все тем же немудреным способом: потребовал от хана устранить или хотя бы выслать из Сарая Салджидаю и Тама-Токту, которого обозвал при этом «отступником», поскольку посчитал его предателем прежней дружбы. Однако времена, когда Токта безропотно выполнял такие повеления бекляри-бека, миновали: теперь хану было уже около 25 лет, и он имел немало сторонников в Золотой Орде, тогда как Ногай столкнулся с серьезной оппозицией не только в Сарае, но и в собственном улусе в Придунавье. Поэтому хан отверг требование бекляри-бека, тем самым фактически объявив ему войну.²⁰⁷

К 1298 г. у Токты окончательно созрел план освобождения от власти Ногая. Хан весьма резко ответил на его очередные требования о выдаче Салджида и Тама-Токты и начал собирать войска, чтобы выступить против бекляри-бека. Его 300-тысячная армия двинулась к владениям Ногая, и хан не без оснований надеялся, что значительная часть войск самого бекляри-бека, недовольная Ногаем, перейдет на сторону законного монарха. В этом мнении его еще больше укрепил тот факт, что Ногай не выступил навстречу хану.

Однако обеспечивать столь многочисленную армию в течение долгого времени было невозможно, и вскоре Токта был вынужден распустить ее большую часть, а сам с оставшимися войсками расположился на Дону. Тут на него внезапно и обрушился Ногай со своими основными силами, разгромил и вынудил бежать в Сарай.²⁰⁸

Но поражение не заставило Токту опустить руки и покорно ждать своей участи: судьба Тула-Буги и его братьев была еще слишком свежа в памяти хана, и он прекрасно понимал, что, открыто выступив против всесильного бекляри-бека, не имеет шансов сохранить жизнь, даже если сдастся на его милость. Поэтому, достигнув Сарая, он немедленно разослал гонцов к своим военачальникам, которые спешно стали стягивать к столице войска, верные хану. Во главе крупных сил Тама-Токта выступил навстречу Ногаю, который был так обескуражен решительными действиями хана, что не посмел принять бой и отступил.²⁰⁹ Впрочем, нельзя сказать, что это свело на нет значение его победы: Золотая Орда фактически раскололась надвое, и Ногай получил всю полноту власти к западу от Дона, включая Балканы, Северное Причерноморье, Крым и южнорусские степи.

Токта и Ногай обладали примерно равными силами и потому в течение какого-то времени не решались напасть друг на друга, боясь, что на каждого из них в это время может напасть какой-нибудь внешний враг. Такими врагами Ногая были его собственные тысячники, вышедшие из-под его власти, а также активно боровшиеся за независимость болгарские и сербские владетели, для Токты — в первую очередь, иранский ильхан Газан и Дува, правитель Улуса Чагатая. Требовались какие-то решительные действия на внешнеполитическом направлении, чтобы разрядить ситуацию.

III

Токта первым предпринял такие действия, одним своим решением обезопасив южные и восточные границы Золотой Орды от внешнего вторжения. Еще в 1294 г. он заключил мир с ильханом Гейхату.²¹⁰

А на рубеже XIII–XIV вв. золотоордынский хан принял весьма радикальное решение: он положительно отреагировал на инициативу великого хана Тимура, внука Хубилая, о восстановлении единства империи и признал его номинальное верховенство. Тем самым он укрепил мир с ильханами Ирана, которые и прежде никогда не отказывались признавать главенство императоров Юань, а пару лет спустя к этому договору присоединились также Дува, правитель Чагатаева Улуса, и Чапар, сын Хайду, властитель Улуса Угедэя.²¹¹

В единой Монгольской империи существовал обычай выделять в каждом из улусов некоторые владения правителям других улусов. В результате Токта не только вернул себе область Пиньян в Китае, некогда конфискованную Хубилаем у Берке, но и получил еще в дополнение к ней области Цзиньчжоу и Юнчжоу, доходы с которых шли в казну золотоордынского хана, получившего в имперской иерархии Юань «основной ранг третьей степени».²¹² В свою очередь, Токта выделил правителям других улусов владения в Крыму — в городе Судак, с которого правители трех улусов также должны были получать доходы в свою казну.²¹³

Последнее решение прямо-таки вывело из себя Ногая, поскольку в это время Крым был подвластен ему, а вовсе не Токте. Беклярибек немедленно направил своего внука Ак-тайджи в Крым, чтобы закрепить свою власть над полуостровом, однако царевич, как уже говорилось, был убит генуэзцами Кафы, что вызвало карательную экспедицию Ногая в Крым. Естественно, жестокость, с которой беклярибек расправился не только с Кафой, но и другими крымскими городами, не прибавила ему популярности среди местного населения, которое и прежде поддерживало Токту.²¹⁴

Убедившись, что хан не только не собирается складывать оружие после первого поражения от Ногая, но и напротив — значительно усилил свои позиции, многие сторонники беклярибека в 1299 г. начали перебегать к Токте вместе со своими войсками. А когда Ногай не добился успеха в попытке перейти под власть ильхана Газана, роли соперников переменились: теперь всесильный некогда временщик готов был покориться хану и исполнять его повеления. Правда, коварный Ногай выражал такое намерение лишь на словах, затягивая переговоры с Токтой, а сам готовил предательский удар ему в спину. Однако, как мы помним, из этого ничего не вышло: хитрость беклярибека была раскрыта, и ему пришлось принять бой в невыгодных условиях, в результате которого его войска были наголову разбиты, а сам он убит при отступлении.

Гибель Ногая, кстати говоря, позволила Токте еще раз продемонстрировать свои истинно ханские черты. Когда русский ратник, убивший Ногая, доставил хану его голову со словами: «Вот голова Ногая», Токта спросил его: «Что надоумило тебя, что это Ногай?» Тот ответил: «Он сам мне поведал об этом и просил меня не убивать его, но я его не послушался и кинулся на него». Тогда Токта приказал казнить русского на месте, заявив при этом: «Простой народ да не убивает царей!»²¹⁵ Это его решение вызвало полное одобрение ханских приближенных, поскольку соответствовало установлению Чингис-хана, согласно которому решать судьбу потомка «Золотого рода» могли только его сородичи.²¹⁶

С этого времени и до самой смерти Токта управлял Золотой Ордой самостоятельно, без каких-либо временщиков. Несомненно, многие из представителей золотоордынской знати или военной верхушки имели основание претендовать на место Ногая, но их властные амбиции останавливало воспоминание о крахе бекляри-бека. Ни Салджидай-гурген, ни Черкес из племени сиджиут, которых Токта последовательно назначал на пост «старшего эмира» после Ногая, никогда не пытались подчинить хана своему влиянию.

IV

Смерть Ногая, впрочем, не означала еще, что с расколом в Золотой Орде покончено: дети и внуки покойного бекляри-бека сумели остаться в живых и на свободе. По некоторым сведениям, им удалось спастись во время разгрома, введя в заблуждение воинов Токты: узнав пароль ханских войск («Итиль-Яик»), они спокойно миновали ханские войска и добрались до своих владений на Дунае.²¹⁷ И вовсе не собирались признавать власть хана и идти к нему с повинной.

Наибольшую опасность для Токты представлял неукротимый Джуки — старший сын Ногая, еще при жизни отца ставший его соправителем. Спасшись с поля битвы, на котором осталось обезглавленное тело его отца, Джуки принялся наводить порядок в своих владениях на Дунае. Первым делом он решил разобраться с мятежными тысячниками, которые откололись от Ногая и захватили в плен его второго сына Теке, родного брата Джуки. Старший сын Ногая вступил в бой с мятежниками, разбил их, а одного из тысячников, попавшего в плен, обезглавил и отправил его голову к остальным мятежникам. Они перетрусили, а Теке, воспользовавшись их замешательством, сумел бежать из плена и даже увел с собой несколько сотен их воинов.²¹⁸

Освобождение не принесло Теке ничего хорошего: вместе с Яйлахатун (матерью Тури, третьего сына Ногая) он начал уговаривать Джуки примириться с Токтой и признать его власть. В приступе ярости Джуки прикончил обоих.²¹⁹ Однако убийство брата восстановило против него многих военачальников, двое из которых — Таз, зять Ногая, и Тунгуз — взбунтовали войска и открыто выступили против него. Джуки со 150 воинами бежал на Северный Кавказ, где находились верные ему войска. Присоединив к ним наемников-ясов (осетин), он выступил против мятежников и разгромил их. Восставшие нойоны с уцелевшими воинами бежали к Токте.

Сам Джуки со своими увеличившимися силами вторгся в Болгарию, где в это время продолжались междоусобицы различных претендентов на трон. В отличие от отца, Джуки не стал сажать на трон какого-либо болгарского царевича или боярина, а захватил Тырново и провозгласил царем себя самого! Свое право на болгарский трон он обосновал тем, что был женат на Елене, дочери Георгия Тертера I — одного из прежних царей; ее брат Федор-Святослав находился при Джуки в качестве не то соправителя, не то заложника. Так в 1300 г. Джуки, сын Ногая, стал единственным Чингизидом, занимавшим трон в государствах Центральной Европы.²²⁰

Впрочем, правление его оказалось очень недолгим — менее года. Придя в себя после захвата Тырнова монголами, местное боярство очень скоро осознало расстановку сил и стало опасаться, как бы на Болгарию не обрушился гнев хана Токты за то, что здесь обосновался сын его злейшего врага. В начале 1301 г. Федор-Святослав и боярская верхушка составили заговор против Джуки, схватили его и бросили в темницу, где несколько дней спустя он был задушен палачами-евреями. Его голову Федор-Святослав, провозглашенный новым царем Болгарии, отправил к Токте вместе с изъявлением своей покорности. В благодарность Токта отказался от сюзеренитета над этим балканским государством, которое, впрочем, после 20-летнего правления Федора-Святослава вновь погрязло в междоусобицах.²²¹

Как только было покончено с Джуки, новые проблемы для Токты стал создавать Тури, брат Джуки. После гибели Ногая его третий сын скрылся во владениях ильхана, поскольку был женат на дочери Абаги б. Хулагу. Однако, не встретив там ожидаемых почестей, он на рубеже 1300/1301 гг. вернулся в бывшие владения отца на Дунае. К этому времени Токта назначил в улусы Ногая своих наместников: на Урале — своего сына Ильбасара, а в Придунавье — другого сына

Тукель-Бугу и брата Сарай-Бугу.²²² Именно Сарай-Буга оказался настолько неосторожен, что принял сына Ногая при своем дворе.

День за днем Тури, унаследовавший от отца его коварство и склонность к интригам, внушал Сарай-Буге, что тот достоин трона не менее, чем сам Токта. И растравил честолюбие ханского брата настолько, что тот решился на открытый мятеж! В конце концов, Сарай-Буга вместе с Тури двинули свои войска в направлении Сарая, однако на их пути лежали владения Бурлюка — другого брата Токты. Недолго думая, мятежники предложили Бурлюку присоединиться к нему, и тот притворно согласился, а сам в это время направил к хану в Сарай гонца с предупреждением о мятеже. Затем, пригласив Сарай-Бугу и Тури к себе на переговоры, он схватил их и по приказу хана умертвил обоих. С этого времени в придунайских владениях Золотой Орды правили несколько ханских наместников, а автономный улус прекратил свое существование.²²³

Из всего многочисленного потомства Ногая уцелел только царевич Каракисек, сын Джуки. После гибели Тури он вместе с двумя родичами и 3 000 воинов бежал на территорию Болгарии, где его отец нашел свою погибель. Не пускаясь в столь опасные авантюры, как его отец и дядя, Каракисек поступил на службу к видинскому деспоту Шишману, став, таким образом, первым Чингизидом «на иностранной службе».²²⁴

Так к 1302 г. Токте удалось ликвидировать мятеж Ногая и его потомков и, наконец, преодолеть раскол, фактически существовавший в Золотой Орде в течение двух десятилетий. Теперь хан мог больше внимания уделять другим вопросам своей внутренней и внешней политики.

V

Устранив опасность раскола Орды на западе, Токта столкнулся с похожими проблемами и на востоке. В то время как он боролся с Ногаем и его потомками, крупные междоусобицы сотрясали Синюю Орду (Кок-Орду) — удел потомков Орду, старшего сына Джучи. Синяя Орда фактически являлась независимым государством, и ее правители вспоминали о своем номинальном подчинении сарайским ханам лишь в случае крайней нужды. Именно такой случай возник около 1302 г., и Токта поспешил им воспользоваться, чтобы усилить свою власть на востоке джучидских владений.

На рубеже XIII—XIV вв. после долгого и сравнительно спокойного правления умер Кончи б. Саргахтай, правитель Синей Орды,²²⁵ и после

его смерти начались междоусобицы между его сыновьями и другими родичами. На трон должен был вступить Баян, старший сын Кончи, однако против него выступил Куйлюк, правнук Орду, считавший, что имеет не меньше прав на трон, чем Баян. Часть войск Синей Орды перешла на сторону Куйлюка; его также поддержали Хайду и Дува, для которых была выгодна любая смута в Золотой Орде. Кроме того, Куйлюк пообещал им поддержку в борьбе с Ираном.²²⁶

Столкнувшись с прямым вмешательством потомков Чагатая и Угедэ в дела Джучидов, Токта также не мог оставаться в стороне, тем более что Баян сразу же обратился к нему за поддержкой. Войска Токты были отправлены ему на помощь, но потерпели поражение. К счастью для Токты и Баяна, в конце 1301 г. умер Хайду, и в 1303 г. его наследником стал его сын Чапар, настроенный более миролюбиво. Вскоре и он, и Чагатаид Дува присоединились к союзу империи Юань, государства Хулагуидов и Золотой Орды, поклявшись разрешать все споры мирно и при посредстве императора Юань — великого хана Монгольской империи.²²⁷ Оставшийся без поддержки влиятельных союзников, Куйлюк вскоре был разгромлен Баяном и погиб. Однако его претензии на престол унаследовал его сын Кушай, который также пользовался поддержкой потомков Чагатая и Угедэ — правда, уже не явной, как его отец, а лишь в форме молчаливого одобрения. Баян снова был вынужден обратиться за помощью к своему номинальному сюзерену Токте, обещая, в свою очередь, признавать его своим государем, присутствовать на созываемых им курултаях и пр. Токта отправил ему на помощь 20 000 воинов под командованием своего брата Бурлюка. Тот пребывал с войсками на территории Синей Орды до 708 г. х. (1308/1309 г.), когда по приказу брата-хана был отозван на Волгу, где год спустя скончался.²²⁸

Без его поддержки Баян не смог удержать власть, поскольку нойоны, недовольные своим слабым правителем, выдвинули новым претендентом на трон его родного брата Мангутая, который прогнал законного правителя на запад, в Приуралье, а сам сосредоточил в своих руках власть над Восточным Дешт-и Кипчаком. Так, в 1308–1310 гг. в Синей Орде одновременно было три правителя: Баян, Кушай и Мангутай. Но к 1310 г. Токта, выполняя свой союзнический долг по отношению к императору Юань, начал боевые действия против Эсен-Буги, хана Чагатаева Улуса, и его войска вновь оказались на территории Синей Орды. Баян, воспользовавшись этим, сумел, наконец, одержать победу над соперниками.²²⁹

Между тем, союз Токты с Ираном и империей Юань, столь много значивший для него во время борьбы с семейством Ногая, оказался весьма недолговечным. Только-только ильхан Олджайту, брат и наследник Газана, отправил французскому королю Филиппу IV письмо, в котором с гордостью сообщал об объединении всех улусов Монгольской империи в союз во главе с императором Юань,²³⁰ как этот союз дал трещину!

Началось все с того, что уже в 1305 г. Дува решил расправиться с Чапаром, сыном своего друга и союзника Хайду, напал на него, разгромил и захватил его владения на Памире, присоединив их к Чагатаеву улусу. С улусом Угедэя (государством Хайду) было покончено.²³¹

Не выдержал испытания временем и мир Золотой Орды с Ираном. В том же 1305 г. Токта направил к египетскому султану ан-Насиру свое посольство с предложением объединиться в борьбе против Ирана. Однако ильхану Олджайту удалось заключить с султаном Египта мир, и совместный ордынско-египетский поход не состоялся.²³² Но уже в 1308 г. ордынцы и иранские монголы снова сошлись на поле боя. Согласно арабским источникам, все началось с пограничного конфликта между ордынским и иранским пограничными отрядами, который затем перерос в настоящую войну. Инициатором выступил, видимо, ильхан Олджайту, решивший, что Токта, поглощенный междоусобицами в Синей Орде, не сможет противостоять его вторжению. Тогда-то Токта, вероятно, и принял решение отозвать Бурлюка из Восточного Дешта для борьбы с Ираном. Эмир Чопан, командовавший войсками ильхана, не ожидал столь оперативных действий ордынцев и был отброшен к Дербенту, однако сумел переправиться через Куру и укрепиться на ее берегу. Не будучи в силах прорвать его оборону, Токта решил закончить дело миром. В 1310 г. его посольство прибыло в Султанью, столицу Олджайту, однако не добились успеха. Отношения Токты с Ираном оставались враждебными до самой его смерти, хотя активных боевых действий между ними не велось. Вероятно, сыграли свою роль действия союзника Токты, египетского султана, который в 1309–1310 гг. сосредоточил крупные силы в Сирии, и ильхан не рискнул вести войну на два фронта.²³³

Незадолго до смерти Токты в 713 г. х. (1312/1313 г.) его войска вновь вторглись во владения ильхана, заручившись поддержкой местных курдских племен. Однако персидские войска оказали нападавшим ожесточенное сопротивление, и войскам Токты пришлось вернуться

в пределы Золотой Орды. Впрочем, до крупной войны и на этот раз не дошло — по-видимому, это была очередная пограничная стычка с небольшим количеством воинов с обеих сторон.²³⁴

VI

Как ни странно, много хлопот доставляли Токте русские княжества, несмотря на его благожелательную политику по отношению к Руси. После опустошительной «Дюденовой рати» 1292–1293 гг. Токта ни разу не отправил на русские земли свои войска (за исключением нескольких мелких пограничных набегов). Более того, в 1297 г. по его инициативе в Переяславле был созван княжеский съезд, на котором его представитель, нойон Алекса Неврюй, пытался убедить русских князей решать свои споры и разногласия путем переговоров. В 1304 г. хан вновь отправил на Русь своих послов с ярлыками, в которых велел князьям «прियाть любовь».²³⁵ Однако попытки эти длительного успеха не имели, и князья продолжали свои свары, в которые, к великой досаде Токты, нередко вмешивали и его.

В 1304 г. умер ставленник Токты на великокняжеском престоле Андрей Ярославич Городецкий. В следующем году по решению большинства князей был избран новый великий князь — тверской князь Михаил Ярославич, двоюродный брат Андрея. Однако с этим не согласился московский князь Юрий Данилович, племянник Андрея, считавший, что великий стол должен остаться в руках прямых потомков Александра Невского.²³⁶ Он отправился в Сарай отстаивать свои интересы, но Токта, приняв во внимание лестничный порядок наследования на Руси (переход княжения к следующему по старшинству), подтвердил право на великое княжение Михаила Тверского, выдав ему соответствующий ярлык.²³⁷

Юрий в результате поездки в Орду обрел там влиятельных покровителей среди царевичей и нойонов и потому, несмотря на неудачу, все же решил некоторые свои проблемы с помощью Орды. Так, в 1308 г. он сумел руками хана расправиться со своим недругом — рязанским князем Василием Константиновичем: через сарайских покровителей он уведомил Токту, что Василий якобы что-то замышляет против Орды. Тот был вызван к хану и казнен, после чего ордынские войска совершили опустошительный набег на Рязань. Между тем, единственной виной князя Василия было то, что он отказывался признавать права Москвы на город Коломну, которую Даниил, отец Юрия, отобрал в 1302 г. у Константина Романовича, отца Василия!²³⁸

Когда Токта узнал, что его провели, он был в страшном гневе на Юрия и его ордынских покровителей. Больше в его правление ни один русский князь не был казнен в Орде, а Юрий окончательно лишился ханского расположения.

Несмотря на проблемы, которые ему доставляли князья, Токта продолжал относиться к Руси в целом благожелательно. В 1308 г. он выдал новому русскому митрополиту Петру ярлык, подтверждающий привилегии русской церкви и ее освобождение от налогов и сборов, пожалованные его отцом Менгу-Тимуром.²³⁹ По некоторым сведениям, незадолго до смерти Токта собирался совершить беспрецедентную для хана Золотой Орды поездку на Русь!²⁴⁰

Свои отношения с другими государствами Токта также предпочитал строить на мирной и союзной основе. В течение всего своего правления он оставался верным союзником и партнером по переписке египетского султана ан-Насира, несмотря на то что в глазах повелителя Египта являлся язычником (по некоторым сведениям, Токта исповедовал буддизм), а их общий противник ильхан Олджайту был ревностным мусульманином.²⁴¹ Не менее дружественными были и отношения Токты с императором Византии, с которым хан даже породнился: он был женат на внебрачной дочери императора Андроника II Палеолога. В правление Токты монгольские войска не совершали набегов на государства Центральной Европы, так что на западной границе его владений царили мир и тишина.

Единственная за все время его правления военная акция против иностранного государства (не входившего в состав Монгольской империи) была проведена в Крыму, против генуэзцев Кафы. Поводом для похода послужило то, что генуэзские торговцы, пользуясь голодом и бедственным положением ордынских кочевников, скупали их детей и продавали в рабство на Ближний Восток. Желая положить конец этой практике и наказать генуэзцев за то, что они осмелились торговать его подданными, Токта в 1308 г. отправил войско на Кафу. Не рискуя вступать в бой с ханскими воинами, генуэзцы погрузились на корабли и вышли в море, а город подожгли, чтобы он не достался ордынцам. Тогда хан обрушил свой гнев на их соотечественников, находившихся в это время в Сарае и других ордынских городах, и повелел конфисковать их имущество.²⁴² Гнев хана на генуэзцев так и не остыл окончательно: только в 1313 г. его преемник Узбек позволил им вернуться в Кафу.²⁴³ Однако, как ни странно, итальянские торговые республики не проявили ответной враждебности и не расторгли отношения с Золотой Ордой: уж слишком выгодным было

торговое сотрудничество с ней, слишком благоприятный режим для иностранных торговцев установил хан Токта, прекрасно понимавший все выгоды международной торговли!

VII

Около 1310–1311 гг. Токта, как принято считать, провел в Золотой Орде денежную реформу: он приказал всем монетным дворам чеканить одинаковую монету нового веса, запретив хождение старых монет. Впрочем, вряд ли это была реформа в современном ее понимании: просто хан наконец-то взялся за упорядочение денежных отношений в стране, которую в течение ряда лет сотрясали смуты. Вполне вероятно, что Токта намеревался сделать единственным центром выпуска монеты Сарай, однако преждевременная смерть не позволила ему реализовать свои планы.²⁴⁴ Поскольку теперь власть хана была сильна, а государство — единым и процветающим, любой приказ хана исполнялся скрупулезно, и новая монета, соответственно, получила полное доверие населения и иностранных торговцев.

Хан пользовался доверием и уважением своих подданных еще и благодаря своим личным качествам: он отличался щедростью, добродушием, гостеприимством. Также он покровительствовал ученым и медикам. После двух последних царствований — безумного Тудаменгу и молодого неуравновешенного Тула-Буги, да еще и диктатуры амбициозного бекляри-бека Ногая — Токта выглядел наиболее достойным преемником прежних правителей и в особенности своего отца Менгу-Тимура. Не удивительно, что с его именем в народной памяти стали связывать спокойствие и процветание государства. Внешние враги также не осмеливались тревожить границы Золотой Орды, поскольку опасались многочисленных войск Токты.²⁴⁵

Таким образом, внешняя политика и экономика страны не вызвали у хана особой тревоги. Гораздо более неопределенным представлялось ему будущее государства из-за того, что до сих пор в Золотой Орде не был установлен четкий порядок наследования. Токта не без оснований опасался, что после его смерти в Орде вновь начнутся смуты, из-за которых все его созидательные труды пойдут прахом. Хан решил сделать своим преемником своего сына Ильбасара и стал постепенно приучать его к государственным делам. Так, поначалу он отдал ему в управление одну из областей, прежде входивших во владения Ногая, а к концу своего правления, по некоторым сведениям, сделал своим бекляри-беком.²⁴⁶ Тем самым он приучал ордынских

нойонов и военачальников к подчинению своему сыну, что должно было облегчить Ильбасару приход к власти после смерти отца.

Впрочем, Токте в 1312 г. исполнилось всего 38 лет, и он вовсе не собирался умирать. Напротив, он был здоров, полон сил и планов. Тем неожиданнее оказалась его скоропостижная смерть. Согласно официальной версии, он путешествовал по Волге, корабль, на котором он находился, потерпел крушение, и хан утонул.²⁴⁷

Однако вскоре стали распространяться слухи, что хан был отравлен сторонниками его племянника Узбека, который и стал следующим ханом Золотой Орды.

ОЧЕРК ШЕСТОЙ

УЗБЕК, ИЛИ «ЗОЛОТОЙ ВЕК» ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

(ХАН, 1313—1341)

Блестящий свить венок совсем немудрено,
Трудней главу найти, достойную его.

Иоганн Вольфганг Гете

Узбека, без преувеличения, можно считать золотоордынским «Константином» или «Юстинианом»: за время своего правления он установил в Золотой Орде господство новой религии — ислама, провел административную и денежную реформы, строил города, вел активную дипломатическую и завоевательную деятельность. Исследователи не без оснований утверждают, что Золотая Орда при этом хане достигла пика своего расцвета и могущества. Но был ли велик и могущественен сам хан Узбек? И насколько полезными для государства оказались его деяния?

I

Узбек, родившийся в 1281 г., был сыном Тогрула — незадачливого сына Менгу-Тимура, который стал сначала «младшим» соправителем хана Тула-Буги и своего сводного брата Алгуя, а затем вместе с ними же был убит в результате заговора Ногая и Токты.²⁴⁸

После убийства Тогрула его десятилетний сын Узбек был, по некоторым сведениям, вывезен на Северный Кавказ (где, возможно, проживали его родичи по материнской линии).²⁴⁹ Позднее, когда страсти, связанные с государственным переворотом, улеглись, Токта позволил племяннику вернуться ко двору и держал юного царевича при себе, причем не в качестве пленника или заложника, а в соответствии с его положением представителя «Золотого рода». В качестве такового Узбек обладал собственным улусом и даже командовал войсками.²⁵⁰

После смерти Токты, который, подобно своим предшественникам, не назначил себе наследника, оставалось два главных претендента на

золотоордынский престол — сын хана Ильбасар и племянник Узбек.²⁵¹ У сына Токты было преимущество, поскольку он, как мы помним, в последние годы правления отца находился при нем, был беклярибеком и пользовался значительным влиянием среди сановников.

Однако и Узбек имел немало сторонников, наиболее влиятельными из которых были сановники из Хорезма — хорезмский наместник Кутлуг-Тимур со своими братьями Сарай-Тимуром и Мухаммад-ходжой, а также шейх-уль-ислам Имад ад-Дин ал-Маскири. Поддержка Кутлуг-Тимура объяснялась его родственными связями с Узбеком: они были двоюродными братьями по материнской линии. Сближение же с хорезмским шейх-уль-исламом произошло на религиозной почве: Узбек с молодости воспитывался в мусульманских традициях (возможно, что и сам он еще до вступления на трон исповедовал ислам²⁵²), и многочисленные мусульмане Золотой Орды связывали свои надежды с его приходом к власти. Один из влиятельных хорезмийских шейхов, Алла ад-Дин ан-Нуман, прямо говорил Узбеку: «Царство отойдет к тебе, и ты будешь царем после Токтая».²⁵³ Кроме того, Узбека поддерживали те сановники и военачальники, которые не могли похвастать особой близостью к Токте и поэтому не имели оснований возвыситься и при его сыне в случае его прихода к власти. Среди таковых оказались полководцы Тама-Токта (потомок Шибана, сына Джучи) и Иса из рода уйшин,²⁵⁴ а также одна из жен Токты — ханша Байалун, дочь византийского императора Андроника II.

Не удивительно, что многие приверженцы Токты и его сына видели в Узбеке опасного соперника Ильбасару в борьбе за трон и советовали остальным нойонам: «Царство принадлежит сыну Токтая, но сперва нужно схватить Узбека, потому что он враг наш, а после того уже можно сделать царем сына Токтая». Но Узбек со своими сторонниками опередил их: против Ильбасара был составлен заговор, и когда сын Токты готовился принять присягу своих новых подданных, он был окружен сторонниками Узбека и убит. По некоторым сведениям, Узбек собственноручно зарезал своего двоюродного брата и соперника, а Кутлуг-Тимур — его первого советника Кадака.²⁵⁵

Впрочем, некоторое время спустя Узбек и сам чуть не стал жертвой почти такого же заговора. Сторонники Токты и Ильбасара не собирались прощать Узбеку убийство сына Токты, а также, как они подозревали, отравление самого хана. Заговор составили бывшие любимцы Токты со времен его победы над Ногаем — нойоны Тунгуз и Таз. Узбек был вовремя предупрежден своим двоюродным братом Кутлуг-Тимуром, которого щедро отблагодарил за услугу: после воцарения Узбека он стал его беклярибеком, а его сын Харунбек женился на ханской дочери.²⁵⁶

II

Перед вступлением на трон Узбек пообещал своим мусульманским сторонникам превратить Золотую Орду в исламское государство. Однако выполнить это обещание ему удалось лишь на седьмой год своего правления — к 1320 г., когда он почувствовал себя достаточно уверенным для столь радикальных преобразований.²⁵⁷

Однако ход этой реформы очень скоро показал, что настоящей целью Узбек-хана было не торжество «истинной веры» (хотя нет оснований сомневаться в его личной искренней приверженности к исламу), а сведение счетов с реальными и потенциальными недругами из числа нойонов. Как и ожидалось, многие члены семейства Джучидов и племенные предводители не собирались принимать ислам, прямо заявляя хану: «Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и каким образом мы покинем тура и ясык Чингиз-хана и перейдем в веру арабов?»²⁵⁸ В ответ на это Узбек, успевший привлечь на свою сторону войска, развернул массовые репрессии.

В течение короткого времени по его приказу было уничтожено 120 (!) Чингизидов и еще больше менее знатных ордынских сановников, отказавшихся перейти в ислам, а также «бахшей и лам», т. е. буддистов и священнослужителей других конфессий, которым покровительствовали Токта и его приверженцы. Самым знатным из погибших был сын Токты, не названный в источниках по имени: по-видимому, это был последний из трех его сыновей, со смертью которого окончательно исчезла угроза замены Узбека на троне не менее законным претендентом.²⁵⁹ Узбек мстил родичам не столько за инакомыслие в вопросах веры, сколько за то, что многие Чингизиды в свое время не слишком-то активно поддерживали его, когда он еще только боролся за власть и едва не стал жертвой заговора. Совершенно очевидно, что торжество ислама было только поводом (возможно, даже преувеличенным мусульманскими историками Египта и Сирии, из сочинений которых мы знаем об этих событиях): после уничтожения основных политических противников Узбек лишился повода преследовать «иноверцев» и вновь позволил им исповедовать свою религию и даже занимать видные посты. Писцы-«бахши», т. е. уйгуры-буддисты, продолжали состоять при дворе Узбека и его преемников,²⁶⁰ а буддийские праздники и обряды имели место в Золотой Орде даже в первой половине XV в.²⁶¹

Установив ислам в качестве государственной религии Золотой Орды, Узбек принял тронное имя «султан Гийас ад-Дин Мухаммад

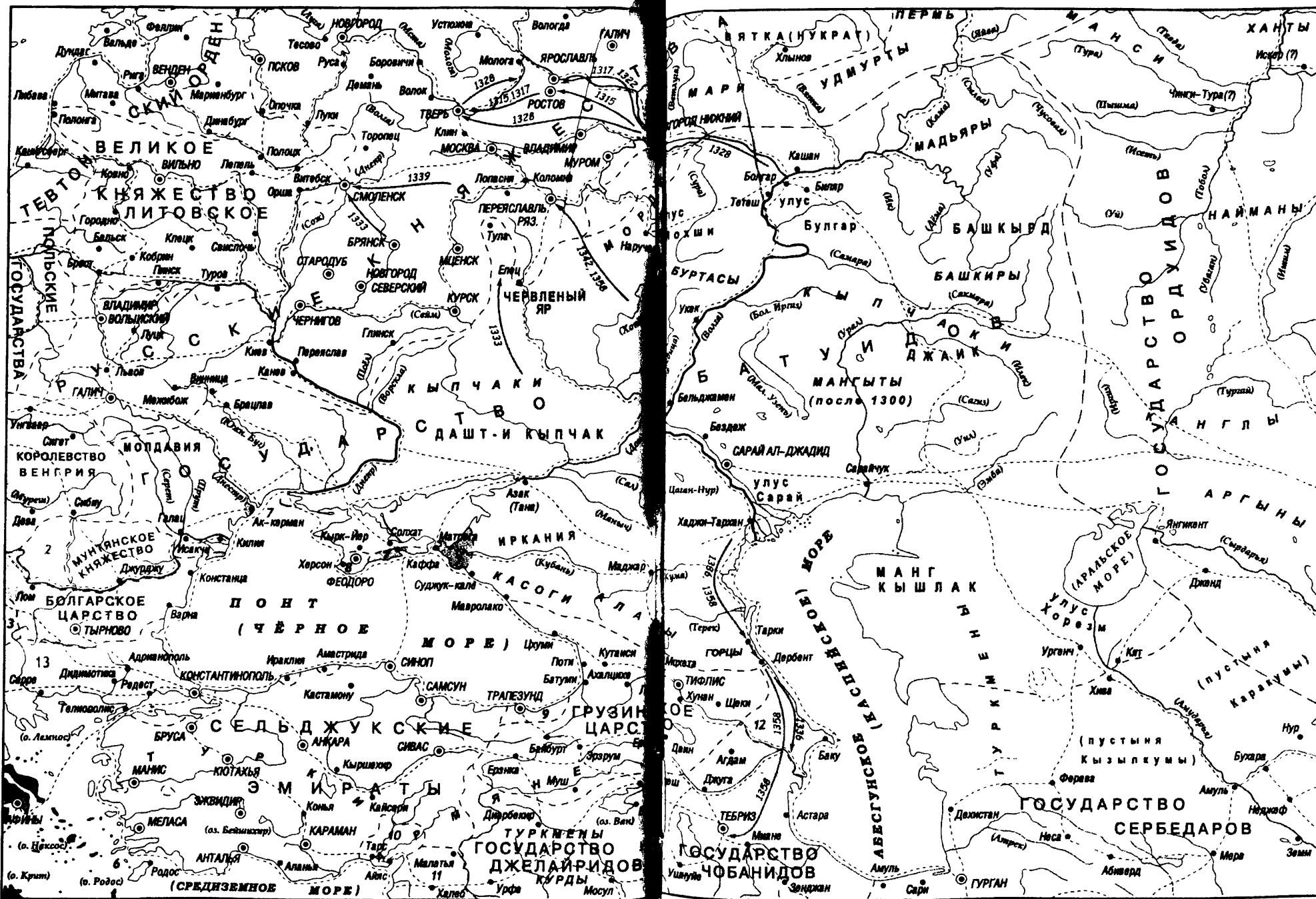
Узбек-хан» и провел еще две реформы. В результате первой изменился административно-судебный аппарат: к тюрко-монгольским чиновничьим должностям добавились также и мусульманские — муфтии, кадии и пр. При хане также появился специальный орган управления — диван.²⁶² Монгольские нойоны с этого времени стали именоваться принятым в мусульманских государствах термином «эмир». Вторая реформа оказалась еще более радикальной: Узбек постарался если не уничтожить, то, по крайней мере, свести к минимуму власть удельных Чингизидов, постепенно заменяя их своими наместниками. Золотая Орда была поделена на 70 тюменов, во главе которых стали назначенные ханом эмиры-темники, выше которых были четыре улус-бека. Царевичи-Чингизиды были вынуждены подчиняться менее знатным эмирам.²⁶³

Первым «полем для экспериментов» стала Синяя Орда. После смерти ее правителя Эрзена, верного сподвижника Узбека, хан отстранил от власти ее наследственных правителей, потомков Орду б. Джучи, и назначил своим наместником в восточном крыле эмира Исатая (Астая) из рода кият.²⁶⁴ Естественно, Чингизиды, заняв подчиненное положение при ханском наместнике, не сразу с этим смирились. В 1328 г. Мубарак-Ходжа, сын Эрзена, поднял восстание против наместника и провозгласил себя даже не правителем, а независимым ханом Синея Орды, начав чеканить монету с собственным именем. Узбек отправил против него своего старшего сына Тимура с войсками, которые разгромили Мубарак-Ходжу. Он был вынужден бежать из страны и умер на чужбине.²⁶⁵ До 1361 г. Синяя Орда находилась под властью Исы Кията и его потомков — ханских наместников.

Не ограничиваясь столь радикальными преобразованиями внутри страны, Узбек не менее активно проявлял себя и во внешних делах. И, надо сказать, далеко не все его действия на этом поприще пошли на пользу Золотой Орде.

III

Столь известное в отечественной истории понятие «ордынское иго на Руси» наиболее оправданно можно применить именно к эпохе Узбек-хана. В самом деле, ни один золотоордынский монарх ни до него, ни после не вмешивался так часто и так решительно в дела «русского улуса», не назначал князей по своему усмотрению, не казнил их в таком количестве и не направлял так часто свои войска на Русь, чтобы заставить русских исполнять свою волю!

Карта 4. Государство Батуидов при Узбеке, Джанибеке и Бердибеке, 1312–1359 гг. (автор – Астайкин А. А.).

1 Владения Дании, 2 Банат Турну-Северин, 3 Королевство Сербия, 4 Владения Венеции, 5 Герцогство Афинское, 6 Орден Иоаннитов, 7 Владения Генуи, 8 Княжество Феодоро, 9 Трапезундская империя, 10 Киликия, 11 Государство мамлюков, 12 Ширван, 13 Византийская империя. Границы государств нанесены на 1340 г.

Как мы помним, еще Токта в 1304–1305 гг. утвердил великим князем владимирским Михаила Ярославича Тверского, отклонив претензии Юрия Даниловича Московского. Узбек поначалу подтвердил ярлык Токты Михаилу, но затем Юрий сумел жениться на ханской сестре Кончаке, и Узбек — впервые в истории русско-ордынских отношений! — нарушил установившийся порядок: он проигнорировал русские традиции наследования и в 1317 г. назначил своего новоиспеченного зятя великим князем, выдав ему соответствующий ярлык фактически в виде свадебного подарка.²⁶⁶

Предвидя, что законный великий князь не уступит ему великого княжения без сопротивления, Юрий выпросил у Узбека два тумена ордынской конницы. Михаил не стал противиться ханской воле и отказался от великого княжения в пользу Юрия. Однако торжествующему московскому князю этого оказалось мало, и он вместе с ордынскими послами Кавгадыем и Алчедаем и приданными им войсками решил вторгнуться в Тверское княжество — личные владения своего противника. Эти войска были разгромлены Михаилом Тверским, Юрий бежал, а посол Кавгадый решил сдаться победителю. А хуже всего было, что в плен к тверскому князю попала и молодая великая княгиня Кончака (получившая в крещении имя Агафья), которая как-то очень быстро и таинственно скончалась в Твери. Причины ее смерти так и остались неизвестными, однако Юрий Московский не без помощи Кавгадыя обвинил Михаила в том, что тот ее отравил, и Узбек, огорченный смертью сестры, поверил этому обвинению.²⁶⁷

В 1318 г. Михаил Тверской был вызван на суд в Золотую Орду, причем Узбек, как лицо заинтересованное, постарался продемонстрировать свою объективность — он отказался лично судить князя, передав его дело на рассмотрение эмирам, которым сказал, согласно русским летописям: «Что ми есте молвили на князя Михаила, сотворите има суд с великимъ княземъ Юрьемъ Даниловичемъ Московскимъ. Да которого правду скажите ми, того хошу жаловати, виноватого казни предати».²⁶⁸ Конечно, эмиры прекрасно понимали, какого именно решения ждет от них хан! Впрочем, вопрос о виновности тверского князя в гибели ханской сестры практически не рассматривался — и без него обвинений хватало. Юрий Московский обвинил своего соперника в весьма серьезных преступлениях: утаивании ордынского «выхода», сопротивлении ханскому послу и переговорах с «немцами» (вероятно, Тевтонским орденом) о союзе против Золотой Орды. Не удивительно, что суд затянулся и завершился только в 1319 г. Ми-

хаил Ярославич был признан виновным и казнен, а впоследствии на Руси причислен к лику святых.²⁶⁹

Своеобразной иронией истории оказалось то, что в последующие три года Юрий, новый великий князь владимирский, сам совершил те преступления, в которых обвинял Михаила Тверского: и задержал выплату ордынского «выхода», и вел подозрительные переговоры с Литвой. Дмитрий Тверской, сын Михаила, не преминул доложить об этом хану. Узбек, раздраженный и чувствовавший себя униженным за то, что пошел на поводу у бывшего зятя, в 1322 г лишил Юрия Даниловича великого княжения. А чтобы тот даже помыслить не смел о сопротивлении, хан отправил в русские земли свои войска под командованием полководца Ахмыла. В результате «Ахмыловой рати» были жестоко разорены земли Владимирского, Суздальского, Ростовского, Муромского и других княжеств.²⁷⁰

Возможно, признавая в какой-то мере свою вину за скоропалительное решение о казни Михаила Тверского, Узбек назначил новым великим князем его сына — 23-летнего Дмитрия Грозные Очи. Однако великое княжение для Дмитрия было только средством, тогда как целью — мщение Юрию Московскому за гибель отца. В течение нескольких лет Дмитрий Михайлович старался схватить Юрия и расправиться с ним. Такая возможность ему представилась в 1325 г., когда оба князя были вызваны в Орду. Либо Узбек успел разочароваться в новом великом князе и решил сместить его, либо Юрию вновь удалось войти в милость к хану — как бы то ни было, но по какой-то причине Дмитрий Михайлович решил, что ему терять нечего, и совершил безрассудный поступок: он собственноручно прикончил Юрия Московского прямо в ханской ставке.²⁷¹

Узбек был просто разъярен, и не только тем, что московский князь был убит без его приказа. Согласно кочевым воззрениям, пролитие крови в ханской ставке могло навлечь гнев Неба на того, в чьем доме она пролилась; несмотря на свою принадлежность к исламу, Узбек был вполне подвержен прежним монгольским суевериям и мог заподозрить Дмитрия Тверского в намерении призвать на него, хана, немилость Неба. Конечно же, Дмитрий Михайлович был немедленно схвачен, однако не казнен сразу, что вызывало беспокойство Ивана Даниловича Калиты — брата Юрия Московского: Узбек, обладавший капризным и непостоянным характером, легко мог казнить князя, но мог и простить его, вернув великое княжение. Тем не менее в 1326 г. в ставке хана на берегах р. Кондракли Дмитрий Грозные Очи был предан суду и казнен.²⁷²

Опасения Ивана Калиты оказались, однако, небеспочвенны: Узбек назначил новым великим князем брата Дмитрия — Александра Михайловича Тверского,²⁷³ правление которого оказалось, впрочем, весьма недолгим. Год спустя, в 1327 г., Узбек, начавший с недоверием относиться и к этому своему ставленнику, направил в Тверь с чрезвычайной миссией своего посла, который имел полномочия на время своего пребывания пользоваться властью даже большей, чем князь. Чтобы воля хана выглядела еще весомее, был выбран и соответствующий посол — двоюродный брат Узбека царевич Шевкал, сын Тудана — того самого, который в 1293 г. осуществил страшную «Дюденеву рать»: назначая своего родственника послом, Узбек как бы намекал русским, что ожидает их в случае непокорности.

Шевкал, наделенный столь значительными полномочиями, вел себя, по понятиям тверичей, слишком вызывающе. Он даже выселил князя Александра из его собственного терема, где разместился сам со своей свитой. В народе начали распространяться совершенно фантастические слухи о том, что ханский братец намерен уничтожить семейство тверских князей и лично вокняжиться в Твери!²⁷⁴ Агрессивное поведение людей из свиты Шевкала в конце концов привело к восстанию: тверичи набросились на ордынцев, а когда те затворились в княжеском тереме и стали отстреливаться из луков, горожане (не без одобрения со стороны самого князя Александра) сожгли здание вместе с ордынцами, включая и самого Шевкала.²⁷⁵

Гнев Узбека был страшен. Он вызвал к себе Ивана Калиту, выделил ему несколько туменов и велел сравнять Тверь с лицом земли. Иван Московский в союзе с суздальским князем Александром Васильевичем скрупулезно выполнил ханский приказ: город был razорен и сожжен, множество жителей попало в плен.²⁷⁶ Правда, Калита не сумел схватить самого князя Александра, который бежал в Псков и управлял им в течение десяти лет.

Видя, что он попадает впросак при назначении каждого великого князя, Узбек-хан решил вернуться к давней схеме распределения власти в вассальных государствах и назначил сразу двух великих князей — Ивана Московского и Александра Суздальского.²⁷⁷ Впрочем, это соправительство длилось всего три года: после смерти суздальского князя в 1331 г. вся полнота власти перешла к Ивану Калите, который вплоть до своей смерти не давал Узбеку никаких поводов для недовольства. Этого нельзя было сказать о других князьях: так, в ставке Узбека были убиты Александр Новосильский в 1326 г.,

рязанский князь Иван Ярославич в 1327 г. и правитель небольшого Стародубского княжества Федор Иванович в 1330 г.²⁷⁸

Несмотря на лояльность Ивана Калиты, Узбек вовсе не собирался усиливать московский княжеский дом. В 1337 г. беглый тверской князь Александр Михайлович явился к хану с повинной, и Узбек великодушно простил его, выдав ярлык, согласно которому Александр возвращал себе власть в Тверском княжестве и отныне не должен был даже подчиняться великому князю владимирскому: он получил право самостоятельно отчитываться перед ханом Золотой Орды. А чтобы Иван Калита и другие князья не чинили Александру препятствий, с ним были отправлены в Тверь ханские послы Киндяк и Абдул.²⁷⁹

Такое положение совершенно не устраивало великого князя Ивана. В 1339 г. он сумел убедить хана в том, что Александр Тверской (как и его отец Михаил и старший брат Дмитрий) заключил союз против хана, и тверской князь был казнен в ханской ставке вместе со своим старшим сыном Федором. Впрочем, торжество Ивана Калиты было недолгим: он скончался в 1340 г. Как бы признавая его заслуги перед Золотой Ордой, Узбек незадолго до собственной смерти, в 1341 г., утвердил Семена, старшего сына Калиты, великим князем Владимирским. Однако наследники Александра Тверского — его братья Константин и Василий и сыновья Всеволод и Михаил — унаследовали статус великих князей тверских...

¶

IV

Внешняя политика Узбека, как можно понять уже из его отношений с русскими князьями, была довольно импульсивной и неуравновешенной — как, впрочем, и все его поступки и деяния. Слишком многое в них зависело от настроения хана, его капризов и того, кто в настоящий момент пользовался у него влиянием.

Узбек продолжил традиционные для Золотой Орды отношения с султанами Египта и даже вывел их на новый уровень: ордынский хан решил породниться с султаном ан-Насиром, выдав за него замуж свою двоюродную племянницу Тулун-бай. За невесту такого ранга он потребовал огромный калым, и послам ан-Насира, явившимся в Сарай за невестой, не хватило денег. В результате, чтобы избежать скандала, египетским дипломатам пришлось занимать недостающие средства у ордынских же купцов! Не исключено, что Узбек решил дать возможность «заработать на брачном контракте» своим мусульманским друзьям-торговцам, которые помогли ему вступить на престол! Как бы

то ни было, царица из рода Чингис-хана в 1320 г. стала султаншей Египта.²⁸⁰

Подобно своим предшественникам, Узбек поддерживал связи с итальянскими торговыми республиками. В 1320 г. венецианские купцы Причерноморья обратились к хану с прошением выделить им участок в этом регионе для строительства постоянной фактории и пожаловать торговые льготы. Однако для принятия положительного решения хану понадобилось долгое время. Сановники и законоведы Узбека 12 лет тщательно изучали существующую ситуацию и анализировали имевшиеся в причерноморском регионе прецеденты таких пожалований со стороны ильханов Ирана, императоров Трапезунда и других государей. Только в 1332 г. соответствующий ханский ярлык был выдан венецианским купцам, получившим право строительства своей фактории в Азаке (Азове): «Предвечного бога силою, пламени великого благоденствия покровительством, мой, Узбека, указ Монгольского государства правого и левого крыла огланам, тем под началом с Кутлуг-Тимуром, тысяч, сотен и десятков князьям, даругам-князьям Азова под началом с Мухаммед-ходжой, таможникам и весовщикам, заставщикам и караульщикам, многим людям, идущим по какому-нибудь делу, всем. Так как обладающий этим ярлыком руководитель государства и народа Венеции обратился к нам с прошением, говоря, что он желает, чтобы его купцы приезжали в Азов, проживали там и возводили дома, а при совершении торговых сделок платили в нашу казну по закону ханский торговый налог, мы, выслушав его прошение и признав его исполнимым, объявляем болотистое место в Азове, что позади церкви госпитальеров, на берегу реки Дон, отданным нами в его пользование с тем, чтобы его приезжающие купцы проживали там и возводили дома, а при совершении торговых сделок платили бы в нашу казну по закону ханский налог. Отныне и впредь венецианские купцы, приезжающие к нам на кораблях и совершающие торговые сделки в городе Азове и других городах, пусть платят в нашу казну торговый налог в размере трех процентов; если купля-продажа ими не производится, пусть никто не требует с них торгового налога. Также, у нас исстари не брали торговый налог с торговли драгоценными камнями, жемчугом, золотом, серебром, золотой канителью; и ныне пусть не берут. Также, если какой-либо товар продается на вес, то от ханского таможника и консула выделяются соответственно по одному уполномоченному, которые стоят вместе, следят за точностью взвешивания и уплаты продавцом и покупателем в казну по закону торгового налога и весо-

вого сбора. Также, стороны, совершающие между собой куплю или продажу, дают посреднику или принимают одна от другой задаток; такой задаток считается действительным и входит в стоимость покупки. Также, если поссорится наш человек с венецианцем и один на другого подаст жалобу, то пусть наш правитель края и соответственно венецианский консул тщательно расследуют конфликт и определяют меру ответственности каждого; и пусть не хватают невинного взамен виновного. Также, мы повелели, чтобы венецианцы платили с двухмачтовых и одномачтовых кораблей по прежнему обычаю; все их прибывающие и отбывающие суда обязаны в полной мере соблюдать это. Выданы для постоянного хранения пайцза и алотамговый ярлык. Написан в год обезьяны восьмого месяца в четвертый день убывающей Луны [9 сентября 1332 г.], когда мы находились на Красном берегу у реки Кубань». ²⁸¹

Однако не все обитатели Причерноморья пользовались милостью Узбека. Так, например, по сведениям арабского путешественника Ибн Баттуты, в 1322 г. в Судаке произошел конфликт между мусульманским и христианским населением города. Для восстановления порядка туда были отправлены ордынские войска под командованием Тулак-Тимура и Кара-Пулада, которые оккупировали город и предприняли ряд санкций против христиан — сняли церковные колокола и конфисковали иконы. ²⁸²

В правление Узбека вновь, как и при его дяде Токте, имели место случаи торговли ордынцами с последующей продажей их за границу — правда, на этот раз столь недозволенной деятельностью занимались уже не крымские геноуэзцы, наученные горьким опытом, а племена Северного Кавказа. Узбек-хану пришлось совершить ряд карательных походов против них, чтобы отбить у них охоту захватывать и продавать его подданных. ²⁸³

Узбек также предпринял попытку вернуть под контроль Золотой Орды балканские страны, от сюзеренитета над которыми фактически отказался его предшественник Токта. В 1323 г. ханские войска были отправлены в Болгарию на помощь царю Георгию Тертеру II, который все равно потерпел поражение от византийцев в битве при Адрианополе. Узбек не стал воевать против императора Андроника II, а затем его внука и преемника Андроника III, поскольку являлся их родичем: он был женат на дочери Андроника II (и, соответственно, тетке второго), известной в источниках как Байалун-хатун. ²⁸⁴

В 1330 г. воины Узбека снова приняли участие в борьбе за передел власти на Балканах: 3 000 ордынцев выступили на стороне

объединенных сил валашского воеводы Басараба I и византийцев против Стефана III, краля Сербии. Однако сербский правитель нанял испанских и немецких кондотьеров, с помощью которых разгромил союзников при Вельбудже, тем самым окончательно похоронив надежды Узбека восстановить былое могущество Орды на Балканах.²⁸⁵

Непоследовательность и импульсивность русской политики Узбека, проявленная им в отношениях с московскими и тверскими князьями, принесла немало бед русским землям и способствовала значительному похолоданию в отношениях между русскими князьями и ордынскими ханами. Однако еще больше неприятностей Золотой Орде она принесла в другом отношении: с головой погрузившись в междоусобицы князей Северо-Восточной Руси, Узбек совершенно оставил без внимания своих русских вассалов на Юго-Западе, чем не замедлили воспользоваться его западные противники — Литва, Польша и Венгрия.

В правление Узбека западные границы владений Узбек-хана неоднократно подвергались натиску со стороны Польши и быстро набравшего мощь Великого княжества Литовского. В 1320 г. литовцы захватили Киев, а пару лет спустя — и Волынь, разгромив на р. Ирпень местного князя Льва II, несмотря на то что ему помогали ордынские отряды под командованием эмиров Тимура и Даулата.²⁸⁶ Хан, со своей стороны, неоднократно отправлял свои войска в набеги на Литву и Польшу. Так, в 1324 и 1337 гг. ордынские отряды по приказу хана совершили нападения на Литву, взяв множество людей в плен, но это не помогло освободить Киев и Волынь. Набег же на Польшу в 1337 г. вообще был совершен не с целью защиты западнорусских земель, а как ответ на попытки римского папы организовать крестовый поход против Золотой Орды.

Ордынские набеги представляли собой единичные рейды, в отличие от планомерных действий Польши и Литвы, однако иногда все же имели положительные последствия. Так, в начале 1330-х гг. литовский князь Гедимин для сохранения контроля над Киевом был вынужден согласиться на присутствие в городе ханского баскака, который вместе с местным князем Федором (вассалом Гедимины) осуществлял управление княжеством и обеспечивал получение с него ордынского «выхода».²⁸⁷ Возможно, эта уступка со стороны Гедимины была вызвана тем, что тогда же, в начале 1330-х гг., войскам Узбека в пограничной сшибке удалось взять в плен Наримонта, одного из старших сыновей литовского государя. Естественно, пока у хана в руках находился столь ценный заложник, Гедимин старался вести

себя как добрый сосед и идти на уступки хану. Но около 1333 г. Иван Данилович Калита сумел выкупить литовского княжича у Узбека, окрестил его и отпустил домой.²⁸⁸ В результате к концу 1330-х гг. натиск литовцев на ордынские владения возобновился.

В 1339 г. Узбек, до которого доходили слухи о переговорах смоленских князей с Литвой, направил под Смоленск свою армию под командованием Тоглу-бая (Товлубия русских летописей). В походе также приняли участие русские князья — рязанский владетель Иван Коротопол, его тезка Иван Друцкий, а Иван Калита выслал свои дружины. Однако попытка Узбека вернуть город под свой контроль успеха не имела.²⁸⁹ Фактически это была демонстрация силы — той силы, которой у Орды уже не было, и литовский князь прекрасно это понял. В том же 1339 г. Гедимину удалось захватить Смоленск, в котором с этого времени правили уже не ордынские вассалы, а литовские ставленники. Годом позже было покончено с существованием и Галицко-Волынского княжества, которое сначала отошло к литовцам, а несколько лет спустя — к полякам.

В результате на западных границах Золотой Орды был создан плацдарм для дальнейшего продвижения поляков и литовцев на восток, в глубь ордынских владений. И уже ближайшие преемники Узбека потеряли значительно большие территории, чем он сам.

V

Взаимоотношения монгольских улусов, формально объединившихся в начале XIV в. под номинальным главенством императора Юань в Китае, начали портиться, как мы помним, еще при государях-объединителях: сначала Дува разгромил и лишил владений своего доброго друга и союзника Чапара, затем ильхан Олджайту начал войну со своим соседом Токтой, и т. д.

Уже в начале правления Узбека, в 1313 или 1314 г., чагатайский хан Эсен-Буга, который вел не слишком удачную войну с великим ханом Буянту, предпринял попытку поссорить своего врага с ханом Золотой Орды. Эсен-Буга направил Узбеку послание, в котором передавал слова, якобы сказанные императором: «Узбек недостоин быть государем; место Токтая я передам другому царевичу». Тем самым чагатайский правитель надеялся склонить ордынского хана к совместной борьбе против империи Юань. Однако у Узбека и его бекляри-бека Кутлуг-Тимура хватило ума проверить полученную информацию, и они убедились, что никаких враждебных действий

против Золотой Орды император не замышляет. В результате Узбек не стал отправлять свои войска в Мавераннахр, и Эсен-Буга понес поражение от китайских войск.²⁹⁰

Сам Узбек продолжал номинально признавать китайского императора своим сюзереном, числился в юаньской иерархии «князем третьей степени» и имел право на причитающиеся ему доходы с китайских областей Пиннъян, Цзиньчжоу и Юнчжоу.²⁹¹ В свою очередь, он отправлял своему восточному сюзерену дары, среди которых были даже русские пленные. В царствование великого хана Ток-Тимура (императора Вэнь-цзуна, 1329–1332) из них была образована «во веки веков русская гвардия», получившая от императора Юань значительные привилегии по сравнению с другими его войсками.²⁹²

В отношении Ирана Узбек поначалу намеревался сохранять мир, хотя и отправил сразу после своего воцарения к ильхану Олджайту послов с требованием вернуть «все, что является нашим по ярлыку Мункэ-каана». Его требование было проигнорировано, но в 1314 г. новое посольство Узбека уже официально заключило мир с ильханом.²⁹³ Этот мир едва не был нарушен из-за некоего Баба-огула — джучидского царевича, бежавшего из Золотой Орды и поступившего на службу к ильхану. Получив от него отряд в 1 500 всадников, он совершил грабительский рейд на Хорезм, а когда наместник Кутлуг-Тимур выступил против него, часть хорезмских войск перешла на сторону царевича и вместе с его отрядом обрушилась на города и селения Хорезма. Захватив множество пленных, Баба-огул вернулся в Иран. Узбек тут же направил гневное письмо ильхану, в котором требовал выдать ему Баба-огула. По приказу Олджайту его наместник в Ходженте чагатайский царевич Йасавур напал на Баба-огула, разгромил его и заставил освободить пленников. Баба-огул явился с повинной к ильхану, и тот приказал его казнить на глазах у посланцев Узбека. Мир был восстановлен.²⁹⁴ Поддерживая мир с ильханом Олджайту, Узбек даже отказался (по совету своего бекляри-бека Кутлуг-Тимура) от возможности занять трон Хулагуидов после смерти ильхана в 1316 г. — такое предложение поступило ему от иранского эмира Чопана.²⁹⁵

Но вскоре, видя, что от желанного единства не осталось и следа и даже сам «верховный арбитр» всех споров, император Юань, беспрестанно ведет междоусобицы с родичами, Узбек счел себя свободным от обязательств союзного договора. Для начала он решил заручиться поддержкой других противников ильхана и вступил в переписку с вышеупомянутым Йасавуром, который после смерти ильхана Олджайту восстал против его наследника Абу Саида и захватил контроль над

Хорасаном. Узбек и Йасавур решили предпринять совместные действия против ильхана, однако этому помешали проливные дожди, из-за которых войска союзников не смогли соединиться.²⁹⁶ А вскоре Йасавур погиб в борьбе с Кебеком, ханом Чагатаева Улуса, у которого пытался отнять трон. Узбек не мог помочь ему в этой борьбе, поскольку находился в союзе и с Кебеком.²⁹⁷

В 1320 г. Узбек-хан возобновил боевые действия против хулагуидского Ирана, в очередной раз вознамерившись присоединить к Золотой Орде Азербайджан. Но полководца из Узбека не вышло, и он понес тяжелое поражение. Тем более тяжелое, что ему, уже зрелому и опытному монарху, противостоял 16-летний ильхан Абу Саид с гораздо меньшим числом воинов! А в 1325 г. владения Узбека, в свою очередь, подверглись нападению иранских войск: эмир Чопан (который некогда сам предлагал иранский трон Узбеку) вторгся через Грузию в северокавказские области Золотой Орды и опустошил их, после чего поспешно отступил в Арран, не вступая в битву с ордынскими войсками.²⁹⁸

Потерпев поражение на поле битвы, Узбек решил попытаться счастья на дипломатическом поприще. От своих осведомителей в Иране он получил известия, что между юным ильханом и Чопаном, его амир ал-умара (аналог ордынского бекляри-бека), начались трения. Золотоордынский хан вступил в переписку с Чопаном, и тот вскоре предложил ему вновь вторгнуться в Иран, обещая поддержку своих войск. Однако в 1328 г. ильхан Абу Саид расправился со Чопаном и его семейством, так что Узбеку снова не удалось добиться успеха.²⁹⁹

Очередная надежда забрезжила перед золотоордынским ханом уже в 1335 г., когда Абу Саид умер, отравленный собственной супругой Багдад-хатун — дочерью эмира Чопана. Он не оставил наследников, и в Иране сразу же началась борьба за власть.³⁰⁰ Узбек тотчас же решил воспользоваться ситуацией, и в очередной раз золотоордынские войска вторглись в Азербайджан. На этот раз хан Золотой Орды был разбит только что вступившим на трон Арпа-ханом.³⁰¹ Самое обидное заключалось в том, что сам новый ильхан совсем недолго пробыл на троне: в том же году он был свергнут и убит еще одним Хулагуидом — Муса-ханом!

Это была последняя попытка Узбека овладеть Азербайджаном. В дальнейшем борьбе за эти земли вели его преемники.

VI

Узбек, оставивший по себе память блестящего, властного и амбициозного государя, на самом деле был крайне неуравновешенной

и капризной личностью. Он постоянно находился под влиянием своих приближенных и, как следствие, часто менял свои взгляды и позиции в зависимости от того, кто в это время подсказывал ему, как надо поступать. Иногда его охватывали приступы ярости, во время которых он совершенно не контролировал своих действий. Так, однажды, разгневанный тем, что его союзник египетский султан ан-Насир отказал ему в военной помощи, хан убил египетского посла — генуэзца Шакрана, одного из приближенных султана.³⁰²

Непредсказуемость и непоследовательность Узбека проявлялись даже в его семейной жизни. Так, например, поначалу он оказывал предпочтение свой супруге Байалун — внебрачной дочери византийского императора Андроника II Палеолога, которая стала его женой после смерти Токты (для женитьбы на ней он даже затребовал особую фетву мусульманских улемов). Однако когда ханша отказалась изменить христианству и перейти в ислам, Узбек резко охладил к ней и даже лишил ее брата Байдемира наместничества в Хорезме. Недовольная отношением мужа, она решила оставить его. В 1333 г., узнав, что арабский путешественник Ибн Баттута, находившийся в этом время при дворе Узбек-хана, намерен посетить Константинополь, Байалун попросила у хана разрешения поехать с ним, чтобы повидать отца. Однако, оказавшись в Византии, ханша осталась там и уже не вернулась в Орду.³⁰³ Новой любимицей Узбека стала Тайдула (Тай-Тоглу-бегим), подарившая ему двух сыновей-наследников — Тинибека и Джанибека. По сведениям арабских путешественников, длительное расположение к ней столь непостоянного в своих предпочтениях Узбека было связано с физиологическими особенностями ее тела. Пикантные подробности привел арабский путешественник Ибн Баттута: «Султан любит ее за одну свойственную ей особенность, которая (состоит) в том, что каждую ночь он находит ее как бы девственницей».³⁰⁴

Любимым сыном Узбек-хана был его первенец Тимур, но он умер раньше отца, в 1330 г. Остальные же сыновья постоянно то пользовались расположением своего капризного отца, то попадали в опалу. Так, поначалу Узбек намеревался сделать своим наследником следующего по старшинству сына, Тинибека, и стал его готовить к этому. Тинибек командовал войсками, а в 1337–1341 гг., по некоторым сведениям, был наместником отца в Хорезме и даже отправлял собственных послов к европейским государям.³⁰⁵ Однако за время своего пребывания на востоке Тинибек умудрился чем-то разгневать отца, и тот стал оказывать предпочтение его младшему брату Джанибеку. Уже с 1339/1340 г. монеты Золотой Орды чеканились с именами

Узбека и Джанибека, а иностранные государи в посланиях золотоордынскому хану указывали не только имя хана и его супруги Тайдулы, но и Джанибека.³⁰⁶

Такое же непостоянство проявлял Узбек и в выборе сановников. Поначалу он всецело находился под влиянием эмира Кутлуг-Тимура, который помог ему взойти на трон. Узбек выдал за него замуж свою сестру, назначил его на пост бекляри-бека и осыпал всяческими милостями, прислушиваясь к каждому его слову. Однако несколько лет спустя Кутлуг-Тимур был лишен своего поста и отправлен в качестве наместника (улус-бека) в Хорезм. Для бывшего всесильного первого министра эта высокая должность означала всего лишь почетную ссылку! Новым фаворитом и бекляри-беком Узбека стал его очередной зять Иса-гурген из рода уйшин, женатый на ханской дочери. Но какое-то время спустя и он утратил ханское расположение, и бекляри-беком вновь стал Кутлуг-Тимур — только для того, чтобы позднее снова уступить пост тому же Исе-гургену!³⁰⁷

Даже в вопросах веры Узбек не был так последователен, как, возможно, желал быть, надеясь войти в историю в качестве поборника ислама, обратившего Золотую Орду в «истинную веру». Установив ислам в качестве государственной религии, он по-прежнему оказывал покровительство православной церкви³⁰⁸ и даже католическим миссионерам. Так, еще 20 марта 1314 г. он выдал ярлык францисканцам, пожаловав им многочисленные льготы и позволив уже в следующем году основать в Сарае свою миссию. А к 1336 г. францисканцы имели в Орде уже 10 представительств. Католики пользовались поддержкой хана, поскольку с их помощью Узбеку удавалось проще находить общий язык с западными торговцами — ибо торговлю, а не религию хан ставил на первое место.³⁰⁹ Кроме того, сам Узбек также лично участвовал и в религиозных праздниках, не имевших отношения к исламу, — в частности, Ибн Баттута сообщает о его участии в праздновании середины лунного года, традиционном для Монгольской империи, причем хан заставил присутствовать на церемонии также и представителей мусульманского духовенства!³¹⁰

Принято считать, что при Узбеке Золотая Орда достигла апогея своего могущества и расцвета. Несомненно, в 1320–1330-е гг. государство Джучидов пользовалось колоссальным международным авторитетом, его вассалы находились в наиболее тесной зависимости от хана, а враги не осмеливались тревожить его границы. Однако на самом деле все было не так гладко, как казалось извне.

Большинству иностранных государей, в частности, не было известно, что в 1339 г. против хана Узбека был составлен заговор, в котором приняли участие не только ордынцы, но и иностранцы-христиане: они осадили хана в собственном дворце и пытались ворваться внутрь, отвлекая охрану специально устроенным пожаром. Заговор не удался, а большинство его участников было схвачено и предано казни.³¹¹ Однако сам факт покушения на жизнь хана в его собственной резиденции свидетельствует, что «великолепный и могущественный» Узбек не мог доверять даже своему ближайшему окружению!

Почти тридцатилетнее правление Узбека стало эпохой величайшего напряжения сил и невероятных затрат ресурсов — денежных, материальных, человеческих.³¹² Ордынцев постоянно отрывали от хозяйства и отправляли в походы то в Иран, то на Русь, то подавлять мятежи в различных регионах самой Золотой Орды. А результаты этой колоссальной деятельности, по сути, были ничтожными. Все внешние военные предприятия Узбека заканчивались поражениями. Разорив своих вассалов в Северо-Восточной Руси многочисленными карательными рейдами, он практически без сопротивления уступил Юго-Западную Русь Польше и Литве, не добился успехов и в Иране.

Репутация Узбека как выдающегося правителя была создана арабскими и персидскими современниками этого хана, которые, будучи мусульманами, приветствовали установление им ислама в качестве государственной религии в столь крупном и могучем государстве, как Золотая Орда. Не удивительно, что большинство арабских авторов говорит об Узбеке исключительно положительно. Так, например, весьма характерен словесный портрет Узбека, составленный египетским историком ал-Муффадом и относящийся к первым годам его правления: «Говорят, что это молодой человек красивой наружности, отличного характера, прекрасный мусульманин, храбрый и энергичный. Он умертвил несколько эмиров и знатных лиц и убил множество бахшей (т. е. лам) и волшебников».³¹³

Показной блеск ханского двора, напускное величие и властность самого хана (чаще всего проявлявшиеся в импульсивных приказах сместить высшего сановника или казнить вассального правителя) ослепили и некоторых европейских современников — в частности, неизвестного автора «Книги о великом хане», назвавшего Узбека одним из могущественнейших правителей современности.³¹⁴

Под внешним блеском иностранные современники Узбека не заметили непрочности власти хана Золотой Орды, начала династического

кризиса, развала войск и роста сепаратистских настроений в уделах. Узбеку повезло: он скончался до того, как эти недуги государства проявились в полной мере, и поэтому вошел в историю как могущественный и успешный правитель. Таковым же считался и его преемник Джанибек, хотя при нем уже явно начали проявляться признаки упадка Золотой Орды.

ОЧЕРК СЕДЬМОЙ
ДЖАНИБЕК, ИЛИ «ДОБРЫЙ ХАН»
(ХАН, 1342–1357)

Добро по указу — не добро.
Иван Тургенев

Личность хана Джанибека производит довольно противоречивые впечатления. Наследник и продолжатель активной централизаторской и экспансионистской политики своего отца, он поставил Золотую Орду в условия кризиса, который и начался вскоре после его смерти. Он первый (если не единственный!) из золотоордынских ханов обложил русскую церковь налогами и сборами, но при этом в трудах русских монахов-летописцев упоминается как «добрый царь»...

I

Джанибек был третьим сыном хана Узбека. Его матерью была Тайдула — любимая супруга Узбека.³¹⁵ Год рождения Джанибека неизвестен, вероятно, он родился в 1310-е гг.

Хан Узбек, проведя в 1320-е гг. ряд реформ в Золотой Орде, внес существенные изменения в порядок престолонаследия. Отныне власть в Золотой Орде должна была передаваться от отца к сыну. Соответственно, наследником ханского трона поначалу считался Тимур, старший сын Узбек-хана, любимец отца, но он скончался в молодости, в 1330 г. После его смерти наследником стал следующий по старшинству царевич Тинибек — старший сын Узбека и Тайдулы. Однако на рубеже 1339–1340 гг. по какой-то причине Узбек изменил отношение к старшему сыну и сделал наследником следующего по старшинству — Джанибека: его имя еще в правление отца стало чеканиться на монетах, а иностранные государи стали адресовать послания не только хану, но и «царевичу Джанибеку». Остается только гадать о причинах опалы Тинибек.³¹⁶

В результате после смерти хана Узбека в 1341 г.³¹⁷ власть в столице оказалась в руках ханши Тайдулы и ее любимого сына Джанибека, который до избрания нового хана стал временным правителем государства. Тинибек находился в Хорезме, но, как старший сын покойного хана, имел все права на трон, и на этом основании его могли (и были обязаны) поддержать эмиры и войска. Поэтому Тайдула и Джанибек развернули активную кампанию против наследника трона, привлекая на свою сторону наиболее влиятельных сановников и военачальников, а также самых уважаемых представителей мусульманского духовенства. Тем не менее, Тинибек все же был провозглашен ханом, и Джанибеку с матерью пришлось на время смириться с этим. Однако еще до прибытия Тинибека в ханскую ставку им удалось покончить с еще одним возможным конкурентом в борьбе за трон — Хырбеком, сыном Узбека от другой жены.³¹⁸

Тинибек, возможно, сумел бы стать неплохим ханом. Арабский путешественник Ибн Баттута, лично общавшийся с ним, сообщает, что он «наружностью был одним из красивейших созданий Аллаха».³¹⁹ Отец с молодости приучал Тинибека к делам правления и к полководческой деятельности. Вместе с тем, царевич не был чужд и искусству, покровительствовал деятелям культуры: Кутб, известный поэт того времени, посвятил ему свой тюркский перевод поэмы Низами «Хосров и Ширин», отразив в сочинении немало черт двора Тинибека в период его пребывания в Хорезме.³²⁰ Однако, на его беду, могущественная и влиятельная Тайдула сделала выбор в пользу Джанибека, который, возможно, уступал дарованиями старшему брату, но был больше подвержен влиянию матери и, следовательно, с ее точки зрения, являлся более подходящим кандидатом на престол. Вскоре Тинибеку стало известно об убийстве Хырбека, и он решил наказать Джанибека, который, однако, успев к этому времени привлечь на свою сторону достаточное количество эмиров и полководцев, не подчинился старшему брату и начал гражданскую войну.

На стороне Джанибека и Тайдулы оказалось большинство, и очень скоро Тинибек потерпел поражение и погиб.³²¹ Обстоятельства его гибели победители постарались скрыть, однако распространили информацию, что он был умерщвлен за некие «постыдные дела».³²² Так в 1342 г.³²³ «добрый царь» Джанибек стал ханом Золотой Орды, перешагнув через трупы двух братьев. Его мать в качестве награды получила от признательного сына несколько значительных источников доходов — в частности, в ее владении оказался город Тула, которым управляли именно ее, Тайдулы, баскаки, также ей было

пожаловано право получения в свою пользу некоторых торговых сборов в Азове.³²⁴

Впрочем, следует признать, что больше никаких репрессий против родичей и эмиров, державших сторону Тинибека, Джанибек и его мать не проводили. Виднейшие сановники Узбека вовремя сориентировались и присягнули новому хану, благодаря чему сохранили свои посты. Чтобы обеспечить себе поддержку областных правителей и улусной знати, Джанибек предоставил им некоторую автономию. С одной стороны, это обеспечило ему их признание и поддержку, но с другой — сепаратистские настроения в регионах значительно усилились, а власть ханских наместников ослабла. Впрочем, плоды этой политики предстояло пожать уже не Джанибеку, а его преемникам.³²⁵

II

Джанибек, носивший официальное тронное имя «Джалал ад-Дин Абу Музаффар Махмуд Джанибек-султан», в еще большей степени, чем его отец, способствовал распространению ислама в Золотой Орде. Он строил мечети, покровительствовал медресе и ученым, поощрял эмирских сыновей, желавших изучать богословие. По сведениям арабских авторов, он заставил всех представителей ордынской знати носить чалмы и фараджийат — длинное прямое мусульманское одеяние, что противоречило тюрко-монгольским обычаям, но, тем не менее, было выполнено. Один из виднейших ученых того времени, Маулана Сад ад-Дин, посвятил хану свой комментарий на богословское сочинение «Мухтасар ал-таххис», составленный в 756 г. х. (1355/1356 г.).³²⁶ При его дворе находились многие известные богословы, «содействовавшие превращению Сарая в сосредоточие науки», в том числе выдающийся шейх Мухаммад б. Мухаммад ар-Рази Кутб ад-Дин ат-Тахтани.³²⁷

Другим приоритетным направлением деятельности нового хана стала денежная реформа: в связи с нехваткой серебра Джанибек уже в начале своего правления предпринял массовую чеканку новых медных монет, пытаясь их количеством компенсировать отсутствие серебра на рынке. Новые монеты были украшены изображениями цветка и даже двуглавого орла, что заметно выделяло их среди монет других ордынских монархов. Однако эти монеты были меньше по весу, нежели выпущенные прежде, и потому особого доверия не вызвали: в начале 1360-х гг. ордынские ханы вернулись к выпуску монет прежнего веса.³²⁸

Несмотря на многочисленные недостатки, Узбек все же оставил по себе память выдающегося правителя, блестящего монарха, пожалуй, самого блестящего за всю эпоху Золотой Орды — особенно в глазах иностранных государей. Джанибеку предстояло приложить много усилий, чтобы выглядеть достойным преемником своего великого отца. Поэтому, вслед за Узбеком, он решительно взялся за масштабную внешнюю политику.

Прежде всего, Джанибек постарался обеспечить безопасность границ на востоке и западе своих владений. Мирное положение восточных пределов Золотой Орды гарантировало номинальное подчинение власти великого хана — императора династии Юань. Подобно своим предшественникам на троне, Джанибек («Джагунбе») фигурирует в официальных китайских документах как «князь третьей степени» с правом получения доходов с трех китайских провинций, находящихся во владении золотоордынских ханов — тех самых, которые сумел вернуть Золотой Орде еще хан Токта.³²⁹ Однако в 1351 г. в Китае началось антимонгольское восстание «красных войск», и великим ханам стало не до «игры в империю»: они целиком сосредоточились на борьбе за сохранение власти над Китаем.³³⁰ В итоге даже номинальные связи империи Юань с Золотой Ордой были утеряны.

Чингизиды из других улусов также не тревожили границы Золотой Орды: в их государствах уже в последние годы правление Узбека начались междоусобицы. Так, в Улусе Чагатая за восемь лет (с 1334 г., когда был убит хан Тармаширин б. Дува, до 1342 г., когда сам Джанибек стал ханом) сменилось пять ханов. А в 1346 г. к власти там пришел всемогущий временщик эмир Казаган, свергший страну в многолетнюю борьбу за власть. Государство Чагатаидов распалось надвое: в Мавераннахре и Могулистане появились самостоятельные монархи. Аналогичным образом и в Иране после смерти ильхана Абу Саида в 1335 г. едва ли не каждый год на трон вступали новые ханы, причем не все из них были потомками Хулагу и даже потомками Чингис-хана!³³¹ Влиятельные иранские эмиры резались насмерть друг с другом, чтобы возвести своих марионеток на трон Хулагуидов.

На западе вассалами ханов Золотой Орды были многочисленные русские княжества. Джанибек, вступив на престол, продолжил линию отца по укреплению власти Орды над Русью и старался не допустить усиления того или иного князя. Так, хотя хан сохранял хорошие отношения с Семеном Гордым, великим князем владимирским, сыном и преемником Ивана Калиты, в 1343 г. он отказал Семену в праве на

Нижегородское княжество, которое с этого времени отошло к суздальским князьям.³³²

Кроме того, Джанибек позволил другим князьям обращаться со своими просьбами и жалобами непосредственно к себе, минуя великого князя. Так, в 1340–1350-е гг. хан сам разбирал тяжбы тверских и муромских князей. При этом Джанибек, как и его отец, нередко игнорировал принятый на Руси порядок наследования и руководствовался ордынскими политическими традициями. Например, в 1348 г. к нему на суд явились претенденты на титул великого князя тверского — Василий Михайлович Кашинский (сын Михаила Ярославича) и его племянник Всеволод Александрович Холмский (сын Александра Михайловича). По русской лестничной традиции старший князь имел преимущественное право наследования. Однако во время обсуждения ханская мать вдруг заявила: «О безумные судьи, как неправо судите, лишая сына отцова достояния. Ибо кто ближайший есть, как не сын после отца? А брат Александров имеет свой удел от отца, и после него наследуют сыновья его. Когда в Орде было, чтобы вместо сына ханского после него брат был? Разве насилие и крамола». Поскольку это вполне соответствовало новому ордынскому закону о переходе ханской власти от отца к сыну, тверской стол вслед за своим отцом Александром Михайловичем получил Всеволод Холмский.³³³

Впрочем, традицию сохранения великого княжения в роду московских князей Джанибек продолжил. После скоропостижной смерти Семена Ивановича Гордого от чумы в 1353 г.³³⁴ он выдал ярлык на владимирский великий стол его брату Ивану Красному. Правда, при этом дал понять, что Иван не является единственным кандидатом, и потому представил передачу ему великокняжеского достоинства как милость хана по отношению к своему верному вассалу.³³⁵

В русских летописях хан Джанибек нередко называется «добрым».³³⁶ Вряд ли он был и в самом деле добрее других «царей ордынских», однако нельзя не отметить, что в его правление не было ни одного ордынского нашествия на Русь.³³⁷ Более того, когда литовский великий князь Ольгерд ок. 1350 г. направил к Джанибеку посольство во главе со своим братом Кориатом для заключения военного союза против Руси, хан выдал этих послов своему вассалу и союзнику — великому князю Семену Ивановичу.³³⁸ Так что у летописцев были определенные основания для подобной похвалы сыну Узбека — особенно после правления его отца, столь сурового по отношению к Руси!

Вместе с тем, для русской церкви Джанибек оказался даже более суровым господином, нежели его отец. Несмотря на всю свою не-

уравновешенность, капризность и властность, Узбек все же продолжал соблюдать обычай, завещанный Чингис-ханом, — не облагать налогами служителей церкви. Джанибеку же нужны были средства для его многочисленных военных кампаний и для раздачи эмирам, чтобы обеспечить себе их поддержку. Поэтому хан решил ввести ряд налогов и сборов с церкви, что нашло отражение в его ярлыке, выданном в 1342 г. русскому митрополиту Феогносту.³³⁹ Однако, чтобы не потерять поддержки церковью авторитета ханской власти на Руси, Джанибек несколько «подсластил пилюлю»: его мать Тайдула в 1347 г. в своей грамоте сарайскому епископу Иоанну запрещала светским князьям вмешиваться в церковные судебные дела. Таким образом, хан проявил свою власть, а ханша — свою доброту, войдя в русскую летописную традицию как «заступница русской церкви».³⁴⁰

Вмешивался Джанибек и в церковные дела других вассальных государств. Так, в частности, он по собственной воле выдал ярлык аланскому митрополиту — трапезундскому греку Симеону, наделив его полномочиями назначать и смещать архиереев по своему усмотрению, наделять владениями и лишать их. Возмущенные столь бесцеремонным попранием церковных правил, аланские священнослужители в 1356 г. собрались на синод, на котором новоявленный митрополит был низложен.³⁴¹

Вслед за отцом Джанибек продолжал поддерживать дипломатические связи с мамлюкским Египтом, отправляя к султану посольства с богатыми подарками. Но этот союз был, скорее, данью традиции, чем необходимостью. Во-первых, Джанибек большую часть своего правления не вел войн с государствами, которые были и врагами Египта, а потому не нуждался в помощи мамлюкских султанов. Во-вторых, после смерти султана ан-Насира в 1341 г. Египет, в свою очередь, стал ареной междоусобной борьбы его многочисленных сыновей и поддерживавших их кланов. Так что дипломатический обмен между Золотой Ордой и Египтом в эпоху Джанибека был уже гораздо менее интенсивным, чем при Узбеке.³⁴²

В целом, международная политика Джанибека была гораздо более спокойной и уравновешенной, чем у его отца, что шло только на пользу Золотой Орде и ее населению, измученному постоянными войнами Узбек-хана. Тем не менее, политику «доброты» Джанибека нельзя назвать миролюбивой: на разных этапах своего 15-летнего царствования и ему пришлось немало повоевать. «Боевое крещение» он получил в Крыму.

III

Гнев хана вызвали итальянские торговцы, уже давно обосновавшиеся в Причерноморье и пользовавшиеся такими широкими привилегиями, что порой чувствовали себя настоящими хозяевами в этих землях, забывая, что находятся во владениях хана Золотой Орды. Формально центр генуэзских владений, Кафа, имел двойное подданство — генуэзской синьории и ордынского хана.³⁴³ Фактически же консул Кафы и представители наиболее крупных семейств нобилитета и купечества не подчинялись никому, да еще и вели себя как феодалные сеньоры по отношению к населению близлежащих городов и селений. Аналогичным образом поступали и венецианцы в недавно предоставленной им колонии в Азове (Тана), также находившемся в подданстве золотоордынского хана.

Подданных хана Золотой Орды итальянцы совершенно не уважали, что нередко становилось причиной конфликтов. Так, в 1343 г. в Азове в результате уличной драки знатный венецианец Андреоло Чиврано убил ордынского купца Ходжу Омара, который залепил ему пощечину. Из-за этого многие жители и посетители Азова европейского происхождения были ограблены и даже убиты, а остальным пришлось бежать — кому в Кафу, а кому и на родину, в Италию. Результатом стычки стали огромные финансовые потери европейских торговцев (более полумиллиона золотых флоринов), а также резкий рост цен в Европе на восточные товары, зерно и рыбу. Джанибек, разгневанный на европейцев, которые вели себя столь вызывающе в его владениях, повелел изгнать всех итальянских торговцев из Таны сроком на пять лет.³⁴⁴ Хан предпринял и другие карательные меры, в результате которых, в частности, в устье Дона было разрушено поселение Порто-Пизано, принадлежавшее (как следует из его названия) пизанским купцам, которые с этого времени практически лишились возможности вести торговлю с Золотой Ордой.³⁴⁵

Венецианский сенат провел расследование случившегося в Азове, признал Чиврано виновным и арестовал его, о чем немедленно направил уведомление хану Золотой Орды вместе с просьбой вернуть венецианцам право торговли в Азове. Джанибек сменил гнев на милость и выразил готовность закончить дело миром. Чтобы добиться максимального успеха, венецианцы вступили в союз со своими давними врагами, генуэзцами Кафы, решив совместно потребовать возмещения потерь, понесенных в Азове в результате конфликта с местным населением (генуэзцы также вели дела в Азове). Узнав об этих переговорах, хан Джанибек решил, что итальянцы намереваются

заклучить против него союз, и в 1344 г. отправил на Кафу войско. Поводом для похода послужил формальный отказ генуэзцев Кафы выдать хану убийцу Ходжи Омара для суда по ордынским законам.³⁴⁶

Однако Джанибеку не повезло: Кафа оказалась хорошо укрепленной, ее население имело опыт обороны и неоднократно совершало дерзкие вылазки против осаждающих.³⁴⁷ Ордынские войска потеряли при осаде, по некоторым сведениям, до 15 тыс. человек и все свои осадные машины и были вынужден отступить.³⁴⁸ Отступая, хан выместил свой гнев на другом генуэзском поселении — Чембало (Балаклава), которое было обнесено только земляным валом и оказалось беззащитным перед ордынскими войсками: город был взят и сожжен, а жители его разбежались.³⁴⁹ Тем не менее, хану пришлось начать мирные переговоры с Генуей.

Однако Джанибек жаждал реванша и год спустя возобновил осаду. Поскольку его войска вновь не добились успеха, ханский бекляри-бек Могул-Буга, командовавший войсками, решил на крайнюю меру, одним из первых в средневековой военной истории применив «биологическое оружие»: через крепостную стену с помощью катапульты было переброшено тело человека, умершего от чумы. Естественно, в жаркое время года в тесном и не очень-то чистом городе сразу вспыхнула эпидемия. Многие из осажденных, стойко выносившие осаду и штурмы, в страхе перед болезнью бежали в метрополию — в Венецию и Геную. Однако среди беглецов оказались уже зараженные, которые принесли страшную болезнь в Европу. Так началась эпидемия чумы 1348–1349 гг., выкосившая, по некоторым сведениям, до 60% европейского населения. Чуть позднее, в начале 1350-х гг., она вернулась и прошла по Руси: именно тогда умер великий князь Семен Иванович Гордый — как и многие другие князья, вместе с большим количеством своих подданных. Примечательно, что самой Золотой Орде чума принесла куда меньше бед: ее города были более чистыми и менее густонаселенными, в степях же население было еще реже.³⁵⁰

Однако, несмотря на столь трагические последствия осады Кафы для всей Европы, Джанибеку так и не удалось взять город и пришлось снова отступить. Поражение было тем более тяжелым, что хан могущественной степной империи понес его от одного-единственного города на окраине своих владений! Тем не менее, хану удалось взять реванш, все же запретив итальянцам торговать в Золотой Орде. Но у итальянских торговых республик было сильное лобби среди ханских сановников, и поэтому год спустя запрет был снят, и они снова могли вести свою коммерцию во владениях Джанибека. В 1347 г.

венетианцы Азова получили новый ханский ярлык, в котором только налог с оборота был увеличен с 3 до 5%.³⁵¹

Похоже, ханская суровость ничему не научила итальянцев: в 1349 г. Джанибек снова отправил войска — на этот раз непосредственно на Азов, в очередной раз разграбив имущество венетианцев, генуэзцев и пизанцев. Но и на этот раз судьба оказалась неблагосклонной к сыну Узбека: генуэзский флот из Кафы вошел в Азовское море и начал настоящую бомбардировку ханских войск, что заставило хана снять осаду и заключить мирный договор с итальянцами.³⁵²

В 1353 г. произошел еще один венециано-ордынский конфликт — на этот раз уже не во владениях Джанибек-хана. В Средиземном море, где шла очередная венециано-генуэзская война, венетианцы взяли на abordаж генуэзскую галеру и захватили в плен ее пассажиров и их имущество. На свою беду, среди пленников оказалось несколько купцов — подданных золотоордынского хана, причем один из них был убит, а остальные раздеты едва ли не догола и брошены в темницу. На счастье венетианцев, Джанибек в это время улаживал какие-то внутренние проблемы и не мог уделить достаточно внимания очередному посягательству на жизнь и имущество своих подданных.³⁵³ В результате начался длительный судебный спор, который перешел «по наследству» к его сыну Бердибеку, который имел ряд более важных проблем и поэтому предпочел не вмешиваться в эту тяжбу, поручив ее разбор своей бабке Тайдуле и крымскому даруге Кутлуг-Тимуру. Ханша и сановник удовлетворились денежной компенсацией пострадавшим и их семьям (не забыв выговорить и себе вознаграждение «за труды»), так что обидчики отделались «малой кровью».³⁵⁴

Ближе к концу правления Джанибека, в 1356 г., венетианцы все же сумели поладить с ханом: крымский даруга Рамадан выделил им в качестве дополнительной фактории крымский городок Янгишехр (венетианцы называли его Провато), в котором действовал прежний 3%-ный налог!³⁵⁵ Несомненно, такая «щедрость» хана к былым противникам объяснялась исключительно тем, что в это время он отправлялся на завоевание Азербайджана, а потому нуждался в деньгах и совершенно не желал каких бы то ни было конфликтов в собственных владениях.

IV

Даже слабеющая Золотая Орда при Джанибеке еще сохраняла мощь и военные силы — особенно по сравнению с другими улусами Чингизидов, которые к этому времени уже десятилетия сотрясали

смуты. Джанибек прекрасно сознавал свое преимущество перед ними и решил, наконец, поставить точку в вековом споре с Хулагуидским государством за Азербайджан.

К середине 1350-х гг. Иран распался на ряд владений. В Хорасане правили Музаффариды — династия персидских эмиров арабского происхождения, успевшая, к тому же, породниться с Хулагуидами. Средний Иран попал под власть членов тюркизированного монгольского рода Джелаиров, также имевших родственные связи с домом Хулагу и поэтому даже претендовавших на ханский титул. Азербайджан же находился под властью Сулдузов — Шайх Хасана Кучака и его брата Малика Ашрафа, внуков эмира Чопана, которые, несмотря на то что были потомками ильханов по женской линии, в течение всего своего правления возводили на трон подставных монархов из дома Чингис-хана. Излишне говорить, что все три династии постоянно враждовали между собой.³⁵⁶

В 1356 г умер очередной марионеточный хан, возведенный на трон атабеком Азербайджана Маликом Ашрафом, находившимся у власти с 1344 г. Пока Ашраф не успел короновать нового монарха, Джанибек решил воспользоваться отсутствием у эмира «собственного» хана и во главе огромного золотоордынского войска лично выступил на завоевание спорной области. Его армия насчитывала, по разным сведениям, от 100 до 300 тысяч воинов, тогда как азербайджанскому владельцу удалось собрать всего 17–18 тысяч.³⁵⁷

Малик Ашраф, в отличие от своего покойного брата Хасана Кучака, оказался негодным полководцем. Он без боя уступил ордынцам горные перевалы, в которых горстка воинов могла бы сдерживать наступление целой армии. А когда войска Джанибек-хана оказались на территории Азербайджана, армия Ашрафа разбежалась, даже не вступив в бой с ордынцами.³⁵⁸ Сам эмир попытался спасти свои сокровища, но, преследуемый ордынскими воинами, был вынужден бросить казну и спасти собственную жизнь. Ашраф укрылся в доме одного из своих приверженцев, Шайха Мухаммада Балигджи. «Верный» сподвижник предоставил Ашрафу убежище, а сам направил гонца к ордынскому хану с сообщением, что беглец находится у него. Эмиры Джанибека схватили Ашрафа и доставили к своему повелителю. Между Джанибеком и Ашрафом состоялся разговор, во время которого хан спросил: «Что побудило тебя к насилию, разрушению страны, грабежу народного имущества, причинению боли рабам Аллаха?» Ашраф ответил: «Так поступали все правители, предводители и султаны». Джанибек-хан приказал отрубить Ашрафу голову и выставить ее на городских воротах Тебриза.³⁵⁹

Так, после почти столетней войны за Азербайджан, золотоордынским ханам удалось взять верх над своими иранскими родичами. Весьма примечательно, что случилось это не при воинственных Берке или Узбеке, а при «добром» Джанибеке!³⁶⁰ Однако торжество хана было недолгим: во время похода он опасно заболел. Скрыв болезнь хана от воинов, эмиры в строжайшей тайне отправили монарха в Сарай. Наместником в Азербайджане остался старший сын хана, царевич Бердибек, при котором в качестве военачальника находился эмир Ахиджук.³⁶¹

V

Ордынские лекари не сумели вылечить Джанибека, и его встревоженная мать Тайдула послала на Русь за митрополитом Алексием, за которым даже в Орде закрепилась репутация целителя. Естественно, ханша не могла сообщить, что хан находится при смерти, и поэтому написала в своем послании, что больна она сама: якобы, что-то случилось с ее глазами. Такая версия впоследствии и вошла в русские летописи.³⁶²

Хану и его матери было не совсем ловко обращаться к главе русской церкви: ведь несколько лет назад Джанибек существенно урезал ее привилегии, обложив духовенство налогами в пользу Орды. Впрочем, Тайдула полагала, что митрополит не сможет отказать ей, поскольку не так давно, в 1354 г., она выдала ему грамоту, в очередной раз подтвердившую определенные льготы русского церкви, компенсировав ограничения, сделанные ханом (не упустив, правда, при этом возможности взять с иерарха определенную мзду в свою пользу!).³⁶³ Как бы то ни было, другого выхода ханша не видела, и послание митрополиту было отправлено. Алексей, со своей стороны, не посмел отказать от этого вызова-приглашения и поехал в Орду. Митрополит посетил хана, пытался оказать ему помощь, но безрезультатно: состояние больного продолжало ухудшаться.

Узнав, что Джанибек находится при смерти, один из его влиятельных эмиров, Тоглу-бай, немедленно отправил послание Бердибеку, в котором извещал царевича о состоянии отца и советовал как можно скорее прибыть в Сарай, если он желает стать ханом сам, а не уступить трон одному из своих многочисленных родичей. Бердибек внял совету и, оставив Азербайджан на попечение Ахиджука, помчался в столицу. Дальнейшие события различные источники излагают по-разному. Согласно одним, Джанибек скончался еще до прибытия сына в Сарай. По другим, авторы которых, несомненно, с сильной

антипатией относились к Золотой Орде и ее правителям, Бердибек приехал в Сарай и, узнав, что отец поправляется, вместе с Тоглу-баем ворвался в его покои и задушил хана.³⁶⁴ Хан умер 3 шабана 758 г. х. (22 июля 1357 г.) и был похоронен в Сарайчуке.³⁶⁵

Сразу после смерти отца Бердибек принялся устранять других конкурентов в борьбе за трон. В течение нескольких дней были умерщвлены сыновья Джанибека и другие родственники, потомки Узбека (включая даже брата Бердибека — грудного младенца) — общим числом 12 человек. В русской летописной традиции они все названы братьями убийцы.³⁶⁶ Некоторым членам ханского рода удалось спастись, но, напуганные участью родичей, они даже не пытались противостоять Бердибеку, который без сопротивления занял ханский трон.

В отношении же митрополита Алексия хан-убийца повел себя вполне благожелательно: уже в течение нескольких первых дней после воцарения он выдал ему ярлык, в котором в полной мере восстанавливал все льготы и привилегии русского духовенства. Надо думать, Бердибек (сознательно или подсознательно) выразил митрополиту благодарность за то, что тому не удалось вылечить его отца!³⁶⁷

Эмир Ахиджук, оставленный наместником в Тебризе, вскоре объявил себя независимым правителем, сплотив вокруг себя уцелевших приверженцев Малика Ашрафа. Однако, оставшись без поддержки ордынских войск, не сумел удержать власть и вскоре был разгромлен и убит Мубариз ад-Дином Мухаммадом, правителем Фарса из рода Музаффаридов.³⁶⁸ Азербайджан снова оказался под властью иранских правителей, пробыв в составе Золотой Орды менее года.

Бердибек не имел возможности заняться возвращением Азербайджана под контроль Золотой Орды, поскольку в самом государстве Джучидов начались проблемы, вскоре вылившиеся в крупнейшую в ее истории гражданскую войну.

ОЧЕРК ВОСЬМОЙ

КУЛЬНА — НАУРУС — ХЫЗР — КИЛЬДИБЕК,
ИЛИ «ИГРА В ХАНЫ» В НАЧАЛЕ
«ЗАМЯТНИ ВЕЛИКОЙ»
(СОПЕРНИЧАЮЩИЕ ХАНЫ, 1358–1362)

Яо и Шунь правили Поднебесной посредством человеколюбия, и народ подчинялся этому. Цзе и Чжоу правили Поднебесной посредством бесчеловечности, и народ подчинялся этому. Но когда их указы вошли в противоречие с тем, что они любили, народ не подчинился им.

Конфуций

«Игрой в ханы» называл народ ситуацию в Хивинском ханстве в середине XVIII в., когда ханы из разных ветвей рода Джучи возводились на трон каждый год, а иногда и по несколько раз в год.³⁶⁹ Такая же «игра в ханы» началась в Золотой Орде в конце 1350-х гг. Начало сильнейшего политического кризиса в Золотой Орде второй половины XIV в., известный по русским летописям как «Замятня великая», традиционно принято относить к 1359 г.: в этом году был убит (или умер) Бердибек, последний законный хан из дома Бату,³⁷⁰ после чего началась борьба за власть между различными ветвями разветвленного семейства Джучидов.³⁷¹ Полагаем, что начало смуты следует датировать все же 1358 г.: именно в этом году, при живом и легитимном хане Бердибеке предъявил права на трон Кульна, начавший чекан собственной монеты и, в конце концов, сменивший Бердибека на троне.³⁷²

В позднесредневековой восточной историографии получило распространение утверждение, что со смертью хана Бердибека пресеклась прямая линия потомков Бату: «Ныне между узбеками есть поговорка: “В Бирдибеке ссечен ствол гранатового дерева.” После него в Дешт-Кипчаке царствовали потомки других сынов Джучихановых».³⁷³ Это и так, и не так.

Прежде всего, обратим внимание на то, что так утверждали историки, выражавшие интересы потомков Шибана и Туга-Тимура — других сыновей Джучи, братьев Бату. Естественно, они были заинтересованы в легитимации претензий этих династий на власть в Золотой Орде и постордынских государствах. Другие авторы не ставили перед собой такой задачи (персидские, русские и тимуридские историки) и поэтому ничего подобного не утверждали. Например, персидский автор начала XVII в. Хайдар Рази пишет лишь, что «никто из этого поколения не достиг царства», и не упоминает, что весь род был истреблен Бердибеком.³⁷⁴ В более поздней восточной историографической традиции прямо указывалось, что после смерти Бердибека не осталось в живых лишь *достойных* власти потомков ханского рода, а не членов рода Узбека вообще!³⁷⁵ А персидский автор второй половины XIV в. Махмуд Кутуби, являвшийся современником описываемых событий, даже еще более определенно сообщает: «Бердибек стал преемником отца, умертвил *несколько* других братьев, которых он имел, и *среди них* произошла смута».³⁷⁶ Поэтому есть все основания полагать, что длительная междоусобица в Золотой Орде, известная в русских летописях под названием «Замятни великой», была вызвана отнюдь не пресечением династии потомков Бату — напротив, они-то ее и начали!

I

Из сочинений персидских историков Джувейни и Рашид ад-Дин нам известно о том, как в Монголии на курултае 1251 г. было принято решение об отстранении от трона потомков Угедэя и его старшего сына Гуюка за их преступления против рода и о возведении на трон Мунке — сына Тулуя, четвертого сына Чингис-хана.³⁷⁷

Подобно тому, как деяния потомков Угедэя-Гуюка дали повод признать их недостойными трона (несмотря на то что Чингис-хан официально завещал трон Монгольской империи своему третьему сыну Угедэю и его семейству), поступки членов рода Бату также не позволили им сохранить трон Золотой Орды, несмотря на харизму и авторитет их родоначальника. По-видимому, правящая ветвь Бату в силу отрицательных личных качеств и недостойных деяний ее последних представителей перестала считаться достойной трона.

Впрочем, поначалу речь шла, вероятно, лишь об отстранении от власти потомков хана Узбека: его радикальные преобразования в различных сферах и злодеяния его самого и его преемников Джанибека и Бердибека, пришедших к власти через многократные братоубийства,

восстановили ордынскую знать против этого семейства.³⁷⁸ По-видимому, именно в связи с этим и был выдвинут в качестве претендента на трон **Кульна** — довольно таинственный персонаж, начавший борьбу за власть с Бердибеком и носивший ханский титул в 1358–1359/1360 гг.

Отсутствие сведений о Кульне в восточных источниках, краткие упоминания о нем в русских летописях, да сохранившиеся монеты с его именем вызывают противоречивые мнения об этом хане. Одни авторы полагают, что это был первый самозванец на троне Золотой Орды, выдавший себя за одного из сыновей Джанибека, убитых Бердибеком.³⁷⁹ Другие видят в нем представителя другой ветви Джучидов, не потомка Бату.³⁸⁰ Высказывались также версии о том, что Кульна мог быть малолетним сыном Бердибека³⁸¹ или же братом и законным наследником Джанибека, дядей Бердибека.³⁸²

Вряд ли Кульна был самозванцем — авантюристом без роду и племени: на начальном периоде «замятни» еще живы были многие аристократы, лично знавшие всех представителей ханского рода, да и само выдвижение на престол не-Чингизида под видом потомка Золотого рода было бы на тот момент слишком смелым шагом. Кроме того, в исторических сочинениях самозванные претенденты на трон в государствах Чингизидов, в конечном счете, разоблачались, в отношении Кульны же такого «разоблачения» нет ни в восточных хрониках (где он вообще не упомянут), ни в русских летописях.³⁸³

Не мог быть Кульна и сыном Бердибека — по одной простой причине: по утверждению автора версии, Кульне при вступлении на трон было 6 лет, тогда как в русских летописях сообщается, что он был убит годом позже вместе с двумя собственными сыновьями.³⁸⁴ Версия о том, что Кульна был братом и наследником Джанибека, также не может быть принята сразу по нескольким причинам. Во-первых, ни в одном источнике такая степень их родства не упоминается.³⁸⁵ Во-вторых, мы отрицаем такое родство еще и на основании вышеприведенного описания политической ситуации в Золотой Орде к 1358–1359 гг.: аристократия, недовольная деятельностью рода Узбека, вряд ли была готова сместить Бердибека и заменить его таким же представителем рода Узбека!

Наиболее вероятной, таким образом, остается версия о происхождении Кульны от одного из младших сыновей Джучи, однако, по некотором размышлении, мы склонны пересмотреть и ее. Потомки Бату правили Золотой Ордой без перерыва почти целый век (с воцарения Менгу-Тимура в 1266 г.), еще были живы многие представи-

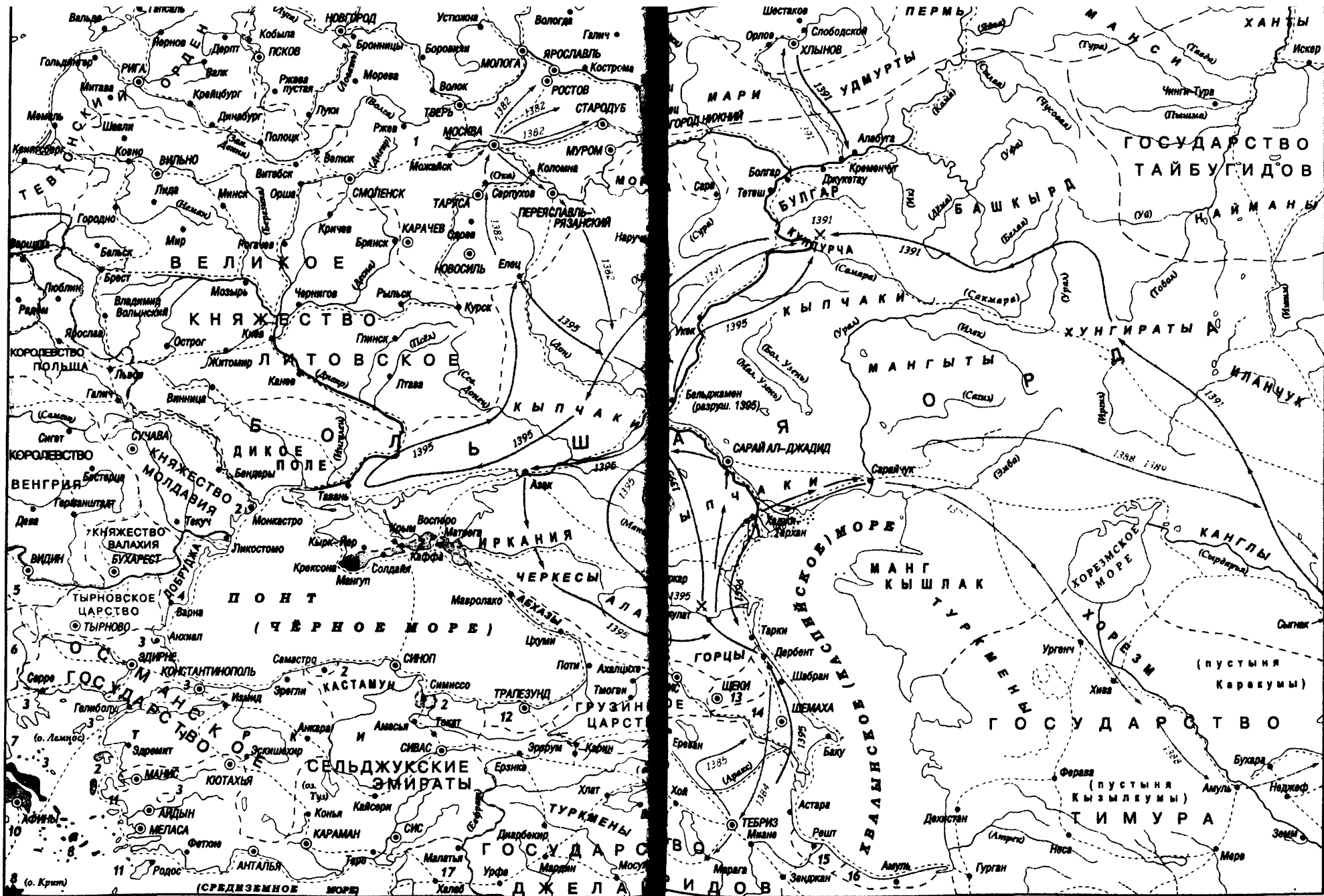
тели этого рода, так что возведение на трон представителя боковой ветви Джучидов было бы слишком большим вызовом установившейся традиции. Для этого должны были сложиться соответствующие обстоятельства, которые в дальнейшем и привели к смуте — об этом мы поговорим несколько ниже. В 1358—1359 гг. же такой претендент не был бы принят сарайской аристократией, тогда как Кульна после смерти Бердибека (предположительно в августе 1359 г.) немедленно был признан ханом в столице.

Итак, кем же все-таки был Кульна и кто способствовал его приходу к власти?

Полагаем, Кульна, скорее всего, принадлежал к дому Бату, но не к той ветви, из которой происходили Узбек и его потомки. Выдвигая такого претендента на трон, его сторонники, с одной стороны, следовали прежней традиции возведения на трон потомка Бату, опиравшегося на харизму своего предка, с другой — отодвигали от власти род Узбека, провозглашая ханом не менее легитимного монарха. Что же касается этих самых сторонников, то предположение о том, кто они были, дает сделать информация о сыновьях Кульны (вскоре убитых вместе с отцом): ханских детей, согласно русским летописям, звали... Иван и Михаил!³⁸⁶

По-видимому, Кульна был ставленником ордынских аристократов-реваншистов, которых не устраивала ни военная, ни религиозная политика Узбека. Вполне возможно, что Кульну поддерживали ордынские христиане несторианского толка, «недорезанные» Узбеком, а может быть, даже и русские князья.³⁸⁷ Демонстрируя возврат к прежней религиозной толерантности, Кульна дал своим сыновьям христианские имена, а возможно, и сам заменил свое мусульманское имя на прежнее тюркское — не исключено, что именно по этой причине Кульна отсутствует в родословных Джучидов: весьма вероятно, что там он фигурирует под мусульманским именем, которое был вынужден принять в результате реформ Узбека. Подобная его политика, скорее всего, и предопределила его «забвение» в последующей ордынской и постордынской восточной историографии: ханы-мусульмане и их «правверные» историки постарались вычеркнуть память о хане-«еретике».³⁸⁸

Несмотря на отход от политики Узбека и его семейства, Кульна оказался, как видно, не меньшим «радикалом», чем его предшественники, а его сторонники ждали от него отнюдь не этого. Золотой Орде, измученной масштабной преобразовательной деятельностью Узбека, его и Джанибека нескончаемыми войнами, требовался отдых.

Карта 5. Золотая Орда в 1382-1395 гг.: противостояние Токтамыша и Тимура (автор – Астайкин А. А.).

1 Русские княжества, 2 Владения Генуи, 3 Византийская империя, 4 Добруджа, 5 Видинское княжество, 6 Сербия, 7 Мегаловлахия, 8 Владения Венеции, 9 Герцогство Афинское, 10 Ахайя, 11 Орден Иоаннитов, 12 Трапезундская империя, 13 Княжество Шеки, 14 Ширван, 15 Мазандеран, 16 Мазандеран, 17 Государство мамлюков. Границы государств нанесены на 1382 г.

В результате Кульна не встретил поддержки и одобрения со стороны большинства ордынской аристократии и населения и очень скоро (на рубеже 1359–1360 гг.) был свергнут и убит очередным претендентом на трон — Наурусом.³⁸⁹

Но кто же такой был, в свою очередь, этот Наурус?

II

Генеалогия убийцы и преемника Кульны, **Науруса** (или Мухаммада Наурузбека), также весьма туманно и противоречиво представлена. Одни исследователи считают его родным братом Бердибека и Кульны, т. е. сыном Джанибека.³⁹⁰ Другие называют его самозванцем-авантюристом, опять же подобно Кульне.³⁹¹ Наконец, имеется и третья версия, согласно которой он является потомком одного из младших сыновей Джучи. Эта версия представляется нам наиболее убедительной. Однако как же получилось, что на этот раз к власти все-таки пришел не потомок Бату, а «побочный» Джучид? Ответ прост: благодаря династическому браку.

Наурус являлся ставленником известной ордынской ханши Тайдулы (Тай-Туглы-бегим). Эта властная супруга Узбека, мать Джанибека и бабка Бердибека в течение десятилетий находилась у кормила ордынской политики. Воцарение Кульны лишало ее всяческих надежд на сохранение власти: новый хан имел все легитимные права на трон и не нуждался в поддержке властной старухи, являвшейся олицетворением политики Узбека и его семейства. Сама же Тайдула к ханскому роду не принадлежала и поэтому не имела причин надеяться сохранить даже влияние в семейном совете при новом хане.³⁹²

Для престарелой ханши оставался лишь один способ сохранить власть — возвести на трон послушную марионетку и править от имени такого подставного хана. Новый хан должен был быть прямым потомственным Джучидом, но при этом происходить не из дома Бату: последние, как отмечалось выше, и так имели наиболее законные права на трон и в поддержке Тайдулы не нуждались (именно поэтому Наурус не мог происходить из рода Бату). И ханша обратила взор на представителей младших ветвей семейства Джучи.

Таким образом, Тайдула ради удовлетворения своих личных амбиций фактически «выпустила джинна из бутылки»: благодаря браку с ней, ханшей, представитель младшей ветви Джучидов приобретал легитимные права на трон. Но, создавая такой прецедент, ханша не учла, что другие «младшие» Джучиды, до сих пор мирившиеся с гегемонией всего лишь одной ветви — дома Бату — вовсе не станут

равнодушно смотреть, как к власти приходят представители других младших семейств Джучидов, и сами поспешат вмешаться в борьбу за трон. Не будет преувеличением сказать, что эта роковая оплошность Тайдулы и стала причиной дальнейшей многолетней смуты, борьбы за власть сразу нескольких семейств Джучидов. Однако вернемся к ее матримониальным планам.

Выбор Тайдулы изначально пал на Махмуда Хызра — потомка Шибана, пятого сына Джучи. Однако, согласно Утемишу-хаджи, этот царевич не пожелал становиться марионеткой властной старухи, и ей пришлось срочно менять матримониальные планы: ее новым женихом стал Базарджи, принадлежавший к потомкам следующего по старшинству сына Джучи — Тангута.³⁹³ Почему не другой Шибанид? Возможно, потому что Хызр-оглан в это время был старейшиной своего рода, и вряд ли кто-то из членов его семейства решился бы действовать в обход своего патриарха (повторимся, что речь идет еще лишь о первоначальном периоде золотоордынской смуты, когда еще сохранялись некие иллюзии относительно прав наследования и старшинства, которые были полностью забыты уже несколько лет спустя).

Базарджи при помощи Тайдулы и ее сторонников уже на рубеже 1359–1360 гг. покончил с Кульной, которому так и не помогли русские князья, на поддержку которых он надеялся: после смерти великого князя Ивана Ивановича Московского на Руси началась борьба за великокняжеский престол, и претенденты были готовы поддерживать не наиболее легитимного хана, а того, кто выдаст ярлык всеми поддержанному великому князю. Этого-то Базарджи-хана ряда восточных летописей современные исследователи и отождествляют с Наурусом — Мухаммадом Наурузбеком, известным по восточным и русским летописям и монетам.³⁹⁴ Возможно, Наурус — тронное (или просто мусульманское) имя Базарджи. Под влиянием Тайдулы он начал частичное возвращение к политике рода Узбека: уже тронное имя нового хана указывает на возврат к мусульманской политике, а своим бекляри-беком он назначил Могул-Бугу, который неоднократно занимал этот пост при Узбеке и его потомках.

Однако позиции Науруса были не слишком устойчивы. Во-первых, он принадлежал к не очень-то влиятельной ветви Джучидов. Во-вторых, ни для кого не было тайной, что он являлся марионеткой ханши Тайдулы. В-третьих, возвращение к власти и ханши, и Могул-Буги олицетворяло собой правление Узбека, с последствиями которого и боролась-то ордынская аристократия. Как видим, поводов для свер-

жения Науруса у знати хватало. Ей был необходим только предводитель, который осмелился бы бросить вызов всемогущей ханше и ее приверженцам. Ситуацией тут же воспользовался вышеупомянутый Махмуд Хызр, «несостоявшийся жених» Тайдулы.

III

Отказавшись от брака с престарелой ханшей, **Хызр**, тем не менее, не собирался отказываться и от трона, который она ему посулила в свое время. Поскольку именно на него первого пал выбор могущественной вдовы Узбека, Хызр решил, что он имеет прав на власть не меньше, чем потомки Бату, и, уж конечно, в любом случае больше, чем Наурус, потомок Тангута (младшего брата Шибана) — особенно после устранения Кульны, законного потомка Бату. Возможно, уже при Хызре начинает формироваться нашедшая отражение в более поздних шибанидских исторических сочинениях политическая концепция о том, что потомки Шибана еще со времен ханов из дома Бату (или, как минимум, Узбека) признавались в своем улусе в ханском достоинстве.³⁹⁵

Все эти факторы позволили Хызру вскоре провозгласить себя ханом и начать чеканку собственной монеты.³⁹⁶ А вскоре во главе своих войск он двинулся на Сарай, захватил Науруса, преданного сарайскими эмирами и занял трон. Незадачливый Наурус был убит, равно как и ханша Тайдула. Кроме того, погибли многие родственники и подчиненные бекляри-бека Могул-Буги, известные в русских источниках как «моалбузина чадь».³⁹⁷ Самому Могул-Буге удалось каким-то образом спастись, но, забегая вперед, можно отметить, что, возможно, для него было бы лучше погибнуть с почетом в качестве бекляри-бека, чем довольно глупо умереть, как это случилось пару лет спустя.

Приход Хызра к власти означал подлинный переворот в династической истории Золотой Орды. Прежде всего, впервые к власти пришел хан, ничем не связанный с домом Бату, кроме отдаленного родства по линии общего предка — Джучи. Кроме того, Хызр не был даже ставленником сарайской аристократии (хотя, согласно сообщениям русских летописцев, ее представители и вошли в сговор с ним, чтобы свергнуть Науруса³⁹⁸): он опирался на пришедших вместе с ним шибанидских эмиров и их войска.

Наспех сформированные «признаки легитимности», которые, по мнению Хызра, должны были способствовать его признанию столичной знатью, особого успеха не имели: сарайские эмиры заняли выжидательную позицию, не рискуя выступить против многочисленных

шибанидских войск нового хана. Его приход к власти знаменовал собой начало «вседозволенности» в борьбе за власть, и теперь многочисленные потомки Джучи, не сдерживаемые уже прежним пиететом к харизме Бату и его рода, ринулись в схватку за ордынский трон.

Уже на рубеже 1360–1361 гг. в Синей Орде произошел переворот, в результате которого там возникло самостоятельное ханство. Как отмечалось выше, еще около 1329 г. хан Узбек подавил мятеж местного династа Мубарак-ходжи, потомка Орду-Ичена, и заменил синеордынских правителей-Ордуидов назначаемыми заместителями из рода кият. В 1330–1350-е гг. Синяя Орда находилась под властью эмиров Исатая, его сына Джир-Кутлуга и внука Тенгиз-Буги (сына Джир-Кутлуга). Тенгиз-Буга, узнав о смерти хана Бердибека, естественно, забеспокоился по поводу сохранения своей власти: новый хан, не имевший отношения к роду Узбека, мог и не подтвердить его полномочий правителя. Поэтому заместитель принял решение возвести на трон собственного подставного хана, при котором он мог бы по-прежнему управлять Синей Ордой. Его выбор пал на Кара-Нога, потомка Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи: этот царевич был прямым Чингизидом и, следовательно, имел права на трон, но при этом из недостаточно знатной ветви, чтобы уверенно чувствовать себя на троне. Однако Кара-Ногай оказался весьма амбициозным и властолюбивым монархом: он стал во главе заговора восточных Джучидов, в результате которого Тенгиз-Буга был лишен власти и убит. Синяя Орда полностью вышла из-под контроля Сарая, превратившись на двадцать лет в самостоятельное государство.³⁹⁹ Вполне вероятно, что амбиции Кара-Ногай также подогрел пример захвата Сарая Хызром, формально имевшим не больше прав на трон, чем потомки Туга-Тимура.

Если даже у Хызра и были планы по свержению Кара-Ногай и возвращению Синей Орды под власть Сарая, реализовать он их не успел, поскольку в конце 1361 г. ему пришлось противостоять новому претенденту на трон — Орду-Мелику, также потомку Туга-Тимура.⁴⁰⁰ Последний был авантюристом чистой воды: он не принадлежал даже к старшей ветви Туга-Тимуридов и намеревался захватить столицу и ханский трон исключительно силой оружия, рассчитывая на внезапность своего нападения. И в самом деле, ему это удалось: во время его нападения на Сарай Хызр-хан погиб.⁴⁰¹ Его родичам вместе с сарайской знатью удалось отстоять столицу, но после этого родственники Хызра схлестнулись между собой, поскольку не могли решить вопрос, кому быть его преемником — сыну Тимур-ходже или

брату Мюриду. Проблема престолонаследия, также послужившая одной из причин долговременности «Великой замятни», в свою очередь являлась следствием отказа от наследия Узбека, установившего порядок перехода власти от отца к сыну. Отказавшись от этого революционного для Чингизидов, но простого и логичного порядка наследования, золотоордынские царевицы сами создали себе дополнительные проблемы.⁴⁰²

IV

В конечном счете, временную победу одержал Тимур-ходжа, которому удалось установить контроль над Сараем ранее дяди и изгнать последнего. Тем не менее, победа его была далеко не полной: Мюрид не пожелал отказываться от претензий на трон и в то же самое время провозгласил себя ханом в Укеке и Гюлистане.

В это-то время, наконец, подняли головы сарайские эмиры, ранее опасавшиеся могущественного Хызра. Возмущенные «династическим беспределом», происходящим в столице, многие эмиры со своими войсками покинули столицу и двинулись в стороны Крыма, тем самым существенно ослабив силы Тимур-ходжи, чьи позиции и без того были довольно шаткими. Согласно русским летописям, спустя всего несколько дней после своего воцарения Тимур-ходжа бежал из столицы за Волгу.⁴⁰³ Город тут же попал в руки Орду-Мелика.

На этот раз к власти пришел монарх, даже не потрудившийся найти хотя бы признаки легитимности своего правления! Естественно, такой монарх не мог продержаться на троне длительный срок. Однако ему необходимо было противопоставить законного претендента на трон, и поиски такового позволили Орду-Мелику владеть Сараем еще около месяца.

Покинувшие Сарай эмиры поставили себе целью вернуть трон представителю наиболее законной ветви рода — потомкам Бату, причем из ветви Узбека: в складывающейся политической ситуации только такой кандидат на престол мог гарантировать прекращение смуты и восстановление порядка. Лидирующее положение среди них занял Яглы-бай, сын Тоглу-бая из племени бахрин, отец которого, как мы помним, по некоторым сведениям, якобы подготовил заговор в пользу Бердибека против его отца хана Джанибека и родичей, а затем и погиб вместе с ним.⁴⁰⁴ Яглы-бай, по-видимому, унаследовавший от отца главенство над племенем бахрин и сам лично не замешанный в преступлениях последних ханов из дома Бату, представлялся сарайским эмирам достойным лидером и подходил на роль бекляри-бека.

Но бекляри-беком его мог назначить только хан. А ханом в глазах сарайских эмиров мог стать только потомок Бату. В связи с этим на сцену выходит новый таинственный персонаж — хан **Кильдибек**.

Происхождение Кильдибека, как и Кульны или Науруса, вызывает противоречивые версии исследователей, несмотря на то что, в отличие от двух упомянутых ханов, лицо с таким именем фигурирует в генеалогиях Джучидов вполне однозначно: Кильдибек сын Иринбека сына Узбека. Таким образом, Кильдибек определенно должен был бы быть отождествлен с племянником Джанибека и двоюродным братом Бердибека. В качестве их ближайшего родича он представляется вполне легитимным претендентом на трон, что и привлекло к нему сарайскую знать во главе с Яглы-баем.

Между тем, в отличие от тех же Кульны или Науруса, Кильдибека считают самозванцем не только исследователи, но и средневековые авторы. Муин ад-Дин Натанзи прямо пишет, что эмиры под видом Кильдибека провозгласили ханом «неизвестного человека». ⁴⁰⁵ Утемиш-хаджи приводит недоуменные высказывания ордынцев в связи с воцарением этого хана: «Все говорили: “Кельдибека убил Бердибек. Как же он воскрес?!”». ⁴⁰⁶

Несмотря на то что ряд исследователей склоняются к мысли, что Кильдибека все же следует считать законным представителем династии Бату, а его «самозванство» заключалось лишь в том, что он, будучи племянником Джанибека, выдавал себя за его сына, ⁴⁰⁷ мы полагаем, что Кильдибека следует считать все же «лже-Кильдибеком». Об этом свидетельствуют и последующие действия этого хана.

Тем не менее, на какое-то время кандидатура Кильдибека устроила сарайскую знать, видимо, надеявшихся, что самозванец, целиком обязанный им властью, не выйдет из их воли. В результате в том же богатом событиях 1361 г. Кильдибек был провозглашен ханом в Азаке при поддержке местной венецианской общины, очевидно, предоставившей ему крупный заем для привлечения новых сторонников и создания армии. Новый хан начал чеканку монеты, назначил бекляри-беком Яглы-бая, и к нему начали стягиваться приверженцы дома Бату и Узбека. Его поддержал даже Тагай, правитель Мохши, ранее объявивший себя независимым. ⁴⁰⁸

При поддержке своих сторонников, число которых все увеличивалось, Кильдибеку вскоре удалось овладеть Сараем, разгромив и выбив оттуда Орду-Мелика, очевидно, погибшего в этом бою. Кильдибеку повезло, что Тимур-ходжа и Мюрид в это время боролись между собой и поэтому не участвовали в схватке за обладание столицей. После

занятия столицы Кильдибеку удалось распространить власть на значительные территории от Среднего Поволжья до Северного Кавказа. Сын Хызр-хана вскоре погиб за Волгой при невыясненных обстоятельствах. По сообщениям русских летописей, он был убит эмиром Мамаем, которого, вероятно, против Тимур-ходжи отправил Кильдибек.⁴⁰⁹

К этому времени легенда о Кильдибеке, созданная сторонниками самозванца, едва не была разрушена. Поначалу она оказалась настолько убедительной, что в нее поверили и другие представители столичной аристократии, изначально не примкнувшие к самозванцу. Поверив, что власть в стране вновь вернулась в руки представителя дома Бату, они начали стягиваться в Сарай, чтобы изъявить верность новому монарху. Среди них были и такие влиятельные представители «старой» знати, как бывший бекляри-бек Могул-Буга, хорезмский правитель (улус-бек) Нангудай, бывший везир Сарай-Тимур и др. В результате самозванец и его единомышленники столкнулись с опасностью разоблачения: непосвященные в их замыслы аристократы без труда могли разоблачить обман самозваного внука Узбека. Оставалось единственное средство избежать этого: хан принял решение устранить всю новоприбывшую знать. Заходившие в ханский шатер сановники немедленно арестовывались, и с ними вскоре расправлялись ханские палачи.⁴¹⁰

«Средство» оказалось эффективным и позволило Кильдибеку еще около года сохранять власть. Впрочем, сам факт упоминания его «самозванства» в восточных и русских летописных источниках весьма показателен: вероятно, кому-то из столичных аристократов удалось уцелеть и разоблачить лже-Кильдибека. Вместе с тем его жестокость по отношению к знати вызвала обеспокоенность и среди его же собственных приверженцев, по-видимому, именно в этот период ряд его влиятельных сторонников (включая и Мамаю) покинул лже-Кильдибека, испугавшись за собственную судьбу: все-таки они тоже близко знали семейство Узбека, включая и настоящего (покойного к этому времени) Кильдибека, а потому могли быть опасными свидетелями в глазах самозванца!

Расправы со знатью настолько существенно пошатнули авторитет Кильдибек-хана среди аристократии, что она стала склоняться в пользу Мюрида, выходца с востока, который по-прежнему пребывал в Гюлистане и стягивал к себе войска. Почувствовав себя достаточно уверенно, он выступил против Кильдибека и разгромил его. Незадачливый лже-потомок Узбека погиб в бою.⁴¹¹ С этого времени начинается новый виток «Великой замятни», одним из главных действующих лиц становится Мамай — герой нашего следующего очерка.

V

Приход к власти Кильдибека, пожалуй, следует считать кульминацией династического кризиса: беспрецедентное воцарение на троне Золотой Орды самозванца свидетельствует о полном недоверии знати и населения к законным представителям ханского рода и необходимости некоторого «инкубационного периода». Нет сомнения, что при таком «переходном» хане ордынская знать намеревалась избрать тот или иной путь дальнейшего развития государства, после чего самозванец, скорее всего, был бы устранен, и на смену ему пришел бы законный Джучид, олицетворявший собой соответствующее политическое движение.

Аналогичные процессы можно наблюдать и в других странах в разные времена — так, в древней Персии после гибели царя Кира II появилось сразу несколько его самозванных братьев; в Англии конца XV в. на трон, занятый Тюдорами, претендовали многочисленные лже-Ричарды и лже-Эдуарды; в Московском царстве в Смутное время появилось не только несколько царей Лжедмитриев, но и многочисленные самозванные «царевичи». Все эти примеры объединяет одно: за каждым самозванцем стояли законные претенденты на трон. Вступление на трон самозванца представляло собой своеобразное «доведение ситуации до абсурда»: доведя политическую ситуацию в стране до критической точки, сторонники легитимных претендентов публично разоблачали самозванцев и тут же предлагали альтернативу в лице законных монархов, которые вступали на трон, приветствуемые и поддерживаемые большинством населения. Естественно, наиболее подходящим для той или иной группировки являлся такой представитель правящего рода, который разделял бы их видение дальнейшего развития страны.

Трудно сказать, кто мог бы явиться легитимным ставленником Яглы-бая, если бы его «проект» с Кильдибеком был доведен до логического конца. Откочевка его сторонников-эмиров и провозглашение ими вскоре хана Абдаллаха (из дома Бату) не позволили сыну Тоглубая реализовать свой замысел: Кильдибек вскоре погиб в борьбе с Мюридом.⁴¹² Более того, по-видимому, сам Яглы-бай после гибели Кильдибека не больше участвовал в «замятне»: следующее упоминание о нем относится уже к эпохе правления Токтамыша, чьим военачальником он стал в 1380-е гг. и, в конце концов, погиб в битве с Тимуром на р. Терек.⁴¹³

Провозглашение ханом Абдаллаха, на наш взгляд, знаменует собой окончание первого этапа ордынской смуты — «Великой замятни»:

кризис власти и междоусобная борьба стали для ордынской знати и населения большим злом, нежели реставрация на троне семейства Узбека. Сильный и энергичный Мамай, покровитель Абдаллаха, сумел вернуть лояльность к роду Узбека в ряде стратегически важных регионов. На протяжении 1360–1370-х гг. «его» ханов из дома Узбека постоянно поддерживал Крым, Северное Причерноморье, ряд областей Поволжья.

ОЧЕРК ДЕВЯТЫЙ

МАМАЙ, ИЛИ ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ TITANUS'А (ВРЕМЕНЩИК, 1362–1380)⁴¹⁴

Жизнь побежденным не награда.

М. Ю. Лермонтов

Мамай, о деятельности которого известно преимущественно из русских летописей, в историографии обычно представлен как враг, с которым Русь боролась на протяжении многих лет и, наконец, сумела победить на Куликовом поле. Вместе с тем, стараясь быть объективными, историки отмечают, что это был опытный политик и дипломат, храбрый и решительный полководец, хотя это-то как раз и не вытекает из летописей! Да и вызывает большие сомнения, что вся деятельность Мамаю была посвящена подготовке к Куликовской битве! Несомненно, его политические интересы были гораздо шире, а роль в истории Золотой Орды — более масштабна.

I

Общим предком Чингис-хана и Мамаю был легендарный Бодончар, по монгольской легенде, давший начало целой группе монгольских племен, среди которых особо выделились кияты. Одной из ветвей киятов был род Борджигин, к которому принадлежали Чингис-хан и его потомки, в том числе и ханы Золотой Орды. Семейство Мамаю также происходило из племени кият, правда, из какой именно его ветви, достоверно установить невозможно.⁴¹⁵

Часть киятов впоследствии осела в Золотой Орде и, как и большинство монгольских родов, в дальнейшем тюркизировалась.⁴¹⁶ Однако родство, пусть и очень дальнее, с ханской фамилией позволило им выдвинуться и занять видное положение в державе Джучидов. Возвышение киятов произошло еще при Токте, когда кияты Тулук-Тимур и Ак-Буга перешли от Ногаю к законному хану.⁴¹⁷ После победы над мятежным временщиком хан Токта возвысил киятов, и они сохранили

свое влияние при следующем хане Узбеке: Ак-Буга выполнял обязанности посла, а Тулук-Тимур долгое время был даругой-правителем Крыма (Солхата). Когда Узбек-хан провел реформу управления и отстранил от власти в Синей Орде потомков Орду-Ичена, старшего сына Джучи, Исатай,⁴¹⁸ сын Тулук-Тимура, возглавил восточное крыло государства Джучидов и даже сумел передать свой пост по наследству сыну Джир-Кутлугу, после смерти которого он перешел и к его сыну Тенгиз-Буге.⁴¹⁹

Мамай приходился внуком Исатаю и, соответственно, двоюродным братом Тенгиз-Буге.⁴²⁰ Отца Мамаю звали Али(Алиш/Алаш)-бек, и он некоторое время, как и его дед, был правителем Солхата,⁴²¹ однако подробных сведений о нем в источниках не сохранилось. Судьба Мамаю, как и его отца, оказалась тесно связанной не с Синей Ордой (где обосновалась другая ветвь потомков Исатая), а с ханским двором, Крымом и западными улусами Золотой Орды.

Мамай (или Кичиг-Мухаммад), родившийся, вероятно, на рубеже 1320–1330-х гг., был, по предположениям исследователей, ровесником и другом детства Бердибека — старшего сына и наследника хана Джанибека.⁴²² Повзрослев, он женился на Тулунбек-ханум, дочери Бердибека, и получил право прибавить к имени почетную приставку «гурген» — ханский зять.⁴²³

В 1357 г. хан Джанибек скончался при довольно таинственных обстоятельствах. По некоторым сведениям, он был все-таки умерщвлен своим старшим сыном Бердибеком и темником Тоглу-баем. Впрочем, если даже Бердибек и не был виновен в убийстве отца, то на нем все равно лежит ответственность за гибель двенадцати ближайших родичей — потомков Узбека и, соответственно, конкурентов в борьбе за трон.⁴²⁴ Многочисленными убийствами Бердибек возбудил негодование влиятельной знати и, чтобы удержаться на троне, был вынужден окружить себя людьми, которым доверял. А чтобы хотя бы как-то утишить толки о своих преступлениях, новый хан поспешил избавиться от своих соучастников. Так, например, эмир Тоглу-бай, не без оснований рассчитывавший на признательность нового хана и пост бекляри-бека, был отправлен даругой или даже начальником таможни в город Азак (Азов).⁴²⁵

Впрочем, не собирався Бердибек оставлять у власти и отцовских чиновников. Он произвел замены наместников в ключевых областях Золотой Орды и, конечно же, сменил главных сановников ханской ставки. Так, лишились своих постов бекляри-бек Кутлуг-Буга и везир Хусам ад-Дин Махмуд Дивани. Новым везиром стал Сарай-Тимур —

брат знаменитого Кутлуг-Тимура и двоюродный брат хана Узбека по материнской линии. Пост же бекляри-бека в 1359 г. при невыясненных обстоятельствах был отдан Мамаю — зятю Бердибек-хана. Ибн Халдун писал, что Мамай при Бердибеке «управлял всеми делами», а в Львовской летописи сохранилось известие, что в 1359 г. Мамай отправил в Москву своего посла.⁴²⁶

Однако правление Бердибека оказалось недолгим: в 1359 г. он скоропостижно скончался — то ли умер от распутной жизни, то ли был убит своими недоброжелателями. В результате молодой и амбициозный Мамай, столь круто взлетевший при своем тесте на самые вершины власти в Золотой Орде, сразу после его смерти лишился своих постов.

II

Тем не менее, несмотря на свою близость к Бердибеку, Мамай сумел каким-то образом выжить при Кульне, Наурусе и Хызре, хотя не принял сторону ни одного из них. Почему же сменявшие друг друга ханы не пытались покончить с ним, хотя без колебаний управлялись с родичами и сановниками своих предшественников? По-видимому, дело было в восточных родственниках Мамаю — киятах, глава которых, Тенгиз-Буга, управлял Синей Ордой. Ни один хан не осмеливался поднять руку на Мамаю, поскольку был риск, что за него вступятся его восточные родичи и направят свои войска на Сарай. А у ханов было предостаточно проблем и без противостояния с вечно непокорным восточным крылом Джучидской державы!

Но вскоре после смерти Хызр-хана до Сарая дошли вести о перевороте в восточных областях: Тенгиз-Буга и его приверженцы были перебиты восставшими царевичами-Чингизидами из дома Туга-Тимура, и к власти в Синей Орде пришел Кара-Ногай б. Сазы, провозгласивший себя ханом.⁴²⁷ Эти новости заставили Мамаю отказаться от роли пассивного наблюдателя: с гибелью восточных родичей ему приходилось опасаться и за собственную жизнь. Поэтому, собрав эмиров и войска, оставшиеся верными дому Бату, он покинул ханскую ставку и двинулся в Причерноморье, а затем в Крым. Достигнув города Солхат (Старый Крым), где даругой был Кутлуг-Буга, еще один бывший бекляри-бек хана Джанибека, Мамай оставил здесь членов ханского семейства и начал готовиться к участию в борьбе за власть. Становилось очевидным, что выходцы с востока Орды намерены окончательно отстранить от ханского трона потомков Бату, сторонникам которых

было необходимо объединить усилия для восстановления власти законного ханского рода.

Между тем, уход Мамай с его войсками существенно уменьшил силы сарайского хана Тимур-ходжи. В результате хану удалось продержаться на троне чуть более месяца, после чего он, спасая свою жизнь, был вынужден бежать за Волгу.⁴²⁸ Сарайские эмиры пригласили на трон его дядю Мюрида, который уже в правление племянника провозгласил себя ханом в г. Гюлистан — пригороде Сарая. Однако Мюрида опередил вышеупомянутый Орду-Мелик, который захватил Сарай и удерживал власть около месяца. Тогда же Пулад-Тимур, бывший ханский наместник в Волжской Булгарии, провозгласил себя независимым правителем, так же поступил и эмир Тагай в Мохше; Хаджи-Черкес, правитель Хаджи-Тархана (Астрахани), также намеревался принять участие в разделе владений Золотой Орды.⁴²⁹

Как раз в этот период наибольшего кризиса власти в ханы был выдвинут лже-Кильдибек, которого поддержала влиятельная столичная знать, сторонники рода Бату. После некоторого колебания к Кильдибеку присоединился и Мамай.⁴³⁰

Новый претендент на трон, объявив себя представителем семейства Бату (наиболее легитимной ветви правящего рода Джучидов), очень быстро привлек на свою сторону большое количество войск и знати. Это позволило Кильдибеку опередить Мюрида и первым вступить в Сарай, победив и убив Орду-Мелика.⁴³¹ Мамай был послан новым ханом за Волгу с приказом найти и уничтожить сбежавшего Тиму-ходжу, что и было выполнено.⁴³²

Как уже отмечалось выше, утвердившись на троне, Кильдибек вдруг начал репрессии против столичной знати, стремясь уничтожить тех, кто хорошо знал членов ханского семейства и мог уличить Кильдибека в самозванстве. Его сторонники стали покидать его и даже склонились на сторону Мюрида, хотя тот и принадлежал к Шибанидам — Джучидам восточного крыла и не слишком жаловал сарайскую знать вообще и сторонников рода Бату в частности. Кильдибек погиб в бою с Мюридом, но и победителю не удалось завладеть Сараем: в игру вступил новый участник — Мир-Пулад, еще один потомок Шибана. Воспользовавшись тем, что Мюрид понес серьезные потери в борьбе с Кильдибеком и не был готов оказать ему сопротивление, Мир-Пулад легко овладел Сараем.

Об участии Мамай в сражении Кильдибека с Мюридом сведений нет. Возможно, к этому времени темник решил покинуть самозванца, опасаясь, что и его постигнет участь казненных сарайских эмиров.⁴³³

Видимо, уход Мамаю привел к ослаблению Кильдибека и в большой степени предопределил его поражение от Мюрида.

Потерпев неудачу с первым поддержанным им претендентом на трон, Мамай не собирался отказываться от дальнейшей политической борьбы. Более того, ему уже удалось заявить о себе как о крупной фигуре среди ордынской аристократии, что позволило ему вскоре выдвинуть на трон уже своего прямого ставленника и занять при нем столь желанный пост бекляри-бека.⁴³⁴

Известно, что к осени 1362 г. Мамай находился среди своих приверженцев в Крыму, где провозгласил ханом Абдаллаха, потомка Узбека,⁴³⁵ при котором сам вновь стал бекляри-беком. Осенью 1362 г. войска Мамаю обрушились на Азов — венецианскую факторию, жители которой имели неосторожность поддержать Кильдибека (повидимому, деньгами). В результате его нападения немало венецианцев погибло, среди убитых оказался и сам консул Азова — Якопо Корнаро, являвшийся также и послом Венеции в Золотой Орде.⁴³⁶ С этого времени Азов постоянно находился под контролем Мамаю.

III

Вскоре после азовского погрома Мамай вместе с ханом Абдаллахом возглавил поход на Сарай. Поначалу казалось, что повторяется сценарий с Кильдибеком: хан из законной династии при поддержке знати и войск сумел выбить Мир-Пулада из Сарая, и вскоре от его имени в столице начался чекан монеты. Власть Абдаллаха признали крупные областные правители — Тагай в Мохше и Сегиз-бей в Запьянье.⁴³⁷ Однако полгода спустя Мюриду удалось разгромить Абдаллаха и, наконец, овладеть Сараем.⁴³⁸

Источники не сообщают, что против Абдаллаха и Мамаю был составлен какой-то заговор, что им изменили войска или столичные эмиры, поэтому весьма загадочно выглядит их поражение от Мюрида, еще недавно столь ослабленного борьбой с Кильдибеком. Объяснение, вероятно, кроется в событиях на западной границе Золотой Орды.

Литовские князья, которые еще в правление Узбек-хана начали натиск на ордынские владения, теперь решили воспользоваться смутами в Золотой Орде и нанести ей сокрушительный удар. В 1362 г. в битве на «Синих Водах» (р. Синюха, приток Южного Буга) войска великого князя литовского Ольгерда нанесли поражение трем крымским правителям, сторонникам Мамаю — Кутлуг-Буге, наместнику Солхата, Хаджи-беку, наместнику Кырк-Ера и Дмитрию, правителю греческого княжества Феодоро (Мангуп), вассального Золотой

Орде.⁴³⁹ По всей видимости, ответные боевые действия против литовцев отвлекли значительные силы Мамаю, а оставшиеся войска не сумели противостоять Мюриду, в результате чего Абдаллах и Мамай лишились столицы Золотой Орды.

Потеряв Сарай, Мамай немедленно отправился на запад своих владений, чтобы успеть сохранить то, что можно. В результате ему удалось все же отстоять ордынские владения к востоку от порогов Днепра и узкую полосу Северного Причерноморья протяженностью от Молдавии до Южного Буга. Ликвидировав непосредственную опасность со стороны Литвы, Мамай принялся искать союзников в новой схватке за Сарай.

Первым делом он начал переговоры с русскими княжествами. Мамай прекрасно ориентировался в русских делах, и для него не был секретом конфликт между московскими князьями, в течение 30 лет обладавшими великокняжеским тронem, и суздальским князем Дмитрием Константиновичем, который в 1359 г. прервал эту длительную традицию: воспользовавшись смутой в Орде, он отобрал у москвичей великий стол. Его права на великокняжеский титул были подтверждены ярлыками Науруса и Хызра. Впрочем, Мюрид, отчаянно нуждавшийся в русских деньгах, в 1362 г. был вынужден выдать ярлык на великое княжение 11-летнему Дмитрию Московскому, сыну Ивана Красного (будущему Донскому), при котором вся полнота власти принадлежала митрополиту Алексию.⁴⁴⁰

С митрополитом-то Мамай и вступил в 1363 г. в переговоры, которые завершились обоюдовыгодным соглашением: Москва признавала своим сюзереном хана Абдаллаха и обязывалась платить ордынский «выход» именно ему, а не сарайским ханам, а Мамай, в свою очередь, соглашался уменьшить размер этого самого «выхода» по сравнению с тем, что взимался при Джанибеке.⁴⁴¹ Результатом соглашения стал совершенно беспрецедентный поступок со стороны бекляри-бека: впервые в истории русско-ордынских отношений не великий князь лично явился в Орду за ярлыком, а ханский посол привез его прямо в Москву! Некоторые исследователи полагают, что тогда же от имени Абдаллаха был выдан ярлык и русской православной церкви.⁴⁴²

Естественно, сарайскому хану Мюриду весьма не понравилось такое развитие событий, и отреагировать он мог только одним образом: в свою очередь, прислал ярлык на великое княжение Дмитрию Суздальскому, сопернику Москвы. Правда, тому ярлык не очень-то помог: москвичи при помощи военной силы заставили Дмитрия Константиновича отступить от великого княжения. А вскоре, зимой

1363/1364 г., умер и сам Мюрид: он не погиб в бою, а был зарезан собственным бекляри-беком Ильясом, сыном покойного Могул-Буги, который, видимо, разочаровался в своем повелителе.⁴⁴³

Гибель хана Мюрида, который был, вероятно, талантливым полководцем, развязала руки многим претендентам на трон, которые прежде не рисковали вступить с ним в соперничество. В Гюлистане провозгласил себя ханом и начал чеканку монеты Азиз-Шейх, наследник Мюрида; не покинул Поволжья и изгнанный Абдаллахом из столицы Мир-Пулад, против которого выступил очередной претендент Пулад(Деулиуллах)-Ходжа. Их соперничество позволило Азиз-Шейху занять в 1365 г. столицу. К 1367 г. ему удалось существенно расширить сферу своей власти: воспользовавшись тем, что Пулад-Тимур, беспокойный эмир Волжской Булгарии, потерпел от русских поражение на Пьяне, Азиз-Шейх обрушился на него, разгромил, взял в плен и казнил.⁴⁴⁴ Сарайский хан назначил новым правителем Булгарии своего ставленника Асана (Исана). Укрепив свои позиции в Поволжье, хан немедленно отправил на Русь посла Байрам-Ходжу, через которого потребовал у русских князей признавать власть сарайского хана и платить выход ему.⁴⁴⁵

Между тем, Мамай все эти годы не сидел сложа руки: он укреплял подконтрольные ему области в Северном Причерноморье, Крыму и на Северном Кавказе в военном и экономическом отношении. Временной столицей его хана Абдаллаха стал г. Орда, в котором был налажен выпуск монет, пользовавшихся полным доверием на всех территориях Золотой Орды к западу от Урала.⁴⁴⁶ Бекляри-бек сумел поладить и с венецианцами, отношения с которыми обострились после разгрома Азова в 1362 г.: Абдаллах выдал им ярлык, в котором снижал налог с продаж с 5% (как было установлено при Джанибеке в 1347 г.) до 4%.⁴⁴⁷

Заклучив союз с Москвой, Мамай принял на себя обязательства поддерживать и других ее союзников. Так, в 1365 г. он позволил утвердиться на нижегородском столе Дмитрию Константиновичу Суздальскому, уже помирившемуся с Дмитрием Московским и выдавшему за него замуж свою дочь Евдокию. Поддержка суздальского князя была выгодна, впрочем, и самому Мамаю: за Нижний Новгород с Дмитрием Константиновичем спорил его брат Борис Городецкий, получивший ярлык от Азиз-Шейха,⁴⁴⁸ и бекляри-бек не упустил случая лишний раз продемонстрировать, что он более влиятелен, нежели сарайский хан! Таким образом, связи Мамаю с главными княжествами

Северо-Восточной Руси крепили, крепло и его положение — политическое и материальное.

При помощи русского и итальянского серебра Мамаю удалось переманить на сторону Абдаллаха несколько эмиров Азиз-Шейха. В результате против сарайского хана был составлен заговор, и в 1367 г. он был зарезан прямо в постели. Официальной причиной его убийства было объявлено установление им «скверных обычаев», за которые его порицал влиятельный представитель мусульманского духовенства Сайид-Ата и которые хан пообещал отменить, но не сдержал обещания.⁴⁴⁹ Однако не подлежит сомнению, что за заговорщиками стоял именно Мамай, поскольку после убийства Азиз-Шейха хан Абдаллах беспрепятственно вступил в Сарай и вновь был провозглашен ханом единой Орды.⁴⁵⁰

IV

Вскоре после занятия столицы, в том же 1367 г., Мамаю и Абдаллаху пришлось вступить в борьбу с еще одним сильным противником — Хаджи-Черкесом, независимым правителем Хаджи-Тархана, осмеливавшимся даже чеканить собственную монету.⁴⁵¹ Воспользовавшись тем, что хан и его бекляри-бек находятся в Сарае, Хаджи-Черкес вознамерился подорвать основу их могущества: он отыскал в Крыму некоего Тимур-бека, потомка Туга-Тимура, и провозгласил его ханом под именем Улджай-Тимура. Вместе со своим ставленником Хаджи-Черкес двинулся из Крыма на Сарай.

По всей видимости, Мамай, обеспокоенный мятежом в сердце своих владений, в Крыму, поспешил туда, чтобы подавить волнения. Абдаллах, оставшийся без бекляри-бека и его войск, был вынужден уступить столицу Улджай-Тимуру. Однако новый хан недолго продержался на троне: в 1368 г. его выбил оттуда Хасан Шибанид, племянник Мир-Пулада. Надо полагать, ему это удалось из-за того, что Хаджи-Черкеса в столице не было: не исключено, что Мамай, решив отомстить правителю Хаджи-Тархана, напал на его владения, и Хаджи-Черкесу пришлось отправиться на их защиту, бросив своего ставленника на произвол судьбы.⁴⁵²

Но и Хасан-хану не пришлось слишком долго наслаждаться властвованием в столице: уже в 1369 г. он был изгнан оттуда сторонниками Мамаю и, вероятно, погиб.⁴⁵³ В результате сложилась парадоксальная ситуация: в 1369–1371 гг. на столичном троне не было хана! Очевидно, ни один из претендентов не рисковал занять Сарай,

прекрасно понимая, что за такую попытку он вполне может расплатиться собственной жизнью.

Сам Мамай не спешил занимать столицу по очень простой причине: в том же 1369 г. хан Абдаллах, возведенный им на престол, скончался,⁴⁵⁴ и бекляри-бек был озабочен поисками нового ставленника из рода Бату, который был бы признан легитимным преемником Абдаллаха. Наконец, его выбор пал на юного Мухаммад-султана (Мухаммад-Булака), также потомка Узбека. Мамай сильно беспокоила одна проблема: Мухаммаду было всего 8 лет, и бекляри-бек имел серьезные опасения, что эмиры и областные правители не признают власть столь юного хана.⁴⁵⁵ Чтобы Сарай не пустовал, Мамай совершил еще один беспрецедентный в истории Золотой Орды поступок: он возвел на престол собственную супругу Тулунбек-ханум, дочь Бердибека, которая правила в Сарае в 773 г. х. (1371/1372 г.). Власть ее признала не только столичная округа, но и Тагай, эмир Мохши, где, по некоторым сведениям, также стали чеканиться монеты с ее именем.⁴⁵⁶

Власть же юного хана Мухаммада Мамай стал устанавливать постепенно. Сначала бекляри-бек начал чеканку монеты с именем нового хана в своей временной столице Орде, а в 1370 г. решился распространить власть своего ставленника и на более дальние области. По приказу Мамаю в 1370 г. дружины суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича выступили в поход на Булгар и заставили местного правителя Асана признать себя вассалом Мухаммад-хана.⁴⁵⁷ После этого, на рубеже 1371–1372 гг., Мамай, убедившись, что подконтрольные ему улусы признают власть если не самого хана, то, по крайней мере, властного бекляри-бека, спокойно провозгласил Мухаммада ханом в Сарае.

Возведя на трон нового хана, Мамай решил добиться международного признания своего хана и себя в качестве его первого министра. В частности, в 1371 г. он (впервые за 14 лет после смерти Джанибека!) направил посольство в Египет, ко двору мамлюкского султана ал-Ашрафа Насир ад-Дина Шабана. Ордынское посольство было радушно принято султаном и привезло его дружеский ответ Мамаю.⁴⁵⁸ Возможно, именно благодаря этому имя бекляри-бека было запечатлено в трудах средневековых египетских историков — в отличие от многочисленных государственных деятелей и даже ханов Золотой Орды эпохи «Великой замятни», совершенно не известных египтянам. Статус Мамаю существенно возрос: помимо должности бекляри-бека он получил еще и титул «титям». Этот титул китайского

происхождения в монгольской имперской иерархии жаловали высшим чиновникам.⁴⁵⁹

В это же время Мамаю начало тревожить усиление московских правителей. В свое время московский князь Дмитрий Иванович не признал ярлыков на великое княжение, выданных ханами Мюридом и Азиз-Шейхом Дмитрию Константиновичу Суздальскому, и заставил будущего тестя отказаться от великого стола в свою пользу. Пренебрежение Дмитрия Московского ярлыками ханов-конкурентов, конечно, не оскорбляло бекляри-бека, но кто знает — не поступил бы великий князь так и с ярлыком его собственного хана?

После некоторых колебаний в 1370 г. Мамай от имени Мухаммад-хана выдал ярлык на великое княжение Михаилу Александровичу Тверскому-Микулинскому — представителю тверского княжеского дома, давнему сопернику Москвы. Но когда Михаил в сопровождении ханского посла Сары-ходжи подъехал к Владимиру, местные жители просто-напросто не впустили его в город, заявив, что их великий князь — Дмитрий Иванович Московский. Михаилу, которого уже поджидали на пути московские засады, пришлось спасаться в Литве у Ольгерда, женатого на его сестре Ульяне. Ханский же посол Сары-ходжа был с почетом встречен Дмитрием Московским и отправлен в Орду с дарами. Излишне говорить, что рассказ посла лишь укрепил Мамаю в его подозрениях относительно Москвы.⁴⁶⁰

В 1371 г. Михаил Тверской вновь явился в ставку Мамаю с жалобой на действия Дмитрия. Бекляри-бек заставил Михаила вторично «выкупить» великокняжеский ярлык, причем у князя не хватило средств, и ему пришлось оставить в залог собственного сына, княжича Ивана. Однако и на этот раз Москва отказалась признать великим князем тверского князя. Дмитрий Иванович Московский лично явился к Мамаю и не только «перекупил» ярлык на великое княжение, но и выкупил тверского княжича, оплатив долг своего противника. Естественно, имея на руках такого ценного заложника, он без особого труда добился отречения Михаила Александровича от великого княжения.⁴⁶¹ Несмотря на то что Москва своими действиями подтвердила мнение, складывающееся о ней у бекляри-бека, княжеская распря принесла ему немалое количество серебра, и это его на какое-то время заставило забыть о вызывающем поведении московского князя.

Своеобразной проверкой лояльности Москвы стал поход войск Мамаю в пределы Рязанского княжества, правители которого неодно-

кратно беспокоили своими набегами вассалов Мамаю — Сегиз-бея и Тагая. В 1373 г. мамаевы отряды опустошили ряд рязанских областей, а когда вышли к Оке, оказалось, что на противоположном берегу ордынцев ожидают дружины великого князя Дмитрия. Войска Мамаю отступили, не вступая в бой с москвичами, и бекляри-бек убедил себя, что дружины Дмитрия не осмелились бросить вызов его могуществу. Основания для такого вывода у него были: Москва, заключившая союз с Рязанью, который предусматривал совместные действия против внешних врагов, так и не вступилась за союзников, не желая портить отношения с Мамаем.⁴⁶²

А вскоре бекляри-беку стало не до московско-тверских споров: уже в 1372 г. в Поволжье появился новый сильный претендент на трон — Урус-хан. В 1368 г. он пришел к власти в Синей Орде после беспрестанных смен ханов и очень скоро сумел «прижать» независимых и полунезависимых царевичей и эмиров, казнив наиболее строптивых. Укрепив свою власть в восточном крыле Джучидской державы, он во главе многочисленных синеордынских войск двинулся в Поволжье и сравнительно легко выбил из столицы хана Мухаммада.

Мамай не стал немедленно предпринимать ответные действия, не без оснований полагая, что и помимо него будет немало недовольных тем, что Сарай захватил выходец из Синей Орды. Так и получилось: когда Урус-хан в 1373 г. выступил в поход против Хаджи-Черкеса, намереваясь подчинить себе Хаджи-Тархан, с востока на него обрушились войска Шибанида Ильбека, правителя Сарайчука, который и захватил Сарай. Урус-хан был вынужден вернуться в Синюю Орду, где в его отсутствие в это время вновь начались смуты. Мамай немедленно использовал свой шанс и двинулся на Сарай, разгромил Ильбека (который, возможно, был убит) и вновь водворил в столице Мухаммад-хана.

Но это правление Мухаммада оказалось еще более кратковременным: в том же 1374 г. Урус вновь явился в Поволжье и выгнал ставленника Мамаю из Сарая.⁴⁶³ Сам Мамай не мог помочь своему хану, поскольку в это время, вероятно, находился на западе своих владений, где ему пришлось отражать очередной натиск литовцев, разгромивших подчиненного ему эмира Тимура.⁴⁶⁴ Это была последняя попытка Мамаю захватить столицу. Последующие события заставили его отказаться от намерения овладеть Сараем и уделять больше внимания защите остальных своих территорий.

V

Одним из негативных последствий усиления Урус-хана в Поволжье стал разрыв отношений («розмирье») Мамаю с русскими князьями. В 1374 г. нижегородский князь схватил и бросил в темницу послов Мамаю во главе с Сарай-акой, который годом позже был убит в Нижнем Новгороде при невыясненных обстоятельствах. В том же 1374 г. Дмитрий Московский отказался признавать власть Мухаммад-хана, соответственно, прекратился и поток русского серебра в казну Мамаю.⁴⁶⁵ По-видимому, к столь решительному разрыву отношений с Мамаем русских подтолкнули известия о его поражении от Урус-хана, а возможно, и посольства Уруса на Русь с требованием признать его власть.⁴⁶⁶

Мамаю не оставалось ничего другого, как предпринять в 1375 г. карательный рейд на подвластные Дмитрию Суздальскому Киш и Запьянье. Кроме того, им был razорен союзный Москве город Новосиль, что явилось грозным предупреждением московскому князю, чтобы тот одумался и понял, в чьих руках реальная сила и власть над Золотой Ордой.⁴⁶⁷

Отказ от попыток овладеть Сараем заставил Мамаю больше сосредоточиться на укреплении своих основных владений, в частности Крыма, где располагалась его собственная ставка. Анализ ситуации на полуострове вызвал у него весьма серьезные опасения. Еще в 1365 г. генуэзцы Кафы отвоевали у княжества Феодоро крепость Солдайю (Судак). Этот город фактически находился под властью венецианцев, с которыми у Мамаю в то время были напряженные отношения, поэтому он довольно легко согласился с переходом Солдаи под власть Генуи. Однако вскоре выяснилось, что генуэзцы намерены и дальше расширять свои владения: они учредили в Солдае должность консула и начали планомерное подчинение Судакской долины, а в самом городе возвели неприступную крепость.

К 1375 г. Мамай вдруг с тревогой обнаружил, что за десять лет генуэзские владения подобрались едва ли не вплотную к его ставке в Солхате! Это заставило его пересмотреть отношение к генуэзцам. Первым делом он конфисковал у них 18 селений Судакской долины, тем самым существенно отодвинув владения Генуи от Солхата, а затем снова предпринял беспрецедентный для ордынских правителей шаг — приказал возвести крепостные стены вокруг Солхата: до этого все ордынские города не имели стен.⁴⁶⁸

В том же 1375 г. Мамаю ожидала еще одна удача: умер (или был убит) давний недруг Хаджи-Черкес, и к власти в Хаджи-Тархане при-

шел эмир Салчи, который был сыном эмира Амата б. Исы-гургена и дочери хана Джанибека. Таким образом, он приходился близким родственником ханам из дома Бату и, следовательно, был лоялен «Мамаеву» хану из этой династии. Вполне естественно, что новый астраханский правитель предпочел признать своим повелителем не чужака из Сарая, а «своего» Мухаммад-хана.⁴⁶⁹

Затем последовал ряд неудач. В 1375 г. Мамай в очередной раз выдал ярлык на великое княжение тверскому князю Михаилу. Но на этот раз Москва действовала еще решительнее, чем в прежние годы: собрав под своим командованием дружины почти всех князей Северо-Восточной Руси, Дмитрий Иванович осадил Тверь и после длительной осады добился от Михаила Александровича окончательно отказа от претензий на великий стол.⁴⁷⁰ Таким образом, попытка Мамаю вернуть власть над Русью путем выдачи великокняжеского ярлыка менее строптивому князю потерпела крах.

Следующей неудачей Мамаю стала утрата поволжских владений. Отказ от попыток вновь подчинить себе Сарай повлек для беклярибека весьма негативные последствия. Несмотря на то что Урус-хан в том же богатом событиях 1375 г. вновь был вынужден вернуться в Синюю Орду, столица осталась в руках правителей, враждебных Мамаю и Мухаммад-хану. Таким образом, между Мамаем и подчиненными ему эмирами в Среднем Поволжье (Тагаем, Сегиз-беем и др.) оказался вбит клин, и ни беклярибек не мог оказать оперативную поддержку этим правителям, ни они направить ему войска, поскольку могли в любой момент ожидать рейда из Сарая.

Вскоре так и получилось: Каганбек б. Ильбек Шибанид, занявший место Уруса, сразу же приказал русским князьям (по-прежнему предпочитавшим подчиняться сарайским ханам, а не ставленнику Мамаю), вернуть Волжскую Булгарию под власть Сарая. Дружины Дмитрия Московского и Дмитрия Суздальского выступили в поход на Булгар и заставили эмира Асана вновь поменять сюзерена: в городе появились даруга и таможенник хана Каганбека.⁴⁷¹

Впрочем, к немалому удовлетворению Мамаю, вскоре отношения между Каганбеком и русскими князьями разладились: до сарайского хана дошли сведения, что русские, выполняя его приказ, сильно пограбили город и заставили Асана выплатить им немалую контрибуцию. Возмущенный поведением вассалов, Каганбек решил наказать их и в 1377 г. послал на Русь войска под командованием своего двоюродного брата Арабшаха. Русские, видимо, решившие, что новый хан погрязнет в войне с Мамаем или Синею Ордой, решились оказать ему

сопротивление и укрепились на р. Пьяне, с которой у них были связаны положительные воспоминания: именно здесь десять лет назад, в 1367 г., нижегородские дружины славно поколотили болгарского правителя Пулад-Тимура.

Однако пока Арабшах готовил свой поход на Русь, Мамай, горевший желанием отомстить русским за потерю Булгара, действовал более оперативно. Узнав, что московские дружины, не дождавшись Арабшаха, покинули своих нижегородских союзников, войска Мамаю, проводниками которых выступили союзные ему мордовские князьки, скрытно подошли к русскому лагерю и внезапно обрушились на него. В результате полегла большая часть нижегородского войска во главе с княжичем Иваном, сыном Дмитрия Константиновича. После победы на Пьяне отряды Мамаю обрушились на оставшийся без защиты Нижний Новгород, с налета взяли его, разграбили и сожгли.⁴⁷²

Годом позже, в 1378 г., Мамай попытался повторить этот успех и отправил на Русь более крупные силы под командованием эмира Бегича. Поход, вероятно, затевался против князя Олега Ивановича Рязанского, который не переставал тревожить набегами границы владений Мамаю и подвластных ему эмиров и даже захватил кое-какие территории, прежде принадлежавшие Орде. Однако когда ордынские силы, практически не встретив сопротивления, дошли до р. Вожи на границе рязанских и московских владений, оказалось, что там их поджидают московские войска, которые на этот раз совершенно не собирались ограничиться позицией наблюдателей. Пользуясь своим «розмирьем» с Мамаем, Дмитрий Московский вознамерился, наконец, оказать поддержку своим рязанским союзникам, и в результате на Воже произошла битва, в которой войска Мамаю потерпели сокрушительное поражение от московских дружин.⁴⁷³ Разгром на Воже стал заключительным аккордом столь тяжелого для Мамаю периода 1375–1378 гг. Даже состоявшийся в том же 1378 г. успешный карательный рейд на Рязанское княжество, в ходе которого были захвачены богатая добыча и множество пленных, не смог в полной мере перечеркнуть столь масштабное поражение.

VI

Неудачи нескольких последних лет существенно подорвали и авторитет Мамаю, и его финансовое положение. Дело в том, что беклярибеку неоднократно приходилось идти на уступки тем, от кого поступали доходы в ордынскую казну, и снижать размер налогов, чтобы получать их более-менее регулярно. Началось все с вышеупомянутого

«докончания» с Москвой 1363 г., когда в обмен на признание власти хана Абдаллаха был значительно снижен «выход» с русских земель. В 1369 г. в результате переговоров с венецианцами Мамай был вынужден снизить торговый налог с 4 до 3%, восстановив, таким образом, ставку налога, существовавшую во времена Узбека и Джанибека (до войны с итальянскими колониями в 1344–1346 гг.). Вероятно, и это было сделано для того, чтобы венецианцы тоже признавали власть Мамаю и его ставленника, а не сарайских ханов.

Мамай пытался поправить финансовое положение различными способами. Не желая, чтобы Генуя и Венеция сосредоточили в своих руках всю торговлю Запада с Золотой Ордой, он постарался найти другие торговые пути и отчасти преуспел в этом. Еще в 1372 г. от имени хана Мухаммада бекляри-бек выдал ярлык Кракову, предоставив льготы в торговле с Ордой. В 1379 г. аналогичный ярлык получило и купечество Львова — старинного конкурента Кракова: тем самым Мамай не позволил краковским торговцам стать очередным европейским монополистом в торговле с Ордой.⁴⁷⁴

Однако все эти меры не могли заменить постоянный источник дохода, который представляли собой русские княжества. Источник, который несколько лет назад практически иссяк, поскольку небольшие и нерегулярные выплаты из Твери и Рязани не могли заменить «выход» всей Северо-Западной Руси, во главе которой стоял Дмитрий Московский, по-прежнему находившийся в состоянии «розмирья» с бекляри-беком. В результате нехватки серебра для чеканки монеты Мамай выпустил некоторое количество золотой монеты, которой еще в 1380 г. рассчитывался с генуэзцами Кафы.⁴⁷⁵

Надежда на восстановление вассалитета русских земель забрехала перед Мамаем в 1379 г., когда через его владения проследовал в Константинополь на утверждение митрополит Михаил (Митяй), ставленник великого князя Дмитрия Ивановича. Мамай поначалу задержал митрополита, но потом счел, что лучше продемонстрировать Москве готовность к переговорам, и выдал ему от имени своего хана ярлык, подтверждавший привилегии русской церкви, закрепленные еще в ярлыке хана Бердибека в 1358 г.⁴⁷⁶

Впрочем, «жест доброй воли», проявленный Мамаем, в итоге оказался бесполезным: уже приближаясь к Константинополю, митрополит Михаил скончался при весьма таинственных обстоятельствах (по некоторым сведениям, он был отравлен или даже собственноручно задушен Пименом, другим претендентом на митрополичий престол). Не теряя надежды все же разрешить конфликт с Москвой

миром, Мамай отправил на Русь послание, в котором настаивал на признании зависимости от Орды и выплате «выхода» — теперь уже не по «прежнему dokonчанию» 1363 г., а в том размере, в каком он выплачивался в эпоху Джанибек-хана.⁴⁷⁷ Требование было оставлено без ответа, и Мамаю не оставалось ничего другого, как готовиться к карательному походу на Русь.

Обстановка в самой Золотой Орде, казалось, благоприятствовала этому намерению: владения Мамаю на Северном Кавказе, в Северном Причерноморье и в Крыму не подвергались опасности нападений со стороны внешних врагов, поскольку у каждого из них были свои проблемы. Так, сарайский хан Арабшах был должен противостоять новому хану Синей Орды Токтамышу, который уже двигался на Волгу. Западный противник, литовский великий князь Ягайло, сын Ольгерда, неожиданно превратился в потенциального союзника: он вел борьбу за власть со своим дядей Кейстутом и потому отчаянно нуждался в мире с Мамаем, чтобы обезопасить собственные границы от его набегов. Не представлял проблемы и Олег Рязанский, сильно поутихший после набега Мамаю в 1378 г. Он даже соглашался в случае похода ордынских войск на Москву пропустить их через свои земли и дать проводников, которые могли бы показать наиболее удобные пути и переправы.

Кажущееся спокойствие на границах убедило Мамаю, что ему удастся без проблем собрать большое войско и совершить самый опустошительный поход на Русь со времен великого Бату. Это и стало его роковой ошибкой. Задуманный бекляри-беком поход оказался слишком масштабным мероприятием, и он, во-первых, не успел собрать вовремя все свои войска, а во-вторых, позволил московскому князю узнать о своих планах и подготовиться к отпору.

В результате, пока войска Мамаю только-только стягивались к ставке бекляри-бека на Дону, объединенные силы русских княжеств (за исключением, разве что, Тверского и Рязанского, отношения с которыми Дмитрий Московский окончательно испортил своим вероломством) уже вступили в ордынские владения и навязали Мамаю битву в крайне невыгодных ему условиях. Согласно распространенной версии, битва состоялась 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле, на берегу р. Непрядвы.

Узнав о подходе русских буквально за несколько дней до сражения,⁴⁷⁸ бекляри-бек проделал поистине титаническую работу: ему удалось на последние имеющиеся средства (а возможно, и в долг) нанять войска армянских и северокавказских князей, генуэзских на-

емников и других степных авантюристов и выставить против русских армию, вряд ли меньшую по численности.⁴⁷⁹

Однако, в отличие от собственных войск Мамаю, которые так и не успели к битве (равно как и союзник, литовский князь Ягайло⁴⁸⁰), наспех собранные наемники представляли собой многочисленную, но совершенно неорганизованную разноязычную массу людей, которых бекляри-бек так и не успел превратить в полноценную армию. Не удивительно, что войска Дмитрия Московского (который стал после этой битвы «Донским»), действовавшие под единым командованием и по ранее разработанному плану, сумели одержать полную победу.

Мамай едва ли не впервые за свою карьеру бы вынужден не просто отступить, а прямо-таки бежать с поля боя. Его наспех собранные войска частью погибли, частью разбежались. А что было хуже всего — погиб и возведенный им на трон хан Мухаммад, которого бекляри-бек из-за неожиданности нападения не успел отправить в безопасное место.⁴⁸¹ Эта гибель молодого и бесполезного, в общем-то, монарха-марионетки предопределила окончательный крах могущественного бекляри-бека.

VII

Несомненно, в характере Мамаю присутствовали такие черты, как негибкость перед трудностями и упорство в достижении целей. Поэтому даже разгром на Дону не заставил его покорно склонить голову и тихо исчезнуть с политической арены. Напротив, он с еще большей энергией стал готовиться к походу на Русь, который теперь должен был стать еще и реваншем за Куликово поле.

Казалось, Мамаю вновь начала сопутствовать удача: ему не изменили эмиры, подошли созданные войска — на этот раз настоящие ордынские тумены, а не разношерстные наемные отряды!⁴⁸² Теперь оставалось только нанести удар по русским землям, обороноспособность которых была сильно ослаблена после потерь в Куликовской битве. Однако тут снова сработал «внешний фактор»: сарайский хан Арабшах не оказал Токтамышу упорного сопротивления, на что, вероятно, рассчитывал Мамай, и Токтамыш, без особого труда захватив Сарай, уже полным ходом двигался к владениям бекляри-бека. Вместо похода на Русь Мамай был вынужден выступить против пришельца из Синей Орды.

В октябре или ноябре 1380 г. бекляри-бек встретил приближающегося противника на восточной границе своих владений и приготовился к битве с ним. По странному совпадению, войска сошлись на

берегу р. Калки — той самой, где в мае 1223 г. состоялся первый бой русских с монголами. Обстоятельства были в пользу Мамаю: он встречал войска Токтамыша, уставшие от перехода, лучше ориентировался в этой местности, наконец, и силы у него, вероятно, были крупнее, чем у синеордынского хана, понесшего потери при подчинении Верхнего и Среднего Поволжья.

У Мамаю не было только одного — хана, за которого должны были сражаться его войска: за пару месяцев, что прошли после гибели Мухаммад-хана, бекляри-бек не успел возвести на трон нового ставленника. И теперь Мамаю противостоял чужак, выходец с востока, но — Чингизид, природный монарх! Выступив против него без собственного хана, бекляри-бек фактически бросал вызов законному властителю, и это в полной мере осознали эмиры и воины Мамаю. Поэтому, когда Токтамыш начал атаку, практически все войско бекляри-бека сошло с коней и принесло присягу потомку Туга-Тимура, ставшему теперь первым за последнее двадцатилетие монархом всей Золотой Орды.⁴⁸³

К чести Мамаю надо сказать, что он даже не подумал оказывать сопротивление и губить верных ему людей, хотя, надо полагать, среди его многочисленных войск могло оказаться немало тех, кто был верен именно ему и готов был сражаться до последнего. Вместо этого с несколькими наиболее близкими эмирами и телохранителями бекляри-бек оставил поле боя и помчался в Крым. Слишком понадеявшись, впрочем, на преданность своих воинов, он не успел позаботиться о собственном гареме и находившихся при нем женщинах из рода Бату: все они попали в руки Токтамыша.

В погоню за Мамаем тотчас были отправлены воины Токтамыша, и поэтому бекляри-бек (уже бывший!) не рискнул остановиться, пока не достиг Кафы. Здешние генуэзцы, хотя и считались подданными ордынского хана, все же обладали статусом иностранцев, и Мамаю надеялся, что сумеет на какое-то время найти безопасность в городе, в котором Токтамыш не рискнет вести себя как завоеватель. Однако «отцы города» отказали Мамаю в убежище: они опасались, что на них может пасть гнев нового хана. Впрочем, и умертвить Мамаю, несмотря на прежние конфликты, кафинцы не рискнули: кто знает, как хан отнесется к влиятельному сановнику — возможно, казнит, а возможно, окажет милость, простит и приблизит к себе. Поэтому кафинцы приняли единственное разумное решение: не впустили Мамаю в город.⁴⁸⁴

Мамаю пришлось, скрываясь от разъездов Токтамыша, добираться в Солхат, где еще недавно располагалась его ставка верховного главнокомандующего Золотой Орды. Возможно, он планировал отправиться оттуда в свои владения на западе, где мог возвести на трон нового легитимного хана, с помощью которого переманил бы на свою сторону без боя значительную часть армии Токтамыша — точно так же, как сам Токтамыш нынче поступил с ним. Однако планам Мамаю не суждено было сбыться: в самом конце 1380 или начале 1381 г. он был достигнут сторонниками Токтамыша под Солхатом или в самом городе и умерщвлен.⁴⁸⁵ Возможно, именно эти события нашли отражение в несколько фантастической версии гибели Мамаю в сочинении татарского историка XVIII в. Абд ал-Гаффара Кырыми: якобы Токтамыш воспользовался гостеприимством Мамаю (которому было уже 90 (sic!) лет), и его приближенный Урук-Тимур из рода Ширин предательским образом умертвил бекляри-бека, в награду получив в жены его вдову — ханскую дочь.⁴⁸⁶ Конечно, следует критически отнестись к версии, изложенной почти пятьсот лет спустя после описываемых событий, но, по-видимому, она представляет собой историю падения власти Киятов в Крыму и возвышения Ширинов, которые практически до падения Крымского ханства оставались одним из самых влиятельных в нем аристократических кланов.

Как бы то ни было, хан-победитель с уважением отнесся к памяти своего знаменитого противника и приказал похоронить его с почестями.⁴⁸⁷

...В 1994–1995 гг. под городом Старый Крым археологи обнаружили курган, содержащий захоронение второй половины XIV в., принадлежащее видному сановнику Золотой Орды или же племенному вождю. Находившийся в гробнице скелет принадлежал мужчине невысокого роста (ок. 1,5 м) в возрасте около 50 лет. Исследователи не без оснований предположили, что это и есть могила Мамаю.⁴⁸⁸ Степной курган, почетные похороны и память местного населения в течение последующих веков — вот и все, чего удостоился после смерти выдающийся деятель, в течение 20 лет управлявший большей частью Золотой Орды!

А дальше в дело вступили историки и публицисты, создавшие «своего» Мамаю, образ которого никак не соотносился с реальным политическим деятелем. Впрочем, этот образ «антигероя в истории», равно как и причины его появления, — предмет совершенно другого исследования.

ОЧЕРК ДЕСЯТЫЙ
ПУЛАД, ИЛИ ЗАГАДОЧНЫЙ ХАН
СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
(ХАН, 1362–1364/1365)

Никогда не следует быть исключением. Если живешь среди сумасшедших, надо и самому научиться быть безумным.

Александр Дюма

После смерти Джанибека, последнего из могущественных ханов Золотой Орды, в государстве началась эпоха смуты, известная в русских летописях под названием «Замятни великой» (1357–1381 гг.). За этот период на ордынском троне побывало, по разным данным, от двадцати до пятидесяти ханов,⁴⁸⁹ многие из которых известны лишь по именам, встречающимся либо только на монетах, либо в единичных летописных упоминаниях.

Одному из таких «кратковременных» ханов смутного времени и посвящен настоящий очерк. В отличие от всех предыдущих правителей и ханов Золотой Орды, это не был выдающийся правитель, оставивший заметный след в золотоордынской истории. Более того, в историографии нет единого мнения относительно его происхождения, времени правления и даже имени. Тем не менее, мы сочли целесообразным представить его краткое жизнеописание как наиболее характерного претендента на трон в период истории Золотой Орды, о котором так немного известно.

I

В период между 1361 и 1367 гг. в Золотой Орде действовали сразу три или даже четыре правителя, носивших имя Пулад.

В 764 г. х. (1362/1363 г.) в Сарае чеканились монеты хана, имя которого обычно читается как Хайр-Пулад или Мир-Пулад. Хронологически их принято помещать после монет хана Кильдибека.⁴⁹⁰ По не-

которым сведениям, имеются и более ранние его монеты, чеканенные в столице и относившиеся к 762 г. х. (1360/1361 г.).⁴⁹¹

В 766 г. х. (1364/1365 г.) в городе Гюлистан чеканил монету хан Пулад-Ходжа, которого вскоре сменил Азиз-Шейх.⁴⁹²

В 768 г. х. (1366/1367 г.) в том же Гюлистане появляются монеты хана Пулад-Тимура, который сменил упомянутого Азиз-Шейха.⁴⁹³

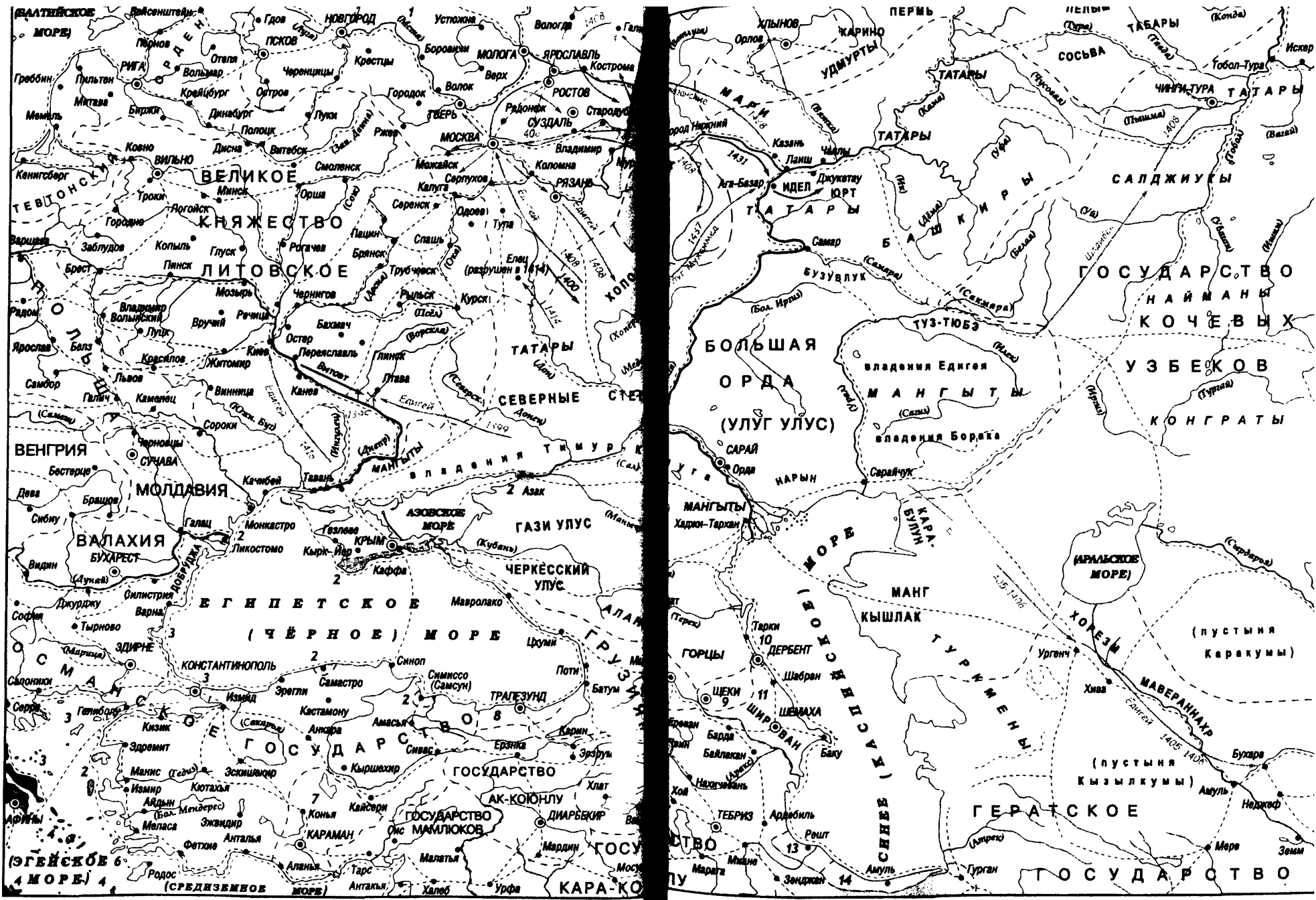
Наконец, имеются монеты и даже летописные сообщения об эмире Пулад-Тимуре, который в течение 1361–1367 гг. правил Волжской Булгарией, не подчиняясь никакому хану, и чеканил монету от собственного имени, проставляя на ней также имя хана Джанибека — последнего, которого он считал законным ханом и которому некогда подчинялся.⁴⁹⁴

Все эти имена, как видим, содержат элемент «Пулад», и исследователями неоднократно высказывались гипотезы о том, что их обладатели, или, по крайней мере, некоторые из них, могли быть одним и тем же лицом.⁴⁹⁵ Насколько же обоснованны такие предположения?

Фактически сразу отмечается тождественность с остальными «Пуладами» болгарского правителя Пулад-Тимура («Булак-Темеря» русских летописей). На всех монетах и в летописных источниках он именуется не ханом или «царем», а «князем», поскольку был эмиром, представителем аристократического, но не ханского рода. На монетах этот Пулад-Тимур фигурирует как «сын Нугана» или «сын Токле(Тевеккель)-бия». Таким образом, этот «Пулад» не может быть нашим героем.⁴⁹⁶

Ряд исследователей склоняется в пользу отождествления ханов Хайр(Мир)-Пулада и Пулад-Ходжи. Но, в таком случае, почему он в своих монетах, чеканенных с разницей в один-два года, указывал разное имя? Кроме того, некоторые исследователи полагают, что его имя на монетах 766 г. х. следует читать не «Пулад-Ходжа», а «Деулиулла(х)-Ходжа», что также заставляет отказаться от отождествления этих двух деятелей.⁴⁹⁷ Муин ад-Дин Натанзи называет хана, сменившего на троне Азиз-Шейха и убитого в 768 г. х. (1364 г.) Хаджи-ханом, сыном Эрзена. Можно усомниться в этой генеалогии (как и в хронологии, поскольку Азиз-Шейх был убит в 1367 г.), но весьма вероятно, что упомянутый хан и в самом деле происходил из Синей Орды и являлся, скорее всего, потомком Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи.⁴⁹⁸

Больше всего оснований для отождествления ханов Хайр-Пулада и Пулад-Тимура, чеканившего монету в Гюлистане в 768 г. х. Поскольку второй вариант прочтения имени Хайр-Пулада — «Мир-Пулад»,

Карта 6. Золотая Орда в 1396 г. (автор — Астайкин А. А.)

1 Русские княжества, 2 Владения Генуи, 3 Византийская империя, 4 Владения Венеции, 5 Крымское государство, 6 Орден Иоаннитов, 7 Эмират Караман, 8 Трапезундская империя, 9 Княжество Шеки, 10 Дербентское владение, 11 Государство ширваншахов, 12 Негматское государство, 13 Гилян, 14 Мазандеран. Границы государств нанесены на 1430 г.

есть вероятность, что «Мир» — это часть имени «Темир», т. е. полное имя хана могло звучать как «Темир-Пулад». Кроме того, помимо нумизматического материала сохранился еще и один важный официальный документ с именем Пулад-Тимура — ярлык хана Токтамыша 784 г. х. (1381 г.), в котором присутствует следующая строка: «А как прежде жалованным тарханым ярлыком Тимур-Пулада повелевалось...» Таким образом, Токтамыш сослался на волю своего предшественника, которого он считал легитимным ханом.⁴⁹⁹ Однако и в данном случае есть повод отказаться от отождествления: согласно новейшим исследованиям, имя этого хана на монетах 768 г. значится как Улджай-Тимур.⁵⁰⁰ Исследователи отождествляют его с Тимур-беком — потомком Туга-Тимура и наследственным владельцем улуса Туга-Тимуридов в Крыму. Его прямым родоначальником был Кин-Тимур, сын Туга-Тимура, переселившийся туда с востока по приказанию Менгу-Тимура, первого хана Золотой Орды.⁵⁰¹

Таким образом, герой нашего очерка — первый из перечисленных правителей, а именно Хайр-Пулад, или Мир-Пулад, с именем которого мы связываем не только чеканенные им монеты, но и упомянутый ярлык, на который ссылался хан Токтамыш. Его жизнь и деятельность в эпоху «Великой замятни» представляются следующим образом.

II

Мир-Пулад происходил из рода Шибана, пятого сына Джучи. Он был сыном Бадакула, внука Шибана, либо Менгу-Тимура б. Бадакула.⁵⁰² Мать Пулада была дочерью Джанди-бека, который был потомком Исмаила Самани — основателя первого бухарского государства еще в X в.⁵⁰³ Поэтому, несмотря на то что Пулад был всего лишь третьим по возрасту сыном своего отца, он, вероятно, считался старшим по происхождению и поэтому после смерти отца возглавил улус Шибанидов в Приаралье.⁵⁰⁴

«Великая замятня», начавшаяся в Золотой Орде в 1358–1359 гг., привела к тому, что все правила и преимущества в наследовании ханского трона, действовавшие ранее, оказались забыты. В результате уже в 1360–1361 гг. на трон в Сарае вступали представители младших ветвей рода Джучидов, которые не могли иметь никаких прав по сравнению с потомками Бату — представители семейств Тангута, Шибана и Туга-Тимура.

Первым Шибанидом на золотоордынском троне оказался Махмуд Хызр — представитель младшей ветви потомков Шибана и четверюродный брат Пулада. Скорее всего, на тот момент он являлся

старшим из Шибанидов по возрасту (возможно, главой рода), что и позволило ему в 1359/1360 г. предъявить претензии на трон. А после его смерти за трон стали бороться другие «младшие» Шибаниды — Тимур-ходжа, Мюрид и Азиз-Шейх.

Пулад, какое-то время игнорировавший борьбу за Сарай, довольствуясь реальной властью в собственном улусе, тем не менее, пристально наблюдал за событиями в Поволжье, где его родичи сражались за столичный трон не только с потомками других сыновей Джучи, но и между собой. Это подвигло Пулада к участию в борьбе за верховную власть.

Воспользовавшись тем, что Мюрид, брат Хызра, летом 1362 г. вступил в борьбу с Кильдибеком, самозванным потомком Бату, и понес в бою с ним большие потери (хотя и сумел разгромить противника), Пулад во главе своих войск поспешил в Сарай и успел занять столицу раньше, чем Мюрид. Брат Хызра не рискнул вступить в конфликт с родичем: вероятно, его потери и в самом деле были велики. К тому же с запада к владениям Мюрида приближался еще один опасный враг — темник Мамай, провозгласивший своим ханом Абдаллаха, потомка Узбек-хана.

Воспользовавшись борьбой Мюрида с Мамаем, Пулад попытался лишить Мамаю его основной базы, Крымского полуострова, и привлечь на свою сторону местных эмиров. Именно с этой целью он пожаловал ярлык эмиру Хаджи-беку, даруге Кырк-Ера, которым эмир и его племя шуракуль, проживавшее в районе Сюткёля (современный лиман Молочный в Запорожье), освобождались от значительной части налогов и повинностей.⁵⁰⁵

Возможно, понимая опасность, исходящую от Пулада, Мамай, вместо того чтобы добить ослабленного Мюрида, предпочел совершить поход на Сарай. Войска Мамаю и союзных ему эмиров из Крыма и Северного Причерноморья обрушились на столицу и выбили оттуда Пулада, силы которого, вероятно, были не столь уж многочисленны — ведь часть войск он должен был оставить в Улусе Шибана, чтобы родовые владения в его отсутствие не стали добычей враждебных царевичей и эмиров. Так завершилось правление Пулада в Сарае, длившееся 2–3 месяца.⁵⁰⁶ Однако он какое-то время еще питал надежды на возвращение столицы, продолжая чеканить монету с указанием монетного двора Сарая.

Тем временем, Мюриду наконец-то удалось выбить Мамаю и Абдаллаха из столицы и укрепиться в Поволжье. Новый хан не только сумел подчинить себе окрестные области, но и сохранил подчинение

русских княжеств Орде, выдав ярлык на великое княжение юному московскому князю Дмитрию Ивановичу. На русское серебро, полученное в качестве «выхода», Мюриду удалось привлечь на свою сторону новых эмиров и войска и в течение года противостоять враждебным группировкам. Однако в 1363 г. Мюрид погиб в результате заговора эмиров, во главе которых стоял его собственный бекляри-бек Ильяс. Воспользовавшись смутой, начавшейся после гибели хана, Пулад вновь вознамерился захватить столицу, но тут права на трон предъявили Азиз-Шейх, наследник Мюрида, и Пулад(Деулиулах)-Ходжа из потомков Туга-Тимура, которому-то и удалось захватить трон, вытеснив Пулада из Поволжья — на этот раз окончательно.

Пулад покинул центральные области Золотой Орды, причем не только из-за нежелания или невозможности противостоять конкурентам: на Волге свирепствовала чума, и Пуладу совершенно не хотелось стать ее жертвой в борьбе за ханскую власть, которая день ото дня становилась все более призрачной.

Таким образом, в 1363 г. Пулад вышел из политической борьбы за ханский трон и, вероятно, вернулся в свой улус. О его дальнейшей судьбе нам неизвестно, по-видимому, он скончался в конце 1360-х гг., поскольку в 1368 г. за сарайский трон сражался уже его племянник Хасан б. Беккунды, а в начале 1370-х гг. улус Шибана с центром в г. Сарайчук на Урале возглавлял Ильбек, родной брат Пулада.⁵⁰⁷

В пользу того, что Хайр-Пулад был именно потомком Шибана и сыном Бадакула (Менгу-Тимура?), говорит еще один факт: ханом Золотой Орды был и сын Пулада — герой нашего следующего очерка Арабшах.

ОЧЕРК ОДИННАДЦАТЫЙ
АРАБШАХ, ИЛИ БИЧ РУССКИХ ОКРАИН
(ХАН, 1377—1380)

Я побеждаю своих врагов тем, что превращаю их в друзей.

Авраам Линкольн

Арабшах, как и его отец Пулад, был одним из ханов смутного времени. Однако, в отличие от родителя, ему удавалось удерживать трон в течение нескольких лет. Арабшах проявил себя неплохим полководцем, а затем и мудрым политиком, став одним из немногих золотоордынских монархов, которые не лишились жизни после утраты трона. Вероятно, этим своим качествам он обязан тем, что его имя сохранилось не только на монетах (как имя его отца и еще десятков ордынских правителей), но и в ряде исторических сочинений — русских, арабских и тюркских.

I

У Пулада, главы Улуса Шибана (Хайр-Пулад-хана) было двое сыновей — Ибрахим (Аба-оглан) и Арабшах.⁵⁰⁸ И если Ибрахим всю жизнь оставался удельным правителем в Восточном Деште, то Арабшах оказался куда более деятелен и сумел проявить себя не только в своем приаральском улусе.

После того как Хызр б. Мангутай, потомок Шибана из младшей ветви,⁵⁰⁹ в 1360 г. провозгласил себя ханом Золотой Орды, Сарай постоянно привлекал представителей рода Шибанидов — в первую очередь тех, кто не мог рассчитывать на обширные владения в своем родовом улусе. Именно поэтому вслед за Хызром на троне в Сараяе побывали его сын Тимур-ходжа и брат Мюрид, а также представитель еще одной младшей ветви рода — Азиз-Шейх.

Однако уже в 764 г. х. (1362 г.) в борьбу за сарайский трон включился Пулад, отец Арабшаха, но, как было описано выше, уже через год был вынужден отказаться от этой борьбы. Некоторое время

спустя Пулад скончался, и его личные владения разделили между собой два его сына, а власть над Улусом Шибана унаследовал следующий по старшинству брат, Ильбек, также сын Бадакула (или Менгу-Тимура б. Бадакула) от супруги из рода Исмаила Самани.⁵¹⁰ В 1368 г. на сарайский трон предъявил претензии племянник Пулада — Хасан б. Беккунды, который годом позже, в свою очередь, был свергнут сторонниками эмира Мамайя и его ставленника, хана Мухаммада.⁵¹¹

Некоторое время Шибаниды не участвовали в борьбе за Сарай — надо полагать, это было связано с возрастанием опасности с востока, из Синей Орды. Здесь в 1368 г., после семи лет междоусобной борьбы за трон различных претендентов из рода Туга-Тимура, к власти пришел могущественный Мухаммад Урус-хан, которому удалось сплотить синеордынскую знать. Ильбек и его родичи стали готовиться к противостоянию с новым грозным противником, и борьба за Сарай, дающий лишь номинальное верховенство над Золотой Ордой, отошла для них на второй план.⁵¹²

Однако в 774 г. х. (1372/1373 г.) Урус внезапно совершил нападение на Сарай и, выгнав оттуда Мухаммада, ставленника Мамайя, предпринял попытку объединить под своей властью Синюю и Белую Орды. Однако новый хан не имел возможности использовать для удержания Сарая и подчинения Поволжья все свои многочисленные войска: часть его сил под командованием его старшего сына Кутлуг-Буги оставалась на востоке для поддержания порядка в недавно подчиненной им Синей Орде и для противостояния внешним врагам — Шибанидам и Чагатаеву улусу. Поэтому, когда Урус-хан вознамерился присоединить к своим владениям Хаджи-Тархан и выступил в поход против местного правителя Хаджи-Черкеса, ему пришлось взять с собой практически все приведенные на Волгу войска, оставив в Сарае лишь незначительный гарнизон.

Этим не мог не воспользоваться Ильбек: он ворвался в практически беззащитный Сарай и провозгласил себя ханом Золотой Орды — как это сделали несколькими годами ранее его брат Пулад и племянник Хасан. Это произошло в 775 г. х. (1373/1374 г.), и именно к этому году относится первое свидетельство источников об Арабшахе: под этим годом он чеканил свою монету в Сарайчуке.⁵¹³ Вероятно, дядя Ильбек, захватив трон Золотой Орды, оставил во главе Улуса Шибана вместо себя сына своего старшего брата (неизвестно, был ли жив в это время Ибрахим, старший брат самого Арабшаха).

Однако правление хана Ильбека оказалось весьма недолгим: в 1374 г. войска Мамайя напали на Сарай и изгнали его оттуда. Вполне возможно,

что во время сражения Ильбек погиб, поскольку после этого его имя не встречается ни в письменных источниках, ни на монетах.⁵¹⁴

Впрочем, и торжество Мамаю было недолгим: в том же году, когда он со своими войсками отправился на защиту западных границ своих владений от литовских набегов, Урус-хан вторично захватил Сарай, окончательно изгнав оттуда «мамаева» хана Мухаммада. На этот раз пришелец с востока, кажется, решился обосноваться в столице надолго: он не только подчинил себе центральные области, но и решил восстановить власть над русскими вассалами. По его указанию главные князья Северо-Восточной Руси — Дмитрий Московский и Дмитрий Нижегородский — разорвали отношения с Мамаем и подчинились власти сарайского хана.⁵¹⁵

II

Второе правление Урус-хана в Сарае продлилось около года. Осенью 1375 г. он покинул столицу — то ли под натиском соперников,⁵¹⁶ то ли из-за тревожных новостей из собственной Синей Орды. Вероятно, не случайно уже год спустя началось его открытое противостояние со своим четвероюродным братом Токтамышем — очередным претендентом на трон Синей Орды.

Сарай стал легкой добычей, и Каганбек б. Ильбек, двоюродный брат Арабшаха, решился: в самом конце 1375 г. он захватил столицу и, вслед за Урус-ханом, начал приводить к подчинению окрестные области.⁵¹⁷ Большую поддержку ему в этом отношении оказали русские вассалы.

Разорвав отношения с Мамаем и его ханом, Москва и Нижний Новгород просто-напросто были вынуждены ориентироваться на сарайского хана, потому что он оставался их единственным сильным союзником в случае войны с Мамаем. Несомненно, пока в Сарае сидел другой хан, Мамай не мог организовать полномасштабного наступления на Русь, опасаясь, что сарайский властитель нанесет в это время удар по его владениям. И русские князья вполне разумно решили поддержать менее сильного хана-Шибанида, от которого можно было добиться определенных уступок, чем могущественного Мамаю, на благодушие которого им теперь рассчитывать не приходилось. Поэтому, когда Каганбек в 1376 г. повелел Дмитрию Нижегородскому и Дмитрию Московскому принять участие в походе (а фактически — совершить поход) на Волжскую Булгарию, чтобы вернуть этот важный и богатый регион под власть Сарая, они безропотно собрали и отправили войска на Булгар.

Местный правитель Асан, уже однажды вынужденный капитулировать перед нижегородскими войсками (в тот раз действовавшими по приказу Мамай), и на этот раз не дерзнул оказать сопротивления — тем более что русских было больше, действовали они по приказу более «близкого» хана, и их сопровождал ханский посол. После незначительного сопротивления (погибло около 70 болгарских воинов) Булгар в очередной раз сдался на милость победителей, в городе разместились даруга и таможенник хана Каганбека, а торжествующие русские потребовали у Асана еще и контрибуцию в размере 5 000 рублей: 2 000 — московскому и нижегородскому князьям и 3 000 — их воинству.⁵¹⁸

Последнее оказалось явно лишним: Каганбек, узнав, что русские данники сами осмелились взять дань с его же, хана, владений, расвирепел и решил немедленно наказать дерзких вассалов. Однако для этого у него не было войск в достаточном количестве (на что, вероятно, и рассчитывали русские, облагая Булгар данью), поэтому ему пришлось обратиться за помощью к двоюродному брату Арабшаху, правителю Улуса Шибана.⁵¹⁹

Арабшах с готовностью отозвался на призыв сарайского хана: несомненно, ему было хорошо известно о богатстве русских земель, и он не желал упустить возможность поживиться за их счет. Поскольку восточные границы Улуса Шибана в это время были в относительной безопасности (Урус-хан уже более года воевал с Токтамышем и его покровителем Амиром Тимуром, повелителем Чагатаева улуса), Арабшах явился с многочисленными войсками и приготовился наказать русских подданных своего двоюродного брата.

Перед лицом неотвратимого нашествия московские и нижегородские войска объединились и стали лагерем на р. Пьяне, где, по их сведениям, должен был вторгнуться на Русь их противник. Однако Арабшах по какой-то причине замешкался: то ли доукомплектовывал войска, то ли не нашел хороших проводников и заблудился в незнакомой местности. Как бы то ни было, вскоре до русских воинов дошли слухи, что Арабшах находится где-то на Волчьей Воде или даже вообще вернулся обратно в Сарай, и они расслабились. Московские дружины, так и не дождавшись противника, вообще решили вернуться домой, а нижегородцы, согласно летописной версии, начали гулянье и вскоре перепились допьяна.

Этим-то и решил воспользоваться Мамай, все еще не имевший случая достойно отомстить своим русским данникам за разрыв отношений, переход в подданство к сарайским ханам и утрату Булгара.

Союзные Мамаю мордовские князья тайными тропами подвели его войска к русскому лагерю, на который ордынцы и обрушились 2 августа 1377 г. Не ожидавшие нападения нижегородцы были разгромлены, многие погибли (включая главнокомандующего — суздальского княжича Ивана Дмитриевича) или попали в плен. А мамаевы войска, не встречая более сопротивления, 6 августа взяли и сожгли беззащитный Нижний Новгород.⁵²⁰

Арабшах, у которого военачальники Мамаю буквально увели победу и добычу из-под носа,⁵²¹ не пожелал смириться с тем, что возможность совершить грабительский набег на Русь оказалась утрачена. Воспользовавшись тем, что нижегородцы не успели оправиться от недавнего мамаева погрома, Арабшах тогда же, в августе 1377 г., совершил рейд на границы Нижегородского княжества по р. Суре и не оставил тут ни одного целого поселения.⁵²² А осенью совершил еще один молниеносный набег — на этот раз на Рязанское княжество. Арабшах с налета занял Переяславль-Рязанский (откуда еле успел бежать израненный в сражении князь Олег Иванович) и вновь захватил множество добычи и пленников.⁵²³

Каганбек мог торжествовать: русские были наказаны (хотя и не совсем по его плану), и авторитет сарайских ханов существенно возрос. Однако торжество хана оказалось омрачено: снискав популярность среди столичных войск и опираясь на собственные силы, приведенные из Улуса Шибана, Арабшах вдруг осознал, что в гораздо большей степени соответствует должности монарха, и совершил государственный переворот. В результате на рубеже 1377–1378 гг. в Сарая сменился хан — причем без какого-либо вмешательства извне: просто Арабшаху удалось «убедить» своего двоюродного брата отказаться от трона.⁵²⁴

К чести Арабшаха стоит отметить, что он не расправился с бывшим ханом и даже не выгнал его, оставив ни с чем: новый хан позволил двоюродному брату занять свое же прежнее место — возглавить Улус Шибана. Поскольку в нынешних условиях большая опасность с востока улусу не грозила, даже Каганбек мог справиться с его управлением!

III

Став ханом Золотой Орды, Арабшах активизировал свою завоевательную политику, продолжив курс на консолидацию Поволжья под властью Сарая, начатый Урус-ханом и Каганбеком. Новый хан ни на минуту не забывал, что ему удалось снискать популярность новых

подданных с помощью успешных набегов. Поэтому практически весь первый год его правления прошел в беспрестанных военных предприятиях.

Уже зимой 1377/1378 г. по приказу Арабшаха нижегородский князь, уstraшенный его набегами, вместе со своим московским зятем отправили войска на Мордву.⁵²⁵ Мордовские князья — те самые, которые в прошлом году помогли Мамаю разгромить русских на Пьяне, — почли за лучшее признать власть грозного сарайского владетеля. В 1378 г. Арабшах неожиданно напал на Мохшу, разгромил и убил ее правителя Тагая и присоединил этот край к сарайским владениям.⁵²⁶ В результате Среднее Поволжье полностью вышло из-под контроля Мамаю и подчинилось Арабшаху. Видимо, в это же время власть быстро усиливающегося сарайского хана стали признавать и другие эмиры центральных областей Золотой Орды.⁵²⁷

Затем последовал новый поход на Нижний Новгород. Вероятно, Арабшах организовал его, чтобы наказать нижегородского князя за то, что тот во время похода на Мордву слишком уж ее «пограбиша и пожгоша».⁵²⁸ На этот раз хан вознамерился не упустить из рук этот город, который в прошлом году у него столь бесцеремонно перехватили полководцы Мамаю. Решимость хана зашла так далеко, что он даже отклонил предложенный нижегородским князем Дмитрием Константиновичем «откуп». Нижний Новгород был razорен и сожжен, как и в прошлом году. А на обратном пути Арабшах razорил еще и его округу.⁵²⁹ Несомненно, новый хан намеревался проводить на Руси политику уstraшения, чтобы обеспечить подчинение своих русских вассалов! Несладко пришлось и русским торговцам в Золотой Орде: у них было конфисковано имущество, а многие купцы лишились и жизни. Видимо, Арабшах решил захватить и перебить русских купцов, чтобы те не донесли на Русь вести о подготовке им нового похода. Этот поход он совершил на Рязань в том же 1378 г., в очередной раз захватив богатую добычу и пленников.⁵³⁰

Арабшаху даже и в голову не могло прийти, что, прилагая усилия для укрепления власти сарайского престола в Поволжье, он льет воду на чужую мельницу. А между тем, на востоке Золотой Орды происходили серьезные события, которые вскоре повлекли за собой и перемены в судьбе самого Арабшаха. Грозный Урус-хан умер на рубеже 1377–1378 гг., и после краткого правления его сыновей Токтакии и Тимур-Малика на трон Синей Орды вступил Токтамыш, которого поддерживал Амир Тимур, всевластный временщик Чагатаева улуса.

Не довольствуясь своим положением хана Синей Орды, Токтамыш, в свою очередь, решил вступить в борьбу за сарайский трон.

Первым делом он подступил к границам Улуса Шибана, где правил Каганбек, фактически являвшийся наместником Арабшаха. На требование Токтамыша признать его власть и вместе с ним отправиться на завоевание Сарая Каганбек отвечал, что не имеет права сам принимать такие решения и должен получить указания от своего старшего родича — сарайского хана. Токтамыш немедленно двинулся в Поволжье.

Новый хан Синей Орды, предпринимая поход на Сарай, находился в куда более выгодных условиях, чем его давний враг Урус, которому приходилось постоянно держать часть войск на границе с Улусом Чагатая. Токтамыш же, являясь союзником чагатайского правителя Амира Тимура, мог не беспокоиться о безопасности своих восточных границ и поэтому привел на Волгу практически все свои немалые силы. На рубеже 1379–1380 гг. войска Синей Орды подступили к владениям сарайского хана.⁵³¹

Арабшах не был трусом, но не был и глупцом. Он прекрасно разобрался в обстановке и понял, что у него нет шансов сохранить трон. Во-первых, постоянно грозила опасность с запада, со стороны Мамая. Во-вторых, войска Синей Орды превосходили сарайскую армию по численности. Наконец, было ясно, что приведенные в покорность силой оружия русские княжества и племена Поволжья отпадут от Сарая при первой же неудаче. И Арабшах принял единственное разумное решение: он добровольно отказался от трона и признал ханом Токтамыша, взамен закрепив за собой и своим родом владения в Улусе Шибана.⁵³²

О деятельности Арабшаха после 1380 г. сведений нет. Мы не знаем, принимал ли он участие в военных действиях Токтамыша против Мамая и Руси. Скорее всего, нет. Прямой потомок Арабшаха, хивинский хан-историк Абу-л-Гази пишет, что Арабшах и его брат Ибрахим «лето проживая при вершине Яика, а зиму — в при устье Сыра... с приятностию провели свой век».⁵³³ Из этого можно сделать вывод, что в последние годы жизни Арабшах мирно владел своим улусом, не участвуя в междоусобицах и внешнеполитических мероприятиях нового хана.

Арабшах, благодаря своим «подвигам» на Руси, оказался одним из немногих «царей ордынских», словесный портрет которых сохранили летописи. Вероятно со слов очевидца, летописец записал, что «бе той царевичь Арапша сверепь зело, и ратникъ велій и мужественъ,

и крепокъ, возрастомъ же телеснымъ отнудъ малъ зело, мужествомъ же велій и победы многихъ...». ⁵³⁴ Если вспомнить расхожее мнение о том, что люди небольшого роста обладают повышенным тщеславием, то активность Арабшаха в его политических и государственных делах становится вполне понятной.

Амбиции Арабшаха унаследовали и его потомки. Так, в 1457 г. его правнук Йадгар вступил в борьбу за трон государства кочевых узбеков с могущественным Абу-л-Хайр-ханом, потомком Ибрахима, брата Арабшаха, и даже какое-то время занимал его после смерти своего соперника. Ханский титул носили и двое сыновей Йадгара — Абулек и Аминек. Их племянник Ильбарс, внук Йадгар-хана, около 1511 г. стал основателем династии Шибанидов (Арабшахидов) в Хорезме — Хивинском ханстве, где власть этого рода продлилась до середины XVIII в. ⁵³⁵

ОЧЕРК ДВЕНАДЦАТЫЙ

ТОКТАМЫШ, ИЛИ «НОВЫЙ ЧИНГИС-ХАН» (ХАН, 1379–1395/1406)

Кто чувствует в себе волю к борьбе, тот не теряет даром времени и сразу отвечает судьбе ударом на удар.

Александр Дюма

Токтамыш-хан занимает особое место в ордынской истории: при нем в Золотой Орде завершилась многолетняя смута («Великая замятня»), но при нем же Джучидская держава оказалась на грани исчезновения, дважды подвергшись опустошительному нашествию Амира Тимура (Тамерлана). Одни историки превозносят Токтамыша как нового Чингис-хана или Батыя, другие осуждают и считают совершенно недостойным высокого ханского титула. Насколько же оправданны те или иные суждения об этом человеке, в незаурядности которого можно не сомневаться в любом случае?

I

Токтамыш был потомком Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи. Туга-Тимуриды имели владения в Синей Орде и являлись вассалами правителей из дома Орду, старшего сына Джучи, а одна их ветвь закрепились в Крыму, подчиняясь, соответственно, сарайским ханам. Место в семейной иерархии не давало Туга-Тимуридам никаких надежд на обретение ханского титула. Однако «Великая замятня» позволила им возвыситься над другими потомками Джучи.

В 1330–1350-х гг. Синяя Орда находилась под управлением сарайских наместников — эмиров из рода кият, которые с одобрения Узбека и Джанибека, ханов Золотой Орды, существенно урезали права и привилегии местных Чингизидов. Однако в 1361 г., воспользовавшись смутами в Сарае, Джучиды восточного крыла свергли и убили ханского наместника Тенгиз-Бугу кията и провозгласили ханом некоего Кара-Нога, одного из потомков Туга-Тимура. С этого

и началось возвышение потомков Туга-Тимура, которые сохраняли власть над Восточным Дештом вплоть до начала XV в., когда их сменили Шибаниды, потомки пятого сына Джучи.⁵³⁶

Кара-Ногай стал всего лишь старшим среди равных и не смог подчинить своей власти других царевичей. Синяя Орда, как и Сарай, вскоре стала ареной борьбы за власть: за семь лет здесь сменилось пять ханов — братьев и племянников Кара-Ногай. Однако в 1368 г. на трон Кок-Орды вступил Урус-хан — также потомок Туга-Тимура, но из другой ветви.⁵³⁷ В отличие от своих предшественников, это был весьма энергичный и решительный правитель: источники сообщают, что он был «царь очень сварливый, сильный и могущественный».⁵³⁸ Ему удалось покончить с самоволием царевичей и эмиров и подчинить их своей власти. Наиболее строптивые из них, все еще считавшие хана лишь номинальным главой, были казнены.

Токтамыш, родившийся, по-видимому, на рубеже 1340–1350-х гг.,⁵³⁹ был сыном Туй-Ходжа-оглана из рода Туга-Тимура, 13-го сына Джучи,⁵⁴⁰ и Кутан-Кончек (Куй-Кичик) из племени кунград.⁵⁴¹ Туй-Ходжа был эмиром Мангышлака, т. е. относился к удельным царевичам Синей Орды. Будучи влиятельным представителем «Золотого рода», он, как и многие другие, отказался всецело подчиняться Урус-хану и, несмотря на довольно близкое родство с ним (он приходился хану троюродным дядей), также был казнен. Поводом для казни Туй-Ходжи послужил его отказ выделить войска для похода Урус-хана в Поволжье с целью захвата трона Золотой Орды.⁵⁴²

Токтамыш, сын и, вероятно, наследник Туй-Ходжи, после казни отца бежал, но позднее явился к хану, был им прощен и оставлен при дворе.⁵⁴³ Вероятно, Урус, опасаясь, что сын Туй-Ходжи унаследует мятежные замыслы отца, решил держать его при себе. Основания для опасений у хана были довольно веские: Токтамыш принадлежал к тому же поколению, что и Урус, и поэтому имел право претендовать не только на Мангышлак, но и на трон Синей Орды.

В самом деле, в 1372 г., как только Урус ушел со своими войсками в Поволжье и захватил Сарай, Токтамыш начал собирать вокруг себя царевичей и эмиров, недовольных авторитарным правлением хана, и, вероятно, уже тогда стал подумывать о захвате трона Синей Орды.⁵⁴⁴ В 1373 г. Токтамыш решил на активные действия и провозгласил себя в Сыгнаке ханом.⁵⁴⁵ Урус-хан немедленно оставил Сарай и поспешил в свои владения, чтобы подавить мятеж. Токтамыш не рискнул выступить против войск хана и снова бежал. И, по-видимому, опять же явился с повинной к Урусу, причем снова был прощен! Не-

сомненно, Урус не мог позволить себе казнить столь влиятельного родича и тем самым вызвать продолжение мятежа в то время, когда сам хан намеревался продолжить борьбу за овладение Поволжьем.⁵⁴⁶

Однако положение Токтамыша, вероятно, ухудшилось по сравнению с прежними временами. Опасаясь за свою жизнь, Токтамыш, воспользовавшись вторичным отсутствием Урус-хана в 1374–1375 гг., бежал от грозного родича. Правитель, который мог бы защитить его от могущественного хана Синей Орды, должен был находиться где-то за пределами владений Джучидов, в которых любой из соперничающих родственников легко мог прикончить Токтамыша как лишнего конкурента в борьбе за ордынский трон. Таким правителем оказался сравнительно молодой тогда еще 40-летний Амир Тимур, уже в это время укрепивший свою власть в Мавераннахре. К его двору Токтамыш и прибыл в год дракона (1376 г.).⁵⁴⁷

II

Железный Хромец принял беглеца радушно и со всеми почестями, которые полагались потомку Чингис-хана — пусть и бежавшему из своих владений. Радушие Тимура объяснялось несколькими причинами. Во-первых, его положение в то время еще не было столь непоколебимым, как годы спустя, и пребывание при его дворе еще одного потомка Чингис-хана (помимо собственного ставленника — хана Суйургатмыша из рода Угедэя) сильно укрепляло легитимность Тимура в качестве фактического правителя Чагатайского государства. Во-вторых, возведя своего марионеточного хана на трон Улуса Чагатая, Железный Хромец вполне мог подумывать о том, чтобы такой же его ставленник правил и в Улусе Джучи. Почему было бы не сделать таковым Токтамыша?

В качестве первого шага на этом пути Тимур выделил Токтамышу во владение город Сабран,⁵⁴⁸ и здесь проявив политическое благоразумие: этот город, ранее принадлежавший Золотой Орде, теперь находился под контролем Тимура, и передача Сабрана Токтамышу позволяла ордынским властям как-то смириться с неопределенным статусом города. В том же году Токтамыш с помощью Тимура совершил первый поход на Урус-хана.

Урус отправил против своего четвероюродного брата войска под командованием своего старшего сына Кутлуг-Буги, который считался его наследником и уже управлял Синей Ордой, пока его отец боролся за власть в Поволжье. Войска двух Джучидов начали битву, в которой перевес долго не склонялся ни на одну сторону — пока

Кутлуг-Буга не был убит случайной стрелой. Казалось бы, потеря военачальника должна была деморализовать его войска, но вышло наоборот: после гибели популярного в армии Кутлуг-Буги они усилили натиск и нанесли Токтамышу поражение, а затем вторглись во владения, пожалованные ему Тимуром, и разграбили их.⁵⁴⁹

Очевидно, Токтамыш посчитал это поражение случайным и вскоре предпринял новую попытку завладеть тронем Синей Орды. К этому времени на его сторону перешло значительное количество подданных Урус-хана из различных племен,⁵⁵⁰ так что ему, возможно, и не понадобилось снова обращаться за помощью к Амиру Тимуру. Очевидно, из этих перебежчиков Токтамыш и сформировал новое войско. Обеспокоенный усилением Токтамыша, а также желая отомстить за смерть сына, Урус-хан направил против него своего сына Токтакию. И Токтамыш потерпел новое поражение, бежал, а при переправе через реку был ранен в руку стрелой и чуть не утонул; его спас посланный Тимуром эмир Идигу из племени барлас.⁵⁵¹

Посрамленный Токтамыш вернулся к Амиру Тимуру, который, несмотря на два позорных поражения, продолжал считать его своим гостем. В том же году к Тимуру явились послы Урус-хана, передавшие следующие слова своего повелителя: «Дело таково. Токтамыш убил моего сына и бежал к тебе. Направь его ко мне. И если не выдашь, то назови место сражения и готовься к битве!» Тимур отклонил требования властителя Синей Орды: «Тот пришел к нам, прося защиты. Я его никому не отдам. А если хотите войны, то мы готовы!»⁵⁵² И, прежде чем послы Уруса успели вернуться к своему повелителю, начал сам готовиться к походу против него и в начале 1377 г. выступил на Сыгнак.

Урус-хан не стал недооценивать грозного противника: он лично выступил против Тимура во главе своих основных сил. В продолжение некоторого времени враги ограничивались мелкими сшибками, в которых победы одерживали то ордынцы, то чагатайцы. Ожидалась битва, исход которой мог все решить: в случае поражения Уруса ханом Синей Орды становился Токтамыш, а в случае поражения Железного Хромца его собственная карьера завершилась бы, практически не начавшись. Однако вскоре до Тимура дошло известие о кончине Урус-хана.⁵⁵³ Чагатайский правитель счел, что со смертью опасного противника его прямое вмешательство в дела Синей Орды уже не нужно, и, признав Токтамыша ханом Кок-Орды, вернулся в свои владения.

Между тем, Урусу наследовал его сын Токтакия, который скончался двумя месяцами позже, а его преемником стал его брат Тимур-Малик,⁵⁵⁴ который был более известен своим разгульным образом жизни, чем талантами правителя или полководца. По настоянию своих эмиров Тимур-Малик предпринял поход против Токтамыша, хана-конкурента, чтобы покончить с двоевластием в Синей Орде. И хотя сам Тимур-Малик не отличался воинскими дарованиями, у него оставались талантливые военачальники, служившие прежде его отцу. Им-то и удалось одержать очередную победу над Токтамышем, который снова прибежал к Тимуру, лишившись и войска, и надежды занять трон в Сыгнаке.⁵⁵⁵

Неизвестно, готов ли был повелитель Мавераннахра еще раз сделать ставку на Токтамыша и доверить ему новую армию. К счастью для сына Туй-Ходжи, Амиру Тимуру не пришлось делать такой выбор. Тимур-Малик слишком много времени уделял пьянству и развлечениям, а главное — очень любил женщин, и если ему нравилась какая-то из них, он старался заполучить ее, не считаясь с ее происхождением и семейным статусом. В конце концов, он оскорбил ряд крупных военачальников и племенных вождей, позарившись на их жен и дочерей. Недовольство ханом крепло день ото дня, и вскоре многие вельможи Синей Орды стали перебегать к Токтамышу, а оставшиеся при дворе в Сыгнаке составили заговор.

В результате в 1379 г. сыгнакские аристократы призвали к себе Токтамыша. Ему без боя подчинились города Сауран и Отрар, а затем он во главе своих приверженцев двинулся к столице. Тимур-Малик со своими войсками выступил ему навстречу. Однако эмиры-заговорщики, не вступая в бой, вместе со своими войсками перешли на сторону Токтамыша. Тимур-Малик в сопровождении многочисленных верных эмиров и телохранителей пытался бежать, но был схвачен и казнен по приказу нового хана.⁵⁵⁶

Так, к 1379 г. Токтамыш без боя овладел тронем Синей Орды, за который безуспешно сражался несколько последних лет. А вскоре он решил пойти по стопам Урус-хана и объединить всю державу Джучидов.

III

Зимой 1379/1380 г. Токтамыш во главе крупных сил двинулся в Поволжье. Ему было проще, чем Урусу, которому приходилось оставлять часть войск для поддержания порядка в улусе и для защиты восточной границы от нападений Чагатаидов. Токтамыш, единодушно

поддержанный большинством эмиров Кок-Орды и будучи в союзе с Амиром Тимуром, мог не опасаться ни внутренних мятежей, ни внешнего нападения, а потому двинулся на Волгу практически со всеми войсками, находившимися в его распоряжении.

Не встретив сопротивления со стороны Каганбека, правителя Улуса Шибана, Токтамыш зимой или весной 1380 г. оказался уже у Сарая, где правил хан Арабшах, потомок Шибана. Арабшах не осмелился вступить в сражение с ханом Синей Орды и почел за лучшее отказаться от трона. Впрочем, он вытребовал за свою уступку сохранение за собой и своим родом улуса Шибана — под верховной властью нового хана Золотой Орды.⁵⁵⁷

Вслед за тем Токтамышу удалось без боя либо после незначительного сопротивления захватить и подчинить своей власти Верхнее и Среднее Поволжье, затем — Хаджи-Тархан и Северный Кавказ.⁵⁵⁸ Теперь его единственным противником оставался Мамай — могущественный правитель западной части Золотой Орды, уже в течение двух десятилетий контролировавший практически все ордынские владения к западу от Волги.

Однако судьба по-прежнему оставалась благосклонной к Токтамышу. Мамай, вместо того чтобы выступить против пришельца с востока, вознамерился вернуть под свою власть русские княжества и стал готовить поход на Русь. Однако великий князь Дмитрий Иванович Московский опередил его, напал на ставку Мамаю, не успевшего собрать свои основные силы, разгромил его на Куликовом поле и заставил бежать.

Ордынский бекляри-бек, как мы помним, после этого поражения сумел собрать свои основные силы и вновь приготовился к схватке с русскими. Однако как раз в это время, в октябре-ноябре 1380 г., Токтамыш захватил все области к востоку от Волги и подошел к границам владений Мамаю, которому пришлось выступить против него.

Исход этой схватки, казалось, был предreshен в пользу Мамаю, считавшегося опытным военачальником — в отличие от своего соперника, который уже неоднократно терпел поражения даже от противников с меньшими силами. Однако Токтамыш, несмотря на свои недостатки, все же был потомком Чингис-хана, Джучидом, тогда как Мамай потерял своего хана в Куликовской битве и не успел возвести на трон нового мочарха. По понятиям ордынских вельмож и народа, при таких условиях выступление Мамаю против хана-Чингизида было мятежом. Поэтому, когда войска Токтамыша и Мамаю встретились, военачальники и воины бекляри-бека, не вступая в сражение, сошли

с коней и принесли присягу Токтамышу, который в результате стал ханом обеих частей Золотой Орды.

В погоню за Мамаем, бежавшим в Крым, Токтамыш отправил своих воинов, которым удалось настичь бекляри-бека в Солхате (Старом Крыму). Сам Мамай был убит или казнен, а его гарем попал в руки победителя. Чтобы повысить свою легитимность в глазах столичной сарайской знати и оставшихся приверженцев дома Бату, Токтамыш взял в жены Тулунбек-ханум, дочь хана Бердибека и вдову Мамаю.⁵⁵⁹ Самого Мамаю, впрочем, новый хан повелел похоронить со всеми полагающимися ему почестями, что примирило с ним уцелевших сторонников бекляри-бека. Даже сын Мамаю, Мансур, позднее явился к Токтамышу и был принят им на службу.⁵⁶⁰

Так в начале 1381 г. Золотая Орда наконец-то была объединена под властью хана, которого признали и центральные области, и некогда мятежные окраинные улусы. Не удивительно, что практически все подданные с самого начала стали обожать и буквально боготворить хана, положившего конец двадцатилетней смуте, считая его едва ли не новым Чингис-ханом, призванным возродить былое могущество державы Джучидов.⁵⁶¹ К сожалению, похоже, и сам Токтамыш уверовал в свое высокое предназначение.⁵⁶² «К сожалению», потому что ни в коей мере не обладал талантами своего великого предка!

Впрочем, на первом этапе правления в Золотой Орде новый хан действовал и в самом деле весьма разумно. Так, уже на рубеже 1380–1381 гг. он восстановил мир с генуэзцами, вернув им 18 селений Судакской долины, отнятых у них Мамаем в 1375 г. Тем самым Токтамыш обеспечил дальнейшее развитие торгового сотрудничества с итальянскими республиками в Причерноморье и, соответственно, постоянный доход в ханскую казну.⁵⁶³ Также хан подтвердил ряд привилегий, дарованных его предшественниками влиятельным эмирам и племенным вождям, что обеспечило ему их поддержку.⁵⁶⁴

Одновременно Токтамыш направил своих посланцев ко всем прежним вассалам Золотой Орды с уведомлением о своем вступлении на престол и напоминанием о необходимости принести ему присягу, а в дальнейшем — выплачивать полагающиеся налоги. Одно из таких посольств было отправлено на Русь, к великому князю Дмитрию Донскому.

IV

Несмотря на антиордынский характер действий великого князя Дмитрия Ивановича на Куликовом поле, Токтамыш поначалу совершенно не собирался наказывать русского вассала. Во-первых, победа

Москвы над Мамаем существенно облегчила новому хану приход к власти. Во-вторых, русские князья в течение нескольких последних лет признавали себя вассалами ханов, правивших в Сарае, а именно эти ханы формально являлись прямыми предшественниками Токтамыш-ша. Поэтому он вполне обоснованно рассчитывал на то, что Москва и другие княжества признают его власть и сохраняют прежний формат отношений с Ордой, и в 1381 г. направил к великому князю послание, в котором сообщал о своем воцарении.⁵⁶⁵

Казалось, поначалу отношения начали складываться, как и предполагал Токтамыш: русские князья в ответ на его послание направили к нему своих представителей («киличеев») с приветствиями и богатыми дарами хану, ханшам и эмирам.⁵⁶⁶ Однако когда в следующем году Токтамыш отправил на Русь своего посла Ак-ходжу с 700 воинами, чтобы вызвать князей в Орду для подтверждения их ярлыков, его посольство настолько испугалось отношения местного населения к ордынцам после Куликовской битвы, что не рискнуло даже доехать до Москвы. Добравшись лишь до пределов Нижегородского княжества, оно вернулось в Сарай.⁵⁶⁷

В результате эйфория Токтамыш-ша, овладевшая им после триумфального прихода к власти в Золотой Орде, сменилась раздражением. Сомнения хана в антиордынском характере действий московского князя исчезли, и теперь стало ясно, что Русь вовсе не собирается вновь признавать вассалитет от ордынского монарха. Токтамыш принял единственное решение, которое оставалось в данных обстоятельствах: он организовал поход на Русь, причем лично возглавил войска. Вероятно, хан по-прежнему считал себя великим полководцем и полагал, что его командование станет залогом успеха.

Первым делом Токтамыш приказал схватить всех русских купцов, находившихся в ордынских городах Поволжья: он не хотел, чтобы на Руси стало заранее известно о его планах. Торговцы были схвачены и ограблены, а некоторые, оказавшие сопротивление, даже убиты.⁵⁶⁸

Осенью 1382 г. хан двинулся на Русь. Первым русским княжеством на пути его войск была Рязань, правитель которой, Олег Иванович, немедленно явился к хану и принес присягу, а затем выделил припасы и проводников, показавших ханским войскам наиболее удобный путь далее. Аналогичное отношение Токтамыш встретил и в Нижегородском княжестве: князь Дмитрий Константинович не только признал ордынского хана своим повелителем, но и прислал к нему двух своих сыновей — в качестве то ли проводников, то ли заложников.⁵⁶⁹

Таким образом, Московское княжество оказалось единственным, дерзнувшим противиться воле нового повелителя Золотой Орды. Дмитрий Донской не только не явился к хану с изъявлением покорности, но и решил оказать сопротивление: оставив в столице сильный гарнизон (а также все свое семейство), он отправился в Кострому, где намеревался собрать дополнительные силы для борьбы с ханом.⁵⁷⁰

Однако великий князь не успел реализовать свой план. После того как москвичи в течение трех дней успешно отбивали штурмы ханских воинов, Токтамыш решил прибегнуть к военной хитрости, граничившей, впрочем, с прямым вероломством. Находившиеся при нем нижегородские княжичи Василий и Семен Дмитриевичи поклялись москвичам, что хан не желает разорять Москву и готов удовлетвориться сдачей города и символическим выкупом. Поверившие москвичи отправили к хану посольство, однако, когда открылись городские ворота, ханские войска ворвались в город и устроили настоящую резню. После избиения жителей и грабежа Москва была превращена в руины. Это случилось 26 августа 1382 г. Также войсками Токтамыша были взяты Серпухов, Переяславль и Коломна.⁵⁷¹

В результате были ликвидированы все положительные для Руси последствия и соглашений с Мамаем, и победы на Куликовом поле. Великому князю пришлось вновь признать зависимость от Золотой Орды и выплачивать ей «выход», а в качестве заложника к хану был отправлен княжич Василий Дмитриевич, старший сын великого князя. Впрочем, Токтамыш не лишил Дмитрия Ивановича великокняжеского титула, хотя его конфликтом с Москвой тут же попытался воспользоваться тверской князь Михаил Александрович, чтобы перехватить у Дмитрия великий стол. Более того, даже «выход» с Московского княжества был ограничен 4 000 рублей.⁵⁷² Эти действия в какой-то степени примирили хана с его московским вассалом. И после смерти Дмитрия Донского в 1389 г. его 19-летний сын был торжественно возведен на великокняжеский стол послом Токтамыша — «царевичем Уланом». Впоследствии и новый великий князь, и другие русские князья неоднократно ездили в Орду и постоянно платили «выход».⁵⁷³ В 1392 г. Токтамыш выдал Василию Московскому ярлык на владение Нижним Новгородом (чего так долго и безрезультатно добивались прежние московские князья, начиная с Ивана Калиты), а также на Тарусу и Мещеру.⁵⁷⁴

Мирные отношения с Русью оказались очень полезны для Токтамыш-хана в связи с последовавшими вскоре событиями.

V

В 1383 г. Токтамыш совершил еще одно успешное военное предприятие: он сумел вернуть Золотой Орде Хорезм. В 1361 г. хорезмские наместники из династии Суфи (они принадлежали к потомкам Узбек-хана по женской линии⁵⁷⁵) провозгласили себя независимыми правителями, не признавая власть «пришлых» сарайских ханов. В 1379 г. Тимур завоевал Хорезм и присоединил его к Улусу Чагатая. Токтамыш решил «восстановить историческую справедливость»: он вторгся в Хорезм, при полной поддержке местного населения выбил оттуда наместников Тимура и назначил правителем своего темника Сулеймана-Суфи — племянника правителей Хусайна-Суфи и Юсуфа-Суфи, свергнутых Тимуром. Токтамыш решил совершить это поступок, столь недружественный по отношению к прежнему покровителю, когда узнал, что Тимур не сможет оказать ему активное сопротивление: часть чагатайских войск сражалась в Иране, а часть была отправлена в поход на Могулистан.⁵⁷⁶ Кроме того, и сам Тимур, вероятно, сознавал, что Хорезм являлся частью Золотой Орды, и вынужден был (по крайней мере, на время) смириться с его потерей.⁵⁷⁷

После этого успеха (как оказалось, последнего в его карьере) в завоевательной деятельности Токтамыша наступило затишье, продолжившееся около трех лет. Надо полагать, в это время хан старался навести окончательный порядок в системе управления в уделах. Нумизматические данные дают основание говорить о попытке проведения им также и денежной реформы.⁵⁷⁸ В процессе этой повседневной деятельности новый хан, по-видимому, впервые выказал себя не слишком-то эффективным правителем, что не проявлялось, пока он вел активные завоевания. Первые восторги подданных по отношению к объединителю Золотой Орды стали сменяться глухим недовольством.

А в 1386 г. Токтамыш столкнулся и с первым заговором, о котором источники сохранили весьма скудные сведения. Так, согласно летописному сообщению, хан казнил свою супругу по имени «Тавлунбека».⁵⁷⁹ Этим же годом датированы и таинственные монеты с именем хана Бердибека.⁵⁸⁰ По-видимому, против Токтамыша был составлен заговор с целью замены его на троне потомком Бату. Вероятно, его участниками стали бывшие приверженцы Мамая во главе с его вдовой Тулукибек-ханум, которая в результате и поплатилась жизнью.

Некоторые участники заговора во главе с мангытским эмиром Идигу (Едигеем русских летописей) бежали и нашли прибежище

в Мавераннахре, при дворе Амира Тимура, который с этого времени стал охотно принимать ордынских царевичей и вельмож, недовольных Токтамыш-ханом — а таких год от года становилось все больше и больше.

Возможно, именно радушие правителя Чагатаева Улуса по отношению к врагам Токтамыша послужило поводом для ухудшения отношений между двумя правителями, поскольку в следующем году хан развернул боевые действия в Закавказье, предъявив права на территории, которые Железный Хромец уже считал своими. Но это был именно повод, поскольку причины активизации военной деятельности Токтамыша крылись, скорее всего, в настроениях его приверженцев: их не устраивало мирное прозябание в Сарае или Сыгнаке, им нужно было вести войска в битвы, захватывать добычу и пленников, завоевывать себе новые уделы. Поэтому Токтамышу, не желавшему, чтобы его эмиры, томясь от безделья, составляли новые заговоры, пришлось возобновить военные действия.⁵⁸¹

В результате зимой 1386 г. Токтамыш во главе ордынских войск вторгся в Ширван. Он огнем и мечом прошел по этому государству, имевшему неосторожность признать зависимость от Тимура. Тебриз, столица Ширвана некоторое время успешно отражал штурмы ордынских войск, и тогда Токтамыш вторично использовал прием, сработавший пять лет назад в Москве. Он заявил, что снимет осаду, если получит с горожан выкуп, а когда те поверили и направили к нему своих послов для переговоров, войска хана неожиданно ворвались в город и устроили избиение населения. Вскоре под властью Токтамыша оказался весь Азербайджан, и он начал здесь чеканить свою монету. Тем самым хан воплотил в жизнь чаяния сарайской знати, мечтавшей о возвращении под власть Золотой Орды этой области, потерянной в 1357 г. после смерти хана Джанибека. Торжествующий Токтамыш прибавил к своему имени почетное прозвище «бахадур».⁵⁸²

Амир Тимур, возмущенный «неблагодарностью» своего прежнего протеже, отреагировал немедленно. Поскольку он вел в это время боевые действия в Фарсе, ему не понадобилось много времени для переброски войск в Закавказье, и вскоре он, в свою очередь, оказался в Ширване. Поначалу Токтамышу удалось разгромить передовые отряды Тимура под командованием его сына Мираншаха. Однако, получив вести, что на помощь сыну движется сам чагатайский правитель, хан не рискнул вступить с ним в схватку и предпочел отступить. Кроме того, Токтамыш благоразумно отправил властелину Мавераннахра

послание, в котором все случившееся представлял как недоразумение и выражал свое уважение. В результате Азербайджан вновь был потерян для Золотой Орды.⁵⁸³

Тимур удовлетворился объяснениями Токтамыша, что было воспринято ханом как слабость. Узнав, что правитель Чагатаева улуса возобновил завоевание иранских областей, Токтамыш начал масштабную военную кампанию в самом сердце владений Тимура — в Мавераннахре. Будучи неплохим дипломатом и опытным интриганом, хан сумел убедить ряд среднеазиатских эмиров, недовольных Амиром Тимуром, начать восстание, а сам отправил им на помощь свои войска. Кроме того, из Хорезма ему на помощь также выступили воины Сулеймана-Суфи.⁵⁸⁴

Осенью 1387 г. Токтамыш и его союзники начали планомерное разорение Мавераннахра. Противостоявшие хану войска мирзы Омар-Шейха, второго сына Тимура, были разгромлены и бежали под защиту стен Самарканда. Войска Токтамыша рассыпались по округе и в течение некоторого времени грабили местное население. Самому Железному Хромцу пришлось срочно снимать войска с иранского фронта и перебрасывать их в родные края. Токтамыш, опасавшийся могущественного противника, снова не осмелился вступить с ним в бой и вывел свои силы из Мавераннахра.⁵⁸⁵ Вероятно, это была самая большая его ошибка за все время противостояния с Тимуром: на этот раз у хана были все шансы покончить с гегемонией чагатайского эмира в Средней Азии. В результате же Тимур получил возможность беспрепятственно подавить мятеж своих непокорных подданных, а затем обрушился на Хорезм.

На этот раз Железный Хромец не ограничился демонстрацией силы. Во-первых, его разгневали не только сами враждебные действия Токтамыша, но и его вероломство: ведь нападение было совершено вскоре после отправки извинительного письма, да еще и в то время, когда сам Тимур увел основные силы в Иран, и его владения остались без защиты. Во-вторых, Хорезм находился очень близко к Самарканду и Бухаре, главным городам державы Тимура, и представлял собой весьма удобный плацдарм для дальнейших ордынских нападений на Мавераннахр. Поэтому ответный ход Железного Хромца оказался быстрым и беспощадным: он осадил Ургенч, после короткой осады взял его, разграбил и разрушил до основания, приказав засеять это место зерном. Сулейману-Суфи вновь пришлось бежать к Токтамышу и довольствоваться ролью темника в его войсках.⁵⁸⁶

После второй неудачи Токтамышу стало ясно, что в борьбе с Железным Хромцом не обойтись без союзников. Хан развил бурную дипломатическую деятельность и в короткое время сумел заключить союз с влиятельными правителями мусульманского мира — египетским султаном Баркуком,⁵⁸⁷ Султаном Ахмадом Джалаири, правителем Ирана, повелителем Могулистана Хызр-Ходжой, дуглатским эмиром Кашгара Камар ад-Дином и киргизским правителем Инка-Торе. Все эти владетели, как и Токтамыш, опасались усиления Тимура, и общая опасность объединила даже таких смертельных врагов, как Хызр-Ходжа-хан и Камар ад-Дин, который некогда уничтожил почти всех родичей Хызр-Ходжи!

Понадеявшись на помощь новых союзников, Токтамыш в 1388 г. в очередной раз выступил против Тимура, собрав максимально возможное количество воинов.⁵⁸⁸ На этот раз он снова решил ударить прямо на Мавераннахр и одновременно вернуть некоторые присырдарьинские города, некогда принадлежавшие Синей Орде, но позже занятые Тимуром. После безуспешной осады хану пришлось отказаться от мысли вернуть свое первое владение Сабран, однако удалось захватить Яссы, столицу Туркестана. Но пока Токтамыш боролся за Яссы, его авангард, двигавшийся к Самарканду, был остановлен и разгромлен у Зарнука на Сырдарье войсками Тимура, которыми командовал беглый ханский родич — Тимур-Кутлуг-оглан.⁵⁸⁹

Не желая ставить под удар свои основные силы, Токтамыш приказал отступать за Сырдарью и, преследуемый конницей Тимура, зимой 1389 г. вернулся в свои владения. Между тем, Тимур, развивая свой успех, не только вернул принадлежавшие ему прежде присырдарьинские города, но и захватил Сыгнак — столицу Синей Орды. Затем последовала серия ударов против союзников Токтамыша в Центральной Азии. Тимур в очередной раз отправил войска на Могулистан, после чего Камар ад-Дин таинственно исчез (его имя с 1390 г. уже не встречается в источниках), а Хызр-Ходжа-хан был разгромлен и бежал; некоторое время спустя он решил заключить мир с Тимуром и выдал за него замуж свою дочь.⁵⁹⁰ Не смог оказать поддержку Токтамышу и египетский султан Баркук, который, как рассчитывал золотоордынский хан, был должен отвлечь часть войск Тимура в Иране: в 1389 г. Баркук был отрешен от власти сторонниками прежней мамлюкской династии Бахритов и теперь был поглощен борьбой за возвращение трона.⁵⁹¹

Токтамыш своим походом 1388–1389 гг. оказал себе очень плохую услугу, продемонстрировав и свою несостоятельность как воена-

чальника, и вероломство по отношению к прежнему покровителю Тимуру, который решил на этот раз не ограничиваться отдельными контрударами, а довершить разгром врага. В течение 1389–1390 гг. Тимур стягивал войска из всех подчиненных ему областей и в конце 1390 г. вторгся в пределы Синей Орды.

VI

Было бы неправильным представлять противостояние Токтамыша и Тимура всего лишь как результат непродуманных действий хана. Несомненно, в планы Тимура входило подчинение владений Джучидов, как и всей Центральной Азии, что вполне определенно вытекает из его последующей политики. Открытие военных действий против Золотой Орды было только вопросом времени, и Токтамыш своими деяниями всего лишь ускорил их. Настоящей же бедой для Золотой Орды стала нерешительность Токтамыша, который, видимо, переоценивал полководческие способности Амира Тимура и с самого начала кампании был настроен либо на уклонение от решительного боя, либо на поражение.

Как бы то ни было, зимой 1390/1391 г. войска Тимура вторглись в пределы Синей Орды, а проводниками у них служили царевичи Кунче-оглан и Тимур-Кутлуг, потомки Туга-Тимура, и эмир Идигу мангыт. Нет сомнения, что они не только выступили проводниками вражеского войска, но и сумели привлечь на свою сторону часть воинов Токтамыша.⁵⁹² Хан предпринял последнюю попытку договориться с Тимуром и направил к нему посольство с дарами и предложением мира, однако тот в ответ лишь упрекнул хана в неблагодарности и заявил, что больше не верит его клятвам и обещаниям.⁵⁹³

Поняв, что войны не избежать, Токтамыш во главе своей армии выступил навстречу Тимуру. На его стороне были мороз и голод, так как войска Тимура, покинув собственные владения и оказавшись на чужой территории, страдали от недостатка продовольствия и от холодов: теперь Железный Хромец сам оказался в положении, в каком пару лет назад был Токтамыш в Мавераннахре! Тимуру даже пришлось на некоторое время прекратить движение вперед и организовать серию облавных охот, чтобы накормить своих голодающих ратников.⁵⁹⁴

Однако Тимур был более харизматичным лидером, нежели Токтамыш, и умел поддерживать боевой дух своих войск, а потому не отказался от продолжения похода, как это сделал в свое время золотоордынский хан. Благодаря своим «проводникам» Тимуру удалось

выйти навстречу войскам Токтамыша там, где бой мог пройти по его плану. Сражение состоялось на р. Кондурче 15 раджаба 793 г. х. (18 июня 1391 г.). В течение долгого времени было неясно, кто одержит победу, затем нервы Токтамыша не выдержали, и он приказал отступить.⁵⁹⁵ Возможно, он намеревался сохранить часть войск и не допустить дальнейшего вторжения чагатайцев в западные области Золотой Орды. Однако, как оказалось, Тимур на этот раз вовсе и не имел таких намерений. Разорив Синюю Орду и ликвидировав тем самым угрозу нападения ордынцев с севера, он вернулся в свои владения в Мавераннахре.

Впрочем, Железный Хромец не ограничился разгромом войск Токтамыша и разорением Синей Орды: он также спровоцировал и междоусобную борьбу среди Джучидов. Находившиеся при нем царевичи Тимур-Кутлуг и Кунче-оглан вместе с эмиром Идигу обратились к Тимуру с просьбой отпустить их в Синюю Орду, чтобы они могли собрать своих приверженцев и усилить ими войска Тимура для дальнейшей борьбы с Токтамышем. Тот согласился, однако впоследствии ни Тимур-Кутлуг, ни Идигу не вернулись: они предпочли остаться в Синей Орде. Только Кунче-оглан оказался верен своему слову и с небольшим количеством приверженцев возвратился к правителю Мавераннахра. Впрочем, и он в следующем году бежал от Тимура и... явился к Токтамышу, став одним из его военачальников.⁵⁹⁶

Разгром на Кондурче означал для Токтамыша не только потерю армии и владений к востоку от Урала. Его авторитет в Золотой Орде настолько упал, что появилось сразу несколько претендентов на трон. Первым был Тимур-Кутлуг, провозгласивший себя ханом в Синей Орде. Один из военачальников Токтамыша, Бек-Пулад-оглан, бежал с Кондурчи и, не ожидая, что Токтамыш спасется, также решился объявить себя ханом и захватил Сарай.⁵⁹⁷

Однако Токтамыш был еще достаточно силен, чтобы сохранить трон. Бек-Пулад первым почувствовал на себе ханский гнев: он был разгромлен и изгнан в Крым. Токтамыш осадил узурпатора в Солхате, победил и убил.⁵⁹⁸ Однако место Бек-Пулада во главе мятежников занял Таш-Тимур, потомок крымских Туга-Тимуридов, переселенных сюда еще во времена хана Менгу-Тимура. Когда войска Токтамыша вторглись в Крым, Таш-Тимур был вынужден вновь признать власть законного хана, но сохранил значительную автономию.⁵⁹⁹ По-видимому, Токтамыш не решился окончательно расправиться с мятежным царевичем, поскольку тот, являясь потомственным владе-

телем Крыма, мог привлечь на свою сторону многочисленное местное население и оказать упорное сопротивление.

Большим политическим успехом Токтамыша стало восстановление власти в восточных уделах Золотой Орды: в 1390-е гг. он сумел примириться с эмиром Идигу (возможно, при посредничестве его брата Исы-мангыта, который был военачальником Токтамыша). Хан и Идигу заключили соглашение, по которому эмир получал всю фактическую власть в бывшей Синей Орде, освобождался от уплаты налогов и сборов и лишь номинально признавал верховенство Токтамыша.⁶⁰⁰ С помощью этого соглашения хан решал сразу две проблемы — восстанавливал (пусть даже и чисто формально) единство Золотой Орды и обеспечивал себе если не поддержку, то, по крайней мере, невмешательство Идигу в будущие конфликты с Тимуром и другими возможными противниками. Более того, Токтамыш добился еще и того, что Идигу перестал поддерживать самозваного хана Тимур-Кутлуга, поскольку получил от Токтамыша все то, к чему стремился.

Эти действия помогли Токтамышу хотя бы отчасти восстановить свою пошатнувшуюся власть и спокойствие в государстве, нарушенные вторжением Тимура. Хан даже позволил себе написать в 1392/1393 г. послание-ярлык польскому королю и литовскому князю Ягайло, в котором объявлял, что восстановил прежнее могущество, и требовал выплаты «выхода» за владение теми ордынскими областями, которые еще в 1350–1360-е гг. захватил великий князь литовский Ольгерд, отец Ягайло. Вероятно, король вполне серьезно воспринял заявления Токтамыша: упомянутый «выход» выплачивался литовскими великими князьями и польскими королями с этого времени и до середины XVII в.⁶⁰¹

VII

Вступая в переговоры с Польшей и Литвой, Токтамыш имел целью не только получить «выход» с южнорусских земель, которые считал своими. Кроме того, хан продолжал дипломатическую борьбу в целях создания союза против Тимура. Его усилия поддержал, наконец, и султан Египта, который приказал убить прибывшего к нему посла Тимура.⁶⁰² Аналогичные переговоры Насир ад-Дин Махмуд Токтамыш вел не только с еще одним «правоверным» мусульманским государем — османским султаном Баязидом I Молниеносным, но также и с «неверным» царем Грузии Георгием VII.⁶⁰³

Дипломатические успехи Токтамыша серьезно обеспокоили Тимура, который понял, что одного похода против Золотой Орды оказалось

недостаточно, чтобы покончить с опасным противником. В 1394 г. Железный Хромец совершил очередной поход на Грузию, придав ему характер газавата («священной войны»). Однако Токтамыш, вдохновленный своими успехами в сфере дипломатии, выступил ему навстречу, преградил путь через Дербент и даже вновь сумел захватить Ширван.⁶⁰⁴

Тем не менее, в 1395–1396 гг. Тимур осуществил второе нашествие в ордынские земли. На этот раз он двинулся не на разоренные предыдущим вторжением восточные улусы, а в богатое Поволжье. Через свои закавказские владения Железный Хромец направился в самый центр владений Токтамыша. Хан после бесплодных попыток убедить Тимура отказаться от похода был вынужден собрать войска и выступить навстречу противнику. Токтамыш, как разумный правитель и военачальник, решил не допустить врага вглубь своих владений и поэтому преградил ему путь на границе — на р. Терек, где 15 апреля 1395 г. и состоялось одно из крупнейших сражений на пространстве бывшей Монгольской империи.

Битва продолжалась два дня, причем инициатива большую часть времени была на стороне Токтамыша. Однако, несмотря на стойкость в этой битве (столь необычную для него), хан вновь потерпел поражение. Впрочем, вины его в этом не было: видимо, таланты военачальников Тимура оказались выше, чем ордынских полководцев.⁶⁰⁵ На этот раз разгром Золотой Орды был полным: армия хана практически перестала существовать, а сам он бежал, причем в течение нескольких месяцев о нем не было ничего слышно. Возможно, он провел некоторое время на территории Молдавии — впоследствии именно там осела часть его войск, поступившая на службу к местному господарю.⁶⁰⁶

Тимур, разгромив врага, решил не допускать прежней ошибки: чтобы не дать Токтамышу возможности собрать новые войска, чагатайский правитель совершил опустошительный рейд по всему Поволжью, разорил города, поселения и торговые пути от Булгарии до Хаджи-Тархана и Азака, превратив эти богатые и развитые районы в пустыню. Отряды Тимура разорили Крым и дошли до Руси: был полностью разрушен город Елец, а передовые отряды чагатайских войск вступили даже в пределы Московского великого княжества. Захватив огромную добычу и, по некоторым сведениям, целые сотни тысяч пленных, Тимур покинул пределы Золотой Орды.⁶⁰⁷

На развалинах Сарая — некогда великолепной столицы хана Узбека! — был провозглашен ханом ставленник Тимура — Койричак-оглан,

сын Урус-хана.⁶⁰⁸ Впрочем, его власть распространялась лишь на остатки города и пригороды, в регионах же Золотой Орды царила полная анархия. Дошло даже до того, что русские князья осмелились вновь выступить против Орды: в октябре 1395 г. царевич Ентяк, владетель Казани, вместе с нижегородским княжичем Семеном Дмитриевичем захватил Нижний Новгород, в ответ на что Василий Московский выслал против них войска, которые изгнали захватчиков и в течение ноября 1395 — февраля 1396 гг. разоряли ордынские владения на Волге.⁶⁰⁹

Только в 1396 г. Токтамыш вновь заявил о себе: во главе своих приверженцев он появился в Крыму и, наконец, покончил с Таш-Тимуром, который в это время вновь провозгласил себя ханом. По одним сведениям, Таш-Тимур был убит, по другим — бежал к Тимуру в Мавераннахр.⁶¹⁰ Сам Токтамыш решил на некоторое время удовлетвориться ханской властью в пределах полуострова. Укрепляя свою власть в Крыму, он вступил в какой-то конфликт с кафинскими генуэзцами, возможно, поддержавшими узурпатора Таш-Тимура: источники сообщают, что Токтамыш осаждал Кафу в 1397 г.⁶¹¹

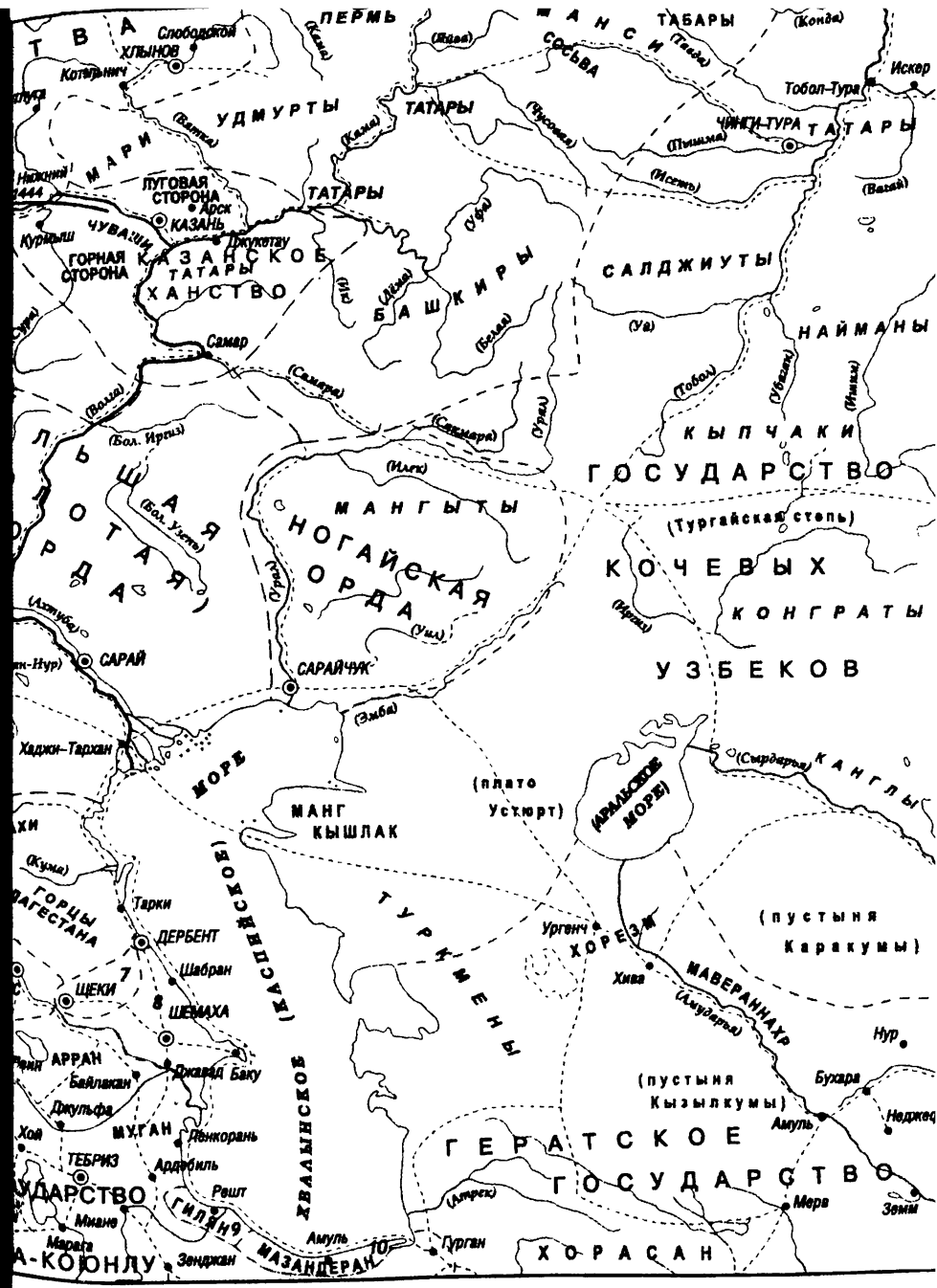
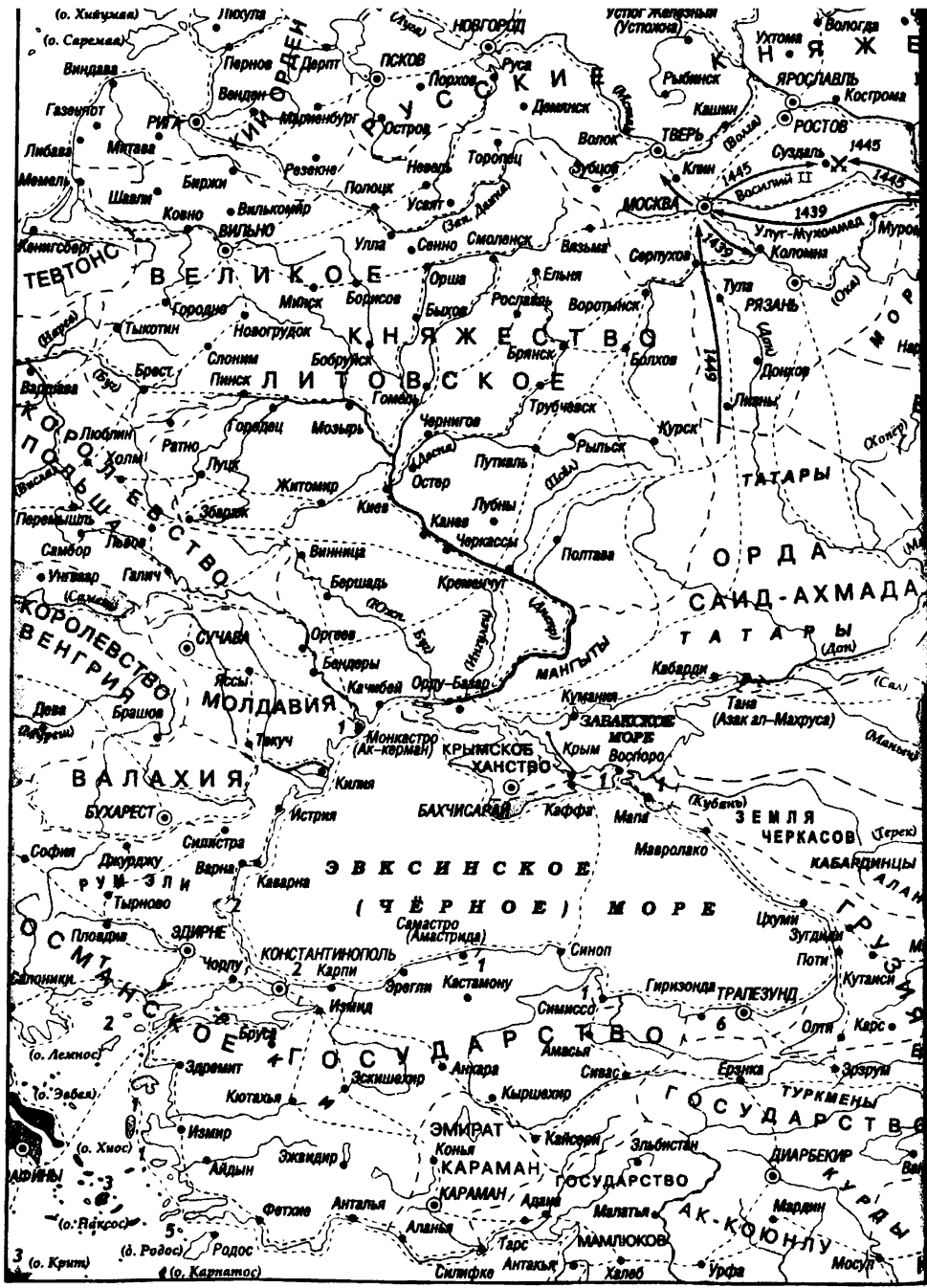
Между тем, в Сарае произошел новый переворот: оставшись без поддержки Тимура, Койричак-хан оказался неспособен противостоять многочисленным противникам и в 1397 г. был свергнут Тимур-Кутлугом и Идигу-мангытом, которые вновь заключили союз. Тем не менее, и победители понесли потери, поэтому некоторое время спустя Токтамыш рискнул перехватить у них сарайский трон и даже снова отправил своих послов к рязанскому великому князю Олегу Ивановичу.⁶¹² Однако торжество хана оказалось весьма недолгим: в том же богатом событиями 1397 г. Тимур-Кутлуг и Идигу выбили Токтамыша из столицы. Подчинив своей власти все Поволжье, они решили окончательно добить своего врага и во главе своих основных сил вторглись в Крым, где он нашел временное убежище. Токтамыш был вынужден бежать и с полуострова. Излишне говорить, что местное население не выразило намерения лечь костями за того, кто разгромил и выгнал из Крыма их потомственного правителя Таш-Тимура!

Но даже этот разгром не заставил Токтамыша отказаться от попыток вернуть себе верховную власть. На рубеже 1397/1398 гг. он очутился в литовских владениях, и великий князь Витовт, двоюродный брат польского короля Ягайло, выделил ему земли под Каневом и Черкасами.⁶¹³ Хан заключил с Витовтом соглашение, текст которого (вероятно, «в вольном пересказе») дошел до нас в составе русских ле-

тописей: «Поидемъ пленити землю Татарскую, победимъ царя Темиръ-Кутлуя, возьмемъ царство его и разделимъ богатство и именіе его, и посадимъ во Орде на царстве его царя Тахтамышя, и на Кафе, и на Озове, и на Крыму, и на Азтракани, и на Заяицкой Орде, и на всемъ приморіи, и на Казани; и то будетъ все наше и царь нашъ, а мы не точію Литовскою землею и Полскою владети имама, и Северою, и Великимъ Новымъ городомъ, и Псковомъ, и Немцы, но и всеми великими княженіи Русскими, и со всехъ великихъ князей Русскихъ учнемъ дани и оброку имати». ⁶¹⁴ Как видим, Витовт и Токтамыш фактически делили между собой территорию почти всей Евразии! Дело оставалось за малым: нужно было «всего-навсего» победить Тимур-Кутлуга, занимавшего в это время ханский трон, и его бекляри-бека Идигу.

Витовт собрал войска, Токтамыш также созвал всех своих сторонников, и союзники двинулись в золотоордынские владения. На р. Ворскле их встретили войска Тимур-Кутлуг-хана. Поскольку Идигу и значительная часть ордынских войск еще не подошли, хан сумел затянуть переговоры и даже соглашался с беспрецедентными требованиями Витовта: он готов был признать себя «сыном» литовского князя, платить ему дань и чеканить монету с его портретом. Увлечшиеся торгом, Токтамыш и Витовт позволили Тимур-Кутлугу дожидаться подхода Идигу, который немедленно прервал переговоры и 12 августа 1399 г. начал битву. ⁶¹⁵

До сих пор остается непонятным, как превосходящие по численности литовские войска, имевшие на вооружении даже артиллерию и занимавшие, к тому же, выгодную позицию, потерпели сокрушительное поражение. Виновником разгрома, судя по всему, стал опять Токтамыш — на этот раз из-за несогласованности действий со своим союзником. Идигу решил окружить противника, и Токтамыш, разгадав этот маневр, поспешил со своими войсками в тыл, чтобы не дать замкнуть круг. Витовт, не поставленный в известность о причине его действий, решил, что ордынские союзники бегут с поля боя, и сам приказал отступать. Отступление вскоре превратилось в повальное бегство, во время которого войска Тимур-Кутлуга и Идигу сумели перебить значительное число литовцев. Полегло немало русской, польской и литовской знати, среди погибших оказались даже герои Куликовской битвы — князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи и Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. ⁶¹⁶ Таким образом, победа Тимур-Кутлуга на Ворскле в какой-то степени могла считаться реваншем за разгром Мамаю на Куликовом поле!

Карта 7. Распад Золотой Орды, 1450-е гг. (автор – Астайкин А. А.).

1 Владения Генуи, 2 Византийская империя, 3 Владения Венеции, 4 Герцогство Савойское, 5 Орден Иоаннитов, 6 Трапезундская империя, 7 Княжество Шеки, 8 Государство ширваншахов, 9 Гилян, 10 Мазандеран. Границы государств нанесены на 1450 г.

VIII

Естественно, ни о каком дальнейшем союзе с Витовтом после столь скандального разгрома не могло идти и речи. Токтамыш едва успел унести свою голову из владений разъяренного литовского князя, виновшего хана в поражении. Путь Токтамыша лежал на восток, в восточные степи, где теперь царило безвластие — ведь Тимур-Кутлуг и Идигу всеми силами старались сохранить безопасность западных границ Золотой Орды.

В результате Токтамышу удалось в очередной раз собрать своих сторонников, и, по некоторым сведениям, именно он стал основателем Тюменского юрта, из которого впоследствии выросло Сибирское ханство.⁶¹⁷ Его деятельная натура не могла смириться с тем, что сарайский трон потерян им навсегда, и хан продолжил борьбу за верховную власть.

Казалось, Токтамышу вновь может улыбнуться удача: в 1400 г. молодой еще Тимур-Кутлуг-хан таинственно скончался, и его сменил совсем юный двоюродный брат Шадибек. Кроме того, сарайские властители умудрились окончательно рассориться с Тимуром, который, по слухам, вновь был готов совершить поход на Золотую Орду. Однако, по мере того как менялись ханы и снижался авторитет верховной власти, крепла власть фактического правителя Золотой Орды — бекляри-бека Идигу, который стал к этому времени главным противником Токтамыша. В течение 1400–1405 гг. между ними произошло не менее полутора десятков сражений, заканчивавшихся с переменным успехом.⁶¹⁸

В конце 1404 г. отношения между Идигу и Тимуром превратились в откровенно враждебные. Токтамыш углядел в этом свой шанс и немедленно отправил к Тимуру своих послов с письмом, в котором писал следующее: «За все плохое, что я сделал, получил сполна, все обернулось против меня. Если государь окажет милость, сжалится и простит мою вину, впредь никогда я таких дел не буду делать. И пока я жив, ничего, кроме служения ему, не буду делать». Железный Хромец на этот раз поверил Токтамышу. Многократно битый, хан уже не был тем самонадеянным юнцом, легко захватившим ханский трон и готовым броситься на любого противника. Теперь Тимуру предстояло иметь дело с достаточно пожилым и опытным правителем, который трижды подумает, прежде чем решится предпринять какие-то действия. И он выразил намерение помочь Токтамышу, как только завершит свой поход в Китай.⁶¹⁹ Но 18 февраля 1405 г. Тимур скончался, едва начав запланированный поход. Его смерть стала ударом

для Токтамыша, который на этот раз, видимо, понял, что больше не сможет рассчитывать ни на чью поддержку.

Поняли это и его противники Шадибек-хан и Идигу, которые в течение 1405–1406 гг. все туже и туже сжимали кольцо вокруг владений бывшего хана Токтамыша. На рубеже 1406–1407 гг. хану, однако, удалось нанести серьезное поражение Идигу.⁶²⁰ Но вскоре тот собрал новые войска и обрушился на расположенную в верховьях Тобола ставку Токтамыша, совершенно не ожидавшего нападения. В завязавшейся схватке Токтамыш-хан был убит. По одним сведениям, его убил Идигу, под другим — его старший сын Нур ад-Дин, по третьим — сам хан Шадибек.⁶²¹

Многочисленные сыновья Токтамыша сумели спастись: одни бежали в Литву, другие нашли убежище в Москве. Они унаследовали энергию отца и его претензии на власть, так что последующие полтора десятилетия истории Золотой Орды представляли собой бесконечную череду попыток «Тохтамышевичей» занять трон, некогда принадлежавший их родителю. Но ни один из отпрысков Токтамыша ни унаследовал отцовских организаторских способностей и умения привлекать к себе многочисленных сторонников, да и за власть они боролись чаще между собой. Поэтому все эти годы фактическая власть в Золотой Орде принадлежала давнему недругу Токтамыша — Идигу-мангыту.

ОЧЕРК ТРИНАДЦАТЫЙ
ЕДИГЕЙ, ИЛИ ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА
ВОЗРОДИТЬ ВЕЛИКУЮ ОРДУ
(ВРЕМЕНЩИК, 1397–1411/1419)

У политики нет сердца, а есть только голова.

Наполеон Бонапарт

Личность и деятельность мангытского бия Идигу (Едигея русских летописей) полны противоречий. Многократно предававший своих повелителей, он, тем не менее, пользовался их доверием. Даже борясь за власть в Золотой Орде, он находил время для создания собственного Мангытского юрта, который спустя полвека после его смерти превратился в могущественную Ногайскую Орду. Находясь же на пике могущества, Идигу вдруг потерпел полный крах и лишился всего — власти, владений, а затем и жизни. Но даже и после смерти его имя надолго осталось в народной памяти; он стал героем эпосов многих народов — чего не удаивались даже многочисленные ханы-Чингизиды.

I

Согласно позднейшей историографической и особенно эпической традиции, отцом Идигу был некий Кутлукья, потомок Ходжа-Ахмада Баба-Туклеса — полулегендарного распространителя ислама в Дешт-и Кипчаке, который, в свою очередь, возводил свою родословную аж к первому арабскому халифу Абу Бакру, тестю и преемнику пророка Мухаммада.⁶²² Однако на самом деле Идигу был сыном эмира Балтычака из племени мангыт и принадлежал к кругам, близким к «Золотому роду»: его сестра была замужем за царевичем Тимур-беком из рода крымских Туга-Тимуридов.⁶²³

Отец Идигу долгое время играл второстепенные роли на политической сцене, и только на закате жизни ему повезло: он стал бекляри-

беком Синей Орды. Его предшественник, эмир Казанчи, бекляри-бек при хане Уруссе, некоторое время успешно сражался с претендентом на трон Токтамышем (однажды даже лично ранив его в сражении),⁶²⁴ но когда трон перешел к Тимур-Малику б. Уруссу, Казанчи, недовольный распутным поведением нового хана, как и многие другие эмиры, перебежал к Токтамышу. Тогда-то, в 1378 г. пост бекляри-бека и был пожалован Балтычаку, оставшемуся верным законному хану.⁶²⁵ На службе у ханов Синей Орды состоял и Иса, старший сын Балтычака.

Сам же Идигу, родившийся в 1352 г.,⁶²⁶ не имел возможности воспользоваться преимуществами положения сына бекляри-бека: еще ранее, около 1376 г., он бежал от Урус-хана и нашел прибежище у Амира Тимура.⁶²⁷ Можно лишь гадать о причинах его бегства: в источниках о них не сообщается. Как бы то ни было, при дворе Тимура в Самарканде Идигу сошелся с Токтамышем, с которым деятельно сотрудничал последующее десятилетие. Вероятно, вместе с Токтамышем он участвовал в борьбе с Тимур-Маликом и завоевании Синей Орды.⁶²⁸

После того как Тимур-Малику изменили почти все его эмиры и войска, и он бежал, а потом был схвачен и передан Токтамышу, его бекляри-бек Балтычак до последнего оставался при своем повелителе. Отец Идигу отказался перейти на службу к Токтамышу и в качестве последней милости попросил, чтобы его казнили и похоронили вместе с его ханом. Его желание было исполнено: он был казнен, и его тело опустили в могилу, предназначенную для Тимур-Малик-хана.⁶²⁹ Ни Идигу, ни его старший брат Иса не попытались воспрепятствовать казни своего отца (хотя, возможно, именно они уговорили Токтамыша предложить Балтычаку поступить к нему на службу). Впрочем, нет сведений и о том, что они как-то были виновны в его смерти — в отличие, например, от Казанчи-бахадур, который, согласно источникам, собственноручно казнил своего отца, чтобы продемонстрировать верность Токтамышу.⁶³⁰

В течение ряда лет Идигу и Иса находились при Токтамыш-хане, принимали участие в его борьбе за объединение Золотой Орды и затем вместе с ним обосновались, наконец, в Сарае. Идигу женился на Джаныке-ханум, дочери Токтамыша, и вместе с братом занимал высшие места при ханском дворе. Ряд средневековых авторов упоминает «мангытских смутьянов», которые в 1380-е гг. пользовались огромным влиянием при Токтамыше, оттеснив на второй план могущественных

прежде эмиров из племен бахрин и кунграт — вероятно, это и были Идигу со своим братом.⁶³¹

Однако некоторое время спустя (опять же, по невыясненным причинам) Идигу разочаровался в своем повелителе.⁶³² По-видимому, причиной тому была не слишком удачная, по мнению Идигу, карьера — ведь ему не удалось занять при Токтамыше желанный пост бекляри-бека, который получил сначала некий Али-бек, а затем вышеупомянутый Казанчи-бахадур.⁶³³ В результате, когда против Токтамыша в 1386 г. был составлен заговор — предположительно с целью возвращения трона потомкам Бату, — Идигу принял в нем самое деятельное участие. Однако заговор был раскрыт и подавлен, и Идигу пришлось бежать. Интересно, что его старший брат Иса (по-видимому, столь же ревностный служака, как и их отец), в заговоре участия не принимал и до последнего оставался верным Токтамышу.⁶³⁴

Идигу вновь нашел убежище при дворе своего прежнего покровителя Амира Тимура, при поддержке которого установил связи с другими аристократами, недовольными правлением Токтамыша.⁶³⁵ В 1388 г. к Тимуру из Золотой Орды бежали также Чингизиды Кунче-оглан и, что было особенно важно для Идигу, Тимур-Кутлуг, приходившийся мангытскому эмиру родным племянником — сыном его сестры.⁶³⁶

С их помощью Идигу принялся настраивать Железного Хромца против Токтамыша. Впрочем, ему не пришлось прилагать для этого больших усилий: как мы помним, Токтамыш и сам прекрасно справился с этим, разжегши сначала недовольство повелителя Мавераннахра, а затем и спровоцировав открытую войну.

II

Шанс отомстить хану Золотой Орды за свои истинные или мнимые обиды появился у Идигу в 1390–1391 гг., когда Железный Хромец выступил в первый поход против Токтамыша. Амир Тимур планировал лишить хана власти над восточным крылом его владений — Синей Ордой. Во главе многочисленных войск он вторгся в Восточный Дешт-и Кипчак, население которого некогда первым признало власть Токтамыша, и двинулся в глубь ордынской территории.

Идигу и два его единомышленника, Кунче-оглан и Тимур-Кутлуг, выступили в качестве «проводников» Тимура,⁶³⁷ однако вряд ли их роль и в самом деле ограничилась только этим. Они не только прилекли на свою сторону ряд местных племен и эмиров, но и установили связь с военачальниками Токтамыша. В результате, как сам

хан впоследствии жаловался в послании к польскому королю Ягайло, в разгар битвы с Тимуром на р. Кондурче в 1391 г. несколько ордынских военачальников изменили своему хану и бежали с поля боя, из-за чего Токтамыш потерпел поражение и потерял контроль над Синей Ордой.⁶³⁸

Отметим, однако, что Идигу в данном случае можно было считать изменником своему хану, но вряд ли — своему народу и своей стране. Во-первых, ханские военачальники, вступившие в сговор с Идигу, не присоединились к чагатайским войскам, а всего лишь оставили своего хана и ушли на запад. Во-вторых, вскоре после поражения Токтамыша ордынские беглецы при дворе Амира Тимура обратились к своему покровителю с просьбой отпустить их «собрать свой улус», т. е. своих приверженцев, и поклялись, что вернуться к нему, Тимуру, на службу. Когда же Железный Хромец их отпустил, все трое занялись созданием собственных улусов и совершенно не собирались возвращаться в Мавераннахр.⁶³⁹

Источники весьма скупо освещают последующие события в Восточном Деште. По-видимому, прежние друзья по несчастью, Тимур-Кутлуг и Кунче-оглан, не сумели поделить власть в Синей Орде, поскольку имели равные права на ханский трон, и ни один не собирался уступать другому. Идигу, сплотивший вокруг себя немалое число приверженцев из разных племен, решил поддержать своего племянника, что и решило исход соперничества: Кунче-оглану пришлось, несолоно хлебавши, вернуться к Тимуру, и номинально власть над Синей Ордой перешла к Тимур-Кутлугу.⁶⁴⁰

Между тем, Идигу, демонстративно поддержав своего племянника, на самом деле вовсе не собирался служить ему — у эмира были совершенно другие планы. Поэтому очень скоро он откололся от Тимур-Кутлуга, оставшегося с небольшим количеством сторонников, и бросил клич своим сородичам-мангытам, чтобы они переселялись на земли между Уралом и Эмбой из всех прочих областей Золотой Орды. Многие отозвались на его призыв, бросив Токтамыша, утратившего популярность после поражения на Кондурче. Однако Идигу, несмотря на свою принадлежность к племенной аристократии и даже родство с ханским семейством, все же не пользовался безоговорочной поддержкой соплеменников, поэтому к нему явились далеко не все мангыты. Даже Иса, родной брат Идигу, не отреагировал на его зов и остался при Токтамыш-хане.

Впрочем, и у Идигу были определенные козыри, которыми он умело пользовался, переманивая к себе подданных Токтамыша. Во-

первых, он был ханским зятем и, к тому же, пользовался поддержкой Железного Хромца. Во-вторых, сам Идигу был личностью харизматичной, обладал запоминающейся внешностью и способностью привлекать к себе людей. Арабский историк Ибн Арабшах оставил его словесный портрет: «Был он очень смугл лицом, среднего роста, плотного телосложения, отважен, страшен на вид, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой пронизательности и сообразительности, любитель ученых и достойных людей...»⁶⁴¹ Перечисленные качества позволили Идигу добиться того, что многие племена Дешт-и Кипчака признали его лидерство. И это дало ему прекрасную возможность самому выбирать, кого поддержать и к кому присоединиться. А необходимость принять такое решение была.

III

Став в начале 1390-х гг. во главе крупных сил, разноплеменных, но объединенных его авторитетом, Идигу занялся созданием собственного, практически независимого «княжества». Поскольку он предпочел опираться на своих соплеменников-мангытов, новое образование получило в источниках название «Мангытский юрт». Идигу привлекал к себе людей также и тем, что сулил им облегчение налогового бремени, которое существовало во владениях Токтамыша, отчаянно нуждавшегося в деньгах для продолжения борьбы с Тимуром.

Однако, несмотря на все свои прекрасные качества, покровительство сильных мира сего и родовые связи, Идигу не принадлежал к «Золотому роду». Для придания легитимности своей власти в Мангытском юрте он должен был получить официальное признание со стороны хана-Чингизида. Без такого признания ни одно «княжество» не имело перспектив долгого существования (воспоминания о судьбе авантюристов Пулад-Тимура из Булгара или Хаджи-Черкеса из Хаджи-Тархана, пытавшихся править независимо, еще не успели выветриться из памяти ордынцев!). Даже противоборствующие огланы-Джучиды могли объединиться против Идигу, чтобы наказать представителя «черной кости», посягнувшего на их прерогативу — верховную власть. Наилучшим выходом из такой ситуации было решение поддержать одного из них, признать (о, конечно, чисто номинально!) его власть и с его помощью противостоять остальным.

Но кого именно? Уж явно не Тимур-Кутлуга, не Кунче-оглана и, тем более, не Койричака — сына Урус-хана, также бежавшего к Тимуру после того, как Токтамыш окончательно рассорился с Железным Хромцом. Владения этих трех претендентов на трон, даже

вместе взятые, были куда меньше, чем Мангытский юрт! И Идигу решил... вступить в переговоры с Токтамышем, которого сам же ранее предал! Мангытский эмир не без оснований рассчитывал, что хан, уже не раз испытавший горечь поражений и отчаянно нуждавшийся в поддержке, сумеет переступить через свою гордость и ненависть к предателю и станет теперь гораздо сговорчивее.

Политическое чутье не подвело Идигу: Токтамыш, и в самом деле сильно нуждавшийся в союзниках для борьбы с Тимуром и сепаратистами или хотя бы в нейтралитете влиятельных эмиров, с готовностью пошел на условия Идигу. А условия были весьма и весьма амбициозны: бывший эмир, а ныне глава Мангытского юрта, выпросил у хана тарханство (освобождение от уплаты налогов) на все свои владения и заставил его фактически отказаться от контроля над Синей Ордой и убрать оттуда своих чиновников — даруг и сборщиков налогов. Фактически Токтамыш санкционировал отпадение от Золотой Орды всех ее территорий к востоку от Урала и передал их под контроль Идигу.⁶⁴² Взамен мангытский предводитель номинально признавал себя подданным хана Токтамыша и обязывался не поддерживать его врагов. Это было особенно важно в тех условиях, когда хан в любой момент мог ожидать нового вторжения Амира Тимура.

Такие отношения на тот момент устраивали обоих: хан обеспечил себе нейтралитет влиятельного и злопамятного эмира и даже бескровно вернул себе власть (хотя и чисто формально) над отпавшим Восточным Дешт-и Кипчаком, что тоже способствовало восстановлению его изрядно пошатнувшегося авторитета. Идигу, со своей стороны, признав себя подданным самого могущественного из противоборствующих Джучидов, обезопасил свой Мангытский юрт от посягательств других царевичей, которых в это время в Степи было немало. Более того, часть Джучидов восточного крыла, по-видимому, вынуждена была признать власть Идигу и поступиться в его пользу некоторыми своими привилегиями.⁶⁴³

К чести Идигу, впрочем, надо сказать, что он скрупулезно выполнял свою часть соглашения. На протяжении нескольких лет он не вмешивался в дела Токтамыша и не вступал в сговор с его врагами. Так, в 1395 г., когда Амир Тимур в очередной раз выступил в поход против хана, разгромил его на Тереке, а затем разорил западное крыло Орды, Идигу не воспользовался случаем и не напал на хана с тыла. А что он не пришел к Токтамышу на помощь и не прислал ему воинов для борьбы с Тимуром, так это и не предусматривалось условиями их соглашения...

IV

Нашествие Тимура на Золотую Орду в 1395–1396 гг. существенно изменило расстановку сил в Дешт-и Кипчаке и дало Идигу шанс, которого он ждал всю жизнь. Он приступил к решительным действиям, вскоре вознесшим его на вершины власти в державе Джучидов.

Хан Токтамыш был разгромлен и лишился власти. Ханский трон Тимур передал своему ставленнику Койричаку, сыну Урус-хана. Свержение Токтамыша лишало юридической силы его соглашение с Идигу, и теперь мангытскому эмиру было необходимо заключить договор с новым ханом.

И вновь Идигу стал перед выбором — кого именно поддержать. Кандидатура ничтожного монарха Койричака его не устраивала по нескольким причинам. Во-первых, без поддержки Железного Хромца власть этого хана ограничивалась Сараем и его округой. Во-вторых, признание ставленника Амира Тимура могло дискредитировать самого предводителя Мангытского юрта. Наконец, в-третьих, Койричак был, ко всему прочему, сыном Уруса, с семейством которого у Идигу были далеко не безоблачные отношения. Эти соображения заставили Идигу вновь сблизиться со своим племянником Тимур-Кутлугом и признать его ханом Золотой Орды. После возведения на трон Тимур-Кутлуга мангытский эмир наконец-то стал бекляри-беком. На меньшее Идигу не согласился бы, да и число его приверженцев среди сторонников Тимур-Кутлуга было преобладающим.⁶⁴⁴

Свержение Токтамыша и последовавшая анархия в Золотой Орде сделали Идигу самым влиятельным правителем в распадающейся Золотой Орде. Поддержка им легитимного представителя ханского рода привлекла к бекляри-беку много новых сторонников, среди которых был и его старший брат Иса, прежде верно служивший Токтамышу: после того как этот хан лишился трона, Иса счел свои обязательства перед ним выполненными и с чистой совестью присоединился к брату и поддерживаемому им Тимур-Кутлуг-хану.⁶⁴⁵

Значительно усилив войска бывшими сторонниками Токтамыш-хана, Идигу и Тимур-Кутлуг развязали военные действия против Койричака. Покорение Поволжья они начали с захвата Хаджи-Тархана. Захватив город, союзники созвали курултай, на котором состоялась официальная церемония коронации Тимур-Кутлуга и возведения Идигу в ранг бекляри-бека.⁶⁴⁶ Затем они двинулись на Сарай и в 1397 г. без особого труда выбили оттуда Койричака.⁶⁴⁷ Возможно, сам Койричак погиб в этом бою или чуть позже, поскольку больше упоминаний в источ-

никах о нем не встречается. Таким образом, Тимур-Кутлуг воцарился в Сарая и был *de jure* признан ханом всей Джучидской державы.

С этим не мог смириться Токтамыш, также стремившийся вернуть трон Золотой Орды. В 1396 г. ему удалось восстановить свою власть в Крыму, и он почувствовал себя настолько уверенно, что вновь стал подумывать о захвате столицы. На рубеже 1397–1398 гг. Токтамыш предпринял рискованную попытку захватить Сарай и даже преуспел в этом: выбрав момент, когда Идигу с основными силами в столице не было, по уговору с некоторыми столичными эмирами он занял город. Однако вскоре бекляри-бек подошел к столице, и Токтамыш был вынужден снова оставить ее — на этот раз уже навсегда.⁶⁴⁸

Идигу прекрасно понимал, что неугомонный Токтамыш не остановится в своих попытках вернуть трон, и решил не ограничиваться его изгнанием из Сарая и Поволжья. Вместе с Тимур-Кутлугом бекляри-бек вторгся в Крым, разгромил Токтамыша и заставил бежать в литовские владения, после чего осадил Кафу, принадлежавшую генуэзским сторонникам свергнутого хана, и заставил местных жителей признать власть Тимур-Кутлуг-хана.⁶⁴⁹ Таким образом, к 1398 г. практически вся Золотая Орда находилась под контролем Идигу и его ставленника на троне.

Годом позже, в 1399 г., Идигу и Тимур-Кутлуг нанесли сокрушительное поражение Токтамышу и его союзнику литовскому князю Витовту на р. Ворскле. Обстоятельства изначально складывались не в пользу новых властителей Золотой Орды: Идигу с основными силами улаживал какие-то дела на востоке страны, и Тимур-Кутлуг вынужден был в одиночку противостоять превосходящим силам Витовта и Токтамыша. Литовский государь потребовал от хана беспрецедентных уступок: Тимур-Кутлуг должен был признать себя данником Витовта и чеканить монету с его портретом. Хан, оказавшийся не столь уж неопытным дипломатом, сделал вид, что соглашается на эти условия, и три дня затягивал переговоры, дожидаясь подхода бекляри-бека. Когда же подошел Идигу с основными силами, он сразу же вмешался в переговорный процесс и потребовал аналогичных уступок от самого Витовта: платить Золотой Орде дань и чеканить монеты с ханским именем. В летописных источниках сохранился исторический анекдот, связанный с этими переговорами, на которых якобы лично встретились Витовт и Идигу. Витовт возмущенно отверг последнее условие, заявив, что не может проставлять имя хана на своих монетах, потому что тот, дескать, моложе его; на это Идигу

с легкостью парировал, что сам он гораздо старше Витовта, так пусть, мол, князь чеканит на своих монетах его, бекляри-бека, имя!⁶⁵⁰

Имел этот анекдот историческую основу или нет, ясно одно: Идигу решительно свернул переговоры и продемонстрировал намерение сражаться. В битве, состоявшейся 12 августа 1399 г., литовское войско понесло сокрушительное поражение, а его остатки бежали, причем сами Токтамыш и Витовт отступили одними из первых. Разгром вооруженных сил Литовского княжества открыл для ордынцев путь в земли Подолии, которые со времени захвата их Ольгердом в 1362 г. являлись яблоком раздора между Золотой Ордой и Литвой. Тимур-Кутлуг подошел к Киеву и взял с него 3 000 руб. в качестве откупа от разорения. Некоторые подольские города также сумели откупиться от хана, тогда как другие области вплоть до Луцка подверглись разорению и уничтожению.⁶⁵¹

Поражение на Ворскле заставило Витовта отказаться от планов дальнейших завоеваний на востоке: еще около 15 лет он не вмешивался в золотоордынские дела. Кроме того, был поставлен крест на его союзе с Токтамышем, которого литовский князь посчитал главным виновником поражения.

Между тем, сам Токтамыш по-прежнему, не собирался опускать руки и отказываться от борьбы за ханский трон. Он проявил чудеса изворотливости и удивительные организаторские способности, сумев пробраться сквозь владения Идигу на восток. Около 1400 г. ему удалось создать в Чинги-Туре (Тюмени) небольшое, но независимое государство, позднее известное под названием Тюменского юрта (ставшего основой для создания впоследствии Сибирского ханства). Как мы помним, в течение ряда лет Токтамышу удавалось не без успеха отражать нападения Идигу.

До бекляри-бека стали доходить тревожные слухи о том, что бывший хан вновь ищет сближения с Амиром Тимуром, с которым у самого Идигу в последнее время были сильные нелады. Мангытский эмир решил предупредить намерения Токтамыша и восстановить отношения с властелином Мавераннахра: он несколько раз отправлял к нему богатые дары и вежливые послания, в которых именовал себя сыном Железного Хромца.⁶⁵² Поскольку Идигу являлся всего лишь эмиром, а не монархом, подобное признание «сыновнего статуса» нисколько не умаляло ни его достоинства, ни престижа Золотой Орды.

Впрочем, выражаемая на словах лояльность к Тимуру нисколько не помешала Идигу сразу после его смерти в начале 1405 г. развязать

военные действия против его наследников и добиться значительных успехов. В 1406 г. Идигу выбил тимуридских наместников из Хорезма, давнего владения Золотой Орды, и назначил его правителем сначала своего эмира Анка, а в 1409 г — своего собственного сына Мубарак-шаха.⁶⁵³

V

На рубеже 1399–1400 гг. в Золотой Орде произошла очередная смена монарха: при довольно таинственных обстоятельствах скончался молодой еще хан Тимур-Кутлуг. По официальной версии Тимур-Кутлуг умер от пьянства,⁶⁵⁴ однако есть все основания полагать, что Идигу решил избавиться от племянника, который в последнее время демонстрировал явное стремление к самостоятельности и не желал более мириться с опекой своего дядюшки и первого министра.⁶⁵⁵ На трон был возведен Шадибек (Шади-оглан) б. Кутлуг-бек, юный двоюродный брат Тимур-Кутлуга: слишком молодой для того, чтобы проводить самостоятельную политику, он был самой подходящей кандидатурой с точки зрения Идигу, который и при нем сохранил пост бекляри-бека. Его власть была настолько сильной, а авторитет настолько непоколебимым, что в иностранных государствах даже считали, что в Золотой Орде ханствует именно он, Идигу.⁶⁵⁶

Решив внутренние проблемы, мангытский эмир позволил себе полностью сосредоточиться на борьбе с Токтамышем, которая продолжалась с переменным успехом в течение 1400–1406 гг., т. е. почти все правление Шадибека. В конце концов, зимой 1406–1407 гг. войска Идигу неожиданно напали на лагерь Токтамыша в низовьях Тобола, и во время этого нападения свергнутый хан был убит.⁶⁵⁷ Шадибек-хан, успевший за эти годы повзрослеть, решил приписать победу над Токтамышем исключительно собственным заслугам. Кроме того, и этот хан, в свою очередь, начал тяготиться зависимостью от всемогущего бекляри-бека. В результате сложилась парадоксальная ситуация: законный монарх начал готовить заговор с целью свержения власти своего же первого министра!⁶⁵⁸

Однако Идигу был гораздо могущественнее хана, и ему не составило труда раскрыть и подавить этот заговор. Шадибеку пришлось подумать о спасении жизни, и он бежал — сначала в Хаджи-Тархан, а когда люди Идигу настигли его и здесь, то в Ширван, правитель которого, ширваншах Ибрахим, признавал его ханом и до 1408–1409 гг. чеканил монету с его именем.⁶⁵⁹ На требования Идигу выдать хана ширваншах отвечал отказом. Лишь в 1409 г. Идигу удалось покончить

с ханом, бросившим вызов его могуществу: Шадибек-хан был умерщвлен в Шемахе агентами мангытского эмира.⁶⁶⁰

На опустевший ханский трон Идигу решил возвести одного из сыновей Тимур-Кутлуга, приходившихся бекляри-беку внучатыми племянниками. Старший, Тимур-оглан, к этому времени уже достиг совершеннолетия и отличался строптивым нравом, поэтому выбор Идигу пал на его младшего брата Пулад-бека, который и был провозглашен ханом на рубеже 1407–1408 гг.

Однако позиции самого Идигу несколько поколебались, поскольку он открыто выступил против законного хана Шадибека (им же самим возведенного на трон!) и сверг его. Глухое недовольство знати и народа заставили бекляри-бека подумать о восстановлении пошатнувшегося престижа. Для этого Идигу решил предпринять военную кампанию, которая бы завершилась успехом и принесла большую добычу ему самому и его приверженцам. Выбор бекляри-бека, как и многих его предшественников, пал на Русь, правители которой в результате междоусобиц в Золотой Орде фактически перестали признавать сюзеренитет ханов. Великий князь Василий Московский, сын и наследник Дмитрия Донского, не только не платил «выход» и не совершал поездок в ханскую ставку, но еще и осмелился принять при своем дворе нескольких сыновей Токтамыша, которые не делали тайны из намерений вернуть себе трон Золотой Орды — наследие отца.

Впрочем, некоторое время Идигу поддерживал с великим князем дружественные отношения. Так, в 1406 г. ордынские войска по приказу Шадибек-хана и Идигу выступили на стороне Москвы в военном противостоянии с Литвой. И позднее Идигу всячески демонстрировал поддержку Василию Московскому, полагая, что усиление одного союзника будет способствовать и усилению второго.⁶⁶¹

Однако в ноябре 1408 г. Идигу счел Русь достаточно легкой добычей и двинулся против своего московского вассала-союзника с крупными силами. Василий Московский, как и его отец в 1382 г., срочно отъехал на Кострому для сбора войск, а оборону Москвы поручил своему двоюродному дяде Владимиру Андреевичу Серпуховскому, герою Куликовской битвы. Войска Идигу практически без сопротивления взяли Коломну, Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород и Городец. Затем ордынские отряды, рассыпавшиеся по русским волостям, вновь соединились под стенами Москвы и приступили к осаде.

Однако Идигу не удалось достичь поставленной цели: вскоре он был вынужден снять осаду, поскольку в это время в Сарае произо-

шел новый государственный переворот, и Пулад-хан слал своему бекляри-беку отчаянные призывы о помощи. Так и не взяв Москвы, удовлетворившись лишь символическим «откупом» в 3 000 руб. с ее жителей, бекляри-бек поспешил в столицу Золотой Орды.⁶⁶²

Как выяснилось впоследствии, великий князь Московский оказался не менее опытным политиком, чем Идигу: Василий сумел использовать в своих интересах соперничество Джучидов и тем самым избежать фатальных последствий набега бекляри-бека. При поддержке великого князя Керим-Берди, один из сыновей Токтамыша, в начале 1409 г. обрушился на практически беззащитный Сарай, выбил оттуда Пулад-хана и занял трон.⁶⁶³ Идигу вскоре вытеснил захватчика из столицы и вернул трон своему ставленнику. Однако благоприятный момент для восстановления прежней власти над Русью был упущен: пошатнувшийся престиж Идигу не позволил ему в дальнейшем собрать столь крупные силы под своим началом, да и последующие события заставили его забыть о походе на Русь.

Пытаясь хотя бы отчасти сгладить впечатление неудачи, Идигу на обратном пути направил Василию Дмитриевичу послание. Бекляри-бек «журил» великого князя, что тот в течение правления уже третьего хана не присылает выхода, не приезжает в Орду и не направляет даже своих родичей или ближних бояр. В заключение Идигу настоятельно рекомендовал Василию I исправить положение, совершив все действия, которые свидетельствовали бы о признании им власти ордынского хана. Об ответе великого князя на это послание источники не сообщают...⁶⁶⁴

VI

Провал московского похода дорого обошелся Идигу: впервые за 12 лет ему пришлось отказаться от поста бекляри-бека. Впрочем, фактической власти он не утратил: бекляри-беком стал его родной брат Иса, никогда не выходивший из воли своего властного младшего брата. Таким образом, братья-мангыты не выпустили из рук управление Золотой Ордой. В том же 1409 г. Пулад-хан, бекляри-бек Иса и Идигу направили посольство к Шахруху, новому властителю державы Тимуридов, которое было благожелательно принято и возвратилось в Орду с богатыми дарами. В ходе переговоров было заключено соглашение о браке Мухаммада-Джуки-мирзы б. Шахруха с дочерью Идигу.⁶⁶⁵

Однако даже частичная утрата власти Идигу вскоре привела к новому государственному перевороту в Сарае. В 1411 г. Пулад-хан был свергнут собственным старшим братом Тимур-огланом. Новый хан

имел давние счеты с Идигу, который в обход его возвел на трон его младшего брата, и теперь, заняв трон, решил поквитаться с бывшим бекляри-беком.⁶⁶⁶

Идигу — могущественному сановнику, менявшему ханов по своему усмотрению, — пришлось бежать из Сарая. Впервые за 20 лет он вновь стал беглецом! Идигу был объявлен врагом государства и не рискнул даже укрыться в собственных владениях: по некоторым сведениям, против него выступил даже его старший сын Нур ад-Дин, недовольный тем, что стареющий отец выпустил из рук контроль над Золотой Ордой.⁶⁶⁷ В результате бывшему бекляри-беку пришлось искать убежища еще в Хорезме, правителем которого был другой его сын Мубарак-шах. В сопровождении еще одного сына, Султан-Махмуда (от Джаныке-ханум, дочери Токтамыш-хана), Идигу прибыл в Хорезм на рубеже 1411–1412 гг.

Тимур-хан немедленно отправил в погоню за беглецом войска под командованием своего нового бекляри-бека Текне и эмира Газана. Поначалу им удалось разгромить сторонников Идигу в битве недалеко от Хорезма и заставить его искать спасения за городскими стенами. Эмиры начали осаду, которая продолжалась около шести месяцев. Однако за это время в Поволжье вновь сменилась власть: Тимур-хан был свергнут Джалал ад-Дином, сыном Токтамыша,⁶⁶⁸ и лично прибыл в Хорезм к своим войскам. В борьбе с Тимур-ханом Джалал ад-Дин решил использовать свои родственные связи: эмир Газан был женат на его сестре, дочери Тотамыша, и новый хан предложил ему прикончить Тимур-хана, что тот и сделал. После этого, получив от Джалал ад-Дина пост бекляри-бека,⁶⁶⁹ Газан от имени нового хана потребовал от Идигу выдать ему Султан-Махмуда, обещая, что при выполнении этого условия Джалал ад-Дин заключит с ним мир. Идигу пообещал выполнить ханское требование, и Газан, удовлетворенный обещанием, снял осаду и отступил. Недовольный самовольными действиями Газана, Джалал ад-Дин отправил в Хорезм новое войско под командованием Каджулай-багатура, однако Идигу сумел его разгромить, причем сам Каджулай погиб в сражении. Впрочем, это было последнее торжество мангытского эмира в Хорезме: в 1413 г. войска Шахруха захватили эту область, а ее правитель Мубарак-шах б. Идигу был вынужден бежать к отцу.⁶⁷⁰ К счастью для Идигу, Джалал ад-Дин-хан не смог воспользоваться его трудностями, поскольку погиб еще в 1412 г.: он был убит в сражении с собственным братом Керим-Берди.

Керим-Берди был ставленником и союзником Москвы, и это сильно не устраивало великого князя литовского Витовта, кото-

рый наконец-то вновь осмелился вмешаться в дела Золотой Орды. В 1414 г. литовский государь выдвинул собственного ставленника на ордынский трон — Кебека, еще одного сына Токтамыша,⁶⁷¹ который на короткое время занял трон в Сарае, но вскоре был вынужден отступить под натиском Идигу.

Чтобы снова занять пост бекляри-бека, Идигу был нужен хан, который официально утвердил бы за ним этот пост. Его выбор пал на Чокре-оглана, который одно время также скрывался при дворе сначала Амира Тимура, потом — его внука Абу Бакра, а после смерти Токтамыша при помощи Идигу возглавил Тюменский юрт. В 1414 г. Чокре и Идигу начали борьбу с Кебеком и победили его. Тем не менее, Кебек еще в течение ряда лет считался ханом в южнорусских землях, находившихся под контролем Литвы.⁶⁷²

Однако победа над Кебеком вновь усилила позиции Керим-Берди, с которым Чокре и Идигу пришлось бороться на протяжении 1414–1416 гг. После ряда сражений противники разделили между собой сферы влияния: Волжская Булгария отошла к владениям Чокре и Идигу, а Керим-Берди стал управлять юго-западом Золотой Орды.⁶⁷³ В конце концов победителем в их противостоянии оказался третий участник: очередной сын Токтамыша, литовский ставленник Джаббар-Берди, в 1416 г. сумел покончить со своим старшим братом и провозгласил себя ханом. По некоторым сведениям, Нур ад-Дин, первенец Идигу, стал при нем бекляри-беком и действовал против отца. Приблизительно в это же время при туманных обстоятельствах сошел с исторической сцены и Чокре-хан.⁶⁷⁴ Идигу тут же провозгласил ханом Сайид-Ахмада, двоюродного брата Чокре, но вскоре и тот погиб, вероятно, в борьбе с Джаббар-Берди.⁶⁷⁵ Годом позже, в 1417 г., Джаббар-Берди, в свою очередь, лишился трона, бежал в Крым, а потом в Литву, но по пути был убит собственными спутниками.⁶⁷⁶ Трон перешел к очередному ставленнику Идигу — Дервишу.⁶⁷⁷ Идигу, достигший к этому времени весьма почтенного возраста, пользовался таким авторитетом, что на монетах нового хана с одной стороны чеканилось имя Дервиша, с другой — его бекляри-бека Идигу.⁶⁷⁸

В 1419 г. Дервиш-хан был свергнут и убит Кадыр-Берди, одним из младших сыновей Токтамыша. Идигу вновь остался без хана и, спасая свою жизнь, бежал в Крым. Здесь он провозгласил ханом некоего Бек-Суфи из числа крымских Туга-Тимуридов (этот хан также стал чеканить монету не только со своим именем, но и с именем Идигу). В отчаянной попытке вернуть верховную власть в Золотой Орде, бекляри-бек лихорадочно искал союзников для борьбы с потомками

Токтамыш. Он даже обратился к своему давнему врагу — литовскому князю Витовту, которому направил послание, дошедшее до нас в изложении польского историка XV в. Яна Длугоша. Письмо это содержало, в частности, следующее: «Князь знаменитый! В трудах и подвигах, продиктованных честолюбием, застигла нас обоих унылая старость. Посвятим же миру остаток дней наших! Кровь, пролитая нами в битвах взаимной ненависти, уже поглощена землей; слова бранные, которыми мы поносили друг друга, рассеяны ветром; пламя войны очистило наши сердца от злобы; года погасили пламя».⁶⁷⁹ Однако звезда основателя Мангытского юрта, кажется, на этот раз закатилась окончательно: Витовт никак не отреагировал на его послание.⁶⁸⁰ Бек-Суфи вскоре был разбит Кадыр-Берди-ханом, хотя еще и сохранял власть над отдельными областями в Крыму до 825 г. х. (1422 г.), пользуясь поддержкой Витовта.⁶⁸¹ Идигу не остался при разгромленном хане, а решил укрыться в собственных владениях на Урале. Однако его отношения с сыновьями продолжали ухудшаться: все они уже достигли солидного возраста и тяготились чрезмерной властью отца, которому, по их мнению, давно следовало уйти на покой и позволить им самим заниматься ордынской политикой.⁶⁸²

В том же 1419 г. Идигу решил возвести на трон очередного своего ставленника — Хаджи-Мухаммад-султана. Бекляри-бек даже заставил своих сыновей дать обещание этому царевичу поддерживать его в борьбе за Сарай после его, Идигу, смерти. Эта предосторожность оказалась отнюдь не лишней: в 822 г. х. (на рубеже 1419–1420 гг.) Идигу погиб от рук приверженцев Кадыр-Берди. По одной версии, в стычке с ними он получил серьезные раны, от которых вскоре умер, по другой — был буквально разрублен на куски в самой битве. По иронии судьбы, Кадыр-Берди примерно в те же дни погиб в Крыму...⁶⁸³

Судьба Идигу оказалась гораздо счастливее, чем у других золотоордынских временщиков — в частности, Ногай и Мамай. Во-первых, с его гибелью созданное им собственное владение не погибло, а напротив — росло и набирало могущество и вскоре, под именем Ногайской Орды, достигло расцвета и заставило считаться с собой соседние государства от Москвы и Литвы на западе до Казахского ханства и Могулистана на востоке. В течение XV–XVIII вв. ногайскими правителями были многочисленные потомки Идигу. Во-вторых, в летописных источниках и особенно в народной памяти Идигу удостоился исключительно положительных отзывов. В эпосе различных народов до нашего времени сохранились песни и дастаны (поэмы) об

Идигу, в которых он представлен народным героем, борцом со злом и тиранией.⁶⁸⁴

Авторитет Идигу был настолько высок, что после его смерти его сыновья, внуки и правнуки в течение всего XV в. неоднократно становились бекляри-беками при многочисленных ордынских ханах. Чаще всего именно поддерживаемые ими претенденты на престол становились верховными властителями Золотой Орды. Таковым являлся, в частности, и герой нашего следующего очерка Улуг-Мухаммад-хан.

11

11

11

11

11

11

11

11

11

ОЧЕРК ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

УЛУГ-МУХАММЕД, ИЛИ ОТ САРАЯ ДО КАЗАНИ (ХАН, 1419–1437)

«Возлюби ближнего своего» — это значит, прежде всего, «Оставь ближнего своего в покое!» И как раз эта деталь добродетели связана с наибольшими трудностями.

Фридрих Ницше

Судьба Улуг-Мухаммада в полной мере отражает политическую историю Золотой Орды первой половины XV в. Все это время не прекращалась борьба за власть царевичей, слишком гордых и знатных, чтобы признать над собой власть кого-либо из родичей, и недостаточно могущественных, чтобы подчинить себе остальных. Орда распадалась на самостоятельные улусы, не подчиняющиеся центральной власти. Вчерашние враги становились союзниками и наоборот. Все это в полной мере испытал Улуг-Мухаммад в течение своей долгой и богатой событиями жизни.

I

В «Сборнике летописей», составленном тюркским историком начала XVII в. Кадыр-Али-бием Джалаири, содержится степное предание о том, что Идигу, тяжело раненный в битве со сторонниками хана Кадыр-Берди б. Токтамышша, сумел скрыться от своих врагов, однако один оглан из потомков Джучи, находившихся при нем, предал его сторонникам хана, и они нашли и прикончили старого беклярибека. Этим огланом был Ичкили-Хасан из крымской ветви потомков Туга-Тимура.⁶⁸⁵ Предки Ичкили-Хасана обосновались в Крыму еще в 1260-е гг., его братья Али и Таш-Тимур были владельцами крымского улуса,⁶⁸⁶ и можно лишь догадываться, как сам он оказался на Сырдарье, где Идигу нашел свой конец. Вероятно, Идигу захватил его с собой при отступлении из Крыма, и царевич в отместку за это выдал его сторонникам сына Токтамышша. Сам Ичкили-Хасан-оглан больше

в истории не упоминается: возможно, вскоре после его предательства сыновья Идигу сумели расправиться с ним, отомстив за смерть отца. Но вскоре ханом был провозглашен сын Ичкили-Хасана — Мухаммад-оглан, впоследствии известный как Улуг-Мухаммад-хан.⁶⁸⁷

Мухаммад-оглан (Мухаммад-султан) впервые предъявил претензии на трон в 1419 г. — по крайней мере, к этому времени относятся самые ранние монеты с его именем. По-видимому, он пользовался поддержкой крымской знати: на трон он вступил при помощи могущественного эмира Текне из рода Ширин, а поддержку других аристократических родов хан снискал, подтвердив своими ярлыками ряд льгот, пожалованных им предыдущими ханами.⁶⁸⁸ Пользуясь анархией, наступившей в Золотой Орде после гибели Идигу, Мухаммад-хан выступил из Крыма и сумел захватить власть в Волжской Булгарии и Хаджи-Тархане и провозгласил себя общеордынским ханом.⁶⁸⁹

Согласно завещанию Идигу, его сыновья, мангытские (ногайские) эмиры, поддержали тюменского владетеля Хаджи-Мухаммад-хана из рода Шибанидов, которому с их помощью удалось установить власть над значительной частью бывшей Синей Орды. Не предпринимая попыток захватить Поволжье, Хаджи-Мухаммад довольствовался властью над Восточным Дештом. И хотя сам он и его преемники-Шибаниды продолжали именоваться «ханами Дешт-и Кипчака», то есть считали себя преемниками золотоордынских государей, фактически они являлись уже правителями нового государства, известного в историографии как «государство кочевых узбеков».⁶⁹⁰ С этого времени восточная часть Золотой Орды окончательно вышла из-под власти сарайских ханов.

Однако далеко не все царевици даже западного крыла (бывшей Белой Орды) были готовы признать власть Мухаммад-хана. Его не поддержали даже собственные двоюродные братья — Худайдат б. Али и Девлет-Берди б. Таш-Тимур, поскольку сами питали надежду занять трон. В результате Мухаммад-хан на рубеже 1421–1422 гг. был разгромлен Бораком б. Койричаком, внуком Урус-хана. Борак имел многочисленных приверженцев в бывшей Синей Орде и пользовался поддержкой самаркандского правителя мирзы Улугбека.⁶⁹¹ Также, что было особенно важно, на сторону Борака стал Мансур, старший сын Идигу, унаследовавший после смерти отца титул бия — главы Мангытского юрта. Сначала Мансур, согласно завещанию отца, поддерживал Хаджи-Мухаммада, но потом счел более подходящим ханом Борака, который назначил Мансура своим бекляри-беком. При

поддержке многочисленной мангытской армии Бораку удалось разгромить Мухаммад-хана и изгнать его из Поволжья.

Мухаммад-хан бежал в Литву, к своему союзнику великому князю Витовту, у которого провел несколько лет. Он благоразумно не стал пытаться сразу же вернуть трон, прекрасно понимая, что у Борака найдутся и другие соперники. Так и оказалось: против пришельца с востока сразу же выступили несколько претендентов на трон. Первым из них стал Худайдат б. Али, двоюродный брат Мухаммад-хана, также крымский царевич.⁶⁹² Затем в борьбу включился Гийас ад-Дин б. Шадибек-хан, захвативший сначала Хаджи-Тархан, а затем и Волжскую Булгарию.⁶⁹³

II

Борак поначалу добился некоторых успехов: в 1422 г. ему удалось разгромить Худайдата и прогнать его к самым границам Руси. Очевидно, Худайдат рассчитывал на помощь великого князя литовского или Москвы, но ошибся: в следующем году Борак совершил предупредительный рейд в пределы Одоевского княжества в результате чего ни Литва, ни Москва не стали вмешиваться в ордынскую междоусобицу, ограничившись защитой своих границ.⁶⁹⁴ В 1424 г. Худайдат, вероятно, решил наказать литовского князя за то, что тот не пришел ему на помощь, и сам совершил рейд на Одоев, однако Витовт выслал против него войска, на помощь которым двинулись и отряды великого князя московского Василия Васильевича (он был сыном Софьи, дочери Витовта). Не дожидаясь подхода москвичей, литовцы разгромили Худайдата, которому удалось бежать, однако победителям достался даже гарем хана с двумя его женами.⁶⁹⁵ После этого имя Худайдата в источниках не упоминается: очевидно, лишившись войск, он вскоре был убит Бораком.

Именно в это время Витовт, увидев, что Золотая Орда достаточно ослаблена междоусобицами, счел возможным поддержать Мухаммад-хана. На рубеже 1424–1425 гг. Мухаммад с литовской помощью вновь объявил себя ханом в Крыму и вскоре подчинил себе весь полуостров, включая генуэзские колонии на южном побережье.⁶⁹⁶ Затем Мухаммад-хан двинулся на северо-восток, сравнительно легко захватил Хаджи-Тархан и, наконец, вступил в схватку с Бораком за Сарай. На этот раз удача улыбнулась Мухаммад-хану: к 1426 г. ему удалось взять верх над соперником и прогнать его обратно на восток.⁶⁹⁷

Борак решил компенсировать потери на западе новыми приобретениями на востоке и попытался отвоевать часть бывших владе-

ний Золотой Орды у своего же покровителя Улугбека, правителя Мавераннахра. Улугбек и его брат Мухаммад-Джуки выступили против Борака, но были разбиты, хотя и имели больше войск. Тогда в борьбу вмешался их отец Шахрух, могущественный правитель Хорасана, которому удалось прогнать неблагодарного протезе от границ Мавераннахра.⁶⁹⁸ В результате этой неудачи от Борака отшатнулись многие его приверженцы, включая бекляри-бека Мансура б. Идигу, который начал вести переговоры с одним из конкурентов Борака (возможно, со своим прежним ставленником Хаджи-Мухаммадом). Борак узнал об измене бекляри-бека и приказал его казнить.⁶⁹⁹

Казнь Мансура устрасила других эмиров Борака и тем самым несколько укрепила его положение — настолько, что в 1427 г. он вновь решился вторгнуться в Поволжье и даже победил Мухаммад-хана, захватив Сарай. Причиной победы Борака стало то, что Мухаммад-хану, вероятно, пришлось перебросить часть своих сил в Крым, где в это время объявил себя ханом Девлет-Берди б. Таш-Тимур, еще один двоюродный брат Мухаммада. В итоге Мухаммад-хан потерпел поражение от Борака и был вынужден покинуть Сарай, сохранив власть лишь над Волжской Булгарией и Хаджи-Тарханом.⁷⁰⁰

К счастью для Мухаммада, Девлет-Берди не воспользовался его трудностями и не выступил против него, а вместо этого атаковал Сарай и, в свою очередь, захватив столицу, провозгласил себя ханом Золотой Орды. Однако торжество Девлет-Берди длилось совсем недолго: по словам свидетеля событий, германского наемника Иоганна Шильтбергера, буквально три дня спустя новому хану пришлось уступить трон вернувшемуся Бораку.⁷⁰¹ Весьма вероятно, что Девлет-Берди погиб в бою с ним, поскольку после 1427 г. его имя не упоминается в источниках.⁷⁰²

Поражение и гибель двоюродного брата принесли двойную пользу Мухаммад-хану: во-первых, исчез конкурент в борьбе за власть над Крымом,⁷⁰³ во-вторых, Борак понес в сражении с ним большие потери, и Мухаммаду без особого труда удалось вновь изгнать его из Сарая — на этот раз окончательно. А на рубеже 1428–1429 гг. Борак-хан погиб: он был убит Гази и Наурусом, сыновьями Идигу, мстившими хану за казнь их старшего брата Мансура. Так Мухаммад-хан чужими руками избавился от трех конкурентов в борьбе за власть!⁷⁰⁴

Вернув трон, Мухаммад-хан предпринял попытку укрепить пошатнувшийся авторитет Золотой Орды на международной арене. 27 джумада ал-авваль 831 г. х. (14 марта 1428 г.) он отправил турецкому

султану Мураду II послание, в котором сообщал о победе над соперниками и предлагал восстановить дружбу и союз, которые поддерживали их предки.⁷⁰⁵ Годом позже хан отправил послание и в Египет, однако на этот раз дело кончилось конфузом: «с ними [ханскими послами. — Р. П.] были подарок и два письма, одно из них на арабском, другое на уйгурском языке, но никто не понял содержания его (уйгурского письма), и не оказалось никого, кто бы разобрал это писание».⁷⁰⁶

Приблизительно в это же время к Мухаммад-хану прибыли послы германского императора Сигизмунда, который как раз создавал коалицию для борьбы с турками. Поскольку Мурад II и его союзник египетский султан Барсбай не отреагировали на инициативы Мухаммада, хан решил вступить в контакт с их противниками и благожелательно принял послов императора, дав понять, что не против союза с ним. В то же время Мухаммад-хан активно поддерживал связи со своим покровителем литовским князем Витовтом, который в 1429 г. писал великому магистру Ливонского ордена: «Царь Махмет... через посла своего предложил нам прочный союз». Несколько позднее, в 1433 г., Мухаммад-хан и сам вел переписку с ливонским магистром.⁷⁰⁷ Кажется, на трон Золотой Орды наконец-то вступил хан, которому удалось объединить ее под своей властью и вновь поднять международный престиж державы Джучидов.

III

Однако активно заняться большой международной политикой Мухаммад-хану так и не пришлось: вскоре в его государстве начались новые смуты. Во-первых, улус Борака, возглавили его сын Абу Саид Джанибек и двоюродный племянник Гирей, признавшие власть не Мухаммад-хана, а Шибанидов, правивших в Восточном Деште.⁷⁰⁸ Во-вторых, Гази и Наурус, начав борьбу с Бораком, действовали отнюдь не в интересах Мухаммад-хана: около 1428 г. они поддержали нового претендента на трон — Мухаммад-султана б. Тимур-хана. Новый претендент имел сильную поддержку в Хаджи-Тархане, откуда и начал свой путь к власти. С этого времени в борьбе за трон Золотой Орды столкнулись два Мухаммад-хана, и, чтобы их не путать, нашего героя стали называть Улуг-Мухаммадом («Большим/Старшим»), а его соперника — Кичи(Кучук)-Мухаммадом («Малым/Младшим»)⁷⁰⁹.

Как раз в это время волжские степи страдали от засухи и мора.⁷¹⁰ Вероятно, неспособность Улуг-Мухаммад-хана как-то помочь своим подданным справиться с бедствием оттолкнула от него многих из них

и заставила их отдаться под покровительство Кичи-Мухаммада. Пользуясь поддержкой населения Нижнего Поволжья и могущественных ногайских князей Гази и Науруса, Кичи-Мухаммаду не составило бы труда победить Улуг-Мухаммада, который вряд ли мог воспользоваться поддержкой крымских эмиров или Литвы, пока находился в Поволжье. На его счастье, между Кичи-Мухаммадом и сыновьями Идигу произошла ссора, в результате которой мангытские эмиры покинули своего ставленника. Гази перешел к Шибаниду Юмадуку, новому хану Восточного Дешта, стал его бекляри-беком, но вскоре был убит ханскими приближенными, позавидовавшими его быстрой карьере. Наурус же переметнулся на сторону Улуг-Мухаммада вместе со всеми своими войсками. Обрадованный сарайский хан немедленно назначил его своим бекляри-беком и вместе с ним еще в течение ряда лет не без успеха противостоял Кичи-Мухаммад-хану.⁷¹¹

Однако возвышение ногайского эмира сильно оскорбило других влиятельных приближенных Улуг-Мухаммада — Текне, предводителя рода Ширин, и Хайдара, главу рода кунграт, которые уже много лет были связаны с ханом и немало сделали для его прихода к власти. А Улуг-Мухаммад, отличавшийся властностью и гордым нравом, не только не попытался вновь наладить отношения со своими приверженцами, но вскоре еще и добавил им поводов для недовольства.

В 1430 г. Хайдар кунграт без ханского ведома напал на литовские окраины и обманом захватил Григория Протасьева, воеводу города Мценска: не сумев взять город, эмир заманил воеводу на переговоры и пленил. Но когда торжествующий Хайдар привез пленника в ставку хана, Улуг-Мухаммад «поругаася Аидару и не похвали его о томъ, и, почтивъ Григоріа, отпусти его».⁷¹² Некоторые историки склонны объяснять этот поступок благородством хана, представлявшим собой, по словам Н. М. Карамзина, «пример чести, весьма редкий между варварами».⁷¹³ Но скорее всего, хан поступил так, поскольку не желал портить отношения со своим союзником — литовским князем. Однако Хайдар воспринял действия хана как личное оскорбление и затаил на него обиду.

А год спустя хан сильно оскорбил и Текне Ширина.

Благодаря своим успехам в борьбе с соперниками в конце 1420 — начале 1430-х гг. Улуг-Мухаммад считался верховным ханом в глазах всех вассалов Золотой Орды и, соответственно, был для них высшей судебной инстанцией. Поэтому именно к нему в 1431 г. явились для разрешения спора о великом княжении Василий Васильевич Московский и его дядя Юрий Дмитриевич Звенигородский. Юрий заручился

поддержкой Текне, который обещал ему всяческое содействие и даже пригласил погостить в своих крымских владениях, пока идет подготовка к суду. Текне убеждал звенигородского князя, что имеет большое влияние на хана и что сам Юрий является главным претендентом на великокняжеский стол, будучи старшим из потомков Дмитрия Донского и в соответствии с завещанием своего отца.

Однако интересы Василия Васильевича представлял весьма опытный дипломат и интриган — боярин Иван Дмитриевич Всеволожский. Выступая перед ханским судом, он сумел сыграть на гордости и властности хана: «Наш государь великы князь Василеи ищетъ стола своего великого княжения, а твоего улусу, по твоему жалованию и по твоим девтерем и ярлыком, а се твое жалование перед тобою. А господинъ нашъ князь Юрьи Дмитриевич хочет взяти великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованию волного царя, а ты воленъ в своемъ улусе, кого въсхощешъ жаловати на твоеи воле».⁷¹⁴ Кроме того, Иван Всеволожский сумел внушить хану и его советникам, что Юрий Дмитриевич слишком уж сближается с Литвой, тогда как Василий Васильевич был и остается верным «холопом» хана. Это тоже сыграло свою роль в решении хана.⁷¹⁵ В результате Улуг-Мухаммад-хан, имевший претензию считать себя не только грозным владыкой, но и справедливым судьей, склонился на сторону Василия II. Когда же Иван Всеволожский упомянул, что Текне Ширин намерен поддержать Юрия, хан в гневе заявил: «аще речет Тегиня за князя Юрья о великом княженъе, то убити его повелеваю».⁷¹⁶ В 1432 г. торжествующий Василий Васильевич вернулся в Москву.

Правосудие Улуг-Мухаммада, однако, дорого обошлось ему: оскорбленный ширинский эмир затаил на него обиду. Текне вступил в сговор с другим обиженным — Хайдаром кунградом, вместе с которым и стал строить планы мести хану.

IV

Долго ждать эмирам-заговорщикам не пришлось: в том же 1432 г., когда против Улуг-Мухаммада в очередной раз выступил Кичи-Мухаммад, Текне и Хайдар покинули своего повелителя и откочевали в Крым со всеми своими приверженцами.⁷¹⁷ Не довольствуясь просто уходом от Улуг-Мухаммада, эмиры решили отнять у него и сам полуостров: они выдвинули нового претендента на трон — Сайид-Ахмада, внука Токтамыша, власть которого вскоре признал весь Крым.⁷¹⁸

В довершение прочих неприятностей Улуг-Мухаммада, еще в 1430 г. скончался великий князь литовский Витовт, давний покровитель

и союзник Улуг-Мухаммада. Между его преемниками Свидригайло Ольгердовичем, братом польского короля Ягайло, и Сигизмундом Кейстутевичем, братом самого Витовта, началась борьба за власть. В 1431–1433 гг. Улуг-Мухаммад поддерживал Свидригайло и даже неоднократно присылал ему войска для борьбы с родным братом — королем Ягайло. Но уже в 1433 г. союзником Свидригайло стал еще один претендент на золотоордынский трон — Сайид-Ахмад. Улуг-Мухаммад пытался заручиться поддержкой Сигизмунда, но тот сам погряз в борьбе со Свидригайло и не мог стать полезным союзником.⁷¹⁹ Таким образом, сарайский хан был вынужден в одиночку противостоять Кичи-Мухаммаду.

В результате, когда Кичи-Мухаммад начал очередное наступление, Улуг-Мухаммаду пришлось прибегнуть к дипломатии, чтобы сохранить власть хотя бы над частью прежних владений. Около 1432/1433 г. Улуг-Мухаммад и Кичи-Мухаммад заключили договор: Мухаммад Большой отказывался от претензий на Поволжье и сохранял за собой владения к западу от Волги, включая Крым и Северное Причерноморье.⁷²⁰ К Мухаммаду Малому, таким образом, отошли центральные области Золотой Орды и сомнительное право владеть Сараем, на который в это же время стал засматриваться и казанский владетель Гийас ад-Дин б. Шадибек. Многократно разоренная столица, однако, не прельщала Кичи-Мухаммада, и его главной ставкой продолжал оставаться Хаджи-Тархан.

В течение 1433–1436 гг. в Золотой Орде, таким образом, сохранялся определенный паритет: три хана — Улуг-Мухаммад, Кичи-Мухаммад и Сайид-Ахмад — не решались нападать один на другого, опасаясь, что третий в это время ударит с тыла. Ситуация была настолько необычной, что в 1434 г. великий князь московский, не желая попадать впросак, решил выплатить ордынский «выход» всем трем ханам! Впрочем, по словам венецианского дипломата И. Барбаро, побывавшего в это время в Золотой Орде, Улуг-Мухаммад номинально продолжал считаться старшим ханом.⁷²¹

Но в 840–841 гг. х. (1436–1437 гг.) вооруженному нейтралитету пришел конец. Наурус, бекляри-бек Улуг-Мухаммад-хана, в свою очередь, не поладил с ханом и переметнулся к Кичи-Мухаммаду, получив и у него пост бекляри-бека, некогда принадлежавший его брату Гази.⁷²² Воспользовавшись ослаблением «Большого» Мухаммада, на него тут же напал Сайид-Ахмад. А некоторое время спустя из Хаджи-Тархана подоспел и «Маленький» Мухаммад, который наконец разгромил своего давнего врага.⁷²³ Добить Улуг-Мухаммада окончательно

ему помешала досадная мелочь: пока Кичи-Мухаммад воевал в южных степях, Сарай был все же захвачен казанским правителем Гийас ад-Дином, и «Маленькому» Мухаммаду пришлось срочно выбивать нового врага из своей официальной столицы. Гийас ад-Дин удерживал город около месяца, но, в конце концов, был побежден и, вероятно, убит Кичи-Мухаммадом.⁷²⁴

Армия Улуг-Мухаммада после двух разгромов была рассеяна, часть его подданных перешла к ханам-соперникам, часть перекочевала в Литву.⁷²⁵ Теперь при нем насчитывалось не более 3 000 чел. Понимая, что представляет легкую добычу для своих соперников, хан решил уйти в пределы Руси. В конце 1437 г. беглый хан разбил лагерь под г. Белевом и стал думать о своих дальнейших действиях.⁷²⁶

V

Первым делом Улуг-Мухаммад-хан отправил послание Василию Московскому, в котором просил разрешить ему пребывание в пределах Руси. Великий князь не имел причин отказывать беглому хану, тем более что номинально Белев находился под властью Литвы, хотя его правители и стремились перейти в московское подданство. Между великим князем и ханом был заключен договор, подтверждающий прежние дружественные отношения. Однако вскоре к хану, построившему под Белевом собственный «городок», стали стекаться многочисленные приверженцы. Ситуация вызвала беспокойство белевских князей, и они отправили великому князю послание с просьбой принять меры.

Василий II оказался в сложном положении: с одной стороны, он находился в дружбе с Улуг-Мухаммадом, с другой стремился укрепить свою власть над Белевом. В конце концов, великий князь решил, что хан со своим небольшим войском не может быть ни ценным союзником, ни опасным врагом, и направил ему послание, в котором требовал покинуть пределы Белевского княжества. Хан, возмущенный вероломством Василия II и его неблагодарностью за прежние ханские благодеяния, отказался, и тогда московский государь отправил против него войска.⁷²⁷

Московские войска под командованием Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного, сыновей Юрия Звенигородского и двоюродных братьев великого князя, направились к Белеву. Оказавшись перед многочисленным московским войском,⁷²⁸ Улуг-Мухаммад, едва ли не унижаясь перед противником, попытался избежать битвы, грозившей ему неминуемым поражением. Он отправил на переговоры с московскими

воеводами своего зятя «Елбердея» и эмира Хусайна б. Сарая, суля в обмен на мир беспрецедентные перспективы: клялся не только избавить Москву от уплаты «выхода», но и сам обязывался выплачивать великому князю дань, обещал выдать ему в заложники одного из своих сыновей и пр.⁷²⁹ Однако братья великого князя, гордые сознанием своей силы, высокомерно отвергли его просьбы и предложения. Когда ханские посланцы принесли своему повелителю их отказ, и стало окончательно ясно, что сражения не избежать, хан стал готовиться к бою.

В битве под Белевом, состоявшейся 5 декабря 1437 г., московские войска сначала обратили ханских воинов в бегство, но ордынцы неожиданно ворвались в Белев, в котором и закрепились. При штурме города погибли московские воеводы Петр Кузьминский и Семен Волынec, что несколько охладило пыл москвичей. Воспользовавшись их нерешительностью, хан сам перешел в наступление и в кровопролитном бою сумел разгромить войска великого князя. Позднейшие летописцы, стремясь объяснить столь позорное поражение, в результате которого «малое и худое оно безбожных воинство одолеша тмочисленным полком нашим», быстро нашли виноватого. Им оказался вышеупомянутый мценский воевода Григорий Протасьев, некогда милостиво отпущенный из ордынского плена Улуг-Мухаммадом: он якобы попытался примирить москвичей с ханом, но пока шли переговоры, дал сигнал ханским войскам напасть на русский лагерь, что и привело к поражению великокняжеских войск. Два года спустя, в 1439 г., Василию II удалось захватить Протасьева, который был жестоко наказан за свое вероломство: великий князь ему «очи вымал».⁷³⁰

Победа над московскими войсками позволила Улуг-Мухаммаду прочно закрепиться в его новых владениях. Вскоре ему принесли присягу удельные владельцы Среднего Поволжья — мордовские и булгарские князья, а также владелец Казани Али-бек, сменивший Гийас ад-Дина б. Шадибека, погибшего при попытке захвата Сарая.⁷³¹ Так в Среднем Поволжье фактически было создано еще одно независимое джучидское государство, которое Улуг-Мухаммад устроил по образу и подобию Золотой Орды: он создал при себе совет четырех карачи-беев (из родов Аргын, Барын, Ширин и Кипчак) и назначил в подвластных ему областях даруг (баскаков).⁷³²

Большой удачей для хана оказалось то, что в это время ему не пришлось противостоять своим прежним противникам: Сайид-Ахмад к 1441 г. лишился власти над Крымом⁷³³ и теперь вступил в борьбу с Кичи-Мухаммадом за Северное Причерноморье и Поволжье.

Благодаря их соперничеству Улуг-Мухаммаду удалось наладить связи с кавказскими вассалами Золотой Орды, в частности с черкесами, от которых он нередко получал подкрепления для своих военных предприятий.⁷³⁴

Разгневанный на великого князя московского за его вероломство, Улуг-Мухаммад неоднократно демонстрировал ему свою враждебность. Так, по некоторым сведениям, вскоре после Белевской битвы, в начале 1438 г., хан захватил Нижний Новгород, в это время находившийся под властью Москвы, и пробыл здесь около года.⁷³⁵ А уже весной 1439 г. Улуг-Мухаммад внезапно оказался под стенами Москвы, которую осаждал в течение 10 дней. Столицу Василия II ему взять не удалось, однако ее округу хан сильно разорил.⁷³⁶ Явным антимосковским ходом Улуг-Мухаммада стало вручение в 1442 г. ярлыка на Нижний Новгород князю Даниилу Борисовичу — представителю суздальской династии, правившей здесь до захвата города московскими князьями. До самой кончины престарелого (на восьмом десятке) князя Даниила хан поддерживал его, тем самым создавая немалую проблему для господства москвичей в Поволжье.⁷³⁷

Однако не все действия Улуг-Мухаммада против Москвы были столь удачны. Так, зимой 6952 (1443/1444) г. его сын Мустафа⁷³⁸ вступил в пределы Рязанского княжества, разграбил ряд поселений и захватил немало пленников. Не придумав ничего умнее, царевич решил продать пленников здесь же, в рязанской земле, рассчитывая, вероятно, что их выкупят родственники. В это время ударили сильные морозы, и Мустафа заставил жителей Переяславля впустить его воинов в город на зимовку. Узнав об этом, великий князь Василий II выслал против ханского сына войска, к которым присоединились мордовские князья, враждебные Улуг-Мухаммаду. Напуганные переяславцы заставили царевича покинуть город, и ему пришлось сражаться в страшный мороз сразу на три фронта: с москвичами, мордвой и рязанскими «казаками». В результате в бою на р. Листани отряд Мустафы погиб вместе со своим предводителем, а уцелевшие эмиры и воины попали в плен к москвичам.⁷³⁹ Естественно, гибель сына не добавила Улуг-Мухаммад-хану любви к московскому государю.

В 1444 г., когда скончался поставленный ханом нижегородский князь Даниил Борисович, в Нижний Новгород вновь вступили московские наместники. Улуг-Мухаммад, не желая, чтобы город вернулся под руку Москвы, немедленно захватил его. Московские воеводы сумели закрепиться в городском кремле, где стойко отбивали штурмы ханских войск, а весь остальной город оказался под контролем хана.⁷⁴⁰

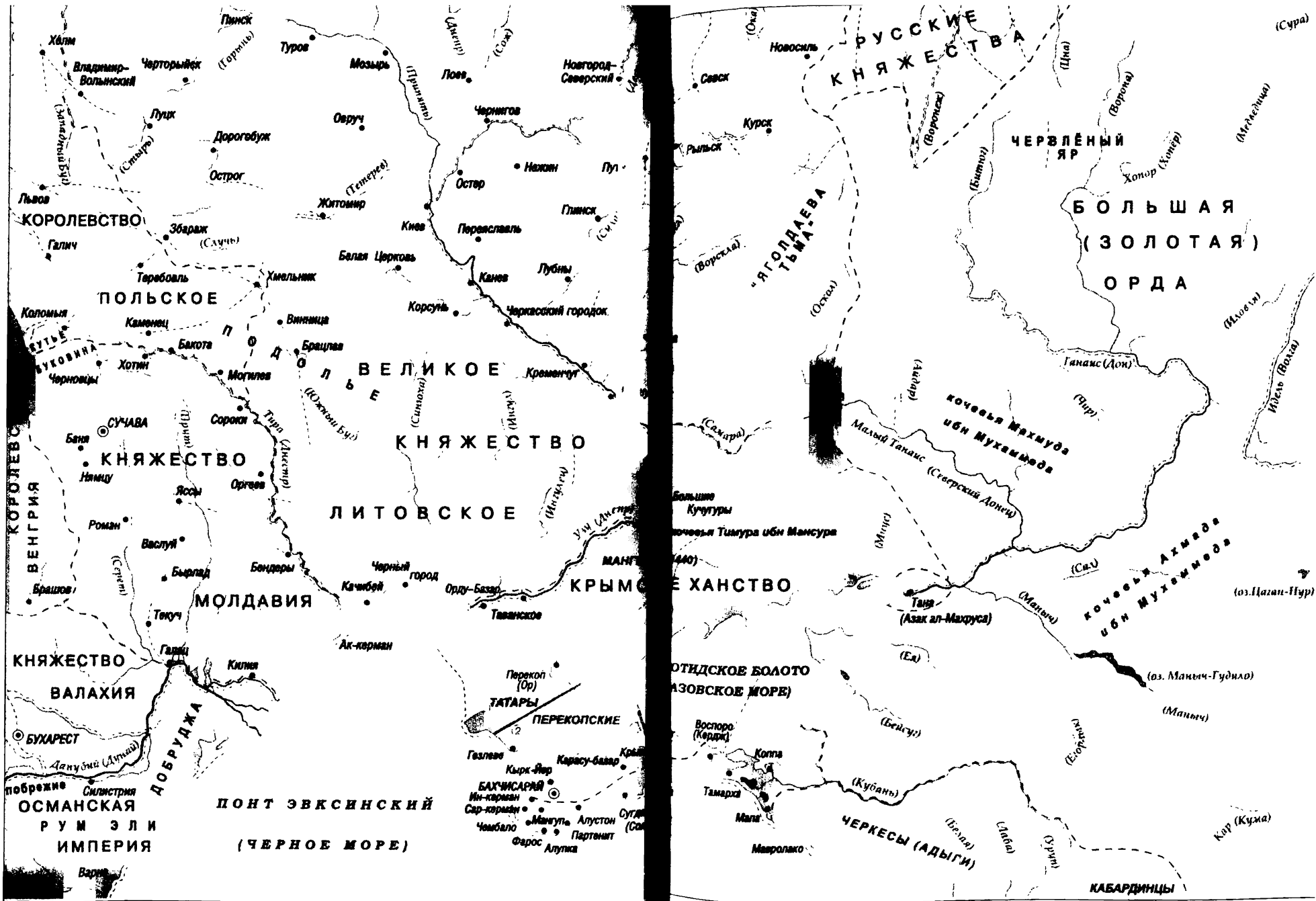
Обосновавшись в стратегически важном городе, Улуг-Мухаммад начал дальнейшее продвижение в глубь русских земель. В конце того же года его войска захватили также и Муром.

VI

Появление в Среднем Поволжье нового ханства, правитель которого настойчиво требовал от Москвы признания его сюзеренитета и выплаты «выхода», не могло не беспокоить московское правительство. Великий князь Василий Васильевич решил уничтожить эту опасность в зародыше и после захвата Улуг-Мухаммадом Мурома собрал войска и выступил против хана. На помощь к великому князю прибыли его близкие родичи Дмитрий Шемяка Галицкий, Иван Андреевич Можайский с братом Михаилом Белозерским и Василий Ярославич Серпуховский. Зимой 1444/1445 г. объединенные войска Московской Руси выступили против хана. Узнав о приближении столь многочисленного войска, Улуг-Мухаммад не решился на открытый бой и, покинув Муром, вернулся в Нижний Новгород. Но уже весной 1445 г. хан решил нанести ответный удар и отправил в поход на Русь своих сыновей Махмуда и Якуба. В это же время к хану прибыли еще 2 000 воинов от его союзников из Черкессии, которые вскоре присоединились к царевичам.⁷⁴¹

Василий II после зимней бескровной победы над ханом не придавал большого значения действиям его сыновей. Он вновь собрал князей-«подручников», но и они весьма безответственно отнеслись к походу. Так, князья Иван и Михаил Андреевичи пришли «с малыми людьми», Дмитрий Шемяка не явился вообще, а татарский царевич Бердедат Кудудатович (сын хана Худайдата, поступивший на русскую службу) накануне решающей битвы под Суздаlem был еще у Юрьева-Польского.⁷⁴²

Тем не менее, в битве, состоявшейся 7 июля 1445 г. у Спасо-Ефимьевского монастыря на берегу р. Нерли, перевес поначалу клонился на сторону русских войск. Войска Махмуда и Якуба отступили, затем отступление превратилось в повальное бегство, а конница московского князя бросилась в погоню. Однако часть русских воинов, посчитав, что победа уже одержана, стали грабить трупы убитых врагов. Когда убежавшие ордынцы обнаружили, что их преследует лишь незначительная часть московского войска, они остановились и сами напали на преследователей. В короткой схватке русские потеряли весь свой командный состав: Иван Можайский и Василий Серпуховский были ранены и бежали с остатками своих войск, а сам Василий II, сражавшийся мужественно и получивший несколько ран,

Карта 8. Крымское ханство во второй половине XV в. (автор — Астайкин А. А.).
 Бейлики Крымского ханства: 1 Ширинский, 2 Кыпчакский, 3 бейлик Мамухидов, 4 Барынский, 5 Аргынский. Границы государств нанесены на 1480 г.

вместе с Михаилом Белозерским попал в плен к Махмуду. Ордынцы потеряли в этом сражении около 500 чел. После столь крупной победы торжествующие сыновья Улуг-Мухаммада ворвались в Суздаль и три дня грабили его. Затем они двинулись к Владимиру, однако жители города успели подготовиться к обороне, и ордынские войска не рискнули осадить его, ограничившись грабежом предместий, после чего вернулись в Муром, а оттуда — к хану в Нижний Новгород.⁷⁴³

В августе 1445 г. Улуг-Мухаммад вместе с пленным великим князем покинул Нижний Новгород и двинулся в Курмыш. Отсюда он отправил своего посла Бегича в Москву, к Дмитрию Шемяке, который, будучи старшим из потомков Дмитрия Донского после Василия II, стал временным правителем государства. Шемяка принял посла с почетом и заявил о своей лояльности хану, надеясь получить от него ярлык на великое княжение в обход двоюродного брата. Дмитрий Юрьевич, стремясь расположить к себе Бегича, устраивал в его честь многочисленные пиры, но радушие Шемяки сослужило ему плохую службу: Улуг-Мухаммад, долго не получавший вестей от своего посла, заподозрил, что Бегича убили в Москве, и решил освободить пленного великого князя.⁷⁴⁴

Освобождение Василия II обошлось ему весьма дорого: он обязался выплатить за себя, своих родичей, бояр и воинов выкуп, составлявший, по разным сведениям, от 15 000 до 200 000 руб., а также выделить двум сыновьям Улуг-Мухаммада, Касиму и Юсуфу, уделы в Мещере, находившейся под властью Москвы. Но самое главное, великий князь официально признал себя вассалом именно Улуг-Мухаммада и обязался выплачивать ему ордынский «выход». После выработки условий хан освободил Василия II и 26 октября 1445 г. отправил его в Москву с эскортом из 500 ордынцев.⁷⁴⁵

По пути великому князю стало известно, что посол Бегич возвращается к Улуг-Мухаммаду с посланием Дмитрия Шемяки, в котором тот выражал покорность хану. Василий II немедленно приказал перехватить посла. Великокняжеский наместник в Муроме, князь В. И. Оболенский, устроил Бегичу и его свите торжественный прием, на котором ханское посольство было напоено допьяна и затем тайно утоплено в Оке. Таким образом, великий князь не только сумел узнать об измене двоюродного брата, но и пресечь ее возможные последствия. В октябре 1445 г. Василий Васильевич прибыл в Москву, а Шемяка, поняв, что его намерения известны великому князю, бежал в Углич и стал готовиться к войне. Однако Улуг-Мухаммад-хан не мог использовать эти события в своих целях: осенью 1445 или в начале 1446 г. он умер, и новым ханом стал его старший сын Махмуд.⁷⁴⁶

Махмуд решил расправиться с братьями, которые могли начать с ним борьбу за трон. Ему удалось покончить со своим братом Юсуфом, однако двое других, Касим и Якуб, сумели спастись: они бежали сначала к своим союзникам черкесам, а затем нашли убежище в московских землях, обосновавшись в Мещере — во владениях, выделенных им по договору Василия II с Улуг-Мухаммадом. Так на этих землях возникло подвластное Москве Касимовское ханство.⁷⁴⁷

Казанский владетель Али-бек, узнав о смерти Улуг-Мухаммада, не признал власть его наследника,⁷⁴⁸ однако его решение дорого ему обошлось. Махмуд, и впоследствии проявлявший себя как решительный и энергичный правитель, немедленно обрушился на Казань, взял ее и казнил Али-бека. После этого Махмуд не стал сажать здесь нового наместника, а сам обосновался в городе, сделав его столицей своих владений.⁷⁴⁹

Потомки Улуг-Мухаммада управляли Казанью вплоть до 1518 г., когда со смертью его правнука Мухаммад-Амина их род пресекся.⁷⁵⁰ Далее, вплоть до завоевания Казани Москвой в 1552 г., ханством управляли его более дальние родичи — крымские Гирей и даже (своеобразная усмешка истории!) несколько потомков Кичи-Мухаммада.

Потомство Улуг-Мухаммада в Касимовском ханстве пресеклось уже в 1483 г. со смертью Даниара б. Касима, внука Улуг-Мухаммада, и власть в Касимове перешла к другим ветвям Джучидов. В 1508—1517 гг. Абд ал-Латиф, правнук Улуг-Мухаммада, был наместником великого князя в Белоозере. Однако наиболее блестящую карьеру при московском дворе сделал еще один правнук Улуг-Мухаммада — султан Худайкул, брат Мухаммад-Амина и Абд ал-Латифа, в крещении — «царевич Петр Ибрагимович». В течение ряда лет он был полководцем на службе у Ивана III и его сына Василия III, женился на дочери Ивана III, в 1521 г. был наместником Москвы, а затем до своей смерти в 1523 г. считался наследником бездетного на тот момент великого князя Василия III.⁷⁵¹ Со смертью упомянутых царевичей род Улуг-Мухаммад-хана окончательно пресекся.

Ни один из казанских и касимовских ханов, начиная с Махмуда б. Улуг-Мухаммада и его брата Касима, уже не претендовал на трон Золотой Орды, уступив верховную власть в державе Джучидов Кичи-Мухаммаду и его потомству. Отказ казанских и крымских ханов от претензий на верховную власть ради сохранения независимости собственных уделов позволил сарайским правителям во второй половине XV в. вновь попытаться объединить Золотую Орду. Эту попытку предпринял сын Кичи-Мухаммада — Ахмад-хан.

ОЧЕРК ПЯТНАДЦАТЫЙ

СЕЙД-АХМЕД, ИЛИ ЗАГАДКИ ОДНОГО ПРАВЛЕНИЯ СЕРЕДИНЫ XV В.

(ХАН, 1432—1453)

Заболев тщеславием, вода вознеслась к небу, но была изгнана оттуда.

Леонардо да Винчи

История Золотой Орды в середине XV в. весьма скудно освещена в источниках, поэтому порой очень трудно найти сведения об отдельных ее правителях, в том числе и весьма значительных. Одним из таковых является Сайид-Ахмад, который в свое время был могущественным монархом, игравшим важную роль не только в распадавшейся Золотой Орде, но и влиял на политику других государств Восточной Европы. К счастью, в нашем распоряжении есть дополнительные источники, которые на первый взгляд, имеют довольно косвенное отношение к золотоордынской истории, но позволяют пролить свет на ряд загадок в биографии этого деятеля.

I

Сайид-Ахмад происходил из рода Токтамыша — в этом сходятся большинство источников,⁷⁵² однако относительно того, кто был его отцом, среди историков существуют разногласия. По сведениям одних, он был сыном самого Токтамыша.⁷⁵³ Другие восточные средневековые авторы относят его к сыновьям Керим-Берди б. Токтамыша.⁷⁵⁴ При этом стоит отметить, что все эти произведения были созданы либо персидскими, либо среднеазиатскими тюркскими авторами, причем в гораздо более позднее время.

Однако в нашем распоряжении есть источник, который появился еще при жизни Сайид-Ахмада, и автором его был человек, лично знавший этого хана. Речь идет о послании великого литовского князя Свидригайло Ольгердовича великому магистру Ливонского ордена. В этом

письме, датированном 1432 г., сообщается о том, что при литовском государе находился некий Sydachmatch Bexubowitz.⁷⁵⁵ Принимая во внимание тесные связи Сайид-Ахмада с Литвой, не приходится сомневаться, что речь идет именно о нем. Но кто такой таинственный Bexub, упоминаемый в качестве его отца? Оказывается и его имя известно по источникам польско-литовского происхождения: исследователи установили, что под этим загадочным именем (варианты: Bexbut, Betsabul) в них фигурирует еще один сын Токтамыша — Кебек.⁷⁵⁶ Согласно польским историческим сочинениям, в 1414 г. при поддержке великого князя литовского Витовта он выступил против своего брата Керим-Берди, однако потерпел поражение.⁷⁵⁷ Далее польские хронисты сообщают, что Кебек был убит своим братом-ханом, однако выше мы уже отметили, что, по сведениям русских летописцев, еще в 1420-е гг. Кебек еще был жив и обладал если не ханским титулом, то хотя бы независимым владением в южнорусских степях.⁷⁵⁸

Сообщение Свидригайло, который лично знал Сайид-Ахмада и вряд ли путался в его происхождении, вызывает доверие. Кроме того, и дополнительные сведения дают основания считать Сайид-Ахмада сыном Кебека.

Во-первых, Сайид-Ахмад кочевал в южнорусских степях, где располагались его основные владения, откуда он и начал наступление на другие области Золотой Орды, вступив в борьбу за власть. А именно эти области еще в 1420-е гг. находились под властью Кебека: он пребывал здесь после того, как в результате неудачной попытки отнять трон у своего брата Керим-Берди был вытеснен из Поволжья. Во-вторых, не будем забывать, что Сайид-Ахмад в течение всей своей деятельности был тесно связан с Литвой и литовскими делами: вступил на трон при поддержке литовцев и постоянно участвовал в их междоусобицах, так же как и Кебек, который, как уже отмечалось, вступил на трон при поддержке Витовта, предшественника Свидригайло на литовском троне, тогда как Керим-Берди считался ставленником и союзником Москвы и придерживался промосковской, а не пролитовской ориентации.

Впрочем, гораздо важнее было, что он не просто сын очередного «кратковременного» хана на золотоордынском троне, а внук великого Токтамыша, с именем которого связывали восстановление единства Золотой Орды и его величия. Не удивительно, что Сайид-Ахмад воспринимался не только как потомок, но и как политический преемник своего деда.

Подобно Токтамышу, Сайид-Ахмад взял курс на возрождение единства Золотой Орды — «Великого улуса» («Великого государства», «Улуг Орду»), который в русской летописной традиции переводился как «Большая Орда». ⁷⁵⁹ Таким образом, в русской историографии, в силу какого-то недоразумения, возникло никогда не существовавшее государство «Большая Орда», и Сайид-Ахмад считался первым его ханом. ⁷⁶⁰ На самом деле, как мы убедимся ниже, речь шла именно об объединении под властью одного государя всех золотоордынских владений. Соотношение же между «Большой Ордой» и личными владениями Сайид-Ахмата («Сеид-Ахметовой Ордой») будет примерно таким, как между Российской империей и, например, входившей в нее Вологодской губернией.

II

Хронология правления Сайид-Ахмада может быть установлена только по письменным источникам — главный помощник исследователей в этом отношении, нумизматический материал, не несет никакой информации об этом хане. ⁷⁶¹ Поэтому проверить данные летописных сочинений и актовых материалов сведениями нумизматики, к сожалению, не представляется возможным. А это весьма досадно, поскольку сведения письменных источников об этом хане, как уже отмечалось, весьма противоречивы.

Выход Сайид-Ахмада на политическую сцену состоялся в 1432 г.: именно под этим годом, как мы помним, великий литовский князь Сигизмунд сообщает ливонскому магистру о том, что возвел на трон своего ставленника. Видимо, в 1432 г. состоялось формальное возведение внука Токтамыша в ханское достоинство в его собственных владениях, в южнорусских степях. ⁷⁶² После этого началось его поистине триумфальное шествие на пути восстановления Золотой Орды.

В 1433–1434 гг. при помощи эмиров Текне Ширина и Хайдара Кунграта, вступивших в конфликт с ханом Улуг-Мухаммадом, у которого прежде находились на службе (о причинах этого конфликта мы писали в предыдущем очерке), Сайид-Ахмаду удалось захватить власть над Крымским полуостровом. Правивший здесь двоюродный брат Улуг-Мухаммада Гийас ад-Дин (или его сын Хаджи-Гирей) был вытеснен из Крыма, а Джанай б. Гийас ад-Дин, вероятно, даже погиб во время этих событий. ⁷⁶³ К 1434 г. новый хан подчинил себе генуэзские владения Крыма, окончательно закрепившись на полуострове. ⁷⁶⁴

Тогда же, на рубеже 1433–1434 гг., состоялось и международное признание Сайид-Ахмада в ханском достоинстве. Под 1433 г в грамоте великого князя московского Василия II Васильевича сообщается об отправке ордынского «выхода» (дани), помимо Улуг-Мухаммада, также и другим «царям» — Кичи-Мухаммаду и Сайид-Ахмаду.⁷⁶⁵ А в 1434 г. его союзник и покровитель великий князь литовский Свидригайло в письме к великому магистру Тевтонского ордена сообщил, что возвел Сайид-Ахмада на ханский трон.⁷⁶⁶ А двумя годами позже внук Токтамыша сумел сделать еще один значительный шаг на пути к объединению Золотой Орды под своей властью.

Как мы помним, около 1436 г. Улуг-Мухаммад был вытеснен из Сарая своим более удачливым соперником-тезкой Кичи-Мухаммадом и попытался обосноваться в южнорусских степях. Однако здесь на него обрушился Сайид-Ахмед, который окончательно разгромил изгнанного хана и захватил часть его улусов.⁷⁶⁷ С 3 000 воинов Улуг-Мухаммаду пришлось искать убежища в русских пределах (о дальнейшей его судьбе мы уже говорили в предыдущем очерке). Можно только добавить, что ему самому с Сайид-Ахмедом больше встречаться не приходилось. В связи с этими событиями ряд исследователей полагает, что на рубеже 1436–1437 гг. Сайид-Ахмед стал преемником Улуг-Мухаммада на золотоордынском троне.⁷⁶⁸

Однако у Сайид-Ахмада оставался еще один сильный соперник — Кичи-Мухаммад, который после изгнания Улуг-Мухаммада контролировал все Среднее и Нижнее Поволжье. Во второй половине 1430-х — начале 1440-х гг. именно он считался более значительным ханом даже на Руси: его имя стояло первым в раскладке «ордынского» выхода в договоре Василия II и Дмитрия Шемяки в 1441–1442 гг.⁷⁶⁹ Но к середине 1440-х гг. уже именно Сайид-Ахмед являлся «гегемоном» в Дешт-и Кипчаке — с этим согласны современные исследователи.⁷⁷⁰ С чем же связано его возвышение?

Возможно, ответ на этот вопрос содержится в сочинениях бухарских историков XVI–XVII вв. «Таварих-и гузида», «Шараф-наме-и шахи» Хафиз-и Таныша Бухари и «Бахр ал-асрар» Махмуда б. Вали содержат интересное сообщение о том, что тюменский (узбекский) хан Абу-л-Хайр одно время контролировал Поволжье, и его даруги находились в Булгаре. Это сообщение, довольно неопределенное в хронологическом отношении, исследователи предположительно относят к 1430-м гг.⁷⁷¹ Однако, на наш взгляд, речь может идти с большей вероятностью о 1440-х гг., что позволяет объяснить причины роста могущества Сайид-Ахмада. Видимо, как раз в это время Абу-л-Хайр

(именно тогда достигший наивысшего могущества, победив большинство своих врагов в Тюменском юрте⁷⁷²) вступил в борьбу с сарайским ханом Кичи-Мухаммадом, который если и не потерпел полного поражения, то был значительно ослаблен и перестал представлять угрозу для внука Токтамыша. По-видимому, в то же время и многие влиятельные ордынские сановники оставили Кичи-Мухаммада и перешли к Сайид-Ахмаду. Это подтверждается сообщениями русских источников — так, например, русские священнослужители писали в 1447 г. галицкому князю Дмитрию Шемяке, отказывавшемуся платить Сайид-Ахмаду дань: «Седи-Ахмета не признаешь царем; но разве не в сих же улусах отец твой судился с великим князем? Не те ли же царевичи и князья служат ныне Седи-Ахмету?»⁷⁷³

В связи с этим вполне обоснованным представляется вывод А. А. Горского о том, что хотя Кичи-Мухаммад и владел в это время Сараем и историческим центром Золотой Орды, т. е. Поволжьем, реальная сила находилась в руках Сайид-Ахмада, который и воспринимался другими государствами как наиболее могущественный золотоордынский «царь».⁷⁷⁴ Именно ему к 1447 г. русские князья выплачивали «выход» «по первому окладу».⁷⁷⁵

Казалось, он был весьма близок к тому, чтобы осуществить свою мечту — восстановить власть рода Токтамыша над Золотой Ордой.

III

Однако его амбициозным планам не суждено было сбыться, и причиной тому оказалась его не вполне продуманная политика по отношению к Литве. Можно счесть ошибкой само его вмешательство в литовские дела, однако не будем забывать, что, придя к власти не без помощи литовских князей, Сайид-Ахмад сохранил тесные связи с Литвой и был заинтересован в сохранении дружественных отношений с этим государством. Кроме того, не следует сбрасывать со счетов и его вполне естественное желание играть важную роль в политике соседних государств, тем самым укрепляя авторитет Золотой Орды на международной арене). Поэтому не случайно уже с первых дней своего правления, с 1433 г. он принял активное участие в литовских междоусобицах, поддержав князя Свидригайло против его двоюродного брата Сигизмунда Кейстутовича (брата Витовта), которого поддерживал его соперник Улуг-Мухаммад.⁷⁷⁶

Однако в 1440 г. и оба соперничавших великих литовских князя сошли с политической арены: Свидригайло еще в 1436 г. был свергнут с трона и бежал в московские владения, Сигизмунд был убит

в результате заговора литовских магнатов, недовольных его жестким, властным стилем управления. На освободившийся трон был возведен его двоюродный племянник Казимир, сын Ягайло и брат польского короля Владислава III. Он сохранял мирные отношения с Сайид-Ахмадом и выплачивал ему положенный «выход» за южнорусские земли, что было предусмотрено еще ярлыком Токтамыша Ягайло от 1392–1393 гг.

Однако в 1444 г. король Владислав отправился в крестовый поход против турок и погиб в битве при Варне (отсюда и прозвище, с которым он вошел в польскую историографию, — Варненьчик). На освободившийся польский трон вступил его брат Казимир — литовский князь, который заявил о намерении соединить под своей властью Польшу и Литву.

Это решение не слишком пришлось по душе литовской знати, которая желала, чтобы на троне Литвы по-прежнему находился самостоятельный монарх, который бы учитывал интересы и позиции не польской, а литовской аристократии. Права на литовский трон предъявил противник Казимира — князь Михаил (Михайлушко), сын Сигизмунда Кейстуовича. Около 1447 г. началась война: Михаил Сигизмундович выступил против Казимира IV и силой оружия попытался занять трон, ранее принадлежавший его отцу. На его-то стороне и вмешался в литовскую междоусобицу Сайид-Ахмад.

Выполняя союзнический долг, хан совершил несколько походов на Литву. В 1448 г. Сайид-Ахмад и Михаил вторглись в Подолию и захватили много пленных, а годом позже князь Михаил с помощью ордынцев взял Стародуб, Новгород-Северский и Киев, который ордынцы Сайид-Ахмада подвергли жестокому разорению. Однако в том же году союзники потерпели поражение.⁷⁷⁷ Хану пришлось вернуться в родные степи, а сын Сигизмунда бежал на Москву (он умер там около 1452 г. — предположительно был отравлен⁷⁷⁸). В результате Сайид-Ахмад уже не мог рассчитывать на поддержку со стороны Литвы, где пришли к власти его политические противники.

Позиция хана в литовских междоусобицах вызвала и конфликт с Великим княжеством Московским: Василий II заключил мир с Казимиром IV и, узнав о противостоянии его с Сайид-Ахмадом, отказался выплачивать хану «выход».⁷⁷⁹ Несколько попыток хана вернуть власть над Русью оказались неудачными. Так, летом 1449 г. его войска были разгромлены на р. Пахра, причем победили хана выходцы из Золотой Орды, которыми по иронии судьбы командовал Касим — сын того самого Улуг-Мухаммада, которого около пятнадцати лет назад сам

же Сайид-Ахмад вытеснил из южнорусских степей!⁷⁸⁰ А некоторое время спустя московские власти, не ограничившись только отказом платить «выход», в свою очередь вступили и в военное столкновение с ханом: по приказу великого князя московского казанский царевич Якуб б. Улуг-Мухаммад выступил на помощь королю Казимиру IV в борьбе с Михаилом Сигизмундовичем и Сайид-Ахмадом.⁷⁸¹

Неудачный выбор союзника в литовской междоусобице повлек крайне серьезные и неприятные последствия для Сайид-Ахмада.

Прежде всего, поляки и союзные им литовцы, в свою очередь, выдвинули кандидата на ханский трон — им стал Хаджи-Гирей, в свое время вытесненный из Крыма, да еще и раненный во время бегства. «По просьбе князей и уланов орды Перекопской», т. е. Крыма, Казимир IV отправил царевича на полуостров, где тот при поддержке Текне Ширина (который предал и Сайид-Ахмада, как прежде изменил Улуг-Мухаммаду) был провозглашен ханом.⁷⁸² Это произошло в том же 1449 г. Сторону Ширинов принял также и другой могущественный род Барын, так что Хаджи-Гирею в короткое время удалось вытеснить Сайид-Ахмада из Крыма.⁷⁸³ Хану пришлось довольствоваться владениями в южнорусских степях — прежнем улусе своего отца Кебека.

Приблизительно в это же время Кичи-Мухаммад вернул себе лидирующие позиции в Поволжье.⁷⁸⁴ Примечательно, что вновь занять трон ему помогли те самые Шибаниды, которые прежде соперничали с ним за территории Поволжья и Урала.⁷⁸⁵

Таким образом, из-за своей неудачной попытки играть значительную роль в восточноевропейских делах (в частности — в литовских) Сайид-Ахмад очень быстро лишился всех тех достижений, которых сумел добиться десятилетием раньше.

IV

В отчаянной попытке вернуть утраченное положение Сайид-Ахмад в 1451 г. организовал крупный поход на Русь. Его сын, упоминающийся в русских летописях как «Мазовша», подошел к Москве, разорил ее окрестности и осадил столицу Русского государства, но на взятие города сил у него не хватило, и ему пришлось отступить.⁷⁸⁶

Потерпев ряд поражений от москвичей и литовцев, Сайид-Ахмад оказался легкой добычей для Хаджи-Гирея, который окончательно разгромил внука Токтамыша и заставил его бежать.⁷⁸⁷ Сайид-Ахмад попытался найти убежище в Литовском княжестве, с правителями которого его прежде связывали союзные отношения — возможно, он

также надеялся, что литовские политики захотят его использовать в качестве альтернативы Хаджи-Гирею или Кичи-Мухаммаду.

И он наивно направился в тот самый Киев, на который напал около 5 лет тому назад и подверг страшному разорению! Однако там по-прежнему сидели наместники его врага Казимира IV, которые ничего не забыли: хан был схвачен и под конвоем отправлен к литовскому государю.⁷⁸⁸ Поскольку у власти в Литве по-прежнему пребывали недруги Сайид-Ахмада, они не собирались прощать ему прежнего участия в борьбе против них. В результате свергнутый монарх был закован в цепи и отправлен в Ковно, где и скончался несколькими годами позже, вероятно — около 1455 г.⁷⁸⁹

Впрочем, некоторые исследователи высказывали предположения, что Сайид-Ахмаду удалось бежать, или же он был освобожден и даже вновь возглавил свою орду в южнорусских степях. Причем, по их мнению, управлял ей вплоть до 1465 г.⁷⁹⁰ Что же послужило основанием для таких предположений?

Дело в том, что в ряде русских летописей во второй половине 1450-х гг. упоминается о набегах на Русь «Орды Седихмата» или «татар Седихматовых» — в частности под 1455 и 1459 гг.⁷⁹¹ Упоминание имени хана и позволило исследователям усомниться в сообщениях источников о его смерти и напротив — предположить, что он освободился из плена и вновь возглавил своих подданных.⁷⁹²

Между тем, ни один летописец, сообщая об этих набегах, не упоминает, что их возглавлял сам Сайид-Ахмад. Напротив, речь идет о том, что во главе ордынских войск, совершавших набеги, стоял некий «солтан», сын Сайид-Ахмада.⁷⁹³ Подтверждают факт смерти хана в литовском плену и исторические источники — так, в письме крымского хана Менгли-Гирея Ивану III от 1504 г. содержится, в частности, следующее: «Казимир король, Седихмата царя поймав не выпустил же».⁷⁹⁴ Некоторые исследователи даже путают судьбу Сайид-Ахмада и одного из последних ханов Золотой Орды — Шейх-Ахмада (героя последнего из наших очерков), который, как мы увидим ниже, также сидел в литовском плену в Ковно, но затем был освобожден.⁷⁹⁵

Впрочем, со смертью Сайид-Ахмада история его Орды, по-видимому, не закончилась. Надо полагать, ее возглавили сыновья умершего хана — уже известный нам «Мазовша» и другие, которым удалось собрать уцелевших подданных своего отца.⁷⁹⁶ Но, в отличие от Сайид-Ахмада, его потомки не могли предпринимать каких-то значительных военных кампаний и ограничивались мелкими пограничными набегами

на рубежи Руси — именно о них-то и упоминают русские летописцы под 1455 и 1459 гг.

Вместе с тем нельзя сказать, что род Сайид-Ахмада в одночасье сошел с политической сцены. Известен договор крымского хана Менгли-Гирея с городом Кырк-Ером 1472 г., среди условий которого, в частности, присутствует обязательство жителей города не впускать в город сыновей Хаджи-Гирея и сыновей Сайид-Ахмада.⁷⁹⁷ Этот факт, на наш взгляд, показывает, что даже два десятилетия спустя после ухода с политической сцены Сайид-Ахмада в Крыму сохранялся пиетет к нему и его роду — потомкам Токтамыша, которые признавались законными наследниками золотоордынского трона, а следовательно, и Крымского юрта. И династия Гиреев не без оснований опасалась конкуренции с их стороны, хотя сами ее представители были давними потомственными правителями полуострова.

Однако после 1459 г. сведений о Сайид-Ахмаде и его орде мы в источниках больше не встречаем: уже под 1460 г. на политическую сцену вышли новые властители — ханы Махмуд и Ахмад, сыновья Кичи-Мухаммада, сумевшие захватить и владения сыновей Сайид-Ахмада. Их правление стало следующим этапом развития Золотой Орды.

ОЧЕРК ШЕСТНАДЦАТЫЙ

АХМАТ, ИЛИ КРУШЕНИЕ ОРДЫ

(ХАН, 1459/1461–1481)

Нет человека, которому бы в жизненной лотерее доставались одни выигрыши.

Болеслав Прус

Правление Ахмад-хана — довольно нетипичное явление для поздней Золотой Орды: он не только удерживал власть в Сарая около двух десятилетий, но и вел весьма активную внутреннюю и внешнюю политику. Ахмад находился в дипломатических отношениях с Римом, Венецией, Османской империей, активно вмешивался в дела Крыма, Восточного Дешта и Руси. В 1470-х гг. ему едва не удалось восстановить единство Золотой Орды, однако могущество властителей Сарая к этому времени было настолько подорвано, что личных талантов и энергии Ахмада оказалось недостаточно для реализации его амбициозных планов.

I

Ахмад, второй сын Кичи-Мухаммад-хана,⁷⁹⁸ впервые упоминается в источниках около 1460 г.⁷⁹⁹ Под этим годом русские летописцы сообщают, что он приходил под Переяславль-Рязанский и разорил его округу. Тот факт, что он упоминается летописцем в качестве «царя», свидетельствует, что к этому времени он уже занимал трон.

В самом деле, последние монеты хана Кичи-Мухаммада, удачливого соперника Улуг-Мухаммада в борьбе за трон Золотой Орды, относятся к 1459 г. Вероятно, в том же году он умер, и к власти пришли его сыновья Махмуд и Ахмад. По-видимому, братья вскоре разделили владения. Махмуд, сохранивший номинальное главенство, господствовал в южнорусских степях и Северном Причерноморье (до тех пределов, где начинались владения крымского хана Хаджи-Гирея), а главная ставка его располагалась в Хаджи-Тархане. Ахмад

же получил в управление Поволжье и все земли далее на восток, которые еще подчинялись ордынским ханам. Возможно, ему же отошла и бывшая столица Золотой Орды Сарай.

Разделение братьев помогло им сохранить мир и согласие в Золотой Орде,⁸⁰⁰ однако некоторое время спустя повлекло неприятности. В 1465 г. Махмуд-хан собрался в поход на русские земли (принадлежавшие то ли Москве, то ли Литве), но когда он переправлялся через Дон, на него неожиданно напал крымский хан Хаджи-Гирей, который разгромил Махмуда и заставил вернуться в Хаджи-Тархан.⁸⁰¹ Поражение оказалось настолько сильным, что владения и многие подданные Махмуда попали во власть крымского хана.

Хаджи-Гирей уже готовился провозгласить себя новым государем всей Золотой Орды, однако в августе 1466 г. неожиданно умер.⁸⁰² Последовавшая за его смертью смута в Крымском ханстве позволила Махмуд-хану вернуть себе потерянные в результате поражения от крымцев улусы. Вскоре он мог с полным правом вновь считать себя законным и полноправным преемником своего отца. В послании к турецкому султану Мехмеду II Фатиху от 22 шабана 870 г. х. (10 апреля 1466 г.) Махмуд писал: «Благодарение милости Аллаха, когда великое место прежних ханов — предков наших было милостиво даровано нам» и в заключение предлагал султану восстановить дружеские отношения и обмениваться послами и торговыми караванами, как это делали их предки.⁸⁰³

Ахмад, владевший северо-восточной частью Золотой Орды, в то время не имел конфликтов с крымским ханом, поскольку у них не было общих границ.⁸⁰⁴ Поэтому он мог уделять больше внимания делам на востоке, где его интересы столкнулись с интересами Шибанидов — ханов бывшей Синей Орды, а ныне независимого государства кочевых узбеков. Их столкновение произошло по поводу Хорезма. Дело в том, что одной из жен Ахмада в 1450-е гг. стала Бади ал-Джамал (Бадке)-бегим, сестра Хусайна Байкары, потомка Амира Тимура, впоследствии ставшего правителем Хорасана.⁸⁰⁵ Вероятно, в качестве приданного за сестрой Султан-Хусайн-мирза согласился вернуть сарайскому хану Хорезм, вторично захваченный Тимуридами у Золотой Орды в 1412/1413 г.

Однако Хорезм в это время попал в сферу интересов могущественного узбекского хана Абу-л-Хайра, который неоднократно предпринимал попытки захватить эту область и не собирался уступать права на нее ни Тимуридам, ни ордынским ханам.⁸⁰⁶ Ахмад-хан, не решаясь вступать в открытый конфликт с грозным узбекским властителем,

решил выждать и начал действовать уже после смерти Абу-л-Хайра, последовавшей в 1468 г.

II

Узбекский Абу-л-Хайр-хан был правителем решительным и энергичным и отличался крутым нравом. Не удивительно, что после его смерти многие из его подданных не захотели, чтобы у власти оставались его потомки, обладавшие таким же характером. Поэтому после смерти Абу-л-Хайра на трон возвели представителя другой ветви Шибанидов — Йадгар-хана. С этим ханом Ахмаду было легко найти общий язык: по некоторым сведениям, Йадгар в свое время помог его отцу Кичи-Мухаммаду возглавить Золотую Орду.⁸⁰⁷ Поэтому весьма вероятно, что Ахмад вступил в союз с новым ханом, обеспечив тем самым безопасность восточных границ своих владений.

Однако Йадгар, ставший ханом уже в преклонном возрасте, скончался в 1469 г., и сторонники прежней династии возвели на трон Шайх-Хайдар-хана, сына Абу-л-Хайра. Новый хан был не менее энергичен и деятелен, чем его отец, но, на свою беду, не обладал его харизмой, талантами и властью, поэтому многие подданные вскоре взбунтовались против него. Ахмад, почувствовав, что пришел его час, решил, наконец, вмешаться в борьбу в Восточном Деште и заполучить Хорезм.

У Шайх-Хайдара оказалось очень мало и войск, и приверженцев, а против него выступили султаны Джанибек и Гирей, правнуки Урус-хана (в 1430-е гг. подчинившиеся Абу-л-Хайру), ногайские мирзы Муса и Ямгурчи, правнуки Идигу, а также Буреке-султан б. Йадгар-хан, и еще один Шибанид — тюменский царевич Ибак (Сайид-Ибрахим), сын Хаджи-Мухаммад-хана, некогда убитого Абу-л-Хайром. В 1470–1471 гг. Шайх-Хайдар лишился власти над значительной частью своих владений. Поэтому появление в это время в Восточном Деште Ахмада с его претензиями на Хорезм было для него совершенно некстати.

По-видимому, узбекскому хану пришлось выделить часть своих и без того немногочисленных войск для защиты западных границ. А вскоре Ибаку удалось застичь врасплох Шайх-Хайдар-хана, у которого остался небольшой отряд воинов, и в короткой схватке сын Абу-л-Хайра был убит. Ахмад так и не вступил в эту борьбу, однако после гибели узбекского монарха заключил мир с его противниками, женился на сестре ногайских мирз Мусы и Ямгурчи и, вероятно,

получил от новых союзников заверение, что они не будут ему препятствовать в овладении Хорезмом.⁸⁰⁸

Однако пока Ахмад занимался своими восточными делами, в Хаджи-Тархане умер его брат Махмуд,⁸⁰⁹ и хану пришлось поспешить в Поволжье, чтобы не позволить начаться очередной смуте. Сразу по прибытии, в том же 1471 г. он узнал, что его племянник Касим б. Махмуд, унаследовавший Хаджи-Тархан, дал приют двум внукам Абу-л-Хайра — узбекским царевичам Мухаммаду Шайбани и Махмуд-султану. Пытался ли Касим своими действиями показать, что он не повинуется дяде-хану? Наверное, нет. Думаем, он решил оказать покровительство царевичам, потому что просто не знал, что ситуация в Восточном Деште изменилась, и полагал, что дядя по-прежнему состоит в союзе с узбекскими Шибанидами.⁸¹⁰

Как бы то ни было, внуки Абу-л-Хайра считались претендентами на трон узбекского государства, а потому Ахмад и его союзники решили расправиться с ними. Объединившись с ногайским бием Аббасом (дядей Мусы и Ямгурчи) и Ибаком, Ахмад двинулся к Хаджи-Тархану и осадил его, потребовав у племянника немедленно выдать Мухаммада Шайбани и Махмуд-султана. Касим, не желавший (да и не имевший возможности) противостоять собственному дяде и его многочисленным союзникам, был вынужден отказать беглецам в гостеприимстве. Впрочем, он успел заранее предупредить их, и узбекским царевичам удалось покинуть город, прежде чем кольцо осады сомкнулось. Касим поспешил уверить дядю в своей лояльности, что позволило ему избежать разорения Хаджи-Тархана.⁸¹¹

Выяснив, что беглецов в городе нет, союзники распустили свои войска и разошлись по уделам, решив что Мухаммад Шайбани, оставшийся без убежища и поддержки, вскоре так или иначе погибнет. Однако они ошибались: у внука Абу-л-Хайра были совершенно иные планы. Вскоре после своего бегства из Хаджи-Тархана ему удалось объединиться с группой приверженцев своего деда, вместе с которыми он совершил нападение на лагерь Ибака, убив его сына и брата.⁸¹²

Ахмад-хан не сразу получил вести о нападении на своего союзника. Он в это время двинулся в поход на Русь, очевидно, решив показать своим русским вассалам, что со смертью Махмуд-хана власть Орды над ними не ослабла. В ходе этого набега ему удалось разграбить юго-западные окраины Руси, а город Алексин был им разорен и сожжен дотла.⁸¹³ Однако как раз в это время хану донесли о том, что дерзкий внук Абу-л-Хайра осмелился напасть на его, Ахмада,

собственные владения. Не вступая в бой с московскими войсками, хан повернул домой.

Как оказалось, Мухаммад Шайбани, вдохновленный своим успешным нападением на Ибака и знавший, что Ахмад со своими основными силами двинулся на Русь, решился на отчаянный набег в пределы Тахт-эли («Престольного владения» — так в период распада называли область, где находилась резиденция номинального верховного хана).⁸¹⁴ Конечно, внук Абу-л-Хайра не собирался вступать в бой с войсками Ахмада, а намеревался лишь пограбить его улусы. Разделив 150 своих всадников на несколько отрядов, узбекский султан разослал их в разные стороны. По пути к одному из стойбищ Ахмад-хана отряд из сорока воинов под командованием самого Мухаммада Шайбани столкнулся с разъездом под предводительством Конуш-бека из племени кипчак, в стычке с которым одержал победу.⁸¹⁵ После этого удальцы узбекского царевича напали на кочевья Ахмад-хана и начали их грабить, но, узнав о возвращении хана из похода на Русь, немедленно покинули пределы Тахт-эли и вернулись в Восточный Дешт.

После этого досадного инцидента в 1472 г. Ахмад-хан уже не имел никаких враждебных отношений с узбеками. Возможно, впрочем, что это было связано с тем, что он, унаследовав от брата Махмуда интересы на западе, перестал претендовать на ордынские владения на востоке, включая и Хорезм. Узбекские и казахские владетели, до конца XV в. находившиеся в состоянии беспрестанной междоусобицы, были весьма признательны могущественному властелину Поволжья за невмешательство в их дела и, в свою очередь, не доставляли неприятностей Ахмад-хану.

III

Номинально возглавив род Джучидов, Ахмад за короткое время сумел установить контроль над Поволжьем и южнорусскими степями. В связи с этим фигура хана вызвала большой интерес в Западной Европе, где его стали всерьез рассматривать как равноценный противовес грозному турецкому султану Мехмеду II Фатиху («Завоевателю»).

В 1471 г. Ахмад заключил союз с польским королем Казимиром IV Ягеллоном о совместных действиях против Московской Руси.⁸¹⁶ По некоторым сведениям, именно в рамках этого соглашения Ахмад в 1472 г. и совершил поход на русские земли, закончившийся разорением Алексина. К счастью для Москвы, король не смог выполнить свои союзнические обязательства, поскольку в это время должен был

помогать своему брату Владиславу в борьбе за венгерский престол.⁸¹⁷ Тем не менее, антирусский союз между Казимиром IV и Ахмад-ханом продолжал оставаться реальностью на протяжении всего правления хана, что побудило Москву пойти на сближение с Крымом. В 1474 г. между Иваном III и крымским ханом Менгли-Гиреем было заключено соглашение, в соответствии с которым хан обязывался помогать своими войсками москвичам, если польский король выступит против них, а великий князь московский в случае нападения Ахмад-хана на Крым обещал выслать против него ордынских «царевичей», состоявших на его службе.⁸¹⁸

Еще в 1470 г. венецианский сенат с огромным вниманием выслушал доклад некоего авантюриста Джованни-Баттисты делла Вольпе («Иван Фрязин» русских летописей) о блестящих возможностях союза с ханом Ахмадом, который мог бы помочь республике отвоевать владения в Средиземном море, захваченные у нее турками. Антонио Джисларди, племянник делла Вольпе, сообщил сенаторам, что в распоряжении хана находится до 200 000 воинов, готовых двинуться на османов по первому его слову.⁸¹⁹

Годом позже, в 1471 г., венецианцы приняли решение направить к Ахмад-хану секретаря сената Джованни-Баттисту Тревизано с предложением о союзе и ценными подарками. Однако посол на три года застрял в Москве (правительство которой не слишком-то желало установления венециано-ордынского союза и поэтому поспешило обвинить его в шпионаже в пользу хана) и прибыл к Ахмад-хану лишь в июле 1474 г.⁸²⁰

За время пребывания Тревизано в Москве вышеупомянутый делла Вольпе вернулся в Италию и в июне 1472 г. появился в Риме, где много рассказывал о своих доверительных отношениях с Ахмад-ханом. По словам авантюриста, хан был готов собрать «страшное войско против турок» и напасть на них со стороны Венгрии, если ему каждый месяц будут выплачивать 10 000 дукатов и пришлют подарков еще на 6 000 дукатов. Однако итальянские политики весьма осторожно отнеслись к предложениям делла Вольпе и в конечном счете решили отвергнуть их — из-за значительности сумм и рискованности предприятия.⁸²¹

Тем не менее, когда в 1476 г. в Венецию вернулся Тревизано с двумя послами Ахмад-хана, Темиром и «Брунахо Батырем», сенат республики с радостью отреагировал на предложение хана — выступить с 200 000 воинов против турков через Дунай вдоль Черного моря. Сенат выделил 2 000 дукатов на новое посольство Тревизано,

которое в середине того же года направилось к хану. Однако, как ни странно, против инициатив Венеции выступил на этот раз польско-литовский король Казимир IV, который и сам считался союзником хана Золотой Орды: он опасался, что союз Орды с Венецией вызовет угрозу его границам, ведь именно через его пограничные территории лежал путь ордынских войск! Не желая портить отношения с христианским королем-союзником ради не слишком надежного союза с ханом-иноверцем, венецианский сенат в марте 1477 г. отозвал Тревизано, который успел доехать только до Польши.⁸²²

Тем не менее, сам факт переговоров с венецианцами в значительной степени способствовал росту внешнеполитической активности Ахмад-хана, который все более и более беспокоился по поводу усиления турков. В самом деле, несмотря на единство вероисповедания и прежние дружеские отношения с Османами, хан был очень недоволен активной экспансией турков в Восточной Европе. В результате походов Мехмеда II в первой половине 1470-х гг. пали союзные Золотой Орде Трапезундская империя (1470 г.), княжество Феодоро и генуэзские колонии в Крыму (1475 г.), на месте которых появились османские бейлики, никоим образом не зависимые от воли золотоордынских ханов.⁸²³

Хан попытался исправить это положение в 1476 г., воспользовавшись смутой в Крыму. В 1475 г. Менгли-Гирей б. Хаджи-Гирей был в очередной раз свергнут с трона своими братьями Нур-Девлетом и Хайдаром, бежал в Кафу и попал в плен к туркам, которые как раз в это время захватили генуэзские колонии в Крыму. Эминек из рода Ширин, бекляри-бек Нур-Девлет-хана, не поладил со своим младшим братом Хаджике, который вступил в союз с Ахмад-ханом и призвал его в Крым. Ахмад немедленно отправил на полуостров войска под командованием своего племянника Джанибека б. Махмуд-хана. В конце 1476 г. Джанибек при помощи Хаджике был провозглашен правителем Крыма, а его соперники, сыновья Хаджи-Гирея, были вынуждены бежать.⁸²⁴

Объединив под своей властью Поволжье, Причерноморье и Крым, Ахмад-хан был полон самых радужных ожиданий и мог себе позволить достаточно высокомерный тон в общении с турецким султаном. В начале 1477 г он направил Мехмеду II Фатиху послание, которое высокомерно назвал ярлыком — повелением вышестоящего государя нижестоящему. Хан снисходительно соглашался продолжать поддерживать с султаном мир и дружбу и «позволял» Мехмеду II отправлять к нему послов с дарами. «Как только эти сведения достигнут

ушей моего брата, с хорошим известием Исхака быстро назад ко мне пошли и дружбу между нами твори! Так говоря, ярлык с нишаном написал», — завершал Ахмад-хан свое послание.⁸²⁵

Между тем, оказалось, что хан рано радовался. Джанибек, находившийся в Крыму, гораздо лучше осознал ситуацию и почувствовал, что его владычество долго не продлится. Не случайно он, провозгласив себя крымским правителем, немедленно вступил в переговоры с московским великим князем, прося предоставить ему убежище в случае потери власти.⁸²⁶ И в самом деле, уже весной 1477 г. Джанибеку пришлось оставить крымский трон, на который вновь вступил Нур-Девлет — причем, по некоторым сведениям, при полном одобрении Ахмад-хана (до которого, возможно, дошли слухи о переговорах племянника с Москвой).⁸²⁷ Однако в 1478 г. Нур-Девлет снова (на этот раз окончательно) был свергнут своим братом-соперником Менгли-Гиреем, бежал в Литву, а затем поступил на московскую службу.

Потеря Крыма, а также закончившиеся ничем переговоры с Венецией заставили Ахмад-хана несколько сбавить тон в переписке с Мехмедом II, в союзе с которым он теперь нуждался. Новое ханское послание, написанное в сафаре 882 г. х. (май—июнь 1477 г.), было выдержано уже не в таком вызывающем тоне и даже не именовалось ярлыком. Хан льстиво именовал султана «господин получатель, дражайший и благородный брат, господин султанов арабских и персидских, властелин над выями народов, тень Аллаха на земле, повелитель вод и суши, помогающий рабам Аллаха, покровитель стран Аллаха, побеждающий врагов Аллаха, справедливейший из правителей людей и духов, источник, источающий справедливость и благодеяния, помощь этого мира и веры». Вместо прежнего снисходительного предложения мира и дружбы Ахмад-хан поздравлял султана с завоеванием многих земель и сам просил у него дружбы и союза, обещая помогать ему в военных предприятиях.⁸²⁸

Однако усилия Ахмада пропали зря: султан лишь формально продолжал поддерживать с ним отношения: после того как в 1478 г. на крымский трон был возведен Менгли-Гирей, признавший себя вассалом султана, Мехмед II уже не нуждался в союзе с ханом Золотой Орды. И если для Ахмада это было просто потерей возможного союзника, то его сыновья впоследствии гораздо сильнее пострадали от ухудшения отношений с Османской империей...

Ахмад-хан, лишившись контроля над Крымом и Северным Причерноморьем, решил сосредоточить все усилия, чтобы не потерять

другие свои владения. В связи с этим его взор вновь обратился на русские земли.

IV

Московский великий князь Иван III в течение всего правления Ахмад-хана вел себя совсем не как верный вассал и союзник. Вступив на престол в 1462 г., он не приезжал в Орду за ярлыком сам и не присылал своих представителей. Не было и соответствующих «поминков», т. е. подарков, взяток и пр. Даже рейд Ахмада на русские земли в 1472 г. не заставил великого князя пересмотреть свою политику: как мы помним, хану не удалось решить поставленные задачи из-за отсутствия помощи от польского короля и нападения узбекского царевича Мухаммада Шайбани. Неудачный поход лишь убедил Ивана III в слабости хана и, вероятно, побудил его отказаться от признания зависимости и выплаты ордынского «выхода».⁸²⁹

Во второй половине 1470-х гг. хан предпринял последнюю попытку подчинить строптивного вассала мирными средствами. В 1476 г., вскоре после захвата Крыма, он отправил на Русь своего посла Бочука, доставившего Ивану III послание-ярлык, в котором Ахмад-хан сообщал о своей победе в Крыму, требовал выплаты дани и вывода из Касимова царевича Даниара б. Касима, внука Улуг-Мухаммада.⁸³⁰

Московский государь находился в это время в сложной политической ситуации: он был вынужден противостоять польско-литовскому натиску и в то же время готовился к окончательному покорению Новгорода. В таких условиях портить отношения с ханом Золотой Орды ему было совершенно ни к чему. Не случайно именно в этот период, в марте 1475 г., Иван III, рискуя вызвать гнев своего союзника крымского хана Менгли-Гирея, отказался порвать отношения с Ахмад-ханом и продолжал обмениваться с ним послами.⁸³¹ Поэтому и на этот раз он принял ханского посла радушно и отправил обратно вместе с собственным посланцем — Матвеем Бестужевым. Есть основания полагать, что в трудных политических условиях Иван III пошел на уступку хану: собрал дань и временно «вывел» Даниара из Касимова. Естественно, позднейшие русские летописцы предпочли скрыть столь позорный для великого князя факт.⁸³²

Однако к 1479 г., когда Новгород был окончательно присоединен к великокняжеским владениям, а положение Ахмада, напротив, ухудшилось из-за потери Крыма и провала переговоров с Венецией и турецким султаном, Иван III понял, что его час настал. И когда Ахмад-хан в очередной раз прислал к нему послов с требованием

выплаты дани и явки самого великого князя в Орду, Иван Васильевич, согласно преданию, разорвал ханское послание, «истоптал басму» и отправил ханских послов обратно со своим дерзким, «ругательным» ответом, что несказанно разъярило хана.⁸³³ В итоге последовал поход Ахмад-хана на Русь.

Вместе с ханом в поход выступила «вся Орда»: на Русь отправились шесть ханских сыновей и его племянник Касим из Хаджи-Тархана; кроме того, польский король также обещал предоставить свои войска. Соответственно, хан намеревался объединиться с поляками и двинулся к владениям Казимира IV. Именно с этой целью в июне 1480 г. хан вышел к Угре.⁸³⁴

Иван III отправил в поход против хана войска под командованием своего старшего сына Ивана Молодого и брата Андрея Васильевича Меньшого, которые соединились в Калуге и двинулись к Угре. Сам великий князь в это время находился то в Коломне, то в Москве, занимаясь не менее важным делом: ему было необходимо обосновать свое выступление против хана, который, несмотря на напряженные отношения Москвы с Ордой, все же считался «царем», законным сюзереном Руси. Итогом деятельности великокняжеских мудрецов стала выработка концепции, согласно которой Ахмад вовсе не являлся «царем», как и все его предшественники, начиная с Чингис-хана и Батыея, а потому выступление против него не только не было мятежом, но еще и всячески приветствовалось. Наиболее ярко эта идея была отражена в известном «Послании на Угру», составленном видным церковным деятелем конца XV в. ростовским архиепископом Вассианом Рыло.⁸³⁵

Московские полки прибыли на Угру как раз вовремя, чтобы воспрепятствовать намерению хана с ходу форсировать реку. В нескольких коротких стычках москвичи сумели пресечь попытки ордынских войск переправиться, в чем им очень помогли привезенные ими пушки. Началось «стояние на Угре», продлившееся до ноября 1480 г. В течение всей осени ханские войска предпринимали отдельные неудачные попытки переправиться через реку.

Не сумев с налета ворваться в русские земли, Ахмад-хан был вынужден согласиться на переговоры с Москвой. Московское посольство во главе с И. Ф. Товарковым прибыло к хану с посланием великого князя и богатыми дарами. Однако Ахмад повел себя весьма непоследовательно: согласившись выслушать предложения москвичей, он вдруг вернулся к своей прежней бескомпромиссной позиции — обвинил Ивана III в невыплате «выхода», отказе приезжать к нему «бить

целом» и соглашался продолжать переговоры, если только великий князь лично явится к нему. Естественно, московский государь не мог согласиться на эти требования, и переговоры зашли в тупик.⁸³⁶

Между тем, к негодованию хана, польский король так и не выступил ему на помощь, хотя невыполнение союзнического долга было обусловлено отнюдь не вероломством Казимира. Дело в том, что крымский хан Менгли-Гирей счел осень 1480 г. весьма удачным моментом для набега на польско-литовские рубежи, что заставило польского короля повременить с отправкой войск на соединение с Ахмад-ханом.⁸³⁷ Кроме того, Казимир IV как раз в это время столкнулся с очередным мятежом «верховских князей» — правителей-Рюриковичей из пограничных княжеств, уже давно тяготевших к Москве.⁸³⁸

По некоторым сведениям, именно из-за восстания этих князей в тылу Ахмад внезапно решил оставить попытки переправиться через Угру и ускоренным маршем двинулся на юг. В российской исторической традиции эти действия Ахмада, датируемые 11 ноября 1480 г., принято считать последней точкой в истории «монголо-татарского ига на Руси» и объяснять, естественно, божественным вмешательством: якобы русские, сами боясь, что ордынцы сумеют перейти реку по льду, решили отступить, а их враги, опасаясь военной хитрости противника, смутились и бежали — это-то взаимное бегство и было приписано «чуду пресвятой богородицы».⁸³⁹

V

Виня за неудачу на Угре своего ненадежного союзника, польского короля, Ахмад-хан не преминул отплатить ему: отступая с русских земель, он обрушился на владения Казимира IV и в течение 6 недель опустошал их, захватив города Мценск, Перемышль, Воротыньск, Белев, Одоев, Козельск.⁸⁴⁰ Считалось, что хан совершил нападение на князей, восставших против своего законного повелителя-короля и державших руку Москвы, но Казимир IV в любом случае вряд ли мог оценивать разорение своей земли как дружественный поступок. В результате союз между польским королем и ордынским ханом фактически был разорван.

Не желая отказываться от наказания русских, Ахмад-хан отправил своего старшего сына Муртазу в набег на владения Ивана III. Царевич совершил набег «на Конин да на (Н)Юхово» и, по некоторым сведениям, даже решил закрепиться и обосноваться здесь. Однако его планы были нарушены вмешательством «двух Андреев», братьев Ивана III: узнав от одного из пленников, что дружины братьев

великого князя находятся неподалеку, Муртаза поспешил отступить в ордынские пределы.⁸⁴¹

Неудачный поход на Русь означал также и отсутствие значительной добычи (хотя, согласно некоторым сообщениям, еще до своего отступления с Угры Ахмад-хан распорядился отправить «полон» в свои владения), а следовательно — и невозможность содержать огромное войско. Поэтому по возвращении в свои владения Ахмад был вынужден распустить свои силы. Все его сыновья и племянники, а также и племенные вожди разъехались по своим уделам. Даже бекляри-бек Ахмада, Тимур мангыт б. Мансур (внук Идигу), оставил своего повелителя, отправившись в свой улус. Хан остался в своей ставке с небольшим количеством телохранителей.

Этим решили воспользоваться тюменский правитель Ибак, потомок Шибана, и его ногайские союзники — мирзы Муса и Ямгурчи. Как мы помним, эти деятели в начале 1470-х гг вступили в союз с Ахмад-ханом и признали его номинальное верховенство. В последующие годы судьба развела их по разным областям бывшей Джучидской державы, и их интересы никак не пересекались: Ахмад сосредоточился на объединении Поволжья, Причерноморья и других западных уделов, а Ибак и ногайские мирзы старались укрепить свою власть в Восточном Дешт-и Кипчаке и Сибири. Однако во второй половине 1470-х гг. усиление Ахмад-хана стало вызывать беспокойство его прежних соратников. Подчинение Крыма, готовящийся союз то с европейскими государствами, то с Османской империей могли позволить Ахмаду в дальнейшем предпринять попытки по овладению и восточными улусами Джучидов (не следовало забывать также о его родстве с Тимуридами и правах на Хорезм). Все эти обстоятельства превратили прежних союзников во врагов. Неудивительно, что, узнав о неудаче Ахмада на Угре и роспуске им войск, Ибак с ногайскими князьями решили использовать свой шанс.

6 января 1481 г. Ибак, Муса и Ямгурчи всего с тысячей воинов внезапно напали на становище Ахмада, перебили его охрану и, ворвавшись в белый шатер хана, прикончили последнего великого правителя Золотой Орды.⁸⁴² Впоследствии и Ибак, и Ямгурчи приписывали себе честь умерщвления Ахмада. Возможно, впрочем, что оба они лично приняли участие в убийстве хана.⁸⁴³

Вскоре до Москвы дошли смутные слухи о гибели Ахмад-хана. Их неопределенность отразилась в очередном послании Ивана III крымскому хану Менгли-Гирею, датированному апрелем 1481 г.: великий князь выражал надежду, что его союзник по-прежнему «на всякого

на нашего недруга бытии со мною заодин», независимо от того, «кто будет на том юрте на Ахматове места царь». ⁸⁴⁴

Вскоре, однако, неопределенность исчезла. Тимур мангыт, беклярибек Ахмад-хана, благодаря своей счастливой судьбе, сумел избежать участи своего государя (хотя Тимур приходился двоюродным дядей Мусе и Ямгурчи, отношения между ними были настолько напряженными, что кровное родство не остановило бы их перед убийством). Ему удалось собрать в степи некоторых сыновей Ахмада, вместе с которыми он отправился в Крым и отдался под покровительство Менгли-Гирей-хана. ⁸⁴⁵ От Тимура-то властитель Крыма и узнал достоверно о гибели своего противника.

С этого времени на сцену вышло новое поколение ханов Золотой Орды — и, как оказалось, последнее. Главными действующими лицами завершающего этапа ордынской истории стали многочисленные сыновья Ахмад-хана, наиболее заметное место среди которых занял Шейх-Ахмад.

ОЧЕРК СЕМНАДЦАТЫЙ

ШЕЙХ-АХМЕД, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ ХАН И ЕГО БРАТЬЯ
(ХАН, 1481/1482–1502/1528)

Глупец тот, кто пытается прикрыть собственное ничтожество
заслугами своих предков.

Генрих Гейне

После гибели хана Ахмада его многочисленные сыновья и племянники всеми силами старались удержать власть над собственными уделами, уже не помышляя о возрождении былого могущества Золотой Орды и лишь отражая попытки других родичей покунуться на их самостоятельность. Для иностранных же государей «Ахматовы дети» превратились в своеобразное орудие влияния на других соседей. Особенно ярко выделялась в этом плане фигура Шейх-Ахмада, традиционно считающегося последним ханом Золотой Орды: не обладая и тенью власти своих предков, он, тем не менее, около сорока лет считался ханом, по сути, являясь игрушкой в руках различных политических сил.

I

Шейх-Ахмад был одним из девяти сыновей Ахмад-хана. Он не был старшим (в источниках его упоминают его обычно третьим⁸⁴⁶), но обстоятельства сложились так, что именно ему было суждено стать преемником отца и последним ханом Золотой Орды.

Как мы помним, после смерти Ахмад-хана его бекляри-бек Тимур мангыт вместе с двумя сыновьями своего господина, Муртазой и Сайид-Ахмадом, сумел бежать в Крым, где они нашли убежище при дворе Менгли-Гирея.⁸⁴⁷ Крымский хан, несмотря на вражду с Ахмадом, радушно принял беглецов: будучи опытным политиком, он прекрасно понимал, что таких влиятельных врагов лучше держать рядом, под своим контролем.

Вероятно, в это-то время Шейх-Ахмад, следующий по старшинству брат, и был провозглашен ханом: приверженцы Ахмада опасались, что без хана (пусть даже и номинального) государство Джучидов падет окончательно. В 1481 (или 1482) г. престол, опустевший после гибели Ахмад-хана, наконец-то был занят легитимным монархом.⁸⁴⁸

В течение нескольких лет Муртаза и Сайид-Ахмад проживали при дворе крымского хана на положении то ли почетных гостей, то ли пленников. Их статус окончательно определился в 1485 г., когда царевичи попытались покинуть двор Менгли-Гирея: крымский хан немедленно отправил за ними погоню и успел захватить Муртазу. Сайид-Ахмаду же удалось бежать в Дешт-и Кипчак, где он, при поддержке бежавшего вместе с ним Тимура мангыта, вскоре также был провозглашен ханом, выступив, таким образом, конкурентом Шейх-Ахмада. Возможно, именно из-за этого первым же шагом Сайид-Ахмада стала попытка освобождения из крымского плена Муртазы: он надеялся на поддержку и признание своего ханского достоинства со стороны старшего брата.

В 1485 (или 1486) г. Сайид-Ахмад, узнав, что Менгли-Гирей распустил свои основные войска, вместе со своим бекляри-беком Тимуром внезапно вторгся в Крым, осадил Кырк-Ер и освободил Муртазу.⁸⁴⁹ После этого братья решили подчинить себе весь Крымский полуостров. Не сумев захватить столицу ханства, обороняемую самим Менгли-Гиреем (раненым в бою с войсками Сайид-Ахмада еще в начале вторжения), они двинулись сначала к Эски-Крыму и, пообещав не причинять жителям вреда в случае добровольной сдачи, сумели овладеть городом, который разорили, а многих горожан перебили.⁸⁵⁰

Почувствовав себя хозяевами Крыма, братья предприняли попытку захватить и турецкие владения на южном берегу полуострова, но тут их подстерегла неудача: турки Кафы, применив военную хитрость, внушили «Ахматовым детям», что султан прислал им на помощь большой флот с многочисленным войском, и ордынцы поспешили покинуть побережье полуострова. При отступлении на них обрушился Менгли-Гирей, сумевший собрать свои силы; ему удалось отбить у Сайид-Ахмада и Муртазы почти всех пленников.⁸⁵¹

Тем не менее, братья чувствовали себя победителями, что не замедлило проявиться: Муртаза также провозгласил себя ханом при полной поддержке Сайид-Ахмада — вероятно, при условии признания его соправителем. Фактически братья-ханы противопоставили себя Шейх-Ахмаду, хотя до открытого столкновения дело пока не

доходило. Каждый из противоборствующих ханов нуждался в какой-то успешной кампании, которая выделила бы его среди остальных братьев и позволила претендовать на верховную власть.

Муртаза не был удачливым полководцем или правителем, но унаследовал от своего отца склонность к политическим интригам, что и доказал вскоре после своего воцарения. В том же 1486 г. он попытался лишить своего недруга Менгли-Гирея крымского трона, причем предпочел сделать это чужими руками. Муртаза направил два послания: одно — Нур-Девлету, старшему брату Менгли-Гирея, неоднократно занимавшему крымский трон, а другое — великому князю Ивану III. Содержание посланий было примерно одинаковым: Муртаза предлагал Нур-Девлету помощь в свержении брата и занятии ханского трона, обещая дружбу и союз как крымскому царевичу, так и московскому государю. Дипломатическая миссия Муртазы, однако, потерпела крах: когда его посол Шах-Баглуд в августе 1487 г. привез оба послания в Москву, они попали в руки Ивана III, который, не ознакомив с их содержанием Нур-Девлета, немедленно переслал оба письма Менгли-Гирею.⁸⁵²

Сразу после этого Иван III выслал свои войска под командованием того же Нур-Девлета (который в 1486 г. стал касимовским ханом) на южные рубежи, чтобы предупредить возможные враждебные действия Муртазы и Сайид-Ахмада против Москвы или Крыма, о чем тоже немедленно уведомил своего союзника Менгли-Гирея.⁸⁵³

II

Неудача Муртазы сильно подорвала его авторитет даже в глазах брата-соправителя: Сайид-Ахмад в конце 1480-х гг. предпочел сблизиться с Шейх-Ахмадом, посчитав сотрудничество с ним более перспективным.

И в самом деле, уже в 1490 г. Шейх-Ахмад вместе с братом замышлял новую кампанию против крымского хана. Турецкий султан Баязид II попытался примирить их, но это ему не удалось: этот миролюбивый монарх, столь непохожий на своего грозного и воинственного отца Мехмеда II Завоевателя, не пользовался большим уважением со стороны ордынских правителей.

Братья неплохо подготовились к нападению: сначала они усыпили бдительность Менгли-Гирея, предложив заключить мир, а когда он, поверив в их намерения, распустил войска, нанесли внезапный удар. Войска Шейх-Ахмада, Сайид-Ахмада и их союзника, астраханского правителя Абд ал-Керима б. Махмуда, опустошили северные области

Крыма, после чего отступили к Нижнему Днепру, готовя силы для более масштабного вторжения.⁸⁵⁴

Однако деятельный Менгли-Гирей не был обескуражен ни разорением своих владений, ни вероломством «Ахматовых детей». Он быстро собрал собственные силы, а также отправил гонцов с просьбой о помощи в Москву (уверив при этом великого князя, что ордынцы собираются напасть на русские земли!) и в Кафу. Турки прислали крымскому хану 2 000 янычар, а Иван III направил в тыл армии «Ахматовых детей» войска под командованием казанского хана Мухаммад-Эмина и нового касимовского хана Сытылгана б. Нур-Девлета. Братьям-ханам пришлось срочно отступать в свои владения. Впрочем, неудача не обескуражила их, и они не отказались от дальнейших планов по покорению Крыма.⁸⁵⁵

Однако обстоятельства сложились так, что «Ахматовым детям» пришлось на некоторое время забыть о Крыме. Вскоре до Дешт-и Кипчака дошли слухи, что турецкий султан разгневан на ордынских ханов за вероломное нападение на его вассала и намерен отправить войска против Орды. Первым об этом узнал Муртаза, который немедленно дистанцировался от братьев, заявив, что сам он в поход на Крым не ходил, а во всем виноват Сайид-Ахмад, который теперь также не намерен портить отношения ни с крымским ханом, ни с султаном. Успокоенный его мирными заверениями, Баязид II отказался от отправки войск против Орды.⁸⁵⁶

Положение Шейха-Ахмада как первого среди равных братьев-ханов оказалось, однако, сильно поколеблено. И последствия не заставили себя долго ждать: и на западе, и на востоке появилось несколько претендентов на трон и владения Шейх-Ахмада.

Прежде всего, ухудшились отношения Золотой Орды с Мангытским юртом — Ногайской ордой. Виновником конфликта оказался двоюродный брат и союзник Шейх-Ахмада — Абд ал-Керим, правитель Хаджи-Тархана. После неудачи в Крыму он, решив компенсировать свои затраты на поход, совершил несколько нападений на ногайские кочевья.⁸⁵⁷ Поскольку Шейх-Ахмад и Сайид-Ахмад не приняли никаких мер по обузданию родича, ногайцы вполне обоснованно сочли их его сообщниками и решили отомстить.

Могущественный бий мангытов Муса не ограничился ответным набегом на ордынские владения, а пошел гораздо дальше: он вознамерился вообще сменить династию в Золотой Орде, свергнув потомков Туга-Тимура. Его ставленником стал Ибак, тюменский хан из рода Шибанидов, который около 11 лет назад убил отца Шейх-Ахмада

и Сайид-Ахмада. Теперь вместе с ногайскими князьями Мусой и Ямгурчи (своими сообщниками по убийству Ахмада) он вновь предпринял попытку захватить золотоордынский трон.⁸⁵⁸

Заручившись поддержкой крымского хана Менгли-Гирея, приветствовавшего свержение давних недругов, тюменский хан вместе со своим калгой (наследником) Мамуком и ногайцами явился на Волгу и, по-видимому, сумел на короткое время захватить власть в Поволжье. По крайней мере, Ибак вскоре отправил хвастливое послание Ивану III, в котором заявлял, что наконец-то сумел захватить «Саинской стул» (т. е. трон Бату) и предлагал великому князю дружбу и союз при условии, что московский государь отпустит к нему бывшего казанского хана Ильгама («Алегама»)⁸⁵⁹ Иван III не успел своевременно отреагировать на это послание: он получил его только в ноябре 1493 г., когда Ибаку и ногайцам уже пришлось покинуть Поволжье. Дело в том, что Менгли-Гирей не сдержал обещание и не прислал Ибаку на помощь свои войска, и «Ахматовы дети» в союзе с астраханским Абд ал-Керимом сумели вытеснить пришельцев.⁸⁶⁰

Напуганный столь опасной угрозой со стороны ногайцев, Шейх-Ахмад решил устранить ее наиболее эффективным, как он посчитал, способом: в 1493 г. хан женился на дочери бия Мусы. Ордынские эмиры были крайне недовольны тем, что при ханском дворе получит влияние враждебный им правитель Ногайской Орды, и решили проблему радикально: свергли Шейх-Ахмада, пригласив в качестве правителя его брата-соперника Муртазу. Примечательно, что Сайид-Ахмад во время этого переворота сохранил и свои владения, и статус хана-соправителя. Бекляри-бек Хаджике (Хаджи-Ахмад) мангыт, племянник прежнего бекляри-бека Тимура, больше всех ратовавший за призвание Муртазы, также сохранил свой пост и при новом хане.⁸⁶¹

Однако год спустя Шейх-Ахмаду удалось вернуть себе трон и власть: то ли ему помог тесть Муса-бий, то ли сарайские эмиры сочли Муртазу еще худшим правителем, чем его младший брат. Как бы то ни было, уже в июне 1494 г. (899 г. х.) Менгли-Гирей в письме Ивану III сообщал, что Шейх-Ахмад вернулся на трон, а Муртазе вместе с бекляри-беком Хаджике пришлось бежать за Терек и скрываться у своих союзников-черкесов. Возвратив трон, Шейх-Ахмад назначил нового бекляри-бека — им стал Таваккул б. Тимур мангыт, сменивший бежавшего Хаджике (своего двоюродного брата). Положение Сайид-Ахмада и на этот раз не изменилось, правда, с этого времени он сильно присмирел и в течение последующих лет оставался безропотным исполнителем воли Шейх-Ахмада.⁸⁶²

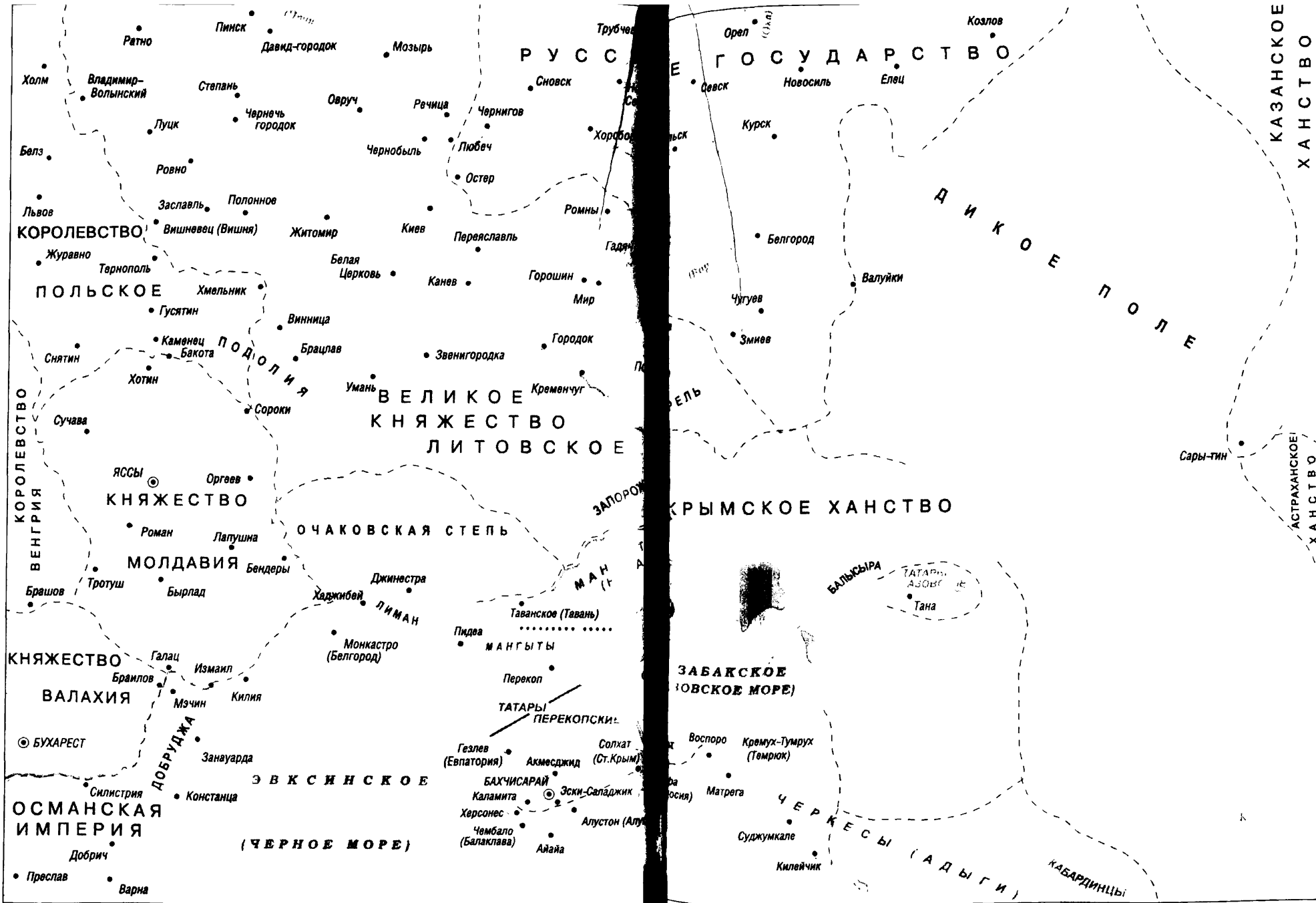
III

После нескольких покушений на свою власть Шейх-Ахмад наконец осознал, что без влиятельных союзников ему не обойтись. Ради восстановления отношений с эмирами Поволжья хан был вынужден отказаться от сотрудничества со своим тестем Мусой и искать других партнеров. Шейх-Ахмад принял решение продолжать политику своего отца и поддерживать союз с Польшей и Литвой.

В 1496 г. хан направил посольство к литовскому великому князю Александру Ягеллону, предлагая возобновить союз, существовавший при их отцах. Литовский правитель, еще с 1493 г. пытавшийся использовать ордынцев, чтобы отвлечь русские и крымские войска от войны с Литвой, с готовностью согласился и, в свою очередь, направил в Орду послов. Одной из статей проекта договора стало предложение князя Александра заменить Менгли-Гирея на крымском троне еще одним его братом, Уз-Тимуром, находившимся в это время в Литве. Однако посольство великого князя Литовского не добралось до хана: его перехватили крымцы. Письмо Александра попало в руки Менгли-Гирея, который немедленно переслал его в Москву. Шейх-Ахмад был вынужден отписать литовскому государю, что придется прекратить контакты, пока он, хан, не перекочует поближе к литовским рубежам, чтобы можно было вести переписку без помех со стороны Крыма.⁸⁶³

Год спустя, в 1497 г., Шейх-Ахмад снова отправил свое посольство в Литву, причем во главе его стоял ханский брат Ходжа-Мухаммад (Хожак-султан, Хаджике).⁸⁶⁴ Послы предложили Александру помощь в борьбе с Крымом, на что великий князь обещал дать окончательный ответ после своих переговоров с Менгли-Гиреем. Завуалированный отказ не обескуражил Шейх-Ахмад-хана: в 1498 г. он снова прислал послов в Литву, не только повторно предлагая помощь, но и приглашая великого князя на свою свадьбу с дочерью правителя Шемахи. Однако на этот раз литовский государь даже не соизволил принять послов. Причиной тому стали переговоры литовцев с посланцами Муртазы, брата-соперника Шейха-Ахмада, который просил Александра предоставить ему убежище в своих землях.⁸⁶⁵

В том же 1498 г. черкесы совершили набег на владения Шейх-Ахмада и перебили немало его подданных. Враждебные действия черкесов были вызваны неоднократными попытками Шейх-Ахмада в конце 1490-х гг. перекочевать в принадлежащие им плодородные земли Прикубанья.⁸⁶⁶

Карта 9. Крымское ханство в первой половине XVI в. (автор – Астайкин А. А.). Границы государств нанесены на 1530 г.

К 1500 г. у Шейх-Ахмада появился новый могущественный враг — природные бедствия. В Поволжье наступили сильнейшие засуха и голод, и хану пришлось подумать о перекочевке в более плодородные районы.⁸⁶⁷ Таковыми были, в частности, степи Приднепровья, но когда подданные Шейх-Ахмада появились здесь, оказалось, что им преграждают путь крепости, недавно возведенные Менгли-Гиреем и оснащенные турецкой артиллерией. Тогда Шейх-Ахмад направил посланцев к кафинскому наместнику турецкого султана, шахзаде Мухаммаду б. Баязиду, с просьбой разрешить ему пребывание в этих областях. Однако шахзаде был зятем Менгли-Гирея и, конечно же, отказал Шейх-Ахмаду, предложив ему договориться с самим крымским ханом. В отчаянии золотоордынский хан отправил послов в Стамбул, однако Баязид II лишь подтвердил отказ своего сына.⁸⁶⁸ Между тем, подданные Шейх-Ахмада поодиночке и целыми семьями уже начали перебегать в Крым и присягать на верность Менгли-Гирею. Ордынскому хану ничего не оставалось, как попытаться решить свои проблемы военным путем.

Зимой 1500/1501 г. Шейх-Ахмад начал подготовку к походу на Крым. Он направил посланцев и к своему соправителю Сайид-Ахмаду, и к астраханскому Абд ал-Кериму, и даже к давнему недругу Муртазе, предлагая им объединить силы и ударить на Менгли-Гирея. Кроме того, литовский князь Александр, надеявшийся с ордынской помощью отвоевать у Москвы Черниговщину, поддержал инициативу Шейх-Ахмада и прислал ему богатые дары стоимостью 30 000 червонцев.⁸⁶⁹ Планы хана, однако, были весьма скептически встречены его родичами. Только Сайид-Ахмад, всецело подчинявшийся брату, решил присоединиться к нему со своими силами. Братья-ханы двинулись к Дону, к месту, где в него впадала р. Сосна, но оказалось, что Менгли-Гирей со своими войсками уже ожидал их. Не рискуя принять открытый бой, братья укрепили свой лагерь и приготовились отразить нападение врага.

Однако вскоре между «Ахматовыми детьми» произошла глупая ссора. Люди Шейх-Ахмада выкрали двух богатых торговцев из лагеря его брата, вероятно, надеясь получить за них выкуп. А когда Сайид-Ахмад прислал к Шейх-Ахмаду гонца с требованием вернуть его людей, хан приказал умертвить посланца. Разгневанный Сайид-Ахмад вместе с другим братом, Бахадур-султаном, покинул Шейх-Ахмада и отправился под Хаджи-Тархан. Шейх-Ахмад остался со своими братьями (калгой-наследником Хаджике и Джанаем) и бекляри-беком Таваккулом.⁸⁷⁰

Силы Шейх-Ахмада сильно уменьшились после ухода брата-соправителя, но ему удалось быстро компенсировать потери: он отправил послов к ногайцам, и те с готовностью приняли его предложение пограбить Крым. Встревоженный Менгли-Гирей немедленно направил к Ивану III посланцев с требованием исполнить союзнический долг и отправить ему на помощь 10 000 воинов с пушками и пищалками, однако великий князь Московский предпочел не вмешиваться в ордынско-крымский конфликт. По-видимому, в последний момент Иван III посчитал, что полное уничтожение Золотой Орды и усиление Крыма невыгодны Москве.⁸⁷¹ В результате крымскому хану пришлось отступить на полуостров, оставив пастбища Приднепровья в распоряжение Шейх-Ахмада, чего тот и добивался.

Не останавливаясь на достигнутом, Шейх-Ахмед решил дать своим подданным возможность поправить свое положение за счет грабежа соседних территорий.⁸⁷² А поскольку таковыми поблизости были только литовские владения, хан, недолго думая, двинулся на них. Литовцы не ожидали такого вероломства от союзника, и ему не составило труда захватить Рыльск и Новгород-Северский. При этом сам Шейх-Ахмед считал, что по-прежнему является союзником князя Александра, и, взяв эти города, написал ему письмо, в котором наивно поведал: «Для тебе их еси не рушил!»⁸⁷³

Небольшие успехи после длительной череды неудач настолько вскружили Шейх-Ахмеду голову, что он пошел еще дальше и потребовал у князя Александра передать под его власть Киев, намереваясь сделать здесь наместниками князей Глинских — потомков Мамая, состоявших в это время на литовской службе. Хан направил письмо и самим Глинским, называя их «истинными детьми Мамая» и «своими большими слугами».⁸⁷⁴ Однако переговоры вокруг Киева застопорились, что было совершенно недопустимо в условиях, когда прочие события происходили с невероятной быстротой.

Узнав о продвижении Шейх-Ахмада в глубь литовских земель, Иван III немедленно направил к нему послов с предложением союза (в трактовке самого Шейх-Ахмед-хана и его бекляри-бека Таваккула это звучало как признание московским государем своего «холопства»). За прекращение нападений на русские границы Иван III сулил хану даже еще большие выплаты, чем прежде его отцу.⁸⁷⁵ Угроза нападения ордынцев на Русь и в самом деле была весьма велика: крымский хан, обиженный на Ивана III за неприсылку войск, бездействовал и не пытался обуздать Шейх-Ахмада.

Казалось, Золотой Орде суждено было обеспечить покорность прежних вассалов и повысить международный престиж, тем самым сделав серьезный шаг на пути к возрождению былого могущества. Однако природа решила иначе: голод и засуха продолжались и в 1501–1502 гг., а к ним прибавились также и сильные зимние морозы. Подданные Шейх-Ахмада перебежали к крымскому хану уже десятками, сотнями и целыми родами. В конце концов, даже одна из ханских жен, не выдержав голодных условий, бежала в Крым и отдалась под покровительство Менгли-Гирея. С ханом рассорился даже беклярбек Таваккул б. Тимур.⁸⁷⁶ Крымский хан понял, что его час настал, и начал готовиться к решительной схватке с Золотой Ордой.

Баязид II (возможно, руководствуясь теми же соображениями, что и Иван III, т. е. не желая полного исчезновения Золотой Орды) попытался примирить врагов и направил к Шейх-Ахмаду посланца с предложением покинуть владения Менгли-Гирея и перекочевать к Южному Бугу. Однако турецкий посол, так и не доехав до ордынского хана, был перехвачен и убит в степи его подданными, которые сочли посла лазутчиком Менгли-Гирея. В результате Шейх-Ахмад, сам того не желая, снова навлек на себя гнев Стамбула.⁸⁷⁷

В начале мая 1502 г. войска Менгли-Гирея выступили против Шейх-Ахмада.⁸⁷⁸ Ордынский хан в это время находился на р. Суле, где спешно строил укрепления против крымцев. Менгли-Гирей, не встречая сопротивления (напротив, попадавшиеся ему на пути ордынцы сразу же признавали себя его подданными), практически без боя смял укрепления Шейх-Ахмада и разогнал его немногочисленных изголодавшихся воинов.

Не ограничиваясь этим, крымский хан огнем и мечом прошел по владениям Шейх-Ахмада и завершил свой поход символическим актом — разорением и сожжением Сарая.⁸⁷⁹ Его успех был несомненен и позволил ему с полным правом отписать Ивану III, что ставка Шейх-Ахмада и его улусы находятся под его, крымского хана, властью.⁸⁸⁰ С этого времени крымские ханы начали именовать себя повелителями «Великого улуса», то есть Золотой Орды, считая именно себя (вполне справедливо, надо отметить) главными наследниками «царей ордынских».

IV

Разгромленный Шейх-Ахмад сумел спастись с отрядом не более 300 всадников. Однако он не собирался сдаваться и еще неоднократно предпринимал попытки восстановить власть — в отличие от своих

братьев, которые с этого времени фактически отказались от ханских титулов и довольствовались небольшими уделами, в которых могли кочевать со своими немногочисленными приверженцами.

Сначала Шейх-Ахмад нашел убежище у своего двоюродного брата и союзника Абд ал-Керима, правителя Хаджи-Тархана.⁸⁸¹ Однако тот, по-видимому, отнесся к нему слишком покровительственно, что было непереносимо для гордого хана Золотой Орды — пусть даже и бывшего. Поэтому некоторое время спустя Шейх-Ахмад покинул город и разбил свой лагерь недалеко от него. Затаив обиду на двоюродного брата, он в очередной раз решился на вероломный поступок: в 1503 г. тайно направил к великому князю Ивану III посла с просьбой помочь ему «достать» Астрахань в обмен на отказ от союза с Литвой. И, оставаясь вероломным до конца, в июне того же 1503 г. отправил послов в Вильну с дружеским посланием и дарами!⁸⁸²

Не получив от Ивана III положительного ответа, Шейх-Ахмад не успокоился: он возобновил союз с Ногайской ордой, где после смерти его тестя Мусы правил его брат и преемник Ямгурчи. Отчаянное положение хана заставило его смирить гордость и лично явиться к бию!⁸⁸³ Шейх-Ахмад получил ногайские войска под командованием своего шурина Султан-Ахмад-мирзы б. Мусы и начал осаду Астрахани, которую от него защищал вместе с Абд ал-Керимом и Бахадур-султан — родной брат Шейх-Ахмада! Но тут хану опять не повезло: Иван III дал понять бию Ямгурчи, что если тот желает иметь мир с Москвой, ему не следует помогать свергнутому ордынскому хану. В результате ногайцы оставили своего союзника, и тому пришлось срочно бежать из Поволжья, поскольку рассчитывать на снисхождение астраханского правителя, только что преданного им, не приходилось. Уход Шейх-Ахмада из Поволжья открывал для Абд ал-Керима блестящую возможность: с этого времени (1502/1503 г.) начинается история независимого Астраханского ханства, правители которого также претендовали на преемство от ханов Золотой Орды.⁸⁸⁴

Шейх-Ахмад бежал на запад. С немногочисленной свитой он миновал Киев и в августе 1504 г. достиг Белгорода, считавшегося уже владением турецкого султана. Отсюда он отправил Баязиду II послание, прося предоставить ему убежище в своих землях. Однако султан прекрасно помнил все неприятности, доставленные ему беспокойным сыном Ахмада. В письме Ивану III крымский хан Менгли-Гирей писал, что отправленный султаном паша приказал бывшему хану: «Коим путем к нам есте пришли, тем путем и назад пойдите, вас мы не знаем, нам друг и брат Менгли-Гирей царь; кто Менгли-Гирею царю

друг, и мы тому друзи, а кто Менгли-Гирею царю недруг, и мы тому недрузи; вы Менгли-Гирею царю недрузи стоите, в нашу отчину вам пути нет, куды вам въехати». После этого Шейх-Ахмад со своими спутниками был выгнан из Белгорода, а по пути еще и подвергся нападению сыновей Менгли-Гирея, сумев спастись лишь благодаря счастливой случайности.⁸⁸⁵

В конце 1504 г. хан и его спутники вновь оказались в Киеве, где были тут же арестованы местным воеводой Дмитрием Путятичем. Пленников отправили в Вышгород, а оттуда — к литовскому великому князю Александру, ставшему к этому времени и польским королем. В 1505 г. в Бресте был созван сейм, на котором хану пришлось оправдываться перед польско-литовской аристократией за свои недружественные действия в 1501–1502 гг.⁸⁸⁶ По-видимому, ему это удалось: он остался при королевском дворе как почетный гость. Король Александр использовал Шейх-Ахмада как «средство сдерживания» крымского хана, угрожая Менгли-Гирею в случае враждебных действий отпустить бывшего ордынского хана обратно в степи, где тот непременно начнет создавать проблемы Крымскому ханству. Не случайно крымский хан неоднократно писал королю и его панам, советуя схватить свергнутого хана и его свиту и посадить в темницы, причем по разным городам.⁸⁸⁷

Положение Шейха-Ахмада при королевском дворе существенно изменилось годом позже, когда Александр умер и новым польским королем стал его брат Сигизмунд I, который не столь дружелюбно отнесся к свергнутому хану. Шейх-Ахмада такое отношение не устроило, и он предпринял попытку бежать от короля.⁸⁸⁸ Однако его поймали и в качестве наказания заключили в Ковно, что имело грозное символическое значение: именно здесь, как мы помним, около 1455 г. умер Сайид-Ахмад-хан, внук Токтамыша, также в свое время являвшийся союзником литовцев, но потом обратившийся против них.⁸⁸⁹ Спутники Шейх-Ахмада, помогавшие ему в бегстве, были отправлены на невольничий рынок, и только часть из них была выкуплена ордынцами, находившимися на литовской службе.⁸⁹⁰ Обо всех этих событиях Сигизмунд I тут же отписал Менгли-Гирею, представив пленение и заточение Шейх-Ахмада как оказание услуги крымскому хану.⁸⁹¹

Начались долгие годы заключения, причем условия содержания хана то смягчались вплоть до приглашения его к королевскому двору, то вновь ужесточались, и ему даже запрещали вести переписку с родственниками, жившими на Волге или в Ногайской Орде. Судьба

узника зависела от интереса к нему на международной арене: иногда его именем можно было «припугнуть» крымского хана, и тогда его ценность в глазах короля и панов возрастала, иногда же о нем не вспоминали годами. Фигура пленного хана вызывала также беспокойство и турецкого султана, который предписывал своим вассалам, крымскому хану и валашскому господарю, не допустить появления Шейх-Ахмада в Дешт-и Кипчаке.⁸⁹²

V

На протяжении более чем 20-летнего заключения Шейх-Ахмада его союзники ногайцы неоднократно обращались к королевским властям с просьбой выпустить хана. Не получая положительного ответа, они посчитали возможным решить свои проблемы с помощью других «Ахматовых детей».

После пленения Шейх-Ахмада в степи оставалось несколько его братьев. В середине 1510-х гг. были живы, по меньшей мере, трое из них — Муртаза, Хаджи-Мухаммад и Музаффар,⁸⁹³ которые в течение некоторого времени не привлекали внимания племенных вождей бывшей Золотой Орды. Но в 1510-е гг. в Ногайской Орде началась смута: на титул бия стали претендовать сразу двое сыновей Мусы — Алчагир и Шейх-Мухаммад, который был тесно связан с родом золотоордынских ханов. Это, вероятно, поначалу и склонило весы на сторону его противника Алчагира: ногайцы испытывали недоверие к своим поволжским союзникам (и, надо сказать, это недоверие было взаимным).

Шейх-Мухаммад-мирза, понимая, что в открытой борьбе ему не одолеть старшего и более влиятельного брата, решил стать не просто бием ногайцев, но еще и бекляри-беком при хане. Однако для этого нужен был хан! И поскольку единственный законный обладатель этого титула находился в литовском плену, оставалось выбрать ханом кого-то из его братьев, которые пребывали в ногайских владениях.

Первоначально выбор пал на старшего, Муртазу, который, однако, будучи уже пожилым человеком, отказался от трона в пользу другого брата, Хаджике, являвшегося в свое время калгой — наследником Шейх-Ахмада. Осенью 1514 г. на берегах Терека Хаджике (Хаджи-Мухаммад) был торжественно возведен на ханский трон в присутствии Муртазы, Музаффара и ногайской знати. Он назначил своим бекляри-беком Шейх-Мухаммада, который тут же попытался избавиться от ханских родичей, схватив их и бросив в заключение. Однако Музаффар-султану и одному из его сыновей удалось бежать

в Хаджи-Тархан к Джанибек-хану (тому самому, который некогда при помощи Ахмад-хана стал правителем Крыма), и тот, узнав о коронации Хаджике, сильно обеспокоился: он отнюдь не желал терять независимость и признавать власть марионетки ногайского мирзы.

Джанибек предложил бию Алчагиру совместный поход против Хаджике и Шейх-Мухаммада, но в последний момент потенциальные союзники рассорились и вступили в сражение друг с другом. Это позволило Хаджике номинально оставаться ханом еще в течение пяти лет — до 1519 г., когда его покровитель и бекляри-бек Шейх-Мухаммад был сначала разгромлен казахами, а потом окончательно разбит и убит астраханским ханом Джанибеком.⁸⁹⁴

После неудачи в восстановлении Золотой Орды во главе с Хаджике ногайские аристократы возобновили переговоры с польским королем об освобождении Шейх-Ахмада. Король Сигизмунд по-прежнему продолжал грозить сменяющим друг друга крымским ханам, что выпустит своего царственного пленника, если они будут враждовать с Польшей и Литвой. Такие угрозы имели место в 1521, 1523 и в 1524 гг., когда к королю прибыло посольство нового ногайского бия Агиша б. Ямгурчи, снова просившего отпустить хана к ногайцам.⁸⁹⁵ Пока король обдумывал это предложение, крымский хан Саадат-Гирей I, считая вопрос об освобождении Шейх-Ахмада уже решенным, поспешил «заранее отомстить» королю и отправил в поход против него своих сыновей. Новая война отвлекла Сигизмунда от судьбы пленника, освобождение которого отложилось еще на три года.⁸⁹⁶

Наконец, весной 1527 г. престарелый Шейх-Ахмад был все же выпущен из заключения и отправлен в Киев, где его встретили его сторонники, в сопровождении которых он двинулся на Волгу.⁸⁹⁷ Шейх-Ахмад прибыл к Хаджи-Тархану и разбил здесь свой лагерь.⁸⁹⁸

Возвращение хана на Волгу вызвало большой резонанс в Крыму. Крымские ханы, султаны и аристократы заявляли, что этот шаг свидетельствует о враждебности польского короля по отношению к Крымскому ханству, а сами с подозрением посматривали друг на друга: вдруг кто-нибудь из них захочет предать дом Гиреев и пойти на сговор с Шейх-Ахмадом? Который, что ни говори, оставался законным правителем всех Джучидов, пусть даже и номинальным...

Как вскоре оказалось, у крымской знати были основания для подобного беспокойства. Ислам-Гирей, сын хана Мухаммад-Гирея I, много лет боровшийся за трон со своим дядей Саадат-Гиреем I б. Менгли-Гиреем, решил на сговор со старым ханом и предложил

ему совместно выступить против крымского хана. Конечно, у самого Шейх-Ахмада войск не было, но его поддерживали ногайцы, обладавшие большой военной силой. Сведения об этом сговоре дошли до Саадат-Гирея, и он ценой больших уступок сумел помириться с племянником, назначив его своим калга-султаном (соправителем-наследником).⁸⁹⁹

Интерес к Шейх-Ахмаду имелся и в Астраханском ханстве, которое в этот период также сотрясали междоусобицы. Чтобы обрести какое-то подобие порядка, местные эмиры решили пригласить на трон последнего хана Золотой Орды. По некоторым сведениям, именно он являлся астраханским ханом в 1527–1528 гг. Вероятно, в это время Шейх-Ахмед установил дипломатические отношения с великим князем московским Василием III, который, оправдываясь перед крымскими ханами за сношения с их врагом, объяснял, что тот первым прислал к нему послов.⁹⁰⁰ В 1528 г. пожилой хан скончался или был убит.⁹⁰¹

У хана осталось, как минимум, трое детей. Один из сыновей, Узбек («Азубек-султан»), остался в Литве и был главным судьей в спорах между литовскими татарами. Он получил от короля Сигизмунда несколько поместий и, в свою очередь, оставил трех сыновей — Бахадур-султана, Джаная и Чингиса, потомки которых носили титул царевичей Острынских, но уже не выделялись среди литовской знати.⁹⁰² Вероятно, не имея никаких оснований рассчитывать на блестящую карьеру в Литве, один из них, Джанай, решился на безумную авантюру: в 1549 г. он позволил ногайскому бию Юсуфу провозгласить себя ханом (сам Юсуф стал при нем бекляри-беком). Это была предпоследняя попытка реставрации Золотой Орды в истории⁹⁰³ (последний по хронологии хан Большой Орды Ибишей был возведен на трон около 1555 г. ногайским бием Исмаилом, братом и преемником Юсуфа, однако ни о его правлении, ни даже о его происхождении ничего неизвестно⁹⁰⁴). Известно, что Джанай умер в Литве до ноября 1555 г.,⁹⁰⁵ так что, скорее всего, он не пожелал быть марионеткой степного правителя и вернулся в более привычные условия жизни.

Потеряв своих жен во время крымского разгрома 1502 г. Шейх-Ахмед женился в Литве на дочери виленского хорунжего Кадыша из племени найман. Когда хана отпустили домой, его супруга предпочла остаться в Литве, приняла католичество и вновь вышла замуж. А дочь Шейх-Ахмада от этого брака по требованию хана отправили к нему.⁹⁰⁶

Наконец, еще один сын Шейх-Ахмада, Шейх-Хайдар, по-видимому, постоянно находился при отце и в какой-то степени разделил его судьбу. По некоторым сведениям, он был астраханским ханом в промежутке между 1537 и 1542 гг.⁹⁰⁷ Его сын Дервиш-Али в течение ряда лет состоял на московской службе, а в 1554 г. при помощи московского царя был возведен на тот же астраханский трон. Однако в 1556 г. он отказался подчиняться русским наместникам в ханстве и выгнал их, что вызвало поход Ивана Грозного и вхождение Астрахани в состав Московского государства. Несомненно, есть что-то символическое в том, что именно потомок последнего хана Золотой Орды стал последним ханом Астраханского ханства!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

НАСЛЕДСТВО «ЦАРЕЙ ОРДЫНСКИХ»

Как путнику мираж является в пустыне,
Так память о былом отрада стариков.

Пьер-Жан Беранже

С разгромом Золотой Орды и бегством Шейх-Ахмада на запад «цари ордынские» исчезают из источников. Но не бесследно — им на смену приходят многочисленные преемники — ханы Казани, Астрахани, Сибири, Крыма. Все они в русской исторической традиции считались законными наследниками золотоордынских ханов: именовались в русских официальных документах и исторических сочинениях «царями», получали от русских правителей выплаты (за исключением сибирских ханов) и т. д.

Правители этих ханств, возникших на осколках Золотой Орды, унаследовали не только титул золотоордынских монархов, но и некоторые ордынские традиции. В частности, ханы и Крыма, и Казани, и Астрахани, и Сибири сохраняли в структуре своих государств улусную систему, назначали областных правителей («даруг»), объявляли свою волю в указах-ярлыках. Однако эти государства уже не могли считаться наследниками той обширной империи, каковой являлась Золотая Орда. И дело не только в том, что их монархи владели лишь сравнительно небольшими частями прежней державы Джучидов. Изменилась сама природа государства: вместо обширной оседло-кочевой империи с множеством народов, языков, культур и религий появились небольшие национальные государства с оседлым хозяйством (за исключением, вероятно, Сибирского ханства) и мусульманскими традициями. С Золотой Ордой эти ханства связывали лишь отдельные элементы прежней системы управления (упомянутые ярлыки, даруги и пр.), а также то, что во главе их по-прежнему стояли потомки Джучи, старшего сына Чингис-хана.

Наследником и продолжателем традиций Золотой Орды могла считаться также поздняя Синяя Орда в Восточном Дешт-и Кипчаке, известная, как уже отмечалось, в историографии как «государство кочевых узбеков»: его правители также именовались в русской традиции «царями», хотя и не претендовали ни на прежние ордынские владения, ни на получение «выхода» с русских земель.⁹⁰⁸ Впрочем, это ханство не пережило Золотой Орды: на рубеже XV–XVI вв. его последний правитель, Мухаммад Шайбани-хан, увел значительную часть узбеков (так в Средней Азии называли выходцев из Орды) в Чагатаев улус и основал там Бухарское ханство, которое уже не имело никакой связи с Золотой Ордой, являясь фактически преемником государств Чагатаидов. Более «опосредованным» преемником Золотой Орды можно считать Казахское ханство, также возглавлявшееся государями-Джучидами. Распавшись в конце XVII в. на ряд уделов, оно просуществовало все же до середины XIX в., по сути являлось тоже не имперским образованием, а всего лишь конгломератом кочевых племен, управлявшихся по степным законам и практически не сохранившим ничего из прежнего государственного и правового наследия Золотой Орды.

Все эти государства не были, однако, единственными преемниками Золотой Орды: на наследие от нее претендовали и московские великие князья, которые уже в XV в. начали неофициально именовать себя царями. По-видимому, они связывали принятие этого титула со своим участием в разгроме Золотой Орды и свержением власти ее ханов. Именно этим объяснялась и их позиция по отношению к ханам Крыма, Казани и Астрахани — преемникам «царей ордынских»: великие князья уже не соглашались признавать себя младшими по отношению к ним и отныне позиционировали себя как равных этим «царям».⁹⁰⁹ В 1547 г. царский титул московских государей был закреплен *de jure*: 17-летний великий князь Иван IV Васильевич (Грозный) официально короновался как первый русский царь.

Его воцарение далеко не сразу было признано на Западе, в Европе, но имело далеко идущие последствия для восточных соседей: официально сравнившись по статусу с «царями» — преемниками ханов Золотой Орды, Иван Грозный начал активное продвижение на восток. В 1552 г. он присоединил к России Казанское ханство, в 1556 г. — Астраханское, в 1584 г. — Сибирское. В результате в длинный и сложносоставный титул русских государей вошли элементы «царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский», которые сохранились и в титулатуре последних российских императоров. Последним

прямым наследником Золотой Орды, «царством», оставалось лишь Крымское ханство, монархи которого в русской и западной исторической традиции именовались «царями» или даже «императорами» Крымскими (Перекопскими). В 1783 г., при Екатерине II, в состав России вошло и это государство, что позволило присоединить к титулу русских императоров также элемент «царь Херсониса Таврического». Наконец, в середине XIX в. в состав Российской империи окончательно вошли казахские ханства, которые вместе с рядом среднеазиатских территорий были преобразованы в Туркестанское и Степное генерал-губернаторства. В результате императорский титул пополнился также элементом «государь Туркестанский».⁹¹⁰

Восточные народы в полной мере признавали русских государей наследниками Золотой Орды. Так, например, после покорения Казани бывшие подданные казанских ханов признали новым государем «белого царя» (в восточной традиции — «ак падшах»), так же он официально именовался и в дипломатической переписке с восточными народами — башкирами и казахами, узбеками и туркменами.⁹¹¹

Таким образом, наследство «царей ордынских» не пропало окончательно, и формально их наследники в лице российских императоров существовали вплоть до 1917 г. — падения монархии в России. Судьба же бывших территорий Золотой Орды в составе Российской империи, равно как и статус их правящей элиты под российским сюзеренитетом, — это предмет совершенно другого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Горский 1996, с. 205–206; Мартынюк 2004, с. 65–68.

² См.: Филюшкин 2006, с. 74. Подчеркнем, что речь идет именно о позднесредневековой исторической традиции. В летописях XIII–XV вв. Бату (Батый) назван по имени, и лишь его внук Менгу-Тимур, и в самом деле ставший первым ханом Золотой Орды, впервые именуется царем [см.: Почекаев 2006а, с. 21; см. также: Горский 1996а, с. 208].

³ Ю. Шамильоглу, отмечая, что название «Большая Орда» используется только в русских позднесредневековых источниках, использует понятие «Поздняя Золотая Орда» [Schamiloglu 1986, p. 31, 172, 184–185].

⁴ Подробная биография Бату содержится в нашей книге: Почекаев 2006а.

⁵ Более подробное рассмотрение этого вопроса см.: Почекаев 2006а, с. 32–37.

⁶ Подробный разбор версий гибели Джучи см.: Почекаев 2006а, с. 40–45.

⁷ См., напр.: Chambers 2001, p. 50; Хрусталеv 2008, с. 60.

⁸ См.: Рашид ад-Дин 1952а, с. 162; 1960, с. 71.

⁹ Абуль-Гази 1996, с. 98.

¹⁰ Юань ши 2004, с. 488.

¹¹ Арсланова 2002, с. 272; ср.: Козин 1941, с. 194.

¹² См. подробнее: Почекаев 2006а, с. 86–88.

¹³ ПСРЛ 1926–1928, с. 459.

¹⁴ См., напр.: Иловайский 1884, с. 82–85.

¹⁵ См. подробнее: Почекаев 2006а, с. 118; ср.: Кривошеев 2003, с. 156.

¹⁶ ПСРЛ 1843, с. 176.

¹⁷ См., напр.: Воинские повести 1985, с. 75.

¹⁸ Рашид ад-Дин 1960, с. 39; Фома Сплитский 1997, с. 104.

¹⁹ Воинские повести 1985, с. 92–93; Рашид ад-Дин 1960, с. 39.

²⁰ Об этом со ссылкой на «Сокровенное сказание» упоминает, в частности, А. Н. Никитин [Никитин 2003, с. 241].

²¹ Козин 1941, с. 194.

²² См.: Каргалов 1967, с. 113.

²³ См.: Плано Карпини 1997, с. 84.

²⁴ Юань ши 2004, с. 504.

- ²⁵ См., напр.: Britannica 2001.
- ²⁶ См., напр.: Пашуто 1956, с. 159–163; Дегтярев, Дубов 1990, с. 275.
- ²⁷ Английские источники 1979, с. 106; Виллани 1997, с. 150.
- ²⁸ См., напр.: Егоров 1985, с. 27; Мыськов 2003, с. 37–38; Флетчер 2004, с. 247.
- ²⁹ См. подробнее: Почекаев 2006а, с. 143–145.
- ³⁰ См.: Juvaini 1997, р. 240–244. См. также: Романив 2002, с. 87.
- ³¹ Рашид ад-Дин 1960, с. 119.
- ³² См. подробнее: Почекаев 2006а, с. 162–166.
- ³³ Плано Карпини 1997, с. 83.
- ³⁴ Рашид ад-Дин 1960, с. 121.
- ³⁵ Рубрук 1997, с. 132.
- ³⁶ Juvaini 1997, р. 263, 265.
- ³⁷ Juvaini 1997, р. 557–558; Рашид ад-Дин 1960, с. 129.
- ³⁸ Рашид ад-Дин 1960, с. 80. См. также: Бартольд 1963в, с. 558.
- ³⁹ Рашид ад-Дин 1960, с. 129–130.
- ⁴⁰ Рашид ад-Дин 1960, с. 131–132. По словам Рашид ад-Дина Берке прибыл в Монголию вместе с Сартаком, старшим сыном Бату, тогда как Джувейни сообщает, что Берке сопровождал младший брат Туга-Тимур [Juvaini 1997, р. 563].
- ⁴¹ Juvaini 1997, р. 574–592; Рашид ад-Дин 1960, с. 133–140; Рубрук 1997, с. 123, 132. См. также: Бичурин 2005, с. 209.
- ⁴² Juvaini 1997, р. 561, note; Киракос 1976, с. 222 (армянский историк использует византийский вариант этого титула — *basileopator* [см.: Klaroth 1833, р. 274]).
- ⁴³ См.: Кычанов 2001, с. 40; ср.: Бичурин 2005, с. 211.
- ⁴⁴ Примечательно, что перепись осуществили не чиновники Бату, а ставленник Мунке — Аргун, наместник Хорасана [Киракос 1976, с. 221].
- ⁴⁵ См.: Бар-Эбрей 1960, с. 75. Ср.: Мыськов 2003, с. 56.
- ⁴⁶ Казахстанский автор Т. С. Жумагамбетов настаивает на том, что Бату еще до воцарения Мунке имел право выдавать ярлыки и якобы выдавал их русским князьям, а затем и другим иностранным вассалам, ссылаясь при этом на русские летописи и сочинение Киракоса Гандзакеци [Жумаганбетов 2010]. Однако он либо некритически относится к тексту, либо умышленно умалчивает о том, что русские князья и другие иностранные вассалы после посещения Бату должны были отправляться на утверждение в Каракорум, а сведения армянского хрониста относятся к событиям уже после воцарения Мунке в империи.
- ⁴⁷ ПСРЛ 1926–1928, с. 469.
- ⁴⁸ См.: Филюшкин 2006, с. 40.
- ⁴⁹ См., напр.: Мавродин 2002, с. 369.
- ⁵⁰ Гибель Михаила Черниговского по-разному описывалась современниками. Так, например, средневековые русские авторы склонны представлять его гибель как мученичество за веру, за нежелание отказываться от христианства [см., напр.: ПЛДР 1981, с. 232]. Францисканец Иоанн де Плано Карпини сообщает, что Михаил был казнен за отказ выполнить монгольский

обряд, однако сам же пишет, что это был лишь повод расправиться с ним [Плано Карпини 1997, с. 36, 59].

⁵¹ Любопытно, что при этом пребывание Даниила Галицкого у Бату в изложении русского летописца представлено как череда бесконечных унижений князя [ПСРЛ 1843, с. 184–185]. Однако А. Г. Юрченко вполне обоснованно трактует соблюдение чуждых русским церемоний как ритуал приобщения к монгольской элите, в результате чего Даниил не только сам получил безопасность, но и сумел возвыситься в глазах европейских монархов [Юрченко 2003].

⁵² Гумилев 1992б, с. 361.

⁵³ СМИЗО 2006, с. 57

⁵⁴ Киракос 1976, с. 218.

⁵⁵ См. подробнее: Почекаев 2009а, с. 32, 37.

⁵⁶ Рубрук 1997, с. 115; ср.: Языков 1840, с. 138.

⁵⁷ См.: Пашуто 1956, с. 162.

⁵⁸ См.: Утемиш-хаджи 1992, с: 94. Ср.: Лосева, Томилов 1980.

⁵⁹ См.: Шукуров 2001, с. 155–156.

⁶⁰ Такую дату (653 г. х.) указывает Джувейни [Juvaini 1997, p. 268]. Рашид ад-Дин называет 650 г. х., т. е. 1252/1253 г. [Рашид ад-Дин 1960, с. 118]. В фольклорной «Повести об убиении Батыя», появившейся на Руси в 1440–1470-е гг. (и впоследствии вошедшей в ряд летописных текстов и исторических сочинений), утверждается, что Бату погиб в Венгрии, причем гибель его датируется 1247 г. [ПЛДР 1981, с. 205, 207; см. также: Лызлов 1990, с. 21]. Некоторые современные авторы склонны принимать это произведение на веру [Демин 2001, с. 212–213; Шишов 1999, с. 261]).

⁶¹ См. подробнее: Почекаев 2010, с. 107–108.

⁶² Гумилев 1994, с. 309.

⁶³ Бойл 2002, с. 28–31.

⁶⁴ Например, золотоордынский хан Тимур-Кутлуг, правивший в конце XIV в. и являвшийся потомком Туга-Тимура, брата Бату, в своем тарханном ярлыке ссылается на решения «уже умершего Саин-хана» [Радлов 1889, с. 21]. А один из последних ханов — Ахмат, также потомок Туга-Тимура, указывал в своем ярлыке Ивану III Московскому, что «вам ся есмя государи учинили от Саина царя сабельным концом» [Базилевич 1948, с. 31].

⁶⁵ См., напр.: Абу-л-Гази 1958, с. 44.

⁶⁶ В сочинении «Муизз ал-ансаб» («Книга, прославляющая генеалогии») неизвестного автора, составленном при дворе Тимурида Шахруха около 1426–1427 гг., матерью Берке названа Султан-хатун, третья супруга Джучи, от которой у него родились также Беркечар и Бури [Муизз 2006, с. 38; см. также: СМИЗО 2006, с. 128]. На наш взгляд, есть все основания отождествить Султан-хатун с Хан-Султан, дочерью хорезм-шаха Алла ад-Дина Мухаммада II, о которой Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави (секретарь и историк ее брата султана Джалал ад-Дина) сообщает следующее: «Хан-Султан — старшая из дочерей султана [Алла ад-Дина] Мухаммада — была взята в плен [татарами] вместе с Теркен-хатун. Ее взял к себе Души-хан, и она родила ему детей. Затем Души-хан умер, и она сообщила своему

брату, султану [Джалал ад-Дину] сведения о татарах, о новостях у них и об их положении... Она сообщала брату, что ал-хакан уже приказал учить ее детей Корану...» [Насави 1996, с. 78–81, 224]. Считать ее матерью Берке позволяет, во-первых, сообщение о рождении у нее детей (по-видимому, Берке, Беркечар и Бури). Во-вторых, ее дети с детства воспитывались в мусульманских традициях, а Берке и его брат Беркечар впоследствии первыми из сыновей Джучи приняли ислам.

Не находя в источниках точной даты рождения Берке, В. В. Бартольд предположил, что он «мог быть только на несколько лет моложе Батыя», другие исследователи идут дальше и указывают в качестве даты его рождения 1210 г. — следующий после наиболее вероятного года рождения его брата Бату [Бартольд 2002 Беркай, с. 503; см также.: Астайкин 1995, с. 601; Костюков 2008, с. 46]. Однако мы полагаем, что он родился около 1221 г., и это подтверждается рядом фактов. Так, хивинский историк середины XVI в. Утемиш-хаджи в своем сочинении «Чингиз-наме» сообщает, что Джучи («Йочи-хан») умер спустя несколько лет после рождения Берке [Утемиш-хаджи 1992, с. 96]; это также свидетельствует о его появлении на свет в начале 1220-х гг., а не в 1210 г., поскольку Джучи умер в 1227 г. Кроме того, Бату привлек Берке к участию в походе на Запад только в 1238–1239 гг., и это также позволяет сделать вывод, что до этого времени Берке был слишком молод.

Отметим, что сходные мысли высказал А. Н. Иванов [Иванов 2009, с. 105–106], с работой которого автор настоящей книги ознакомился в процессе опубликования ее первого издания.

⁶⁷ Абу Умар Минхадж ад-Дин ал-Джуджани, персоязычный историк сер. XIII в. при дворе делийских султанов в Индии, сообщает: «Некоторые заслуживающие доверия люди рассказывали, что обучение его Корану происходило в Ходженде, у одного из ученых благочестивцев этого города. По наступлении срока обрезания над ним (Берка) совершили этот обряд...» [СМИЗО 2006, с. 43].

⁶⁸ Большинство средневековых историков, а за ними и современные исследователи относят Берке к числу старших сыновей Джучи. Персидский автор середины XIII в. Алла ад-Дин Ата-Малик Джувейни перечисляет сыновей Джучи, «достигших возраста» к 1227 г., в следующем порядке: «Богал, Хорду, Бату, Сибакан, Тангут, Берке и Беркечар» [Juvaini 1997, p. 266–267]; следует отметить, что Джувейни жил при дворе ильханов в Иране и, вероятно, спустя тридцать лет после описываемых событий, мог «прибавить возраст» Берке. Другой персидский историк Рашид ад-Дин в «Сборнике летописей», составленном в начале XIV в., называет Берке третьим сыном Джучи — следующим после Бату [Рашид ад-Дин 1960, с. 73]. Хивинский хан-историк Абу-л-Гази, составивший в середине XVII в. «Родословное древо тюрок», указывает при перечислении сыновей Джучи своего предка Шибана раньше, чем Берке [Абуль-Гази 1996, с. 98], что соответствует сведениям Джувейни, а не Рашид ад-Дина. Берке мог считаться третьим сыном Джучи (после Орду и Бату) не по возрасту, а, скорее, по статусу — в силу своего происхождения по линии матери. Можно также отметить, что к моменту

смерти Бату Берке оставался старшим среди Джучидов и, соответственно, мог быть сочтен Рашид ад-Дином (труд которого появился полвека спустя) следующим братом после Бату.

Участие совсем юного Берке в курултае не должно вызывать недоумения, поскольку формально на общемонгольском сейме должны были присутствовать все члены правящего рода. Эта практика сохранялась и века спустя: так, например, когда бухарский хан Мухаммад Шайбани созвал курултай для обсуждения плана войны против казахов в 1509 г., среди его участников фигурировал даже Абу-х-Хайр-султан, грудной сын хана [см.: Ибн Рузбихан 1976, с. 58].

⁶⁹ Утемиш-хаджи сообщает, что после смерти отца Берке «пришел в город Сыгнак, не будучи в состоянии находиться среди неверных» [Утемиш-хаджи 1992, с. 96]. Однако к этому сообщению следует отнестись критически: автор «Чингиз-наме» опирался в большей степени на устные предания, а не на письменные источники, и потому вполне мог изложить слухи, а не фактические обстоятельства. Более того, из дальнейшего повествования следует, что Берке пребывал в Сыгнаке вплоть до смерти Бату, хотя большинство других источников содержат абсолютно иную информацию: в последние годы жизни своего старшего брата Берке находился при нем.

⁷⁰ Первое датированное сообщение о Берке (после его участия в курултае 1228/1229 г.) встречается у Рашид ад-Дина при описании событий Западного похода: «После этого в нокай-ил, года собаки, соответствующий 635 г., осенью Мунке-каан и Кадан отправились на черкесов и зимой убили там государя по имени Тукар. Шейбан, Бучек и Бури отправились в область Крым... и у народа хыпчакан захватили холм Таткара. Берке направился в сторону кыпчак, а захватили Арджумака, Куранбаса, Капарана, а прежде того — Бекрути» [цит. по: Арсланова 2002, с. 175]. Мы разделяем точку зрения В. В. Бартольда о том, что Берке, вероятно, в силу своей молодости, не сыграл важной роли в походе на Запад [Бартольд 2002 Беркай, с. 503], хотя некоторые современные авторы придерживаются обратного мнения [см.: Grousset 2000, p. 264; Хрусталеv 2008, с. 62]. Ни один источник не сообщает об участии Берке в военных действиях в Южной Руси или Центральной Европе. Нет сведений в источниках и о том, что Берке, после того как Бату с другими царевичами отправился далее на Запад, возглавил некую «приволжскую группировку» монгольских войск и продолжил покорение народов Поволжья, как полагает В. Б. Кошчев [Кошчев 1993, с. 133–134].

⁷¹ Цитаты из переписки Бату и Берке и подробные сведения о курултае 1251 г. приведены у Рашид ад-Дина [Рашид ад-Дин 1960, с. 131–132; см. также: Почекаев 2006а, с. 231–241].

⁷² Об этом эпизоде сообщает Джужджани: «Когда Менгу-хана возвели на престол, то Берка, бывший мусульманином, сказал: “Власть людей неверия прекратилась; господство всякого неверного (т. е. немусульманского) царя, который вступит на престол, не будет продолжительно. Если вы хотите, чтобы держава Менгу удержалась и была продолжительна, то пусть он произнесет (мусульманский) символ веры, дабы имя его было внесено в список правоверных, и (уже) затем пусть он сядет на царство”. Они согласились на это,

и Менгу произнес (мусульманский) символ веры. Тогда Берка взял его за руку и посадил его на престол» [СМИЗО 2006, с. 49; Мыськов 2003, с. 53]. Конечно, есть основание не доверять сведениям Джузджани, идеализировавшего Берке (как первого мусульманского правителя Золотой Орды). Но возможно, что этот эпизод не вымышлен историком: Берке вполне мог позволить себе продемонстрировать свою значимость в воцарении Мунке. Согласно ал-Умари, он и в дальнейшем не упускал возможности напомнить о своей роли, даже в разговоре с Бату подчеркивая: «Мы возвели Менгукана...» [СМИЗО 2005, с. 183]. Рашид ад-Дин также упоминает, что «вследствие того, что Бату его в сопровождении Менгу-каана отправил в столицу Каракорум посадить его [Менгу-каана] на престол в кругу родичей, и он некоторое время служил неотлучно у престола Менгу-каана, он [Беркей], опираясь на это, непрестанно слал гонцов к Хулагу-хану и проявлял свою власть» [Рашид ад-Дин 1946, с. 59].

⁷³ По-видимому, Берке сыграл немалую роль в гонениях против потомков Чагатая и Угедэя: армянский историк XIII в. Киракос Гандзакети сообщает, что «...Алгу, тоже военачальник, сын хана Чагатая, старшего сына Чингисхана... тоже воевал против Берка за то, дескать, что Мангу-хан, подученный им (Беркаем), истребил весь его род» [Киракос 1976, с. 236]. Отметим, что Мунке лично выносил приговоры только тем Чигизидам, которые устроили заговор против него, тогда как Бату казнил ряд своих родичей просто за то, что они были его противниками. Вероятно, именно Берке указал Мунке, кто именно является врагом Бату, и убедил хана отправить этих царевичей на суд своего старшего брата.

⁷⁴ О заметной роли Берке в Золотой Орде в последние годы правления Бату свидетельствует, в частности, сообщение Джузджани, который приводит следующие слова Бату: «Мне и брату моему Берка принадлежит уже в этом крае (т. е. Дешт-и-Кипчаке) столько государств и владений, что распорядиться им (краем) да вместе с тем управлять областями Китая (Чин), Туркестана и Ирана (Аджем) невозможно» [СМИЗО 2006, с. 49; курсив мой. — Р.Л.]. Берке среди видных золотоордынских политиков упоминает, помимо Джузджани, и посол французского короля к монгольскому хану Вильгельм де Рубрук, посетивший владения Бату в 1252–1252 гг. [Рубрук 1997, с. 115; см. также: Языков 1840, с. 138].

⁷⁵ Сообщение об этой вынужденной перекочевке Берке приводятся Вильгельмом де Рубруком, лично побывавшим в Золотой Орде в 1253–1254 гг.: «У Бату есть еще брат по имени Берка, пастбища которого находятся в направлении к Железным воротам, где лежит путь всех сарацинов, едущих из Персии и из Турции; они, направляясь к Бату и проезжая через владения Берки, привозят ему дары... Тогда, по нашем возвращении, Бату приказал ему, чтобы он передвинулся с этого места за Этилию, к востоку, не желая, чтобы послы сарацин проезжали через его владения, так как это казалось Бату убыточным» [Рубрук 1997, с. 115].

^{75a} Слова Берке цитируются по сочинению арабского автора XIV в. ал-Умари [СМИЗО 2005, с. 183].

⁷⁶ Мунке издал ярлык, предписывающий правителю Золотой Орды выделить для похода Хулагу по два воина от каждого десятка. Возглавили ордын-

ские войска царевичи-Джучиды — Кули, сын Орду, Балакан, сын Шибана, и Тутар, сын Минг-Кудура, внук Бувала. Эти царевичи должны были соединиться с Хулагу, пройдя через Кавказ [СМИЗО 2006, с. 197; Бар-Эбрей 1960, с. 75; ср.: Мыськов 2003, с. 56]. Естественно, вынужденное подчинение воле хана вызвало негативную реакцию Бату и Берке. Ал-Умари также сообщает: «Хулаку стал представлять в заманчивом виде брату своему Менгукану захват владений халифа и выступил с этой целью... Он [Берке. — Р. П.] представил поступок Хулаку брату своему Бату в таком гадком виде, что Бату послал к Хулаку (сказать), чтобы он не двигался со своего места. Прибыло к нему послание Бату, когда тот (Хулаку) находился за р. Джейхуном. Он не переправился через нее и с бывшими при нем простоял на своем месте целых два года до тех пор, пока умер Бату и воцарился после него брат его Берке» [СМИЗО 2005, с. 183].

⁷⁷ Распространенное среди исследователей мнение о том, что Бату напав на Сартака в Каракорум, чтобы Мунке утвердил его наследником Бату [см.: Сафаргалиев 1960, с. 316; Мухамадиев 2005, с. 106; ср.: Мыськов 2003, с. 52; Почекаев 2006а, с. 268], не подтверждается источниками. Правители улусов не имели права выбирать преемников, поскольку назначение правителей являлось исключительным правом монгольского хана. Так, армянский историк Вардан Великий сообщает, что к Сартаку «по повелению Мангу-Хана... перешли все владения отца его, даже с прибавлением» [Патканов 1873, с. 11], а персидский автор начала XIV в. Вассаф-хазрет — что «...сын его (Бату) Сартак, согласно ярлыку Менгу-каана, стал править палаткой султанства...» [СМИЗО 2006, с. 171].

⁷⁸ См. подробнее: Костюков 2005, с. 286–287.

⁷⁹ Абель-Ремюса полагает, что Сартак родился на рубеже 1230–1240-х гг. [Abel-Remusat 1829, р. 98]. Мы считаем, что он родился, скорее, десятилетием раньше, поскольку, согласно сообщениям Вильгельма де Рубрука, уже в начале 1250-х гг. Сартак был активным государственным деятелем.

⁸⁰ См.: Васильев 2006, с. 38. Обмен посланиями Берке и Сартака приводит Джузджани, который о дальнейших событиях сообщает следующее: «Когда такая неподобающая весть дошла до того мусульманского царя Берка-хана, то он вошел один в шатер, обмотал шею свою веревкой, прикрепил цепь к шатру и, стоя, с величайшею покорностью и полнейшим смирением плакал и вздыхал, говоря: “Господи, если вера Мухаммедова и закон мусульманский истинны, то докажи мою правоту относительно Сартака” Три ночи и три дня он таким образом рыдал и стонал, совершая обычные обряды, пока (наконец) на четвертый день проклятый Сартак прибыл в это место и умер. Всевышний наслал на него болезнь желудка, и он (Сартак) отправился в преисподнюю» [СМИЗО 2006, с. 47–48]. Не следует в полной мере доверять этому сообщению, поскольку Джузджани, как уже неоднократно отмечалось, всячески старался идеализировать Берке. Армянские историки XIII в. не питали никаких иллюзий относительно причин смерти наследника Бату: согласно Вардану Великому, «Сартак был отравлен своими братьями из зависти, потому что по повелению Мангу-Хана к нему перешли все владения отца его, даже с прибавлением» [Патканов 1873, с. 11]; а Киракос

Гандзакеци пишет еще более определенно: «[Сартак] прибыл в свои владения во всем величии славы. Его родственники — мусульмане Барака и Баркача напоили его смертоносным зельем и лишили его жизни. Это было большим горем для всех христиан, а также самого Мангу-хана и брата его Хулагу, правившего всеми областями на Востоке» [Киракос 1976, с. 226; см. также: Pelliot 1949, p. 34].

⁸¹ Juvaini, p. 268. Правление Улагчи приходится на 1256–1257 гг.: согласно Лаврентьевской летописи, в 6765 (1257) г. «Поидоша вси князи в орду, и чтив Улавчия и вся воеводы его, и возвратишшася восвояси» [ПСРЛ 1926–1928, с. 474]. О правлении Улагчи в последующие годы сведений не имеется.

⁸² Арабский автор XIV в. ан-Нувайри сообщает: «Боракшин, жена Тогана..., захотела, чтобы власть над Северными странами после смерти Сартака досталась сыну ее, Тудаменгу. Она обладала обширным умом и умением распоряжаться. Но с нею не согласились на это ни ханы, сыновья Батухана, дяди сына ее, ни темники. Увидев это их сопротивление, она вошла в сношения с Хулаку, сыном Тулии, послала к нему стрелу без перьев и кафтан без пояса и отправила к нему (посла) сказать: “нет более стрелы в колчане, и наилучше осталось без лука, приходи, чтобы принять царство.” Потом она отправилась вслед за послом и старалась добраться до Хулаку и привести его в страны Северные. Народ, узнав, что она замышляет, послал вслед за нею, вернул ее, несмотря на сопротивление с ее стороны, и убил ее» [СМИЗО 2005, с. 122].

Е. П. Мыськов на основании этого сообщения делает вывод о том, что Боракчин после смерти Бату вышла замуж за его второго сына Тукана и родила ему сыну Туда-Менгу, которого и пыталась возвести на трон [Мыськов 2003, с. 63]. Сообщение о намерении Боракчин посадить на трон после Улагчи именно Туда-Менгу не подвергали сомнению и более ранние исследователи [см., напр.: Langles 1802, p. 362–363; Сафаргалиев 1996, с. 317]. Ранее мы придерживались версии Е. П. Мыськова [см.: Почекаев 2006а, с. 310–311; Почекаев 2006в, с. 381], однако позднее пришли к выводу, что это сообщение ошибочно по нескольким причинам. Во-первых, Туда-Менгу был не самым старшим сыном Тукана — у него было двое старших братьев, каждый из которых имел больше прав на трон Золотой Орды. Во-вторых, согласно Рашид ад-Дину, матерью Туда-Менгу (как и его старшего брата Менгу-Тимура) была не Боракчин, а Кучу-хатун из племени ойрат [Рашид ад-Дин 1960, с. 73; см. также: Pelliot 1949, p. 40]. Поэтому представляется, что следует с большим доверием отнестись к сообщению Ибн Халдуна, который, сообщая об этих событиях, указывает в качестве ставленника Боракчин не Туда-Менгу, а Тудана (варианты имени: Тукан, Тудакан) — сына Бату и отца Туда-Менгу [СМИЗО 2005, с. 269]. Сведения арабских авторов о заговоре Боракчин подтверждаются и Утемиш-хаджи, который сообщает, что после смерти Бату были посланы гонцы к Хулагу, косвенно подтверждая, таким образом, сведения ан-Нувейри [Утемиш-хаджи 1992, с. 97].

⁸³ В «Муизз ал-ансаб» упоминаются сыновья Сартака Туктува и Хукчи, причем последний из них, в свою очередь, оставил двоих сыновей, Тукель-

Бугу и Батуджу [Муизз 2006, с. 40], а следовательно, умер не в детском возрасте.

⁸⁴ В. В. Трепавлов, несколько идеализируя взаимоотношения правителей Монгольской империи, считает, что Берке являлся соправителем хана Мунке в качестве правителя правого крыла империи [Трепавлов 1993, с. 82–83]. Единственное сообщение об этом мы находим у Абу-л-Гази: «После него [Улагчи. — Р.П.] Менгу-каан сделал ханом Берке-хана, сына Джучи-хана» [Абуль-Гази 1996, с. 99]. Но это сообщение, во-первых, относится к середине XVII в., а во-вторых, автор сообщает, что Мунке сделал Берке ханом, что было в принципе невозможно: хан — независимый правитель и не нуждается ни в чьем соизволении на занятие трона!

Е. П. Мыськов, в свою очередь, полагает, что Берке пришел к власти уже после смерти Мунке, датируя смерть Улагчи 1259 г., соответственно. Однако, как мы уже отметили, нет никаких сведений, что Улагчи правил даже в 1258 г. Зато есть сведения о том, что Мунке с 1257 г. был полностью поглощен войной в Южном Китае и не уделял внимания делам отдельных улусов [Рашид ад-Дин 1960, с. 146; Бичурин 2005, с. 222], что вполне могло позволить Берке решиться на узурпацию власти. Предположение о приходе Берке к власти вопреки воле Мунке разделяет и А. Г. Мухамадиев, который даже утверждает, что Берке запретил хождение в Золотой Орде монет с именем Мунке [Мухамадиев 1983, с. 46, 51].

⁸⁵ Версии о смерти Мунке см. подробнее.: Юрченко 2007, с. 268–270.

⁸⁶ Берке демонстративно начал чеканку в Булгаре монеты с именем Арик-Буги. Среди исследователей распространено мнение, что тем самым он признавал над собой власть последнего в качестве великого хана [Сафаргалиев 1996, с. 321; Мухамадиев 2005, с. 108–109; Ostrovski 2003a, p. 137]. Однако современные нумизматы обращают внимание, что золотоордынские монеты с именами Мунке и Арик-Буги чеканились только в Булгаре, и обоснованно делают вывод, что Мунке (а вслед за ним — Арик-Буге) принадлежали какие-то владения в этом регионе Золотой Орды [Петров 2005, с. 171]. Впрочем, тот факт, что Берке признал наследником Мунке именно Арик-Бугу, а не Хубилая, позволяет говорить о поддержке им именно этого великого хана.

Но в чем же заключалась поддержка Арик-Буги со стороны Берке? По мнению Е. П. Мыськова, правитель Улуса Джучи не только признал Арик-Бугу ханом, но и направил ему на помощь войска, с помощью которых тому удалось нанести поражение Хубилаю [Мыськов 2003, с. 80; ср.: Закиров 1966, с. 12]. Однако исследователь в подтверждение своего мнения сослался лишь на сообщение ал-Муфаддала: «Берке оказал помощь Арикбуге, и они (сообща) поразили войско Кубилая» [СМИЗО 2005, с. 146]. На наш взгляд, нет оснований говорить именно об участии войск Улуса Джучи в гражданской войне в Монголии, тем более что еще Р. Груссе отмечал, что помощь Арик-Буге со стороны Берке не была существенной [Grousset 2000, p. 397]. Помощь могла быть оказана и деньгами, и тем, что Берке своими действиями на Кавказе сковывал войска Хулагу, который из-за этого не сумел выступить на помощь Хубилаю. Более того, у Рашид ад-Дина мы находим следующее со-

общение: «Ариг-Бука... сказал “Самое лучшее — это чтобы Алгу, сын Байдара сына Чагатая... прислал бы нам помощь оружием и провиантом и охранял бы границу Джейхуна, чтобы войско Хулагу и войско Берке не могли прийти с той стороны на помощь Кубилаю”» [Рашид ад-Дин 1960, с. 161]. Как видим, Берке занял выжидательную позицию, и Арик-Буга даже не был уверен, что правитель Улуса Джучи не выступит против него! Любопытно отметить, что при этом, провозгласив себя ханом, Арик-Буга разослал по улусам империи ярлыки, в которых утверждал: «Хулагу-хан, Берке и царевици согласились и объявили меня кааном...!» [Рашид ад-Дин 1960, с. 160]. Таким образом, практически не подлежит сомнению, что Берке никакой военной помощи Арик-Буге не оказывал.

⁸⁷ Ранее в исторической науке было распространено мнение, что в 1262 г. русские земли пытались сбросить именно ордынское иго [см.: Карамзин 1992, с. 53; Пашуто 1956, с. 220–221; Каргалов 1984, с. 22]. Однако оно опровергается летописным сообщением: «...того лета приехал Титям послом на Русь от царя Татарского именем Кутлубея, золь сыи Бесерменинъ, того поспехом окаянные лишенник творя христьяном велику досаду и кресту и святым церквам ругаяся. И егда людие по граду гневахуся на враги своя, и подвигошася на Бесермен и изгнаша вонъ из градовъ, а иных избиша...» [ПСРЛ 1949, с. 144]. Уже А. Н. Насонов соотносил летописного «царя Кутлубея» с Хубилаем и, соответственно, утверждал, что восстание на Руси было направлено против сборщиков монгольского хана, а не ордынского правителя [Насонов 2002, с. 216; Белозеров 2003, с. 71; ср.: Вернадский 2000, с. 166–167; Феннел 1989, с. 160–161]. Да и слово «Титям», представленное летописцами как имя посла, на самом деле — титул высокопоставленного чиновника в монгольском Китае [Рыкин 2007, с. 482–483].

⁸⁸ Джужджани приводит подробный рассказ о том, как монгольский правитель в Самарканде начал гонения против мусульман, а Берке, получив известие об этом, тут же отправил в город свои войска, которые устроили настоящую резню самаркандских христиан [СМИЗО 2006, с. 45–47]. Однако мы уже успели убедиться, что полностью полагаться на сообщения этого историка не следует. Персидские историки утверждают обратное — что именно подданные Берке были уничтожены: согласно Вассафу, «около этого времени каан отправил посла, который произвел новую перепись (шумаре) Бухары. Из общего числа 16 000 (человек), которые были сосчитаны в самой Бухаре, 5000 (человек) принадлежало (к улусу) Бату, 3000 — Кутуй-беги, матери Хулагу-хана, остальные же назывались “улуг кул” т. е. “великий центр”, которым каждый из сыновей Чингиз-хана, утвердившись на престоле ханском, мог распоряжаться, как (своею) собственностью. Эти 5000, принадлежавшие Бату, вывели в степь и на языке белых клинков, глашатаев красной смерти, прочли им смертный приговор. Не были пощажены ни имущество, ни жены, ни дети их» [СМИЗО 2006, с. 164–165]. По приказу Эржэнэ-хатун, правительницы Чагатаева улуса, были уничтожены представители высшего мусульманского духовенства Бухары, среди которых оказался даже Бурхан ад-Дин, сын Сайф ад-Дина Бахарзи — влиятельного шейха, которого Берке признавал своим духовным наставником. Репрессии

обрушились и на сторонников Джучидов в Самарканде [Бухарский вакф 1979, с. 15]. По-видимому, та же судьба постигла и китайские владения Джучидов — округ Пингъянфу, выделенный Бату еще на курултае в 1235 г. [см.: Юань ши 2004, с. 488].

⁸⁹ Основная причина войны была вполне очевидна и для современников, и для историков. Уже Марко Поло отмечал: «В 1261 г. по Р. Х. произошла великая распря между Алаем, царем восточных татар, и Беркою, царем западных, из-за области, что была смежна тому и другому; каждому хотелось ею завладеть, и ни один не хотел уступить ее другому» [Марко Поло 1997, с. 371]. Персидский автор Вассаф уточняет, о каких именно землях шла речь: «Что позади Дербенда, называемого Демир-капук (Железные ворота), то всегда было местом зимовки и сборным пунктом разбросанных частей войска его (Туши); по временам они делали набеги до Аррана и говорили, что Арран и Азербайджан также входят в состав владений и становищ их (Джучидов). Вот почему с обеих сторон, хулагидской и джучидской, стали проявляться, одна за другой, причины раздора и поводы к озлоблению» [СМИЗО 2006, с. 163, 197; Закиров 1966, с. 13–14]. Современные исследователи вполне обоснованно отмечают, что претензии на эти территории объяснялись не только прежним разделом империи или необходимостью территорий для кочевков: через Азербайджан и Северный Иран проходила одна из трасс Великого Шелкового пути, представлявшая серьезный источник доходов для владельца этих областей [Петрушевский 1977, с. 236; Малышев 2004а]. Как можно убедиться, последующее соперничество Золотой Орды и Хулагуидского Ирана касалось именно этих территорий: на них претендовали впоследствии ордынские ханы Узбек, Джанибек и Токтамыш.

⁹⁰ Разнообразные поводы для начала войны отмечены средневековыми авторами. Так, согласно Джужджани, «он (Хулаву) забрал все сокровища багдадские, исчисление и счет которых не могут быть начертаны пером и не поддаются человеческому определению. Из денег, драгоценных камней, редкостей и дорогих украшений он все увез в свой лагерь... Кое-что, в виде подарка и доли, отослал к Берка, мусульманину, а часть утаил. Люди, заслуживающие доверия, рассказывали следующее: “То, что дошло до Берка, последний не принял, умертвив послов Хулаву. По этой причине возникла вражда между Берка и Хулаву”» [СМИЗО 2006, с. 51]. Арабские авторы Ибн Абд аз-Захир и Рукн ад-Дин Бейбарс приписывают инициативу в развязывании войны мамлюкскому султану Египта аз-Захиру Бейбарсу: «В 660-м г. (= 26 нояб. 1261 — 14 нояб. 1262 г.) он (ал-Малик аз-Захир) написал к Берке, великому царю татарскому, письмо, которое я писал со слов его (и в котором) он подстрекал его против Хулавуна, возбуждал между ними вражду и ненависть да разбирал довод тому, что для него обязательна священная война с татарами, так как получают одно за другим известия о принятии им ислама, и что этим вменяется ему в долг воевать с неверными, хотя бы они были его родичи» [СМИЗО 2005, с. 68–69, 75, 88–89].

Сведения о гибели царевичей-Джучидов, командовавших ордынскими подразделениями в войсках Хулагу, приводятся у разных авторов. Киракос Гандзакети пишет: «А великий Хулагу беспощадно и безжалостно истребил всех

находившихся при нем и равных ему по происхождению знатных и славных правителей из рода Батыя и Беркая: Гула, Балахая, Тутхара, Мегана, сына Гула, Гатахана и многих других вместе с их войском — были уничтожены мечом и стар, и млад, так как они находились при нем и вмешивались в дела государства» [Киракос 1976, с. 236]. В чем состояло «вмешательство в дела государства», уточняет Григор Акнерци: «Как только ханские сыновья узнали о том, что Гулаву намерен воссесть на ханский престол, то четверо из них пришли в ярость и не захотели повиноваться Гулаву. Такудар и Бора-хан подчинились, а Балаха, Тутар, Гатаган и Миган не согласились признать его ханом. Когда *аргучи* Мангу-хана убедились в том, что эти четверо не только не желают повиноваться, но еще намерены сопротивляться Гулаву, то приказали: подвергнуть их ясаку, т. е. задушить тетивой лука... После этого *аргучи* приказали армянским и грузинским войскам идти на войска мятежников и перебить их; что и было исполнено» [Патканов 1871, с. 31–32]. Рашид ад-Дин в разных частях своего сочинения приводит две разные версии их гибели. Так, во втором томе персидский историк сообщает: «Балакан, который был в этом государстве, задумал против Хулагу-хана измену и предательство и прибегнул к колдовству. Случайно [это] вышло наружу. Учинили о том допрос, он тоже признался. Для того, чтобы не зародилась обида, Хулагу-хан отослал [Балакана] с эмиром Сунджаком к Берке. Когда они туда прибыли, была установлена с несомненностью его вина, Берке отослал его [обратно] к Хулагу-хану: “Он виновен, ты ведаешь этим” Хулагу-хан казнил его, вскоре после этого скончались также Татар и Кули. Заподозрили, что им с умыслом дали зелья. Поэтому у них возникло недовольство [друг на друга], и Берке стал враждовать с Хулагу-ханом...» [Рашид ад-Дин 1960, с. 81–82]. В третьем же томе излагается сходная версия, но царевичи-Джучиды как бы «поменялись ролями»: «В ту же пору скончался скоропостижно на пиру царевич Булга, сын Шибана, внук Джучи. Затем заподозрили в колдовстве и измене Тутар-огула. После установления виновности Хулагу-хан отправил его в сопровождении Сунджака на служение к беркею. И [Сунджак] доложил об его вине. Беркей в силу чингизхановой ясы отослал его к Хулагу-хану, и 17 числа месяца сафара лета [6]58 [2 II 1260] его казнили... Затем скончался и Кули» [Рашид ад-Дин 1946, с. 54].

⁹¹ Подробные сведения об этой кампании приведены у арабского автора ал-Муфаддала и Рашид ад-Дина [СМИЗО 2005, с. 146–147; Рашид ад-Дин 1946, с. 59–60]. Согласно Киракосу Гандзакеци, военные действия начал Хулагу, который, не встречая сопротивления, дошел до Дербента и только тут встретился с войсками Берке, который разгромил его в ожесточенной битве. Хулагу повернул обратно, оставив заслон под командованием Ширэмуна, который сумел сдержать натиск войск Берке и позволил основным силам ильхана достичь своих владений [Киракос 1976, с. 237]. Сходно с информацией армянского историка и сообщение арабского автора ал-Айни, который также сообщает об одном только сражении между Берке и Хулагу на Тереке, в котором ильхан потерпел поражение, а многие его воины потонули в реке при отступлении [СМИЗО 2005, с. 354]. Наиболее ценное дополнение к сведениям Рашид ад-Дина представляет сообщение арабского историка

Ибн Васила, согласно которому Хулагу вторгся в глубь владений Берке на 15 дней пути, и ордынский правитель не оказывал ему сопротивления, отступая, пока не достиг р. Куры. Хулагу удалось захватить лагерь ордынских войск со всем его имуществом, и Берке «сделал воззвание к войску своему, чтобы садился на коня всякий, кому 10 лет (и более) от роду». Узнав о приближении бесчисленного войска, Хулагу начал отступление и переправился через Куру обратно. Однако часть его войск не успела переправиться и подверглась разгрому [СМИЗО 2005, с. 83–85]. Вспомним, что именно к этому времени относятся и сведения из «Жития Александра Невского»: «Было в те времена насилие великое от иноверных, преследовали они христиан, заставляя их воевать на своей стороне. Князь же великий Александр пошел к царю, чтобы отомлить людей своих от этой беды» [Повесть о житии 1985, с. 165; см. также: Мыськов 2003, с. 92]. Как видим, Берке, находившийся в критическом положении, намеревался усилить свою армию даже за счет русских!

Венецианец Марко Поло описывает эти события в несколько упрощенной форме, гораздо больше внимания уделяя речам, якобы сказанным Берке и Хулагу перед битвой, и личному героизму, который оба правителя якобы проявили во время сражения. По предположению А. Г. Юрченко [личная консультация — Р. П.], источником для сообщения венецианца послужил некий восточный «рыцарский роман». О самой же битве Поло говорит весьма кратко, причем, согласно его трактовке, победил в конечном счете Хулагу, обративший Берке в бегство, но потом сам вынужден был отойти, поскольку понес слишком большие потери. «Так-то, как вы слышали, произошла эта битва, и Алау победил», — говорит венецианский автор [Марко Поло 1997, с. 375].

Наиболее фантастическая версия противостояния Берке и Хулагу приведена в тюркских источниках XV–XVI вв., в частности, в сочинении Мирзы Улугбека «Улус-и арба-йи Чингизи», «Родословии тюрков» неизвестного автора сер. XV в. и «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи. В «Родословии тюрков», в частности, говорится следующее: «(Однажды) путь его [Берке. — Р. П.] случился к куполу ислама Бухаре: он явился к одному из шейхов (своего) времени и от него удостоился наставления (талькин). Говорят, что тем великим шейхом был шейх Сейф-ад-дин Бахарзи, один из великих преемников шейха Неджим-ад-дина Кубра. Он (Берке) долгое время находился у порога его (шейха), по приказу великого шейха отправился в Дешт-и-Кипчак через Хаджитархан с небольшим войском; на берегу реки Идиль произошла встреча с бесчисленным войском Хулагу-хана, сына Тули-хана, сына Чингиз-хана, и, благодаря духовной помощи дервишей святого, поражение выпало войскам Хулагу-хана. Хулагу-хан, который имел намерение (направиться) в Дешт-и-Кипчак, бросил свое намерение, повернул назад, ушел в сторону Азербайджана, от сильного огорчения заболел и умер в Тебризе. Некоторые говорят, что он был убит в этом сражении; эти слова не имеют основания. Берке-хан, сын Джучи, победивший и победоносный, с сердцем, полным божественного света, по приказу всемогущего (бога) творца и по праву утвердился на троне Дешт-и-Кипчака...» [СМИЗО 2006, с. 391–392; см. также: Тулибаева 2004, с. 352–353; Утемиш-хаджи 1992, с. 97–98]. Фактически единственный

достоверный элемент в этом рассказе — сам факт сражения между Берке и Хулагу и поражение последнего!

⁹² См.: Рашид ад-Дин 1946, с. 60. Несмотря на то что в сочинении персидского историка вполне определенно говорится о ложности информации Хулагу, Е. П. Мыськов почему-то решил, что Хубилай и в самом деле направил на помощь Хулагу свои войска [см.: Мыськов 2003, с. 83].

⁹³ Сведения о строительствах Берке в Тебризе содержатся у ал-Умари: «Потом, когда Хулаку умер и воцарился сын его Абага, то они постарались обмануть его тем, что султан их Берке хочет построить в Тебризе соборную мечеть. Он (Абага) дал им разрешение на это, и они построили ее и написали на ней имя султана Берке. Потом они попросили (позволения) построить завод для выделки там тканей для себя. Он (Абага) разрешил им и это. И стали они выделывать там материи для султана Берке. В таком положении оставалось дело до тех пор, пока произошел между ними разлад, да они столкнулись, и Берке поразил Абагу. Разгневался Абага и уничтожил фабрики» [СМИЗО 2005, с. 177–178].

⁹⁴ Персидские и арабские авторы расходятся в описаниях этой кампании. Мы привели версию Рашид ад-Дина [Рашид ад-Дин 1946, с. 68]. Согласно Хамдаллаху Казвини, после смерти Берке «войско его обратилось в бегство; некоторые были взяты в плен, и он (Юшмут?) отдал их в рабство кому попало» [СМИЗО 2006, с. 183]. Согласно ан-Нувайри, Берке «снарядил войско и поставил над ним Ису Ногая, сына Татара, сына Могола, который и двинулся в авангарде. Потом он послал вслед за ним другого начальника, по имени Сунтая, с 50 000 всадников. Ногай успел уйти вперед с теми, которые были при нем, и предстал пред войско Абаги; Сунтай же шел по пятам его. Когда войска Абаги увидели Сунтая, приближавшегося с огромной ратью, то они скучились и собрались бежать. Сунтай, вообразив, что они окружили Ногая и бывших с ним (людей), обратился в бегство без всякого боя. Ногай же погнался за войсками Абаги, напал на них, разогнал их, убил из них множество и вернулся к Берке. Усилилось (с тех пор) значение его у него (Берке), и возвысилось положение его. Он (Берке) поставил его над несколькими тьмами, вина же Сунтая в глазах Берке была велика». Эту же версию повторяют Ибн Халдун и ал-Айни [СМИЗО 2005, с. 124, 270–271, 354].

Ибн Халдун называет Сунтая сыном Мутугана, внуком Чагатая [СМИЗО 2005, с. 270]. В таком случае его можно отождествить с Йисун-Дувой, отцом Борака, будущего хана Чагатаева улуса [Рашид ад-Дин 1960, с. 90].

⁹⁵ В последние годы правления Бату власть монголов в городах Южного Крыма была лишь номинальной и ограничивалась уплатой дани [см.: Антонин 1863, с. 611; Пашуто 1956, с. 162]. Берке восстановил ордынское господство на полуострове и вернул туда своих наместников: рассказывая о посольстве султана Египта к Берке в 1263–1264 гг., арабский автор ал-Муфаддал сообщает, что послы султана аз-Захира Бейбарса, миновав Константинополь, отправились «оттуда в Дакситу, т. е. на берег Судакский. Там встретил их правитель того края по имени Таюк, у которого были лошади йулак, т. е. почтовые. Имя этой земли Крым...» [СМИЗО 2005, с. 150; см. также: Смирнов 2005, с. 74].

⁹⁶ См. подробнее: Почекаев 2006а, с. 264–266.

⁹⁷ Подробный рассказ об этих событиях приведен в Ипатьевской летописи [ПСРЛ 1843, с. 198–200]. См. также: Пашуто 1950, с. 283–285; Еремин 1957, с. 104–108; Котляр 2008, с. 307; Моргунов 2007, с. 21.

⁹⁸ Сведения о переписи 1259 г. содержатся в русских летописях [см., напр.: ПСРЛ 1926–1928, с. 475; НПЛ 2001, с. 310–311; ПСРЛ 1949, с. 143; см. также: Гумилев 1995, с. 144; Феннел 1989, с. 158].

⁹⁹ Согласно летописям, «того же лета князь великий Александръ восхоте пойти во Орду ко цареви, да бы отмолил люди от беды...» [ПСРЛ 1949, с. 144; см. также: Феннел 1989, с. 161–162].

¹⁰⁰ Под 6779 (1271) г. сообщается, в частности, что великий князь Ярослав Ярославич в конце 1271 — начале 1272 гг. «преставися..., ида ис Татар». Аналогичным образом в «лето 6784» (1276 г.) «прииде князь велики ис Татар Василии» и «тое же зимы преставися» [ПСРЛ 1949, с. 150, 151]. На наш взгляд, каждый князь (в первую очередь — великий), предчувствуя свою скорую кончину, приезжал к ордынскому монарху «на консультацию» о своем предполагаемом преемнике и согласовывал его кандидатуру. В условиях анархии и беспринципной борьбы за власть, начатой потомками Всеволода Большое Гнездо после смерти Ярослава Всеволодовича (1246 г.), одобрение верховным сюзереном русских земель кандидата в великие князья служило своеобразной гарантией мира и стабильности на Руси. Не случайно и преемник Ярослава, Василий Ярославич, и преемник последнего Дмитрий Александрович занимали великокняжеский престол без каких-либо потрясений и смут. Так что весьма вероятно, что первый прецедент такого согласования был положен еще Александром Невским и Берке.

¹⁰¹ Согласно Лаврентьевской летописи, «В лето 6769 (1261)... Того же лета постави митрополить епископа Митрофана Сараю» [ПСРЛ 1926–1928, с. с. 476; см. также: ПСРЛ 1949, с. 144]. Епархия действовала в Сарае в течение всего времени существования Улуса Джучи, причем ее иерархи являлись одновременно и подчиненными киевских митрополитов, и подданными ханов, которые, вероятно, даже порой возлагали на них свои дипломатические поручения [см., напр.: Григорьев 2004б, с. 49; Гумилев 1995, с. 145; Кривошеев, Соколов 2002, с. 166–169]. История «царевича Петра» содержится в средневековом сочинении «Повесть о Петре, царевиче Ордынском», по мнению различных исследователей, созданной либо в середине XIV, либо даже в конце XV в. [см.: Кривошеев 2002, с. 118].

¹⁰² Современные исследователи подвергают сомнению даже сам факт обращения Берке в ислам [см., напр.: DeWeese, 1994, p. 85, 150; Halperin 2007, p. 264; ср.: Vásáry 2007]. Однако многие средневековые авторы, нередко независимые друг от друга (европейские, армянские, арабские, персидские и тюркские), единодушно сообщают о принятии им ислама. Наиболее распространена версия обращения Берке авторитетным бухарским шейхом Сайф ал-Хакк ва-д-дин Саидом ибн ал-Мутаххаром ал-Бахарзи — ее приводят, в частности, персоязычный индийский историк XIII в. Джузджани, арабский ученый конца XIV — начала XV вв. Ибн Халдун, анонимный автор «Родословия тюрков» сер. XV в. и хивинский автор сер. XVI в. Утемиш-хаджи [см.:

СМИЗО 2005, с. 269–270; СМИЗО 2006, с. 50–51, 391–392; Утемиш-хаджи 1992, с. 96–97]. Даты принятия ислама Берке у авторов разнятся: по мнению одних, его обращение имело место еще при жизни Бату, другие считают, что он стал мусульманином после своего прихода к власти. Посланник французского короля Вильгельм де Рубрук, побывавший в Золотой Орде в 1253 г., отмечал, что «Берка выдает себя за сарацина и не позволяет есть при своем дворе свиное мясо» [Рубрук 1997, с. 115; см. также: Pelliot 1949, p. 50–51]. Татарский историк Ш. Марджани пишет, что Берке принял ислам в 1242 г. [Марджани 2005, с. 14, 105], однако, учитывая его многочисленные ошибки хронологического характера, можно к этой дате отнестись с недоверием.

¹⁰³ Сведения о противостоянии двух претендентов на трон халифа и его исходе приводятся в труде арабского автора XIV в. Ибн Касира [см.: Hammer-Purgstall 1840, s. 170–171; Закиров 1966, с. 11–12]. В. В. Бартольд, описывая этот же эпизод с соперничеством двух халифов со ссылкой на аз-Захаби, ничего не упоминает о том, что Берке покровительствовал ал-Хакиму [Бартольд 2002 Халиф, с. 38].

¹⁰⁴ Согласно Ибн Абд аз-Захиру, секретарю султана Бейбарса, султан Египта направил Берке послание, в котором сообщалось, что имя Берке поминается в молитвах в священных городах мусульман — Мекке, Медине и Иерусалиме — сразу же за именем султана [СМИЗО 2005, с. 74; см. также: Закиров 1966, с. 52].

¹⁰⁵ По сообщению египетского автора XV в. ал-Макризи, «в 660 году (= 26 нояб. 1261 — 14 нояб. 1262 г.) из Дамаска и других мест выступили разведчики и захватили множество татар, намеревавшихся двинуться в Египет, чтобы найти себе (там) убежище. (Дело в том, что) царь Берке посылал их на помощь к Хулаку, но, когда между ними (т. е. между Берке и Хулаку) произошел раздор, написал им, призывая их к себе, и приказал им, в случае, если они не в состоянии добраться до него, отправиться к войскам египетским. Причиной вражды Берке с Хулаку было то, что в сражении, которое произошло между ними, был убит сын Хулаку и разбито войско его» [СМИЗО 2005, с. 301]. Согласно сведениям ан-Нувайри, монгольские всадники приняли ислам, были взяты на службу со всеми привилегиями мамлюков и получили земельные владения, благодаря чему в Египет стали приходиться и другие монгольские отряды. Наиболее крупный из них, 1 300 человек, появился в Каире в октябре 1263 г. и также был включен в состав гвардии султана [СМИЗО 2005, с. 132–133; см. также: Семенова 1966, с. 54; Reinaud 1827, p. 11].

¹⁰⁶ Такие слова Берке приводит арабский историк Ибн Касир [СМИЗО 2005, с. 204]. Большинство исследователей отдает предпочтение другой фразе, согласно Ибн Василу, сказанной Берке после битвы с Хулаку: «Когда Берке прибыл на место битвы и увидел ужасное избиение, то он сказал: “Да посрамит Аллах Хулавуна этого, погубившего монголов мечами монголов. Если бы мы действовали сообща, то мы покорили бы всю землю»» [СМИЗО 2005, с. 85]. Исследователи чаще приводят именно эту цитату и склонны толковать ее как стремление Берке воевать не против Хулагу, а вместе с ним против общих противников Монгольской империи [см., напр.: Фахретдин

1996, с. 85; Греков, Якубовский 1998, с. 63; Вернадский 2000, с. 170; Малышев 2004а]. Между тем, эти слова являются всего лишь парафразом изречения спартанского царя Агесилая из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха: «Когда... Агесилай узнал, что у Коринфа произошла большая битва, и со стороны спартанцев пало совсем немного, со стороны же противника — множество, он не проявил ни радости, ни гордости и лишь сказал с глубоким вздохом: "Горе тебе, Греция, что ты сама погубила столько людей, которые, если бы они еще жили, способны были бы, объединившись, победить всех варваров вместе взятых"» [Плутарх 1944, Агесилай, XVI]. Несомненно, арабский автор-эрудит, знакомый с трудами древнегреческого историка, просто-напросто «адаптировал» эту фразу к событиям середины XIII в.! Еще С. Закиров отметил, что Берке оправдывал войну против своего двоюродного брата в глазах мусульман тем, что Хулагу неверный, а в глазах монголов тем, что тот нарушил Ясу [Закиров 1966, с. 15–16].

¹⁰⁷ Согласно ал-Муфаддалу, византийский император задержал у себя ордынских послов, которые в августе 1263 г. выехали из Египта. Впоследствии он оправдывался тем, что в это время в его столице находились также и посланцы Хулагу, в глазах которых он опасался выглядеть пособником египетского султана и ордынского правителя. Вести о пленении дипломатов дошли до Берке лишь в июле 1264 г., и он немедленно предпринял карательные меры, направив войско прямо на Константинополь, вскоре уже разорявшее его окрестности. Византийский император в страхе покинул город, отправив навстречу монголам египетского посланника ал-Фариса ал-Масуди, которому удалось убедить военачальников Берке не начинать войны с императором — союзником Египта. Как выяснилось впоследствии, ал-Фарис оказался подкуплен византийцами и, к тому же, выказал полную несостоятельность в посольских делах, затянув путешествие, в результате чего по дороге погибли многие из отправленных к Берке невольников и животных. Впоследствии ал-Фарис был сурово наказан Бейбарсом, но взятку от византийского базилевса он «отработал»: нападение ордынцев на Константинополь было предотвращено [СМИЗО 2005, с. 148–150; Закиров 1966, с. 52–55].

¹⁰⁸ Подробные сведения об этих событиях приведены в сочинениях византийских авторов Георгия Пахимера и Никифора Григоры [Пахимер 1862, с. 209–219; Григора 1862, с. 95–97]. Следует отметить, что предводительство Ногай этим походом — лишь предположение исследователей на основании того, что он имел владения как раз на Балканах, на границе с Византией [см., напр.: Егоров 1985, с. 194]. Пахимер сообщает, что ордынскими войсками командовал некий «родственник» («дядя») султана, «человеком, на северных побережьях Эвксинского Понта весьма славным». Ногай мог быть назван родственником Изз ад-Дина, поскольку, по сведениям турецких авторов, Берке, внучатым племянником которого являлся Ногай, был женат на тетке сельджукского султана [см.: Смирнов 2005, с. 61].

Среди средневековых авторов и исследователей нет единодушия относительно даты похода на ромеев. Так, В. Д. Смирнов, опираясь на сведения арабских средневековых авторов ан-Нувайри, ал-Макризи, ал-Айни и турецкого автора XVII в. Мустафы ал-Дженнаби, настаивает «ввиду такого согла-

сия «стольких источников относительно одного и того же факта», что поход на Византию состоялся при Менгу-Тимуре; эта же позиция содержится в трудах Абу-л-Фиды и Ибн Халдуна [СМИЗО 2005, с. 124–125, 306, 357; Смирнов 2005, с. 62–63; см. также: Geanakoplos 1959, p. 181–182]. Е. П. Мыськов, опираясь на сообщения арабских же историков Рухн ад-Дина Бейбарса, Шафи, ал-Муфаддала и Ибн Касира, признает ошибочными и недостоверными сведения тех историков, на труды которых ссылался В. Д. Смирнов [Мыськов 2003, с. 106–108]. Особняком стоит мнение В. Л. Егорова, который полагает, что имели место два ордынских похода на Константинополь: при Берке в 1265 и при Менгу-Тимуре в 1270 г. [Егоров 1985, с. 193–194].

Судьба Изз ад-Дина Кей-Кавуса также по-разному представлена у различных авторов. По сведениям арабского историка ал-Муфаддала и турецкого автора Сейида Лукмана, Берке лично принял и обласкал султана Кей-Кавуса [см.: СМИЗО 2005, с. 149; Смирнов 2005, с. 62]. Турецкий историк второй половины XVII в. Мюнедджим-баши отмечает, что когда освобожденный Изз ад-Дин прибыл в Крым, Берке уже скончался, а его преемники (у турецкого автора — «сыновья») отнеслись к султану неласково, говоря, что его прибытие не к добру [Смирнов 2005, с. 62]. О судьбе турок-сельджуков из числа подданных Изз ад-Дина Кей-Кавуса см.: Wittek 1952.

¹⁰⁹ По версии Л. Н. Гумилева, именно Берке спровоцировал в 1259 г. восстание в Грузии против Хулагу, заставив последнего перебросить часть своих сил на Кавказ, что, по мнению историка, сказалось на активности монголов в Сирии [Гумилев 1992а, с. 161; 1994, с. 122–123]. Однако, по сведениям Рашид ад-Дина, именно на 1259–1260 гг. приходится наиболее активное продвижение монгольских войск в Сирии, включая захват Алеппо, Дамаска, Маяфарикина, причем во всех этих городах Хулагу поставил своих наместников, которых постоянно контролировал и периодически смещал [Рашид ад-Дин 1946, с. 49–50, 54–55]. Кроме того, по грузинской хронике «Картлис Цховреба», Давид Нарини после поражения бежал в горные области Имеретии, население которых с готовностью признало его царем [см., напр.: Хронограф 2005, с. 82–85; Папаскири]. Как видим, бежал он отнюдь не во владения Берке... Отметим, что все средневековые авторы говорят лишь о деяниях самих грузинских правителей, но никак не об участии в этих событиях Берке или его подчиненных. Кроме того, ни Берке, ни его преемники в дальнейшем уже не претендовали на власть над Грузией и Арменией — в отличие от Азербайджана.

¹¹⁰ Об ордынско-венгерских отношениях в эпоху Берке см. подробнее: Пашуто 1950, с. 285; Малышев 2004б. Н. М. Карамзин утверждает, что в 1260 г. венгерский король Бела IV даже сумел нанести монголам поражение [Карамзин 1992, с. 200].

¹¹¹ Иоанн де Плано Карпини сообщает, что встретил в Киеве Михаила из Генуи, Варфоломея и Мануила из Венеции, Николая из Пизы [Плано Карпини 1997, с. 84; Гёкеньян 2001, с. 97]. При Берке позиции итальянских торговцев в джучидских владениях существенно возросли. В Причерноморье, где Венеция, Генуя, Пиза имели торговые интересы задолго до прихода монголов, венецианцы еще в 1204 г. построили свою колонию — Тану, которую

в 1261 г. у них выкупили генуэзцы. Усилению последних в Причерноморье способствовал их союзник — византийский император Михаил VIII Палеолог. Впрочем, в 1265 г. он, опасаясь монополизации генуэзской торговли на Черном море, позволил венецианцам также торговать в этом регионе, однако разрешение основать первую свою факторию (в той же Тане) они получили лишь в 1332 г. [Скржинская 1971, с. 30–32; Хеллер 2001, с. 114–117]. Эвлия Челеби, турецкий путешественник XVII в., пишет, что «день ото дня Берекет-хан и мусульманское войско облагали данью генуэзцев в Крыму» [Эвлия Челеби 1999, с. 121].

¹¹² Такую версию приводят, в частности, Хамдаллах Казвини, автор «Родословия тюрков», и Гаффари [СМИЗО 2006, с. 183, 392, 402]. Ал-Муфаддал упоминает, что Берке «страдал ломотой (в ногах)» [СМИЗО 2005, с. 151]. Ибн Халдун сообщает, что Берке «погиб в (6)65 году (= 2 окт. 1266 — 21 сент. 1267 г.)» [СМИЗО 2005, с. 271], однако не приводит никаких обстоятельств его «гибели»; сообщение о насильственной гибели этого правителя не подтверждается и другими источниками. «Гроб с ним отправили в Батуеву [столицу] Сарай и похоронили», — сообщает Рашид ад-Дин [Рашид ад-Дин 1946, с. 68]. Д. Островски датирует смерть Берке январем 1267 г. [Ostrovski 2003a, p. 138].

¹¹³ Дискуссии о том, являлись ли уломинаемые в источниках Сарай-Бату и Сарай-Берке одним и тем же городом или двумя разными, велись в исторической науке с первой половины XIX в. В последние годы, благодаря исследованиям нумизмата И. В. Евстратова и археолога В. Г. Рудакова, восторжествовало мнение о том, что речь идет об одном и том же городе [Евстратов 1997; Рудаков 1999, 2000, 2007]. У Эвлии Челеби находим сообщение, что «этот Берекет-хан построил в Крымской стране город Эски Сала, сад Ашлама, Бахчисарай и Эски Юрт» [Эвлия Челеби 1999, с. 119], однако позволим себе усомниться в его истинности: Бахчисарай был построен на рубеже XV–XVI вв. крымским ханом Менгли-Гиреем или даже его сыном Сахиб-Гиреем [Гайворонский 2003], так что весьма маловероятно, что Берке был создателем и других крымских городов. Что же касается Сарайчука, то его основание приписывали также и Бату, и Шибану, и Бахадуру, сыну Шибана [Трепавлов 2002, с. 226].

¹¹⁴ Так, например, известный мусульманский ученый и религиозный деятель Мухтар б. Махмуд б. Мухаммад аз-Захида Абу-р-Раджа ал-Газмини ал-Имам (ум. в 1260 г.) посвятил Берке свой философско-богословский трактат «ал-Насирийа», названный так в честь самого Берке, носившего почетное мусульманское прозвище Насир ад-Дин Абу-л-Маали [История 2006, с. 122, 137, 147; Марджани 2005, с. 90].

¹¹⁵ Арабский историк ал-Муфаддал, опираясь на сообщения египетских дипломатов, побывавших у Берке, сообщает, что у Берке было три жены — Тагтагай-хатун, Джиджек-хатун и Кехар-хатун [СМИЗО 2005, с. 151]. В. Д. Смирнов, ссылаясь на ряд турецких исторических сочинений, сообщает, что Берке был женат на дочери сельджукского султана Ала ад-Дина Кей-Кубада I [Смирнов 2005, с. 61] — вероятно, она была одной из этих трех жен. По-видимому, любимой супругой Берке была Джиджек-хатун:

во-первых, ряд арабских авторов упоминают, что она вместе с мужем приняла ислам [СМИЗО 2005, с. 123, 353]; во-вторых, согласно ал-Муфаддалу, именно ей Берке поручал заботу о египетских послых — вероятно, опять же из-за ее приверженности к исламу [СМИЗО 2005, с. 151].

Некоторые средневековые авторы (в частности, Рашид ад-Дин, ал-Муфаддал, автор «Таварих-и гуизда-йи нусрат-наме», Утемиш-хаджи) однозначно заявляют, что у Берке детей не было [Рашид ад-Дин 1960, с. 73; СМИЗО 2005, с. 151; Таварих-и гузида 1969, с. 34; Утемиш-хаджи 1992, с. 99]. Однако по другим сведениям, у него было несколько детей. Одна дочь, Урбай-хатун, как сообщает ал-Айни, была выдана замуж за сельджукского султана Кей-Кавуса II, когда он был освобожден из византийского плена и прибыл в Улус Джучи [СМИЗО 2005, с. 357; см. также: Смирнов 2005, с. 63]. Е. П. Мыськов обратил внимание на упоминание о сыне Берке в житийной литературе [Мыськов 2003, с. 102]. А. Е. Гайворонский также указывает, что султан Бейбарс повелел совершать в Мекке торжественные молебны в честь Берке и его сына [Гайворонский 2006, с. 13]. Эвлия Челеби сообщает, что после смерти Берке («Берекет-хана») «у него остался несовершеннолетний сын в возрасте 1 года» [Эвлия Челеби 1999, с. 121]. Ряд арабских средневековых историков (ал-Макризи, ал-Кутуби) сообщает о дочери Берке-хана — супруге египетского султана Бейбарса, матери его старшего сына ас-Саида Мухаммада, получившего в честь деда тюркское имя Берке-хан. Крайне заманчиво отождествить эту султаншу с дочерью ордынского правителя, что и сделали, в частности, С. Лэн-Пуль, В. В. Бартольд и А. Н. Поляк [Бартольд 2002 Двенадцать лекций, с. 141; Poliak 1942, p. 868]. Однако современный израильский исследователь Д. Айалон опроверг подобное отождествление, установив, что супруга Бейбарса являлась дочерью не золотоордынского Берке, а кипчакского Баракат-хана, который был военачальником хорезмийского султана Джалал ад-Дина, а затем перешел на службу к египетским султанам. Исследователь приводит убедительные аргументы: во-первых, весьма странным выглядит молчание арабских историков о факте бракосочетания египетского султана с дочерью ордынского правителя (например, о браке другого египетского султана, ан-Насира, с Тулун-бай, родственницей золотоордынского хана Узбека, египетские историки писали очень подробно, хотя она была всего лишь двоюродной племянницей ордынского хана); во-вторых, ас-Саид Берке-хан, сын Бейбарса, родился в январе 1260 г., тогда как первый контакт Египта с Золотой Ордой при Берке имел место только в 1263 г. [Ayalon 1972, p. 143–144]. Современный египетский ученый Амин ал-Холи обратил внимание, что в сочинении средневекового египетского историка Ибн Абд аз-Захира отец супруги Бейбарса именуется Хисам ад-Дин *ибн* Берке, что вообще устраняет повод для предположений о том, что ордынский правитель был тестем египетского султана [Амин аль-Холи 1962, с. 37].

¹¹⁶ Упоминания о «доме Берке» встречаются, в частности, в сочинениях аз-Захаби, ал-Умари, Ибн Касира, ал-Калкашанди [СМИЗО 2005, с. 166, 187, 205, 288; Григорьев, Фролова 2002, с. 297], несмотря на то что самим

историкам было известно происхождение ордынских ханов от Бату, равно как и родословная других джучидских царевичей.

¹¹⁷ Ал-Муфаддал [СМИЗО 2005, с. 151].

¹¹⁸ Рашид ад-Дин 1960, с. 72–73. В «Муизз ал-ансаб» Менгу-Тимур назван пятым сыном Тукана [Муизз 2006, с. 40–41].

¹¹⁹ Ал-Муфаддал [СМИЗО 2005, с. 151]. Правда, эти сведения следует принять с несколькими оговорками. Во-первых, В. Г. Тизенгаузен, переведший этот текст, не случайно поставил знак вопроса после титула «Амир Оглу». Вторая часть этого предполагаемого титула есть не что иное как «огул», т. е. «царевич»: согласно персидским летописям, сам Берке, даже возглавив Улус Джучи, довольствовался таким титулом. Первая же часть титула Менгу-Тимура вызывает большое сомнение. Прежде всего, слово «эмир» вошло в употребление в Золотой Орде лишь после принятия ислама Узбеком, т. е. в 1320-е гг., а до этого использовался его монгольский эквивалент «нойон». Таким образом, можно было бы предположить, что арабский автор «перевел» монгольский титул на арабский язык (что выглядит странно, поскольку речь идет об официальном титуле, да и вторая часть его осталась монгольской!). Но дело в том, что Чингизиды, стоявшие выше всех сословий, никогда не носили титула «нойон» — ни в Монгольской империи, ни в чингизидских государствах! Во-вторых, весьма странно звучит выражение ал-Муфаддала «назначенный ему в наследники». Кто мог назначить Менгу-Тимура наследником Берке? Назначением правителей Золотой Орды со времени Джучи ведал исключительно великий хан. Таковым в 1263 г. был Хубилай, но мог ли он назначить наследника Берке, который в течение всего своего правления не признавал его власти? Или сам Берке, отказавшись признавать первенство Хубилая, назначил Менгу-Тимура своим наследником? Тоже вряд ли, поскольку формально самостоятельным монархом он себя все же не считал и понимал, что его преемника, вероятно, назначит великий хан. Вышесказанное и позволяет сделать вывод, что Берке признал своим наследником Менгу-Тимура в качестве условия *sine qua non*, при котором власть Берке соглашались признать другие Джучиды (в том числе и потомки самого Бату). Подобные компромиссы имели место и в других государствах Чингизидов: даже великий хан Мунке в начале правления признавал своим наследником Хайду, сына Кашина, сына Угедэя, что, вероятно, обеспечило его признание со стороны Угедэидов [Григорьев 1978, с. 24; Караев 1995, с. 20; Почекаев 2006а, с. 263].

¹²⁰ ПСРЛ 1843, с. 202. Фраза весьма туманна и потому вызывает различные толкования исследователей. Так, например, Н. И. Веселовский полагает, что речь идет о сражении Берке с ильханом Абагой [Веселовский 1922, с. 14]. Однако, повествуя о других Чингизидских государствах, русские авторы обычно уточняли, что речь идет «о Бухарской земле», «Тевризе граде», «Китайском государе» и т. п., тогда как форма «в Татарехъ» в ранних русских летописях означала именно Золотую Орду. Поэтому нам ближе трактовка В. Л. Егорова, согласно которой летописец сообщил о борьбе, имевшей место в Орде после смерти Берке — о борьбе представителей разных аристокра-

тических кланов, а возможно, и противников ислама с его сторонниками [Егоров 1985, с. 199–200].

¹²¹ Источники прямо не называют соперников Менгу-Тимура, но они легко угадываются на основании косвенных сведений летописных сочинений. По мнению Е. П. Мыськова, Менгу-Тимур пришел к власти спокойно, без заговоров, переворотов и соперничества с другими царевичами — именно в силу того, что он был наиболее вероятным преемником Берке [Мыськов 2003, с. 104]. Однако вышеприведенное сообщение Ипатьевской летописи опровергает мнение исследователя.

¹²² Г. В. Вернадский и Д. Феннел утверждают, что Ногай именно в правление Менгу-Тимура стал фактическим соправителем золотоордынских ханов [Вернадский 2000, с. 170–171; Феннел 1989, с. 189], однако свои утверждения ничем не подкрепляют. Источники ничего не сообщают о его активной деятельности при ханском дворе в эпоху Менгу-Тимура — напротив, он в это время целиком сосредотачивается на делах своего придунайского улуса. Его участие в политике Золотой Орды вновь активизируется лишь после смерти Менгу-Тимура и вступления на трон Туда-Менгу [см., напр.: Смирнов 2005, с. 113].

¹²³ «Маву, начальника левого крыла» и «Таира, начальника правого крыла» упоминают автор «Биографии Калауна» и ан-Нувайри [СМИЗО 2005, с. 79, 126; см. также: Федоров-Давыдов 1973, с. 59–60; Трепавлов 1993, с. 88].

¹²⁴ Согласно Рашид ад-Дину, великий хан Хубилай, узнав о смерти Берке, «улус Берке пожаловал Менгу-Тимуру» [Рашид ад-Дин 1960, с. 168].

¹²⁵ Весьма любопытно, что на монетах первого ордынского хана, не отличавшегося особенным благорасположением к исламу, нередко встречаются также надписи, традиционные для мусульманской нумизматики — символ веры «Нет иного бога кроме Аллаха единого, он не имеет сообщника», «Хвала богу», «Уповай на бога» и т. п. [Френ 1832, с. 2; Хромов 2005а, с. 130].

¹²⁶ Согласно Рашид ад-Дину, Менгу-Тимур «долгое время противился Абага-хану, и они несколько раз сражались, и Абага-хан одерживал победы. В конце концов они в году... [пропуск в тексте. — Р. П.] в силу крайней необходимости заключили мир» [Рашид ад-Дин 1960, с. 82]. Не следует забывать, что Рашид ад-Дин был сановником и официальным историографом персидских ильханов и поэтому мог несколько преувеличить успехи Абаги. Тем не менее, по-видимому, в самом начале своего правления Менгу-Тимур действительно потерпел поражение от Абаги. Так, например, сирийский автор середины XIV в. Ибн Касир сообщает: «В 665 году (= 2 окт. 1266 — 21 сент. 1267 г.) встретились Абага и Менгу-Тимур, заступивший место Берке-хана. Абага разбил его, отнял у него большую добычу и возвратился в свою землю» [СМИЗО 2005, с. 204]. Правда, другие историки сообщают, будто боевые действия между Золотой Ордой и Ираном продолжались и потом. По сообщению того же Ибн Касира, «в 669 году (= 20 авг. 1270 — 9 авг. 1271 г.) прибыла к нему (султану Египетскому в Аскалоне) радостная весть, что Менгу-Тимур разбил войско Абаги. Обрадовался он (султан) этому»; сходное сообщение встречаем и у другого арабского историка аз-Заххаби: «В 669 году (= 20 авг.

1270 — 9 авг. 1271 г.) дошло до султана аль-Малик аз-Захира (известие) «что войско сына брата Берке разбило войско Абаги» [СМИЗО 2005, с. 165, 205]. Вассаф-хазрет также пишет, что «однажды 30 000 всадников мечебойцев и дротикометателей, принадлежавших Абака-хану, во время возвращения и переправы через реку, когда льдины разломались, все утонули и погибли, отпечатав на поверхности льда результат дней (своей) жизни» [СМИЗО 2006, с. 165]. В последнем сообщении, по-видимому, смешались сведения о двух разгромах войск ильхана: о котором упоминает и аз-Заххаби и о катастрофе при переправе через Куру, имевшей место еще во время войны Берке и Хулагу. Сведения арабских историков, как мы не раз имели возможность убедиться, часто неправильно датированы, поэтому не следует с полным доверием принимать их сообщения о победах Менгу-Тимура в начале 1270-х гг. В какой-то мере их можно соотнести с сообщением Хондемира, согласно которому в 1268 г. Абага вынужден был отвести свои войска с захваченных в результате прошлогодней победы территорий, поскольку получил известия о приготовлениях к военным действиям Чагатаида Борака — союзника Менгу-Тимура [Khondemir 1852, p. 258]. Вероятно, эти события практически свели на нет результаты победы Абаги, недавно одержанной над ордынским ханом, и были восприняты арабскими историками как победа золотоордынского правителя. Сведения арабских историков о победах Золотой Орды над Ираном в 1270–1271 гг. опровергаются сообщением более компетентного автора Рашид ад-Дина, согласно которому поздней осенью 1270 г. к Абаге «приехали гонцы от Менгу-Тимура с поздравлениями с победой над Бораком [и] с разного рода подарками и подношениями: соколами, сонкурами и шахинами. Абага-хан приказал, оказав им почет и уважение, отправить [обратно] и вместе с ними послал царские дары» [Рашид ад-Дин 1946, с. 86]. Весьма вероятно, что миролюбивая политика Абаги в значительной степени объяснялась его дипломатическими неудачами на Западе: еще в 1267 г. он отправил письмо папе римскому Клименту IV, которому предлагал союз против Египта и Золотой Орды, но тот не отреагировал [см.: Mostaert, Cleaves 1952, p. 430–445; Шталь 1961].

¹²⁷ Единственный шанс возобновления войны появился у Бейбарса только в 671–672 гг. х. (1272–1273 гг.), когда между Менгу-Тимуром и Абагой, по-видимому, случилось очередное обострение отношений, и Менгу-Тимур направил в Египет своих послов с предложением о совместных действиях против Ирана. Однако, согласно ал-Муфаддалу и Ибн ал-Фурату, эти послы были задержаны византийским императором, и только через год египетскому султану удалось освободить их. За это время Менгу-Тимур и Абага, вероятно, успели решить свои разногласия, и у Золотой Орды отпала необходимость в союзе с египтянами [СМИЗО 2005, с. 152–153, 263–264; Закиров 1966, с. 61; Камалов 2007, с. 61–62].

¹²⁸ Ярлыки 1955, с. 467–468. Текст ярлыка, по мнению исследователей, был весьма существенно «подредактирован» в канцелярии русских митрополитов более позднего времени и существенно отличался от выданного оригинала. А. П. Григорьев, проанализировавший большое количество официальных актов Монгольской империи и выделившихся из нее государств

(включая ярлыки ханов Золотой Орды), высказал весьма убедительное суждение о том, что русский текст не соответствует типовому формуляру ордынских ярлыков, имеет многочисленные повторения и т. п., а потому предложил реконструкцию оригинального текста в следующем виде: «Предвечного бога силою, наш, Менгу-Тимура, указ даругам-князьям городов и селений, князьям войска, писцам, таможникам, проезжим послам, сокольникам и звериным ловцам. Чингис-хан и последующие ханы, наши старшие братья, говоря: “Священники и монахи, каких бы то ни было налогов не видя, пусть богу за нас молятся, благопожелания нам возносят!” — выдавали им ярлыки. И ныне мы, прежним ярлыкам согласно, сказали им: “Каких бы то ни было налогов не видя, богу за нас молитесь, благопожелания нам возносите!” — этому митрополиту ярлык дали. В год зайчихи первого месяца осени в четвертый [день] старого [месяца], когда [наша ставка] находилась в степи, написан» [Григорьев 2004б, с. 44]. Реконструкция А. П. Григорьева представляется вполне аргументированной, поскольку в значительной степени соответствует сохранившимся текстам других ханских грамот служителям различных конфессий. Впрочем, есть сведения, что проекты ярлыков нередко готовились самими будущими их получателями [см., напр.: Григорьев, Григорьев 2002, с. 9]. Поэтому в ярлыке Менгу-Тимура русскому духовенству могли содержаться определенные специфические положения, вписанные в проект ярлыка по требованию церковных иерархов в интересах именно русской православной церкви, а потому отсутствовавшие в ярлыках, например, великих ханов буддийскому или даосскому духовенству — при сохранении, конечно, общей структуры ярлыка.

Ю. В. Сочнев вслед за П. П. Соколовым полагает, что Менгу-Тимуром было выдано два ярлыка русской церкви, и до нас дошел второй, который исследователь датирует 1279 г. По его мнению, выдача этого второго ярлыка была связана с проведением в 1275 г. переписи населения и уточнением круга субъектов, облагаемых налогами и освобождаемых от них [Сочнев 2007б, с. 18].

В историографической традиции ярлык Менгу-Тимура митрополиту Кириллу почему-то принято считать всего лишь наиболее ранним из *сохранившихся* ордынских ярлыков русской церкви. По-видимому, определенную путаницу внесло сообщение составителя Краткой редакции собрания ярлыков русским митрополитам, согласно которому «Суть же и инии мнози ярлыци предании быша к церкви божи и пречистыя его матере от безбожных оных царей и крепость бысть митрополиту и всему причту о нем [не реку от Саина, иже бе попленид Русскую землю, но паче рещи и всех царей еже по нем царствоваша...]» [Зимин 1955, с. 471]. При этом историки не принимают во внимание, что предшествующие золотоордынские правители не носили ханского титула и потому не могли издавать ярлыки; таким образом, практически не подлежит сомнению, что рассматриваемый документ был именно первым ярлыком золотоордынского хана русскому духовенству, а не самым древним из дошедших до нас. Если же буквально понимать слова составителя собрания ярлыков и признать, что русское духовенство получало ярлыки еще со времен Бату, то речь идет, по-видимому, о ярлыках великих

ханов — Угедэя, Гуюка, Мунке, а возможно, и Хубилая; не исключено, что они впоследствии были уничтожены в связи с принятием ханского титула золотоордынскими правителями.

¹²⁹ Текст этого ярлыка Менгу-Тимура сохранился в составе другого официального акта — грамоты самого великого князя Ярослава, содержание которой выглядит следующим образом: «Менгу Темерево слово къ Ярославу князю: даи путь немецкому гостю на свою волость. От князя Ярослава ко рижанам, и к болшим и к молодым, и кто гостить, и ко всем: путь ваш чист есть по моеи волости; а кто мне ратный, с тим ся сам ведаю; а гостю чист путь по моеи волости» [Грамоты 1949, с. 57].

¹³⁰ Исследователи связывают возникновение генуэзских факторий в Крыму именно с Менгу-Тимуром или его наместником в Крыму Уран(Урук)-Тимуром [Григорьев 1844, с. 303; Гейд 1915, с. 77; Узлов 2004, с. 213; Canale 1855, p. 154]. О торговле генуэзцев в Каспийском море см.: Гекеньян 2001, с. 97.

¹³¹ См.: Малышев 2001, с. 141.

¹³² Согласно Абу-л-Гази, в отношении родственников своих, как старших, так и младших в роде, он [Менгу-Тимур. — *Р.П.*] действовал согласно распоряжениям Бату-хана, а потому владение в Белой Орде отдал он Багадурхану, сыну Шибан-ханову; области Кафу и Крым отдал Уран-Тимуру. Уран-Тимур был сын Тукай-Тимура» [Абуль-Гази 1996, с. 99–100]. Исследователи склонны толковать это сообщение в том смысле, что потомки Туга-Тимура еще со времен Бату имели владения в Крыму. Так полагают, в частности, Й. Хаммер-Пургшталь и Г. Ховорт [см. подробнее: Сафаргалиев 1996, с. 312–313; Федоров-Давыдов 1973, с. 53]. Однако, на наш взгляд, следует понимать его именно так, что Менгу-Тимур следовал политике Бату в отношении постоянных «перетасовок» владений удельных Джучидов [см.: Почекаев 2006а, с. 157–158; ср.: Федоров-Давыдов 1973, с. 54–55]. В частности, Г. А. Федоров-Давыдов отметил, что Маву, начальник левого крыла войск Менгу-Тимура, принадлежал к вассалам Орду, старшего сына Джучи, и выразил в связи с этим недоумение [Федоров-Давыдов 1973, с. 59]. На наш взгляд, этот факт также свидетельствует в пользу того, что Менгу-Тимур периодически заставлял перекочевывать своих родичей и нойонов, не делая исключений и для представителей улуса Орду — Синей Орды.

¹³³ Не случайно именно потомок Уран-Тимура, крымский хан Менгли-Гирей, в 1502 г. положил конец существованию Золотой Орды, разгромив хана Шейх-Ахмада, и провозгласил себя официальным преемником ханов Улуса Джучи.

¹³⁴ См.: Далай 1977, с. 329.

¹³⁵ См.: Рашид ад-Дин 1946, с. 70; Biran 1997, p. 25, 63.

¹³⁶ Рашид ад-Дин 1946, с. 60. См. также: Бартольд 1943, с. 54–55; Grousset 2000, p. 333, Biran 1997, p. 26; Цолмон 2006, т. 36.

¹³⁷ См.: Далай 1983, с. 49; Biran 1997, p. 29–30.

¹³⁸ Туда-Менгу, брат и преемник Менгу-Тимура на троне Золотой Орды, по-видимому, отказался от союза с Хайду и поэтому уже в 1280/1281 г. освободил обоих пленников и отправил их к Хубилаю.

¹³⁹ Согласно Новгородской первой летописи, немцы «прислаша послы с мольбою: “кланяемся на всей воли вашей, Нарове всеи отступаемся, а крови не проливайте”; и тако новгородци, гадавшее, взяша миръ на всей воли своей» [НПЛ 2001, с. 319]. См. также: Насонов 2002, с. 229–230; Пашуто 1963, с. 107; Ливонская хроника 2002, с. 251–252.

¹⁴⁰ НПЛ 2000, с. 320.

¹⁴¹ Василий Костромской даже носил прозвище Квашня, весьма точно отражавшее его характер и способности. Тем не менее, благодаря авторитету Менгу-Тимура на Руси, он сохранял великое княжение до самой смерти, хотя в великокняжеском семействе было немало более энергичных и деятельных претендентов — например, уже упоминавшийся его племянник и преемник Дмитрий Переяславский, сын Александра Невского.

¹⁴² ПСРЛ 1843, с. 205–206.

¹⁴³ В летописи сообщается, что «лето 6784» (1276 г.) «прииде князь велики ис Татар Василен» и «тое же зимы преставися» [ПСРЛ 1949, с. 151]. Несомненно, визит больного Василия Ярославича в Орду состоялся в соответствии с уже сложившейся традицией, в соответствии с которой великие князья перед смертью рекомендовали хану своего преемника. В условиях «анархии» в вопросе передачи власти, начатой братьями и сыновьями Ярослава Всеволодовича в конце 1240-х гг., одобрение верховным сюзереном русских земель кандидатур князей-наследников служило своеобразной гарантией мира и стабильности на Руси.

¹⁴⁴ См.: Крупнов 1968, с. 292–294. По мнению исследователей, Менгу-Тимур просто-напросто приказал своим русским вассалам принять участие в этом походе, тем самым фактически перечеркнув договоренность Берке и Александра Невского о неучастии русских войск в ордынских военных предприятиях [см., напр.: Вернадский 2000, с. 179]. На наш взгляд, не следует обвинять Менгу-Тимура: он остался верен прежним соглашениям, и ни один русский ратник не участвовал в его балканских кампаниях или войне с Ираном. Что же касается похода на осетин, то он был выгоден самим русским князьям. Еще с XI в. русские правители имели геополитические и экономические интересы в Предкавказье и на Северном Кавказе, были заинтересованы в мире в этом регионе, надежных торговых путях и пр. [см., напр.: Гадло 1994, с. 138 и след.]. Это подтверждается и тем, что русские участвовали в этом походе не как вспомогательные войска ордынского хана, а как самостоятельная армия, которую возглавили самые влиятельные князья Северо-Восточной Руси — Андрей Городецкий, Федор Ярославский, Глеб Ростовский «и инии князи мнози». Их дружины осадили и 8 февраля 1278 г. захватили Деяков, причем все летописцы отмечают, что именно русские князья, а не ордынцы взяли этот город, что именно они «победыв Ясы» (т. е. осетин), получили богатую добычу и удостоились похвалы Менгу-Тимура [ПСРЛ 1863, с. 405; ПСРЛ 1949, с. 152].

В связи с взятием Джулата небезынтересно отметить наблюдение исследователей о существенной смене религиозной политики в завоеванных аланских землях. Если до похода 1277–1278 гг. здесь активно действовали грузинские миссионеры, то после него их влияние резко ослабло, и на смену

им пришли римско-католические миссионеры, действовавшие через Золотую Орду [см.: Нарожный 1989, с. 109]. Очевидно, это было связано с тем, что Грузия являлась вассалом Хулагуидского Ирана, и Менгу-Тимур, укрепив власть в Алании, постарался заменить проводников хулагуидской политики на католических проповедников, имевших более тесные связи с Золотой Ордой.

¹⁴⁵ См.: Экземплярский 1891, с. 573–575.

¹⁴⁶ Подобная версия излагается впервые лишь в Никоновской летописи: «Того же лета оклеветанъ бысть во Орде ко царю князь велики Рязанский Романъ Олговичъ, внук Ингваровъ, правнук Игоревъ, праправнук Глебовъ, глаголющее, яко хулить тя великого царя и ругается вере твоей. Онъ же напусти на него Татаръ; они же начаша нудити его к вере ихъ. Онъ же глагола к нимъ: “не достоинъ православнымх христианом оставя веру свою православную и приимати веру бесерменскую поганую” Они же начаша его бити; онъ же глаголаше: “христианинъ есмь, и воистину христианская вера свята есть, и ваша Татарская вера погана есть” Они же не хотяше от него таковыхъ речей слышати, и отрезаша языкъ, и заткоша уста его убрусомъ, и начаша резати его по суставомъ и метати раздно, персты вся обрезоша и у ног и у рук, и устне и уши и прочая суставы розрезаша, и яко остася трупъ единъ, они же одраша кожу отъ главы его и на копие взоткнуша. И се убо сей новый мученикъ бысть подобен страстию Иакову Перскому» [ПСРЛ 2000а, с. 149; см. также: Афанасьев 2005; Борисов 2005, с. 67].

Современный исследователь-монголист П. О. Рыкин посвятил специальную статью этому эпизоду русско-монгольских отношений, используя сообщение Никоновской летописи и сделав вывод о том, что столь жестокая казнь носила ритуальный характер и была вызвана тяжкими преступлениями самого рязанского князя — «хулой на царя» и «поношением поганой татарской веры». При этом исследователь провел ряд параллелей из монгольской истории и истории взаимоотношений монголов с народами Кавказа, в которых также встречались примеры подобных казней [Рыкин 2005, с. 62–73]. Отдавая должное наблюдательности П. О. Рыкина и его умению привлекать параллельные сюжеты из исторических источников различного происхождения, тем не менее, следует отметить, что он слишком принял на веру сообщение Никоновской летописи о похождениях Романа Рязанского в ставке Менгу-Тимура! Дело в том, что этот источник является гораздо более поздним источником, и многие сведения прежних летописцев, как можно увидеть при сравнении сообщений об убийении рязанского князя, подверглись агиографической обработке. Летописец, как видим, практически не скрывает своего намерения создать культ еще одного русского святого — такой альтернативы упомянутому Иакову Персидскому (мученику IV в., расчлененному по приказу персидского шаха)!

Так, согласно Московскому своду конца XV в., «того же лета убиень бысть князь Романъ Олгович Рязанскы от поганыхъ Татаръ, и бысть сиче убийение его. Заткоша уста его убрусомъ и начаша резати его по составом и метати раздно, и, якорозоимаша его, остася трупъ единъ, они же одравше главу ему взоткоша на копие. Се бысть новыи мученикъ, подобен страстью Якову Перському, и купи си страстию царствие небесное, и венецъ прият

от руки господня со сродникомъ своим князем Михаилом Черниговским; убиение же его бысть месяца июля 19» [ПСРЛ 1949, с. 150; см. также: ПСРЛ 1848, с. 42]. Тверской летописец XVI в. приводит примерно те же сведения, добавляя лишь нравоучительное увещание князьям, чтобы они не прельщались мирской славой и возлюбили чистоту [ПСРЛ 1863, с. 403; см. также: Приселков 2002, с. 330; Софийский временник 1820, с. 283–284]. Как видим, в более ранних летописях нет ни слова о вызове князя Романа в Сарай, его «религиозном диспуте» с ханом и смертном приговоре. Нет сомнения, что князь пал жертвой не ханского гнева, а междоусобиц русских князей с участием монгольских войск; вполне вероятно, что и подробности его казни — позднейший вымысел летописцев, желавших причислить князя к христианским великомученикам.

¹⁴⁷ См. подробнее: Малышев 2001, с. 143; Tanase 2004, p. 124–125.

¹⁴⁸ См.: Рукн ад-Дин Бейбарс [СМИЗО 2005, с. 92–93]; Witte 1952, p. 649. И. Х. Камалов почему-то датирует это событие не 1277 или 1278, а 1272 г. [Камалов 2007, с. 61]. Согласно В. И. Булгаковой, бегство Масуда из Судака явилось следствием неудачной попытки вернуть эту область под контроль Сельджукского султаната — именно с этим исследовательница связывает и набег ордынских войск на Судак в 1278 г., упомянутый в Сугдейском синаксари [Булгакова 2011, с. 60]

¹⁴⁹ Впоследствии Масуд четырежды вступал на трон всего Румского султаната.

¹⁵⁰ Родословие тюрков [СМИЗО 2006, с. 393]; Улугбек 2007, с. 97; Утемиш-хаджи 1992, с. 101.

¹⁵¹ См.: Мухамадиев 1983, с. 49–50; Федоров-Давыдов 2003, с. 21. Вес медных золотоордынских монет в эпоху Берке и Менгу-Тимура составлял 1,56 г, а серебряных — 0,52 г.

¹⁵² См.: Pelliot 1949, p. 62. В средневековых исторических сочинениях смерть Менгу-Тимура датируется либо 1280, либо 1282 г., и исследователи до сих пор дискутируют о верности той или иной даты. Нумизматические материалы, казалось бы, свидетельствуют в пользу более поздней даты — сохранилось несколько монет с именем Менгу-Тимура, чеканенных в 1281/1282 г. [см. подробнее: Мыськов 2003, с. 110–111]. Однако можно допустить, что в течение какого-то времени, пока не были изготовлены образцы с именем преемника Менгу-Тимура, продолжалась чеканка монет с именем первого хана Золотой Орды. На наш взгляд, путаница относительно года смерти Менгу-Тимура объясняется двумя причинами: во-первых, тем, что до египетских властей сведения о его смерти дошли с опозданием на полтора-два года; во-вторых, в 1282 г. умер другой Менгу-Тимур (23.10.1256–26.04.1282), сын ильхана Хулагу [Рашид ад-Дин 1946, с. 97]. Не исключено, что в более поздних исторических трудах смешались личности этих двух Чингизидов, являвшихся современниками, тезками и сравнительно близкими родственниками (Менгу-Тимур «иранский» приходился нашему герою троюродным дядей).

¹⁵³ В сочинении Рукн ад-Дин Бейбарса Джиджек-хатун названа матерью Алгюя, старшего сына Менгу-Тимура [СМИЗО 2005, с. 93]. Рашид ад-Дин же, перечисляя жен и сыновей первого ордынского хана, вообще не упоминает

ханшу с таким именем: по его сведениям, старшей женой Менгу-Тимура была Олджай-хатун из рода кунграт, племянница Мунке-хана, второй — Султан-хатун из рода ушин, третьей — Кутуй-хатун. Менгу-Тимур оставил десять сыновей. От Олджай-хатун родились Алгуй и Токта, от Султан-хатун — Тудан и Баркук (Бурлюк) [Рашид ад-Дин 1960, с. 72–73]. Согласно «Му'изз ал-ансаб», Султан-хатун была матерью Абаджи и Тудана, а Кутуй (Тутукуй)-хатун — матерью Бурлюка [Муизз 2005, с. 41]. Матери остальных сыновей — Сарай-Буги, Тогрула, Малагана, Кадана и Кутугана — неизвестны.

Одна из дочерей Менгу-Тимура уже после смерти хана была выдана замуж за Федора Ростиславича Чермного, князя Смоленского и Ярославского, и крещена под именем Анна. Таким образом, с 1299 по 1471 г. (присоединение Ярославля к Московскому государству) Ярославским княжеством правили прямые потомки Менгу-Тимура по женской линии [см.: Экземплярский 1891, с. 83].

¹⁵⁴ Иоанн де Плано Карпини сообщает, что «между сыном от наложницы и от жены нет никакой разницы, но отец дает каждому из них, что хочет, и если он из рода князей, то сын от наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 42; см. также: Султанов 2001; 2006].

¹⁵⁵ См.: Веселовский 1922, с. 3.

¹⁵⁶ См.: Juvaini 1997, p. 266–267; Почекаев 2006а, с. 50.

¹⁵⁷ Рашид ад-Дин приводит его слова: «Однако есть у меня от Саин-хана указ, что если кто-либо в его улусе совершит непутевое и расстроит улус, то чтобы я расследовал это [дело] и склонил их сердца к согласию друг с другом» [Рашид ад-Дин 1960, с. 83; ср.: Schamiloglu 1986, p. 129–130].

¹⁵⁸ См.: Сафаргалиев 1996, с. 313; ср.: Трепавлов 1993, с. 89.

¹⁵⁹ См.: Иванов 1912, с. 152.

¹⁶⁰ Рашид ад-Дин 1946, с. 54.

¹⁶¹ СМИЗО 2005, с. 83–85; 146–147; Рашид ад-Дин 1946, с. 59–60. См. также: Киракос 1976, с. 237

¹⁶² Рашид ад-Дин 1946, с. 60.

¹⁶³ О походе Ногай в Византию сообщают византийские историки Георгий Пахимер и Никифор Григора. В целом оба историка примерно одинаково излагают ход событий, но несколько расходятся в изложении отдельных фактов. Так, например, Пахимер приписывает инициативу нападения на императора Михаила Ногаю (если именно его он подразумевает под «дядей султана») [Пахимер 1862, с. 210], тогда как Григора инициатором похода называет болгарского царя Константина и его супругу — сестру никейского императора Иоанна IV Ласкариса, некогда свергнутого Михаилом VIII [Григора 1862, с. 94–95]. Пахимер сообщает, что император постоянно держал пленного Кей-Кавуса при себе и только во время нападения монголов отправил его в город Эн, а по словам Григоры, султан еще раньше был заточен в этом городе [Пахимер 1862, с. 213; Григора 1862, с. 95–96].

¹⁶⁴ Рашид ад-Дин 1946, с. 68. По сведениям арабских авторов ан-Нувайри и ал-Айни, Ногай лишился глаза еще во время первой иранской кампании, в битве с Хулагу [СМИЗО 2005, с. 123, 354].

¹⁶⁵ Г. В. Вернадский безосновательно утверждает, что Ногай после смерти Берке сам предъявил претензии на трон правителя Улуса Джучи, а в даль-

нейшем, при Менгу-Тимуре, являлся его фактическим соправителем [Вернадский 2000, с. 170–171]. Однако Г. А. Федоров-Давыдов, а за ним и В. В. Трепавлов совершенно справедливо обращают внимание, что в правление Менгу-Тимура Ногай даже не фигурирует среди высших военачальников: центр возглавлял сам хан, правое крыло — нойон Тайра, левое — нойон Маву [Федоров-Давыдов 1973, с. 58–60; Трепавлов 1993, с. 88; см. также: Заплотинский 2007, с. 13].

¹⁶⁶ См., напр.: Биография султана ал-Малика ал-Мансура Калауна [СМИЗО 2005, с. 78–79].

¹⁶⁷ Г. В. Вернадский предположил, что двойное имя Иса-Ногай, под которым наш герой нередко фигурирует в арабских источниках, свидетельствует о принятии им этого мусульманского имени при обращении в ислам [Вернадский 2000, с. 171]. Не видим причин не соглашаться с ним, поскольку в сочинении арабского автора Рукн ад-Дина Бейбарса (секретаря султана Калауна) даже приводится текст соответствующего послания Ногая: «Отправлено это письмо Ису-Ногайем ал-Малик аз-Захиру. Хвалю Аллаха Всевышнего за то, что он включил меня в число правоверных и сделал меня одним из тех, которые следуют вере очевидной» [СМИЗО 2005, с. 91]. Сообщения об обращении Ногая в ислам приводят также Ибн ал-Фурат и ал-Макризи [СМИЗО 2005, с. 263, 306; см. также: Закиров 1966, с. 63–64]. Е. П. Мыськов весьма обоснованно называет сообщение Ногая о своем обращении в ислам «декларативным», поскольку никаких деяний во имя «истинной веры» темник никогда не совершал [Мыськов 2003, с. 120]. Более того, согласно письму кафинского священника брата Владислава, Яйлак, старшая супруга Ногая, в 1286 г. приняла крещение по католическому образцу [см.: Pelliot 1949, р. 77–78]. По мнению А. Н. Насонова, Ногай направил первое собственное посольство в Египет только в 1282 г., когда после смерти Менгу-Тимура «выступил в роли самостоятельного правителя» [Насонов 2002, с. 269].

¹⁶⁸ Рашид ад-Дин 1960, с. 86. По сведениям Хамдаллаха Казвини, «в этом же году (678/14 мая 1279 — 2 мая 1280) в Иран прибыло большое войско из Дашт-и Хазара. По приказанию Абака-хана против них выступил царевич Менгу-Тимур (сын Хулагу), который разбил их [СМИЗО 2006, с. 183]. Однако это сообщение не подтверждается другими источниками, согласно которым после 1268 г. золотоордынские и иранские монголы снова начали боевые действия только в 1288 г. Возможно, речь идет о набеге каких-то «бродячих отрядов»?

¹⁶⁹ Пахимер 1862, с. 164, 210.

¹⁷⁰ Пахимер 1862, с. 318–319; Успенский 1997, с. 508.

¹⁷¹ Пахимер 1862, с. 314–315. См. также: Хара-Даван 1996, с. 247; Geanakoplos 1959, р. 369–370; Vagnon 2006, р. 7

¹⁷² Пахимер 1862, с. 429–430. См. также: Брун 1880а, с. 351–352.

¹⁷³ См. подробнее: Владимиров 2008, с. 71–72.

¹⁷⁴ См.: ПСРЛ 1843, с. 211, 345–347; Грумм-Гржимайло 1994, с. 108.

По сведениям венгерских и немецких хроник, поход 1285 г. на Венгрию был инициирован половцами, которые сначала нашли там прибежище, но

позднее восстали против короля Ласло IV и были им разгромлены [Горский 2002, с. 135].

¹⁷⁵ А. Г. Мухамадиев полагает, что Туда-Менгу был возведен на трон именно Ногаем, который якобы нарушил тем самым завещание Менгу-Тимура, согласно которому, после его смерти трон должен был перейти Тула-Буге, сыну его старшего брата [Мухамадиев 1983, с. 115; см. также: Васильев 2006, с. 42]. Однако, на наш взгляд, упоминания об этом завещании в исторических источниках появились позже описываемых событий с целью как-то легитимировать фактический переворот Тула-Буги. По мнению В. П. Костюкова, опирающегося на сведения Рашид ад-Дина, большую роль в возведении на трон Тула-Буги сыграл Кончи (Кунджи) — потомок Орду, старшего сына Джучи и владетель Синей Орды [Костюков 2007, с. 191–192].

В. В. Трепавлов отказывает Ногаю в статусе бекляри-бека как командующего всеми войсками Золотой Орды в период правления Туда-Менгу и Тула-Буги [Трепавлов 1993, с. 88–89]. Р. Фахретдин также называет его улус-беком, т. е. одним из областных правителей, а не верховным главнокомандующим (Фахретдин 1996, с. 87). Однако другие авторы придерживаются обратного мнения, считая его даже не просто бекляри-беком, но и соправителем ханов [см., напр.: Мыськов 2003, с. 115–121; Vigan, p. 64].

¹⁷⁶ Русские средневековые источники излагают развитие борьбы между сыновьями Александра Невского в нескольких вариантах. Так, согласно Лаврентьевской летописи, уже в 1281 г. Андрей привел на Русь рать Тура-Тимура и Алына, а Дмитрий сразу бежал к Ногаю [ПСРЛ 1926–1928, стлб. 525]. Мы базируемся на сообщении Московского летописного свода конца XV в. [ПСРЛ 1949, с. 153–154; Горский 1996б, с. 74–75; 2002, с. 132–133].

¹⁷⁷ См.: ПСРЛ 1949, с. 154–156; Насонов 2002, с. 270; Черепнин 1977, с. 204. Интересно, что в качестве хана при описании этих событий в летописи уже фигурирует Тула-Буга («Телебуга»), хотя он сменил Туда-Менгу на троне только в 1287 г.

¹⁷⁸ Рашид ад-Дин называет вещи своими именами, прямо отмечая, что племянники свергли Туда-Менгу с престола, объявив его помешанным [Рашид ад-Дин 1960, с. 83]. Более «деликатная» версия приведена в труде Руки ад-Дина Бейбарса: «В 686 году (16 февраля 1287 — 5 февраля 1288 г.) Туда-Менгу обнаружил помешательство и отвращение от занятий государственными делами, привязался к шейхам и факирам, посещал богомолов и благочестивцев, довольствуясь малым после большого. Ему сказали: коли есть царство, то необходимо, чтобы им правил царь. Он указал на то, что уже отрекся от него (царства) в пользу сына брата своего Тула-Буги, да что душа его обрадовалась этому» [СМИЗО 2005, с. 95]. Таким образом, арабский автор обходит тему государственного переворота, хотя и признает, что поводом для отстранения Туда-Менгу от власти было умственное расстройство [см.: Костюков 2007, с. 191].

¹⁷⁹ См. подробнее: Schamiloğlu 1986, p. 144–145.

¹⁸⁰ См.: Рашид ад-Дин 1946, с. 118; Хамдаллах Казвини [СМИЗО 2006, с. 184]; Камалов 2007, с. 64.

¹⁸¹ События, связанные с походом Тула-Буги и Ногай в Центральную Европу, по-разному интерпретируются исследователями. Так, В. Г. Тизенгаузен на основании летописи Рукн ад-Дина Бейбарса считает, что речь идет о походе «в землю Краковскую», т. е. Польшу, хотя более поздние издатели его труда полагают, что «ал-Кирак» следует читать как «ал-Хунгар» или «Малик ал-Хунгар», т. е. королевство Венгрия [СМИЗО 2005, с. 96]. Некоторые современные авторы, опираясь на сообщения древнерусских летописей, также склоняются, что поход был совершен против Польши [Вернадский 2000, с. 188; Горский 2002, с. 140]. Нам представляется, что поход был совершен против Венгрии, поскольку именно в таком случае Ногай имел преимущество (двигался по Паннонской равнине), а Тула-Буга столкнулся с описанными трудностями, переваливая через Карпаты. В случае набега на Польшу хану не пришлось бы переходить через горы, и, соответственно, никаких проблем с буранами у него не было бы. По-видимому, исследователи смешивают два совместных похода Ногай и Тула-Буги — на Польшу в 1285 г. и на Венгрию в 1288 г.

¹⁸² См.: Камалов 2007, с. 64–65.

¹⁸³ Согласно Рашид ад-Дину Тула-Буга вместе с братьями был схвачен в шатре во время встречи с Ногаем [Рашид ад-Дин 1960, с. 83–84]. Рукн-ад-Дин Бейбарс, в свою очередь, говорит, что хана окружили и схватили воины Токты [СМИЗО 2005, с. 96–98]. Русские летописцы сообщают, что между Тула-Бугой и Токтой вообще началась война: «Заратися царь Токта с Телебугою царемъ и со Алгуемъ, и победи Токта Телебугу» [цит. по: Насонов 2002, с. 273]. Рашид ад-Дин и Рукн ад-Дин Бейбарс упоминают, что Ногаю удалось обмануть Тула-Бугу и его соправителей с помощью матери Тула-Буги, однако, на наш взгляд, речь идет именно о Джиджек-хатун.

¹⁸⁴ Рашид ад-Дин 1960, с. 84; Рукн ад-Дин Бейбарс [СМИЗО 2005, с. 98]. См. также: Греков, Якубовский 1998, с. 72.

¹⁸⁵ Рукн ад-Дин Бейбарс [СМИЗО 2005, с. 98–99]. Р. Фахретдин датирует гибель Джиджек-хатун 1294 г. [Фахретдин 1996, с. 89].

¹⁸⁶ См.: Палаузов 1857, с. 38; Хара-Даван 1996, с. 248–249; Мыськов 2003, с. 118; Вершинский 2008, с. 141–143.

^{186a} Булгакова 2011, с. 62.

¹⁸⁷ Монеты (акче) с именами Ногай и Джуки как свидетельство их соправительства подробно рассмотрены рядом исследователей [Хейвуд 2001; Oberlander-Tarņoveanu 1997; р. 196–201; Лебедев 2000a, с. 20; см. также: Бейттер, Дружинин 2008]. М. Б. Северова обнаружила крымские монеты Ногай 697 (или 698) г. х. (1297–1298 гг.), на которых он проставляет собственную тамгу и даже именуется «хан правосудный». Вместе с тем она посчитала ошибочным прочтение имени Ногай на монетах, чеканенных им в Приднестровье: по ее мнению, Ногай чеканил там монету со своей тамгой, что свидетельствовало о его праве на эти регионы, но с именем хана Токты, которого он признавал ханом в то время [Северова 2002].

¹⁸⁸ Рашид ад-Дин 1960, с. 73, 84.

¹⁸⁹ Рашид ад-Дин, будучи правоверным мусульманином, сообщает, будто ссоры между Кабак-хатун и ее мужем начались из-за ее приверженности к исламу [Рашид ад-Дин 1960, с. 84]. Однако нет сомнения, что семейный конфликт дочери Ногая был всего лишь отражением отношений между ханом и бекляри-беком.

¹⁹⁰ Рашид ад-Дин 1960, с. 85.

¹⁹¹ Рашид ад-Дин 1960, с. 85; Рукн ад-Дин Бейбарс [СМИЗО 2005, с. 100–101]. См. также: Горский 2002, с. 147. В. В. Трепавлов упоминает также, что вскоре после поражения Токты от Ногая войска хана были усилены и представителями племени мангыт, приведенными с востока Сонкор-мирзой [Трепавлов 2001, с. 69].

¹⁹² См.: Гайворонский 2006, с. 20. Рукн ад-Дин Бейбарс называет внука Ногая Актаджи, а Ибн Халдун — Караджа [СМИЗО 2005, с. 101, 272–273; см. также: Иванов 1912, с. 153].

¹⁹³ Рашид ад-Дин 1960, с. 85.

¹⁹⁴ Куремса русских летописей.

¹⁹⁵ Рукн ад-Дин Бейбарс [СМИЗО 2005, с. 101–102]; Рашид ад-Дин 1960, с. 85–86.

¹⁹⁶ Данило II 1988, с. 119–123; Палаузов 1857, с. 39–40; Хара-Даван 1996, с. 249–250; Егоров 1985, с. 193.

¹⁹⁷ Рашид ад-Дин 1960, с. 86–87.

¹⁹⁸ Рашид ад-Дин 1960, с. 86; Рукн ад-Дин Бейбарс [СМИЗО 2005, с. 102–103].

¹⁹⁹ Обстоятельства гибели Ногая приведены персидским автором Рашид ад-Дином и арабским историком Рукн ад-Дином Бейбарсом практически одинаково [Рашид ад-Дин 1960, с. 86; СМИЗО 2005, с. 103]. Согласно Г. Е. Грумм-Гржимайло, Ногай потерпел поражение из-за того, что его сыновья со своими войсками бежали с поля битвы, а сам он пал, защищаясь [Грумм-Гржимайло 1994, с. 111]. Э. Хара-Даван называет даже точный день гибели Ногая — 28 сентября 1299 г. [Хара-Даван 1996, с. 249]. Однако эта дата, по-видимому, не вполне точна: большинство арабских и персидских авторов сходятся на том, что разгром и смерть Ногая относятся к 699 г. х. (28 сентября 1299 — 15 сентября 1300 г.) [СМИЗО 2005, с. 102–103, 129, 273], и нет никаких оснований полагать, что бекляри-бек погиб именно в первый день этого года. Ал-Муфаддал, в свою очередь, называет 700 г. х. (16 сентября 1300 г. — 5 сентября 1301 г.), однако сам же оговаривает, что так ему говорили в Каире некие информаторы [СМИЗО 2005, с. 153], так что вполне возможно, что просто вести о поражении Ногая дошли до Египта с опозданием; аналогичным образом персидский историк середины XVI в. Кази Ахмад Гаффари сообщает о победе Токты в 702 г. х. (1302/1303 г.) [СМИЗО 2006, с. 403]. В Симеоновской же летописи запись о том, что «иде царь Токта на Ногая ратию и победи его» [цит. по: Насонов 2002, с. 274] дается аж под 1297 г.!

²⁰⁰ Рукн ад-Дин Бейбарс: «Он [Ногай. — Р. П.] был уже в преклонных летах, и глаза его были покрыты волосами бровей его (мешавшими ему видеть)» [СМИЗО 2005, с. 103].

²⁰¹ Вернадский 2000, с. 195. Исследователь утверждает, что Ногай вошел в русский фольклор как былинный персонаж «собака Калин-царь» — якобы так русские «перевели» имя Ногай («Нохой» по-монгольски и в самом деле означает собака) и особенности его телосложения: он был толст, а по-тюркски «толстый» будет «калин».

²⁰² Грумм-Гржимайло 1994, с. 110.

²⁰³ Ряд арабских авторов (аз-Захаби, ал-Асади, ал-Айни) говорят, что Токта вступил на престол в семилетнем возрасте, царствовал 23 года и умер в 30 лет [СМИЗО 2005, с. 166, 319, 361]. Не следует доверять этим сведениям, поскольку, в соответствии с ними, год его рождения был, самое раннее, 1282, а Менгу-Тимур, как известно, скончался в 1280 г. Любопытно отметить, что ал-Асади в своем сообщении ссылается на Ибн Касира, хотя последний утверждает, что Токте к моменту смерти «было 38 лет» [СМИЗО 2005, с. 205, прим. 15]. Не противоречат информации Ибн Касира и сведения ал-Муфаддала, опиравшегося на сообщения египетских купцов, посещавших Золотую Орду: Токте ко времени победы над Ногаем (т. е. около 1299 г.) было «не более 30 лет» [СМИЗО 2005, с. 153]. Соответственно, мы принимаем версию Ибн Касира. Совершенно особняком стоит сообщение Утемиш-хаджи, опиравшегося при создании своего труда на устные степные предания: «Рассказывают, [что] хану было девяносто лет: в десять лет стал он ханом, восемьдесят лет ханствовал. Некоторые рассказывают, [что] ханом стал он в двадцать лет, ханствовал семьдесят лет» [Утемиш-хаджи 1992, с. 102].

²⁰⁴ Соправительство Тула-Буги и Алгуя упоминается не только в восточных исторических сочинениях, но даже и русских летописях. Например, в Воскресенской летописи под 6800 (1291) г. записано: «Заратися царь Тохта съ Телебугою царемъ и со Алгуемъ» [ПСРЛ 2001а, с. 180].

²⁰⁵ Рашид ад-Дин 1960, с. 83.

²⁰⁶ ПСРЛ 1926–1928. с. 527 См. также: Черепнин 1977, с. 205; Горский 1996б, с. 78.

²⁰⁷ Руки ад-Дин Бейбарс [СМИЗО 2005, с. 102]; Рашид ад-Дин 1960, с. 74, 85. См. также: Горский 2000, с. 22. Согласно Руки ад-Дину Бейбарсу, Токта в ответ на требования Ногай отправил ему соху, пук стрел и горсть земли. В ответ на недоуменные вопросы своих соратников бекляри-бек объяснил, что своим посланием Токта хотел сказать, что готов сражаться с Ногаем и под землей, и в небе, а теперь предлагает выбрать место для битвы [СМИЗО 2005, с. 99–100]. По-видимому, арабский автор использовал не реальные сведения, а расхожий, «кочующий», фольклорный сюжет о посланиях-загадках.

²⁰⁸ Рашид ад-Дин 1960, с. 85.

²⁰⁹ Рашид ад-Дин 1960, с. 85; Руки ад-Дин Бейбарс [СМИЗО 2005, с. 100–101].

²¹⁰ Рашид ад-Дин 1946, с. 134. См. также: Камалов 2007, с. 65. Оба монгольских правителя придавали большое значение исходу этих переговоров: Токта направил в качестве посла не простого нойона, а царевича Калинтая, потомка Джучи; Гейхату, в свою очередь, лично прибыл в Далан-Наур (в Арране), чтобы встретить золотоордынское посольство.

²¹¹ См. подробнее: Почекаев 2007, с. 263–265. См. также: Liu Yingsheng 2005, p. 340

²¹² Кычанов 2001, с. 32.

²¹³ Ал-Муфаддал сообщает, что «пошлины и другие доходы с Судака делились между четырьмя татарскими царями. Одним из них был этот Токтай» [СМИЗО 2005, с. 153]. В. Д. Смирнов полагает, что вместо «Токтай» следует читать «Ногай», и на этом основании относит Ногаю к этим «четырем царям» [Смирнов 2005, с. 69–70; см. также: Мыськов 2003, с. 137]. Однако, на наш взгляд, речь идет именно о четырех правителях монгольских улусов — Токте, великом хане Тимуре, ильхане Газане и, вероятно, Чагатаиде Дуве, поскольку только такие улусные правители могли наравне с ханом Золотой Орды именоваться «царями».

²¹⁴ Имеются сведения, что под 1298 г. в Крым вторглись турки-сельджуки, которые были выбиты оттуда монголами [Иванов 1912, с. 153]. Поскольку Ногай предпринял попытку подчинения полуострова только в следующем году, очевидно, это были войска Токты. Следовательно, хан заботился о безопасности Крыма и его жителей, что не могло не склонить последних на его сторону в борьбе с Ногаем.

²¹⁵ Рукн ад-Дин Бейбарс, Ибн Халдун [СМИЗО 2005, с. 103, 273].

²¹⁶ Этот билик Чингис-хана звучал следующим образом: «Если кто-нибудь из нашего уруга единожды нарушит ясу, которая утверждена, пусть его наставят словом. Если он два раза [ее] нарушит, пусть его накажут согласно билику, а на третий раз пусть его сошлют в дальнюю местность Балджин-Кульджур. После того как он сходит туда и вернется обратно, он образумится. Если бы он не исправился, то да определяют ему оковы и темницу. Если он выйдет оттуда, усвоив адаб, и станет разумным, тем лучше, в противном случае пусть все близкие и дальние [его] родичи соберутся, учинят совет и рассудят, как с ним поступить» [Рашид ад-Дин 1952, с. 263–264].

²¹⁷ Рукн ад-Дин Бейбарс [СМИЗО 2005, с. 103]; см. также: Веселовский 1922, с. 55.

²¹⁸ См.: Рашид ад-Дин 1960, с. 85–86.

²¹⁹ Такую версию гибели Теке и его мачехи приводит Рашид ад-Дин [Рашид ад-Дин 1960, с. 86]. Рукн ад-Дин Бейбарс излагает историю гибели Теке несколько иначе: якобы после поражения и гибели Ногаю его старший сын Джуки захватил всю полноту власти в отцовских владениях, и Теке решил отложиться от него и уйти к Токте; Джуки узнал об этом и организовал его убийство [СМИЗО 2005, с. 104–105].

²²⁰ См. подробнее: Палаузов 1857, с. 37–39; Хара-Даван 1996, с. 250; Вернадский 2000, с. 195. Рукн ад-Дин Бейбарс и ан-Нувайри сообщают, что Джуки всего лишь нашел убежище у болгарского правителя, который впоследствии его умертвил, чтобы не портить отношения с ханом Токтой [СМИЗО 2005, с. 106, 130]. Современные болгарские исследователи датируют правление Джуке в Болгарии 1298–1300 гг. [см.: Владимиров 2008, с. 73].

²²¹ См.: Хара-Даван 1996, с. 250. В одной болгарской хронике встречается сообщение, что по приказу Федора-Святослава был брошен в темницу и заду-

шен сам Ногай [Лонгинов 1893, с. 31]. Об ослаблении власти Золотой Орды на Балканах в период правления Токты см.: Травкин 2000, с. 188–191.

²²² См.: Schamiloglu 1986, p. 148–149; Руссев 1999, с. 387. Следует отметить, что владения Ногай на Урале лишь упоминаются в источниках (например, у Руки ад-Дина Бейбарса [СМИЗО 2005, с. 106; см. также: Костюков 2007, с. 187]), однако о деятельности там самого Ногай или его родственников ничего не известно. Поэтому в очерке о Ногае мы не упоминали о его уральских владениях.

²²³ Руки ад-Дин Бейбарс, Ибн Халдун [СМИЗО 2005, с. 107, 274]. См. также: Трепавлов 1993, с. 91.

²²⁴ Арабские авторы Руки ад-Дин Бейбарс и ан-Нувайри сообщают, что Каракисек со своими спутниками бежал «в страну Шешимен, в местность, называемую Будул, поблизости от Кракова» [СМИЗО 2005, с. 107–108, 131; см. также: Веселовский 1922, с. 58; Грумм-Гржимайло 1994, с. 111]. Несомненно, речь идет о Видине и его правителе Шишмане.

²²⁵ Т. Оллсен датирует смерть Кончи и последовавшие за ней события 1299 г., опираясь на сообщение Рашид ад-Дина о том, что Кончи умер во время борьбы Токты и Ногай [Allsen 1987, p. 22]. Однако другие авторы уже обратили внимание на эту ошибку персидского автора и придерживаются даты 1301/1302 гг., упоминаемой арабскими средневековыми историками [см., напр.: Ускенбай 2002].

²²⁶ Рашид ад-Дин 1960, с. 68. См. также: Ускенбай 2002, с. 77.

²²⁷ Армянский принц Гайтон в сочинении «Соцветие историй земли Востока» (*La flor des estoires de la terre d'Orient*), составленном в начале XIV в., т. е. примерно во время описываемых событий, сообщает: «Еще там есть три других короля (императора) татар, обладающих большим могуществом, и все они почитают великого императора и повинуются ему. И все споры, которые возникают между ними, они передают ко двору императора на его суд. Первый из этих королей зовется Чапар, другой — Токтай, и еще один — Карбанда» [Hayton, 1906, p. 214].

²²⁸ См.: Грумм-Гржимайло 1926, с. 504–505. О возвращении Бурлюка на Волгу см.: ан-Нувайри [СМИЗО 2005, с. 132]; Ускенбай 2002, с. 80.

²²⁹ См.: ал-Умари [СМИЗО 2005, с. 178]; ср.: Ускенбай 2002, с. 80–81; Костюков 2007, с. 194.

²³⁰ Письмо иранского ильхана Олджайту (1304–1316) французскому королю Филиппу IV Красивому (1285–1314) датировано 1305 г. и обнаружено в архивах французским исследователем Абель-Ремюза в начале XIX в. Ильхан сообщает: «Ныне мы, Темур-каган, Токтога, Чабар, Тога и другие потомки Чингис-хана, мы получили от Неба внушение, умирили, благодаря покровительству Неба, взаимные упреки (которые длились) до сего времени целых 45 лет, объединили наше государство (улус) от восхода солнца до моря Талу и приказали соединить наши почтовые сообщения. Мы взаимно связаны словом, что если некогда кто-нибудь из нас будет думать иначе (т. е. будет интриговать), то все мы общими силами будем защищаться против него» [цит. по: Козин 1935, с. 648; см. также: Abel-Remusat 1824, p. 394–395; Две грамоты 1825, с. 344–345].

²³¹ См.: Бартольд 1943, с. 58–59; Караев 1995, с. 34–37; Biran 1997, р. 75–77.

²³² Ал-Муфаддал; ал-Макризи [СМИЗО 2005, с. 154, 308]; см. также: Миргалеев, Нуранеев 2003.

²³³ См.: Рукн да-Дин Бейбарс [СМИЗО 2005, с. 109]; Камалов 2007, с. 70–71.

²³⁴ Ибн ад-Давадари [История 2006, с. 97–101]. Арабский автор сообщает, что войска Токты достигали 300 000 воинов, однако это представляется преувеличением: ни один персидский или тюркский автор не упоминает о войне Золотой Орды с Ираном в конце правления Токты, отмечаются лишь отдельные пограничные столкновения [см.: Мыськов 2003, с. 148–149; Камалов 2007, с. 71].

²³⁵ См.: Приселков 2002, с. 347–348, 351. Судя по имени (или прозвищу), Алекса Неврюй мог быть сыном того самого Неврюя, который помог Александру Невскому свергнуть его брата Андрея с великокняжеского стола в 1252 г.

²³⁶ Даниил Александрович Московский оказался единственным сыном Невского, оставившим потомство, — у его старших братьев Дмитрия и Андрея все дети к этому времени уже умерли. Однако сам Даниил великим князем не был, и поэтому, по обычаю Рюриковичей, его дети (а у него было пять сыновей!) и все их потомки лишались права на великое княжение.

²³⁷ НПЛ 2001, с. 332; ПСРЛ 2004, с. 104.

²³⁸ ПСРЛ 2000а, с. 176. См. также: Соловьев 1988, с. 219; Горский 2004б, с. 125. По мнению Д. И. Иловайского и А. В. Экземплярского, Василий Рязанский мог быть убит по проискам своих двоюродных братьев — сыновей Ярослава Романовича, которые, будучи старшими в семейной иерархии, сами претендовали на рязанский стол [Иловайский 1884, с. 92; Экземплярский 1891, с. 578–579].

²³⁹ М. Д. Приселков, проанализировав сохранившиеся до нашего времени ярлыки ордынских ханов русской церкви, посчитал возможным предположить, что Токта выдал ярлык митрополиту Петру 12 апреля 1308 г., и его текст, по мнению историка, практически полностью был впоследствии воспроизведен в ярлыке Бердибека от 1357 г. [Приселков 1916, с. 68–69].

²⁴⁰ Хафиз-и Абру [СМИЗО 2006, с. 277]; Вернадский 2000, с. 201. По мнению ряда исследователей, Токта собирался организовать на Русь военный поход [Насонов 2002, с. 277; Егоров 1985, с. 203; Мыськов 2003, с. 149]. А. А. Горский, ссылаясь на непереуведенный источник, «Историю Олджайту» персидского историка начала XIV в. ал-Кашани, отвергает версию и о планируемом походе, и о мирной поездке Токты: в этом сочинении вместо «страны урусов» фигурирует «главный юрт» [Горский 2000, с. 48].

²⁴¹ Вопрос о вероисповедании самого Токты до сих пор остается открытым. Так, например, ал-Бирзали пишет: «Он был неверным, (державшимся) религии поклонения идолам, любил уйгуров, т. е. лам и волшебников, и оказывал им большой почет». Ибн Касир также сообщает, что «Токтай... исповедовал веру татарскую, (заключавшуюся) в поклонении идолам и звездам, любил лам». Ал-Асади, в свою очередь, подчеркивает, что Токта был «монгол»

и «веры татарской» [СМИЗО 2005, с. 143, 205, 319]. В. П. Костюков считает Токту и его деда Салджидай-гургена буддистами [Костюков 2008, с. 86].

Между тем, еще один арабский автор, ан-Нувайри, именует Токту также с мусульманским титулом — «ал-Малик ал-Музаффар Токтока» [СМИЗО 2005, с. 134]. Более того, сохранились монеты этого хана, на которых отчеканено его имя с мусульманскими же лакабами «Насир ад-Дин» и «Гияс ад-Дин» [см.: Френ 1832, с. 5; Марков 2008, с. 16; Мухамадиев 2005, с. 93; Васильев 2006, с. 45]. Весьма интересно, что Токта на некоторых монетах упомянут с титулом «султан верховный» [см.: Гумаюнов 2002, с. 65–67, 69, 70], т. е. предпринимал определенные усилия для своего утверждения в качестве правителя соответствующего ранга в мусульманском мире.

²⁴² Руки ад Дин Бейбарс, ал-Умари, ал-Макризи [СМИЗО 2005, с. 108, 131–132, 308]. См. также: Смирнов 2005, с. 70; Греков, Якубовский 1998, с. 74; Скржинская 2006, с. 123. По мнению Н. ди Космо, причиной конфликта Токты с генуэзцами послужила их поддержка ильхана Ирана — врага золотоордынского хана [Di Cosmo 2005, p. 412–413].

²⁴³ См.: Хеллер 2001, с. 117–118.

²⁴⁴ См.: Федоров-Давыдов 1960, с. 103; Мухамадиев 1983, с. 62–63. П. Н. Петров и ряд других нумизматов считают, что денежную политику Токты нельзя считать реформой: в период ее проведения региональные монетные дворы продолжали чеканить монету, отличающуюся от выпускаемой в Сарае [Петров, Студитский, Сердюков 2005, с. 146]. На наш взгляд, из-за последовавшей вскоре смерти Токты его преобразования в денежной сфере просто не были доведены до конца, а среди них — и запрет чеканки монет, не соответствующих его требованиям.

²⁴⁵ Арабские авторы ал-Бирзали и Ибн Касир сообщают, что Токта покровительствовал «мудрецам и врачам». Эти же авторы сообщают, что однажды во время войны Токта отправил в бой по одному воину от каждого десятка, и их число составило 250 000 всадников [СМИЗО 2005, с. 143, 205]. Получается, что общее количество боеспособных подданных Токты составляло 2,5 млн человек! Согласно Хафиз-и Абру, Токта «был государь незлобивый, терпеливый и исполненный достоинства. В дни его царствования те страны дошли до чрезвычайного благосостояния, и весь улус его стал богат и доволен» [СМИЗО 2006, с. 277; см. также: Langles 1802, p. 364]. Полуфантастическое сообщение Утемиш-хаджи также добавляет интересные штрихи к портрету этого хана: «Рассказывают, [что] у него был такой пышный стол, [что] ежедневно для него, помимо коней, коров, овец и других животных, готовили девяносто кабанов» [Утемиш-хаджи 1992, с. 101–102]. Безусловно, автор допускает здесь некоторую гиперболизацию, однако стоит обратить внимание, что о «пышном столе» он упоминает только когда говорит о правлении Токты. Это дает основания полагать, что хан и в самом деле отличался щедростью и любил пиры.

²⁴⁶ См.: Трепавлов 1993, с. 91. Ан-Нувайри сообщает, что «Ирбысар, сын Токты... исполнял при отце должность командующего войсками» [СМИЗО 2005, с. 132].

²⁴⁷ Эта версия изложена в «Муизз ал-ансаб»: «Суверен Тукта погиб в один из месяцев 712 / 1312 г. при кораблекрушении на реке Итил» [Муизз 2006, с. 41]. В Продолжении «Сборника летописей» Хафиз-и Абру приведена несколько иная версия кончины хана, согласно которой «Токтай... отправился в страну Урусов, но на пути приключилась беда, его одолела хворь, и в среду, 4 раби II 712 / 9 августа 1312 г., он умер в пределах Сарая, среди реки Итиля на корабле» [СМИЗО 2006, с. 277].

Ибн Касир сообщает, что Токта умер в рамадане 712 г. х. (январь 1313 г.). По сведениям ан-Нувайри и ал-Макризи, весть о смерти Токты достигла Египта лишь в 713–714 гг. х. (1314/1315 г.) [СМИЗО 2005, с. 132, 309].

²⁴⁸ Относительно судьбы Тогрула имеется сообщение, в корне отличающееся от большинства остальных. Согласно Муин ад-Дину Натанзи и Казии Ахмаду Гаффари (пользовавшемуся трудом Натанзи), Тогрул (которого эти авторы считают сыном Токты!) правил после смерти Токты 17 лет — до 737 г. х. (10.08.1336–29.07.1337) [СМИЗО 2006, с. 252, 403]. Это сообщение однозначно противоречит и большинству других нарративных источников (персидских, арабских, русских), и данным нумизматики и дипломатики — золотоордынским монетам и ханским ярлыкам, согласно которым в этот период времени правил Узбек.

²⁴⁹ Утемиш-хаджи 1992, с. 102. И впоследствии Узбек неоднократно бывал в этих местах, устраивая здесь свою ставку и ведя активное строительство [см.: Палимпсестова, Рунич 1974].

²⁵⁰ Согласно Продолжению «Сборника летописей» Хафиз-и Абру, Токта незадолго до смерти «поставив во главе своих войск племянника своего Узбека, сына Тогрылчи, сына Мунга-Тимура, отправился в сторону Урусов» [СМИЗО 2006, с. 277].

²⁵¹ По сообщениям арабских авторов (ан-Нувайри, ал-Бирзали, аз-Захаби, Ибн Халдун), а также Утемиша-хаджи, Ильбасар скончался раньше отца, около 1311 г. [СМИЗО 2005, с. 132, 143–144, 166, 274; Утемиш-хаджи 1992, с. 101]. Эти сведения противоречат сообщениям иранских средневековых авторов (ал-Ахари и Хафиз-и Абру), в соответствии с которыми Ильбасар боролся за трон после смерти отца [СМИЗО 2006, с. 198, 277]. Мы отдаем предпочтение информации персидских авторов, поскольку Иран более тесно взаимодействовал с Золотой Ордой и более оперативно получал известия оттуда, нежели египетские и сирийские историки. Можно объяснить причину появления версии арабских и хивинского авторов одной из двух причин. Первая — подмена реальных обстоятельств смерти Токты и Ильбасара «кочующим» фольклорным сюжетом: после смерти великого властителя не остается наследников (многие из которых нередко уничтожены им самим), и только позднее находится единственный законный представитель правящего рода, с триумфом вступающий на трон. Вторая причина — возможная путаница, связанная с сыновьями Токты: согласно «Муиззу», у этого хана их было трое (Тукель-Буга, Балаш и Ильбасар) [Муизз 2006, с. 41]. Вполне возможно, что один из них умер раньше отца, и арабские авторы, знавшие

только Ильбасара, игравшего значительную роль при отце, решили, что скончался именно он.

²⁵² М. Г. Крамаровский упоминает, что мусульманское имя Узбек-хана высечено в порталной надписи мечети, построенной в Солхате (город Крым) в 1314 г. [Крамаровский 2005б, с. 66]. Это позволяет сделать вывод, что ко времени вступления на престол Узбек уже был мусульманином. Ср.: Сочнев 2007, с. 17

²⁵³ Ал-Айни [СМИЗО 2005, с. 369]. По сведениям арабских авторов ал-Бирзали и Ибн Баттуты, впоследствии Узбек очень высоко ценил этого шейха — выдающегося правоведа и дипломата, неоднократно направлял его с различными миссиями к мусульманским государям и постоянно советовался по делам веры и государства [СМИЗО 2005, с. 144, 231–232]. См. также: Федоров-Давыдов 1973, с. 103–104.

²⁵⁴ Сотрудничество Исы-гургена и Тама-Токты началось еще во время правления Токты [см.: Костюков 2007, с. 204].

²⁵⁵ Хафиз-и Абру [СМИЗО 2006, с. 277]. О том, что Узбек лично зарезал Ильбасара («Ильбасмыша») сообщает Абу Бакр ал-Ахари, правда относит эти события, как и смерть хана Токты, почему-то к 703 г. х. (1303/1304 г.) [Ахари 1984, с. 100]. О силах, поддерживавших Узбека, см. подробнее: Васильев 2006.

Утемиш-хаджи приводит совершенно фантастическую версию прихода Узбека к власти, согласно которой после смерти Токты на трон стал претендовать не-Чингизид — уйгур Баджир Тог-Буга, женившийся на супруге Токты, и именно против него был составлен заговор Узбека и верных ему нойонов. При этом автор называет душой заговора и главным советчиком Узбека не Кутлуг-Тимура, а Исатая Кията [Утемиш-хаджи 1992, с. 102–104].

²⁵⁶ Арабские авторы Ибн Дукмак и ал-Айни в качестве причины заговора против Узбека называют его обращение в ислам, чем якобы были недовольны нойоны-заговорщики [СМИЗО 2005, с. 242, 361–362]. Однако Узбек начал устанавливать ислам в Золотой Орде лишь около 1320 г., тогда как заговор имел место, по-видимому, либо до его воцарения, либо сразу после него [ср.: Закиров 1966, с. 73]. О Кутлуг-Тимуре и его родственных связях с Узбеком сообщает Ибн Баттута [СМИЗО 2005, с. 235; см. также: Федоров-Давыдов 1964, с. 181].

²⁵⁷ Многие исследователи считают, что Узбек начал устанавливать ислам сразу после вступления на трон [см., напр.: Греков, Якубовский 1998, с. 75; Сафаргалиев 1996, с. 331–332; Вернадский 2000, с. 202]. Скорее всего, их мнение базируется на сообщении русских летописей под 6821 (1313) г., согласно которому «новый царь Озбякъ сель на царстве и обесерменился» [см.: Приселков 2002, с. 354; Карамзин 1992, с. 265]. Однако восточные авторы вполне однозначно указывают, что Узбек «через восемь лет после воцарения... в 720/1320–1321 г., соответствующего тюркскому году Курицы (дакук), был удостоен чести принять ислам... Из людей эля и улуса, которые были в тех странах, большая часть удостоилась счастья принять ислам» [Улугбек 2007, с. 99]. Согласно ан-Нувайри, в 1314 г. Узбек писал египетскому султану, что в Золотой Орде еще имеется «шайка людей, не исповедующих ислам»,

и он вынужден вести с ней войну [СМИЗО 2005, с. 132; см. также: Греков, Якубовский 1998, с. 75]. По-видимому, эта война затянулась на несколько лет, вплоть до полной победы сторонников ислама.

²⁵⁸ Продолжение «Сборника летописей» [СМИЗО 2006, с. 277].

²⁵⁹ Продолжение «Сборника летописей» [СМИЗО 2006, с. 278]. Л. Н. Гумилев почему-то считает, что в данном случае речь идет об Ильбасаре (Ильбасмыше), которого он, к тому же, называет «ханом Белой Орды» [Гумилев 1992б, с. 381].

²⁶⁰ См., напр.: Григорьев, Григорьев 2002, с. 71, 74.

²⁶¹ Об отправлении буддийских обрядов в Золотой Орде в начале XV в. сообщает баварский наемник Иоганн Шильтбергер, в то время находившийся на службе у ордынских ханов [см. подробнее: Костюков 2009, с. 190, 202–203].

²⁶² В сохранившихся ярлыках золотоордынских ханов «мусульманского» периода наряду с обращением к представителям традиционных органов власти тюрко-монгольских государств («тысячным, сотским и десятникам..., сборщикам и таможенникам, разъезжим и дорожникам, букавулам и туткавулам, почтовым и станционным, сокольникам, барсникам, ладейщикам, мостовщикам») имеется и обращение к представителям мусульманских властных институтов — «казиям и муфтиям внутренних городов, их шайхам и суфиям, писцам палат... и базарным надзирателям» [Радлов 1889, с. 20–21; см. также: Березин 1864, с. 62–86; Сафаргалиев 1996, с. 339; Вернадский 2000, с. 218–219; Федоров-Давыдов 1973, с. 91–100; Почекаев 2004б, с. 221; Васильев 2006, с. 46–47].

²⁶³ См.: Федоров-Давыдов 1973, с. 89–103; Егоров 1985, с. 166–167; Васильев 2006, с. 46; Schamiloglu 1986, р. 96–97. Утемиш-хаджи сообщает, что Узбек наказал потомков других сыновей Джучи за то, что они не поддержали его в борьбе за трон, и подчинил их своему сподвижнику Исатаю, которого назначил правителем левого крыла Золотой Орды. По словам историка, эти Чингизиды находились у Исатая и его потомков «на положении рабов» и по приказанию Тенгиз-Буги (внука Исатая) участвовали даже в строительстве мавзолея его отца Джир-Кутлу [Утемиш-хаджи 1992, с. 105, 109]. В. П. Юдин понял это сообщение буквально и сделал вывод, что Чингизидам пришлось лично гнуть спины на строительных работах! [Юдин 1992б, с. 85]. По нашему мнению, средневековый историк имел в виду, что их заставили нести повинности по строительству — предоставлять людей, выделять средства, обеспечивать питание и фураж для работников, т. е. лишили прежних льгот и привилегий.

²⁶⁴ Сазы-Буга и Эрзен представлены в источниках как верные соратники Токты и Узбека [Allsen 1987, р. 26]. Ряд исследователей [Юдин 1992в, с. 61, 67; Трепавлов 2007б, с. 333; Исхаков, Измайлов 2007, с. 150–151] отождествляет Ису (Исатая) кията с Исой-гургеном — зятем и тестем хана Узбека, о котором сообщает Ибн Баттута [СМИЗО 2005, с. 221–222]. Однако И. А. Мустакимов на основе татарских исторических сочинений убедительно, на наш взгляд, обосновал, что они — разные лица и даже происходят из

разных племен: Иса-гурген — из уйшинов, а Исатай — из киятов [Мустакимов 2009, с. 275–276].

²⁶⁵ Согласно Муин ад-Дину Натанзи, Кази Ахмаду Гаффари и Хайде-ру Рази, Мубарак-Ходжа вступил на престол после смерти своего отца в 745 г. х. (1344/1345 г.), спустя шесть месяцев после прихода к власти «начал смуту», но был разгромлен и «еще 2 года и 6 месяцев бездомно скитался в чужих краях и странах киргизов и Алтая, пока не погиб там» [СМИЗО 2006, с. 256, 404, 409]. Допуская вероятность мятежа Мубарак-Ходжи против Узбека, исследователи вполне обоснованно высказывают сомнения в его датировке: монеты Мубарак-Ходжи датируются 728–729 гг. х. (1328–1329) [Греков, Якубовский 1998, с. 231–232].

А. Г. Гаев, опираясь на сведения «Муизз ал-ансаб», датирует монету Мубарак-Ходжи 769 г. х. (1368 г.) и, соответственно, относит его к потомкам Тука-Тимура, пришедшим к власти в Синей Орде в период «Великой замятни» [Гаев 2002, с. 14; см. также: Муизз 2006, с. 44; Гончаров 2005а, с. 98, 102; Vasary 2009, р. 371–372; Ускенбай 2011, с. 194]. Предположение о том, что против Мубарак-Ходжи воевал именно Тимур, старший сын Узбека, мы основываем на сообщении Никоновской летописи: «В лето 6838. Умре въ Орде Азбьякъвъ сынъ Темиръ, иже уби Загорскаго царя» [ПСРЛ 2000а, с. 203]. Поскольку нет сведений о войне Узбека с другими «загорскими царями», которые потерпели бы от него поражение, полагаем, что речь идет именно о Мубарак-Ходже, претендовавшем на власть над зауральскими владениями Улуса Джучи. Кроме того, вполне вероятно, что речь могла идти о двух одноименных ханах Синей Орды — Мубараке — потомке Орду-Ичена, претендовавшем на трон в конце 1320-х гг. и Мубараке — потомке Туга-Тимура, ставшем ханом в 1360-е гг. (тем более, что в некоторых источниках он фигурирует и как Мурад-ходжа, а не Мубарак-ходжа) [см., напр.: Гаев 2002, с. 13].

²⁶⁶ Это — второй случай в истории русско-ордынских отношений, когда великий князь при жизни был лишен ханом своего титула: первый — низложение Дмитрия Переяславского ханом Туда-Менгу (1281 г.). Однако тогда основанием послужила неявка великого князя к новому хану за подтверждением ярлыка, на этот же раз хан фактически по собственному усмотрению распорядился великим княжением. См.: Насонов 2002, с. 281; Вернадский 2000, с. 205; Горский 2000, с. 49; Борисов 2005, с. 91.

²⁶⁷ См.: Соловьев 1988, с. 214; Горский 2000, с. 50. Новгородская Первая летопись прямо обвиняет Михаила Тверского в отравлении великой княгини: «княгиню его [Юрия. — Р. П.] яша и приведоша во Тферь, тамо умориша» [НПЛ 2001, с. 338]. См. также: Борисов 2005, с. 95.

²⁶⁸ ПСРЛ 1949, с. 163.

²⁶⁹ ПСРЛ 1863, ст. 410–413. См. также: Соловьев 1988, с. 215–217; Nitsche 1997, s. 73–74; Горский 2000, с. 50–51; Конявская 2004.

²⁷⁰ ПСРЛ 1863, ст. 414. См. также: Горский 2000, с. 54.

²⁷¹ Причину столь решительных действий Дмитрия Тверского А. А. Горский видит в том, что Узбек все еще покровительствовал своему бывшему зятю и, возможно, был готов вернуть ему великое княжение [Горский 2000,

с. 55–56]. Согласно А. В. Экземплярскому, убийство Юрия произошло 21 ноября 1324 г. [Экземплярский 1891, с. 470; ср.: Горский 2000, с. 56].

²⁷² ПСРЛ 1863, ст. 415. См. также: Кучкин 1962, с. 67. Согласно А. В. Экземплярскому, казнь Дмитрия состоялась 15 сентября 1325 г. [Экземплярский 1891, с. 470; ср.: Горский 2000, с. 56]. Выбор ханом дня казни оказался неслучаен: как раз в этот день Дмитрию исполнилось 28 лет [Борисов 2005, с. 126].

²⁷³ Выдача великокняжеского ярлыка Александру, брату только что казненного им Дмитрия Тверского, объясняется отнюдь не муками совести Узбека по поводу казни очередного тверского князя или его особым покровительством тверскому княжескому дому. Александру удалось получить ярлык исключительно благодаря подкупу влиятельных ханских сановников и, возможно, с помощью богатых даров и самого хана: русские летописцы сообщают, что вместе с новым великим князем в Тверь прибыли «должники его», т. е. те, кто одолжил ему денег в Орде [см.: Экземплярский 1891, с. 472].

²⁷⁴ ПСРЛ 2000а, с. 194; см. также: Федоров-Давыдов 1973, с. 137. Эти слухи впоследствии нашли отражение в народной песне «Щелкан Дудентьевич», в целом, близко к летописи отразившей события в Твери 1327 г. Согласно песне, «Щелкан» стал самовластным правителем и «судьей» в Твери, поправ права князя и горожан, за что и был ими убит [Кирша Данилов 1977, с. 24–27]. По мнению Н. С. Борисова, Шевкал был отправлен в Тверь не с какой-то проверочной миссией, а в качестве командующего монгольского отряда в составе русско-ордынских сил, поскольку хан Узбек намеревался создать в Твери форпост против продвижения литовцев на Русь [Борисов 2005, с. 140–141]. Однако эта версия никак не подтверждается источниками. Напротив, родственные и политические связи тверских князей с литовскими государями позволяют предположить обратное — возможность военного союза Твери с Литвой против Орды.

²⁷⁵ Согласно летописной традиции, восстание тверичей началось с того, что члены свиты Шевкала напали на местного дьякона Дюдько и отняли у него кобылу. Вступившись за дьякона, тверичи ударили в вечевой колокол, после чего и начали избиение ордынцев в городе [см., напр.: ПСРЛ 1863, ст. 416]. По мнению националистически настроенного татарского историка Р. Фахретдина, восстание было спровоцировано самим тверским князем Александром [Фахретдин 1996, с. 93].

²⁷⁶ По некоторым сведениям, Иван Калита, не дожидаясь вызова Узбека, прибыл в ханскую ставку и получил от хана 50 000 воинов и приказ разрушить Тверь [см.: ПСРЛ 2000а, с. 194; Соловьев 1988, с. 224; Экземплярский 1891, с. 473; Nitsche 1997, s. 74].

²⁷⁷ Так в свое время поступали монгольский хан Гуюк и золотоордынский правитель Бату, назначившие двух великих князей на Руси (Андрей и Александр Ярославичи), двух царей в Грузии (Давид Улу и Давид Нарини) и двух султанов в Сельджукском султанате (Изз ад-Дин Кей-Кавус и Гийас ад-Дин Кей-Хосров) [см.: Рыкин 2000; Романив 2002, с. 94–95; Почекаев 2006а, с. 226–227].

²⁷⁸ Причины казни новосильского, рязанского и стародубского князей неизвестны: в летописях только коротко упоминается об их убийстве в Орде [ПСРЛ 2000а, с. 194, 203; Приселков 2002, с. 358; Иловайский 1884, с. 92; Соловьев 1988, с. 227; Экземплярский 1891, с. 180, 579]. Известно только, что Александр Новосильский был казнен в один день с Дмитрием Грозные Очи. Автор Никоновской летописи также упоминает убийство рязанского князя одновременно с карательным рейдом Ивана Калиты на Тверь, однако А. В. Экземплярский сомневается в связи этих событий.

²⁷⁹ ПСРЛ 1863, ст. 418–419. См. также: Борисов 2005, с. 244.

²⁸⁰ Арабские авторы ан-Нувайри, ал-Макризи и ал-Айни приводят «печальную историю» египетских послов-сватов в Золотой Орде. Когда египтяне прибыли к хану, он созвал совет из всех своих 70 эмиров-темников, которые потребовали за невесту калым в размере 1 млн динаров, что заставило султана отказаться от сватовства. Однако некоторое время спустя переговоры о браке возобновились, но и на этот раз египетским послам не хватило денег, и им пришлось занять у ордынских купцов 27 тыс. динаров, после чего все формальности были наконец улажены [СМИЗО 2005, с. 136–137, 310, 363–364; см. также: Закиров 1966, с. 78–80]. Согласно ал-Асади, «Дулунбийя-хатун» была дочерью хана Узбека [СМИЗО 2005, с. 320]. Ал-Айни приводит следующую ее родословную: «Тулунбай, дочь Тукаджи, сына Хинду, сына Теку, сына Душихана, сына Чингизхана» [СМИЗО 2005, с. 363]. В дальнейшем ее судьба сложилась довольно драматично: в браке с султаном она пробыла около восьми лет, после чего в апреле 1327 г. была выдана замуж за его эмира Сайф ад-Дина Каусуна (по другой версии — Менгли-Бугу), а после его смерти — за его брата Сусуна и, наконец, за эмира Умара. Умерла она в Египте, по одним сведениям, 8 сентября 1340 г., по другим — 18 августа 1342 г. или даже 20 января 1364 г. [СМИЗО 2005, с. 156, 194–195, 197–198, 316]. Весьма любопытную историю рассказывает ал-Айни: когда до Узбека дошли слухи о разводе султана, он направил ему раздраженное письмо, в котором вспоминал, с какой настойчивостью ан-Насир добивался этого брака, и интересовался причинами развода. Султан, чтобы не портить отношения с ханом, решил на нечестный поступок: он заявил послам Узбека, что царевна умерла, причем составил соответствующий документ, который был засвидетельствован его эмирами и передан ордынским послам для предоставления хану [СМИЗО 2005, с. 371–372].

²⁸¹ Скржинская 1971, с. 32; Григорьев, Григорьев 2002, с. 10; Di Cosmo 2005, р. 411. По-видимому, Узбек решил предоставить венецианцам владения для фактории и привилегии, чтобы не проиграть экономическую борьбу своему врагу — ильхану Ирана: в 1306 г. иранские Хулагуиды предоставили венецианцам торговые привилегии, а в 1320 г. разрешили основать факторию в одном из крупнейших городов ильхана — Тебризе [см.: Карпов 1990, с. 96]. Текст ярлыка Узбека венецианским купцам Азова реконструирован А. П. Григорьевым [Григорьев, Григорьев 2002, с. 27–28].

²⁸² СМИЗО 2005, с. 228; Антонин 1863, с. 600, 621. См. также: Брун 1880б, с. 143; Вернадский 2000, с. 203.

²⁸³ Ал-Умари сообщает о ряде карательных набегов Узбека на его непокорных вассалов — черкесов и ясов [СМИЗО 2005, с. 171].

²⁸⁴ См.: Вернадский 2000, с. 202.

²⁸⁵ См.: Палаузов 1857, с. 45–46; Вернадский 2000, с. 202–203.

²⁸⁶ По одним сведениям, Вошьнь была захвачена войсками великого князя Гедимины, по другим — после смерти местного князя отошла мирным путем к его зятю Любарту, сыну Гедимины [см.: Режабек 1907, с. 14; Соловьев 1988, с. 236]. По мнению Г. В. Вернадского, Любарт, став галицко-волынским князем, признал себя вассалом хана Золотой Орды и тем самым обезопасил свои новоприобретенные владения от нападений поляков и венгров [Вернадский 2000, с. 210]. Это мнение не подтверждается фактами, поскольку гораздо более влиятельным в этом регионе становился Гедимин — отец Любарта, и последнему не было необходимости признавать вассалитет от ордынского хана, у которого только что были отвоеваны его владения. Кроме того, Галичем и всей Червонной Русью в 1349 г. овладел польский король Казимир III, после смерти которого эти владения перешли к его зятю — венгерскому королю Лайошу [см.: Зубрицкий, 1855, с. 11, 16]. В украинской историографии XIX в. битву на р. Ирпень даже представляют как сражение литовцев с ордынцами — без участия русских князей! [См., напр.: Кониский 1846, Ч. II, с. 2.]

²⁸⁷ См.: Линниченко 1907, с. 96; Соловьев 1988, с. 237; Сафаргалиев 1996, с. 334.

²⁸⁸ Согласно Бархатной книге, «Наримантъ после отца своего Едимиана сель на великомъ княжении на Литовскомъ, и бысть ему брань съ Татары, и впаде въ руце Татаромъ, въ тожь время бывшу Великому Князю Ивану Даниловичу въ орде, и Нариманта выкупилъ, и отпустилъ его на великое княжение. Наримантъ же, не дошедъ въ своя вотьчины, крестися по своему обещанию, и нареченъ бысть во святомъ крещении Глебъ; и тогда братья его и вся земля Литовская не даша ему великаго княжения, а посадиша на великое княжение Олгерда, а Нариманта взяли въ Великий Новгородъ на пригороды» [Бархатная книга 1787, с. 30].

²⁸⁹ Уже с начала 1330-х гг. смоленские князья стали склоняться на сторону Гедимины Литовского, что вызывало карательные ответные меры. Так, например, в 1334 г. ордынские войска приняли участие в походе Дмитрия Брянского против Ивана Смоленского, однако успеха этот поход не имел [ПСРЛ 2000а, с. 207]. В результате к концу этого десятилетия смоленские князья открыто отказались повиноваться ордынским властям [см.: Иловайский 1884, с. 92–93; Голубовский 1895, с. 315; Насонов 2002, с. 298, 304–305].

²⁹⁰ Хафиз-и Абру [СМИЗО 2006, с. 278]; Караев 1995, с. 37–38; Liu Yingsheng 2005, p. 346–350.

²⁹¹ См.: Кычанов 2001, с. 32; Почекаев 2007, с. 265. Весьма примечательно, что в «Юань ши», откуда почерпнуты эти сведения, Узбек назван братом Бату, а смерть его датирована 1308 г. Это весьма красноречиво свидетельствует о практически полном отсутствии контактов между императорской канцелярией Юань и официальными структурами Золотой Орды!

²⁹² Во французском анонимном сочинении первой половины XIV в. «Книга о Великом хане» сообщается, что хан Золотой Орды и другие номинальные вассалы императора Юань (великого хана) направляют ему «ежегодно... леопардов, быстрых верблюдов, кречетов и огромное количество драгоценных камней, поскольку они признают его своим сеньором и сюзереном» [La Livre 1830, р. 59–60; Почекаев 2007, с. 261]. Основу «во веки веков русской гвардии», по-видимому, составили тверские пленные, попавших в Орду после разгрома 1327 г. Как ни странно, но великий хан в большей мере мог полагаться на этих чужеземных пленников, чем на собственных подданных [см.: Серебrenников, 1938; Хара-Даван, 1996, с. 256, 274; Вернадский, 2000, с. 94; Вершинский, 1994; 2000].

²⁹³ Об этом сообщает персидский автор XIV в. Абдаллах ал-Кашани, автор «Тарих-и Олджейту Султан» [см.: Камалов 2007, с.73; Костюков 2009б, с. 86]. По-видимому, речь идет о тех иранских землях, которые по указу Мунке должны были отойти Золотой Орде за то, что ее воины приняли участие в походе Хулагу.

²⁹⁴ Продолжение «Сборника летописей» [СМИЗО 2006, с. 275–276]. Баба-огул — вероятно, потомок Шибана [см.: Муизз 2006, с. 42]. Наверное, именно его происхождение объясняет переход на его сторону воинов Кутлуг-Тимура, наместника Хорезма: они посчитали действия Баба-огула, потомка Чингис-хана, более законными, чем действия наместника, который хотя и состоял в родстве с ханским домом, сам не принадлежал к «Золотому роду».

²⁹⁵ Арабский автор XIV в. Ибн Дукмак сообщает, что Кутлуг-Тимур, выслушав предложение Чопана, сказал Узбеку, «что когда он пойдет в Хорасан, то Северное государство уйдет из рук его, и им овладеет другой. Часто трудно будет управиться с другим государством, и пропадут оба» [СМИЗО 2005, с. 243]. Таким образом, причины отказа крылись не в благородстве Узбека и его намерениях следовать мирному договору с ильханом, а в неустойчивости его собственной власти в тот момент.

²⁹⁶ Ал-Айни [СМИЗО 2005, с. 363]; Хафиз-и Аbru [СМИЗО 2006, с. 275].

²⁹⁷ Шараф-хан 1976, с. 59; ал-Айни [СМИЗО 2005, с. 369].

²⁹⁸ Об этой кампании упоминает неизвестный автор «Книги о Великом хане»: «Так, когда император Узбек (*l'empereur usborch*) имел войну с императором Бусая и намеревался сражаться с ним, он вывел на поле боя семьсот семь тысяч всадников без каких-либо тяжелых последствий для своей империи» [Le Livre 1830, р. 60; Почекаев 2007, с. 261–262]. Это сообщение подтверждает информацию восточных авторов о том, что Золотая Орда делилась на 70 туменов и могла выставить максимально до 700 000 воинов. Об ответном нападении Чопана см.: СМИЗО 2006, с. 184; Ахари 1984, с. 104.

²⁹⁹ Обострение отношений с ильханом Абу Саидом заставило Чопана искать поддержки других государей. Так, он намеревался поступить на службу к императору Юань, а сыновей своих отправил под защиту хана Узбека и египетского султана ан-Насира. Однако и султан, и ордынский хан предпочли казнить сыновей мятежного сановника, а вскоре и сам Чопан был убит Маликом Гияс ад-Дином Куртом, наместником ильхана в Хорасане,

у которого пытался найти убежище [Ахари 1984, с. 105–107; Шараф-хан 1976, с. 62–63; Сейфеддини 1981, с. 11–12].

³⁰⁰ Согласно Хамдаллаху Казвини и Шараф-хану Бидлиси, Узбек начал вторжение в Иран еще в последние дни правления Абу Саида, и тот даже стал готовить отпор ему [СМИЗО 2006, с. 185–186; Шараф-хан 1976, с. 66]. Однако Абу Бакр ал-Ахари, как и Хамдаллах Казвини, являвшийся современником и свидетелем описываемых событий, прямо сообщает, что «когда весть о смерти султана Абу Са'ида дошла до Дашт-и Кипчак, Узбек-хан загорелся желанием и опять направился в Иран» [Ахари 1984, с. 111]. Единственное предположение, позволяющее примирить эти версии, — что хану Узбеку от своих осведомителей при дворе ильхана стало точно известно, что Абу Саид вскоре умрет, и он решил начать действовать, не дожидаясь его смерти. Косвенно на это указывается сообщение ал-Ахари: «В месяце раби I упомянутого года (19.X — 17.XI.1335 г.) была казнена Багдад-хатун из-за того, что она переписывалась с Узбек-ханом и побуждала его выступить в Иран» [Ахари 1984, с. 110]. Весьма вероятно, что она заранее предупреждала золотоордынского хана, что намеревается отравить своего супруга!

³⁰¹ Ахари 1984, с. 110. Персидские историки Хамдаллах Казвини и Фасих Хавафи сообщают, что во время своего вторжения в Иран Узбек получил весть о смерти эмира Кутлуг-Тимура, что подорвало боевой дух и хана, и его войска [СМИЗО 2006, с. 186; Фасих 1980, с. 59]. Согласно Фасиху Хавафи, Кутлуг-Тимур скончался в Хорезме 9 раби II 736 г. х. (26 ноября 1335 г.).

³⁰² Амин аль-Холи 1962, с. 18.

³⁰³ Согласно Ибн Дукмаку, для женитьбы Узбека на Баялун потребовалось специальное разрешение улемов, поскольку прежде она была женой его отца (по законам шариата подобный брак не разрешался). Улемы признали брак законным, поскольку отец Узбека «был неверный, вследствие чего его брак был преступен» [СМИЗО 2005, с. 242–243]. О происхождении Байалун см.: Утемиш-хаджи 1992, с. 102; Pelliot 1949, р. 84–85; DeWeese 1994, р. 119. Некоторые исследователи придерживаются мнения о том, что было две дочери византийских императоров (Андроника II и Андроника III), которые являлись, соответственно, супругами Токты и Узбека. Главным аргументом в их пользу является сообщение Ибн Баттуты о том, что он в 1334 г. сопровождал в Константинополь беременную супругу хана Узбека, которая решила нанести визит отцу (в это время жив был только Андроник III), но там и осталась [СМИЗО 2005, с. 227–230]. Однако Р. М. Шукуров, проанализировав и сопоставив сведения византийских и арабских авторов, приходит к выводу, что речь идет об одной и той же женщине, а Ибн Баттута (принимая во внимание множество хронологических и географических нестыковок в его сообщении), вероятно, даже не участвовал в этой поездке [см.: Шукуров 2011, с. 75].

³⁰⁴ Ибн Баттута [СМИЗО 2005, с. 220]. Остается только гадать, кто был «один из заслуживающих доверия людей» в Золотой Орде, который осмелился поделиться с путешественником столь интимными подробностями о ханше, которую «почитает и народ по причине великого уважения его (султана) к ней и несмотря на то, что она самая скупая из хатун!» Забегая вперед, следует отметить, впрочем, что Тайдула пользовалась большим влиянием не только при супруге, но затем и при сыне Джанибеке, и при внуке

Бердибеке. Следовательно, своим влиянием она была обязана не только своим физическим достоинствам!

³⁰⁵ Римский папа Бенедикт XII в послании хану Узбеку, датированном 1340 г., упоминает о прибытии к нему ханских послов «вместе с Хелимом Венгерским, францисканцем, послом великого князя Тинибек, твоего сына» [цит. по: Карамзин 1992, с. 307; ср.: Юргевич 1863, с. 1002–1003]. Ибн Баттута, побывавший при дворе Узбека в 1330-е гг., также называет Тинибек («Тинабека») «преемником царства» Узбека [СМИЗО 2005, с. 222]. Видимо, в то время старший сын Узбека был в милости у отца. О его военной кампании на востоке Улуса Джучи сообщается в «Биографии Султана ал-Малик ан-Насира»: «Перед смертью своей он [Узбек. — Р. П.] отправил старшего сына своего Тинибек с войском в земли джагатайские, первые (ближайшие) из хатайских областей, для завоевания этих стран» [СМИЗО 2005, с. 194]. Из источников известно, что Узбек в течение своего правления находился в союзе Чагатаями и китайским императором, так что ни о каком завоевании этих областей говорить не приходится. Следовательно, есть все основания полагать, что Тинибек был направлен в Хорезм или Синюю Орду, царевичи и эмиры которой постоянно проявляли сепаратистские намерения [см.: Мухамадиев 2005, с. 139]. Ряд авторов полагает, что Тинибек на рубеже 1330–1340-х гг. возглавил ордынские войска, действовавшие против воставшего Мубарак-Ходжи, и сменил его в качестве правителя Синей Орды, которой и управлял до самой смерти своего отца Узбека [Мухамадиев 2005, с. 139; Ускенбай 2008, с. 283]. Однако это мнение представляется спорным, поскольку, согласно данным нумизматики, правление и изгнание Мубарак-Ходжи относится к 1328–1329 гг., и против него действовал старший сын Узбека — Тимур.

³⁰⁶ По мнению А. П. Григорьева, Тинибек около 1339 г. был фактически сослан на восток, подальше от ханского двора, за какие-то «постыдные дела», упоминаемые персидскими авторами [Григорьев, Григорьев 2002, с. 41–42]. Монеты с именами Узбека и Джанибека одновременно выпускались в 1340–1341 гг. [Янина 1954, с. 437; Федоров-Давыдов 1963, с. 186; 1964, с. 182; 2003, с. 169–170; Винничек, Лебедев 2004, с. 123; Травкин, Зорин 2005, с. 59; ср.: Гончаров 2005б, с. 26]. В 1340 г. папа римский Бенедикт XII, отправив письмо хану Узбеку, направил также письма к ханше Тайдуле и «князю Джанибеку, первородному сыну его величества государя Узбека, императора татар» [Юргевич 1863, с. 1002]; см. также: Григорьев, Григорьев 2002, с. 42.

³⁰⁷ Ибн Халдун [СМИЗО 2005, с. 275]; Григорьев, Григорьев 2002, с. 13–14.

³⁰⁸ В т. н. «пространной коллекции» ханских ярлыков русской церкви присутствует ярлык Узбека митрополиту Петру. Этот документ по содержанию сильно отличается от остальных документов «коллекции», что привлекало к нему повышенное внимание исследователей. Уже в 1918 г. было установлено, что ярлык является поддельным [Соколов 1918]. Но сам факт его включения в «коллекцию» дает основания полагать, что такой ярлык был выдан — пусть и с другим содержанием, менее выгодным для церкви. Как известно, каждый хан любого государства Чингизидов, вступающий на

трон, подтверждал указы своих предшественников о льготах церкви. Весьма красноречивый пример — ярлык Тогон-Тимура, последнего великого хана и императора династии Юань, который в своем ярлыке о пожаловании привилегий даосам ссылается даже на ярлык своего предшественника Ринчинбала: последний правил, по различным сведениям, от нескольких дней до 2 месяцев и, тем не менее, успел издать соответствующий ярлык! [Sugiyama 1988, p. 3–4]. Весьма маловероятно, что за свое 30-летнее правление Узбек не выдал ярлыка русской церкви. Известно также, что в 1330 г. он выдал тарханский ярлык и сарайскому епископу Варсонофию [Леопольдов 1848, с. 24].

³⁰⁹ См.: Pelliot 1949, p. 58. Кроме того, Узбек состоял в переписке с папами Иоанном XXII и Бенедиктом XII [После Марко Поло 1968, с. 118–119; 198–199; Нарожный 1989, с. 113–114; Григорьев, Григорьев 2002, с. 40–41; Джанов 2006, с. 346]. Р. Фахретдин, правда, утверждает, что Узбек запретил католикам проповедовать в Сарае [Фахретдин 1996, с. 94–95], однако татарский богослов, видимо, выдает желаемое за действительное, поскольку источники, как видим, свидетельствуют об обратном.

³¹⁰ См. подробнее: Юрченко 2009.

³¹¹ Юргевич 1863, с. 1003. См. также: Григорьев, Григорьев 2002, с. 40–41. Папа Бенедикт XII в письме Узбеку (благодаря которому до нашего времени и сохранились сведения об этом заговоре) благодарит хана за то, что тот милостиво обошелся с заговорщиками из числа христиан, предав казни только троих из них.

³¹² Помимо постоянного участия населения Золотой Орды в военных предприятиях хана тратились и огромные денежные средства. В связи с этим из Золотой Орды в правление Узбека наблюдается массовый отток серебра, которое было дешевле, чем в Средней Азии и Иране. Хан пытался пресечь его с помощью проставления на медных монетах стоимости серебра, установленной законом, но эти меры не имели успеха. Решить эту проблему удалось лишь Джанибеку [Мухамадиев 1970, с. 56–58].

³¹³ СМАЗО 2005, с. 155. Аналогичные описания прекрасной наружности и замечательных черт характера Узбека оставили также другие арабские и персидские авторы, в частности, аз-Захаби, Муин ад-Дин Натанзи [СМАЗО 2005, с. 166; СМАЗО 2006, с. 252–253]. Естественно, основанием для хвалебных отзывов является обращение ханом Золотой Орды в ислам, что историки и не скрывали.

³¹⁴ Автор «Книги о Великом хане» называет Узбека «великим императором» и «могущественным сеньором» [Le Livre 1830, p. 59–60; Почекаев 2007, с. 261–262]. Ибн Баттута охарактеризовал его как «одного из тех семи царей, которые величайшие и могущественнейшие цари мира» [СМАЗО 2005, с. 217].

³¹⁵ В. Н. Татищев, а за ним и Й. Хаммер-Пургшталь упоминают под 1348 г. (т. е. уже в период правления Джанибека) «мать ханскую» по имени Шеритамгу, из чего делают вывод, что она, а не Тайдула была матерью Джанибека [Татищев 2005, с. 106; Hammer-Purgstall 1840, s. 309; см. также: СМАЗО 2006, с. 137]. Однако арабский путешественник Ибн Баттута, который в 1330-е гг. побывал при дворе Узбека и лично знал хана, его супругу Тайдулу и сыновей Тинибека и Джанибека, вполне называет Тайдулу матерью обоих

царевичей [СМИЗО 2005, с. 220]. Таким образом, остается предположить, что таинственная Шеритамгу — это прозвище Тайдулы, что не так уже невозможно: например, мать Мухаммада Шайбани, основателя Бухарского ханства, звали Аккозы (Ак-Козы), но она фигурировала в источниках и как Кубра-бегим (Великая госпожа) [Бинаи 1969, с. 97; Ибн Рузбихан 1976, с. 159].

³¹⁶ А. П. Григорьев предположил, что Тинибек был замешан в заговоре против отца в 1339 г. (см. предыдущий очерк), что и стало причиной его ссылки на восток [Григорьев, Григорьев 2002, с. 41–42].

³¹⁷ А. П. Григорьев обратил внимание на сообщение русского летописца об умерщвлении Джанибека его сыном Бердибеком: «Сеже есть братью и отца оубивыи и оубиты и оубивыи оба». Это дало исследователю основание предположить, что Узбек мог быть умерщвлен Джанибеком [Григорьев 2004б, с. 87].

³¹⁸ По сведениям восточных историков, Джанибек умертвил Хызрбека («Хызрбека») уже после победы над Тинибекем [Ахари 1984, с. 127; СМИЗО 2005, с. 194; Фахретдин 1996, с. 96]. О вражде потомков Узбека было хорошо известно не только в близлежащем Иране, но и на Руси. Так, в частности, об умерщвлении Джанибеком его младшего брата Хызрбека было известно и русским летописцам, которые под 6849 (1342) г. сообщают, что «Чанибек... уби брата своего меншаго Хидырбека», что и послужило причиной вражды Джанибека с Тинибекем [см., напр.: ПСРЛ 2000а, с. 212; Татишев 2005, с. 96].

³¹⁹ СМИЗО 2005, с. 222.

³²⁰ Каюмов 1985, с. 575. См. также: Мухамадиев 2005, с. 139; Поэзия 2005, с. 48–49.

³²¹ В «Биографии султана ал-Малика ан-Насира» сообщается, что когда Тинибек возвращался в Сарай, ему навстречу выехала группа эмиров-заговорщиков — сторонников Джанибека. Под предлогом принесения присяги новому хану они окружили его и умертвили [СМИЗО 2005, с. 194]. По сведениям же персидского автора ал-Ахари, Тинибек и Джанибек сошлись в сражении, в котором последний победил, пленил брата-хана и приказал казнить [Ахари 1984, с. 127].

³²² А. П. Григорьев полагает, что под «постыдными делами», за которые был умерщвлен Тинибек, могло подразумеваться его предполагаемое участие в заговоре против отца в 1339 г. [Григорьев, Григорьев 2002, с. 41–42]. Соответственно, старший сын Узбека, в соответствии с нормами права и морали, не мог признаваться законным наследником, следовательно, его провозглашение ханом представляло собой узурпацию — преступление, влекущее смертную казнь. Весьма примечательно, что многие средневековые историки — Ибн Халдун, ал-Макризи, ал-Айни, автор «Родословия тюрков» и др. — вообще умалчивают о правлении Тинибека, сообщая, что Узбеку наследовал Джанибек [СМИЗО 2005, с. 275; 312, 372; Shajrat 1838, p. 232]. Вполне вероятно, что это связано не с отсутствием у авторов информации, а с политической линией победителя Джанибека, который старался представить именно себя законным наследником отца.

³²³ Фасих Хавафи называет дату вступления Джанибека на престол — второго раджаба 742 г. х. (12 декабря 1341 г.) [Фасих 1980, с. 68].

³²⁴ Сведения о том, что в Туле находились баскаки Тайдулы, содержит докончание Дмитрия Донского с Олегом Рязанским от 1382 г.: «Тула, как было при царице при Тайдоле, и коли ее баскаки ведали, в то князю великому не вступати» [ДДГ 1950, с. 29; см. также: Егоров 1985, с. 41–42; Горский 2004б, с. 164]. О ее собственной «таможенной службе» в Азове упоминается в ярлыке Бердибека венецианским купцам Азова от 1358 г. [Григорьев, Григорьев 2002, с. 152–153].

³²⁵ А. Ю. Якубовский обоснованно сомневается в характеристике Джанибека как великого монарха процветающего государства: признаки кризиса власти в правление этого хана уже были весьма заметны [Греков, Якубовский 1998, с. 200 и след.].

³²⁶ Аль-Холи 1962, с. 24. У В. Г. Тизенгаузена термин «фараджийат» переведен как «ферязи» [СМИЗО 2005, с. 194]. О заслугах Джанибека в распространении ислама сообщают, в частности, Муин ад-Дин Натанзи и Хайдар Рази [СМИЗО 2006, с. 253–254, 408. См. также: Абуль-Гази 1996, с. 101; Марджани 2005, с. 94].

³²⁷ Ас-Субки [История 2006, с. 112].

³²⁸ См.: Мухамадиев 1970, с. 59–60; Гончаров 2005б; Травкин, Зорин 2005, с. 59.

³²⁹ См.: Кычанов 2001, с. 32, 34; Почекаев 2007, с. 265.

³³⁰ См.: У Хань 1980, с. 29–44.

³³¹ Так, в 1335 г. ханами были провозглашены Арпа-хан, потомок Арик-Буги — брата Хулагу, и Туга-Тимур — потомок Хасара, брата Чингис-хана [Шараф-хан 1976, с. 58, 67].

³³² См.: Насонов 2002, с. 295; Борисов 1986, с. 65; Горский 2004а, с. 144.

³³³ Татищев 2005, с. 106. Два года спустя Василию Кашинскому удалось, по-видимому, привлечь на свою сторону влиятельных ханских сановников: в 1348 г. он повторно прибыл в Орду и получил от того же Джанибека ярлык на тверское княжение [Кучкин 1984, с. 172].

³³⁴ Семен Гордый не оставил потомства: несколько его последних сыновей умерли от чумы в тот же год, что и он сам.

³³⁵ Согласно Новгородской Первой летописи, после смерти Семена Московского новгородцы направили к хану свое посольство, чтобы тот вручил ярлык на великое княжение Константину Васильевичу Суздальскому, однако хан не послушал их и дал ярлык Ивану, брату Семена [НПЛ 2001, с. 363; см. также: Насонов 2002, с. 297].

³³⁶ Например, в Никоновской летописи Джанибеку дается такая характеристика: «Бе же сей царь Чанибекъ Азбяковичъ добръ зело къ христіанству, и много лготу сотвори земле Русстей; но судъ ему сотворися, якоже онъ изби братью свою, такоже и самъ тую же чашу испи» [ПСРЛ 2000а, с. 229]. Однако вполне возможно, что русские летописцы изначально перевели буквально выражение «сайн хан Джанибек», которое после его смерти могли употреблять его приверженцы. Слово «сайн» (аналог арабского «азиз») имеет значение «добрый», но вместе с тем может и просто означать «покойный» [см.: Бойл 2002]. А уже более поздние летописцы, забывшие о том, что Джанибек лишил русскую церковь ряда льгот, пытались как-то обосновывать «доброту» хана, упомянутую в прежних летописях.

³³⁷ См.: Соловьев 1988, с. 244. Весьма показательно в этом отношении сообщение Никоновской летописи под 6856 (1348) г., согласно которому некий «князь Темиръ Ординский» подошел к Алексиному, пожег его округу и взял много пленных, однако по возвращении в Орду его убили «Татарове» вместе с детьми [ПСРЛ 2000а, с. 220]. Несомненно, речь идет об ослушнике ханской воли и его наказании.

³³⁸ ПСРЛ 2000а, с. 219; Соловьев 1988, с. 244; Горский 2000, с. 73. Правда, по некоторым данным, Ольгерд намеревался просить помощи Орды против Польши, а не Руси. Подтверждением тому служат события 1352 г., когда ордынские войска помогали самому Ольгерду в борьбе с Польшей [см.: Шабульдо 1987, с. 47–48, 50; Асиновский 1997; Горский 2000, с. 75–76].

³³⁹ Русские летописцы под 6850 (1342) г. сообщают о поездке митрополита Феогноста в Орду «к поганому (sic!) царю Чанибеку», который «емше мучиша его, а ркуще “давай дань полетную”» [ПСРЛ 1949, с. 174]. М. Д. Приселков полагает, что Джанибек, «забыв» установление Чингисхана, лишил церковь ряда прежних льгот — в частности, свободы от пошлин, от постоя в церковных домах и независимости от ханского суда [Приселков 1916, с. 72–78; см. также: Борисов 1986, с. 68; Фахретдин 1996, с. 96–97]. А. Л. Хорошкевич полагает, что причиной обложения церкви налогами стало то, что Джанибек для поддержания власти на Руси в большей мере опирался на светских князей, а не на церковь [Хорошкевич 2001, с. 290, 292].

³⁴⁰ См.: Приселков 1916, с. 79; Зимин 1955, с. 467; Григорьев 2004б, с. 50–51.

³⁴¹ Древние акты 1867, с. 449–455; Нарожный 1989, с. 115.

³⁴² О посольствах Джанибека к египетскому султану сообщают, в частности, автор «Биографии султана ал-Малик ан-Насира», ал-Макризи, ал-Асади и ал-Айни [СМИЗО 2005, с. 194, 312, 320, 373]. См. также: Закиров 1966, с. 90–92.

³⁴³ Этот статус итальянских колоний подтверждается нумизматическими данными: еще в XV в. в Кафе чеканились монеты, на которых с одной стороны помещался герб Генуи, а с другой — тамга правителей Золотой Орды [см., напр.: Хромов 2005, с. 8].

³⁴⁴ Григорьев, Григорьев 2002, с. 79; Скржинская 1971, с. 34; Гузейров 2000.

³⁴⁵ Хеллер 2001, с. 118–119.

³⁴⁶ См.: Шостак 1850, с. 81–82.

³⁴⁷ Помимо описанных выше нападений ордынских войск Ногай и Токты генуэзцы Кафы пережили еще ряд осад: в 1296 г. — нападение венецианской эскадры Джованни Сорандо, в 1313 и 1314 гг. — вторжение войск императора Трапезунда и правителя Синопа [см.: Молчанов 1983, 221–222].

³⁴⁸ Волков 1858, с. 156, 158; Шостак 1850, с. 82; Григорьев, Григорьев 2002, с. 82–83.

³⁴⁹ См.: Юргевич 1879, с. 320.

³⁵⁰ См.: Делюмо 1994, с. 80–83; Руссев 1997; Wheelis 2002. По мнению А. П. Григорьева, кафинцам удалось откупиться от ордынцев, и последние сняли осаду [Григорьев, Григорьев 2002, с. 84]. Правда, в таком случае непонятно, откуда в городе взялась чума? О чуме в самой Золотой Орде в Троицкой

летописи под 6854 (1346) г. имеется следующее сообщение: «Того же лета бысть казнь отъ бога на люди подъ восточную страну въ Орде и въ Орначи, и въ Сарае, и въ Бездеже, и въ прочихъ градах и странах и бысть моръ великъ на люди, на Бесермены и на Татары, и на Ормены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы, и на Черкасы, и на прочая человеки, тамо живущая в них» [Приселков 2002, с. 368]. К 1349 г. чума добралась даже до Сирии и Египта, причем в Каире, согласно ал-Айни, умирало до 20 тыс. человек в день, а всего погибло 2/3 населения [СМИЗО 2005, с. 372]. Некоторые современные исследователи считают сведения о смертности во время этой эпидемии сильно преувеличенными.

³⁵¹ Григорьев, Григорьев 2002, с. 104–105.

³⁵² Волков 1858, с. 161.

³⁵³ Русские летописцы под 6860 (1352) г. приводят интересное сообщение: «Тое же осени прииде царь Чанибекъ съ воины, прогнавъ царя Оурдака въ пустыню» [Рогожский летописец 2000, с. 63–64]. Можно только гадать, кто был этот таинственный «царь Оурдак». А. П. Григорьев отождествляет его с Уругдаком, потомком Туга-Тимура (13-го сына Джучи) и двоюродным дедом будущего хана Токтамыша, управлявшим областями где-то в районе Мангышлака [Григорьев 2004б, с. 57, 211–212; см. также: СМИЗО 2006, с. 110; 435]. Весьма вероятно, что Джанибеку пришлось, вслед за отцом, наводить порядок в Синей Орде, где после реформ Узбека не прекращались попытки местных царевичей вновь взять власть в свои руки. Отметим, впрочем, что в «Муизз» упоминается еще один Уругдак — потомок Джучи-Хасара (брата Чингис-хана) и близкий родственник последнего ильхана Туга-Тимура [Муизз 2006, с. 28]; владения этого семейства располагались в Мазандеране, и вполне можно предположить, что он мог воевать в Джанибеком за какие-то владения в районе Хорезма.

Интересную версию трактовки летописного сообщения предложил украинский исследователь Б. Черкасс, согласно которому Джанибек в 1352 г. выступил также против потомков Орду-Ичена в Правобережной Украине (по мнению исследователя, это могли быть потомки Курмиши, имевшие здесь владения еще во времена Ногая) [Черкасс 2010, с. 18].

³⁵⁴ Григорьев, Григорьев 2002, с. 172, 176, 185–191, 199–206, 215–217; Карпов 2000, с. 177–178.

³⁵⁵ Григорьев, Григорьев 2002, с. 169–175, 181.

³⁵⁶ Мы не упоминаем другие иранские династии того времени — Куртов Герата, Инджуидов Фарса, Саффаридов Систана и др., поскольку их владения не находились в орбите ордынских интересов.

³⁵⁷ По некоторым сведениям, Джанибека призвала азербайджанская знать, недовольная своим правителем Маликом Ашрафом. По сведениям Зайн ад-Дина, азербайджанские эмиры пожаловались хану Золотой Орды, что Ашраф притесняет людей [СМИЗО 2006, с. 186–187]. Согласно «Чингизнаме», Ашраф вообще якобы собирался жениться на собственной дочери [Утемиш-хаджи, с. 107–108; Камалов 2007, с. 82–83]. Согласно собственной победной реляции Джанибека, которую он после завоевания Азербайджана отправил в Египет, численность его войск составляла 700 тысяч [СМИЗО 2005, с. 320].

³⁵⁸ Хамдаллах Казвини [СМИЗО 2006, с. 188–189]. См. также: Камалов 2007, с. 83.

³⁵⁹ По другой версии, Ашраф просто обвинил своих нукеров, что это они творили бесчинства, а его не слушали. Некоторые авторы сообщают, будто Джанибек не хотел казнить Ашрафа, однако на этом якобы настояли азербайджанские же эмиры, заявив, что пока жив Ашраф, в Азербайджане не будет спокойствия [см.: СМИЗО 2006, с. 190; Камалов 2007, с. 84].

³⁶⁰ Монеты с именем Джанибека в течение всего 1356 г. чеканились в Тебризе, Хое, Нахичевани и Мераге [Греков, Якубовский 1998, с. 201; Камалов 2007, с. 84–85].

³⁶¹ Ахари 1984, с. 129. Согласно Зайн ад-Дину, сыну и продолжателю труда Хамдаллаха Казвини, Ахиджук был воином на службе у Малика Ашрафа и впоследствии захватил власть над Азербайджаном, воспользовавшись уходом оттуда ордынских войск [СМИЗО 2006, с. 188, 192]. Шараф-хан Бидлиси же называет его наместником Джанибека [Шараф-хан 1976, с. 78].

³⁶² См.: Григорьев, Григорьев 2002, с. 126–127; Григорьев 2004б, с. 86–87; Кучкин 2002, с. 184. Ср.: Кривцов 2002.

³⁶³ См.: Приселков 1916, с. 70–71; Зимин 1955, с. 470–471; Григорьев 2004б, с. 67–71.

³⁶⁴ Персидские современники описываемых событий Зайн ад-Дин и Махмуд Кутуби сообщают, что Джанибек умер еще по дороге в Сарай, и Бердибек не успел застать его живым [СМИЗО 2006, с. 192, 195; см. также: Абуль-Гази 1996, с. 101]. Согласно Хайдару Рази, Джанибеком «овладела тяжелая болезнь, и эмиры вызвали Бердибека. Когда Бердибек пришел к отцу, отец стал ругать его за возвращение. Он рассердился на это, отдал приказ, и 4 шабана 758 г. х. / 22 июля 1357 г. отца убили [СМИЗО 2006, с. 408]. Любопытно, что Муин ад-Дин Натанзи, в целом придерживаясь той же версии, утверждает, что в заговоре против Джанибека участвовала и Тайдула [СМИЗО 2006, с. 254]. Русские летописцы также сообщают, что «царевич Бердибек окаанный съ лестію прииде къ отцу своему з думци своими, со князи Ординскими, и удави отца своего Чянибека, Азбякова сына» [ПСРЛ 2000а, с. 229]. Р. Фахретдин, видимо, забывая о восточных авторах, считает обвинение Бердибека в убийстве отца инсинуацией русских летописцев [Фахретдин 1996, с. 99]. Мы склоняемся к версии о смерти Джанибека от болезни.

³⁶⁵ Дату смерти Джанибека приводит Хайдер Рази [СМИЗО 2006, с. 408]. О захоронении хана см.: Трутовский 1889. С. 81. Там же был похоронен и его преемник Бердибек.

³⁶⁶ Согласно Никоновской летописи, «Бердибекъ... сяде на царстве и уби братьевъ своихъ 12» [ПСРЛ 2000а, с. 229]. Троицкая летопись содержит следующее сообщение: «Того же лета Бердибекъ царь въ Орде седе на царстве, а отца своего убилъ и братью свою побилъ» [Приселков 2002, с. 376]. Несомненно, слово «братия» в данном случае может означать не только братьев, но других родственников, и даже приближенных [ср.: Срезневский 2003, ст. 169]. Восточные авторы также говорят о том, что Бердибек уничтожил не только родных братьев, но и других родичей [СМИЗО 2006, с. 255; Утемишаджи 1992, с. 108; Абуль-Гази 1996, с. 101].

³⁶⁷ См.: Григорьев 2004б, с. 88.

³⁶⁸ Шараф-хан 1976, с. 78–79.

³⁶⁹ См., напр.: Атдаев 2010, с. 78.

³⁷⁰ По сообщению ряда русских летописцев [см., напр.: ПСРЛ 2000а, с. 230]. Отметим, впрочем, что восточные источники (как и ряд русских летописей) сообщают о смерти Бердибека от естественных причин.

³⁷¹ Традиция вести отсчет золотоордынской смуты с 1359 г. начинается с Й. Хаммер-Пургшталя [Hammer-Purgstall 1840, s. 315] и поддерживается большинством современных исследователей. И. М. Миргалеев предлагает датировать начало смуты 1361 г., когда после смерти хана Хызра в Орде появилось сразу несколько претендентов на власть [Миргалеев 2004, с. 97; см. также: Маслюженко 2007, с. 82]. Однако, на наш взгляд, это уже следующая стадия смуты в рамках рассматриваемого нами первого этапа «Великой замятни».

³⁷² 1358 г. датирует выступление Кульны против Бердибека, в частности, А. П. Григорьев [Григорьев 1983, с. 26].

³⁷³ Абуль-Гази 1996, с. 101–102. См. также: СМИЗО 2006, с. 255; Мустакимов 2008, с. 123. В «Чингиз-наме» утверждается, что Бердибек по совету Тоглубая убил даже собственных сыновей, тем самым прервав прямую линию потомков Бату [Утемиш-хаджи 1992, с. 108], однако легендарный характер этого сообщения практически не вызывает сомнения.

³⁷⁴ СМИЗО 2006, с. 408.

³⁷⁵ См., напр.: Фахретдин 1996, с. 100.

³⁷⁶ СМИЗО 2006, с. 195. Курсив наш — Р. П.

³⁷⁷ См. подробнее: Почекаев 2006а, с. 231–241.

³⁷⁸ Анализ последствий политики Узбека и его преемников для последующей ситуации в Золотой Орде см., напр.: Сорогин 2007, с. 96.

³⁷⁹ Грумм-Гржимайло 1994, с. 118; Гумилев 1995, с. 167. А. Ю. Якубовский допускает, что Кульна мог быть братом Бердибека [Греков, Якубовский 1998, с. 206].

³⁸⁰ См., напр.: Гаев 2002, с. 18.

³⁸¹ Марджани 2005, с. 95.

³⁸² Григорьев, Григорьев 2002, с. 126.

³⁸³ В истории Чингизидов нам известны примеры, когда потомков «Золото-го» рода подменяли на троне самозванцами, но их очень быстро разоблачали, что приводило к печальному концу и их самих, и тех, кто их возводил на трон. В частности, очень быстро был раскрыт заговор матери хивинского хана Эренга, которая в 1694 г. скрыла скоропостижную смерть сына и возвела на трон Хивы своего племянника-туркмена, очень похожего на Эренга: ханша и ее ставленник были разоблачены и преданы казни [См.: Мунис 1938, с. 330–332]. Аналогичным образом был разоблачен Абд ал-Амин-султан, самозванный сын Ибадаллах-султана Шайбанида, ставший правителем Балха: в 1600 г. он был казнен сторонниками законных султанов-Шайбанидов [Ахмедов 1982, с. 97–98]. Еще один пример — лже-Абд ал-Гаффар-хан, называвший себя сыном Баба-султана Шайбанида (на самом деле убитым задолго до этого) и провозглашенный в 1603 г. ханом каракалпаков: в 1605 г.

он был убит казахским ханом Ишимом [Юдин 1988, с. 213–214]. См. подробнее: Почекаев 2009б.

³⁸⁴ Приселков 2002, с. 376.

³⁸⁵ Примечательно, что А. П. Григорьев, высказав в одной работе осторожное предположение о том, что Кульна был братом Джанибека, в другой представляет эту версию уже как установленный факт, ссылаясь на свою же предыдущую работу [см.: Григорьев 2004б, с. 75].

³⁸⁶ «Кулпа седе на царствіи; царствова 5 месяць и убиен бысть от Навруса с двема сынома своима, с Михаиломъ и Иваномъ» [Приселков 2002, с. 376].

³⁸⁷ Это предположение также высказал А. П. Григорьев [см.: Григорьев 2004б, с. 134 и след].

³⁸⁸ Предположение о намеренном «забвении» Кульны в историографии также высказывает А. П. Григорьев [Григорьев 1983, с. 25].

³⁸⁹ Нумизматический анализ позволяет утверждать, что Кульна правил в Сарае в июле/августе — декабре 1359 г. [см.: Сидоренко 2000В, с. 282].

³⁹⁰ Греков, Якубовский 1998, с. 206; Марджани 2005, с. 95; Абд ал-Кадир 2005, с. 270.

³⁹¹ Григорьев 1834, с. 41; Грумм-Гржимайло 1994, с. 118; Гумилев 1995, с. 167

³⁹² То, что Тайдула не происходила из Чингизидов, несомненно подтверждается ее грамотами: не будучи ханшей по рождению, она выдавала не ярлыки, а именно грамоты («указы») [см.: Григорьев 2004, с. 47–48].

³⁹³ Утемиш-хаджи 1992, с. 112–113. Хивинский историк называет Базарчи потомком Боавула (т. е. Бувала, седьмого сына Джучи и предка Ногая), однако, согласно ряду генеалогических сочинений, он происходил из потомков именно Тангута [см., напр.: Таварих-и гузида 1969, с. 38].

³⁹⁴ Гаев 2002, с. 18–19. Правда, стоит отметить, что у ряда восточных авторов (Шаами, Йазди, анонимный автор «Родословия тюрков») в перечне ханов Золотой Орды присутствуют имена и Науруса, и Базарджи [см.: СМИЗО 2006, с. 209, 289, 398–399], однако эти источники — позднего и иностранного происхождения, поэтому такие ошибки в них вполне объяснимы.

³⁹⁵ См.: Таварих-и гузида 1969, с. 34; Абуль-Гази 1996, с. 104. Ср.: Сабитов 2008, с. 118.

³⁹⁶ Известны монеты, чеканенные от имени Хызра в Азаке еще под 760 г. х. (1359 г.) [см.: Марков 2008, с. 36].

³⁹⁷ См.: Рогожский летописец 2000, с. 69.

³⁹⁸ См., напр.: ПСРЛ 1949, с. 191; Приселков 2002, с. 377.

³⁹⁹ Утемиш-хаджи 1992, с. 110–112; Юдин 1992б, с. 86.

⁴⁰⁰ А. П. Григорьев, опираясь на сведения Муин ад-Дина Натанзи («Анонима Искандера»), считает Орду-Мелика (Орду-Шейха) потомком Орду-Ичена [Григорьев 2004б, с. 143]. Однако, принимая во внимание сомнительность сведений этого среднеазиатского источника, следует отдать предпочтение родословной Орду-Мелика от Туга-Тимура, выводимой А. Г. Гаевым на основании генеалогических чингизидских сочинений [Гаев 2002, с. 19, 53].

⁴⁰¹ Такую версию развития событий д 1361 г. предлагает А. П. Григорьев [Григорьев 2004б, с. 143], и она представляется нам наиболее убедительной. Изложенная в русских летописях версия убийства Хызра либо его сыном Тимур-ходжой [ПСРЛ 1949, с. 181], либо братом Мюридом [Приселков 2002, с. 377] выглядит не слишком убедительной: русские летописцы XV–XVI вв. вообще склонны были нередко приписывать смену ханов отцеубийствам или братоубийствам с единственной целью — показать упадок Орды, недостойность ее правителей и тем самым обосновать законность стремления русских государей освободиться от власти ордынских «царей» [ср.: Почекаев 2004а]. Кроме того, убийство хана ближайшим родственником существенно упрощал русским летописцам изложение событий, для которых сложная и запутанная борьба различных ветвей ханского рода была далека и непонятна.

⁴⁰² Отметим, что отсутствие четкого порядка престолонаследия послужило причиной смуты не только в Золотой Орде, но и других государствах Чингизидов, начиная с междоусобиц в Монгольской империи после смерти ханов Угедэя, Гуюка и Мунке. Об этом в свое время подробно писали В. В. Бартольд и П. Джексон [см. подробнее: Чхао Чху-Ченг 2008, с. 90].

⁴⁰³ См., напр.: ПРСЛ 1949, с. 181.

⁴⁰⁴ Согласно Никоновской летописи «Въ лето 6867 (1359 г.)... убиен бысть царь Бердибекъ, сынъ Чянибековъ, внукъ Азбяковъ, и з доброхотомъ своим окааннымъ Товлубиёмъ» [ПСРЛ 2000а, с. 230]. Отметим, впрочем, что если отдать предпочтение источникам, которые сообщают о смерти Бердибека от естественных причин, возникает сомнение и в сообщении об участии Тоглубая. Вполне возможно, он, будучи уже пожилым (в русских летописях он упоминается в качестве сановника еще в правление Узбека), он скончался в правление Бердибека или вскоре после того, либо же был убит в первые годы смуты.

⁴⁰⁵ СМИЗО 2006, с. 255.

⁴⁰⁶ Утемиш-хаджи 1992, с. 113.

⁴⁰⁷ См., напр.: Сидоренко 2000, с. 284.

⁴⁰⁸ Насонов 2002, с. 314.

⁴⁰⁹ См.: ПРСЛ 1949, с. 181; Приселков 2002, с. 247; Варваровский 2008, с. 79. А. П. Григорьев полагает, что после бегства из Сарая Тимур-ходжа попытался найти поддержку у Мюрида и был им убит [Григорьев 2004б, с. 144], однако представляется сомнительным, чтобы свергнутый хан решился прибегнуть к покровительству своего главного соперника.

⁴¹⁰ СМИЗО 2006, с. 255; см. также: Григорьев 2004б, с. 144–145.

⁴¹¹ Рогожский летописец 2000, с. 72. А. П. Григорьев полагает, что Кильдибек сумел уцелеть после поражения от Мюрида и бежал в Азов, где якобы вплоть до 1366 г. чеканил свою монету [Григорьев 2007, с. 129]. Однако нумизматы отмечают, что монеты Кильдибека этого времени неизвестны [Сидоренко 2000, с. 271, 277].

⁴¹² Возникает вполне закономерный вопрос: зачем сарайским эмирам во главе с Яглыбаем понадобилось устраивать авантюру с самозванцем Кильдибеком, если были живы реальные потомки Узбека — Абдаллах, Мухаммад (Булак) и др.? Как мне кажется, ответ заключается в том, что эти царевичи

находились под контролем Мамаю, которому сарайские эмиры поначалу, видимо, не были готовы доверить главенство из-за его близости к Джанибеку и Бердибеку (см. наш следующий очерк). Лишь оказавшись в безвыходной ситуации после гибели Кильдибека, они были вынуждены смириться с тем, что фактическая власть в Золотой Орде перейдет к Мамаю.

⁴¹³ СМИЗО 2006, с. 296, 321, 327, 334; см. также: Григорьев 2007, с. 131.

⁴¹⁴ Подробная биография Мамаю содержится в нашей книге: Почекаев Р. Ю. Мамаю. История «антигероя» в истории. СПб.: Евразия, 2010.

⁴¹⁵ Л. Н. Гумилев полагает, что Мамаю являлся потомком Сача-беки из рода Кият-Джуркин — троюродного брата Чингис-хана и его соперника в борьбе за ханский трон в 1180–1190-е гг. В происхождении-то историк и видит причины ненависти Мамаю к Чингизидам и стремление противостоять им и создать независимое государство [см.: Гумилев 1992б, с. 291]. Однако никаких прямых указаний на происхождение Мамаю от Сача-беки не имеется. Род кият был достаточно разветвленным и не ограничивался потомками Хабула, первого хана монголов, прадеда Сача-беки и Чингис-хана. Согласно монгольской летописи XVII в. «Алтан Тобчи», кияты происходили от Бодончара — дальнего предка Чингис-хана, давшего начало многим монгольским родам [Лубсан Данзан 1973, с. 293]. В. В. Трепавлов полагает, что предком Мамаю мог быть Мунгету-Киян — старший брат Есугей-багатура, отца Чингис-хана [Трепавлов 2007б, с. 324].

⁴¹⁶ В некоторых современных публикациях высказывается мысль, что род Мамаю изначально был тюркским (кипчакским) или даже черкесским [Павленко; Кчаченко 2007].

⁴¹⁷ Об этом сообщает, в частности, арабский автор Рукн ад-Дин Байбарс [СМИЗО 2005, с. 102–103]; см. также: Григорьев, Григорьев 2002, с. 216.

⁴¹⁸ Согласно исследованиям И. А. Мустакимова, имя этого деятеля читается «Астай» [Мустакимов 2009 и личная консультация].

⁴¹⁹ Утемиш-хаджи 1992, с. 105, 109; Трепавлов, 2007б.

⁴²⁰ Трепавлов 2007а; ср.: Григорьев, Григорьев 2002, с. 209–213. Ранее мы, вслед за В. П. Юдиным и В. В. Трепавловым, склонны были отождествлять Ису-гургена (бекляри-бека при Узбек-хане) и Исатая Кията (правителя Синей Орды) [Почекаев 2008, с. 54–55]. Однако по ознакомлении с исследованием И. А. Мустакимова [см.: Мустакимов 2009, с. 275–276] мы полагаем, что это были разные лица, и Мамаю являлся внуком Исатая, а не Исы-гургена.

⁴²¹ См.: Исхаков, Измайлов 2007, с. 150. Д. М. Исхаков ссылается на работу турецкого автора М. Кафали (Kafali M. Altin Orda Hanliginin Kuruş ve Yükseliş Devirleri. İstanbul, 1976), который, в свою очередь, опирается на неопубликованную версию сочинения Утемиш-хаджи «Чингиз-наме», хранящуюся в Турции у наследников историка А. З. Валиди Тогана. И. А. Мустакимов обнаружил также упоминание имени отца Мамаю в татарском историческом сочинении конца XVII в. «Дэфтэрэ-Чингиз-наме» [Мустакимов 2009, с. 275]. Мы отождествляем Алиш-бека, отца Мамаю, с «Алибеком, сыном Исы, сына Тулуктимура», упомянутым арабскими авторами ал-Муhibби

и ал-Калкашанди в качестве правителя Крыма, сменившего Зайн ад-Дина Рамадана [СМИЗО 2005, с. 259, 293].

По мнению И. А. Мустакимова [личная консультация], сославшегося на сочинение Утемиш-хаджи и ранний список «Дафтар-и Чингиз-наме», Алибек, правитель Крыма происходил из племени сиджиут и был одним из «старших беков». На наш взгляд, эта информация относится, скорее, к «Кодже Алибеку», который неоднократно упоминается в арабских источниках [см., напр.: СМИЗО 2005, с. 257, 293]. И в самом деле, исследователи нередко смешивают этих двух Алибеков [Федоров-Давыдов 1973, с. 101; Крамаровский 2001, с. 117; Гаев 2002, с. 21, Селезнев 2009б, с. 34, 211]. Более того, И. В. Зайцев даже допускает, что именно этот «Коджа» мог быть отцом Мамай [Зайцев 2010, с. 201]. Однако, на наш взгляд, такое отождествление не вполне корректно. Во-первых, арабские историки упоминают обоих сановников как разных лиц — Коджу Алибека «в землях узбековых» или в «этом государстве», а Алибека — как правителя Солхата. Во-вторых, в источниках Коджа Алибек упомянут под 765 г. х. (1363–1364 г.), а Алибек — в 1350-х гг.

⁴²² См.: Григорьев, Григорьев 2002, с. 212. Отметим, впрочем, что это именно предположение исследователей, не подкрепленное какими-либо сведениями источников.

⁴²³ См.: Варваровский 2008, с. 89; Миргалеев 2003б, с. 37. Отметим, что с титулом «гурген» Мамай в источниках не упоминается, что дает основание некоторым современным авторам даже сомневаться в его родстве с ханским домом [см., напр., Трепавлов 2007б, с. 341]. Однако отметим, что и другие известные ханские зятья (например, эмир Идигу) также не прибавляли к своим именам этот титул.

⁴²⁴ См. подробнее: Ostrovski 2003b, p. 125.

⁴²⁵ Григорьев, Григорьев 2002, с. 128, 148.

⁴²⁶ СМИЗО 2005, с. 276. См. также: Насонов 2002, с. 315; Миргалеев 2003б, с. 33; Хан 2004, с. 142. Арабский энциклопедист начала XV в. ал-Калкашанди высказывает сомнение в том, что Мамай занимал пост беклярибека, заявляя, что «это подлежит спору, потому что если он находился на такой же ступени, на какой был Йилбога в земле египетской (который был окольничим султанского двора, т. е. премьер-министром. — Р. П.), то это значило бы, что он (Мамай) был старшим эмиром его (хана), а если это так, то как же ему писали с меньшим почетом, чем улусным эмирам» [СМИЗО 2005, с. 298, прим. 9]. Полагаем, что недоумение арабского автора можно объяснить одной из двух причин. Во-первых, писать Мамаю с меньшим почетом, чем улусным эмирам, могли в 1359–1361 гг., т. е. в тот период времени, когда он находился не у дел после смерти Бердибека и до того, как он начал возводить на трон собственных ханов. Во-вторых, вполне возможно, что, несмотря на свой высокий пост и близость к ханскому семейству, он был ниже по происхождению, чем упомянутые «улусные эмиры», и, соответственно, имел право на меньшие почести.

⁴²⁷ См.: Утемиш-хаджи 1992, с. 110–112; Гаев 2002, с. 14. Утемиш-хаджи пишет, что Хызр и Кара-Ногай стали ханами одновременно [Утемиш-хаджи 1992, с. 112], однако, на наш взгляд, именно гибель Тенгиз-Буги и утрата

Мамаем поддержки с востока должны были привести к активизации его деятельности.

⁴²⁸ Согласно русским летописям, Тимур-Ходжа царствовал в Сарая 6–7 дней [см., напр.: ПСРЛ 1949, с. 181].

⁴²⁹ ПСРЛ 2000а, с. 233.

⁴³⁰ Григорьев 2007, с. 125–126; Миргалеев 2003б, с. 32; Варваровский 2008, с. 80. По мнению некоторых авторов, Мамай противостоял Кильдибеку и даже, в конце концов, разгромил его [см., напр.: Греков, Якубовский 1998, с. 213; Григорьев 2007, с. 126–129]. Однако источники их противостояния не подтверждают [см.: Сидоренко 2000, с. 234]. Вместе с тем, мы не согласны с мнением Ю. Е. Варваровского, что Кильдибек был ставленником именно Мамаю, поскольку бекляри-беком при этом хане стал не Мамай, а Яглы-бай.

⁴³¹ Григорьев 2004б, с. 144–145.

⁴³² См.: ПСРЛ 1949, с. 181; Приселков 2002, с. 377; Варваровский 2008, с. 79. А. П. Григорьев полагает, что после бегства из Сарая Тимур-Ходжа пытался найти поддержку у Мюрида и был им убит [Григорьев 2004б, с. 144]. Однако представляется сомнительным, чтобы свергнутый хан решился прибегнуть к покровительству своего главного соперника, хотя и был его племянником.

⁴³³ Можно предположить, впрочем, что Мамай поначалу и сам был причастен к этим расправам: не будем забывать, что Могоул-Буга, в частности, стал бекляри-беком именно после того, как с этой должности сняли самого Мамаю.

⁴³⁴ В ряде источников Мамай фигурирует как хан или «царь» [Памятники, 1998, С. 97, 112, 137, 226], хотя он никогда не претендовал на ханский титул в силу своего нечингизидского происхождения. Описанная Х. М. Френем монета, чеканенная в 763 г. х. (1361/1362 г.) якобы от имени Мамаю, да еще и с ханским титулом [Френ 1832, с. 20], вызывает весьма скептическое отношение других нумизматов. Весьма любопытно отметить, что не только в русской, но и в арабской более поздней исторической традиции Мамай представлен как монарх. Так, например, ал-Аскалани, автор середины XV в., упоминает его как «хана, процарствовавшего (там) 20 лет; а другой автор, Ибн Тагриберди, прямо сообщает, что в этом (782) году умер Мамай, царь татарский и правитель Дешта, вступивший на престол после Килдибекхана в 763 году (31 октября 1361 — 20 октября 1362 г.)» [СМИЗО 2005, с. 325, 327].

⁴³⁵ М. Г. Сафаргалиев считает его сыном Хызрбека — сына Узбека, умерщвленного своим братом Джанибеком в 1342 г. [Сафаргалиев 1996, с. 520]. Ибн Халдун говорит об Абдаллахе как «отроке» [СМИЗО 2005, с. 276], однако есть основания не доверять такой характеристике: например, Ш. Марджани считает и Кульну «6-летним сыном Бердибека» [Марджани 2005, с. 95], несмотря на то что источники сообщают о гибели и его, и двух его сыновей! А. Г. Гаев выводит родословную Абдаллаха и следующего «мамаева» хана Мухаммада от Туга-Тимура, 13-го сына Джучи [Гаев 2002, с. 23–24], однако указание Ибн Халдуна на то, что Абдаллах был «из детей

Узбека», в большей мере вызывает доверие и больше соотносится с политикой Мамаю по поддержке потомков Бату. То же касается и Мухаммада: в своем ярлыке русскому митрополиту Михаилу он ссылается на ярлык Бердибека — последнего законного (именно в глазах Батуидов) хана, а не на череду представителей других ветвей рода Джучи, пребывавших на троне в 1360-е гг. и также, вероятно, жаловавших ярлыки русскому духовенству.

⁴³⁶ См.: Марков 1990, с. 116; Григорьев 2007, с. 128.

⁴³⁷ Тагай и Секиз-бей воспринимаются исследователями (на основе летописных сообщений) как самостоятельные правители [см.: Биккинин 2000]. Однако известно, что в 1370-е гг. Мамаю запрещал русским князьям, своим вассалам, тревожить их уделы [Орлов 2001], что свидетельствует о вассалитете последнего от «мамаевых» ханов.

⁴³⁸ ПСРЛ 2000а, с. 233.

⁴³⁹ См.: Карамзин 1993, с. 228; Григорьев 2004а, с. 110–111; Синьковская проблема 2005. По мнению некоторых авторов, даже это страшное поражение Золотой Орды явилось плодом союза Мамаю и Ольгерда Литовского: якобы потерпевшие поражение ордынские «князья» являлись независимыми правителями, не желавшими подчиняться Мамаю, и вторжение Ольгерда в их владения, по сути, было санкционировано Мамаем. Некоторые авторы высказывают даже предположение, что Мамаю выдал литовскому князю ярлык от имени хана Абдаллаха на захваченные земли [Гумилев 1992б, с. 421; Шабульдо 1987, с. 68–71; 2005, с. 102 и след.]. Однако это предположение опровергается рядом фактов. Во-первых, и Хаджи-бек, и Кутлуг-Буга в течение всего правления Мамаю оставались у власти в своих крымских тюменах, и именно они снабжали бекляри-бека войсками и припасами каждый раз, когда он терпел очередную неудачу в борьбе за Поволжье. Тесные взаимоотношения Мамаю, в частности, с Кутлуг-Бугой позволили А. П. Григорьеву даже выдвинуть гипотезу, что последний был отцом Мамаю [Григорьев, Григорьев 2002, с. 209–213]. Хаджи-бек и в дальнейшем участвовал в воинских предприятиях Мамаю, в частности, сражался на р. Воже в 1378 г. [Григорьев 2004а, с. 111; Варваровский 2008, с. 98]. Во-вторых, пресловутый ярлык на причерноморские земли впервые был выдан только ханом Токтамышем литовскому великому князю и польскому королю Ягайло только в 1392 или 1393 г., и ни на какие более ранние пожалования ссылок в нем не было [Почекаев 2006б, с. 216–217]. В-третьих, нет никаких оснований говорить о союзе Мамаю и Ольгерда и согласованности их действий, поскольку сообщения об их вражде встречаются в источниках на протяжении 1360–1370-х гг.: то Мамаю приходилось сворачивать боевые действия на востоке своих владений и бросать войска на запад для противостояния литовцам, то Ольгерд отказывался от нападений на ордынские владения из-за того, что Мамаю находился настороже [Егоров 1985, с. 81; Почекаев 2006б, с. 216].

⁴⁴⁰ ПСРЛ 2000а, с. 231, 233.

⁴⁴¹ Это соглашение вошло в русскую средневековую историографию как «докончание» между Дмитрием Московским и Мамаем. Характер этого документа пока еще не определен в полной мере, однако он, по мнению исследователей, свидетельствует о новом формате русско-ордынских отно-

шений, поскольку, помимо прежнего получения ярлыка вассалом (великим князем) от сюзерена (хана), имело место и заключение договора (собственно — «докончания») между двумя равными участниками — великим князем и бекляри-беком Мамаем [см.: Хорошкевич 2001, с.125]. То, что содержание «докончания» содержало условия об уменьшении ордынского «выхода», подтверждается сведениями так называемых «памятников куликовского цикла» о том, что перед Куликовской битвой Мамай потребовал от Дмитрия Московского выплаты «выхода», «как было при цари Чыянибеке, а не по своему докончанию» [Памятники 1998, с. 32].

⁴⁴² См.: Григорьев 2004б, с. 155. Текст ярлыка Абдаллаха митрополиту Алексию не сохранился, равно как и сообщения о нем в источниках. Это позволяет сделать вывод, что Абдаллах мог просто-напросто признать ярлык тому же митрополиту Алексию, выданный ханом Бердибеком в 1357 г., а новый ярлык был выдан уже ханом Мухаммадом-Бюлеком новому митрополиту Михаилу (Митяю) в 1379 г.

⁴⁴³ См.: Муин ад-Дин Натанзи [СМИЗО 2006, с. 257]. А. П. Григорьев полагает, что хан мог умереть от эпидемии чумы, свирепствовавшей в это время в Поволжье [Григорьев 2004б, с. 149].

⁴⁴⁴ ПСРЛ 2000б, с. 9. По мнению А. Г. Мухамадиева, Пулад-Тимур был подданным сарайских ханов Мюрида и Азиз-Шейха и не подчинялся лишь Мамаю и его ставленником, а казнен был Азиз-Шейхом за неудачный карательный поход на Русь [Мухамадиев 2005, с. 151–152; см. также: Федоров-Давыдов 1973, с. 137]. Однако монеты с его собственным именем, равно как и его политика, свидетельствуют о том, что он претендовал на независимую власть.

⁴⁴⁵ В 1365 г. на Руси побывали несколько послов Азиз-Шейха: сначала Байрам-Ходжа и с ним «посол царицы Асанъ» (возможно, тот самый, который несколько позже стал правителем Волжской Булгарии) привезли Борису Константиновичу Городецкому ярлык на Нижний Новгород. Затем Василий Кирдяпа, сын Дмитрия Константиновича Суздальского, вместе с послом Урус-Манды привез отцу ярлык на великое княжение, от которого последнему пришлось отказаться в пользу московского князя [ПСРЛ 2000б, с. 5].

⁴⁴⁶ См.: Пономарев 2002, с. 64; Федоров-Давыдов 2003, с. 76–111; Пачкалов 2004, с. 159–161. Некоторые авторы склонны считать «Орду», указываемую на монетах «мамаевых» ханов, не городом, а кочевой ставкой темника, в которой пребывали и возводившиеся им на трон ханы [см.: Федоров-Давыдов 1960, с. 109; Миргалеев 2003б, с. 36]. Другие исследователи считают, что это был город, расположенный на территории современного Запорожья [Егоров 1985, с. 13, 139; Григорьев 2007, с. 117–120; Гончаров 2008, с. 58–59].

⁴⁴⁷ Е. Ч. Скржинская полагает, что налог с продажи, взимаемый с венецианцев в размере 5%, был снижен ханом Хызром в результате переговоров с послом Якопо Корнаро [Скржинская 1973, с. 115–116; см. также: Di Costo 2005, р. 406–407]. Однако в источниках нет никаких прямых указаний на то, что венецианец вел переговоры именно с этим ханом.

⁴⁴⁸ См.: ПСРЛ 1949, с. 183; Насонов 2002, с. 316.

⁴⁴⁹ СМИЗО 2006, с. 257–258; Султанов 2006, с. 78.

⁴⁵⁰ Сарайские монеты Абдаллаха датированы 767–768 гг. х. (1367 г.) [Сидоренко 2000, с. 277; Федоров-Давыдов 2003, с. 96, 100].

⁴⁵¹ См. подробнее: Гончаров 1997.

⁴⁵² Ибн Халдун описывает эти события следующим образом: «Один из эмиров государства стал оспаривать у него [Абдаллаха, ставленника Мамая. — Р. П.] престол. Он поставил (ханом) из детей канских другого, по имени Кутлуг-Темир. Мамай победил их и убил обоих» [цит. по: Кайдарова, Ускенбай 2004, с. 76; см. также: Schamiloglu 1986, p. 175]. А. Г. Гаев вполне обоснованно отождествляет упомянутого Кутлуг-Темира с Улджай-Тимурханом, известным по монетам, обнаруженным В. Н. Настичем [Гаев 2002, с. 22]. Мы полагаем, что неназванного по имени «эмира», который возвел Улджай-Тимура на трон, можно отождествить с Хаджи-Черкесом. Во-первых, именно его владения располагались в сравнительной близости от Крыма, и он имел возможность нанести удар в сердце владений Мамая. Во-вторых, его участие в этих событиях могут объяснить дальнейшие сведения Ибн Халдуна о борьбе Черкеса за Сарай (равно как и упоминание хана Черкеса в персидских источниках), поскольку сарайских монет самого Черкеса не обнаружено.

⁴⁵³ См.: Маслюженко 2007, с. 83. Некоторые авторы склонны отождествлять хана Хасана с болгарским (казанским) правителем Асаном: якобы после изгнания из Сарая он обосновался в Булгаре или даже Казани [см., напр.: Савельев 1865, с. 212–213; Насонов 2002, с. 317]. А. В. Пачкалов убедительно доказал, что Хасан Шибанид и Асан (Исан) Булгарский — два разных деятеля [Пачкалов 2005, с. 154].

⁴⁵⁴ Отметим, что даже негативно относящиеся к Мамаю русские летописцы не обвиняют Мамаю в убийстве Абдаллаха, очевидно, он умер естественной смертью. Несмотря на это, некоторые исследователи допускают, что Абдаллах был свергнут Мамаем или даже умерщвлен им [см., напр.: Грумм-Гржимайло 1994, с. 119; Греков, Якубовский, 1998, с. 211; Ахмедов 1965, с. 33].

⁴⁵⁵ М. Г. Сафаргалиев считает Мухаммад-хана сыном Тинибека — старшего брата Джанибека [Сафаргалиев 1996, с. 520]. Однако в русских летописных источниках сообщается, что около 1379 г. Мухаммаду было 18 лет [Татищев 2005, с. 159]. Следовательно, он родился около 1361 г., а Тинибек был убит в 1342 г. Вполне возможно, что Мухаммад приходился Тинибеку внуком.

⁴⁵⁶ О монетах Тулунбек-ханум см.: Янина 1954, с. 446; Сидоренко 2000, с. 286. Б. А. Ахмедов без каких-либо оснований относит ее к Шибанидам [Ахмедов 1965, с. 34]. Ряд авторов считает ее супругой Мамаю [Варваровский 2008, с. 89; Миргалеев 2003б, с. 37]. Несомненно, ее происхождение и поддержка могущественного бекляри-бека позволили этой женщине около года считаться ордынской ханшей. Еще одним косвенным аргументом в пользу отождествления Тулунбек с неизвестной по имени «Ханум», супругой Мамаю и ханской дочерью, являются два сообщения русских источников. Первое связано с победой Токтамыша над Мамаем на Калке в 1381 г.: «Царь же

Токтамышь... сам шед взя Орду Мамаеву и царицы его и казны его и улус весь его поймав...» [Памятники 1998, с. 11]. Обратим внимание, что речь идет о «царице», а не о «царевне» или «княгине», хотя сам Мамай в источнике титулуется князем. Следовательно, его супруга обладала ханским титулом. Второе сообщение относится уже к 1386 г., времени правления Токтамыша: «Того же лета царь Токтамышь убилъ самъ свою царицу, нарицаемую Товлунъбека» [Рогожский летописец 2000, с. 124]. А. П. Григорьев отождествляет эту «Товлунъбеку» со старшей женой Токтамыша Тогай (или Тогайбек), дочью крымского эмира Бек-Хаджи и матерью его шести сыновей [Григорьев 2004а, с. 109]. Однако, на наш взгляд, «Товлунъбека» больше напоминает именно «Тулунбек»: есть все основания полагать, что Токтамыш женился на ней после победы над Мамаем в 1381 г., чтобы укрепить свои права на трон Золотой Орды [см.: Сидоренко, 2000, С. 287]. Очевидно, хан не доверял ей и казнил по подозрению в заговоре.

⁴⁵⁷ ПСРЛ 1949, с. 185. См. также: Варваровский 2008, с. 101. Ряд историков делает вывод, что Асану был навязан соправитель в лице «Мамат Салтана» (или «Салтана, Бакова сына»), в котором одни видят самого хана Мухаммада [Насонов, 2002, с. 321; Кучкин 1996, С. 121], другие — его малолетнего сына [Насонов 2002, с. 317; Горский 2000, с. 92; Варваровский 2008, с. 101]. Однако из сообщений летописцев такой вывод отнюдь не вытекает. На наш взгляд, речь идет исключительно о том, что Асан признал власть хана Мухаммада и стал его наместником в Волжской Булгарии. «Баков сын», видимо, означает, что Мухаммад происходил от одного из многочисленных сыновей или внуков Узбека, чье имя оканчивалось на «...бек» [ср.: Мухаммадиев 1983, с. 95].

⁴⁵⁸ См.: СМИЗО 2005, с. 258–259; Крамаровский 2005а, с. 78; Миргалеев 2006; Варваровский 2008, с. 103.

⁴⁵⁹ См.: Григорьев 2004б, с. 183–184; Рыкин 2007, с. 482–483. Этот титул Мамай встречается в ряде документов. Так, ярлык Тюляка митрополиту Михаилу, выданный в 1379 г., начинается со следующей фразы: «Бессмертного бога силою и величеством из дед и прадед. Тюляково слово Мамаевою дядиною мыслию, татарьским улусным и ратным князем, и волостным самым дорогам, и князем, писцем, таможником побережником и мимохожим послом и соколником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодейщиком или кто на какво дело, ни поидеть многим людем и ко всем» [Зимин 1955, с. 465]. В европейских источниках XIV–XV вв. глава Крымского улуса именовался Titanus, что дало основание А. П. Григорьеву предположить, что Мамай (которого он считал крымским наместником) носил тюркский титул «тудун», который употреблялся еще во времена Хазарского каганата [Григорьев 1980, с. 172–173; см. также: Смирнов 2005, с. 74–78]. Однако позже исследователь отказался от этого предположения.

⁴⁶⁰ ПСРЛ 1949, с. 185.

⁴⁶¹ ПСРЛ 1949, с. 186–187. См. также: Горский 2000, с. 85.

⁴⁶² По мнению некоторых исследователей, самого факта выхода московских войск к Оке якобы стало достаточно, чтобы войска Мамайя отступили [см., напр.: Петров 2006]. Однако другие авторы обращают внимание именно

на неоказание москвичами помощи союзному рязанскому князю [см., напр.: Мизун, Мизун 2005, с. 131].

⁴⁶³ О борьбе Мамаю с Урус-ханом довольно подробно рассказывает Ибн Халдун [СМИЗО 2005, с. 277; Кайдарова, Ускенбай 2004, с. 76]. Осведомленность арабского автора об этих событиях объясняется, вероятно, тем, что и с Мамаем, и с Урусом египетские султаны состояли в переписке [см.: Закиров 1966, с. 92–93].

⁴⁶⁴ Летописи упоминают под 6882 (1374) г., что «ходили Литва на татарове на Темеря, и бышесть межи ихъ бои» [Рогожский летописец 2000, с. 94].

⁴⁶⁵ ПСРЛ 1949, с. 189.

⁴⁶⁶ См.: Григорьев 2004б, с. 164. Ср.: Быков, Кузьмина 2001. Отметим, впрочем, что при описании событий 1370-х гг. имя Уруса вообще не упоминается в русских летописях.

⁴⁶⁷ ПСРЛ 1949, с. 190; Горский 2000, с. 92.

⁴⁶⁸ См.: Кеппен 1837, с. 83–85; Волков 1858, с. 181; Григорьев 2007, с. 148–151. Ряд авторов относит события с захватом 18 генуэзских селений к 1379–1380 гг. [Мурзакевич 1837, с. 46–47; Козлов-Струтинский].

⁴⁶⁹ См.: Сафаргалиев 1996, с. 394; Исхаков 2003; Зайцев 2004а, с. 18–19; Трепавлов 2007б. А. П. Григорьев склонен отождествлять Салчи с Хаджи-Черкесом [Григорьев 1985, с. 166–167]. Салчи («Салчей, князь хазитороканский») упоминается в русских летописях под 1375 г.: он разгромил новгородских ушкуйников, совершавших нападения на ордынские города на Волге [см., напр.: ПСРЛ 1949, с. 192].

⁴⁷⁰ ПСРЛ 2000б, с. 22–23.

⁴⁷¹ По мнению А. А. Горского, поход русских на Булгар был совершен по инициативе самих князей Москвы и Нижнего Новгорода, и Волжская Булгария в результате его попала в зависимость от них [Горский 2000, с. 92–93]. Однако это предположение не встречает подтверждений в источниках. Мнение Ю. Е. Варваровского о том, что Каганбек мог быть союзником Мамаю и проводником его интересов в Поволжье [Варваровский 2008, с. 92, 105], также не подтверждается источниками. Наиболее обоснованна версия А. П. Григорьева о действиях русских князей в интересах сарайского хана. Несомненно, не русские, а именно ханские «дарага и таможник» были посажены князьями в Булгаре [Григорьев 2004б, с. 169–170].

⁴⁷² ПСРЛ 1949, с. 193.

⁴⁷³ ПСРЛ 1949, с. 199–200.

⁴⁷⁴ Хеллер 2001, с. 119.

⁴⁷⁵ Пономарев 2005, с. 46–49.

⁴⁷⁶ ПСРЛ 2000б, с. 44; Григорьев 2004б, с. 116–205.

⁴⁷⁷ Памятники 1998, с. 32–53.

⁴⁷⁸ А. Н. Насонов, историк-русист, которого трудно заподозрить в «монголофильстве», отмечает, что Мамай еще за 5 дней до Куликовской битвы не знал о приближении русских войск [Насонов 2002, с. 323].

⁴⁷⁹ Источники сообщают, что Мамай перед битвой «собравъ всю землю (или «силу». — Р. П.) Половечьскую и Татарскую» [Памятники 1998, с. 9, 30], однако ни «половцев», ни «татар» в числе его воинов не называют. Что

касается пресловутой генуэзской пехоты, то вряд ли она представляла собой войска города Кафы, как полагают некоторые исследователи [см., напр.: Егоров 1980, с. 212], скорее, это были «солдаты удачи», которые в поисках службы и добычи предлагали свои услуги властителям Причерноморья [ср.: Козлов-Струтинский; Широкоград 2005].

⁴⁸⁰ Весьма противоречивые сведения содержат источники о союзе Ягайла и Мамаю. Русские летописцы однозначно утверждают, что Ягайло намеревался принять участие в Куликовской битве, но просто-напросто не успел ко дню сражения. Однако, согласно немецким хроникам, литовцы, не участвуя в самой битве, затем напали на возвращавшихся русских, разбили их и взяли большую добычу (сведения немецких источников конца XIV–XV вв. цитирует, в частности, Ю. Ю. Звягин [Звягин 2010, с. 13–16]). Однако сомнительность сведений немецких хронистов заключается в том, что они упоминают о битве на Синей воде, хотя и датируют ее 1380 или 1381 г. Поэтому, на наш взгляд, следует осторожно опираться на сведения этих хроник — что и сделал В. Т. Пашуто, который в своей статье весьма корректно отметил, что «Ягайло, которого весть об исходе битвы настигла у Одоева, пограбил русские арьергарды, как *смутно сообщают немецкие хроники* (курсив наш — Р. П.), и повернул обратно» [Пашуто 1982, с. 286]. Наш более подробный анализ сведений о возможности союза Ягайло и Мамаю см.: Почекаев 2010, с. 72–76, 132–140.

⁴⁸¹ Под 1379 г. русские летописцы сообщают, что Мамаю умертвил своего 18-летнего хана и многих его приближенных. В. Н. Татищев на основании этого сообщения делает и более широкое обобщение, заявляя, что «Волжской орды нечестивый гордый князь Мамаю всею Ордою владел, и многих ханов и князей побил, и поставил себе хана по своей воле» [Татищев 2005, с. 159]. Вполне вероятно, историк имел в виду, что Мамаю, укрепляя власть «своего» хана, всячески расправлялся с ханами-конкурентами и другими претендентами на трон Сарая, не являвшимися потомкам Бату. Тем не менее, на основании этого сомнительного, в общем-то, сообщения летописцев, которым необходимо было обвинить Мамаю в узурпации (а что могло стать лучшим подтверждением, чем убийство собственного монарха?), некоторые исследователи выстраивают целые концепции: якобы Мамаю умертвил (или изгнал) хана Мухаммада и, оставшись без хана, утратил легитимность в глазах и собственных подданных, и русских вассалов [см.: Миргалеев 2003б, с. 37, 40; ср.: Гончаров 2008, с. 59]. Развивая эту мысль, летописцы и исследователи, наконец, завершают формирование целостного образа Мамаю как узурпатора власти, обвинив его в том, что он перед Куликовской битвой не только убил хана, но и провозгласил ханом себя самого [ПСРЛ 2000б, с. 46–47; Татищев 2005, с. 160; ср.: Григорьев 2004б, с. 179]. Упомянутому летописному сообщению, а следовательно, и сделанным на его основе выводам, противоречат данные нумизматики: монеты хана Мухаммада чеканились до 782 г. х. (1380 г.) включительно. Даже в русских источниках «царь Теляк» упомянут в качестве участника Куликовской битвы [Памятники 1998, с. 37, 75]. Таким образом (даже оставляя в стороне дискуссию о том, являются ли Мухаммад-хан и «царь Теляк» одним лицом или разными), вполне однозначно

можно утверждать, что ко времени Куликовской битвы хан у Мамаю был. Другое дело, что после битвы он не упоминается, и это дает основания предполагать его гибель на Куликовом поле [Григорьев 2004б, с. 178–179].

⁴⁸² Р. Фахретдин подчеркивает, что Мамай отправился против Токтамыша именно с «татарским» войском [Фахретдин 1996, с. 103].

⁴⁸³ См., напр.: Памятники 1998, с. 11, 41, 82.

⁴⁸⁴ Обстоятельства гибели Мамаю по-разному излагаются в различных источниках, однако большинство исследователей и публицистов предпочитают версию русских летописцев, согласно которой темник после перехода его войск к хану Токтамышу бежал в Кафу, где был опознан местными генуэзцами и убит ими [Памятники 1998, с. 41, 82, 187, 337, 366; Мурзакевич 1837, с. 51; Карамзин 1993, с. 46–47; Соловьев 1988, с. 279; Фахретдин 1996, с. 104; Вернадский 2000, с. 269; Гумилев 1992б, с. 427; Соколов 1999]. Однако куда более достоверным представляется сообщение «Задонщины», согласно которому кафинские генуэзцы отказали Мамаю в прибежище, сказав при этом: «Побежи ты, поганыи Момай, от насъ по заденеш и нам от земли Руской» [Памятники 1998, с. 104, 118, 131].

⁴⁸⁵ Версию гибели Мамаю от рук сторонников Токтамыша содержат как русские летописи, так и восточные источники [см.: Памятники 1998, с. 11; Утемиш-хаджи 1992, с. 118], что, на наш взгляд, свидетельствует о ее достоверности. Ф. Я. Брун считает, что Мамай погиб в Кафе два года спустя после Куликовской битвы [Брун 1879, с. 226].

⁴⁸⁶ См.: Миргалеев 2010, с. 190–192; также — личная консультация И. А. Мустакимова.

⁴⁸⁷ См.: Смирнов 2005, с. 135.

⁴⁸⁸ Крамаровский 1996; 2005; Григорьев, Григорьев 2002, с. 213–214.

⁴⁸⁹ Последняя цифра представляется в свете новейших исследований явно завышенной [см. подробнее: Миргалеев 2003б, с. 25–27].

⁴⁹⁰ Френ 1832, с. 18; Григорьев 1850, с. 31; Марков 2008, с. 40–41; Янина 1954, с. 445; Федоров-Давыдов 2003, с. 190. М. Г. Сафаргалиев отождествляет его с преемником Кильдибека, якобы процарствовавшим в Сарае всего три дня, которого упоминает Муин ад-Дин Натанзи [Сафаргалиев 1996, с. 381; см. также: СМИЗО 2006, с. 255]. Согласно выводам исследователей нумизматического материала и данных русских летописей, Хайр-Пулад мог чеканить свои монеты в Сарае в августе-сентябре 1362 г. [Сидоренко 2000, с. 285]. Однако это несколько противоречит мусульманскому календарю, поскольку 764 г. х. начинался в октябре 1362 г.! С другой стороны, известны случаи указания на монетах не настоящего места чекана, а того города, на обладание которым претендовал соответствующий эмитент [ср.: Давидович, Клешинов 2004, с. 200]. Т. е. Хайр-Пулад мог находиться, например, в Гюлистане или даже в своих собственных восточных владениях, а не в Поволжье, но чеканить монету с указанием монетного двора Сарае.

⁴⁹¹ См.: Федоров-Давыдов 1963, с. 185. Впрочем, сам исследователь поставил около даты 762 г. х. знак вопроса, не будучи уверенным в правильности ее прочтения. Все остальные монеты, принадлежащие Хайр-Пуладу, вполне однозначно датированы 764 г. х.

⁴⁹² Френ 1832, с. 18; Марков 2008, с. 43; Янина 1954, с. 446. См. также: Насонов 2002, с. 316, прим.

⁴⁹³ См., напр.: Григорьев 1850, с. 51–61; Григорьев 1983, с. 39; Сидоренко 2000, с. 286.

⁴⁹⁴ О Пулад-Тимуре («Булак-Темере») сообщают русские летописи, согласно которым он в 1361 г. отделил от Золотой Орды Волжскую Булгарию, а в 1367 г. во время своего набега на Русь был разгромлен нижегородскими войсками на р. Пьяне, бежал в Орду, где был схвачен и казнен Азиз-Шейхом [ПСРЛ 2000а, с. 233; 2000б, с. 9; ПСРЛ 1949, с. 181, 394; Приселков 2002, с. 378, 385]. Отметим, что это — единственный из «Пуладов», упомянутый по имени в русских исторических источниках. Монеты этого правителя, помимо его имени, содержат имя хана Джанибека, что дало основание некоторым исследователям полагать, что он, не будучи Чингизидом, возвел (подобно Мамаю) на трон подставного хана, в котором они склонны видеть Джанибека II [Григорьев 1850, с. 42 и след.; Савельев 1865, с. 45–48; Марков 2008, с. 44–45; Федоров-Давыдов 2003, с. 87, 96, 98; Пачкалов 2004, с. 162]. Однако современные исследователи убедительно показали, что на монетах Пулад-Тимура Джанибек указан с эпитетом «покойный», что однозначно позволяет отождествить его с ханом, правившим Золотой Ордой в 1342–1357 гг., т. е. последним ханом до «Великой замятни» [см., напр.: Сафаргалиев 1996, с. 382; Григорьев 1983, с. 40; Мухамадиев 1983, с. 94; ср. Григорьев 1850, с. 50].

⁴⁹⁵ Так, например, А. П. Григорьев склонен отождествлять Хайр-Пулада, Пулад-Ходжу и хана Пулад-Тимура, не считая тождественным им только болгарского правителя [Григорьев 1983, с. 39–41]. Возможность отождествления некоторых из них допускают и другие авторы [Ахмедов 1965, с. 33; Сидоренко 2000, с. 286; Гаев 2002, с. 50].

⁴⁹⁶ Варианты прочтения имени отца Пулад-Тимура см.: Сафаргалиев 1996, с. 382; Мухамадиев 1983, с. 93–94. А. Г. Мухамадиев высказал предположение, что «Токле бий», отец Пулад-Тимура, может быть известным во времена Джанибека и Бердибека сановником Тоглу-баем [Мухамадиев 1983, с. 94]. Ранее мы склонны были отождествлять этого Пулад-Тимура с героем настоящего очерка [Почекаев 2006в, с. 385], однако позднее отказались от этой версии, признав обоснованность аргументов исследователей.

⁴⁹⁷ Мухамадиев 1983, с. 92. См. также: Варваровский 2008, с. 83; Сидоренко 2000, с. 285–286; Пырсов, Недашковский 2002, с. 29.

⁴⁹⁸ СМИЗО 2006, с. 258. См. также: Федоров-Давыдов 1973, с. 150–151.

⁴⁹⁹ См.: Григорьев, Ярцов 1844, с. 339. В. Д. Смирнов, анализируя этот фрагмент ярлыка Токтамыша, вполне обоснованно посчитал, что последний мог сослаться на волю только своего законного предшественника, имеющего право издавать ярлыки. Однако исследователь тут же предположил, что Токтамыш мог признать таковым и болгарского эмира Пулад-Тимура, поскольку и сам был авантюристом и готов был признать другого авантюриста (и фактически узурпатора власти) своим легитимным предшественником [Смирнов 2005, с. 138–139]. Такое предположение представляется совершенно необоснованным, поскольку ни одного случая издания ярлыка от имени

не-хана в истории не зафиксировано, равно как и признания золотоордынскими ханами законности правителей не из рода Чингизидов. Кроме того, весьма маловероятно, чтобы болгарский эмир выдавал жалованную грамоту крымским аристократам, которым адресован ярлык Токтамыша со ссылкой на ярлык Тимур-Пулада!

⁵⁰⁰ См.: Настич 1987; Гаев 2002, с. 22; Гончаров 2005а, с. 99. У Ибн Халдуна этот хан упоминается под именем Кутлуг-Тимура [Кайдарова, Ускенбай 2004, с. 76; Schamiloglu 1986, p. 175].

⁵⁰¹ Абуль-Гази 1996, с. 99–100; Гаев 2002, с. 22–23, 54. См. также второй очерк в настоящей книге.

⁵⁰² Вслед за А. Г. Гаевым мы отождествляем Хайр-Пулада с Пуладом из рода Шибанидов [Гаев 2002, с. 28], поскольку родословные других «Пуладов» не позволяют выводить их от Шибана. Вероятно, именно тем, что Пулад занимал трон Золотой Орды, следует объяснить претензии на власть его прямых потомков — сына Арабшаха, правнука Абу-л-Хайра и его потомков. А. П. Григорьев относит Пулада к потомкам Орду, старшего сына Джучи [Григорьев 2004б, с. 204–205]. Исследователи высказывают обоснованное предположение, что Менгу-Тимур был «вписан» в родословную Шибанидов в XVI в. по соображениям династического старшинства. Интересно отметить, что среди Чингизидов больше прав на трон имел тот, кто имел больше поколений между собой и Чингис-ханом — считалось, что чем больше поколений прошло от Чингис-хана, тем «древнее» был род претендента [см.: Григорьев 1985, с. 163–164]. Так, в «Муизз ал-ансаб» Пулад назван сыном Бадакула, а в трудах Мухаммада Шайбани и Абу-л-Гази — уже сыном Менгу-Тимура [Муизз 2006, с. 42; ср.: Таварих-и гузида 1969, с. 34; Абуль-Гази 1996, с. 104]. А. П. Григорьев обнаружил, что в генеалогиях XIV–XV вв. между Шибаном и его потомками Арабшахом и Каганбеком насчитывалось 7 поколений, а в труде Мухаммад-Юсуфа Мунши, бухарского историка XVIII в., — уже 9 [Григорьев 1985, с. 164; см. также: Муизз 2006, с. 42; Мунши 1956, с. 48].

⁵⁰³ Таварих-и гузида 1969, с. 34.

⁵⁰⁴ Абуль-Гази 1996, с. 104.

⁵⁰⁵ См., напр.: Смирнов 2005, с. 138–139. Р. Ф. Набиев вообще высказывает сомнение в том, что в ярлыке упоминается хан Тимур-Пулад и вслед за А. Н. Самойловичем предлагает читать не «tib Timer Bulat» («говоря, Тимур-Пулад»), а «tidimiz bulai» («мы так сказали») [Набиев 2008, с. 106]. Обратим, однако, внимание, что подобной трактовки придерживался только А. Н. Самойлович [Самойлович 2005, с. 225; ср.: Григорьев 2006, с. 91–92], тогда как другие исследователи ярлыка вполне определенно видят в тексте имя Тимур-Пулада [Григорьев, Ярцов 1844, с. 339; Березин 1851, с. 12, 15], с которым мы и отождествляем героя нашего очерка.

⁵⁰⁶ И. М. Миргалеев считает, что Пулад правил в Сарае после Абдаллаха [Миргалеев 2003б, с. 35–36].

⁵⁰⁷ Сохранились монеты Ильбека, чеканенные в Сарайчуке и датированные 775 г. х. (1373/1374 г.) [Марков 2008, с. 49; Федоров-Давыдов 2003, с. 98].

⁵⁰⁸ В отличие от происхождения многих ханов эпохи «Великой замятни», родословная Арабшаха четко и однозначно зафиксирована в источниках: Арабшах б. Пулад (б. Менгу-Тимур) б. Бадакул б. Джучи-Буга б. Бахадур б. Шибан б. Джучи б. Чингис-хан [см.: Муизз ал-ансаб 2006, с. 42–43; Таварих-и гузида 1969, с. 34–35; Абуль-Гази 1996, с. 105; Мунис 1969, с. 435].

⁵⁰⁹ Существует две версии происхождения хана Хызра, каждая из которых имеет своих сторонников среди исследователей. Согласно одной из них, представленной Муин ад-Дином Натанзи, он был потомком Орду, старшего сына Джучи, сыном Сазы-Буги и братом Эрзена, правителя Синей Орды [СМИЗО 2006, с. 257; см. также: Греков, Якубовский 1998, с. 207; Сафаргалиев 1996, с. 378; Григорьев 2004б, с. 204–205]. Мы склоняемся ко второй версии, согласно которой Хызр был потомком Шибана [Таварих-и гузида 1969, с. 37; см. также: Утемиш-хаджи 1992, с. 109; Марджани 2005, с. 96; Трепавлов 2001, с. 56; Варваровский 2008, с. 77–78; Маслюженко 2007, с. 82].

⁵¹⁰ Таварих-и гузида 1969, с. 34.

⁵¹¹ А. П. Смирнов отождествил Хасана с болгарским князем «Асаном» [Смирнов 1951, с. 67]. А. Г. Мухамадиев упоминает надгробие, обнаруженное в Татарстане с надписью «Великий султан, помощник султанов», которое он считает принадлежащим этому князю [Мухамадиев 2005, с. 173]. Однако А. В. Пачкалов установил, что хан Хасан Шибанид и эмир Асан (Исан) Булгарский — два разных деятеля [Пачкалов 2005, с. 154].

⁵¹² А. П. Григорьев даже предположил, что борьба Шибанидов с Урусханом в 1370-е гг. шла не за Сарай, а исключительно за Сарайчук [Григорьев 1985, с. 171]. Это предположение, однако, опровергается наличием их монет именно сарайской чеканки.

⁵¹³ Возможно, при прочтении места чекана на монетах Арабшаха под этим годом могла быть допущена ошибка, и вместо «Сарай» на них следовало бы читать «Сарайчук» [см., напр.: Марков 2008, с. 49; Янина 1954, с. 447; Ахмедов 1965, с. 36; ср.: Федоров-Давыдов 1973, с. 135–136]. Исследователи отмечают, что нумизматических подтверждений правления Ильбека в Сарае пока не обнаружено, и выводы о его воцарении в столице Золотой Орды делаются исключительно на сообщении письменных источников — в частности, сообщении Ибн Халдуна о борьбе Айбекхана с Урусом за Сарай [Гаев 2002, с. 26–27; см. также: СМИЗО 2005, с. 276–277; Маслюженко 2007, с. 83–84]. Ильбек и Айбек (а также «Алп-Ходжа»), по мнению исследователей — одно и то же лицо [Савельев 1865, с. 218–219; Варваровский 2008, с. 92; ср.: Ахмедов 1965, с. 34].

⁵¹⁴ Ибн Халдун сообщает о гибели «Айбекхана» [СМИЗО 2005, с. 277; ср.: Григорьев 2004б, с. 163].

⁵¹⁵ См.: ПСРЛ 1949, с. 189; Григорьев 2004б, с. 164.

⁵¹⁶ А. П. Григорьев полагает, что Уруса выгнал из Сарая Мамай [Григорьев 2004б, с. 167, 169], однако в источниках нет сведений о пребывании Мамай или хана Мухаммада в Сарае в этом году, равно как не обнаружено и сарайских монет Мухаммад-хана, датированных 1375/1376 г.

⁵¹⁷ Монеты «Султана правосудного Гийас ад-Дина Каганбек-хана», чеканенные в Сарае, датированы 777 г. х. (1375/1376 г.) [Савельев 1865, с. 220–221; Марков 2008, с. 50]. Ю. Е. Варваровский полагает, что Каганбек мог прийти к власти в Сарае при поддержке Мамае, который был заинтересован в удалении Урус-хана из Поволжья [Варваровский 2008, с. 92, 105; Сорогин; ср.: Маслюженко 2007, с. 84]. Однако никаких подтверждений этого мнения в источниках не содержится [см.: Ускенбай 2002, с. 101].

⁵¹⁸ ПСРЛ 1949, с. 192. По мнению А. А. Горского, этот поход был совершен по собственной инициативе князей Москвы и Нижнего Новгорода, и Волжская Булгария в его результате попала в зависимость от них [Горский 2000, с. 92–93]. Однако более обоснованной представляется версия А. П. Григорьева о действиях русских князей в интересах сарайского хана. Несомненно, не русские, а именно ханские «дарага и таможник» были посажены князьями в Булгаре [Григорьев 2004б, с. 169–170].

⁵¹⁹ А. П. Григорьев считает Арабшаха наследником Каганбека — калга-султаном [Григорьев 1985, с. 176], однако это предположение не подтверждается источниками, да и сам термин «калга» возникает в Крымском ханстве, причем гораздо позже, на рубеже XV–XVI вв. [Бартольд 2002 Калга, с. 537].

⁵²⁰ См.: ПСРЛ 1949, с. 193–194.

⁵²¹ Несмотря на то что летописцы прямо указывают, что «царевич Арапша на Волчьей воде... А в то время погании князи Мордовьстии подведоша рать Татарскую из Мамаевы Орды», только немногие историки правильно интерпретируют это сообщение, считая, что русские были разгромлены войсками Мамае [Насонов 2002, с. 321; Кучкин 1980, с. 105; Горский 2000, с. 93; Григорьев 2004б, с. 170–171]. Ряд авторов полагает, что победу на Пьяне одержал Арабшах [Соловьев 1988 с. 273; Савельев 1865, с. 230–231; Греков, Якубовский 1998, с. 216–217; Вернадский 2000, с. 263; Каргалов 1984, с. 35]. Другие же пытаются «логически» совместить сведения о Мамаевой Орде и Арабшахе и предлагают совершенно абсурдную версию о том, что Арабшах состоял на службе у Мамае и по его приказу разгромил русских! [Карамзин 1993, с. 30; Фахретдин 1996, с. 102; Грумм-Гржимайло 1994, с. 120; Гумилев 1995, с. 172; Мизун, Мизун 2005, с. 142]. В одном сочинении присутствует даже совершенно удивительное утверждение, что Арабшах не только поступил к Мамаю на службу в 1376 г., но и участвовал в Куликовской битве на его стороне [Щербаков, Дзысь 2001, с. 21]. Возможно, основанием для подобных утверждений служит сообщение в летописных источниках, что «перебежал из Синей Орды за Волгу некий султан, именем Арапша, в Мамаеву орду Волжскую» [см., напр.: Татищев 2005, с. 147]. Однако, на наш взгляд, речь идет не о том, что царевич присоединился к Мамаю, а о том, что он со своими войсками вторгся в подконтрольные Мамаю и его хану поволжские области.

⁵²² ПСРЛ 1949, с. 194.

⁵²³ См.: Иловайский 1884, с. 110–111; Экземплярский 1891, с. 585–586.

⁵²⁴ См.: Григорьев 1985, с. 175–176.

⁵²⁵ См.: Григорьев 2004б, с. 171.

⁵²⁶ И. Д. Биккинин полагает, что Арабшах был изгнан из Сарая Мамаем, после чего и совершил поход на Тагая, закрепившись в его владениях как самостоятельный правитель [Биккинин 2004, с. 294]. Никаких подтверждений этому предположению в источниках не обнаружено. См. также: Крамаровский 2003, с. 94.

⁵²⁷ Арабский автор ал-Джаннаби сообщает, что во время «смут и неурядиц» между эмирами Дешт-и Кипчака «одни были за Урусхана..., другие — за Токтамышхана, а некоторые — за Абава'арабоглана» [СМИЗО 2005, с. 384]. В последнем, несомненно, угадывается Арабшах, и его упоминание среди наиболее влиятельных ордынских правителей того времени свидетельствует о его устойчивом положении.

⁵²⁸ См. Григорьев 2004б, с. 172.

⁵²⁹ Летописцы либо не указывают, чьи воины совершили нападение на Нижний Новгород в 1378 г. [ПСРЛ 1949, с. 199; Рогожский 2000, с. 112], либо пишут, что это были «Воложскія Орды Мамаевы... Татарове» [ПСРЛ 2000б, с. 42]. Однако есть все основания полагать, что нападение совершил Арабшах: во-первых, Мамай в это время уже не контролировал Поволжье, а во-вторых, готовился в этом году к походу, который закончился разгромом на р. Воже, поэтому вряд ли стал бы «размениваться» на мелкий набег на Нижний Новгород [см.: Кучкин 1980, с. 107–108; Григорьев 2004б, с. 171–172; ср.: Горский 2000, с. 93].

⁵³⁰ См.: Татищев 2005, с. 148. Аналогичные меры предпринял в 1382 г. хан Токтамыш: чтобы торговцы не принесли на Русь сведения о готовящемся им походе на Москву, он приказал перебить русских купцов в Поволжье [см.: Полубояринова 1978, с. 45].

⁵³¹ До сравнительно недавнего времени считалось, что правление Арабшаха завершилось в 1378 г., и он был изгнан из Сарая или даже убит Мамаем либо Токтамышем [см., напр.: Ахмедов 1965, с. 36; Григорьев 2004б, с. 176; Биккинин 2004, с. 294; ср.: Григорьев 1985, с. 176]. Однако обнаружение монет Арабшаха, чеканенных в Сарая в 782 г. х. (1380/1381 г.) [Янина 1954, с. 447; Федоров-Давыдов 1963, с. 200; Варваровский 2008, с. 93; ср.: Гончаров 2008, с. 61], позволяет сделать вывод, что он правил в Сарая еще весной-летом 1380 г.

⁵³² О признании Арабшахом власти Токтамыша сообщает Утемиш-хаджи [Утемиш-хаджи 1992, с. 117–118]. Он писал свое сочинение при дворе хивинских ханов — прямых потомков Арабшаха, так что у нас нет оснований обвинять его в подтасовке фактов в пользу рода Туга-Тимуридов, представителем которого был Токтамыш. Историк прямо указывает, что Арабшах получил в управление Улус Шибана под верховной властью Токтамыш-хана: «[Тохтамыш-хан] много оказал разных милостей и сделал пожалований Араб-оглану и повелел: "Да соберется к тебе весь народ, принадлежавший Шайбан-хану, и где бы ни находился раб, бежавший от своего хозяина, и эль, бежавший от йасака..."» [Утемиш-хаджи 1992, с. 118; см. также: Маслюженко 2007, с. 85]. Вместе с тем, мы не можем согласиться с И. М. Миргалеевым, который считает Арабшаха едва ли не наместником Токтамыша в Сарая

[Миргалеев 2003б, с. 56–57]. Факт чеканки его именных монет в столице свидетельствует о его самостоятельности.

⁵³³ Абуль-Гази 1996, с. 105.

⁵³⁴ ПСРЛ 2000б, с. 27.

⁵³⁵ См., напр.: Мунис 1969, с. 436–464.

⁵³⁶ В историографии существуют две противоположные точки зрения относительно истории Синей Орды конца 1320-х — начала 1360-х гг. По одной из них власть потомков Орду в этом улусе не прерывалась, и именно они в лице хана Уруса сумели, в конце концов, восстановить единство Улуса Джучи [Ускенбай 2003, с. 20–22; Григорьев 2004б, с. 205; Султанов 2006, с. 270; Маслюженко 2007, с. 83]. Уязвимость этой позиции заключается в том, что ее сторонники опираются в основном на сочинение Муин ад-Дина Натанзи, ранее известное как «Аноним Искандера», которое сегодня признано своеобразным «историческим романом», а не научным трудом. Поэтому мы придерживаемся второй версии о пресечении рода Орду и приходе к власти Туга-Тимуридов, которая подтверждается рядом нарративных источников, нумизматическими материалами и соответствующей аргументацией исследователей [см., напр.: Муизз 2006, с. 44–45; Гаев 2002, с. 14–15; Костюков 2007, с. 196–201; Тулибаева 2008, с. 225–226].

⁵³⁷ Ряд историков считает его также потомком Орду, старшего сына Бату [см.: Ускенбай 2003, с. 20–22; Григорьев 2004б, с. 205; Султанов 2006, с. 270].

⁵³⁸ СМИЗО 2006, с. 258.

⁵³⁹ Дата рождения Токтамыша в источниках не упоминается. Однако есть некоторые косвенные данные, подтверждающие наше предположение. Так, Утемиш-хаджи упоминает, что ок. 1377 г. Джалал ад-Дину, старшему сыну Токтамыша, было 12 лет [Утемиш-хаджи 1992, с. 116; ср.: Григорьев 2004а, с. 116], значит, он родился ок. 1365 г., и, следовательно, в 1364 г. Токтамыш уже был женат на его матери. Браки тюрков и монголов заключались в 14–16 лет, и от этих данных можно отталкиваться при определении приблизительной даты рождения нашего героя.

⁵⁴⁰ Большинство исследователей склоняются к версии происхождения Токтамыша из рода Туга-Тимура, которая приведена в ряде источников [Муизз 2006, с. 45; Таварих-и гузида 1969, с.; Утемиш-хаджи 1992, с.]. Однако другие источники выводят его происхождение от Орду, старшего сына Джучи, считая его отца братом Урус-хана [Муин ад-Дин Натанзи, см.: СМИЗО 2006, с. 258; см. также: Савельев 1865, с. 153; Греков, Якубовский 1998, с. 232–233; Гумилев 1992б, с. 420], и даже называют его сыном Бердибека, т. е. потомком Бату [Ибн Халдун, ал-Калкашанди, см.: СМИЗО 2005, с. 276, 289].

⁵⁴¹ Имя матери Токтамыша приводят, в частности Муин ад-Дин Натанзи и Гаффари [СМИЗО 2006, с. 261, 404].

⁵⁴² См.: СМИЗО 2006, с. 258. Вряд ли следует видеть в этом решении Туй-Ходжи его лояльность к сарайским ханам, как полагает, например, Л. Н. Гумилев [Гумилев 1992б, с. 420]. Несомненно, Туй-Ходжа просто решил продемонстрировать свою независимость по отношению к хану, тем

более что был старше его в семейной иерархии — приходился ему троюродным дядей [см.: Муизз 2006, с.].

⁵⁴³ Согласно Муин ад-Дину Натанзи, «Токтамыш-оглан один-два раза убегал из орды и снова отправлялся туда. Так как он еще не достиг совершеннолетия, то его прощали» [СМИЗО 2006, с. 258]. Вероятно, одно его бегство было вызвано опасением разделить судьбу отца, второе — с его первым мятежом в Синей Орде.

⁵⁴⁴ Утемиш-хаджи сообщает, что некоторое количество подданных Уруса начало склоняться к Токтамышу [Утемиш-хаджи 1992, с. 114]. По мнению В. П. Юдина, Токтамыш делал ставку на молодежь, недовольную политикой хана [Юдин 1992а, с. 77].

⁵⁴⁵ Известна монета Токтамыша, чеканенная в Сыгнаке в 774 г. х. (1372/1373) [см.: Федоров-Давыдов 1960, с. 159; Миргалеев 2003б, с. 51], хотя исследователи выражают сомнения в правильности ее атрибуции [см.: Варваровский 2008, с. 108; Гончаров 2008, с. 60]. И. М. Миргалеев упоминает о чеканке Токтамышем монет в Сарае еще в 772–773 г. х. (1371–1372) и 777–779 гг. х. (1375–1378 гг.) [Миргалеев 2003б, с. 43, 51], однако это утверждение опровергнуто Е. Ю. Гончаровым на том основании, что привлеченные нумизматические данные были не вполне проверены [Гончаров 2008, с. 59; см. также: Григорьев 2004а, с. 109].

⁵⁴⁶ По некоторым сведениям, Токтамыш, бежав из Синей Орды, нашел прибежище у Шибанидов, но вскоре ушел от них, недовольный отношением к нему [Утемиш-хаджи 1992, с. 117; Миргалеев 2003б, с. 52].

⁵⁴⁷ Йазди 2008, с. 84.

⁵⁴⁸ Йазди 2008, с. 85.

⁵⁴⁹ Шами [СМИЗО 2006, с. 210].

⁵⁵⁰ Утемиш-хаджи 1992, с. 115–116.

⁵⁵¹ Йазди 2008, с. 85; Муин ад-Дин Натанзи [СМИЗО 2006, с. 265–266].

⁵⁵² Йазди 2008, с. 85.

⁵⁵³ Согласно официальной версии источников, Урус-хан умер от естественных причин [см., напр.: Йазди 2008, с. 86], однако Утемиш-хаджи приводит степное предание, согласно которому Урус-хан погиб в случайной стычке с Токтамышем: последний пытался отогнать часть стад Синей Орды, был настигнут ханом, и в завязавшемся бою Джалал ад-Дин, 12-летний сын Токтамыша, застрелил Урус-хана из лука [Утемиш-хаджи 1992, с. 116–117].

⁵⁵⁴ Ю. Шамильоглу называет этого хана Тимурбек-ханом б. Мухаммад-ханом, т. е. не считает сыном Уруса [Schamiloglu 1986, p. 181]. Исследователь, возможно, не принял во внимание, что мусульманское имя Уруса было Мухаммад.

⁵⁵⁵ Шами; Муин Анд-Дин Натанзи [СМИЗО 2006, с. 213, 259]; Йазди 2008, с. 87.

⁵⁵⁶ Шами [СМИЗО 2006, с. 214]; Йазди 2008, с. 87–88. Муин ад-Дин Натанзи датирует эти события 785 г. х. (1383/1384 г.) [СМИЗО 2006, с. 259–260], что противоречит данным других источников.

⁵⁵⁷ Утемиш-хаджи 1992, с. 117–118.

⁵⁵⁸ Ибн Халдун [СМИЗЛО 2005, с. 277]; см. также: Федоров-Давыдов 1973, с. 153.

⁵⁵⁹ См.: Сидоренко 2000, с. 287 Согласно сведениям восточных историков Утемиш-хаджи (XVI в.) и Абдулгаффара Кырыми (XVIII в.), жена Мамаю, являвшаяся дочерью Джанибека, носила имя Би-Сылу и была отдана ханом-победителем Токтамышем в жены Урук-Тимуру из рода Ширин, который хитростью убил Мамаю (Текне Ширин, знаменитый сподвижник ханов Улуг-Мухаммада, Сайид-Ахмада и Хаджи-Гирея, о котором речь пойдет ниже, якобы родился от этого брака). Однако исследователи весьма осторожно используют сведения этих источников [Миргалеев 2010, с. 192; также — личная консультация И. А. Мустакимова].

⁵⁶⁰ Согласно сведениям тимуридских авторов, в 1391 г сын Мамаю («Мамака») попал в плен к Тимуру, когда двигался со своими войсками на соединение с основными силами Токтамышя, см.: Шами [СМИЗО 2006, с. 226]; Йазди 2008, с. 145. См. также: Шенников 1981. По сведениям историка XVIII в. Абдулгаффара Кырыми, сын Мамаю по имени Бек-Султан после гибели отца был признан предводителем племени кият, часть которого с ним во главе откочевала на западный Днепра и далее ушли «в труднодоступные места» [Миргалеев 2010, с. 192–193; личная консультация И. А. Мустакимова].

⁵⁶¹ Токтамыш был настолько единодушно признан аристократией и населением Золотой Орды, что арабские авторы начала XV в. (Ибн Халдун, ал-Калкашанди) даже считали его законным сыном и наследником Бердибека — последнего хана Золотой Орды из легитимной династии потомков Бату [СМИЗО 2005, с. 276, 289; Григорьев, Фролова 1999, с. 85; Кайдарова, Ускенбай 2004, с. 75]. См. подробнее: Schamiloglu 1986, p. 182.

⁵⁶² В эпосе «Идегей» Токтамышу приписывается риторический вопрос: «Разве я сам — не Чингиз?» [Идегей 1990, с. 12], по-видимому, отражающий его реальные притязания на сравнение с великим предком.

⁵⁶³ Кеппен 1837, с. 85–87; Мурзакевич 1837, с. 51–52; Шостак 1850, с. 88; Волков 1858, с. 180; Desimoni 1887; Григорьев 2007, с. 151–152.

⁵⁶⁴ До нашего времени сохранился ярлык Токтамышя Бек-Хаджи, даруге Кырк-Ера и предводителю племени шуракуль, от 1381 г., в котором он подтверждает привилегии этого племени, пожалованные ему еще ханом Пуладом [Григорьев, Ярцов 1844, с. 339; Мурзакевич 1840, с. 145–146; Григорьев 2004а, с. 115]. Р. Ф. Набиев датирует выдачу этого ярлыка 24 зуль-када 781 г. х. (2 марта 1380 г.), отвергая сам факт Куликовской битвы (sic!) [Набиев 2008, с. 105–106].

⁵⁶⁵ ПСРЛ 1949, с. 206. См. также: Горский 1998, с. 16.

⁵⁶⁶ ПСРЛ 20006, с. 69.

⁵⁶⁷ ПСРЛ 1949, с. 206; ПСРЛ 20006, с. 70. По мнению А. А. Горского, в задачу Ак-ходжи входило не вызывать в Орду князей, а получить «выход» [Горский 1998, с. 17], однако сообщение летописцев опровергает это мнение: «Ак-Хозя» прибыл на Русь «зовущи их въ Орду».

⁵⁶⁸ ПСРЛ 1949, с. 206; Полубояринова 1978, с. 45.

⁵⁶⁹ Горский 1998, с. 17; Штыков 2006, с. 475.

⁵⁷⁰ Это наиболее традиционная версия, объясняющая отъезд великого князя из столицы перед нашествием врага [см., напр.: Греков 1975, с. 159]. Имеет место и другая версия, отраженная в летописных источниках: малодушие великого князя, недостаток сил для сопротивления [Рудаков 2000б, с. 18, 28]. Наконец, согласно еще одной версии, получившей распространение в последнее время, Дмитрий Донской покинул Москву перед подходом Токтамыша, поскольку якобы не хотел противостоять своему законному сюзерену и тем самым выражал намерение примириться с ним [см.: Горский 1998, с. 18]. Это объяснение не представляется удовлетворительным, поскольку тогда становятся необъяснимыми бегство великого князя (ведь другие князья явились к хану и подчинились ему), сопротивление его стольного города и боевые действия его брата Владимира Андреевича Серпуховского против войск Токтамыша — равно как и его более раннее противостояние хану Тюляку на Куликовом поле.

⁵⁷¹ ПСРЛ 1949, с. 206–210; ПСРЛ 2000б, с. 71–81.

⁵⁷² ПСРЛ 1848, с. 90; ПСРЛ 1949, с. 210; ПСРЛ 2000б, с. 81. См. также: Горский 1998, с. 18–19. Такое необъяснимое расположение Токтамыша к вчерашнему мятежнику Дмитрию Донскому порождает самые фантастические версии трактовки событий 1382 г. Например, было высказано даже предположение, что москвичи восстали против великого князя Дмитрия, заставив его бежать в Кострому, а хан Токтамыш «всего лишь» подавил этот мятеж и вернул город под власть его законного князя [см. напр.: Быков, Кузьмина 2000].

⁵⁷³ См. подробнее: Фетищев 2003, с. 69–74.

⁵⁷⁴ См.: Горский 2004б, с. 172.

⁵⁷⁵ Родоначальником династии Суфи был золотоордынский эмир Нангудай, который был женат на дочери Узбека и погиб во время репрессий, устроенных Кильдибеком против сарайской аристократии, см.: Муин ад-Дин Натанзи [СМИЗО 2006, с. 255]; Шами [МИТТ 1939, с. 516]. По сведениям Йазди, на дочери Узбека по имени Шакирбек был женат не сам Нангудай («Тонгдай»), а его сын Ак-Суфи, младший брат хорезмских правителей [Йазди 2008, с. 77].

⁵⁷⁶ Йазди 2008, с. 102–103; Бартольд 2002 Хорезм, с. 548.

⁵⁷⁷ См.: Гончаров 2008, с. 60. Ср.: Миргалеев 2003б, с. 67

⁵⁷⁸ См. подробнее: Федоров-Давыдов 1964, с. 178; Мухамадиев 1983, с. 99–105.

⁵⁷⁹ Рогожский летописец: «Того же лета царь Токтамышъ убиль самъ свою царицу, нарицаемую Товлунъбека» [Рогожский летописец 2000, с. 124]. А. П. Григорьев отождествляет эту «Товлунъбеку» со старшей женой Токтамыша Тогай (или Тогайбек), дочерью крымского эмира Бек-Хаджи и матерью его шести сыновей [Григорьев 2004а, с. 109; см. также: Герцев, Могаричев 1993, с. 61]. Однако, на наш взгляд, «Товлунъбека» больше напоминает именно «Тулун-бек».

⁵⁸⁰ Ряд авторов считает, что упомянутые монеты 789 г. х. чеканены от имени неизвестного еще хана Бердибека II, которого П. Савельев отождествляет с Джалал ад-Дином, старшим сыном Токтамыша [Савельев

1865, с. 129–132; 246–248]. Другие вообще сомневаются в правильности прочтения имени или года чекана. На наш взгляд, на монете могло быть проставлено имя Бердибека — единственного известного хана с таким именем — как отражение намерения заговорщиков вернуть трон законной династии потомков Бату. Именно так в свое время хан Тюляк в своем ярлыке митрополиту Михаилу ссылался на волю Бердибека, хотя между ним и последним сменилось немало ханов: однако, с точки зрения потомка Бату, последним законным ханом в Сарае был именно Бердибек. Вероятно, приверженцы Тулунбек исходили из тех же соображений, чеканя монеты с именем этого хана. По мнению некоторых исследователей, заговорщики пытались заменить Токтамыша царевичем Тимур-Кутлугом. Однако, во-первых, он был Туга-Тимуридом, а не потомком Бату; во-вторых, согласно сообщению Йазди, он находился при дворе Токтамыша до 1388 г. и, следовательно, не участвовал в заговоре [Йазди 2008, с. 126].

⁵⁸¹ См.: Федоров-Давыдов 1973, с. 154.

⁵⁸² См.: Лебедев 1985; Камалов 2007, с. 88–89.

⁵⁸³ См.: Йазди 2008, с. 116; Камалов 2007, с. 89.

⁵⁸⁴ По некоторым сведениям, Токтамыша тогда же поддержал еще и кашгарский эмир Камар ад-Дин, вторгшийся в это время во владения Тимура с востока [Миргалеев 2003а, с. 11].

⁵⁸⁵ Йазди 2008, с. 123–126.

⁵⁸⁶ Йазди 2008, с. 126–127; Бартольд 2002 Хорезм, с. 548.

⁵⁸⁷ Первые посланцы Токтамыша в Египет прибыли еще в 786 г. х. (1384/1385 г.). Весьма примечательно, что годом позже прибыло еще одно посольство Токтамыша к султану Баркуку, привезшее подарки также и от Амира Тимура — следовательно, на тот момент они еще находились в союзе, см.: ал-Аскалани [СМИЗО 2005, с. 325].

⁵⁸⁸ Йазди сообщает, что Токтамыш собрал «войско улуса Джучи-хана из русов, черкесов, болгар, кипчаков из Крыма и Каффы, аланов из Азака» [Йазди 2008, с. 130]. Высказывались предположения, что в походе на Мавераннахр участвовали даже войска Нижегородского княжества, однако это не совсем так: Токтамыш действительно вызвал Бориса Городецкого с его дружиной, однако в последний момент отдал князю приказ дожидаться его возвращения в Сарае [см.: Фетищев 2003, с. 69].

⁵⁸⁹ См.: Егоров 1985, с. 220. По мнению исследователей, Токтамышу просто-напросто пришлось разделить войско на несколько частей и рассредоточить их по широкой площади: в зимнее время пастбища были слишком скудны, чтобы прокормить всю его многочисленную армию, поэтому пришлось часть войск отправлять в другие районы для сохранения конского поголовья.

⁵⁹⁰ См.: Йазди 2008, с. 133–139; Шараф-хан 1976, с. 92; Гумилев 1992б, с. 439–440.

⁵⁹¹ См.: Босворт 1971, с. 99–100; Лэн-Пуль 1996, с. 366; Рыжов 2004, с. 111.

⁵⁹² Согласно известной «Надписи Тимура 1391 г.», численность его войск достигала 200 или даже 300 тыс. чел. [Миргалеев 2003а, с. 19; ср.: Григорьев, Телицин, Фролова 2004, с. 18].

⁵⁹³ Йазди 2008, с. 140–141; Миргалеев 2003а, с. 17–18.

⁵⁹⁴ Йазди 2008, с. 141–142; Миргалеев 2003а, с. 18–19.

⁵⁹⁵ Подробности битвы см.: Йазди 2008, с. 147–150; Сафаргалиев 1996, с. 412–414; Миргалеев 2003а, с. 22–26.

⁵⁹⁶ Йазди 2008, с. 149–150. Кунче-оглан впоследствии принимал участие в битве на Тереке в составе войск Токтамышша [Йазди 2008, с. 197]. По сообщению Мирхонда, Кунче-оглан бежал от Тимура к Токтамышшу лишь накануне битвы на Тереке в 1395 г. [см.: Миргалеев 2003а, с. 32].

⁵⁹⁷ Ибн Халдун [СМИЗО 2005, с. 278–279]. Известны монеты «Султана (правосудного) Бек-Пулад-хана» 794 г. х. (1391/1392 г.) [Савельев 1865, с. 133–136]. По мнению М. Г. Сафаргалиева, в том же 1391 г. Сараем овладел Тимур-Култур, вскоре выбитый оттуда Токтамышем [Сафаргалиев 1996, с. 416–417].

⁵⁹⁸ См.: Федоров-Давыдов 1973, с. 157; Миргалеев 2003а, с. 28.

⁵⁹⁹ Известно, что Таш-Тимур в дальнейшем участвовал в войне Токтамышша с Тимуром в качестве ханского военачальника и вместе с тем чеканил в Крыму монету с собственным именем [Савельев 1865, с. 298–301; Смирнов 2005, с. 142–143]. По мнению И. М. Мирналеева, Таш-Тимур, до конца остававшийся верным Токтамышшу, после разгрома Бек-Пулада унаследовал его пост в ханской армии [Миргалеев 2003а, с. 28].

⁶⁰⁰ См.: Трепавлов 2001, с. 75–76.

⁶⁰¹ См. подробнее: Почекаев 20066.

⁶⁰² См.: ал-Аскалани, ал-Айни [СМИЗО 2005, с. 325, 373].

⁶⁰³ См.: Сафаргалиев 1996, с. 418–419; Миргалеев, Нуранеев 2003.

⁶⁰⁴ Йазди 2008, с. 193; Сафаргалиев 1996, с. 419; Камалов 2007, с. 90.

⁶⁰⁵ О битве см.: Йазди 2008, с. 196–198; Грумм-Гржимайло 1994, с. 126; Миргалеев 2003а, с. 29–34.

⁶⁰⁶ Ибн Арабшах [СМИЗО 2005, с. 341]; Руссев 2005, с. 98–99.

⁶⁰⁷ Йазди 2008, с. 199–204; см. также: Мурзакевич 1837, с. 56–57; Воскресенский 1999, с. 25–28; Филюшкин 2003, с. 364–366. Е. Ю. Гончаров, опираясь на данные нумизматики, полагает, что нашествие Тимура причинило не столь уж сильный ущерб Золотой Орде, и причины ее политического и экономического кризиса следует искать в действиях внутренних противников Токтамышша, периодически отторгавших от его владений различные уделы [Гончаров 2004, с. 194].

⁶⁰⁸ Согласно Йазди, Тимур, возведя Койричака на трон в Сарае, «дал ему царские доспехи, золотошвейную шубу и золотой ремень» [Йазди 2008, с. 198], что свидетельствует о вассалитете одаренного им золотоордынского владельца [см., напр.: Юзефович 2007, с. 91].

⁶⁰⁹ В летописях поход Енятка датируется то 6903 (1395), то 6907 (1399) г. В. А. Кучкин убедительно доказывает, что захват царевичем Нижнего Новгорода и ответные действия московских войск имели место в 1395–1396 гг., а не 1399–1400 гг. [Кучкин 2001, с. 220–224].

⁶¹⁰ Йазди еще под 1404 г. упоминает Таш-Тимура среди потомков Чингисхана, находившихся при дворе Тимура [Йазди 2008, с. 335, 342].

⁶¹¹ Ибн ал-Фурат, ал-Аскалани [СМИЗО 2005, с. 267, 327]. По мнению В. Д. Смирнова, в трудах арабских авторов присутствует путаница, и следует отдать предпочтение сообщению ал-Айни о том, что не Токтамыш осаждал Кафу в 1397 г., а его противник Идигу годом позже — в качестве отмщения за поддержку генуэзцами Токтамыша [Смирнов 2005, с. 143–144]; см. также: ал-Айни [СМИЗО 2005, с. 374]. Однако, на наш взгляд, речь идет о двух разных осадах, поскольку сообщение о войне Токтамыша с итальянскими колониями присутствует также и в Никоновской летописи: «Того же лета царь Тахтамышъ Болшіа Орды воевалъ Поморскіа грады» [ПСРЛ 2000б, с. 167].

⁶¹² ПСРЛ 2000б, с. 167; Карамзин 1993, с. 92.

⁶¹³ См.: Черкас 2007, с. 145.

⁶¹⁴ ПСРЛ 2000б, с. 172. См. также: Греков 1975, с. 225–228; Асиновский 1997; Почекаев 2006б, с. 217–218.

⁶¹⁵ ПСРЛ 2000б, с. 173; Греков 1975, с. 230–231.

⁶¹⁶ ПСРЛ 2000б, с. 173–174; Карамзин 1993, с. 95–96; Сафаргалиев 1996, с. 433–435.

⁶¹⁷ См.: Миргалеев 2003, с. 147–148; Маслюженко 2007, с. 86–87. Правда, уже с 1410-х гг. во главе этого владения стояли не Туга-Тимуриды, а Шибаниды.

⁶¹⁸ Согласно Ибн Арабшаху, «дошло до того, что они сразились между собой 15 раз; (причем,) раз тот одержит верх над этим, а другой раз — этот над тем» [СМИЗО 2005, с. 340].

⁶¹⁹ Йазди 2008, с. 342; Клавихо 1990, с. 143.

⁶²⁰ Ибн Арабшах сообщает: «Пятнадцатое сражение было не в пользу Идику: он был разбит и рассеян, обращен в бегство и прогнан. И погрузились он да около 500 из его приближенных в море песчаное, которого никто не знает. Токтамыш стал единодержавцем в царстве, и очистился для него Дешт-Берке, но при всем том он жаждал известий об Идику и делах его да очень желал собрать сведения о том, как он погиб в песках своих. Так прошло около полугода; исчезли след его из глаз и молва о нем с языков... [СМИЗО 2005, с. 341].

⁶²¹ Русские летописи сообщают о том, что Токтамыш погиб в Сибири от рук Шадибека [ПСРЛ 1843, с. 109; ПСРЛ 1977, с. 94; см. также: Миргалеев 2003б, с. 148]. Согласно сообщению Ибн Халдуна, Токтамыша убил Тимур в 1395 г. [СМИЗО 2005, с. 279; ср. с ал-Кадкашанди: СМИЗО 2005, с. 289], ал-Аскалани утверждает, что хан был убит Тимур-Кутлугом в 798 г. х. (1395/1396 г.), однако под следующим годом уже упоминает о сражении Токтамыша с генуэзцами [СМИЗО 2005, с. 326–327; см. также: Смирнов 2005, с. 143]. Ибн Арабшах сообщает, что Идигу выследил и убил хана [СМИЗО 2005, с. 341–342; см. также: Фахретдин 1996, с. 109]. Версия о гибели Токтамыша от рук Нур ад-Дина, сына Идигу, носит более легендарный характер: она содержится в эпосе «Идегей» [Идегей 1990, с. 168–180]. Версия Муин ад-Дина Натанзи и в данном случае стоит особняком: по его сведениям, Токтамыш «умер естественной смертью в 800 г. х. (24 сентября

1397 — 12 сентября 1398 г.) в пределах Тулина» [Муизз 2006, с. 262; ср.: Греков Якубовский 1998, с. 281; Миргалеев 2003, с. 148].

⁶²² Родословная 1958, с. 44; Идегей 1990, с. 17. См. также: Трепавлов 2001, с. 64, 86–87; Маслюженко 2004. Естественно, подобная генеалогия должна была создать Идигу имидж последовательного борца за распространение ислама в Золотой Орде: сведения о его «просветительской деятельности» имеются и в различных исторических сочинениях [см.: СМИЗО 2005, с. 343; Клавихо 1990, с. 143; Барбаро 1971, с. 140], а также легитимировать его претензии на высшую (хотя и не монаршую) власть над Золотой Ордой. Князья Юсуповы, потомки Идигу, выводили его родословную (опять же через «Кутлукаю») от некоего «Магамета», который «был... в Дамаске царем» [см.: Vasary 1995, p. 736–737].

⁶²³ См.: Бартольд 1963б, с. 798; Курмансеитова 1993, с. 96. Эти данные совершенно противоречат попыткам представить Идигу как представителя незнатного рода [см.: Трепавлов 2001, с. 64, 88].

⁶²⁴ Йазди 2008, с. 85.

⁶²⁵ Муин ад-Дин Натанзи [СМИЗО 2006, с. 259–260]; Бартольд 1963б, с. 799; Трепавлов 2001, с. 69.

⁶²⁶ Идигу погиб в 1419 г. в возрасте 67 лет [см.: Урманче 1999, с. 136].

⁶²⁷ Йазди 2008, с. 85. Высказывалось предположение, что Идигу тогда поссорился и с собственным отцом Балтычаком [см.: Заплотинский 2007, с. 14].

⁶²⁸ В. В. Трепавлов отмечает, что прямых сообщений источников об участии Идигу в борьбе Токтамыша с детьми Уруса не имеется [Трепавлов 2001, с. 65].

⁶²⁹ Муин ад-Дин Натанзи [СМИЗО 2006, с. 206]. В. В. Бартольд считает историю гибели Балтычака легендой, впоследствии кочевавшей из одного исторического сочинения в другое [Бартольд 1963б, с. 799–800].

⁶³⁰ Йазди 2008, с. 116.

⁶³¹ См. подробнее: Трепавлов 2001, с. 65.

⁶³² У некоторых восточных авторов присутствует объяснение причин, побудивших Идигу рассориться с Токтамыш-ханом. Так, например, Ибн Арабшах пишет, что Идигу стал опасаться «свирепого нрава» хана и бежал после ханских угроз [СМИЗО 2005, с. 331–332]. Еще один арабский автор более позднего времени, Абу Мухаммад Мустафа ибн Хасан, также сообщает, что «Идику ал-Узбеки... испытал притеснения со стороны Туктамыш-хана» [Миргалеев 2007, с. 63].

⁶³³ Йазди 2008, с. 115–116. В. В. Трепавлов считает, что Идигу занял при Токтамыше пост бекляри-бека, как впоследствии и его брат Иса [Трепавлов 2001, с. 65, 74], однако это предположение не подкрепляется прямыми сообщениями источников, в которых Идигу выступает в роли бекляри-бека лишь с 1390-х гг. при хане Тимур-Кутлуге, а Иса — в 1400-е гг. при Пулад-хане.

⁶³⁴ См. Трепавлов 2001, с. 65.

⁶³⁵ В. В. Трепавлов относит бегство Идигу от Токтамыша к 1389 г. [Трепавлов 2001, с. 65]. См. также: Миргалеев 2007, с. 63.

⁶³⁶ Большинство исследователей считает Тимур-Кутлуга сыном Тимур-Малика — хана Синей Орды, свергнутого Токтамышем. Причина тому — сообщения восточных историков, которые, вероятно, не всегда правильно ориентировались в генеалогиях ордынских ханов [см., напр.: СМИЗО 2006, с. 263; Миргалеев 2007, с. 18, 63]. В ряде трудов происхождение Тимур-Кутлуга представлено совершенно иначе: Тимур-Кутлуг б. Тимур-бек(-хан) б. Кутлуг-Тимур б. Нумкан б. Абай б. Кин-Тимур б. Туга-Тимур б. Джучи [Муизз 2006, с. 46; Таварих-и гузида 1969, с.40; см. также: Гаев 2002, с. 54; ср.: Алексеев 2005, с. 12]. Улугбек также не считает Тимур-Кутлуга сыном Тимур-Малика, который у него фигурирует под именем (Тимур-)Тилак-хана, а Тимур-Кутлуг называется «сыном Тимур-бек-оглана» [Улугбек 2007, с. 104–105, 107]. Наконец, в сочинении Йазди встречаются два разных персонажа — «Темур Кутлуг Оглан» и «Кутлук Темур Оглан, сын Темур Малик-хана» [Йазди 2008, с. 126, 140].

⁶³⁷ См.: Йазди 2008, с. 140. Именно здесь у Йазди в качестве «проводника» Тимура фигурирует не Тимур-Кутлуг, а «Кутлук Темур», сын Тимур-Малик-хана!

⁶³⁸ См.: Оболенский 1850, с. 37–38, 51; Курмансеитова 1993, с. 94–95.

⁶³⁹ Ибн Арабшах [СМИЗО 2005, с. 338–339]; Йазди 2008, с. 149. По мнению И. М. Миргалеева, Идигу и Тимур-Кутлуг покинули Тимура только в 1395 г., после битвы на Тереке, а до этого Идигу с 1376 г. так и находился при дворе Железного Хромца [Миргалеев 2000, с. 61]. Однако это предположение противоречит сведениям летописей и официальных документов, в которых Идигу в конце 1380-х гг. фигурирует среди приближенных Токтамыш-хана.

⁶⁴⁰ Возможно, именно это дает основание ряду исследователей считать его сыном и, следовательно, законным преемником Тимур-Малик-хана, внуком Уруса.

⁶⁴¹ СМИЗО 2005, с. 343.

⁶⁴² В. В. Трепавлов датирует это соглашение 1396–1397 гг. [Трепавлов 2001, с. 76], однако, по нашему мнению, его следует отнести к событиям, предшествовавшим второму походу Амира Тимура на Золотую Орду. Во-первых, новый формат взаимоотношений между Токтамышем и Идигу позволяет объяснить нейтралитет последнего в боевых действиях 1395–1396 гг., во-вторых, после 1395 г. Токтамыш не обладал реальной властью, и поэтому союз с ним вряд ли мог представлять интерес для Идигу.

⁶⁴³ В эпическом сказании «Идегей» присутствуют, в частности, следующие строки: «У Барака, что был знаменит, Я забрал таможенный мыт» [Идегей 1990, с. 207]. На основании этого пассажа В. В. Трепавлов предположил, что к Идигу могли перейти права и полномочия огланов по сбору налогов [Трепавлов 2001, с. 76]. Однако упоминание именно Барака в этом контексте, скорее всего, является анахронизмом: этот царевич, сын Койричака и внук Урус-хана, в то время, вероятно, был еще малолетним, его активная деятельность начинается уже после смерти Идигу, в 1420-е гг.

⁶⁴⁴ О провозглашении Тимур-Кутлуга ханом на Урале (Яике), т. е. во владениях Идигу, сообщает, в частности, Мирхонд [Миргалеев 2007, с. 37].

⁶⁴⁵ Трепавлов 2001, с. 74.

⁶⁴⁶ См.: Валиханов 1984, с. 234; Зайцев 2004а, с. 25. Известия о провозглашении Тимур-Кутлуга ханом именно в Хаджи-Тархане дал основание русским летописцам считать, что он был «первой царь на Астрахани» [см.: Вельяминов-Зернов 1863, с. 49].

⁶⁴⁷ По некоторым сведениям, Койричак был изгнан из Сарая уже в 1396 г. [Фетищев 2003, с. 184].

⁶⁴⁸ ПСРЛ 20006, с. 167; Грумм-Гржимайло 1994, с. 127

⁶⁴⁹ См.: ал-Айни [СМИЗО 2005, с. 374]; Клавихо 1990, с. 143. С начала XV в. Кафа формально находилась в подданстве у ханов Золотой Орды, что подтверждается монетами с именами ордынских ханов, чеканившихся в городе, начиная с правления Шадибека [см.: Пачкалов 2004, с. 160, 168; Хромов 2005б].

⁶⁵⁰ ПСРЛ 20006, с. 173.

⁶⁵¹ ПСРЛ 1949, с. 229; ПСРЛ 20006, с. 174. См. также: Греков 1975, с. 231–232.

⁶⁵² См.: Йазди 2008, с. 335; Миргалеев 2003, с. 147 Руи Гонсалес де Клавихо, кастильский посол при дворе Амира Тимура в 1403–1406 гг., сообщает, что в это время «в Тарталии возвысился один кавалер по имени Еденгуй (Едигей), подвластный Тамурбеку, и теперь у Тамурбека нет большого врага, чем этот Еденгуй» [Клавихо 1990, с. 142].

⁶⁵³ Ибн Арабшах [СМИЗО 2005, с. 342]; Абд ар-Раззак Самарканди [СМИЗО 2006, с. 367–368, 370]. См. также: Сафаргалиев 1996, с. 437; Трепавлов 2001, с. 90; Миргалеев 2003б, с. 147. В. В. Трепавлов отмечает, что даже в условиях открытой вражды с наследниками Тимура Идигу сохранил в Тимуридской державе некие владения, пожалованные ему Железным Хромцом во время пребывания мангытского эмира при его дворе. Исследователь называет в качестве таких владений Шираз, который, по его мнению, потомки Идигу стойко удерживали еще в 1408 г. и даже убили Абу Бакра, внука Тимура, при попытке отнять у них этот город [Трепавлов 2001, с. 67]. Однако в данном случае в источниках речь идет о детях не мангытского эмира Идигу, а его тезки — Идигу б. Гийас ад-Дина из племени барлас, сородича и давнего сподвижника Тимура [Йазди 2008, с. 167; Муизз 2006, с. 111].

⁶⁵⁴ См., напр.: Муин ад-Дин Натанзи [СМИЗО 2006, с. 263].

⁶⁵⁵ Аргументами в пользу этого могут служить и самостоятельные поначалу переговоры Тимур-Кутлуга с Витовтом перед битвой на Ворскле, и его последующие действия — в летописных источниках именно он, а не Идигу, упомянут в качестве предводителя ордынских войск, осаждавших Киев и разорявших другие города и области Литвы [ПСРЛ 20006, с. 174].

⁶⁵⁶ Например, арабский историк Бадр ад-Дин ал-Айни под 802–804 и 814 гг. х. (1399–1402, 1411/1412 гг.) сообщает, что «государем Дешта, Сарая и Северных стран был царь Идики», несмотря на то что сам же упоминает о представителях рода Чингис-хана, которых эмир ставил «в виде хана» [СМИЗО 2005, с. 374].

⁶⁵⁷ Различные версии гибели Токтамыша приведены в предыдущем очерке.

⁶⁵⁸ Муин ад-Дин Натанзи сообщает: «Так как Идигу установил тонкие обычаи (тура) и великие законы (йасак) и люди из привольности попали в стеснение, то Шадибек тайно хотел уничтожить его» [СМИЗО 2006, с. 263].

⁶⁵⁹ Муин ад-Дин Натанзи [СМИЗО 2006, с. 263]; Сейфеддини 1981, с. 152–154.

⁶⁶⁰ О гибели Шадибека «в стычке с людьми, посланными за ним в погоню Едигеем» сообщает и Иоганн Шильтбергер [Шильтбергер 1984, с. 35]. По некоторым нумизматическим данным, это случилось не в 1409, а в 1411 или даже 1412 г. [см., напр.: Марков 2008, с. 66–70].

⁶⁶¹ См.: ПСРЛ 20006, с. 194, 206; Горский 2000, с. 126–127, 132.

⁶⁶² ПСРЛ 20006, с. 209. По мнению А. А. Горского, в Москве не знали о причинах столь скорого отступления Идигу от Москвы [Горский 2000, с. 127]. Однако это мнение опровергается сообщениями и летописных источников, и даже фольклорной «Повестью о Едигеевом нашествии», в которой весьма недвусмысленно излагаются причины снятия осады Москвы [см.: Конявская 2006, с. 98].

⁶⁶³ Исследователи полагают, что этим сыном Токтамыша (имя которого в источниках не называется) был его первенец Джалал ад-Дин [см., напр.: Сафаргалиев 1996, с. 439; Горский 2000, с. 127], однако мы полагаем, что больше оснований отдать эту роль Керим-Берди. Прежде всего, нет никаких сведений о союзе Джалал ад-Дина с Московским княжеством (А. П. Григорьев вполне резонно замечает, что сообщение Ибн Арабшаха об уходе Джалал ад-Дина после гибели отца в Россию [СМИЗО 2005, с. 342] вовсе не означает, что он укрылся именно в московском княжестве, а не в литовской Руси [Григорьев 1988, с. 71]). Более того, на основании источников можно сделать вывод о его враждебном отношении к Руси, тогда как Керим-Берди, напротив, после гибели отца нашел прибежище в Москве и, став ханом, проводил именно промосковскую политику, что вызывало негативную реакцию Литвы [см.: Грумм-Гржимайло 1994, с. 133].

⁶⁶⁴ Текст этого документа сохранился в составе русских летописных источников. А. П. Григорьев считает, что «ярлык Едигея» является своеобразным памфлетом — творением московской великокняжеской канцелярии; иронический характер этого документа особенно подчеркивает его название «ярлык»: не являясь ханом, Идигу не имел права направлять ярлыки кому бы то ни было [Григорьев 1988; ср.: Горский 2000, с. 128–131]. Полагаем, однако, что этот «ярлык» мог иметь под собой реальную основу — подлинное послание Идигу Василию I.

⁶⁶⁵ Абд ар-Раззах Самарканди [СМИЗО 2006, с. 365–366]; Греков, Якубовский 1998, с. 293–294.

⁶⁶⁶ Обстоятельства переворота 1411 г. и крушения власти Идигу изложены в источниках довольно противоречиво. Так, например, Ибн Арабшах называет хана Тимура очередным ставленником мангытского эмира, который в дальнейшем выступил против него [СМИЗО 2005, с. 343]. Абд ар-Раззак Самарканди также сообщает, что он мирно пришел к власти после смерти своего брата Пулада [СМИЗО 2006, с. 368]. Русские летописцы просто сооб-

щают под 6919 (1411) г., что «сяде на царстве в Орде царь Темиръ, а Едигей князь вмаде убежа» [ПСРЛ 2000б, с. 215]. Таким образом, возможно, что Тимур-хан пришел к власти и не как противник Идигу; более того, он даже был женат на дочери бекляри-бека [см.: Греков, Якубовский 1998, с. 292].

⁶⁶⁷ См.: Трепавлов 2001, с. 83. См. также: Langles 1802, p. 386–387.

⁶⁶⁸ По мнению М. Г. Сафаргалиева, Джалал ад-Дин начал борьбу за трон еще при Пулад-хане в 1410 г.: литовский князь Витовт, благодарный сыну Токтамыша за помощь в знаменитой Грюнвальдской битве (15 июля 1410 г.), в свою очередь, помог ему выгнать наместников Пулад-хана из Крыма, а затем и покончить с самим Пуладом. Некоторое время спустя Идигу удалось вытеснить Джалал ад-Дина из Поволжья и возвести на трон Тимур-хана [Сафаргалиев 1996, с. 439; см. также: Греков 1975, с. 279; Вернадский 2000, с. 296].

⁶⁶⁹ По-видимому, именно так следует понимать загадочную фразу Абд ар-Раззака Самарканди: «Джалал ад-Дин-султан был признателен амиру Газану и послал ему (такую) грамоту: “Газан — наш хан (?); приказание его признавайте за наши повеления”» [СМИЗО 2006, с. 369]. Ю. Шамильоглу считает Газана бекляри-беком Тимур-хана [Schamiloglu 1986, p. 189].

⁶⁷⁰ Абд ар-Раззак Самарканди [СМИЗО 2006, с. 368–371].

⁶⁷¹ В летописных источниках Кебек фигурирует под загадочным именем «Бетсбул» (Betsabul), «Бетсбулан» или «Беш-Сабулу» и считается, почему-то, что был убит своим братом Керим-Берди [см.: Смирнов 2005, с. 178; Грумм-Гржимайло 1994, с. 133; Греков, Якубовский 1998, с. 294–295].

⁶⁷² См.: Греков, Якубовский 1998, с. 301.

⁶⁷³ Шильтбергер сообщает, что Керим-Берди правил всего пять месяцев [Шильтбергер 1984, с. 36]. Однако его монеты чеканились до 1416 г. [см.: Федоров-Давыдов 1960, с. 173; Рева, Шарафеев 2004, с. 93]. По мнению ряда исследователей (в частности, Й. Хаммер-Пургшталля и Б. Шпулера), к концу правления Керим-Берди примирился с Идигу, и они вместе стали действовать против литовского ставленника Джаббар-Берди [см.: Hammer-Purgstall 1840, s. 376–377; Миргалеев, Минуллин 2001; ср.: Горский 2000, с. 135]. Такой вариант был бы возможен только в одном случае — если бы Чокре, ставленник Идигу, погиб, и бекляри-беку срочно понадобился бы новый хан. Однако, согласно сообщению Абд ар-Раззака Самарканди, Джаббар-Берди враждовал именно с Чингиз-огланом, т. е. Чокре [СМИЗО 2006, с. 372]. Кроме того, при Идигу находились несколько близких родичей Чокре, каждый из которых мог быть более удобным подставным ханом, нежели Керим-Берди, сын Токтамыша — смертельного врага Идигу. Двое из них, Сайид-Ахмад и Дервиш, впоследствии и в самом деле стали ханами при поддержке Идигу.

⁶⁷⁴ Иоганн Шильтбергер, современник и участник междоусобиц 1410-х гг., сообщает, что Чокре погиб в борьбе с неким претендентом на трон по имени Мухаммад, которого обычно отождествляют с Улуг-Мухаммадом [Шильтбергер 1984, с. 36, прим 118]. Однако есть основания усомниться в сообщении немецкого наемника, поскольку последние упоминания о Чокре относятся к 1416/1417 г., тогда как Улуг-Мухаммад выходит на историческую сцену не раньше 1419 г. [см.: Сафаргалиев 1996, с. 444].

⁶⁷⁵ Монеты этого Сайид-Ахмада чеканились только в 819 г. х. (1416/1417 г.) [Рева, Шарафеев 2005; см. также: Барбаро 1971, с. 140; Langles 1802, р. 389].

⁶⁷⁶ См.: Сафаргалиев 1996, с. 445. Многие исследователи без оснований полагают, что Нур ад-Дин правил мангытами после смерти Идигу в 1426–1440 гг. В. В. Трепавлов резонно раскритиковал подобные утверждения, показав, что первенец бекляри-бека умер раньше отца. Вполне возможно, что он погиб вместе со своим ханом Джаббар-Берди. По другим сведениям, Нур ад-Дин был бекляри-беком при хане Кадыр-Берди б. Токтамыше [см.: Трепавлов 2001, с. 83–84].

⁶⁷⁷ Г. Е. Грумм-Гржимайло и В. В. Трепавлов считают его Шибанидом [Грумм-Гржимайло 1994, с. 134; Трепавлов 2001, с. 585]. Однако его родословная четко прописана в «Муизз ал-ансаб»: Дарвиш б. Тукрак б. Алты-Куртука б. Туктай б. Тимур-Ходжа б. Тактак б. Ачик б. Урункташ б. Туга-Тимур б. Джучи [Муизз 2006, с. 44–45; ср.: Гаев 2002, с. 32, 55]. Он приходился племянником вышеупомянутому Сайид-Ахмаду и двоюродным племянником Чокре [см.: Рева, Шарафеев 2005, с. 59].

⁶⁷⁸ См.: Сафаргалиев 1996, с. 445.

⁶⁷⁹ Цит. по: Грумм-Гржимайло 1994, с. 133.

⁶⁸⁰ По мнению Г. Е. Грумм-Гржимайло, мир был заключен [Грумм-Гржимайло 1994, с. 133], однако М. Г. Сафаргалиев сомневается в этом, поскольку в том же 1419 г. году в Орде появился новый хан Кадыр-Берди б. Токтамыш, поддержанный Витовтом и, в конце концов, победивший Идигу [Сафаргалиев 1996, с. 445–446].

⁶⁸¹ Именно этим годом датированы последние монеты с его именем [Хромов 2002; ср.: Северова 1994; Лебедев 2000б, с. 13]. О «солхатском императоре, друге Витовта» упоминает Жильбер де Ланнуа, посол герцога Бургундского, ездивший в Крым в 1421 г. [Ланнуа 1873, с. 43; см. также: Смирнов 2005, с. 162]. М. Г. Сафаргалиев отождествляет этого императора с Кадыр-Берди [Сафаргалиев 1996, с. 447], а А. Г. Гаев — с Бек-Суфи [Гаев 2002, с. 36]. Вполне возможно, что Витовт решил поддержать Бек-Суфи после гибели своего прежнего ставленника Кадыр-Берди.

⁶⁸² Согласно Ибн Арабшаху, у Идигу было «около 20 сыновей, из которых каждый был царь владычный, имевший (свой) особый удел, войска и сторонников» [СМИЗО 2005, с. 343].

⁶⁸³ См.: Валиханов 1984, с. 234. Сведения источников о гибели Идигу и Кадыр-Берди весьма противоречивы. Так, согласно версии ал-Айни, два врага встретились в сражении, в котором Кадыр-Берди погиб, а Идигу умер от ран [СМИЗО 2005, с. 375; Вернадский 2000, с. 295]. Высказывались предположения, что Идигу погиб в Крыму, а Кадыр-Берди — на Урале [см., напр.: Греков 1975, с. 269], однако, на наш взгляд, представляется, что было, скорее, наоборот: Кадыр-Берди, имевший возможность бороться за Крым при поддержке Витовта, вряд ли рискнул бы зайти за Урал, тогда как выдворенный из Крыма Идигу, по-видимому, встретил свой конец на территории своих прежних владений. Сообщение Ибн Арабшаха о том, что тело Идигу было вытасчено из Сейхуна (Сырдарья) или обнаружено у Сарайчука [СМИЗО

2005, с. 343; см. также: Греков, Якубовский 1998, с. 295; Трепавлов 2001, с. 81], подтверждает нашу версию. В качестве даты гибели Идигу называются также 1422 и даже 1430/1431 г. [см.: Hammer-Pugstall 1840, s. 384; Грумм-Гржимайло 1994, с. 135; Трепавлов 2001, с. 85].

⁶⁶⁴ О трансформации образа Идигу из исторического деятеля в эпического героя см. подробнее: Урманче 1999, с. 136–181.

⁶⁶⁵ Валиханов 1984, с. 234. См. также: Исаков 20026, с. 69. В. Д. Смирнов приводит другое предание, согласно которому сам Улуг-Мухаммад после своего воцарения приказал отыскать и прикончить Идигу [Смирнов 2005, с. 179; см. также: Langles 1802, p. 391].

686 См. Муизз 2006, с. 45; Гаев 2002, с. 54.

⁶⁶⁷ Исследователи высказывают противоречивые мнения относительно происхождения Улуг-Мухаммада. Некоторые называют его сыном Джалал ад-Дина, старшего сына Токтамыша [см.: Базилович 2001, с. 51–52; Худяков 1996, с. 543; Похлебкин 2000, с. 78; Мухамадиев 2005, с. 187]. Их мнение опровергает... сам Улуг-Мухаммад-хан, который в послании к турецкому султану Мехмеду II называет Токтамыша своим «старшим братом» [Султанов 1975, с. 54; Зайцев 20046, с. 51] — так золотоордынские ханы именовали своих предшественников на троне, не являвшихся их прямыми предками (последние в официальной документации назывались «отцами») [Kurāt 1940, s. 23; см. также: Мустакимов, Баязитова 2005]. Другие авторы называют его сыном Тимур-хана и внуком Тимур-Кутлуга [Фахретдин 1996, с. 115; Марджани 2005, с. 100], однако они смешивают его с его соперником Кичи-Мухаммадом, который действительно был сыном Тимур-хана. Русские средневековые авторы однозначно именуют Улуг-Мухаммада сыном «Асан Улана» и племянником «Баштемир Царя», т. е. Таш-Тимура [Родословная 2000, с. 379–380]. Это в полной мере соответствует средневековым восточным генеалогиям [Муизз 2006, с. 45; Таварих-и гузида 1969, с. 39; Алексеев 2005, с. 11]. См. также: Султанов 1975, с. 55; Исаков 20026; Хамидуллин 2002, с. 127.

⁶⁶⁸ Сохранился тарханный ярлык Улуг-Мухаммада крымским землевладельцам Тоглу-баю и Хызру. И. Н. Березин считал его ярлыком крымского хана Мухаммад-Гирея I и датировал 923 г. х. (1517 г.) [Березин 1872, с. 17–23]. А. П. Григорьев в 1980-е гг. сумел доказать, что на самом деле эта грамота выдана Улуг-Мухаммадом в 823 г. х. (1420 г.) [Григорьев 2006, с. 116–118].

⁶⁶⁹ См.: Марков 2008, с. 77; см. также: Пачкалов 2004, с. 160–161. Нарративные источники и опирающиеся на них исследователи также сообщают, что Улуг-Мухаммад вступил на трон вскоре после гибели Идигу [см.: СМИЗО 2005, с. 375; Смирнов 2005, с. 163–164; Греков, Якубовский 1998, с. 300]. М. Г. Сафаргалиев полагает, что Улуг-Мухаммад впервые стал ханом в 1421 г. [Сафаргалиев 1996, с. 449; см. также: Мухамадиев 2005, с. 184].

⁶⁹⁰ См.: Кухистани 1958, с. 86; Ахмедов 1965. Отметим, впрочем, что персоязычные историки именовали золотоордынцев узбеками уже со времен Урус-хана [см.: Греков, Якубовский 1998, с. 224–227].

⁶⁹¹ Любопытно, что Улугбек поначалу поддерживал дипломатические отношения с Улуг-Мухаммадом и даже обменивался с ним дружественными посланиями в 824 и 825 гг. х. (1421–1422) [СМИЗО 2006, с. 373–374; Григорьев 2006, с. 118].

⁶⁹² Ряд авторов считает Худайдада и Кебека, сына Токтамыша, одним и тем же лицом [см., напр.: Ахмедов 1965, с. 39; Грумм-Гржимайло 1994, с. 134; Schamiloglu 1986, p. 193], но такое мнение опровергается генеалогическими сочинениями [Муизз 2006, с. 45; Гаев 2002, с. 54].

⁶⁹³ Улугбек вполне определенно говорит, что этот Гийас ад-Дин был сыном Шадибека [Улугбек 2007, с. 111]. А. Г. Мухамадиев называет Гийас ад-Дина основателем Казанского ханства, однако выводит его родословную от крымских Туга-Тимуридов и считает его сыном Таш-Тимура, братом Девлет-Берди и отцом Хаджи-Гирея [Мухамадиев 2005, с. 186–189]. А. Г. Гаев вполне обоснованно полагает, что именно сыну Шадибека, а не неизвестному крымскому царевичу могло подчиниться Поволжье [Гаев 2002, с. 33–34].

⁶⁹⁴ ПСРЛ 1949, с. 245.

⁶⁹⁵ ПСРЛ 2000б, с. 238–239; Сафаргалиев 1996, с. 451; Горский 2000, с. 137–138. Примечательно, что сын Худайдата, царевич Бердедат, позднее поступил на русскую службу: по-видимому, его отец действовал против Литвы, но не против московского великого князя.

⁶⁹⁶ Между 1421 и 1433 гг. в Кафе чеканились монеты с именем Улуг-Мухаммад-хана [Ретовский 1906, с. 22; Iliescu 1989, p. 34, 37].

⁶⁹⁷ В письме турецкому султану Мураду II, написанном в 1428 г., Улуг-Мухаммад сообщает: «В позапрошлом году с божьей милостью войско двинулось в поход, и мы обратили в бегство Барака и Мансура» [Султанов 1975, с. 54]. Согласно ал-Айни, в 830–831 гг. х. (1426–1428 гг.) Улуг-Мухаммад («Мухаммадхан») был властителем «Крыма и Сарая».

⁶⁹⁸ Абд ар-Раззак Самарканди [СМИЗО 2006, с. 376–377].

⁶⁹⁹ См.: Трепавлов 2001, с. 94.

⁷⁰⁰ Сафаргалиев 1996, с. 451. А. Г. Мухамадиев отмечает, что Гийас ад-Дин, правитель Казани, в это время чеканил монету с именем Улуг-Мухаммада, признавая его своим сюзереном (независимым правителем он провозгласил себя после свержения Мухаммад-хана) [Мухамадиев 2005, с. 186–187].

⁷⁰¹ Шильтбергер 1984, с. 36.

⁷⁰² См.: Греков, Якубовский 1998, с. 301; Гайворонский 2007, с. 16. Особняком стоит мнение А. Г. Мухамадиева, который пытается доказать, что еще в 1428 г. Улуг-Мухаммад действовал против Девлет-Берди. Свое мнение он обосновывает собственным переводом письма Улуг-Мухаммада Мураду II (датировано 14 марта 1428 г.), предлагая читать строки из него следующим образом: «Что касается Девлет-Берди, то мы опять с помощью Бога, согласно ясе добрых предков, крепко ударили» [Мухамадиев 1983, с. 133], либо «Что же касается Давлет-Бирди, успешно воюем с ним с помощью Бога и по ясе (обычаю) древних предков» [Мухамадиев 2005, с. 188]. Отметим, однако, что Т. И. Султанов совершенно иначе переводит этот фрагмент: «Трон и царство всевышний вручил нам, они же [Борак и Мансур. — Р. П.] бежали прочь,

собрал свои наемные отряды» [Султанов 1975, с. 54]. Ю. Шамильоглу, ссылаясь на Б. Шпулера, также упоминает о попытке Девлет-Берди овладеть Крымом в 1429 г. [Schamiloglu 1986, p. 194].

⁷⁰³ А. Е. Гайворонский высказывает предположение, что Мухаммад-хан назначил своим наместником в Крыму юного Хаджи-Гирея, племянника Девлет-Берди (сына его брата Гийас ад-Дина б. Таш-Тимура) [Гайворонский 2007, с. 16]. Однако А. Г. Гаев, ссылаясь на старинное предание, утверждает, что Сайид-Ахмад при вступлении на трон (в 1433 г.) умертвил Гийас ад-Дина и его брата Али-бея, сыновей Таш-Тимура [Гаев 2002, с. 37]. Гийас ад-Дин был отцом Хаджи-Гирея, следовательно, скорее, именно он мог стать наместником Улуг-Мухаммада в Крыму.

⁷⁰⁴ См.: Langles 1802, p. 395; СМИЗО 2006, с. 378; Трепавлов с. 94. По сведениям Шильтбергера, Борака был убит его (т. е. Шильтбергера) «господином Мухаммадом», но непонятно, какого из противоборствующих ханов с таким именем он имел в виду — Улуг-Мухаммада, Кичи-Мухаммада или Хаджи-Мухаммада. М. Г. Сафаргалиев считает, что победителем Борака был Хаджи-Мухаммад-хан [Сафаргалиев 1996, с. 455–456].

⁷⁰⁵ Султанов 1975; Зайцев 2004б, с. 49–65; Рэхимова 1996; Pieпагу 2002.

⁷⁰⁶ Ал-Айни [СМИЗО 2005, с. 376].

⁷⁰⁷ Зайцев 2004б, с. 54–56; Миргалеев, Камалов 2008, с. 91.

⁷⁰⁸ Около 1470 г. Джанибек и Гирей стали первыми правителями Казахского ханства [Султанов 2006, с. 262].

⁷⁰⁹ По мнению В. В. Трепавлова и И. В. Зайцева, Кичи-Мухаммад впервые был выдвинут в ханы еще в 822 г. х. (1419/1420 г.) при поддержке Мансура б. Идигу, однако вскоре последний решил перейти на сторону Борака и оставил своего малолетнего протеже, который без его поддержки не имел возможности бороться за власть [см.: Трепавлов 2001, с. 93–94; Зайцев 2004а, с. 28]. Однако, на наш взгляд, в источниках, на которые опираются исследователи, были, скорее всего, смешаны два хана-тезки [см. также: Гаев 2002, с. 36]: несомненно, в 1419 или 1420 г. к власти пришел Улуг-Мухаммад, и его «анти-идигеевская» позиция заставила ногайских князей искать опору среди восточных Джучидов.

⁷¹⁰ Ал-Макризи [СМИЗО 2005, с. 313]. См. также: Хамидуллин 2003.

⁷¹¹ Кухистани 1958, с. 86; Трепавлов 2001, с. 94, 96.

⁷¹² ПСРЛ 2001, с. 95. См. также: Худяков 1996, с. 550; Флоря 2001, с. 175; Kurat 1940, s. 29.

⁷¹³ Карамзин 1993, с. 140.

⁷¹⁴ ПСРЛ 1949, с. 249; Зимин 1991, с. 46; Мельников 2001, с. 103. Московский дипломат сослался на некий прежний ярлык Улуг-Мухаммада, согласно которому Василий II уже был признан великим князем. По мнению А. А. Горского, этот ярлык мог быть выдан Улуг-Мухаммадом во время его пребывания в Литве, ок. 1424 г., когда Василий II, внук Витовта, посетил деда и сумел убедить хана признать его наследником его отца, великого князя Василия I Дмитриевича [Горский 2000, с. 137, 138].

⁷¹⁵ См.: Флоря 2001, с. 180; Halperin 2007b, p. 80.

⁷¹⁶ ПСРЛ 1949, с. 249.

⁷¹⁷ См.: ПСРЛ 1949, с. 249; Зимин 1991, с. 47–48; Смирнов 2005, с. 177.

⁷¹⁸ См.: Гайворонский 2007, с. 16–17. А. Г. Гаев считает, что Сайид-Ахмад никогда не правил в Крыму [Гаев 2002, с. 38]. В. В. Похлебкин, не ссылаясь ни на какие источники, сообщает, что Улуг-Мухаммад в 1437 г. правил в Крыму и стал основателем Крымского ханства (sic!) [Похлебкин 2000, с. 79].

⁷¹⁹ Греков, Якубовский 1998, с. 302; Зайцев 2004б, с. 57, 59.

⁷²⁰ См.: Барбаро 1971, с. 140–141; Зайцев 2004б, с. 29; Kurat 1940, s. 28. По мнению Д. А. Котлярова, в течение 1432–1437 гг. Улуг-Мухаммад и Кичи-Мухаммад боролись за Крым [Котляров 1998, с. 10], чему противоречат сведения о пребывании там Сайид-Ахмада.

⁷²¹ Барбаро 1971, с. 140–141; Грумм-Гржимайло 1994, с. 137

⁷²² Барбаро 1971, с. 141; см. также: Трепавлов 2001, с. 94–95; Флоря 2001, с. 182; Гаев 2002, с. 39.

⁷²³ Вернадский 2000, с. 308; Зайцев 2004а, с. 31.

⁷²⁴ См.: Улугбек 2007, с. 111. По мнению А. Г. Мухамадиева, Гийас ад-Дин правил в Казани до 1445 г. [Мухамадиев 2005, с. 186, 190].

⁷²⁵ Среди них, по-видимому, находился и эмир Яголдай б. Сарай, который в 1440 г. стал основателем так называемой «Яголдаевой тьмы» — особого татарского владения в Литве, неоднократно упоминавшегося в официальной переписке польско-литовских и татарских правителей и в нарративных источниках. Любопытно отметить, что брат Яголдая, Хусайн, не оставил Улуг-Мухаммад-хана и сопровождал его в скитаниях, участвовал в битве у Белева и в последующих событиях 1437–1438 гг. [Русина 2001, с. 145].

⁷²⁶ Венецианец И. Барбаро упоминает, что Улуг-Мухаммад кочевал в Северном Причерноморье еще в 1438 г., но, вероятно, несколько путает даты, поскольку годом раньше хану пришлось перебраться на север. Некоторые авторы уверены, что Улуг-Мухаммад в 1437 г. был изгнан не из южнорусских степей, а непосредственно из Сарая [Марджани 2005, с. 105; Фахретдин 1996, с. 116–117; Худяков 1996, с. 549].

⁷²⁷ По мнению некоторых исследователей, Василий II с самого начала негативно отнесся к пребыванию Улуг-Мухаммада под Белевом. При этом великий князь не считал себя мятежником, поскольку, вероятно, уже с 1437 г. номинально признал верховенство Кичи-Мухаммада как нового сарайского хана [Горский 2000, с. 144, 149; ср.: Зимин 1991, с. 81; Фахретдин 1996, с. 117]. Однако другие авторы, опираясь на «Казанскую историю» и устные татарские предания, полагают, что изначально между великим князем и беглым ханом все же был заключен союзный договор [см.: Каратеев 1994, с. 51–52; Беспалов 2008, с. 142]. В татарских преданиях говорится, что перед битвой у Белева Улуг-Мухаммад якобы молился также и «русскому богу». Возможно, это сообщение имеет под собой реальные основания: хан мог обратиться к христианскому богу или кому-то из святых как «высшему свидетелю», именем которого клялись русские при заключении мирного договора, который позднее нарушили [см. подробнее: Беспалов 2008, с. 143–144].

Стоит отметить, впрочем, что основания для благодарности Улуг-Мухаммаду у Василия II были не столь уж велики: в 1433 г., после того как Улуг-Мухаммад был вытеснен из Поволжья, Юрий Звенигородский, забыв о решении ханского суда, выступил против племянника, победил его и занял великокняжеский стол. После его скоропостижной смерти в 1434 г. трон перешел к его старшему сыну Василию Косому, и вернуть себе власть Василий Васильевич сумел уже не с помощью ханского авторитета, а только благодаря тому, что Василий Косой поссорился со своими братьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным. Последние выступили на стороне Василия Васильевича и помогли ему свергнуть их старшего брата [см.: Карамзин 1993, с. 143–146; Соловьев 1988, с. 385–388; Зимин 1991, с. 64–76].

⁷²⁸ Татарский автор начала XX в. Р. Фахретдин, не приводя никаких источников, утверждает, что московские войска насчитывали 40 000 чел., тогда как у Улуг-Мухаммад-хана было не более 1 000 воинов [Фахретдин 1996, с. 117].

⁷²⁹ См.: Зимин 1991, с. 82; Фахретдин 1996, с. 117.

⁷³⁰ ПСРЛ 1949, с. 260; Ермолинская 2000, с. 198, 199. См. также: Зимин 1991, с. 82–83.

⁷³¹ Среди Джучидов встречаются два царевича с именем Али, с которыми может быть отождествлен этот Али-бек («Либеи» русских летописей): Али-бек б. Таш-Тимур, имя которого полностью совпадает с именем казанского правителя, и Али-Дервиш, родной брат Гийас ад-Дина, прежнего правителя Казани [Муизз 2006, с. 45, 46; Гаев 2002, с. 54]. Отождествление Али-бека с полубогатырем сыном «болгарского царя Абдуллы» [см., напр.: Мустахимов 2008; ср.: Исхаков 2004, с. 125–126] представляется не слишком убедительным, поскольку имеются нумизматические и летописные свидетельства того, что уже с конца XIV — начала XV вв. в Казани правили улусные владетели-Джучиды [см.: Исхаков 2009, с. 13]. Несомненно, одним из них и был упомянутый Али-бек. Д. М. Исхаков допускает существование упомянутых в татарских исторических сочинениях «князей» (т. е. эмиров, а не представителей «Золотого рода») Алтын-бека и Али(м)-бека, однако считает их болгарскими князьями, а не владетелями Казани [Исхаков 2004, с. 127].

⁷³² См.: Schamiloglu 1986, p. 39–40; Исхаков 1995, с. 106; 2004б, с. 9–10. Впоследствии эта система управления сохранилась в Казанском ханстве, где правили наследники Улуг-Мухаммада. Собственно, и само основание Казанского ханства многие авторы относят к 1437–1438 гг., вполне однозначно связывая его с именем и деятельностью Улуг-Мухаммада [см.: Зимин 1991, с. 83; Каратеев 1994, с. 52–53; Фахретдин 1996, с. 118; Худяков 1996, с. 549; Похлебкин 2000, с. 79–80; Зайцев 2004б, с. 59; Султанов 2006, с. 233; ср.: Котляров 1998, с. 10]. Впрочем, как будет показано ниже, мы не разделяем этой точки зрения и считаем, что Улуг-Мухаммад не принимал титула ни казанского, ни болгарского хана, продолжая именоваться ханом Золотой Орды («Великого Улуса»).

⁷³³ К 1441 г. Сайид-Ахмад вступил в конфликт со своим бекляри-беком Текне Ширином, и тот возвел на крымский престол Хаджи-Гирея, двоюродного

племянника Улуг-Мухаммада, тем самым положив официальное начало Крымскому ханству [Гайворонский 2007, с. 18–19].

⁷³⁴ Вельяминов-Зернов 1863, с. 13; Вернадский 2000, с. 326; Зайцев 2004а, с. 38.

⁷³⁵ См.: Греков, Якубовский 1998, с. 303–304. Ср.: Каратеев 1994, с. 53.

⁷³⁶ См.: Марджани 2005, с. 108; Похлебкин 2000, с. 80–81; Худяков 1996, с. 545.

⁷³⁷ См.: Горский 2000, с. 145; 2004а, с. 160–161; Насонов 2002, с. 331–332, 338. А. В. Экземплярский утверждает, что после 1418 г. Даниил Борисович не упоминается в источниках, хотя сам же цитирует сообщение из Никоновской летописи о его действиях в 1420–1440-е гг., впрочем, считая его ошибочным [Экземплярский 1891, с. 433].

⁷³⁸ Ряд авторов считает, что этот Мустафа был выходцем из орды Кичи-Мухаммада [Вернадский 2000, с. 322] или же сыном Гийас ад-Дина б. Шадибека и одним из противоборствующих ханов 1440-х гг., чеканившим монеты в Хаджи-Тархане [Гаев 2002, с. 43; ср.: Зайцев 2004, с. 29]. Однако более убедительным представляется версия о его происхождении от Улуг-Мухаммада. Во-первых, у него был сын с таким именем [Таварих-и гузида 1969, с. 39–40]. Во-вторых, в источниках упоминается «Мустафа, царь Казанский», т. е. член казанской династии Чингизидов, основанной Улуг-Мухаммадом [см.: Исхаков 2002б, с. 64–66; Рахимзянов 2009а, с. 215]. Кроме того, последующие враждебные действия Улуг-Мухаммада против Москвы можно рассматривать еще и как месть за гибель сына.

⁷³⁹ ПСРЛ 2000в, с. 61–62.

⁷⁴⁰ См.: Вельяминов-Зернов 1863, с. 7, 9–10. По мнению Г. В. Вернадского, Улуг-Мухаммад в 1438–1444 гг., вплоть до захвата Нижнего Новгорода, имел ставку под Белевом [Вернадский 2000, с. 322].

⁷⁴¹ См.: Зимин 1991, с. 101–102.

⁷⁴² См.: Зимин 1991, с. 103–104. Можно предположить, что Бердедат намеренно застрелял в Юрьеве, поскольку не хотел сражаться с близкими родичами — сыновьями своего двоюродного дяди Улуг-Мухаммада.

⁷⁴³ ПСРЛ 1949, с. 263–264; ПСРЛ 2000в, с. 143–144; Зимин 1991, с. 104–105. Интересно отметить, что сведения о победе Улуг-Мухаммада над великим князем московским дошли даже до арабских историков. Так, ал-Джаннаби сообщает, что «Мухаммад был человек сильный и храбрый; он вторгся в земли Русские, захватил добычу и отнял из земель их Владимир, одну из областей Московских» [СМИЗО 2005, с. 384–385].

⁷⁴⁴ ПСРЛ 2000в, с. 144–145. См. также: Зимин 1991, с. 196–107; Вернадский 2000, с. 325.

⁷⁴⁵ Вельяминов-Зернов 1863, с. 7; Зимин 1991, с. 106–107; Худяков 1996, с. 546–547; Дягилев 2001.

⁷⁴⁶ Ряд авторов полагает, что Улуг-Мухаммад умер от болезни [Султанов 2006, с. 233; Kurat 1940, s. 28]. По мнению других, хан был убит своим старшим сыном Махмудом [Вернадский 2000, с. 326; Марджани 2005, с. 109; ср.: Базилевич 2001, с. 53]. Это мнение, основанное на сообщениях русских летописцев, однако, вызывает критическое отношение других исследователей

[Грум-Гржимайло 1994, с. 137; Фахретдин 1996, с. 118–119; Худяков 1996, с. 550–551]: вполне возможно, что, излагая события таким образом, летописцы старались представить Золотую Орду и государства — ее преемники как сосредоточение смут, междоусобиц, отцеубийств и пр.

⁷⁴⁷ Вельяминов-Зернов 1863, с. 4, 13; Гумилев 1995, с. 198. Наиболее противоречивые мнения сложились относительно даты выделения сыновьям Улуг-Мухаммада владений в Мещере и, соответственно, образования Касимовского ханства. Одни авторы полагают, что оно возникло в начале 1450-х гг. когда бежавшие на Русь после смерти отца царевичи Касим и Якуб своими военными подвигами на московской службе снискали благодарность великого князя и получили Мещеру в благодарность от него [Вельяминов-Зернов 1863, с. 15, 26–27; Schamiloglu 1986, p. 198]. По мнению других, создание Касимовского ханства имело место еще в 1445/1446 г. именно во исполнение условий договора [Худяков 1996, с. 547; Похлебкин 2000, с. 83; Гарипов; Рахимзянов 2006, с. 244; Kurat 1940, s. 28–29].

⁷⁴⁸ Это обстоятельство служит еще одним доводом в пользу того, что Али-бек был не просто «князь», т. е. эмир, а представитель рода Джучидов: по-видимому, он, будучи старшим родичем Махмуда б. Улуг-Мухаммада, почитал, что имеет не меньше прав на ханский трон или же на независимое владение Казанью.

⁷⁴⁹ Большинство исследователей склоняется к мысли, что именно Махмудхан («Мамутек») был основателем Казанского ханства, тогда как Улуг-Мухаммад не имел к нему никакого отношения [см.: Вельяминов-Зернов 1863, с. 4–7; Валиханов 1984, с. 235; Грум-Гржимайло 1994, с. 136–137; Греков, Якубовский 1998, с. 303–304; Котляров 1998, с. 11, 14; Исаков 2004, с. 126; Марджани 2005, с. 105, 109; Хамидуллин 2003]. Тем не менее, ряд авторов все же полагает, что основателем Казани стал Улуг-Мухаммад. Любопытно, что в некоторых татарских преданиях он считается не только казанским ханом, но потомком и законным преемником предыдущего казанского правителя Алим-бека [см., напр.: Мустакимов 2008].

⁷⁵⁰ В правлении потомков Улуг-Мухаммада в Казани был перерыв, когда в результате государственного переворота на короткое время в 1496–1497 гг. казанским ханом стал сибирский Шибанид Мамук.

⁷⁵¹ См. подробнее: Ostrovski 2004.

⁷⁵² Особняком стоит мнение турецкого историка Халим-Гирея, считающего, что Сайид-Ахмад был сыном Улуг-Мухаммада [Халим Гирай 2004, 14]. Кроме того, Б. А. Ахмедов, не слишком корректно привлекая сведения «Муизз ал-ансаб», причисляет Сайид-Ахмада к Шибанидам, считая его сыном тюменского хана Хаджи-Мухаммада [Ахмедов 1965, с. 55, см. также сноску 111].

⁷⁵³ Такой вариант представлен, в частности, в одной из редакций «Му'изз ал-ансаб» [Муизз 2006, с. 45].

⁷⁵⁴ СМИЗО 2006, с. 113; Таварих-и Гузида 1969, с. 39. См. также: Григорьев 2004а, с. 106. Представляется интересным форма имени Сайид-Ахмада, фигурирующая в одной турецкой рукописи — «Сейид-Ахмед-Кючук» [Негри 1844, с. 381]. Возможны два объяснения такой формы: во-первых, автор

сочинения мог «смешать» двух ханов — Сайид-Ахмада и Кичи(Кучук)-Мухаммада; во-вторых, приставка «Кючук», т. е. «маленький», могла появиться, чтобы отличить нашего героя, внука Токтамыша, от «старшего» Сайид-Ахмада — сына Токтамыша с таким же именем, который фигурирует в ряде восточных генеалогий.

⁷⁵⁵ См.: Флоря 2001, с. 183.

⁷⁵⁶ Впрочем, об этимологии такого «европейского» варианта имени Кебека остается только догадываться: она так и не выяснена, и, кажется, никто не задавался вопросом о происхождении имени «Бетбул»/«Бетсабул». В. В. Трепавлов высказывает предположение, что «близкое по звучанию к Бетсуб-Бексуб имя эмитента Бек-Суфи», известное по крымским монетам 1419–1421 гг. [Трепавлов 2010, с. 46–47].

⁷⁵⁷ См. подробнее: Грумм-Гржимайло 1994, с. 133; Смирнов 2005, с. 178; Шпулер 2009, с. 326.

⁷⁵⁸ См.: Греков, Якубовский 1998, с. 301.

⁷⁵⁹ См.: Исхаков 2009, с. 21; Трепавлов 2010, с. 7. Отметим, что этот термин встречается в золотоордынской документации и раньше — в частности, в ярлыке Токтамыш-хана, направленном великому князю литовскому Ягайло [Оболенский 1850, с. 37].

Начиная с Н. М. Карамзина, в российской историографии Сайид-Ахмад также порой фигурирует как хан Ногайской Орды или «ногайский хан» [Карамзин 1993, с. 183]. Однако ни один источник не содержит сведений о том, что его поддерживали ногайцы, не упоминает об этом и автор фундаментального труда по истории Ногайской Орды В. В. Трепавлов [Трепавлов 2001]. Более того, следует подчеркнуть, что в эпоху Сайид-Ахмада ногайские правители не имели политических интересов в том регионе, где правил этот хан: их интересы в это время простирались от Поволжья и Урала до Сибири и Казахстана. А главной силой, поддержавшей приход к власти Сайид-Ахмада, по словам восточных средневековых историков, были кунграты во главе с Хайдар-мурзой [см.: Смирнов 2005, с. 187; Сафаргалиев 1996, с. 492].

⁷⁶⁰ См.: СИЭ, 1962, с. 599–600; БСЭ 1970, с. 530. Тот факт, что и следующий хан Ахмад провозглашал себя ханом единого золотоордынского государства — «Большой Орды» даже позволил некоторым авторам отождествлять Сайид-Ахмада и Ахмада [см., напр.: Фахретдин 1996, с. 120; Kurat 1940, s. 54–59]. В дальнейшем и возникла концепция о том, что Большая Орда стала одним из государств-преемников распавшейся Золотой Орды [см. подробнее: Григорьев 1987, с. 38–41; Зайцев 2008, с. 272].

В. В. Трепавлов отмечает как более корректные названия одного из преемников Золотой Орды (как раз чаще всего и именовавшегося «Большой Ордой») — «Заволжская Орда» (в русских летописях) и Тахт эли / Тахт мемлекети / Тах вилайети (т. е. «тронное владение», «престольная держава», «престольная/столичная область») [Трепавлов 2010, с. 8–9]

⁷⁶¹ Наиболее ранние монеты, на которых чеканено имя монарха «Сайид-Ахмад», исследователи датируют 822 г. х. (1419–1420 г.). Но уже М. Г. Сафаргалиев выдвинул обоснованное предположение, что Сайид-Ахмад, чека-

нивший упомянутые монеты, и наш герой — разные лица [Сафаргалиев 1996, с. 492]. А современные нумизматы Р. Ю. Рева и Н. М. Шарафеев вполне убедительно показали, что Сайид-Ахмад, чеканивший монеты в 822 г. х., происходил совершенно из другой ветви потомков Туга-Тимура б. Джучи и был не потомком Токтамыша, а племянником Чокре, ставленника эмира Идигу («Едигея» русских летописей) и сам, как мы уже убедились выше, был его ставленником [Рева, Шарафеев 2005, с. 57–59]. А. Г. Гаев, ссылаясь на инвентарный каталог монет Эрмитажа, составленный А. К. Марковым, утверждает, что «наш» Сайид-Ахмад чеканил монеты в Орду, Орду-Базаре и Бек-Базаре [Гаев 2002, с. 41]. Однако сам А. К. Марков ставит под вопрос дату чекана 851 г., зато вполне определенно упоминает хана «Сеид Ахмеда бен Ахмеда бен Кичи Мухаммеда» [Марков 2008, с. 104], т. е. сына хана Ахмада («Ахмата» русских летописей), правившего в 1480–1500-е гг., а не нашего героя. Современные исследователи также склонны видеть в сохранившихся надчеканах литовских князей монеты Сайид-Ахмада [см.: Борейша, Казаров 2009, с. 29], однако это также относится к разряду предположений. Таким образом, обнаруженные на сегодняшний день золотоордынские монеты с именем «Сайид-Ахмад-хан» принадлежат, скорее всего, не нашему герою, а двум его тезкам, один из которых правил раньше, а другой — позже его.

⁷⁶² Ср.: Трепавлов 2010, с. 49.

⁷⁶³ Ср.: Гайворонский 2007, с. 17–18. Стоит отметить, однако, что недавно обнаружена монета с именем Хаджи-Гирея, датированная 1437 г. [личная консультация И. В. Зайцева]. Это позволяет сделать вывод, что в течение 1433–1437 гг. Сайид-Ахмад и Хаджи-Гирей могли противостоять друг другу в борьбе за Крымский полуостров, попеременно контролируя полуостров. В. В. Трепавлов также отмечает, что уже вскоре после того, как Сайид-Ахмад овладел Крымом, его противники (опять же при поддержке литовских князей!) организовали интронизацию Хаджи-Гирея, и внуку Токтамыша пришлось покинуть полуостров, однако окончательно власть Хаджи-Гирея в Крыму закрепилась не ранее 1449 г. [Трепавлов 2010, с. 49–50].

Кстати, сам факт чеканки в это время Хаджи-Гиреем монеты с ханским титулом свидетельствует о том, что он не признавал власти ни Сайид-Ахмада, ни своего близкого родственника Улуг-Мухаммада.

⁷⁶⁴ Л. П. Колли полагает, что генуэзцы были подчинены Хаджи-Гиреем [см.: Колли 1913, с. 110–111], однако уже М. Г. Сафаргалиев усомнился в его выводах [Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 490–491], см. также предыдущее примечание.

⁷⁶⁵ См.: Грумм-Гржимайло 1994, с. 137; Сафаргалиев 1996, с. 491.

⁷⁶⁶ Флоря 2001, с. 183.

⁷⁶⁷ См.: Зимин 1991, с. 81; Зайцев 20046, с. 59.

⁷⁶⁸ См., напр.: Флоря 2001, с. 184; Гаев 2002, с. 41; Бахтин 2008, с. 99;

Рахимзянов 20096, с. 52.

⁷⁶⁹ См.: Горский 2000, с. 146; Трепавлов 2010, с. 50.

⁷⁷⁰ См., напр.: Дягилев 2001; Борейша, Казаров 2009, с. 29.

⁷⁷¹ См.: Исаков 2006, с. 101.

⁷⁷² См. подробнее, напр.: Бартольд 1963а, с. 489.

⁷⁷³ Цит. по: Карамзин 1993, с. 184.

⁷⁷⁴ Горский 2000, с. 146.

⁷⁷⁵ См.: Селезнев 2006, с. 94; Бахтин 2008, с. 216. Селезнев Ю. В. «А переменить богъ Орду...» (Русско-ордынские отношения в конце XIV — первой трети XV вв.). Воронеж, 2006. С. 94; Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. С. 216.

⁷⁷⁶ См.: Флоря 2001, с. 176–178; Зайцев 2004б, с. 59; Бахтин 2008 с. 92; Борейша, Казаров 2009, с. 29.

⁷⁷⁷ Флоря 2001, с. 184–187

⁷⁷⁸ Иванов 1999, с. 168.

⁷⁷⁹ Горский 2000, с. 147 См. также: Селезнев 2009а, с. 150; Трепавлов 2010, с. 53.

⁷⁸⁰ См. подробнее: Селезнев 2010, с. 148.

⁷⁸¹ См. подробнее: Флоря 2001, с. 187; Бахтин 2008, с. 170.

⁷⁸² См.: Хроника Быховца. М., 1966. С. 98; Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. С. 188.

⁷⁸³ Ряд авторов полагает, что первые признаки крушения его власти проявились уже в 1441 г. — когда Хаджи-Гирей, изгнанный Сайид-Ахмадом из Крыма, вернулся на полуостров, изгнав оттуда внука Токтамыша, см., напр.: Langles 1802, р. 402; Гайворонский 2007, с. 19. Д. М. Исаков датирует эти события 1443 г. [Исаков 2009, с. 18]. Однако с этим вряд ли можно согласиться, поскольку в это время Сайид-Ахмад был самым могущественным золотоордынским монархом и пользовался поддержкой крымской знати и литовских властей. Несомненно, потеря Сайид-Ахмада Крыма произошла гораздо позднее и оказалась тесно связанной с его участием в политике Великого княжества Литовского.

⁷⁸⁴ А. Г. Гаев полагает, что Кичи-Мухаммад сошел с политической сцены к 1449 г., и Сайид-Ахмад стал его преемником [Гаев 2002, с. 41–42]. Однако ряд исследователей считает, что именно Кичи-Мухаммад сменил Сайид-Ахмада в качестве верховного правителя Золотой Орды [Федоров-Давыдов 1973, с. 165–166; см. также: Грумм-Гржимайло 1994, с. 139; Горский 2000, с. 149–150].

⁷⁸⁵ Ш. Марджани (правда, не ссылаясь на источники) сообщает, что Кичи-Мухаммад занял трон при поддержке тюменского султана Йадгара [Марджани 2005, с. 100, 131]. Это заставляет предположить, что Йадгар мог оказать поддержку сопернику Сайид-Ахмада именно на рубеже 1440–1450-х гг.: он был военачальником тюменского хана Абу-л-Хайра, который ранее и сам претендовал на Поволжье и Урал. Несомненно, подчиненный Абу-л-Хайру султан мог поддержать другого претендента на эти владения только когда Абу-л-Хайр утратил к ним интерес, сосредоточившись на делах государства Тимуридов и войне с ойратами, что имело место именно в конце 1440-х — начале 1450-х гг. [см.: Бартольд 1963а, с. 490]. Впрочем, вполне возможно, что помогший ему Йадгар-султан Шибанид, потомок хана Арабшаха, действовал по собственной инициативе: как известно в 1457 г. он был и сам провозглашен ханом в ущерб тому же Абу-л-Хайру [см.: Абу-л-Гази 1996, с. 108; Мунис 1969, с. 436].

⁷⁸⁶ См. подробнее: ПСРЛ 1949, с. 270, 271–272; Базилевич 2001, с. 49.

⁷⁸⁷ Дата разгрома Сайид-Ахмада Хаджи-Гиреем достоверно неизвестна: называются 1452, 1455 и 1456 гг. [см. подробнее: Трепавлов 2010, с. 55].

⁷⁸⁸ Лызлов 1990, с. 41. По версии Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского, в 1455 г. Сайид-Ахмад совершил поход на Киев, но был разгромлен местным князем Семеном Олельковичем и взят в плен [Греков, Якубовский 1998, с. 307]. Б. Н. Флоря также относит падение Сайид-Ахмада к 1455 г., однако считает, что он был в этом году разгромлен крымским ханом 1455 г. после неудачного похода внука Токтамыша на Русь в 1454 г. [Флоря 2001, с. 191].

⁷⁸⁹ Меховский 1936, с. 91. Некоторые исследователи полагают, что Сайид-Ахмад не был брошен в темницу, а «обосновался» в Литве [см., напр.: Зимин 1991, с. 170; Горский А. А. Москва и Орда. С. 148], однако такие предположения противоречат сведениям источников.

Согласно С. В. Думину, Сайид-Ахмад получил «в кормление» некий «Мордасовский двор», которым владели еще его внуки вплоть до сер. XVI в. [Думин 1989, с. 107–108; см. также: Трепавлов 2010, с. 56]. Однако исследователь лишь предполагает, что речь в используемом им источнике идет о Сайид-Ахмаде: в нем упоминается некий «царевич на име Сихдохъман с Перекопа, цара паерекопъского Менъкереев брат» [Думин 1989, с. 107]. Учитывая враждебные отношения Сайид-Ахмада с польско-литовскими государями, такое отождествление представляется весьма спорным.

⁷⁹⁰ См., напр.: Барбаро 1971, с. 140 (прим. 38); Асар 2008, s. 26.

⁷⁹¹ ПСРЛ 1949, с. 273, 275–276. См. также: Селезнев 2010, с. 151–152.

⁷⁹² См., напр.: Греков, Якубовский 1998, с. 307; Селезнев 2010, с. 151–152.

⁷⁹³ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. I. СПб., 1863. С. 121.

⁷⁹⁴ Памятники 1884, с. 539. См. также: Зайцев 2004б, с. 109.

⁷⁹⁵ См., напр.: Грумм-Гржимайло 1994, с. 145.

⁷⁹⁶ См.: Щербатов 1781, с. 591; Вельяминов-Зернов 1863, с. 120–121; Назаров 1983, с. 24.

⁷⁹⁷ Vasary 1982, p. 295. И. В. Зайцев на основании договора Менгли-Гирея с Кырк-Ером высказал предположение, что Джанибек, правивший в Крыму в 1476–1477 гг., являлся сыном именно Сайид-Ахмада [см.: Зайцев 2004, с. 93; ср.: Vasary 1982, p. 297–298]. Как мы покажем ниже, имеется больше оснований считать Джанибека сыном Махмуда, хана Золотой Орды и брата Ахмата (героя нашего следующего очерка).

⁷⁹⁸ На такой генеалогии этого хана сходится преобладающее большинство источников и исследователей за некоторыми исключениями. Так, согласно сообщению Казанского летописца и опирающегося на него В. Н. Татищева, Ахмад-хан являлся сыном Джалал ад-Дина, сына Токтамыша [см. подробнее: Базилевич 2001, с. 111]. А. Н. Курат, неизвестно по какой причине, пытается отождествить Ахмада с Сайид-Ахмадом, соперником Улуг-Мухаммада и Кичи-Мухаммада [Kurat 1940, s. 54–59; см. также: Рахимова 1997, с. 40–44].

О. Прицак полагает, что Ахмад был потомком Орду, старшего сына Джучи [Pritsak 1967, p. 578–579].

⁷⁹⁹ Ряд авторов полагает (основываясь на сообщении бухарского автора второй половины XVII в. Махмуда б. Вали), что упомянутые в тюркских источниках под 1430-ми гг. ханы Махмуд и Ахмад, соперники узбекского хана Абу-л-Хайра, являются сыновьям Кичи-Мухаммада [см., напр.: Ахмедов 1965, с. 51; Зайцев 2004а, с. 36]. Однако М. Г. Сафаргалиев, а за ним и А. Г. Нестеров весьма убедительно показали, что под этими именами фигурируют тюменские (сибирские) владельцы Махмудек и Сайидек (Сайид-Ибрахим, Ибак) [Сафаргалиев 1996, с. 459; Нестеров 2002, с. 207–208]. Заслуживает внимание и мнение казахстанского автора Ж. М. Сабитова, который предположил, что Махмуд и Ахмад могли быть соперниками Абу-л-Хайра, но не в 1430-е гг., а в 1460-е гг.: дело в том, что противостояние Абу-л-Хайра с этими ханами упомянуто после похода этого государя на Хорезм, а таких походов было два — в 1435 и в 1461/1462 гг. [Сабитов 2009, с. 177–178].

⁸⁰⁰ В историографии широко распространено мнение, что Ахмад находился в конфликте со своим братом Махмудом, и они в течение 1459–1466 гг. боролись за сарайский трон, неоднократно сменяя друг друга [см. напр.: Сафаргалиев 1996, с. 511–512; Григорьев 1987, с. 54; Зайцев 2004а, с. 45]. Однако в источниках нет ни одного сообщения о вражде братьев. Напротив, как будет показано ниже, между братьями царило полное согласие. По мнению исследователей, о соперничестве братьев свидетельствуют даже монеты, чеканенные ими одновременно в одних и тех же городах [Савельев 1865, с. 325; Марков 2008, с. 103–104]: якобы это служит доказательством того, что они беспрестанно сменяли друг друга на ханском троне [см.: Сафаргалиев 1996, с. 511; Зайцев 2004а, с. 39–40]. Полагаем, что с той же степенью вероятности можно утверждать, что чеканка таких монет свидетельствует именно об их соправительстве.

В. В. Трепавлов, отмечая, что «отношения между Ахмедом и Махмудом историки характеризуют (курсив наш — Р. П.) как борьбу за власть», вполне обоснованно утверждает, что Махмуд «пользовался авторитетом, подбавляющим его статусу», ссылаясь при этом на официальную документацию московских государей [Трепавлов 2010, с. 63–64].

⁸⁰¹ ПСРЛ 2000в, с. 116.

⁸⁰² См.: Гайворонский 2007, с. 28.

⁸⁰³ Султанов 1978, с. 240. В переводе А. Рахимовой текст звучит следующим образом: «Благодарим Аллаха за милость, место [трон и царство] прежних наших отцов всевышний вверил и вручил нам» [Рахимова 1996]. Оригинал см.: Kurat 1940, s. 39. По мнению исследователей, это письмо также свидетельствует о конфликте Махмуда с Ахмадом и о том, что Махмуду удалось вернуть трон в Сарае, свергнув брата [см., напр.: Григорьев 1987, с. 54]. Отметим, однако, что об этом не сообщает ни сам Махмуд-хан, ни другие источники. Напротив — речь идет исключительно о его конфликте с Хаджи-Гиреем [ср.: Горский 2000, с. 155].

⁸⁰⁴ По мнению А. П. Григорьева, Хаджи-Гирей разбил не Махмуда, а Ахмада, что якобы и позволило Махмуду вторично занять трон в Сарае,

воспользовавшись разгромом брата [Григорьев 1987, с. 54; см. также: Миргалеев, Камалов 2008, с. 93].

⁸⁰⁵ См.: Бабур 1992, с. 172; Марджани 2005, с. 100, 117; Зайцев 2004а, с. 40. Датировка женитьбы Ахмада на сестре Хусайна Байкары приближительная, поскольку Бабур упоминает, что Султан-Хусайн выдал сестру замуж в годы своего «казачества», т. е. до вступления на трон Герата. Однако Абд ар-Раззак Самарканди сообщает, что Хусайн Байкара был «казаком» еще в 872 г. х. (1467/1468 г.) [СМИЗО 2006, с. 383], так что Ахмад мог жениться на его сестре и в 1460-е гг.

⁸⁰⁶ В поздней золотоордынской традиции владения Кичи-Мухаммада и его потомков назывались «Намагановым юртом» [см.: Памятники 1884, с. 108; Гайворонский 2007, с. 17]. По мнению, А. П. Григорьева и И. В. Зайцева, Номоган было второе имя или прозвище родоначальника последней династии сарайских ханов Тимур-Кутлуга [Григорьев 1985, с. 177; Трепавлов 2001, с. 108–109; Зайцев 2004а, с. 50]. Однако, согласно «Муизз ал-ансаб», Намаганом (Нумканом) звали не Тимур-Кутлуга, а его предка, правнука Туга-Тимура б. Джучи [Муизз 2006, с. 46]. Некоторые исследователи всю династию последних сарайских и последующих астраханских ханов именуют Намаганами [см.: Гайворонский 2007, с. 6, 17].

⁸⁰⁷ См.: Марджани 2005, с. 100, 131. По-видимому, Йадгар оказал помощь Кичи-Мухаммаду при его возвращении в Поволжье после падения власти Сайид-Ахмада в начале 1450-х гг., а не в борьбе с Улуг-Мухаммадом, как полагает татарский историк.

⁸⁰⁸ В историческом сочинении Мухаммада Шайбани-хана содержится следующее сообщение: «Наконец, после того как [Шайх-Хайдар-хан] потерял бдительность, Ахмад-хан привел свое войско, и Ибак-хан убил Шайх-Хайдар-хана» [Таварих-и гузида 1969, с. 20]. В. В. Трепавлов, интерпретируя это сообщение, предположил, что, возможно, Ахмад изначально являлся союзником Шайх-Хайдара и даже привел ему на помощь войска для борьбы с мятежниками. Но, оценив расстановку политических сил в Восточном Деште, новоприбывший решил либо не вмешиваться в конфликт, либо даже выступил на стороне его врагов [Трепавлов 2001, с. 103]. Бухарский историк XVII в. Махмуд б. Вали, автор «Бахр ал-асрар», приводит весьма интересное сообщение: «После того как Махмуд-хан б. Кичик-Мухаммад взшел на трон счастья, то он занялся делами служения Господу и одного из своих братьев Ахмад-хана отправил в Хорезм, дабы тот отнял эту область у наместников Абу-л-Хайра. По воле Всевышнего все крепости, которые [ранее] подчинились Шибанидам, были возвращены слугам хана», в результате чего Ахмад «завладел Хорезмом и некоторыми из областей Дашта» [цит. по: Алексеев 2006, с. 85]. В свете информации Махмуда б. Вали вышеприведенное сообщение «Таварих-и гузида» можно понять так: Ахмад-хан привел свои войска для отвоевания Хорезма, чем отвлек на себя основные силы Шайх-Хайдар-хана; воспользовавшись ослаблением последнего, Ибак напал на его ставку и убил наследника Абу-л-Хайра.

⁸⁰⁹ По другим сведениям Махмуд-хан умер около 1475–1476 гг.: под этими годами он упоминается в ряде источников [см., напр.: Памятники

1884, с. 10; Зайцев 2002, с. 40]. Исследователи считают именно Махмуда создателем Астраханского ханства, возникновение которого относят примерно к 1465–1466 гг.: старший сын Кичи-Мухаммада, якобы изгнанный из Сарая своим младшим братом Ахмадом, отделил от Золотой Орды низовья Волги с центром в Хаджи-Тархане и основал здесь самостоятельное государство. И. В. Зайцеву удалось убедительно доказать, что ни Махмуд, ни его ближайшие преемники не были независимыми астраханскими правителями, и Хаджи-Тархан до начала XVI в. оставался частью Золотой Орды [Зайцев 2002].

⁸¹⁰ И. В. Зайцев считает, что именно вражда Ахмад-хана со своим братом Махмудом побудила Касима б. Махмуда предоставить убежище врагам дяди [Зайцев 2004а, с. 45].

⁸¹¹ Бинаи 1969, с. 100; Махмуд б. Вали 1969, с. 362–363. См. также: Зайцев 2004а, с. 43–44.

⁸¹² Согласно источникам так называемого «шайбанидского круга», это нападение имело еще и символический характер мести за Шайх-Хайдар-хана, поскольку нападение на Ибака состоялось ровно через 80 дней после его смерти [см., напр.: Таварих-и гузида 1969, с. 20].

⁸¹³ ПСРЛ 1949, с. 297; Каргалов 1984, с. 74–75. Полагаем, что именно смерть Мамхуд-хана вызвала ослабление ордынской власти на Руси и, вероятно, даже прекращение выплаты ордынского «выхода», что и спровоцировало поход Ахмад-хана [ср.: Горский 2000, с. 159; Хорошкевич 2001, с. 143]. Есть все основания полагать, что до этого времени никаких конфликтов между великим князем московским и золотоордынским ханом не было. Так, например, около 1466–1467 гг. Ивану III удалось купить у Ахмад-хана ярлык на богатое Ярославское княжество, покончив с его независимостью [см.: Назаров 1992, с. 134]. Упомянутое в русских летописях сообщение под 1468 г. о том, что «татарове Большой Орды воеваша около Рязане», не дает прямых оснований считать, что это были «татарове» Ахмада — как полагает, в частности, М. Г. Сафаргалиев [Сафаргалиев 1996, с. 515]. Вполне вероятно, что это могли быть ордынцы Махмуда или даже полунезависимые эмиры, по собственной инициативе совершившие набег на русские окраины. Ахмад, как мы убедились, в это время имел больший интерес к восточным уделам Улуса Джучи, нежели к русским землям.

⁸¹⁴ Синонимичные названия — улуг орун («великое место») или улуг орду («великая ставка») [см.: Григорьев 1987, с. 47].

⁸¹⁵ См.: Таварих-и гузида 1969, с. 21; Бинаи 1969, с. 101; Махмад б. Вали 1969, с. 363. Конуш-кипчак был тысячником, и это дало шайбанидским историкам основания впоследствии воспеть подвиги Мухаммада Шайбани-хана: якобы он во главе 40 всадников вступил в бой со всей тысячей Конуша, сражался с ним целые сутки и победил, получив за свой героизм прозвище Абу-л-Фатх («Отец побед»). На самом деле, нет никаких оснований считать, что силы Конуш-бека были намного больше отряда узбекского царевича: во-первых, «тысяча» (как и сотня, и тумен) была довольно условной воинской единицей и редко составляла действительно тысячу воинов; во-вторых, как уже отмечалось, основные силы Ахмада ушли в поход на Русь (о чем пре-

красно знал Мухаммад Шайбани), и для охраны его владений остались лишь небольшие отряды, один из которых, видимо, и вступил в бой с узбеками.

⁸¹⁶ См.: Хорошкевич 1980, с. 79; Каргалов 1984, с. 73–74; Горский 2000, с. 156–157.

⁸¹⁷ Базилевич 2001, с. 91.

⁸¹⁸ Памятники 1884, с. 3–4, 11. См. также: Тучапский 1915, с. 68; Хорошкевич 2001, с. 283.

⁸¹⁹ См.: Зайцев 1999, с. 10. Весьма любопытно, что точно так же рассматривал ордынского хана в качестве союзника христианских государей Европы еще один информатор — Константин из Островицы, в течение многих лет состоявший на турецкой службе и впоследствии записавший свои воспоминания для польского короля Яна I Альбрехта, приводя при этом те же сведения, что и делла Вольпе. Все это дало основание исследователям говорить о существовании в 1470-е гг. в Европе так называемого «татарского плана» борьбы с Османской империей [Записки 1978, с. 21].

⁸²⁰ ПСРЛ 1949, с. 292, 299, 303; Базилевич 2001, с. 77; Хорошкевич, с. 179, 183.

⁸²¹ Базилевич 2001, с. 73; Зайцев 1999, с. 10–11.

⁸²² Зайцев 1999, с. 11–12.

⁸²³ Константин из Островицы отмечает, что «татарские властители предпочитали иметь соседом трапезундского императора, нежели турецкого султана, хотя он и был их поганой веры» [Записки 1978, с. 82]. И это — несмотря на то что сам Мехмед II сразу после завоевания Кафы и всего южного побережья Крыма отправил к Ахмаду послание, в котором признавал его властителем остальной части полуострова и предлагал поддерживать союзные отношения! [Базилевич 2001, с. 102].

⁸²⁴ Гайворонский 2007, с. 53–56. Исследователь полагает, что Джанибек был сыном Сайид-Ахмада, внука Токтамыша [Гайворонский 2007, с. 106, прим. 63]. В русских сообщениях Джанибек назван сыном Ахмада [см.: ПСРЛ 2001б, с. 183; Базилевич 2001, с. 103]. Мы разделяем точку зрения авторов, считающих Джанибека племянником Ахмад-хана [см., напр.: Григорьев 1987, с. 61; Горский 2000, с. 164]. Это, кстати, свидетельствует и о том, что у Ахмада были союзные отношения с братом Махмудом и его сыновьями, иначе вряд ли он поставил бы во главе Крыма своего племянника, которому не доверял!

⁸²⁵ Зайцев 1999, с. 8–9.

⁸²⁶ Памятники 1884, с. 14; Базилевич 2001, с. 105; Хорошкевич 2001, с. 115; Гайворонский 2007, с. 56.

⁸²⁷ См.: Григорьев 1987, с. 75.

⁸²⁸ Султанов 1975, с. 243–244. См. также: Рахимова 1997, с. 40; Миргалеев, Камалов 2008, с. 92–93; Kurat 1940, s. 52–53.

⁸²⁹ Согласно русским летописям, Ахмад-хан перед нашествием на Русь в 1480 г., завершившимся «стоянием на Угре», упрекал великого князя, что «выхода мне не дает девятой год». Соответственно, исследователи считают, что «выход» не выплачивался именно со времени неудачи хана под Алексином [Горский 2000, с. 159; Хорошкевич 2001, с. 143]. Впрочем,

К. В. Базилевич склонен читать этот отрывок летописи как «выхода мне не дает де пятой год» и считает, что «выход выплачивался как минимум до 1476 г.» [Базилевич 1948, с. 34; 2001, с. 108]. В. Д. Назаров вообще полагает, что «выход» поступал в Орду регулярно до 1479 г. включительно [Назаров 1983, с. 33–34]. В. В. Каргалов отмечает, что в середине XV в. «выход» составлял 7 000 руб., с 1472 г. сократился до 4 200 руб., а после 1476 г. вообще не выплачивался [Каргалов 1984, с. 76].

⁸³⁰ Ряд исследователей полагает, что «ярлык Ахмата» — это фальшивка, сфабрикованная московской царской канцелярией в XVII в., своего рода пародия на ханские указы и послания [Кеппан 1969; Halperin 1986, p. 165–166]. Однако большинство исследователей склоняется к тому, что ярлык подлинный, но при переводе и в ходе дальнейшей обработки в него был включен ряд вольных интерполяций, что и дало основание говорить о несоблюдении формуляра, характерного для ханских указов и посланий [Григорьев 1987, с. 88–89; Горский 2000, с. 175–176]. К. В. Базилевич также считал, что ярлык является подлинным, но относил его к 1480 г., полагая, что он был якобы послан после «стояния на Угре» [Базилевич 1948, с. 45; см. также: Шанский 1983, с. 121; ср.: Сафаргалиев 1996, с. 516]. А. А. Горский высказал интересную и небезосновательную гипотезу о том, что сохранившийся вариант послания Ахмада есть не что иное, как соединение трех посланий, отправленных Ахмадом Ивану III в 1472, 1476 и 1480 гг. [Горский 2000, с. 177].

⁸³¹ Посол Ивана III объяснял это Менгли-Гирею тем, что «осподарь мой князь велики и нынеча потомуж своих послов шлет к Ахмату царю и к брату его к Махмуту, и они своих послов к моему государю посылают» [Памятники 1884, с. 10]. См. также: Kusber 1997, s. 214–215.

⁸³² См.: Григорьев 1987, с. 87

⁸³³ См., напр: Лызлов 1990, с. 42; Мелиоранский 1907, с. 0129 и след. Согласно Московскому летописному своду конца XV в., нашествие Ахмад-хана на Русь было вызвано интригами братьев Ивана III — Андрея и Бориса, которые были сильно недовольны тем, что старший брат попирает их права удельных князей [ПСРЛ 1949, с. 327].

⁸³⁴ ПСРЛ 1949, с. 327; Каргалов 1984, с. 94.

⁸³⁵ См., напр.: Кудрявцев 1951; Скрынников 1990, с. 98 и след.

⁸³⁶ Каргалов 1984, с. 108.

⁸³⁷ Русские летописцы объясняли действия Менгли-Гирея выполнением союзнического долга по отношению к Ивану III: «воева Менгли-Гирей царь крымский королеву землю Подольскую, служа великому князю». Между тем, в польско-литовской историографии сообщается, что набег крымцев состоялся едва ли не вопреки воле хана: узнав о нападении крымцев на свои границы, Казимир IV немедленно отправил к Менгли-Гирею посла Ивана Глинского, и хан объяснил, что даже не знал о действиях своих подданных [см.: Базилевич 2001, с. 134–135].

⁸³⁸ См.: Базилевич 2001, с. 134–139; Каргалов 1984, с. 105–106. В. В. Каргалов также полагает, что Казимиру IV помешал соединиться с Ахмад-ханом также и «стратегический резерв Ивана III», находившийся под Кременцом

и впоследствии, в октябре 1480 г., усиленный войсками великокняжеских братьев Андрея Большого и Бориса. Якобы именно эти войска не позволили полякам ударить в тыл русским войскам на Угре, тогда как соединиться с ханом за Угрой было бессмысленно [Каргалов 1984, с. 110]. Однако этому предположению противоречат сведения московских же летописцев о напряженных отношениях между Иваном III и его братьями: вряд ли он поручил бы столь важную миссию братьям-заговорщикам, которым не доверял и которых впоследствии пожизненно заточил в тюрьму.

⁸³⁹ См.: ПСРЛ 1949, с. 328; см. также: Шанский 1983, с. 117. Несомненно, дату 1480 г. как год свержения «ига» следует считать условной. По мнению А. А. Горского, о конце ордынского владычества над Русью следует говорить уже с начала 1470-х гг., когда Москва перестала уплачивать дань Орде, и в русском обществе все чаще и чаще стали вестись разговоры о незаконности «царской» власти ордынских ханов [Горский 2003, с. 99–101]. С другой стороны, не следует забывать, что формально Русское государство до конца XVII в. продолжало выплачивать «выход», «тийшь», «поминки» и пр. преемникам Золотой Орды — и в первую очередь Крымскому ханству. Только в 1685 г., уже в правление Петра I, русским дипломатам удалось добиться от турецкого султана, сюзерена крымских ханов, чтобы он приказал последним прекратить практику требования с России «дани безопасности», затем это условие было подтверждено в Константинопольском трактате от 3 июля 1700 г. [см.: Юзефович 1869, с. 8; Артамонов 2001, с. 280; Хорошкевич 1999].

⁸⁴⁰ ПСРЛ 1949, с. 328. См. также: Базилевич 2001, с. 138–139; Каргалов 1984, с. 105.

⁸⁴¹ Базилевич 2001, с. 144; Каргалов 1984, с. 113.

⁸⁴² Дата содержится в русских летописях; литовские источники отмечают гибель Ахмада под 21 января 1481 г. Кроме того, литовские авторы отмечают участие в этом набеге также Мамука, брата (или племянника) Ибака, и Аббаса, номинального главы Ногайской Орды, дяди Мусы и Ямгурчи [Муханов 1866, с. 29; см. также: Трепавлов 2001, с. 114–115].

⁸⁴³ ПСРЛ 1949, с. 328; Базилевич 2001, с. 152; Каргалов 1984, с. 114–115; Горский 2000, с. 177–178. В 1493 г. Ибак, пытавшийся, в свою очередь, стать ханом Золотой Орды (см. следующий очерк), писал Ивану III, вспоминая о событиях 12-летней давности: «Ино мне съчястье дал бог Тимер Кутлуева сына убивши, Саинской есми стул взял» [Посольская книга 1984, с. 48–49; см. также: Григорьев 1985, с. 176–177; Исхаков 2002а, с. 175].

⁸⁴⁴ Памятники 1884, с. 26.

⁸⁴⁵ Трепавлов 2001, с. 122–123.

⁸⁴⁶ Согласно «Таварих-и гузида» и «Бахр ал-асрар», у Ахмад-хана было девять сыновей: Муртаза(-султан), Сайид-Ахмад(-хан), Шайх-Ахмад(-хан), Сайид-Мухаммад/Махмуд(-хан), Уки(-султан), Ходжа-Мухаммад(-султан), Хусайн(-султан), Джанибек/Джан-бек/Джанай(-султан), Бахадур-султан [Таварих-и гузида 1969, с. 40; Алексеев 2005, с. 15; ср.: Базилевич 2001, с. 178].

⁸⁴⁷ См.: Трепавлов 2001, с. 123. А. Е. Гайворонский считает, что не только Муртаза и Сайид-Ахмад, но и Шейх-Ахмад поначалу пребывал при дворе Менгли-Гирея [Гайворонский 2007, с. 61].

⁸⁴⁸ Вообще, история правления ханов Золотой Орды 1480-х гг. довольно туманно отражена в источниках. К. В. Базилевич, не учитывая сведений о пребывании «Ахматовых детей» в Крыму, считает, что Муртаза и Сайид-Ахмад были провозглашены ханами уже вскоре после гибели их отца [Базилевич 2001, с. 178]. Ряд исследователей полагает, что преемником Ахмад-хана стал сначала Сайид-Ахмад, вскоре поделивший власть с Муртазой, а Шейх-Ахмад предъявил претензии на трон несколько позже, в начале 1490-х гг. [см., напр.: Kazimirski 1833, р. 353; Трепавлов 2001, с. 123; Гайворонский 2007, с. 61]. Однако представляется весьма сомнительным, чтобы в течение 1481–1485 гг., когда Сайид-Ахмад и Муртаза находились у Менгли-Гирея, престол Золотой Орды пустовал. Видимо, в это время Шейх-Ахмад и пришел к власти, не получив, впрочем, согласия старших братьев. Это и объясняет междоусобицы, начавшиеся после их возвращения из Крыма.

⁸⁴⁹ Разной в источниках относительно имен «Ахматовых детей» позволяет некоторым исследователям утверждать, что Муртазу освободил другой сын Ахмад-хана — Сайид-Махмуд/Мухаммад, который в дальнейшем и являлся ханом-соправителем [см., напр.: Базилевич 2001, с. 431; Хорошкевич 2001, с. 155]. Согласно И. Барбаро, Муртаза попал в плен не при бегстве из Крыма, а в результате нападения Менгли-Гирея на его кочевья [Барбаро 1971, с. 156; см. также: Грумм-Гржимайло 1994, с. 144].

⁸⁵⁰ См.: Гайворонский 2007, с. 62. Ср.: Барбаро 1971, с. 156; Базилевич 2001, с. 186.

⁸⁵¹ См.: Базилевич 2001, с. 187; Гайворонский 2007, с. 62–63.

⁸⁵² См.: Базилевич 2001, с. 103; Горский 2000, с. 179–180 (текст посланий на с. 199–200).

⁸⁵³ См.: Каргалов 1984, с. 116; Горский 2000, с. 180.

⁸⁵⁴ Памятники 1884, с. 108; Гайворонский 2007, с. 69.

⁸⁵⁵ См.: Базилевич 2001, с. 191; Гайворонский 2007, с. 69–70. В. В. Трепавлов со ссылкой на дипломатическую переписку того времени предлагает иные причины отступления ордынских ханов из Крыма: Муртаза в очередной раз предпринял попытку добиться верховной власти и обратился за поддержкой к ногайскому бию Мусе, который в 1491 г. отправил войска на улусы Шейх-Ахмада и Сайид-Ахмада. Последние, находясь уже в Крыму, лишь в последний момент сумели перехватить ногайского гонца к крымскому хану и узнать об угрозе своим владениям, после чего поспешили оборонять их [Трепавлов 2001, с. 128].

⁸⁵⁶ Зайцев 2004а, с. 52.

⁸⁵⁷ Зайцев 2004а, с. 48. По мнению В. В. Трепавлова, династия правителей Хаджи-Тархана еще со времен Махмуда, брата Ахмад-хана, не ладила с Мангытским юртом, и эта вражда «по наследству» перешла к их преемникам [Трепавлов 2001, с. 133].

⁸⁵⁸ Трепавлов 2001, с. 128–129.

⁸⁵⁹ Посольские книги 1995, с. 46. См. также: Бустанов 2007. Несомненно, инициатива освобождения из плена Ильгама принадлежала не Ибаку, а мирзам Мусе и Ямгурчи: казанский хан был женат на Каракуш — дочери Ямгурчи [Трепавлов 2001, с. 136].

⁸⁶⁰ Трепавлов 2001, с. 128–129.

⁸⁶¹ Брат Хаджи-Ахмада, Джанкуват, был бекляри-беком Сайид-Ахмад-хана, брата Шейх-Ахмада и Муртазы. Оба бекляри-бека являлись троюродными братьями Мусы и Ямгурчи, что не мешало им находиться в жестокой вражде.

⁸⁶² Памятники 1884, с. 211–212. См. также: Базилевич 2001, с. 194–195; Трепавлов 2001, с. 125, 129; Зайцев 2004а, с. 53.

А. П. Григорьев связывает нашествие Ибака и свержение Шейх-Ахмада, реконструируя события следующим образом: Шейх-Ахмад женился на дочери Мусы, за что и был лишен трона ордынской знатью. Для возвращения трона он прибег к помощи своего тестя, который, в свою очередь, привлек к походу на Волгу Ибака. Однако последний решил захватить трон для себя, но вынужден был ни с чем вернуться в свои владения [Григорьев 1985, с. 177–178]. Однако исследователь относит все эти события к 1494 г., тогда как сам же датирует письмо Ибака 1493 г. [ср.: Зайцев 2004а, с. 49], поэтому его реконструкция представляется не вполне убедительной.

⁸⁶³ Хорошкевич 2001, с. 151.

⁸⁶⁴ См.: Алексеев 2005, с. 15. В. В. Трепавлов, опираясь на источники, называет этого царевича Хаджи-Ахмедом [Трепавлов 2001, с. 740].

⁸⁶⁵ См.: Хорошкевич 2001, с. 153.

⁸⁶⁶ Хорошкевич 2001, с. 153; Зайцев 2000. Примечательно, что черкесы в это время, по-видимому, уже не признавали власти ни одного из противоборствующих братьев-ханов: согласно донесению московского посла И. Г. Мамонова Ивану III, в 1501 г. Муртаза и черкесы также находились во враждебных отношениях [Памятники 1884, с. 358; Трепавлов 2001, с. 125].

⁸⁶⁷ См. подробнее: Зайцев 2000.

⁸⁶⁸ См.: Смирнов 2005, с. 282; Гайворонский 2007, с. 73–74.

⁸⁶⁹ См.: Хорошкевич 2001, с. 154–155; Масько 2006, с. 16.

⁸⁷⁰ Памятники 1884, с. 367. См. также: Гайворонский 2007, с. 75.

⁸⁷¹ См.: Хорошкевич 2001, с. 155.

⁸⁷² Надо полагать, на такой шаг хана толкнула не просто забота о материальном благополучии подданных, а насущная необходимость. Хотя в результате победы над Менгли-Гиреем ему и удалось занять Приднепровье, крымцы устроили в степях серию пожаров, в результате которых и эти плодородные земли превратились в выжженную пустыню. Хану срочно необходимо было обеспечить свой народ продовольствием [см.: Гайворонский 2007, с. 76].

⁸⁷³ Хорошкевич 2001, с. 155.

⁸⁷⁴ Шенников 1981, с. 21.

⁸⁷⁵ Хорошкевич 2001, с. 156.

⁸⁷⁶ См.: Меховский 1936, с. 65; Гайворонский 2007, с. 76. В 1503 г. после нескольких месяцев скитаний Таваккул прибыл ко двору Менгли-Гирея, где также занял пост бекляри-бека. Есть сведения, что сам хан пригласил

его по настоянию своей знаменитой супруги Нур-Султан, дочери Тимура и сестры Таваккула [Трепавлов 2001, с. 131]. О жене Шейх-Ахмада, сбежавшей в Крым, сообщает также С. Герберштейн [см. подробнее: Зайцев 2004б, с. 107].

⁸⁷⁷ Гайворонский 2007, с. 77

⁸⁷⁸ По мнению Л. Коллинз, Менгли-Гирей в это время был болен и не мог лично возглавить поход, на что указывает одно из его писем Ивану III [см.: Хорошкевич 2001, с. 158]. Однако большинство исследователей склоняются к тому, что крымский хан лично возглавил кампанию по разгрому Золотой Орды [см., напр.: Гайворонский 2007, с. 78].

⁸⁷⁹ См.: Пачкалов 2008, с. 62.

⁸⁸⁰ А. Е. Гайворонский датирует это событие, которое традиционно считается окончательным падением Золотой Орды, 15 июня 1502 г. (оговаривая, впрочем, что эта дата приблизительна) [Гайворонский 2007, с. 79].

⁸⁸¹ По мнению исследователей, после разгрома Золотой Орды многие родичи Ахмад-хана поспешили покинуть и Хаджи-Тархан, поступив на русскую службу [см.: Зайцев 2004а, с. 58]. Известия о бегстве царевичей из Астрахани дали основание некоторым авторам полагать, что этот город также подвергся разгрому Менгли-Гиреем, хотя никаких сведений в источниках об этом нет.

⁸⁸² См.: Довнар-Запольский 1898, с. 21; Зайцев 2004а, с. 64.

⁸⁸³ См.: Трепавлов 2001, с. 147.

⁸⁸⁴ См.: Зайцев 2002, с. 53–57.

⁸⁸⁵ Памятники 1884, с. 509; Грумм-Гржимайло 1994, с. 145; Зайцев 2004а, с. 64–65. Согласно Матвею Меховскому, султан не просто отказал Шейх-Ахмаду в убежище, но и приказал своему белгородскому санджак-бею схватить его [Меховский 1936, с. 65; Зайцев 2004а, с. 65].

⁸⁸⁶ См.: Зайцев 2004а, с. 65.

⁸⁸⁷ Сборник 1838, с. 20, 24–25.

⁸⁸⁸ Ср.: Зайцев 2004б, с. 108.

⁸⁸⁹ Сходство участи обоих ханов привело некоторых исследователей к убеждению, что Шейх-Ахмад также умер в польском плену [см.: Грумм-Гржимайло 1994, с. 145; Трепавлов 2001, с. 150, ср.: с. 177]. По сведениям М. Меховского, Шейх-Ахмада после его оправдания в Бресте отпустили обратно на Волгу, но когда он вернулся в литовские владения для сбора воинов, литовцы вновь схватили его по сговору с Менгли-Гиреем и бросили в заключение [Меховский 1936, с. 66; Зайцев 2004б, с. 106–107].

⁸⁹⁰ Зайцев 2004б, с. 108.

⁸⁹¹ Сборник 1838, с. 31–32.

⁸⁹² Трепавлов 2001, с. 173; Зайцев 2004б, с. 110–111.

⁸⁹³ Сайид-Ахмад-хан последний раз упоминается в источниках под 1504 г. В. Д. Смирнов со ссылкой на «Краткую историю крымских ханов» сообщает, что он был убит при нападении Менгли-Гирея и его наследника Мухаммад-Гирея на улусы Золотой Орды [Смирнов 2005, с. 235; ср.: Базилевич 2001, с. 187].

⁸⁹⁴ Трепавлов 2001, с. 149–159. Исследователь отмечает, что сам Хаджи-ке после 1515 г. в источниках уже не упоминается.

⁸⁹⁵ См.: Зайцев 2004б, с. 111.

⁸⁹⁶ Гайворонский 2007, с. 163–164.

⁸⁹⁷ ПСРЛ 1980, с. 172; Зайцев 2004б, с. 112.

⁸⁹⁸ Утемиш-хаджи 1992, с. 96. Возможно, хивинский историк лично общался с престарелым ханом, поскольку он приводит, в частности, следующие слова: «Шайх-Ахмад-хан несколько лет был там в плену, затем опять благополучно выбрался [оттуда] и пришел в свой вилайет Хаджи-Тархан. Он рассказывал: “Каких бы только омаков ни были эли в нашем узбекском народе, изо всех них есть там [такие же омаки]: ушли вместе с Шайбан-ханом и там остались”» [Там же].

⁸⁹⁹ Гайворонский 2007, с. 176–177.

⁹⁰⁰ Предположение о правлении Шейх-Ахмада в Астрахани делает И. В. Зайцев [Зайцев 2004а, с. 107–108].

⁹⁰¹ И. В. Зайцев полагает, что Шейх-Ахмад, находясь в весьма почтенном возрасте, скорее всего, умер сам — от старости, болезней и переживаний [Зайцев 2004б, с. 113]. Однако исследователь сам же приводит сообщение Евреинновской летописи, согласно которому приверженцы Шейх-Ахмада «в орду Заволские волости допроводили, а потом его сами ж зарезали» [ПСРЛ 1980, с. 235; Зайцев 2004б, с. 112]. См. также: Гайворонский 2007, с. 177.

⁹⁰² Думин 1989, с. 110–113.

⁹⁰³ Трепавлов 2001, с. 235. Сам исследователь отмечает, что происхождение «Яная царя» (Джаная) неизвестно, но предполагает, что он, скорее всего, принадлежит к потомкам Ахмад-хана.

⁹⁰⁴ В. В. Трепавлов предполагает, что это мог быть казахский царевич [Трепавлов 2001, с. 292].

⁹⁰⁵ Думин 1989, с. 112.

⁹⁰⁶ Зайцев 2004б, с. 113.

⁹⁰⁷ См. подробнее: Зайцев 2004а, с. 127. Сам исследователь считает эти данные недостоверными.

⁹⁰⁸ В 1490 г. Иван III получил послание от хана приаральских узбеков Аминка б. Йадгар-хана, который в русском переводе также именовался царем. Впрочем, этот «царь» не предъявлял никаких претензий на восстановление господства над Русью и обращался к великому князю московскому как к равному [см. Посольские книги 1995, с. 32–33].

⁹⁰⁹ А. И. Филюшкин подчеркивает, что свой царский титул русские государи связывали не с преемством от Золотой Орды, а именно с победой над ней. На Руси царский титул связывался с некими сакральными аспектами (его выводили от библейских царей), так что прямое правопреемство от золотоордынских ханов было просто-напросто невозможно в силу религиозного фактора [Филюшкин 2006, с. 75].

⁹¹⁰ См.: Настольная книга 1891.

⁹¹¹ Трепавлов 2007а, с. 16–18.

ХРОНОЛОГИЯ¹

- 1209 Рождение Бату, сына Джучи и Уки-хатун.
- Ок. 1221* Рождение Берке, сына Джучи и Султан-хатун.
- 1227 Смерть Джучи. Бату наследует улус отца.
- 1228–1229 Участие Бату и Берке в курултае, на котором Угедэй избран монгольским ханом.
- Ок. 1232–1234 Бату участвует в боевых действиях в Китае, сопровождая своего дядю хана Угедэя.
- 1235 Великий курултай в Монголии, на котором принимается решение о великом западном походе.
- 1236 Поход Бату в Волжскую Булгарию.
- 1237 Разгром войсками Бату Волжской Булгарии, вторжение в Рязанское княжество.
- 1238 Войска Бату вторгаются в пределы Владимиро-Суздальской Руси и разоряют большинство ее городов.
- 1238–1239 Берке участвует в великом западном походе Чингизидов, действует против кипчаков и, вероятно, захватывает Переяславль.
- 1230-е* Рождение Ногая.
- 1240-е* Рождение Менгу-Тимура.
- 1240 Войска Бату после долгой осады берут Киев.
- 1241 Войска Бату разоряют Галицко-Волынскую Русь, вторгаются в Венгрию и в битве при Шайо одерживают победу над венгерским королем Белой IV.
- 1242 После смерти Чагатая, последнего из сыновей Чингис-хана, Бату становится «ака» рода Чингизидов.
- 1243 Русские князья во главе с Ярославом Всеволодовичем Владимирским признают зависимость от Бату как от представителя монгольского хана.
- 1244–1246 Установление сюзеренитета Бату над сельджукским султаном и грузинскими царями.
- 1246 Участие Берке (вместе с другими братьями Бату) в курултае, на котором Гуюк избран монгольским ханом.
- 1246* В ставке Бату умерщвлены черниговские князья Михаил Всеволодович и Андрей Мстиславич.
- 1248 Бату выступает против Гуюка, который таинственно умирает, двигаясь во главе войск во владения Бату.

¹ Включает только события, упомянутые в книге и касающиеся ее персонажей. Знаком * обозначены приблизительные или предполагаемые даты.

- 1248* Разграбление Херсонеса ордынскими войсками, предположительно под командованием Ногая.
- 1251 Берке по приказанию Бату организует и проводит курултай, на котором Мунке избран монгольским ханом.
- 1252 Бату и его сын Сартак организуют «Неврюеву рать» на Русь, чтобы сместить великого князя Андрея Ярославича – союзника семейства Угедзя. Новым великим князем становится Александр Невский.
- 1255 Бату разрешает конфликт между своими вассалами – сельджукскими султанами Изз ад-Дином Кей-Кавусом II и Руки ад-Дином Килич-Арсланом IV.
- 1256 Смерть Бату, Берке приказывает отравить его сына и преемника Сартака
- 1257/1258 Смерть Улагчи, сына и преемника Сартака, казнь Боракчин-хатун. Берке приходит к власти в Золотой Орде.
- 1258–1260 Бурундай приводит к покорности Юго-Западную Русь.
- 1259 Проведение переписи на Руси, в том числе и в Новгороде.
Вмешательство Берке в дела Закавказья провоцирует восстание грузинских царей Давида V и Давида VI против ильхана, однако восстание жестоко подавляется.
- 1260 Начало войны между Хубилаем и Арик-Бугой за монгольский трон, Берке решает поддержать Арик-Бугу.
- 1261* Берке официально принимает ислам.
- 1262 Антимонгольское восстание на Руси, отказ от признания власти монгольского хана и прямое подчинение правителям Золотой Орды.
Установление дипломатических отношений Золотой Орды с Египтом: обмен посольствами Берке и аз-Захира Бейбарса.
Заключение мира между Берке и Иштваном II, королем Венгрии.
Начало войны Берке с Хулагу за Азербайджан, Ногай терпит поражение от Абаги, но затем Берке побеждает Хулагу.
- 1263* Менгу-Тимур фактически признан наследником Берке.
- 1264 Новая кампания Берке против Хулагу отменяется из-за слухов о том, что Хубилай присылает в Иран монгольские войска.
Поход ордынских войск на Византию отменяется после вмешательства Бейбарса.
- 1265 Смерть Хулагу, попытка мирных переговоров Берке с его преемником Абагой.
- 1265* Вторжение ордынских и болгарских войск под командованием Ногая в Византию с целью освобождения пленного сельджукского султана Кей-Кавуса II.
- 1266 Вторжение войск Берке под командованием Ногая в Азербайджан, разгром Ногая, отступление Абаги под натиском Берке. Смерть Берке.
- 1267 Воцарение Менгу-Тимура в Золотой Орде, выдача ярлыка русской церкви, опала Ногая.
- 1268 Поражение Менгу-Тимура в войне с ильханом Абагой, заключение мира с Ираном.
Вмешательство Менгу-Тимура в войну Хайду и Борака, его войска наносят поражение Бораку.
- 1269 На курултае на р. Талас правители улусов Джучи, Чагатай и Угедзя объявляют себя независимыми от власти монгольского хана Хубилая. Менгу-Тимур становится первым ханом Золотой Орды.
- 1270 Великий князь Ярослав III дважды обращается с Менгу-Тимуром с просьбой о присылке ордынских войск – в борьбе с Тевтонским орденом и для подавления мятежа в Новгороде. Оба конфликта удается уладить с помощью переговоров.

- 1270 Ногай устанавливает самостоятельные контакты с Египтом.
- Ок. 1273 Ногай женится на Ефросинье, побочной дочери византийского императора Михаила VIII Палеолога.
- Ок. 1274* Рождение Токты.
- 1274–1275 Войска Менгу-Тимура вместе с дружинами южнорусских князей совершают походы на Польшу и Литву.
- 1277, 1278 Совместные походы войск Ногая и Михаила VIII против болгар.
- 1277–1278 Ордынские войска при поддержке русских дружин совершают поход против аланов (осетин) и захватывают их столицу Джулат (Дедаков).
- 1278 Нумуган, сын Хубилая попадает в плен к Хайду, и тот отправляет его к Менгу-Тимуру.
- 1280 Смерть Менгу-Тимура, приход к власти Туда-Менгу, Ногай становится бекляри-беком. Ногай низлагает двух болгарских царей – Ивайло и Ивана III Асена – и передает трон Георгию Тертеру I.
- 1281 Рождение Узбека.
- 1282 Войска Ногая помогают Михаилу VIII Палеологу в войне с Иоанном, правителем Фессалии.
- 1283 Ногай вмешивается в борьбу сыновей Александра Невского за великокняжеский стол и помогает старшему, Дмитрию Переяславскому, вернуть его.
- 1283, 1285 Набеги войск Ногая, Тула-Буги и южнорусских князей на Венгрию и Польшу.
- 1287 Туда-Менгу-хан низложен, ханом становится Тула-Буга (при фактическом соправительстве с Алгумем, Тогрулом и Кунчеком).
- 1288 Ногай и Тама-Токта вторгаются в Иран, но терпят поражение от ильхана Аргуна.
Поход Ногая и Тула-Буги на Венгрию заканчивается неудачей: хан теряет значительную часть войск во время переходов через Карпаты.
- 1290 Тама-Токта, совершивший очередное вторжение в Иран по приказу Ногая, терпит поражение от Аргуна.
- 1290 Конфликт Ногая с ханом Тула-Бугой, Ногай вступает в сговор с Токтой, сыном Менгу-Тимура.
- 1291 Ногай и Токта совершают переворот: Тула-Буга и его соправители казнены, и Токта провозглашается ханом.
- 1292 Сербия признает вассалитет от Золотой Орды, наследник трона Стефан отправлен к Ногаю в заложники.
- 1293 Токта передает великокняжеский трон Андрею Александровичу Городецкому. «Дюденева рать» на Руси.
- 1294 Токта заключает мир с ильханом Гейхату.
- Ок. 1295 Начало разлада между Токтой и Ногаем.
- 1297 Съезд русских князей в Переяславле, где Алекса Неврюй, представитель Токты, старается примирить князей-соперников.
- 1298 Первое военное столкновение Ногая с Токтой, победа Ногая и фактическое отделение западной части Золотой Орды, предположительно – самопровозглашение Ногая ханом.
Разорение Ногазм Крыма в отместку за умерщвление в Кафе его внука Ак-тайджи.
- 1299/1300* Токта признает номинальную власть монгольского хана – китайского императора Тимура, вскоре его примеру следуют и другие правители монгольских улусов. В результате к 1305 г. единство Монгольской империи формально восстанавливается.

- 1299/1300* Второе сражение Токты с Ногаем, разгром и гибель Ногая.
- 1300 Раздел владений Ногая между родичами Токты.
Джуки, сын Ногая, провозглашает себя царем Болгарии.
- 1301 Федор-Святослав, сын Георгия Тертера I, умерщвляет Джуки, Токта признает независимость Болгарии.
- 1302 Тури, сын Ногая, вместе с Сарай-Бугой, братом Токты, пытаются поднять мятеж против хана, но оба схвачены и казнены Бурлюком, другим братом Токты.
- 1302–1310 Токта вмешивается в междоусобицы в Синей Орде и поддерживает ее законного правителя Баяна.
- 1305 Посольство Токты к египетскому султану ан-Насиру с предложением о совместной борьбе с Ираном.
- 1308 Вторжение иранских войск в Золотую Орду, войска Токты наносят поражение иранскому эмиру Чобану.
Казнь в Золотой Орде рязанского князя Василия Константиновича, выдача Токтой ярлыка русской церкви.
Осада войсками Токты генуэзской Кафы, репрессии против итальянских купцов в Золотой Орде.
- 1310 В союзе с монгольским ханом – китайским императором Хайшаном Токта начинает войну с Эсен-Бугой, правителем Улуса Чагатая.
Мирное посольство Токты к ильхану Олджейту заканчивается неудачей
- 1310–1311 Предположительно проведение Токтой денежной реформы.
- 1310-е* Рождение Джанибека.
- 1312 Смерть Токты.
- 1313 Узбек убивает Ильбасара, сына Токты, и становится ханом.
- 1317 Московский князь Юрий Данилович женится на сестре Узбека и получает от хана ярлык на великое княжение.
- 1318–1319 Суд и казнь в Золотой Орде Михаила Тверского.
- 1320 Официальное провозглашение ислама государственной религией Золотой Орды, репрессии против членов ханского рода и эмиров, не пожелавших принять ислам (казнь более 120 Чингизидов).
Узбек терпит поражение от ильхана Абу Саида.
Тулун-бай, родственница Узбека, выдана замуж за египетского султана ан-Насира.
- 1322 Хан лишает Юрия Московского великокняжеского титула и передает его Дмитрию, сыну Михаила Тверского.
В результате конфликта между христианским и мусульманским населением в Судаке город оккупирован ордынскими войсками и подвергается разорению.
- 1323 Войска Узбека в союзе с болгарским царем Георгием Тертером II терпят поражение от византийцев.
- 1324 Поход войск Узбека на Литву.
- 1325 Вторжение иранских войск в кавказские владения Золотой Орды, их опустошение.
- 1325–1326 Убийство Юрия Московского в Золотой Орде Дмитрием Тверским. Казнь Дмитрия.
- 1327 Убийство в Твери ханского родича Шевкала. Поход ордынских и московских войск на Тверь, великокняжеский ярлык пожалован одновременно московскому князю Ивану Даниловичу Калите и суздальскому князю Александру Васильевичу.

- 1328–1329 Мубарак-Ходжа, потомок Орду, провозглашает себя ханом Синей Орды, но свергнут и вынужден бежать. Наместником восточного крыла Золотой Орды становится Иса (Исатай) Кият.
- 1330 Войска Узбека выступают союзниками Валахии и Византии против Сербии, но терпят поражение.
- Ок. 1330* Рождение Мамай.
- 1332 Пожалование Узбеком ярлыка венецианским купцам. Создание венецианской колонии Тана в Азове.
- 1335 Поход Узбека на Иран заканчивается поражением от ильхана Арпа-хана.
- 1337 Походы войск Узбека на Литву и Польшу.
- 1339 Казнь Узбеком тверского князя Александра Михайловича и его сына Федора.
Войска Узбека и русских князей совершают поход на Смоленск, правители которого намереваются перейти под власть Литвы.
Джанибек предположительно становится соправителем-наследником Узбека.
- 1341 Смерть Узбека, провозглашение ханом его старшего сына Тинибек.
- 1341/1342 Джанибек свергает и убивает Тинибек и становится ханом, ярлык русской церкви, лишаящий ее ряда льгот по сравнению с выданными ранее.
- 1343 Конфликт Джанибека с итальянскими торговцами в Азове приводит к их изгнанию из Орды сроком на 5 лет.
- 1344–1345 Осада Кафы войсками Джанибека заканчивается неудачей два года подряд.
- 1347 Восстановление отношений Джанибека с итальянскими торговыми республиками, которым хан вновь позволяет вести торговлю в Золотой Орде.
- Рубеж 1340-1350-х* Рождение Токтамыша.
- Ок. 1350* Переговоры литовского князя Ольгерда с Джанибеком о союзе против Руси заканчиваются тем, что хан арестовывает литовских послов и выдает их великому князю Семену Гордому.
- 1352* Рождение Идигу (Едигея).
- 1356 Вторжение войск Джанибека в Азербайджан, разгром Малика Ашрафа, его казнь и присоединение Азербайджана к Золотой Орде.
- 1357 Болезнь и смерть Джанибека, ханом становится его сын Бердибек, устроивший резню других претендентов на трон.
Азербайджан вновь отпадает от Золотой Орды.
- 1358 На трон Золотой Орды предъявляет претензии Кульна.
- 1359 Смерть Бердибека и воцарение Кульны. На востоке провозглашает себя ханом Хызр из рода Шибана.
- 1360 Кибель Кульны, вступление на трон Науруса, его разгром и казнь Хызром, казнь ханши Тайдулы.
- 1361 Гибель Хызра, царствование Орду-Мелика, его свержение Тимур-Ходжой, сыном Хызра, который вступает в борьбу со своим дядей Мюридом.
В Синей Орде свергнута власть киятов и Кара-Ногай, потомок Туга-Тимура, провозглашается ханом.
Мамай с верными ему войсками покидает Сарай и отправляется в Крым. Хан Тимур-Ходжа бежит из Сарая под натиском своего дяди Мюрида и вскоре погибает.

- 1361 Наместники областей Пулад-Тимур в Булгарии, Сегиз-бей в Запьянье и Тагай в Мохше провозглашают себя независимыми правителями.
Новым ханом провозглашается Кильдибек, которого поначалу поддерживает и Мамай.
- 1362 Разгром и гибель Кильдибека, ханом становится Мюрид, в противовес которому Мамай провозглашает ханом Абдаллаха, разгром Мамаем Азова.
На р. Синяя Вода литовские войска наносят поражение ордынским темникам. Литва приобретает контроль над юго-западными областями Золотой Орды.
- 1363 Мамай и Абдаллах захватывают Сарай и выдают ярлык на великое княжение московскому князю Дмитрию Ивановичу (позднее – Донскому).
- 1363/1364 Мюрид-хан гибнет в результате заговора эмиров.
- 1363, 1364 Захват Сарая Мир-Пуладом, которого вытесняют сначала Пулад(Деулиуллах)-Ходжа, а затем – Азиз-шейх.
- 1365 Азиз-шейх передает Нижний Новгород Борису Константиновичу Городецкому, а Мамай и Абдаллах помогают утвердиться там Дмитрию Суздальскому – брату Бориса.
- 1367 Казнь Азиз-шейхом болгарского правителя Пулад-Тимура, гибель Азиз-шейха, занятие Сарая Мамаем и Абдаллахом, астраханский наместник Хаджи-Черкес провозглашает ханом в Крыму Улджай-Тимура.
- 1368 Улджай-Тимур выбивает Абдаллаха из Сарая, однако и сам вскоре изгнан из столицы Хасаном, потомком Шибана.
В Синей Орде ханом становится Мухаммад Урус.
- 1369 Смерть хана Абдаллаха.
- 1370 Провозглашение ханом Мухаммада(-Бюлека), поход русских войск на Булгар и его подчинение Мухаммад-хану, выдача ярлыка на великое княжение Михаилу Тверскому.
- 1370–1371 Правление в Сарае Тулунбек-ханум – предположительно супруги Мамаю.
- 1371 Восстановление Мамаем дипломатических отношений с Египтом.
Выдача ярлыка на великое княжение сначала Михаилу Тверскому, затем Дмитрию Московскому.
- 1372 Мухаммад(-Бюлек) с подачи Мамаю выдает ярлык, жалующий привилегии купцам Кракова.
- 1372–1373 Мухаммад(-Бюлек) выбит из Сарая Урус-ханом, который тут же вступает в борьбу с Хаджи-Черкесом и теряет Сарай.
- 1373–1374 Правление в Сарае Ильбека из рода Шибана, его племянник Арабшах становится наместником улуса Шибана.
- 1374 Разгром Ильбека Мамаем, вторичное правление Мухаммад-хана в Сарае и его изгнание Урусом.
«Розмирье» Дмитрия Московского и Дмитрия Нижегородского с Мамаем, признание ими власти сарайских ханов.
- 1375 Урус покидает Поволжье, на трон в Сарае вступает Каганбек.
Конфликт Мамаю с генуэзцами Кафы: Мамай захватывает ряд селений Судакской долины, чтобы отодвинуть границу с генуэзскими владениями подальше от своей резиденции в Солхате.
Мамай выдает Михаилу Тверскому очередной ярлык на великое княжение, который не признают Дмитрий Московский и другие князья.
- 1376 По приказу Каганбека московские и нижегородские войска завоевывают Булгар и заставляют местного правителя признать власть Сарая.
Токтамыш, а затем и Идигу появляются при дворе Амира Тимура в Чагатаевом улусе.

- 1376–1378 Токтамыш при поддержке Амира Тимура выступает против Урус-хана, но терпит ряд поражений от его сыновей.
- 1377 Разгром ордынцами Мамаю нижегородских войск на р. Пьяне. Разорение Арабшахом Засурья. Каганбек уступает трон Арабшаху.
- 1377–1378 Арабшах подчиняет Сараю все Поволжье и совершает серию набегов на русские границы.
- 1378 Разгром войск Мамаю под командованием Бегича на р. Вожа, карательный рейд на Рязань.
- 1379 Выдача Мухаммадом(-Бюлеком) и Мамаем ярлыка митрополиту Михаилу – ставленнику Москвы.
Мухаммад(-Бюлек) с подачи Мамаю выдает ярлык, жалующий привилегии купцам Львова.
Токтамыш становится ханом Синей Орды.
- 1380 Арабшах уступает трон Токтамышу, но сохраняет за собой улус Шибана.
Поражение Мамаю в Куликовской битве, переход его войск к Токтамышу.
- 1380/1381 Гибель Мамаю в Крыму, Токтамыш объединяет Белую и Синюю Орду.
- 1382 Сожжение Москвы Токтамышем.
- 1383 Токтамыш присоединяет Хорезм к Золотой Орде.
- 1386 Заговор против Токтамыша в Сарае и его подавление. Хан казнит свою супругу Тулунбек-ханум.
Идигу бежит от Токтамыша к Амиру Тимуру.
Вторжение Токтамыша в Ширван, присоединение им Азербайджана к Золотой Орде и отступление при приближении войск Амира Тимура.
- 1387 Вторжение Токтамыша в Мавераннахр, разгром Омар-Шейха, сына Амира Тимура, и отступление хана при приближении самого Тимура.
- 1388 Разгром Тимуром Хорезма.
Новый поход Токтамыша на Мавераннахр, захват ими присырдарьинских городов и отступление. Тимур захватывает Сыгнак, столицу Синей Орды.
- 1390–1391 Поход Амира Тимура на Синюю Орду.
- 1391 Разгром Токтамыша на р. Кондурче. Тимур-Кутлуг провозглашает себя ханом в Синей Орде, а Бек-Пулад себя – ханом Золотой Орды.
- 1392 Токтамыш свергает Бек-Пулада и возвращает трон.
- Первая пол. 1390-х* Токтамыш и Идигу заключают соглашение, по которому Идигу получает контроль над восточными областями Орды в обмен на признание ханом Токтамыша.
- 1394 В ответ на поход Амира Тимура в Грузию Токтамыш вторгается в Азербайджан и вновь захватывает Ширван.
- 1395–1396 Поход Амира Тимура на Золотую Орду, разгром Токтамыша на Тереке и его бегство. Разорение Тимуром Поволжья, Причерноморья и Крыма, а также ряда русских областей. Ханом Золотой Орды провозглашен Койричак-оглан.
Таш-Тимур провозглашает себя ханом в Крыму, но вскоре его свергает Токтамыш.
- 1397 Койричак свергнут Тимур-Кутлугом и Идигу. Токтамыш пытается занять Сарай, но выбит оттуда Идигу, а затем вытеснен им и из Крыма.
- 1398 Токтамыш и Витовт заключают соглашение о разделе русских земель.
- 1399 Битва на р. Ворскла, разгром Витовта и Токтамыша.
- 1400 Смерть Тимур-Кутлуг-хана, воцарение Шадибека.

- 1400 Токтамыш обосновывается в Тюмени и вступает в борьбу с Идигу.
- 1404 Восстановление мира и союза между Токтамышем и Амиром Тимуром.
- 1406/1407 Гибель Токтамыша от рук Шадибека, Идигу или Нур ад-Дина б. Идигу.
- 1407 Конфликт Шадибек-хана и Идигу. Свержение и бегство Шадибека в Ширван, где он продолжает именоваться ханом и чеканить монету. На трон в Золотой Орде возведен Пулад-бек(хан).
- 1408–1409 Поход Идигу на Москву.
- 1409 Сын Токтамыша (предположительно Керим-Берди) свергает Пулад-хана и воцаряется в Сарая. Возвращение Идигу и восстановление власти Пулада.
- 1411 Свержение Пулада его братом Тимур-ханом. Идигу бежит в Хорезм. Джалал ад-Дин б. Токтамыш провозглашает себя ханом.
- 1412 Гибель Тимур-хана и Джалал ад-Дина. Воцарение Керим-Берди.
- 1414 Литовский князь Витовт выдвигает на золотоордынский трон Кебека, который терпит поражение в борьбе с Керим-Берди.
Идигу провозглашает ханом Чокре (Чингиз-оглана).
- 1416 Керим-Берди разгромлен и убит своим братом Джаббар-Берди.
Идигу провозглашает ханом Сайид-Ахмада.
- 1417 Гибель Джаббар-Берди. Смерть Сайид-Ахмада. Идигу возводит на трон Дервиш-хана.
- 1419 Дервиш-хан свергнут и убит Кадыр-Берди. Идигу бежит в Крым и провозглашает ханом Бек-Суфи, терпит поражение от Кадыр-Берди и бежит на Урал, где вскоре погибает. Кадыр-Берди убит в Крыму.
Ханом становится Улуг-Мухаммад, в противовес которому в Тюмени сыновья Идигу объявляют ханом Хаджи-Мухаммада из рода Шибана.
- 1421/1422 Улуг-Мухаммад разгромлен и изгнан из Сарая Борака-огланом.
- 1422–1423 Борьба за ордынский трон Борака и Худайдата.
- 1424 Худайдат разгромлен литовскими войсками под Одоевом и предположительно убит **Бораком**.
- 1425–1426 Улуг-Мухаммад изгоняет Борака на восток и возвращает себе трон.
- 1427 Возвращение Борака в Поволжье, его борьба с Улуг-Мухаммадом и Девлет-Берди.
- 1428–1429 Окончательное изгнание Борака на восток и его гибель в борьбе с сыновьями Идигу.
Восстановление Улуг-Мухаммада на троне. Он устанавливает дипломатические отношения с Турцией, Египтом и Литвой.
Провозглашение ханом в Хаджи-Тархане Кичи-Мухаммада.
- 1431–1432 Улуг-Мухаммад разбирает спор Юрия Звенигородского и Василия II Московского о великом княжении и решает дело в пользу Василия.
- 1432 Сайид-Ахмад, внук Токтамыша, провозглашен ханом в Крыму.
- 1432–1433 Союз Улуг-Мухаммада с литовским князем Свидригайло, а затем – с его противником Сигизмундом. Кичи-Мухаммад вытесняет Улуг-Мухаммада из Сарая.
- 1434 Московский великий князь платит ордынский «выход» сразу трем ханам – Улуг-Мухаммаду, Кичи-Мухаммаду и Сайид-Ахмаду.
- 1436 Разгром Улуг-Мухаммада Сайид-Ахмадом и вытеснение его из Причерноморья.
- 1437 Окончательный разгром Улуг-Мухаммада Кичи-Мухаммадом, его уход на Русь. Победа Улуг-Мухаммада над московскими войсками под Белевом.

- 1438 Предположительно захват Улуг-Мухаммадом Нижнего Новгорода.
- 1439 Улуг-Мухаммад осаждает Москву.
- Нач. 1440-х гг.* Сайид-Ахмад вытесняет Кичи-Мухаммада за Волгу и становится верховным правителем Золотой Орды.
- 1442 Улуг-Мухаммад передает Нижний Новгород Даниилу Борисовичу, отняв его у Москвы.
- 1443/1444 Гибель Мустафы б. Улуг-Мухаммада в битве под Рязанью.
- 1444 Вторичное занятие Нижнего Новгорода Улуг-Мухаммадом.
- 1445 Поход сыновей Улуг-Мухаммада в русские земли, выступление против них Василия II, его поражение и пленение, Улуг-Мухаммад освобождает его на весьма тяжелых условиях.
Смерть Улуг-Мухаммада, его сын Махмуд становится ханом и захватывает Казань, где основывает Казанское ханство.
- 1448 Участие Сайид-Ахмада в междоусобной борьбе в Ливне на стороне Михаила Сигизмундовича.
- 1449 Разгром войск Сайид-Ахмада на р. Пахре меццерским правителем Касимом б. Улуг-Мухаммадом
Вытеснение Сайид-Ахмада из Крыма Хаджи-Гиреем.
- 1451 Мазовша б. Сайид-Ахмад вторгается в Московское княжество и грабит окрестности Москвы.
- 1452/1453 Сайид-Ахмад разгромлен Хаджи-Гиреем, пленен литовцами и вскоре умирает в Ковно в заключении. Кичи-Мухаммад возвращает трон.
- 1455 Войска из орды Сайид-Ахмада совершают набег на границы Московской Руси.
- 1459* Смерть Кичи-Мухаммада, приход к власти его сыновей Махмуда и Ахмада.
Войска из орды Сайид-Ахмада снова совершают набег на границы Московской Руси.
- 1460 Поход Ахмада на Рязанское княжество.
- 1465 Поражение Махмуда от Хаджи-Гирея.
- 1466 Смерть Хаджи-Гирея и восстановление власти Махмуда, установление им дипломатических отношений с Турцией.
- 1470/1471 Вмешательство Ахмад-хана в междоусобицу в государстве кочевых узбеков. Смерть Махмуд-хана.
- 1471 Осада Ахмад-ханом и его союзниками Хаджи-Тархана, правитель которого, Касим, дал убежище узбекским царевичам – Мухаммаду Шайбани и Махмуд-султану.
Заключение союза между Ахмадом и Казимиром IV Польским.
- 1472 Поход Ахмада на Русь, сожжение Алексина. Возвращение хана в Поволжье из-за нападения Мухаммада Шайбани.
- 1474 Заключение союза между Иваном III и Менгли-Гиреем против Ахмада.
- 1475 Южный берег Крыма захвачен турецким султаном Мехмедом II.
- 1476* Ахмад направляет Ивану III ярлык с требованием возобновления выплаты дани.
- 1476–1477 Переговоры Ахмада с Венецией и Римом о совместной борьбе против турков.
Джанибек, племянник Ахмад-хана, возведен на крымский трон, но вскоре свергнут Нур-Девлетом.
- 1480 Поход Ахмад-хана на Русь. «Стояние на Угре» и отступление ордынских войск. Разорение ими польско-литовских окраин.
- 1481 Нападение тюменского правителя Ибака с ногайцами на ставку Ахмада и убийство Ахмада. Сыновья Ахмада находят убежище в Крыму.

- 1482* Провозглашение ханом Шейх-Ахмада.
- 1485 Пленение Муртазы в Крыму и его освобождение Сайид-Ахмадом.
- 1486 Попытка Муртазы возвести Нур-Девлета на крымский трон.
- 1491 Поход Шейх-Ахмада и Сайид-Ахмада в Крым и их отступление.
- 1492 Набег ногайцев и Ибака на Поволжье и их отступление.
- 1493 Женитьба Шейх-Ахмада на дочери ногайского бия Мусы. Муртаза свергает Шейх-Ахмада с трона.
- 1494 Шейх-Ахмад свергает Муртазу и возвращает себе трон.
- 1496–1497 Переговоры Шейх-Ахмада с Литвой о союзе против Москвы и Крыма.
- 1498 Набеги черкесов на владения Шейх-Ахмада.
- 1500–1501 Голод во владениях Шейх-Ахмада, попытка перекочевков в Приднпровье, неудача в переговорах с Турцией, вытеснение Менгли-Гирея из Приднпровья.
- 1501 Набеги Шейх-Ахмада на литовские владения в Юго-Западной Руси.
- 1502 Нападение Менгли-Гирея на владения Шейх-Ахмада, их разгром. Разорение Сарая и окончательное падение Золотой Орды. Менгли-Гирей провозглашает себя преемником золотоордынских ханов.
- 1503 Неудачная попытка Шейх-Ахмада завладеть Хаджи-Тарханом. Его бегство на Запад.
- 1504 Неудачная попытка Шейх-Ахмада укрыться в турецких владениях. Его бегство в Литву.
- 1505 Шейх-Ахмад арестован литовскими властями в Киеве и отправлен к королю Александру, который предоставляет ему убежище.
- 1506 Сигизмунд I, брат и преемник короля Александра, заключает Шейх-Ахмада в Ковно.
- 1514–1515 Ногайский бий Шейх-Мухаммад провозглашает золотоордынским ханом Хаджи-Мухаммада б. Ахмад-хана, который номинально считается ханом предположительно до 1519 г.
- 1521, 1523, Переговоры ногайских мирз с польским королем об освобождении Шейх-Ахмада.
1524
- 1527 Освобождение Шейх-Ахмада, его прибытие на Волгу. Переговоры с Ислам-Гиреем I о совместных действиях против Саадат-Гирея I.
- 1527–1528* Предположительно правление Шейх-Ахмада в Астраханском ханстве. Установление им дипломатических отношений с Москвой.
- 1528 Смерть (или гибель) Шейх-Ахмада.
- Между 1537 и 1542 гг.* Предположительно правление в Астрахани Шейх-Хайдара, сына Шейх-Ахмада.
- 1549 Ногайский бий Юсуф провозглашает ханом Джаная, внук Шейх-Ахмада (самая последняя попытка возрождения Золотой Орды).
- 1555* Ногайский бий Исмаил провозглашает ханом Ибишея.
- 1556 Свержение последнего астраханского хана Дервиш-Али, внука Шейх-Ахмада, ликвидация Астраханского ханства.

Таблица 2. Шибаниды

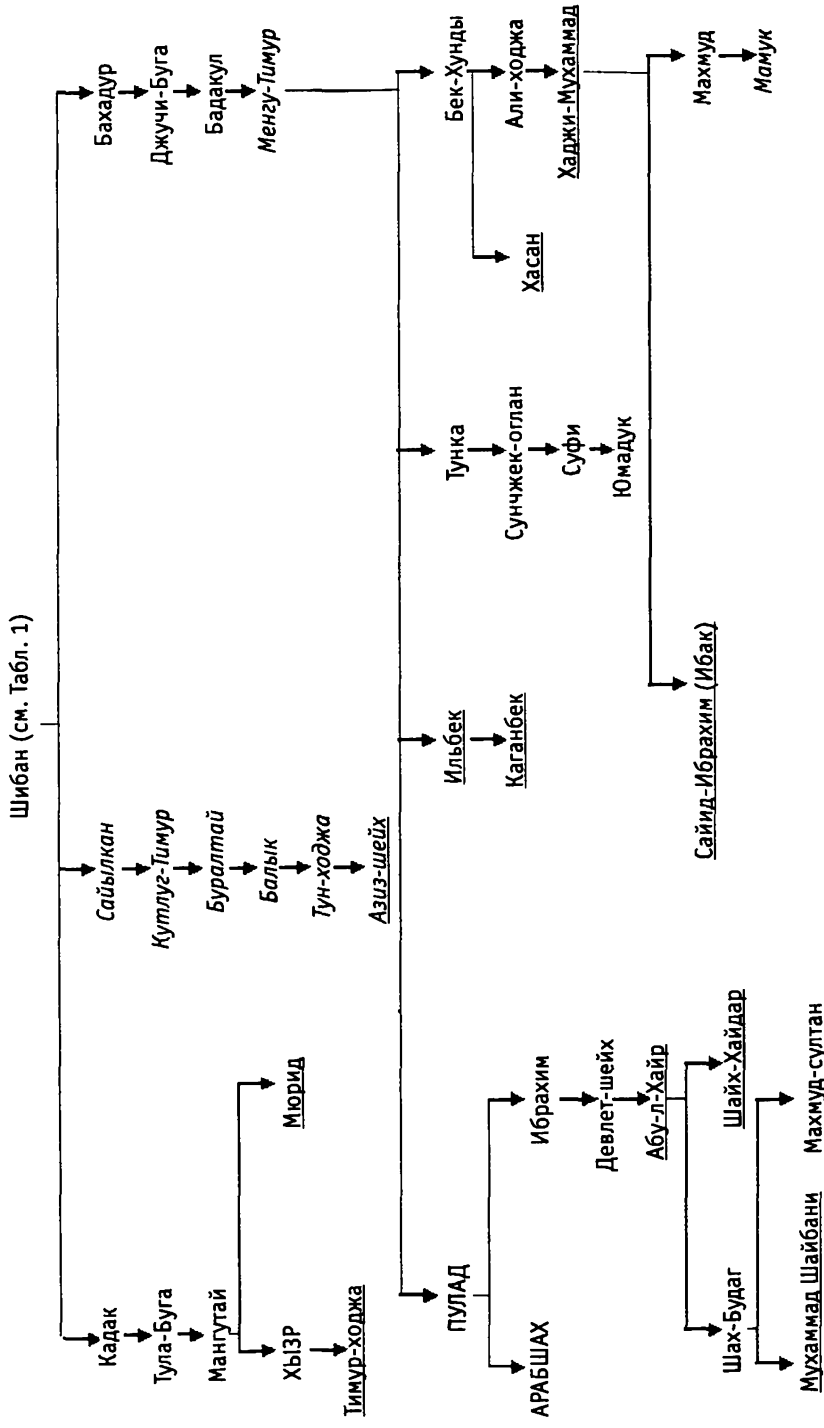

Таблица 4. Кияты

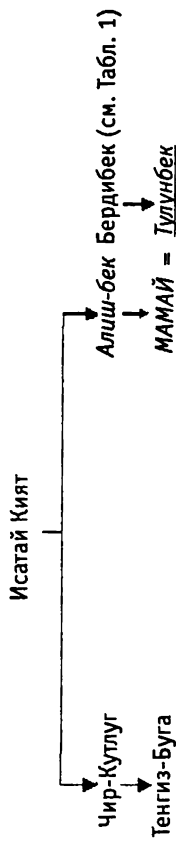
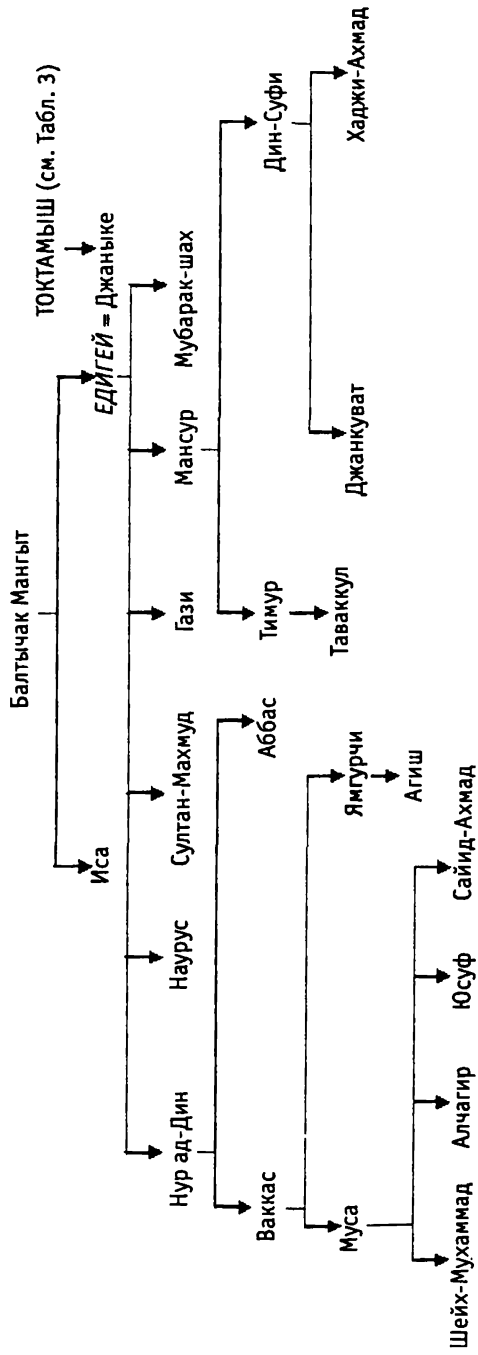

Таблица 5. Мангыты (Ногаи)

БИБЛИОГРАФИЯ

Абд ал-Кадир 2005 — Абд ал-Кадир ибн Мухаммад-Амин. Маджма ал-ансаб ва-л-ашджар (История Казахстана в персидских источниках. Т. II). Алматы, 2005.

Абу-л-Гази 1958 — Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского / Пер. А. Н. Кононова. М., 1958.

Абуль-Гази 1996 — Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Т. Б., 1996. С. 3–186.

Алексеев 2005 — Алексеев А. К. Генеалогия Аштарханидских ханов (по версии «Бахр ал-Асрар» Махмуда б. Амира Вали) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XXIII. СПб., 2005. С. 8–20.

Алексеев 2006 — Алексеев А. К. Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения *Бахр ал-асрар*. СПб., 2006.

Амин аль-Холи 1962 — Амин ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962.

Английские источники 1979 — Матузова В. И. Английские средневековые источники, IX–XIII вв.: Тексты; Перевод; Комментарий. М., 1979.

Антонин 1863 — Антонин, архимандрит. Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. 1863. С. 595–628.

Арсланова 2002 — Арсланова А. А. Остались книги от времен былых... Персидские исторические сочинения монгольского периода по истории народов Поволжья. Казань, 2002.

Артамонов 2001 — Артамонов В. А. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом // Славяне и их соседи. Вып. 10. М., 2001. С. 269–286.

Асиновский 1997 — Асиновский С. Потомки хана Токтамыша // Гасырлар авазы — Эхо веков. 1997. № 1/2.

Астайкин 1995 — Астайкин А. А. Опыт сопоставительного исследования. Монгольская империя // Мир Льва Гумилева. «Арабески» истории. Книга II: Пустыня Тартари. М., 1995. С. 558–609.

Атдаев 2010 — Атдаев С. Д. Туркмены Хивинского ханства в XVIII веке. Казань, 2010.

Афанасьев 2005 — Афанасьев В. За верность Христу расчлененный. 735 лет со дня казни 19 июля 1270 г. св. блгв. князя Романа Рязанского // Русский вестник. 22.07.2005.

Ахари 1984 — Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари. Тарих-и шейх Увейс. Баку, 1984.

Ахмедов 1965 — Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Ахмедов 1982 — Ахмедов Б. А. История Балха (XVI — первая половина XVIII в.). Ташкент, 1982.

Бабур 1992 — Бабур-наме. Ташкент, 1992.

Базилевич 1948 — Базилевич К. В. Ярлык Ахмед-хана Ивану III. Вестник Московского университета. 1948. № 1. С. 29–46.

Базилевич 2001 — Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 2001.

Бар-Эбрей 1960 — Бар-Эбрей. Всеобщая история («Светская история») / Пер. Р. А. Гусейнова // Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960.

Барбаро 1971 — Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. М. Наука, 1971.

Бартольд 1943 — Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943.

Бартольд 1963а — Бартольд В. В. Абулхайр (Из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1963. С. 489–490.

Бартольд 1963б — Бартольд В. В. Отец Едигея // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 797–804.

Бартольд 1963в — Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. М., 1963.

Бартольд 2002 Беркай — Бартольд В. В. Беркай (из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 503–507.

Бартольд 2002 Двенадцать лекций — Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 17–192.

Бартольд 2002 Калга — Бартольд В. В. Калга (из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С.537

Бартольд 2002 Халиф — Бартольд В. В. Халиф и султан // Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 2002. С. 617–630.

Бартольд 2002 Хорезм — Бартольд В. В. Хорезм (из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В. В. Работы по исторической географии. — М., 2002. С. 544–552.

Бахтин 2008 — Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола, 2008.

Бейттер, Дружинин 2008 — Бейттер В. М., Дружинин Е. Г. Дирхемы Сакчи конца XIII века // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Труды Международных нумизматических конференций. IV МНК — Болгар 2005, V МНК — Волгоград 2006. М., 2008. С. 142–143.

Бархатная книга 1787 — Бархатная книга. М., 1787

Белозеров 2003 — Белозеров И. В. Налоговый иммунитет русского духовенства во время ордынского ига: известия летописей о переписи населения Северо-Восточной Руси в 1257 г. // Уваровские чтения-V Муром. 14–16 мая 2002 г. Муром, 2003. С. 71–72.

Березин 1851 — Березин И. Н. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея. Казань, 1851.

Березин 1864 — Березин И. Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. СПб., 1864.

Березин 1872 — Березин И. Н. Тарханные ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея // Записки Одесского общества истории и древностей. VIII. Одесса, 1872. С. 10–23.

Беспалов 2008 — Беспалов Р. А. Источник сведений Казанского летописца о молитве хана Улу-Мухаммеда «русскому Богу» накануне белёвской битвы 1437 года // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2008. С. 142–146.

Биккинин 2000 — Биккинин И. Татары Мордовии // Татарская газета. № 1–2. 10 февраля 2000.

Биккинин, 2004 — Биккинин И. Татарская аристократия темниковского княжества и ее потомки // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии». Вып. 4. Казань, 2004. С. 292–308.

Бинаи 1969 — Камал ад-Дин (Шир-) Али Бинаи. Шайбани-наме («Книга о Шайбани») // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. А.-А., 1969. С. 91–127.

Бичурин 2005 — Бичурин Н. (о. Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. М., 2005. С. 7–234.

Бойл 2002 — Бойл Дж. Э. Посмертный титул Бату-хана // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.

Борейша, Казаров 2009 — Борейша Ю., Казаров А. О надчеканках «колюмн» Витовта Кейстуовича и Свидригайлы Ольгердовича. Минск, 2009.

Борисов 1986 — Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М., 1986.

Борисов 2005 — Борисов Н. С. Иван Калита. М., 2005.

Босворт 1971 — Босворт К. Э. Мусульманские династии. М., 1971.

Брун 1879 — Брун Ф. Я. О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки // Брун Ф. Я. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. (1852–1877 г.). Ч. 1. Одесса, 1879. С. 189–240.

Брун 1880а — Брун Ф. Я. Догадки касательно участия русских в делах Болгарии в XIII и XIV стол. // Брун Ф. Я. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. (1852–1877 г.). Ч. 2. Одесса, 1880. С. 347–362.

Брун 1880б — Брун Ф. Я. Материалы для истории Сугдеи // Брун Ф. Я. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. (1852–1877 г.). Ч. 2. Одесса, 1880. С. 121–158.

БСЭ 1970 — Большая Советская Энциклопедия. Т. 3. М., 1970.

Булгакова 2011 — Булгакова В. И. Конфликтная зона Черное море: загадка вооруженного инцидента 1278 года из маргинальных заметок Сугдейского синаксария // Причерноморье в Средние века. Вып. 8. СПб., 2011. С. 50–63.

Бустанов 2007 — Бустанов А. К. Послание сибирского хана Сайид Ибрагима в Москву 1489 г.: опыт анализа переводного документа // Культурология традиционных сообществ: Материалы II Всерос. науч. конф. молодых ученых. Омск, 2007. С. 87–94.

Бухарский вакф 1979 — Бухарский вакф XIII в. / Изд. текста, пер., введ. и коммент. А. К. Арендса, А. Б. Халидова, О. Д. Чехович. М., 1979.

Быков, Кузьмина 2000 — Быков А., Кузьмина О. Сожженная Москва // История (еженедельное приложение к газете «Первое сентября»). 2000. № 35.

Быков, Кузьмина 2001 — Быков А., Кузьмина О. Митрополит Киприан. Портрет на фоне эпохи // История (еженедельное приложение к газете «Первое сентября»). 2001. № 22–23.

Валиханов 1984 — Валиханов Ч. Ч. Извлечения из Джамии ат-таварих // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 228–249.

Варваровский 2008 — Варваровский Ю. Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань, 2008.

Васильев 2006 — Васильев Д. В. Об истории и социальной роли ислама в Золотой Орде // Традиционная народная культура и этнические процессы в многонациональных регионах Юга России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 8–9 июля 2006 г. Астрахань, 2006. С. 36–51.

Вельяминов-Зернов 1863 — Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863.

Вернадский 2000 — Вернадский Г. В. История России: Монголы и Русь. Тверь; М., 2000.

Вершинский 1994 — Вершинский А. Стража императора Китая // Техника — молодежи. 1994. № 4.

Вершинский 2000 — Вершинский А. Лейб-гвардия Поднебесной // Алфавит. 2000. № 4.

- Вершинский 2008* — Вершинский А. Русская Александрия. Средневековая Русь и Александр Невский. М., 2008.
- Веселовский 1907* — Веселовский Н. И. О местоположении при-Сарайского Гюлистана // ЗВО РАО. Т. XVII. 1906. СПб., 1907 С. XXVIII–XXIX.
- Веселовский 1922* — Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Пг., 1922.
- Виллани 1997* — Виллани Д. Новая хроника, или История Флоренции / Пер., статья и примеч. М. А. Юсима. М., 1997
- Винничек, Лебедев 2004* — Винничек В. А., Лебедев В. П. Период экономической активности на Никольском селище по нумизматическим данным // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М; Нижний Новгород, 2004. С. 119–148.
- Владимиров 2008* — Владимиров Г. В. Образ татар и Золотой Орды в современной болгарской историографии // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2008. С. 71–77.
- Воинские повести 1985* — Воинские повести Древней Руси. Л., 1985.
- Волков 1858* — Волков М. О соперничестве Венеции с Генуей // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 4. Отд. 4–5. Одесса. 1858. С. 151–236.
- Воскресенский 1999* — Воскресенский А. Город Елец в его настоящем и прошлом (опыт исторического очерка). Елец, 1999.
- Гадло 1994* — Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994.
- Гаев 2002* — Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Том 3. Нижний Новгород, 2002. С. 9–55.
- Гайворонский 2003* — Гайворонский О. Как был основан Бахчисарай (к дискуссии о «500-летнем юбилее» города) // Полуостров. № 12. 25 апреля 2003.
- Гайворонский 2006* — Гайворонский О. Страна Крым. Крымское ханство в лицах и событиях. Книга 2. Симферополь, 2006.
- Гайворонский 2007* — Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай, 2007.
- Гарипов* — Гарипов Н. Васильев «дар» «другу» // Электронная публикация с сайта «Страницы истории Касимовского ханства»: <http://www.kasimh.earth.prohosting.com/index.htm>.
- Гейд 1915* — [Колли Л. П.] Извлечение из сочинения Вильгельма Гейда «История торговли Востока в Средние века (Колонии на северном побережье Черного моря. Конец западных колоний северного побережья Черного моря)» // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 52. 1915. С. 68–185.

- Герцен, Могаричев 1993* — Герцен А. Г. Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале. Симферополь, 1993.
- Гёкеньян 2001* — Гёкеньян Х. Западные сообщения по истории Золотой Орды и Поволжья 1223–1556 // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 82–110.
- Голубовский 1895* — Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.
- Гончаров 1997* — Гончаров Е. Ю. Медные монеты XIV в. города Хаджи-Тархан // Восточное историческое источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 5. М., 1997. С. 177–188.
- Гончаров 2004* — Гончаров Е. Ю. Поход Тимура на Золотую Орду (нумизматический аспект) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Выпуск 6. М., 2004. С. 187–194.
- Гончаров 2005а* — Гончаров Е. Ю. Монетные дворы Улуса Джучидов // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». Саратов–2001, Муром–2003. М., 2005. С. 97–102.
- Гончаров 2005б* — Гончаров Е. Ю. Новосарайские денги 741 г.х. и начало правления хана Джанибека // Нумизматика. 2005. № 3 (7). С. 23–26.
- Гончаров 2008* — Гончаров Е. Ю. Очерк монетного дела в улусе Джучи на рубеже 770-х — 780-х гг.х. Нумизматический комментарий к книге И. М. Миргалева «Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана» // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Труды Международных нумизматических конференций. IV МНК — Болгар 2005, V МНК — Волгоград 2006. М., 2008. С. 58–62.
- Горский 1996а* — Горский А. А. О титуле «царь» в Средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. 1996. С. 205–212.
- Горский 1996б* — Горский А. А. Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3. С. 74–92.
- Горский 1998* — Горский А. А. Московско-ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века: причины, особенности, результаты // Отечественная история. 1998. № 4. С. 15–24.
- Горский 2000* — Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.
- Горский 2002* — Горский А. А. Ногай и Русь // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 130–155.
- Горский 2003* — Горский А. А. «Здесь конец нашему рабству». Когда Москва освободилась от власти Орды? // Родина. 2003. № 11. С. 98–101.
- Горский 2004а* — Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004. С. 140–170.
- Горский 2004б* — Горский А. А. Московские «примыслы» XIII–XV вв. // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 114–190.

- Греков 1975* — Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.
- Греков, Якубовский 1998* — Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998.
- Григора 1862* — Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами / Пер. под ред. П. И. Шалфеева. СПб., 1862.
- Григорьев 1834* — [Григорьев В.] История монголов. От древнейших времен до Тамерлана / Пер. с перс. СПб., 1834.
- Григорьев 1844* — Григорьев В. Монеты Джучидов, Генуэзцев и Гиреев, битые на Таврическом полуострове и принадлежащие Обществу // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. Одесса, 1844. С. 301–314.
- Григорьев 1850* — Григорьев В. В. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая. СПб., 1850.
- Григорьев 1980* — Григорьев А. П. Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // Востоковедение. Вып. 7 1980. С. 155–180.
- Григорьев 1983* — Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII. 1983. С. 9–54.
- Григорьев 1985* — Григорьев А. П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение. Вып. 11. 1985. С. 160–182.
- Григорьев 1987* — Григорьев А. П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. 1987. С. 28–89.
- Григорьев 1988* — Григорьев А. П. «Ярлык Едигея»: Анализ текста и реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 11. 1988. С. 55–93.
- Григорьев 2004a* — Григорьев А. П. «Му'изз ал-ансаб» о потомках Токтамыша // Востоковедение. Вып. 25. 2004. С. 100–123.
- Григорьев 2004б* — Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.
- Григорьев 2006* — Григорьев А. П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 74–142.
- Григорьев 2007* — Григорьев А. П. Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 117–168.
- Григорьев, Григорьев 2002* — Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2002.
- Григорьев, Телицын, Фролова 2004* — Григорьев А. П., Телицын Н. Н., Фролова О. Б. Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 2004. Вып. 21. С. 3–24.

Григорьев, Фролова 1999 — Григорьев А. П. Фролова О. Б. Географическое описание Золотой Орды в Энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М. 2002. С. 261–302.

Григорьев, Ярцов 1844 — Григорьев В. В., Ярцов Я. О. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея // Записки Одесского общества истории и древностей. № 1. 1844. С. 337–346.

Грумм-Гржимайло 1926 — Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926.

Грумм-Гржимайло 1994 — Грумм-Гржимайло Г. Е. Джучиды. Золотая Орда // Мир Льва Гумилева. «Арабески» истории. Кн. I: Русский взгляд. М., 1994. С. 100–148.

Гузейров 2000 — Гузейров Р. Товарно-денежные отношения и караванные пути Хаджитархана в XIII–XIV веках // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2000. № 3/4.

Гумаюнов 2002 — Гумаюнов С. В. Нумизматический материал XIII–XIV вв. Саратовская область // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV Нумизматический сборник. Т. 3. Нижний Новгород, 2002. С. 56–72.

Гумилев 1992a — Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М., 1992.

Гумилев 1992b — Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.

Гумилев 1994 — Гумилев Л. Н. «Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы...» // Гумилев Л. Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М., 1994. С. 247–323.

Гумилев 1995 — Гумилев Л. Н. От Руси до России. М., 1995.

Давидович, Клецинов 2004 — Давидович Е. А., Клецинов В. Н. Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов. XVI век. Addenda 2 // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Выпуск 6. М., 2004. С. 196–204.

Далай 1977 — Далай Ч. Борьба за великоханский престол при Хубилае и его преемниках // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 323–334.

Далай 1983 — Далай Ч. Монголия в XIII–XIV вв. М., 1983.

Данило II 1988 — Данило II. Жизнь королей и архиепископов сербских. Службы. Просвета. Београд, 1988.

Две грамоты 1825 — О двух древних монгольских грамотах / Пер. с нем. В. А. // Азиатский вестник. Июль — декабрь 1825. С. 338–355.

ДДГ 1950 — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепнина. М.; Л., 1950.

Дегтярев, Дубов 1990 — Дегтярев А., Дубов И. Начало отечества. М., 1990.

Делюмо 1994 — Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994.

Демин 2001 — Демин В. Н. Загадки Урала и Сибири. М., 2001.

Джанов 2006 — Джанов А. В. Судакская крепость. Двести лет исследований // Скржинская Е. Ч. Судакская крепость. История — археология — эпиграфика: Сб. статей и материалов. Киев — Судак — СПб., 2006. С. 322–357.

Довнар-Запольский 1898 — [Довнар-Запольский М. В.] Скарбовая книга Метрики Литовской 1502–1509 гг. (текст) // ИТУАК № 28. 1898. С. 19–91.

Древние акты 1867 — Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к новороссийскому краю // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса, 1867

Думин 1989 — Думин С. В. Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 107–113.

Дягилев 2001 — Дягилев А. С. Расстановка политических сил в Западном Дешт-и-Кыпчаке в их взаимосвязи с Северо-Восточной Русью в 30-е — 60-е гг. XV в. // Материалы международной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-2001», 20–21 апреля 2001 г. М., 2001.

Евстратов 1997 — Евстратов И. В. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ: Опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век древних племен южнорусских степей: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П. Д. Рау (1897–1997). Саратов, 1997. С. 88–118.

Егоров 1980 — Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сборник статей. М., 1980. С. 174–213.

Егоров 1985 — Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985.

Еремин 1957 — Еремин И. П. Волынская летопись 1289–1290 гг. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XIII. М., Л., 1957. С. 102–117.

Ермолинская 2000 — Ермолинская летопись. Рязань, 2000.

Жумаганбетов 2010 — Жумаганбетов Т. С. Эволюция политической власти в Золотой Орде // РИО Актюбинского государственного университета им. Жубанова. Актобе, 2010.

Зайцев 1999 — Зайцев И. В. Письмо хана Большой Орды Ахмада турецкому султану Мехмеду II Фатиху (881 г. хиджры) // Восточный Архив. 1999. № 2–3. С. 4–15.

Зайцев 2000 — Зайцев И. В. Разгром «Большой Орды» в 1502 году // Поиск истоков. Социоестественная история. Вып. XVI. М., 2000.

Зайцев 2002 — Зайцев И. В. Образование Астраханского ханства // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 32–62.

Зайцев 2004a — Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2004.

Зайцев 20046 — Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.). М., 2004.

Зайцев 2008 — Зайцев И. В. Большая Орда // Большой атлас истории и культуры Казахстана. Алматы, 2008. С. 272–273.

Зайцев 2010 — Зайцев И. В. Отец Мамай // Мамай. Опыт историографической антологии / Под ред. В. В. Трепавлова, И. М. Миргалеева. Казань, 2010. С. 198–205.

Закиров 1966 — Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966.

Записки 1978 — Записки янычара / Пер. А. И. Рогова. М., 1978.

Заплотинський 2007 — Заплотинський Г. С. Інститут темників у формуванні державності татарських народів наприкінці XIII — першій половині XV ст. (на матеріалах мангуто-ногайців). Автореф. дис. канд. іст. наук. Львів, 2007.

Звягин 2010 — Звягин Ю. Ю. Загадки поля Куликова. М., 2010.

Зимин 1955 — Ярлыки татарских ханов русским митрополитам: Краткое собрание / Ист.-прав. обзор, текстол. коммент. А. А. Зимины // Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. С. 463–481.

Зимин 1991 — Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991.

Зубрицкий 1855 — Зубрицкий Д. Аноним Гнезненский и Иоанн Длугош. Латинские выписки из их сочинений, статей, относящиеся к истории Галицко-Владимирской Руси за период от 1337 по 1387 год, с русским переводом и критическими исследованиями и замечаниями. Львов, 1855.

Зыков, Шашков 2000 — Зыков А. П., Шашков А. Т. Тюменская держава Шейбанидов // Уральский следопыт. № 1. 2000.

Ибн Рузбихан 1976 — Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани. Михманнаме-йи Бухара («Записки бухарского гостя») / Пер., пред., прим. Р. П. Джалиловой. Под ред. А. К. Арендса. М., 1976.

Иванов 1912 — Иванов Е. Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 46. 1912.

Иванов 2009 — Иванов А. Н. К вопросу о причинах принятия ислама золотоордынским ханом Берке // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 2 / Под ред. И. М. Миргалеева. Казань, 2009. С. 103–107.

Идегей 1990 — Идегей: Татарский народный эпос / Пер. С. Липкина. Казань, 1990.

Иловайский 1884 — Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1884.

История 2006 — История Казахстана в арабских источниках. Т. III. Извлечения из сочинений XII–XVI веков. Алматы, 2006.

Исхаков 1995 — Исхаков Д. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV — середины XVI вв.) // Панорама-форум. 1995. № 3. С. 95–107.

Исхаков 2002a — Исхаков Д. М. К проблеме этнических и политических связей тюрков Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума. Тобольск; Омск, 2002. С. 173–181.

Исхаков 2002b — Исхаков Д. М. О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 63–74.

Исхаков 2003 — Исхаков Д. Юго-восток Татарстана: проблема изучения этнической истории региона XIV–XVII вв. // Исхаков Д. Юго-восток Татарстана: проблема изучения этнической истории региона XIV–XVII вв. // Элмэт. Альметьевск. Казань, 2003. С. 67–77. Электронная версия с сайта «Тюрко-татарский мир»: <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/5>.

Исхаков 2004 — Исхаков Д. Еще раз о казанских князьях рубежа XIV–XV вв. // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сборник статей. Казань, 2004. С. 123–128.

Исхаков 2006 — Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006.

Исхаков 2009 — Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009.

Исхаков, Измайлов 2007 — Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар в VI — первой четверти XV вв. Казань, 2007.

Йазди 2008 — Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме. Книга побед Амира Темура / Пер. со староузб., пред., коммент. и указ. А. Ахмедова. Ташкент, 2008.

Кайдарова, Ускенбай 2004 — Кайдарова А. А.-А., Ускенбай К. З. Ибн Халдун о пребывании Урус-хана в золотоордынском Поволжье в 70-е гг. XIV века // Вопросы истории Казахстана. Вып. V. Алматы, 2004. С. 74–84.

Камалов 2007 — Камалов И. Х. Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. Казань, 2007.

Караев 1995 — Караев О. К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек, 1995.

Карамзин 1992 — Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992.

Карамзин 1993 — Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. М., 1992.

Каратеев 1994 — Каратеев М. Д. Казанское ханство // Мир Льва Гумилева. «Арабески» истории. М., 1994. С. 51–68.

Каргалов 1967 — Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967.

Каргалов 1984 — Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1984.

- Карпов 1990* — Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.
- Карпов 2000* — Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000.
- Каюмов 1983* — Каюмов А. П. Литература XIII–XV вв.: [Узбекская литература] // История всемирной литературы: В 9 т. Т. 3. М., 1985. С. 574–576.
- Кеппен 1837* — Кеппен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837
- Киракос 1976* — Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976.
- Кирша Данилов 1977* — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.
- Клавихо 1990* — Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер. И. С. Мироковой. М., 1990.
- Козин 1935* — Козин С. А. К вопросу о дешифровании дипломатических документов монгольских ильханов // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. № 7 1935. С. 645–655.
- Козин 1941* — Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongγol-un niγuča tobči-gan*. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Введ., перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941.
- Козлов-Струтинский* — Козлов-Струтинский С. Великая замятня в умах. Размышления по поводу некоторых неосторожных слов, произнесенных во время юбилея битвы на поле Куликовом // Электронная версия с портала «Кредо»: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib>.
- Колли 1913* — Колли Л. П. Хаджи-Гирей-хан и его политика (по генуэзским источникам). Взгляд на политические сношения Кафы с татарами в XV в. // Известия Таврической ученой археографической комиссии. № 50. 1913. С. 99–139.
- Кониский 1846* — Кониский Г. История русов или Малой России. М., 1846.
- Конявская 2004* — Конявская Е. Л. Ранняя повесть о преставлении Михаила Александровича Тверского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17). С. 70–86.
- Конявская 2006* — Конявская Е. Л. Повесть о Едигеевом нашествии в тверском летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 4. С. 90–101.
- Костюков 2005* — Костюков В. П. О Сартаке, или Где решалась судьба Ирана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Выпуск 4. Уральск, 2005. С. 282–289.
- Костюков 2007* — Костюков В. П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 169–207.

Костюков 2008 — Костюков В. П. «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Выпуск 1. Уральск, 2008. С. 43–96.

Костюков 2009a — Костюков В. П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 189–236.

Костюков 2009b — Костюков В. П. Иранский поход Хулагу: предыстория // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 2 / Под ред. И. М. Миргалеева. Казань, 2009. С. 69–89.

Котляр 2008 — Котляр Н. Ф. Даниил, князь Галицкий. СПб., 2008.

Котляров 1998 — Котляров Д. А. К вопросу об образовании Казанского ханства // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1998. Сер. 2. Вып. 4. С. 9–16.

Кошеев 1993 — Кошеев В. Б. Еще раз о численности монгольского войска в 1237 году // Вопросы истории». 1993. № 10. С.131–135.

Крамаровский 1996 — Крамаровский М. Г. Погребение беклярибека Мамай (?): археологические наблюдения и исторический контекст // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 1996. С. 38–41.

Крамаровский 2001 — Крамаровский М. Г. Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.

Крамаровский 2003 — Крамаровский М. Г. Фуджин для мордовского князя // Родина. 2003. № 11. С. 92–94.

Крамаровский 2005a — Крамаровский М. Г. Где могила Мамай? // Родина. 2005. № 9. С. 77–78.

Крамаровский 2005b — Крамаровский М. Г. Золотая Орда. История и культура: Каталог выставки. СПб., 2005.

Кривошеев 2002 — Кривошеев Ю. В. Ордынский царевич Петр и его род: некоторые бытовые и религиозные черты пребывания монголо-татар на Руси // Университетский историк. Вып. 1. СПб., 2002. С. 118–125.

Кривошеев 2003 — Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2003.

Кривошеев, Соколов 2002 — Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Русская церковь и ордынские власти (вторая половина XIII — первая четверть XIV в.) // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 156–186.

Кривцов 2002 — Кривцов Д. Ю. Рассказ о поездке митрополита Алексея в Золотую Орду в литературных источниках и историографии // Электронный журнал «Мир истории». 2002. № 5–6: <http://www.historia.ru/2002/05/krivtsov.htm>; <http://www.historia.ru/2002/06/krivtsov2.htm>.

Крупнов 1968 — Крупнов Е. И. Еще раз о местонахождении города Деякова // Славяне и Русь. М., 1968. С. 291–297.

Кудрявцев 1951 — Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 8. М.; Л., 1951. С. 158–186.

Курмансеитова 1993 — Курмансеитова А. Х. Ярлык Тохтамыш-хана к польскому королю Ягайле и Эдиге // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993. С. 94–97

Кухистани 1958 — Сочинение Ма'суда бен Османи Кухистани «Тарихи Абулхайр-хани» / Пер., коммент. К. С. Ибрагимова // Известия АН Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. № 3 (8). Алма-Ата, 1958.

Кучкин 1962 — Кучкин В. А. «Сказание о смерти митрополита Петра» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XVIII. М., Л., 1962. С. 59–79.

Кучкин 1980 — Кучкин В. А. Русские княжества перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб. статей. М., 1980. С. 26–112.

Кучкин 1984 — Кучкин В. А. Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Кучкин 1996 — Кучкин В. А. Ханы Мамаевой орды // 90 лет Н. А. Баскакову. М., 1996.

Кучкин 2001 — Кучкин В. А. О дате взятия царевичем Ентяком Нижнего Новгорода // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001. С. 214–224.

Кучкин 2002 — Кучкин В. А. Зачем митрополит Алексей в 1357 году ездил в Орду? // А се его серебро. Киев, 2002. С. 177–184.

Кычанов 2001 — Кычанов Е. И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 30–42.

Ланноа 1873 — Путешествие Гилльбера де-Ланноа в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах // Киевские университетские известия. № 8. Отд. 2. 1873.

Лебедев 1985 — Лебедев В. П. Серебряные монеты Азербайджана времени войн Тимура и Тохтамыша // Эпиграфика Востока. Т. XXIII. Л., 1985. С. 63–78.

Лебедев 2000a — Лебедев В. П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII — конец XV вв.) // Нумизматика и фалеристика. № 1. 2000. С. 19–23.

Лебедев 2000b — Лебедев В. П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII — конец XV вв.) // Нумизматика и фалеристика. № 3. 2000. С. 10–15.

Леопольдов 1848 — Леопольдов А. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848.

Ливонская хроника 2002 — Крестоносцы и Русь. Конец XII – 1270 г. / Пер. В. И. Матузовой, Е. Л. Назаровой М., 2002.

Линниченко 1907 — Линниченко И. А. Замечания на статью проф. И. Режабка и дополнения к ним // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. Сборник материалов и исследований. СПб., 1907. С. 81–112.

Лонгинов 1893 — [Лонгинов А. В.] История славено-болгарская о народах и о царях и святых болгарских и о всех деяниях и бытия болгарская // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XVI. 1893. Отд. II. С. 1–54.

Лосева, Томилов 1980 — Лосева З. К., Томилов Н. А. Легенды и исторические предания иртышских татар // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 18–33.

Лубсан Данзан 1973 — Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер., введ., коммент., прим. Н. П. Шастиной. М. 1973.

Лызлов 1990 — Лызлов А. Скифская история. М., 1990.

Лэн-Пуль 1996 — Лэн-Пуль С. Мусульманские династии // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Т.; Б., 1996. С. 320–541.

Мавродин 2002 — Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. СПб., 2002.

Малышев 2001 — Малышев А. Б. Начало католического миссионерства в Золотой Орде // Восток — Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. Саратов, 2001. С. 140–145.

Малышев 2004а — Малышев А. Б. Золотая Орда и Иран: политические, экономические и культурные связи // Нижнее Поволжье и Исламская Республика Иран: исторические, культурные, политические и экономические связи. Саратов, 2004. Электронная версия с сайта Саратовского государственного университета: http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/reg_ist/iran/default.php.

Малышев 2004б — Малышев А. Б. Половцы в Венгрии и Золотая Орда в середине — конце XIII в. // Дешт-и-Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы международной конференции. М., 2004. Электронная версия с сайта Энгельсского краеведческого музея: <http://library.sgu.ru/engels/conf/conf.htm>.

Марджани 2005 — Шихабуддин Марджани. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мусиафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. 1 / Пер. со старотат. Р. К. Адыгамова. Казань, 2005.

Марко Поло 1997 — Книга Марко Поло / Пер. старофр. текста И. П. Минаева, вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 190–380.

Марков 1990 — Марков С. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Земной круг. Книга о землепроходцах и мореходах. М., 1990.

Марков 2008 — Марков А. К. Монеты Джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. Казань, 2008.

Маслюженко 2004 — Маслюженко Д. Н. Генеалогия кочевых обществ как способ преодоления кризисных ситуаций // Электронная публикация с сайта мультимедиа-журнала «Проект Ахей»: <http://mmj.ru/index.php?id=38&article=202>.

Маслюженко 2007 — Маслюженко Д. Н. Шибаниды в золотоордынских делах во второй половине XIV — начале XV веков: истоки сибирской государственности // Северный регион: наука, образование, культура. 2007 № 2 (16) С. 82–90.

Масько 2006 — Масько И. Золото в денежном обращении Великого княжества Литовского в конце XV — начале XVI века // Банкаускі Веснік. 4 (333). Люты 2006. С. 16–18.

Мартынюк 2004 — Русь и Золотая Орда в миниатюрах Лицевого летописного свода // Российские и славянские исследования. Вып. 1. Минск, 2004. С. 61–70.

Махмуд б. Вали 1969 — Махмуд б. Эмир Вали. Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар («Море тайн относительно доблестей благородных») // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. А.-А., 1969. С. 320–368.

Мелиоранский 1907 — Мелиоранский П. И. Что такое «басма» золотоордынских послов хана Ахмата? // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XVII. 1906. СПб., 1907 С. 0129–0140.

Мельников 2001 — Мельников С. А. Наследование престола на Руси и институт соправительства как факторы централизации // ВИ. 2001. № 11–12. С. 102–108.

Меховский 1936 — Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. / Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.; Л., 1936.

Мизун, Мизун 2005 — Мизун Ю. В., Мизун Ю. Г. Ханы и князья. Золотая Орда и русские княжества. М., 2005.

Миргалеев 2000 — Миргалеев И. М. К вопросу о начале идегеевской эпохи // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа. Казань, 2000. С. 58–61.

Миргалеев 2003а — Миргалеев И. М. Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. Казань, 2003.

Миргалеев, 2003б — Миргалеев И. М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003.

Миргалеев 2004 — Миргалеев И. М. К вопросу о единстве Золотой Орды в 1359–1380 годах // Культурные традиции Евразии (Восток — Запад: Диалог культур Евразии. Вып. 4) Казань, 2004. С. 96–99.

Миргалеев 2006 — Миргалеев И. М. Возвращая историю народу // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2006. № 2.

Миргалеев 2007 — Миргалеев И. М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань, 2007

Миргалеев 2010 — Миргалеев И. М. «Черный человек» Мамай // Мамай. Опыт историографической антологии / Под ред. В. В. Трепавлова, И. М. Миргалеева. Казань, 2010. С. 183–197.

Миргалеев, Камалов 2008 — Миргалеев И. М., Камалов И. Х. К вопросу о взаимоотношениях Золотой Орды с Османской империей // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2008. С. 87–94.

Миргалеев, Минуллин 2001 — Миргалеев И., Миннуллин И. Незабываемая история татар // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2001. № 3/4.

Миргалеев, Нуранеев 2003 — Миргалеев И., Нуранеев Л. Перелистывая историю султаната мамлюков // Гасырлар авазы. 2003. № 1/2.

МИТТ 1939 — Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М., 1939.

Молчанов 1983 — Молчанов А. А. Новое об экономических и политических связях средневекового Причерноморья // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981. М., 1983. С. 219–222.

Моргунов 2007 — Моргунов Ю. Ю. Фортификация Южной Руси X–XIII вв. Автореф. докт. ист. наук. М., 2007.

Муизз 2006 — Му'изз ал-ансаб («Прославляющее генеалогии») / Пер. с перс., пред., прим. Ш. Х. Вохидова. Алматы, 2006.

Мунис 1938 — Мунис и Агехи. Райский сад счастья / Пер. П. П. Иванова // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. М., 1938. С. 323–426.

Мунис 1969 — Мунис и Агехи. Фирдаус ал-икбал («Райский сад счастья») // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. А.-А., 1969. С. 435–475.

Мунши 1956 — Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история / Пер., пред. и коммент. А. А. Семенова. Ташкент, 1956.

Мурзакевич 1837 — Мурзакевич Н. История геноуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837.

Мурзакевич 1840 — Мурзакевич Н. Письменные памятники Тохтамыш-хана // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XXVII. СПб., 1840. С. 143–148.

Мустакимов 2008 — Мустакимов И. Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабграфичных источников (К вопросу о статусе г. Булгара на ордынском и постордынском пространстве) // Гасырлар Авазы — Эхо веков. 2008. № 1.

Мустакимов 2009 — Мустакимов И. А. Еще раз к вопросу о предках «Мамая-царя» // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 273–283.

Мустакимов, Баязитова 2005 — Мустакимов И., Баязитова Р. К политической биографии Улуг-Мухаммад-хана // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2005. № 2.

Мухамадиев 1970 — Мухамадиев А. Г. Об обрезанных монетах в Волжской Болгарии в конце XIV в. (Мало-Атрясинский клад) // Нумизматика и эпиграфика. Т. VIII. М., 1970. С. 53–66.

- Мухамадиев 1983* — Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983.
- Мухамадиев 2005* — Мухамадиев А. Г. Древние монеты Казани. Казань, 2005.
- Муханов 1866* — Сборник Муханова / Изд. 2-е, доп. СПб., 1866.
- Мыськов 2003* — Мыськов Е. П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград, 2003.
- Набиев 2008* — Набиев Р. Ф. О дате и месте выдачи Токтамыш-ханом тарханного ярлыка Бек-Хаджи // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2008. С. 101–109.
- Назаров 1983* — Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983.
- Назаров 1992* — Назаров В. Д. Ликвидация самостоятельности Ярославского княжества и первые годы правления Ивана III // Чтения памяти В. В. Кобринна. Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Сб. тезисов докладов и сообщений. Москва, 26–29 января 1992 г. М., 1992. С. 131–134.
- Нарожный 1989* — Нарожный Е. И. О роли христианства в хулагуидо-джучидских взаимоотношениях в предкавказской зоне // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989. С. 108–116.
- Насави 1996* — Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер. с араб., пред., коммент., прим. и указатели З. М. Буниятова. М., 1996.
- Насонов 2002* — Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2002.
- Настич 1987* — Настич В. Н. Улджайтимур — неизвестный золотоордынский хан // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа). Краткие тезисы докладов и сообщений научной конференции. 14–16 октября 1987 г. Л., 1987. С. 80–82.
- Настольная книга 1891* — Настольная книга для народа / Под ред. И. П. Хрущева. СПб., 1891.
- Негри 1844* — [Негри А.] Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. Одесса, 1844. С. 379–392.
- Нестеров 2002* — Нестеров А. Г. Династия Сибирских Шейбанидов // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума. Тобольск; Омск, 2002. С. 205–214.
- Никитин 2003* — Никитин А. Н. Центрально-Европейские походы в освещении монгольских источников эпохи Угэдэй-каана (1228/29–1241) и Гуюка Далай-хана (1246–1248) // Источниковедческая компаративистика

и историческое построение. Тезисы докладов и сообщений XV научной конференции. 30 января — 1 февраля 2003 г. М., 2003. С. 239–241.

НПЛ 2001 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань, 2001.

Оболенский 1850 — Оболенский М. А. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу. 1392–1393. Казань, 1850.

Орлов 2001 — Орлов А. М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. Нижний Новгород, 2001. Электронная версия с сайта «Мишары Нижнего Поволжья»: www.mishare.narod.ru.

Павленко — Павленко С. Казак Мамай — потомок Чингисхана? // Электронная публикация с сайта «Чернігівський монітор»: <http://monitor.chernigov.org>.

Палаузов 1857 — Палаузов С. И. Юго-восток Европы в XIV столетии. Ст. вторая // Журнал Министерства народного просвещения. Октябрь 1857. Отд. II. С. 26–56.

Палимпсестова, Рунич 1974 — Палимпсестова Т. Б., Рунич А. П. О эссенукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана // Советская археология. 1974. № 2. С. 229–238.

Памятники 1884 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих князей Иоанна III и Василия Иоанновича. Часть 1-ая (годы с 1474 по 1505) / Под ред. Г. Ф. Карпова // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.

Памятники 1998 — Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б. А. Рыбакова, В. А. Кучкина. СПб., 1998.

Папаскири — Папаскири З. Территория Абхазии в XI–XV вв. // Электронная версия с сайта: <http://www.abkhazeti.ru/pub/hist/territabkha-zrapask2>.

Патканов 1871 — История монголов инока Магакии, XIII в. / Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1871.

Патканов 1873 — История монголов по армянским источникам / Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1873. Вып. I (Извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиани и коннетабля Смбата).

Пахимер 1862 — Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах / Пер. под ред. В. Н. Карпова. СПб., 1862.

Пачкалов 2004 — Пачкалов А. В. Новые находки кладов золотоордынских монет // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V Нумизматический сборник. Т. 4. М.; Нижний Новгород, 2004. С. 158–171.

Пачкалов 2005 — Пачкалов А. В. Исан: новый эмитент в истории Золотой Орды? // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». Саратов–2001, Муром–2003. М., 2005. С. 153–156.

Пачкалов 2008 — Пачкалов А. В. Города Нижнего Поволжья в XV веке // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2008. С. 58–70.

Пашуто 1950 — Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Пашуто 1956 — Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М., 1956.

Пашуто 1963 — Пашуто В. Т. Рифмованная хроника как источник по русской истории // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963.

Пашуто 1982 — Пашуто В. Т. Историческое значение Куликовской битвы // Сказания и повести о Куликовской битве / Подг. Л. А. Дмитриева и О. А. Лихачевой. Л., 1982. С. 262–290.

Петров 2005 — Петров П. Н. Тамги на монетах монгольских государств XIII–XIV вв. как знаки собственности // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». Саратов–2001, Муром–2003. М., 2005. С. 170–177

Петров, 2006 — Петров А. Туман над полем Куликовым // Вокруг света. 2006. № 9 (2792). Электронная версия с официального портала издания: http://www.vokrugsveta.ru/vs/column/?year=2006&column_id=12.

Петров, Студитский, Сердюков 2005 — Петров П. Н., Студитский Я. В., Сердюков П. В. Проводилась ли Токтой общегосударственная реформа 710 г. х. Кубанский клад времени Узбек-хана // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». Саратов–2001, Муром–2003. М., 2005. С. 142–147

Петрушевский 1977 — Петрушевский И. П. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256–1353) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 228–259.

Плано Карпини 1997 — Иоанн де Плано Карпини. История монгалов / Пер. А. И. Малеина, вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 28–85.

ПлДР 1981 — Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981.

Плутарх 1944 — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1944.

Полубояринова 1978 — Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

Пономарев 2002 — Пономарев А. Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи. М., 2002.

Пономарев 2005 — Пономарев А. Л. Чьи на Руси деньги? Финансовый кризис в Золотой Орде 1380–1381 гг. по данным бухгалтерской книги генуэзского казначейства в Кафе // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». Саратов 2001, Муром 2003. М., 2005. С. 47–49.

После Марко Поло 1968 — После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий / Введение, пер., комментарии Я. М. Света. М., 1968.

Посольская книга 1984 — Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1489–1508 гг.). М., 1984.

Посольские книги 1995 — Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1489–1549 гг.). Махачкала, 1995.

Похлебкин 2000 — Похлебкин В. В. Татары и Русь: 360 лет отношений. 1238–1598. М., 2000.

Почекаев 2004a — Почекаев Р. Ю. Образ Мамая в русском летописании как средство делегитимизации власти ордынского хана // Герои и антигерои в исторической судьбе России: Материалы 35-й всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2004. С. 29–34

Почекаев 2004b — Почекаев Р. Ю. Суд и правосудие в Золотой Орде // Правоведение. 2004. № 2. С. 217–232.

Почекаев 2006a — Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М., 2006.

Почекаев 2006b — Почекаев Р. Ю. Русские земли в татарско-литовских отношениях и Москва (по данным ханских ярлыков конца XIV — начала XVI в.) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. I. СПб., 2006. С. 213–229.

Почекаев 2006в — Почекаев Р. Ю. Аннотированный список имен // Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. С. 371–446.

Почекаев 2007 — Почекаев Р. Ю. Сведения о Золотой Орде в «Книге о великом хане» // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 260–273.

Почекаев 2008 — Почекаев Р. Ю. Мамай летописный и Мамай исторический (попытка развенчания стереотипов) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 2. С. 53–77.

Почекаев 2009a — Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.

Почекаев 2009b — Почекаев Р. Ю. Чингизиды-самозванцы в XVI–XVII вв.: обоснование права на власть и процесс легитимации // Средневековая история Казахстана: итоги и перспективы исследований. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Алматы, 2009. С. 57–59.

Почекаев 2010 — Почекаев Р. Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб., 2010.

Поэзия 2005 — Поэзия Золотой Орды / Пер. Р. Бухараева. М., 2005.

Приселков 1916 — Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

Приселков 2002. — Приселков М. Д. Троицкая летопись. СПб., 2002.

ПСРЛ 1843 — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1843.

ПСРЛ 1848 — Полное собрание русских летописей Т. IV Новгородская четвертая летопись. Псковская первая летопись. СПб., 1848.

ПСРЛ 1863 — Полное собрание русских летописей. Т. XV Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.

ПСРЛ 1926–1928 — Полное собрание русских летописей. Том I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928.

ПСРЛ 1949 — Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.

ПСРЛ 1977 — Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л., 1977.

ПСРЛ 1980 — Полное собрание русских летописей. Т. XXXV. Летописи белорусско-литовские. М., 1980.

ПСРЛ 2000a — Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ 2000б — Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ 2000в — Полное собрание русских летописей. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ 2001a — Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001.

ПСРЛ 2001б — Полное собрание русских летописей. Т. VIII. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001.

ПСРЛ 2004 — Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. Т. XLIII. М., 2004.

Пырсов, Недашковский 2002 — Пырсов Ю. Е., Недашковский Л. Ф. Каталог Джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань, 2002.

Радлов 1889 — Радлов В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. Т. III. 1889 (отд. оттиск).

Рахимзянов 2006 — Рахимзянов Б. Р. Касимовские правители во внешнеполитической переписке Ивана III // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. I. СПб., 2006. С. 244–264.

Рахимзянов 2009a — Рахимзянов Б. Р. Белевская битва 1437 г., султан Мустафа 1443 г. и образование Касимовского юрта: единство и борьба исторических сюжетов // Форум «Идель — Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель — Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тезисы докладов. Казань, 2009. С. 214–217.

Рахимзянов 2009б — Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009.

Рахимова 1996 — Письмо хана Золотой Орды Махмуд Тимура султану Османского государства Фатиху Мехмеду (1466 г.) / Пер. А. Рахимовой // Гасырлар Авазы — Эхо Веков. Казань, 1996. № 3/4. С. 18–24.

Рахимова 1996 — [Рахимова А.] «Кичэр бой калур мэнгү атка» // Гасырлар Авазы — Эхо Веков. Казань, 1996. № 1/2. С. 28–34.

Рахимова 1997 — Письмо золотоордынского хана Ахмеда турецкому султану Фатих Мехмеду (1477) / Пер. А. Рахимовой // Гасырлар Авазы — Эхо Веков. Казань, 1997. № 3/4. С. 34–45.

Рашид ад-Дин 1946 — Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арендса, ред. А. А. Ромаскевич, Е. Э. Бертельс, А. Ю. Якубовский. М.; Л., 1946.

Рашид ад-Дин 1952a — Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. Ред. и прим. А. А. Семенова. М.; Л., 1952.

Рашид ад-Дин 1952b — Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой. Примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, ред. А. А. Семенов. М.; Л., 1952.

Рашид ад-Дин 1960 — Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевский. М.; Л., 1960.

Рева, Шарафеев 2004 — Рева Р. Ю., Шарафеев Н. М. Монеты Карим-Берди (по материалам Рыбнослободского клада) // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 12–24 апреля 2004 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2004. С. 91–93.

Рева, Шарафеев 2005 — Рева Р. Ю., Шарафеев Н. М. Неизвестный Сайид-Ахмад // Тринадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2005. С. 57–59.

Режабек 1907 — Режабек И. Юрий II-й, последний князь всея Малыя Руси // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. Сборник материалов и исследований. СПб., 1907. С. 11–69.

Ретовский 1906 — Ретовский О. Генуэзско-татарские монеты // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 18. СПб., 1906.

Рогожский летописец 2000 — Рогожский летописец // Тверская летопись. Рязань, 2000.

Родословная 1958 — Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского / Пер., пред., прим. А. Н. Кононова. М., 1958.

Родословная 2000 — Родословная книга // Ермолинская летопись. Рязань, 2000.

Романив 2002 — Романив В. Я. Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: от противостояния к соправительству // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 84–100.

Рубрук 1997 — Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина, вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 86–189.

Рудаков 1999 — Рудаков В. Г. Вопрос о существовании двух Сараев и проблема локализации Гюлистана // Ученые записки («Гыйльми язмар») Татарского государственного гуманитарного университета. Казань, 1999. Выпуск 7. С. 92–120

Рудаков 2000a — Рудаков В. Г. К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. Труды Государственного Исторического музея. Выпуск 122. Москва, 2000. С. 305–323.

Рудаков 2000b — Рудаков В. Н. Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского // Древняя Русь. 2000. № 2. С. 15–28.

Рудаков 2007 — Рудаков В. Г. Селитренное городище: хронология и топография. Автореф. канд. ист. наук. М., 2007

Руссев 1997 — Руссев Н. Д. Безноса привратница эпох: «черная смерть» на Западе и Востоке Европы // STRATUM plus. 1997 Структуры и катастрофы. С. 220–239.

Руссев 1999 — Руссев Н. Д. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // Stratum. 1999. № 5: Неславянское в славянском мире. С. 379–407. Электронная версия с официального сайта издания: www.ant.md/school/has/stratum.

Руссев 2005 — Руссев Н. Волохи, русские и татары в социальной истории средневековой Молдавии // Русин. 2005. № 2 (2). С. 93–105.

Русина 2001 — Русина Е. Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «Тьма» // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Выпуск 10. М., 2001. С. 144–152.

Рыжов 2004 — Рыжов К. В. Все монархи мира. Мусульманский Восток VII–XV вв. М., 2004.

Рыкин 2000 — Рыкин П. О. Дуальная система власти на Руси при Александре Невском (антропологический подход) // Михайловский замок. Историко-литературный журнал. № 3. 2000. С. 141–157.

Рыкин 2005 — Рыкин П. О. Монгольский средневековый ритуал в летописном рассказе об убийстве князя Романа Рязанского (1270 г.): опыт интерпретации // Nomadic Studies. 2005. № 11. С. 62–73.

Рыкин 2007 — Рыкин П. О. Титям: об одном китайском титуле в средневековых русских летописях // АБ-60. Сборник статей к 60-летию Альберта Кашфулловича Байбурина. СПб., 2007. С. 475–492.

Сабитов 2008 — Сабитов Ж. М. Аноним Искендера как генеалогический источник // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 1 / Гл. ред. И. М. Миргалеев. Казань, 2008. С. 117–121.

Сабитов 2009 — Сабитов Ж. М. Тарихи Абулхаир-хани как источник по истории ханства Абулхаир-хана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 2. С. 166–180.

Савельев 1865 — Савельев П. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джалаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Записки Императорского археологического общества. Т. XII. Вып. I. СПб., 1865. С. 1–326.

Самойлович 2005 — Самойлович А. Н. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыша // Самойлович А. Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005. С. 224–227

Сафаргалиев 1996 — Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996. С. 277–526.

Сборник 1838 — Сборник князя Оболенского. Вып. 1. СПб., 1838.

Северова 1994 — Северова М. Б. Об имени золотоордынского хана на монетах Крыма 822 и 823 гг. хиджры (1419, 1420 гг. н. э.) // II Всероссийская нумизматическая конференция. 6–8 апреля 1994 г. Тезисы докладов. СПб., 1994. С. 98–100.

Северова 2002 — Северова М. Б. И снова о монете с именем Ногая, а также о редкой крымской монете с двумя тамгами // 10-я Всероссийская нумизматическая конференция. В. Новгород, 16–21 апреля 2001 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 76–79.

Сейфеддини 1981 — Сейфеддини М. А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII–XV вв. Кн. 2. XIV–XV вв. Баку, 1981.

Селезнев 2006 — Селезнев Ю. В. «А переменить богъ Орду...» (Русско-ордынские отношения в конце XIV — первой трети XV вв.). Воронеж, 2006.

Селезнев 2009a — Селезнев Ю. В. Особенности восприятия в русской письменной традиции русско-ордынских отношений в 1420–1460-е гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009. С. 142–151.

Селезнев 2009b — Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды. Научно-справочное издание. Казань, 2009.

Селезнев 2010 — Селезнев Ю. В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. Справочник. М., 2010.

Семенова 1966 — Семенова Л. А. Салах ад-Дин и мамлюки в Египте. М., 1966.

Серебренников 1938 — Серебренников И. И. Русские в гвардии китайских императоров // Новая заря (Харбин). 1938. 6 авг.

Сидоренко 2000 — Сидоренко В. А. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII. Симферополь, 2000. С. 267–288.

Синьоводська проблема 2005 — Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. Київ, 2005.

СИЭ 1962 — Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962.

Скржинская 1971 — Скржинская Е. Ч. История Таны (XIV–XV вв.) // Барбаро и Контарини о России. М., 1971. С. 29–64.

Скржинская 1973 — Скржинская Е. Ч. Венецианский посол в Золотой Орде: По надгробию Якопо Корнаро, 1362 г. // Византийский временник. Т. 35. 1973. С. 103–118.

Скржинская 2006 — Скржинская Е. Ч. Судакская крепость. История — археология — эпиграфика: Сб. статей и материалов. Киев; Судак; СПб., 2006.

Скрынников 1990 — Скрынников Р. Г. Святители и власти. Л., 1990.

СМИЗО 2005 — История Казахстана в арабских источниках. Т. I: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских / Подгот. нов. изд., введ., доп. и коммент. Б. Е. Кумекова, А. К. Муминова. Алматы, 2005.

СМИЗО 2006 — История Казахстана в персидских источниках. Т. IV: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным / Подг. нов. изд., введ., пер., коммент. М. Х. Абусентовой, Ж. М. Тулибаевой. Алматы, 2006.

Смирнов 1907 — Смирнов Я. И. По поводу сообщения П. М. Мелиоранского о басме золотоордынских послов // ЗВО РАО. Т. XVII. 1906. СПб., 1907. С. XV–XVIII.

Смирнов 1951 — Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951.

Смирнов 2005 — Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII в. М., 2005.

Соколов 1918 — Соколов П. П. Подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру // Российский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 70–85.

Соколов 1999 — Соколов Б. Почему погиб Мамай? // 1 сентября. История. 1999. № 25.

Соловьев 1988 — Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Тт. 3–4. М., 1988.

Сорогин — Сорогин Е. И. К вопросу о генеалогии ханов Золотой Орды в период «Великой Замятни» // Электронная публикация с сайта: www.moscovia.com/ftpgetfile.php?module=files&id=67

Сорогин 2007 — Сорогин Е. И. Причины «Великой Замятни» как общего кризиса высокоразвитого кочевого общества // Северный регион: наука, образование, культура. 2007. № 2 (16) С. 91–100.

Софийский временник 1820 — Софийский временник. Ч. 1. М., 1820.

Сочнев 2007а — Сочнев Ю. В. К вопросу о религиозной принадлежности хана Узбека до восхождения на сарайский престол // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С. И. Архангельского. XV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского, 25–26 февраля 2007 г. Н. Новгород, 2007. С. 16–20.

Сочнев 2007б — Сочнев Ю. В. Формирование конфессиональной политики золотоордынских ханов и датировка ярлыка Менгу-Темира // Российский исторический журнал. 2007. № 2. С. 11–18.

Срезневский 2003 — Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I. М., 2003.

Султанов 1975 — Султанов Т. И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник. 1973 М., 1975. С. 53–61.

Султанов 1978 — Султанов Т. И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. 234–251.

Султанов 2006 — Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.

Таварих-и гузида 1969 — Таварих-и гузида-йи нусрат-наме («Избранные летописи из книги побед») // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. А.-А., 1969. С. 9–43.

Татищев 2005 — Татищев В. История Российская. Т. 3. М., 2005.

Ткаченко 2007 — Ткаченко С. Старый Крым. Могила Мамаю // Боспор. Крым. 11.10.2007; 25.10.2007; 01.11.2007. Электронная версия с официального сайта: <http://bospor.com.ua/articles/858.shtml>; <http://bospor.com.ua/articles/880.shtml> <http://bospor.com.ua/articles/893.shtml>.

Травкин 2000 — Травкин С. Н. Некоторые вопросы нумизматики и истории Старого Орхоя (золотоордынский период) // STRATUM PLUS. 2000. № 6: Печать презренного металла. С. 188–199.

Травкин, Зорин 2005 — Травкин С. Н., Зорин А. В. Об одной группе монет из Курской области и некоторых особенностях денежного обращения на западе Золотой Орды // Тринадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Москва. 11–15 апреля 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2005. С. 59–60.

Трепавлов 1993 — Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Трепавлов 2001 — Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов 2002 — Трепавлов В. В. Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 225–244.

Трепавлов 2007a — Трепавлов В. В. Белый царь. Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007

Трепавлов 2007b — Трепавлов В. В. Предки «Мамаю-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. М. 2007 С. 319–352.

Трепавлов 2010 — Трепавлов В. В. Большая Орда — Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010.

Трутовский 1889 — Трутовский В. К. Гулистан Золотой Орды // Древности. Труды Восточной комиссии Московского археологического общества. Т. 1. Вып. 1. М., 1889. С. 73–83.

Тулибаева 2004 — Тулибаева Ж. М. «Улус-и арба-йи Чингизи» как источник по истории взаимоотношений Дашт-и Кипчака со Средней Азией и Ираном // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака

в XIII–XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы, 2004. С. 348–357.

Тулибаева 2008 — Тулибаева Ж. М. Улус Урус-хана // Взаимодействие мировых цивилизаций: история и современность. Сб. статей участников IX Московской научной конференции. Москва, 23 мая 2008 г. М., 2008. С. 225–233.

Тучапский 1915 — Тучапский П. Л. Иван III и зарубежные евреи (Хозя Кокос и Захария Гуил-Гурсит) // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXXII. 1915. Отд. III. С. 67–74.

У Хань 1980 — У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980.

Узлов 2004 — Узлов Ю. А. К вопросу об итальянской колонизации Северо-Западного Кавказа в XIII–XV вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной конференции (12–16 сентября 2004 г.). Ч. II. Киев; Судак, 2004. С. 213–219.

Улугбек 2007 — Мирза Улугбек. Тарих-и арба улус // История Казахстана в персидских источниках. Т. V Алматы, 2007. С. 88–112.

Урманче 1999 — Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Казань, 1999.

Ускенбай 2002 — Ускенбай К. З. Восточный Дашт-и Кыпчак в составе Улуса Джучи в XIII — первой трети XV века. Аспекты политической истории Ак-Орды. Диссертация... канд. ист. наук. Алматы, 2002.

Ускенбай 2008 — Ускенбай К. З. Ак-Орда // Большой атлас истории и культуры Казахстана / Гл. ред. колл.: К. М. Байпаков (пред.) и др.; науч. редактор К. З. Ускенбай. Алматы, 2008. С. 282–286.

Ускебай 2011 — Ускенбай К. З. Новая книга по истории Золотой Орды // Отан тарихы. 2011. № 1 (53). С. 189–201.

Успенский 1997 — Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. М., 1997.

Утемиш-хаджи 1992 — Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., исследование В. П. Юдина. Алма-Ата, 1992.

Фасих 1980 — Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод. Ташкент, 1980.

Фахретдин 1996 — Фахретдин Р. Ханы Золотой Орды / Пер. с тат. С. Шамси. Казань, 1996.

Федоров-Давыдов 1960 — Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М., 1960. С. 94–192.

Федоров-Давыдов 1963 — Федоров-Давыдов Г. А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М., 1963. С. 165–221.

Федоров-Давыдов 1964 — Федоров-Давыдов Г. А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 5. М., 1964. С. 179–224.

Федоров-Давыдов 1973 — Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Федоров-Давыдов 2003 — Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

Феннел 1989 — Феннел Д. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.

Фетищев 2003 — Фетищев С. А. Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389–1395 гг. М., 2003.

Филюшкин 2003 — Филюшкин А. И. Цели похода Тимура на Русь: дискурсы источников и стереотипы историографии // Тюркологический сборник. 2002. М., 2003. С. 354–368.

Филюшкин 2006 — Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006.

Флетчер 2004 — Флетчер Дж. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 212–253.

Флоря 2001 — Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. М., 2001. С. 172–196.

Фома Сплитский 1997 — Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / Вступ. ст., пер. и коммент. О. А. Акимовой. М., 1997.

Френ 1832 — Френ Х. М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб., 1832.

Халим Гирай 2004 — Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов, или История Крыма. Симферополь, 2004.

Хамидуллин 2002 — Хамидуллин Б. Народы Казанского ханства. Этносоциологическое исследование. Казань: Татарское книжное издательство, 2002.

Хамидуллин 2003 — Хамидуллин Б. Мерцающая звезда хана Улуг-Мухаммеда // Татарский мир. 2003. № 19.

Хан 2004 — Хан Н. А. Ярлык в традиции политической культуры Восточной Европы в XIV веке // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 139–144.

Хара-Даван 1996 — Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996. С. 73–274.

Хейвуд 2001 — Хейвуд К. Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногая и Джеки // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 129–145.

Хеллер 2001 — Хеллер К. Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 111–128.

Хорошкевич 1980 — Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.

Хорошкевич 1999 — Хорошкевич А. Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // Отечественная история. 1999. № 2.

Хорошкевич 2001 — Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М., 2001.

Хромов 2002 — Хромов К. К. О правлении ханов в Крыму в 1419–1422 годах по нумизматическим данным // Материалы X Всероссийской нумизматической конференции. Псков, 2002. Электронная версия с сайта: http://www.hordecoins.folgat.net/Rpubl_Xconf.htm.

Хромов 2005а — Новый тип крымского ярмака Менгу Тимура // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XIV веков. Труды международных нумизматических конференций. Саратов–2001, Муром–2003. М., 2005. С. 130.

Хромов 2005б — Хромов К. К. Новое в изучении медных генуэзско-татарских монет города Каффы XV в. // Труды международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». III МНК — Старый Крым. 3–9 октября 2004. М., 2005. С. 6–8.

Хронограф 2005 — Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века / Пер. со старогруз. Г. В. Цулая. М., 2005

Хрусталева 2008 — Хрусталева Д. Г. Русь: от нашествия до «ига» (30–40 гг. XIII в.) / 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2008.

Цолмон 2006 — Цолмон С. Монголын Алтан Ордон Улс. Улаанбаатар, 2006.

Черепнин 1977 — Черепнин Л. В. Татаро-монголы на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 186–209.

Черкас 2007 — Черкас Б. В. Служиві татари в обороні українських земель Великого князівства Литовського XV–XVI століть // Надчорномор'я у IX ст. до н. е. — на початку XIX ст.: студії з історії та археології. Вип. 1. Київ, 2007. С. 144–148.

Черкас 2010 — Черкас Б. Похід хана Джанібек на Правобережну Україну 1352 р. // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. Київ, 2010. С. 13–25.

Чхао Чху-ченг 2008 — Чхао Чху-Ченг. Распад Монгольской империи. Казань, 2008.

Шабульдо 1987 — Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987

Шабульдо 2005 — Шабульдо Ф. Чи існував ярлик Мамає на українські землі? (до постановки проблеми) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. Київ, 2005. С. 100–122.

Шанский 1983 — Шанский Д. Н. «Стояние на Угре» 1480 г. (некоторые итоги и задачи изучения) // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 115–123.

Шенников 1981 — Шенников А. А. Княжество потомков Мамаю // Депонировано в ИНИОН. 7380. Л., 1981.

Шильтбергер 1984 — Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке / Пер. Ф. К. Бруна, пред. и коммент. З. М. Бунятова. Баку. 1984.

Широкоград 2005 — Широкоград А. Загадки поля Куликова. Вопросы, на которые нет ответов вот уже 625 лет // Независимое военное обозрение. 09.09.2005.

Шишов 1999 — Шишов А. В. Александр Невский. Ростов-на-Дону, 1999.

Шостак 1850 — Шостак В. История черноморской торговли в средних веках. Ч. I. Одесса, 1850.

Шпулер 2009 — Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 / Пер. М. С. Гатина // Гатин М. С. Проблемы истории Улуса Джучи и позднесолотоордынских государств Восточной Европы в немецкой историографии XIX–XX вв. Казань, 2009. С. 238–327.

Шталь 1961 — [Шталь И. В.] Некоторые данные об источниках по истории монгольской политики папства // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. Новосельского. М., 1961. С. 209–213.

Штыков 2006 — Штыков Н. В. К истории развития аппарата управления тверских князей в XIV — первой четверти XV в. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. I. СПб., 2006. С. 469–478.

Шукуров 2001 — Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001.

Шукуров 2011 — Шукуров Р. М. «Гаремное христианство»: византийская идентичность анатолийских Сельджуков // Причерноморье в Средние века. Вып. 8. СПб., 2011. С. 64–90.

Щербаков, Дзысь 2001 — Щербаков А., Дзысь И. Куликовская битва. М., 2001.

Щербатов 1781 — Щербатов М. История российская от древнейших времен. Т. IV. Ч. I. СПб., 1781.

Эвлия Челеби 1999 — Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Пер. Е. В. Бахревского. Симферополь, 1999.

Экземплярский 1891 — Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Биографические очерки. Т. 2. Владетельные князья владимирских и московских уделов и великие и удельные владетельные князья суздальско-нижегородские, тверские и рязанские. СПб., 1891.

Юань ши 2004 — Юань ши (Официальная хроника династии Юань) / Пер. Р. П. Храпачевского // Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., 2004. С. 432–525.

Юдин 1992а — Юдин В. П. Неизвестная версия гибели Урус-хана (из политической истории Дашт-и Кипчака XIV в.) // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 76–82.

Юдин 1988 — Юдин В. П. «Тарих-и Шайбани» как источник по истории казахского и каракалпакского народов // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана. Алма-Ата, 1988. С. 201–221.

Юдин 1992б — Юдин В. П. О строительстве мавзолея Кыйата Джир-Кутлу на Сырдарье в XIV в. в связи с историей Дашт-и Кыпчака // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 83–86.

Юдин 1992в — Юдин 1992б — Юдин В. П. Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тукатимуридов в Казахских степях в XIV в. (к проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 57–75.

Юзефович 1869 — Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869.

Юзефович 2007 — Юзефович Л. А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV — первая половина XVII в. СПб., 2007.

Юргевич 1863 — [Юргевич В.] Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом, и письма папы Венедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. 1863. С. 998–1006.

Юргевич 1879 — Юргевич В. Две генуэзские надписи из Балаклавы // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XI. 1879. С. 319–320.

Юрченко 2003 — Юрченко А. Г. «Ты уже наш, татарин!». Даниил Галицкий у Батыя // Родина. 2003. № 11. С. 78–82.

Юрченко 2007 — Юрченко А. Г. Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб., 2007.

Юрченко 2009 — Юрченко А. Г. Какой праздник отметил хан Узбек в июне 1334 г. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2009. С. 110–126.

Языков 1840 — Языков Д. И. Сартак. Батый. Мангу-хан // Труды Российской Академии. 1840. Ч. 3. С. 126–186.

Янина 1954 — Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. 1954. С. 424–457

Ярлык 1998 — Ярлык Тохтамыша: второе возвращение // Гасырлар Авазы — Эхо веков. 1998. № 1–2.

Abel-Rémusat 1824 — Abel-Rémusat J.-P. Mémoires sur les relations politiques des Princes chrétiens, particulièrement des rois de France avec les empereurs Mongols. Second mémoire. Relations diplomatiques des Princes chrétiens avec les Rois de Perse de la race de Tchिंगgis, depuis Houlagou jusqu'au règne d'Abousaïd // Histoire et mémoires d'Institut Royal de France, Académie des inscriptions et belles lettres. T. VII. Paris, 1824. P. 335–439.

Abel-Rémusat 1829 — Abel-Rémusat J.-P. Sartak, prince Mongol // Abel-Rémusat J.-P. Nouveaux mélanges asiatiques. T. II. Etudes biographiques. Paris, 1829. P. 98–101.

Acar 2008 — Acar S. Kasim Hanligi (1445–1681). Istanbul, 2008.

Allsen 1987 — Allsen Th. T. The princes of the Left Hand: an introduction to the history of the Ulus of Orda in the thirteenth and the early fourteenth centuries // Archivum Eurasiae medii aevi. T. V: 1985. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1987. P. 5–40.

Ayalon 1972 — Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination (C1) // Studia Islamica. № 36. 1972. P. 113–158.

Biran 1997 — Biran M. Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia. Richmond, 1997

Britannica 2001 — Encyclopedia Britannica 2001 // Электронное издание. Компакт-диск.

Canale 1855 — Canale M. G. Delle Crimea, del suo commercio, e dei suoi dominatori, dalle origini fino ai dì nostri, Commentari Storici. Genova, 1855.

Chambers 2001 — Chambers J. The Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe. London, 2001.

De Weese 1994 — DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and conversion to islam in historical and epic tradition. Pennsylvania, 1994.

Desimoni 1887 — Desimoni C. Trattato dei Genovesi col Chan dei Tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare // Archivio storico italiano fondata da G. P. Vieusseux. 4-a ser. T. XX. Firenze, 1887. P. 161–165.

Di Cosmo 2005 — Di Cosmo N. Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts // Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World / Ed. by R. Amitai and M. Biran. Leyden; Boston, 2005. P. 391–424.

Geanakoplos 1959 — Geanakoplos J. Emperor Michael Palaeologus and the West. 1258–1282. A study in Byzantine-Latin relations. Cambridge, 1959.

Grousset 2000 — Grousset R. The Empire of the Steppes: A History of Central Asia. New Brunswick, New Jersey, and London, 2000.

Halperin 2007a — Halperin Ch. J. The missing Golden Horde chronicles and historiography in the Mongol empire // Halperin Ch. J. Russia and the Mongols. Slavs and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia. București, 2007 P. 264–276.

Halperin 2007b — Halperin Ch. J. Tsarev Ulus: Russia in the Golden Horde // Halperin Ch. J. Russia and the Mongols. Slavs and the Steppe in

Medieval and Early Modern Russia. București: Editura Academiei Romane, 2007 P. 77–83.

Hammer-Purgstall 1840 — Hammer-Purgstall J. Geschichte der Golden Horde, das ist: der Mongolen in Russland. Pescht, 1840.

Hayton, 1906 — Hayton. La flor des estoires de la terre d'Orient // Recueil des historiens des croisades. Documents arméniens. T. 2. Paris, 1906. P. 111–363.

Juvaini 1997 — Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997

Iliescu 1989 — Iliescu O. Contribution à l'histoire des colonies Génoises en Roumanie aux XIII–XV siècles // Revue Roumaine d'Histoire. T. XXVIII. 1–2. Jan.-Juin 1989. P. 25–52.

Kazimirski 1833 — Précis de l'histoire des khans de Crimée, depuis l'an 880 jusqu'à l'an 1198 de l'hégire, traduit du turc par M. Kazimirski; revu par M. Amédée Jaubert // Journal Asiatique. T. XII. 1833. P. 349–380; 428–458.

Klaproth 1833 — Klaproth M. Aperçu des entreprises des Mongols en Géorgie et en Arménie dans le XIIIe siècle // Nouveau Journal Asiatique. Octobre 1833. P. 273–305.

Kusber 1997 — Kusber J. Ende und Auswirkung der Mongolenherrschaft in Rußland // Die Mongolen in Asien und Europa / Hrsg. S. Conermann, J. Kusber. Frankfurt: Peter Lang, 1997 S. 207–230.

Kurat 1940 — Kurat A. N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına Ait Yarlık ve Bitikler. İstanbul, 1940.

Le Livre 1830 — Le Livre du Grant Caan, extraite du manuscrit de la Bibliothèque du Roi, par M. Jacquet // Journal Asiatique. T. VI. 1830. P. 57–72.

Langles 1802 — Langles L. Notice chronologique des Khans de Crimée // Forster G. Voyage du Bengale à Pétersbourg. T. III. Paris, 1802. P. 325–482.

Liu Yingsheng 2005 — Liu Yingsheng. War and Peace between the Yuan Dynasty and the Chaghadaid Khanate (1312–1323) // Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World / Ed. by R. Amitai and M. Biran. Leyden; Boston, 2005. P. 339–358.

Mostaert, Cleaves 1952 — Mostaert A., Cleaves F. W. Trois Document mongols des Archives Secretes Vaticanes // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 15. № 3/4. Dec. 1952. P. 419–506.

Nitsche 1997 — Nitsche P. Mongolensturm und Mongolenherrschaft in Rußland // Die Mongolen in Asien und Europa / Hrsg. S. Conermann, J. Kusber. Frankfurt: Peter Lang, 1997. S. 65–80.

Oberländer-Târnoveanu 1997 — Oberländer-Târnoveanu E. Byzantino-Tartarica — Le monnayage dans la zone des bouches du Danube à la fin du XIIIe et au commencement du XIVe siècle // Études Byzantines et post-Byzantines. III. București, 1997. P. 191–214.

Ostrovski 2003a — Ostrovski D. Berke // Supplement to the Modern Encyclopedia of Russian, Soviet, and Eurasian History. Gulf Breeze, FL: Academic International Press, 2003. Vol. 4. P. 137–138.

Ostrovski 2003b — Ostrovski D. Berdibek // Supplement to the Modern Encyclopedia of Russian, Soviet, and Eurasian History. Gulf Breeze, FL: Academic International Press, 2003. Vol. 4. P. 125.

Ostrovski 2004 — Ostrovski D. The Extraordinary Career of Tsarevich Kudai Kul/Peter in the Context of Relations between Muscovy and Kazan' // States, Societies, Cultures: East and West: Essays in Honor of Jaroslaw Pelenski / Ed. by J. Duzinkiewicz, M. Popovych, V. Verstiuk and N. Yakovenko. New York: Ross Publishing, 2004. P. 697–719.

Pelliot 1949 — Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949.

Pienaru 2002 — Pienaru N. Otomanii și Hoarda de Aur. Relațiile lui Murad II cu Ulug Mehmed // Studii și Materiale de Istorie Medie. Issue № XX /2002.

Poliak 1942 — Poliak A. N. The Influence of Chingiz-Khan's Yasa upon the General Organization of the Mamluk State // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London University. Vol. 10. № 42. 1942. P. 862–876.

Pritsak 1967 — Pritsak O. Moscow, the Golden Horde, and the Kazan Khanate from a Polycultural Point of View // Slavic Review. Vol. 26. № 4. (Dec. 1967). P. 577–583.

Reinaud 1827 — Reinaud M. Histoire des guerres des croisades, sous le règne de Bibars, sultan de l'Égypte, d'après les auteurs arabes // Journal Asiatique. T. XI. Paris, 1827. P. 3–33.

Schamiloglu 1986 — Schamiloglu U. Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Ph. D. Dissertation. Columbia University, 1986.

Shajrat 1838 — Shajrat ul atrak, or Genealogical tree of Turks and Tatars / transl. and abridged by Col. Miles. London, 1838.

Sugiyama 1988 — Sugiyama M. The Phags-pa Mongolian inscription of Toyon-temür qayan edict // Memoires of the Research Department of the Toyo Bunko. 1988. № 46. P. 1–6.

Tanase 2004 — Tănase T. Le Royaume de Hongrie et les missions franciscaines dans les régions sous domination mongole du XIIIe siècle au XVe siècle: un exemple de géopolitique religieuse // Annuario. Istituto Romeno di cultura e ricerca umanistica 5 (2003), edited by Ș. Marin, R. Dinu, I. Bulei and C. Luca, București, 2004. P. 114–132.

Vagnon 2006 — Vagnon E. Cartographie d'une ville disparue Vicina sur le Danube // Revue de la Bibliothèque nationale de France. № 24. 2006. P. 6–11.

Vasary 1990 — Vásáry I. "History and legend" in Berke Khan's conversion to Islam // Aspects of Altaic Civilization. III / Ed. by D. Sinor. Bloomington: Indiana University Press, 1990. P. 230–252.

Vasary 1982 — Vasary I. A contract of Crimean Khan Mangli Giray and the inhabitants of Qirq-yer from 1478/79 // Central Asiatic Journal. 26. Wiesbaden, 1982. P. 289–301.

Vasary 1995 — Vászary I. Russian and Tatar Genealogical Sources on the Origin of the Iusupov Family // Harvard Ukrainian Studies. Vol. XIX. 1995. P. 732–746.

Vasary 2009 — Vászary I. The Beginning of Coinage in the Blue Horde // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Vol. 62 (4). 2009. P. 371–385.

Wheelis 2002 — Wheelis M. Biological warfare at the 1346 siege of Caffa // Электронное издание «Emerg Infect Dis». 2002. Sept.: <http://www.cdc.gov/ncidod/EID/vol8no9/01-0536.htm>.

Wittek 1952 — Wittek P. Yazijioghlu 'Ali on the Christian Turks of the Dobruja // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. 14. №. 3. Studies Presented to Vladimir Minorsky by His Colleagues and Friends. 1952. P. 639–668.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абага, персидский ильхан 43, 44, 59, 63, 68, 67, 71, 73, 74, 76, 84, 100
- Абаджи, сын Куремсы, золотоордынский царевич 90, 91
- Абаджи, сын Менгу-Тимура, золотоордынский царевич 68
- Аббас, бий Ногайской Орды 256
- Абд ал-Керим, хан Хаджи-Тархана 268, 269, 270, 274, 277
- Абд ал-Латиф, хан Казани, московский воевода 243
- Абдаллах, хан Золотой Орды 153, 154, 159–163, 169, 179
- Абдул, ханский посол 117
- Абу Бакр, арабский халиф 212
- Абу Бакр, внук Амира Тимура, правитель Азербайджана 225
- Абу Саид, персидский ильхан 122, 131
- Абу Саид Джанибек, казахский хан 232
- Абу-л-Хайр, хан Синей Орды 188, 247, 254, 255, 256, 257
- Абулек, узбекский хан 188
- Агиш, бий Ногайской Орды 280
- Азиз-Шейх, хан Золотой Орды 161, 162, 164, 175, 179, 180, 181
- Айбек, *см.* Ильбек
- Ак-Буга, золотоордынский нойон 155, 156
- Ак-тайджи, золотоордынский царевич 87, 90, 98
- Ак-ходжа, золотоордынский посол 196
- Актылун-хаан, *см.* Чаур-сэчен
- Алгуй, золотоордынский царевич 66, 84, 87, 96, 95, 108
- Алгуй, чагатайский правитель 41
- Алекса Неврюй, золотоордынский посол 104
- Александр, князь новосильский 116
- Александр IV, римский папа 54
- Александр Васильевич Суздальский, великий князь владимирский 116
- Александр Липецкий 83
- Александр Михайлович, великий князь владимирский и тверской 116, 117, 132
- Александр Невский, великий князь владимирский 23, 26, 27, 31, 47, 64, 65, 79, 96, 104
- Александр Ягеллон, великий князь литовский, польский король 271, 274, 275, 278
- Алексий, киевский митрополит 138, 139, 160
- Али (Алиш, Алаш)-бек, даруга Крыма, отец Мамаю 156
- Али-бек (Алим-бек, Либей), золотоордынский царевич, правитель Казани 237, 243
- Алла ад-Дин Кей-Кубад III, сельджукский султан 29
- Алла ад-Дин Мухаммад II, хорезмшах 33
- Алла ад-Дин ан-Нуман, хорезмский шейх 109
- Алчагир, бий Ногайской Орды 279, 280
- Алчедай, золотоордынский эмир 82, 114
- Алчи-нойон 12
- Алын, золотоордынский военачальник 82

- Амат, золотоордынский эмир 167
Аминек, узбекский хан 188
Амир Тимур (Тамерлан), чагатайский временщик 184, 186, 187, 189, 191–194, 198–205, 210, 213–219, 225, 254
Амраган 64
Андрей, наместник Кременца 45
Андрей Александрович Городецкий, великий князь владимирский 79, 82, 96, 104
Андрей Васильевич Меньшой, князь вологодский 262, 263
Андрей Мстиславич, князь черниговский 27
Андрей Ольгердович, князь полоцкий 207
Андрей Ярославич, великий князь владимирский 21, 26, 27, 79
Андреоло Чиврано, венецианский патриций 134
Андроник II Палеолог, византийский император 91, 105, 109, 119, 124
Андроник III Палеолог, византийский император 119
Анка, золотоордынский наместник Хорезма 221
Антонио Джисларди 258
Арабшах, хан Золотой Орды 8, 167, 168, 170, 171, 180–188, 194
Аргасун, монгольский царевич 13, 18
Аргун, персидский ильхан 84, 85, 92
Арик-Буга, монгольский хан 24, 40, 41, 43, 62
Арпа-хан, персидский ильхан 123
Асан, наместник Волжской Булгарии 161, 163, 167, 184
Астай, *см.* Исатай
Ахиджук, золотоордынский наместник Азербайджана 138, 139
Ахмад (Ахмат), хан Золотой Орды 7–9, 243, 252–261, 263–267, 270, 280
Ахмат, *см.* Ахмад
Ахмат, золотоордынский баскак в Курске 82, 83
Ахмыл, золотоордынский эмир 115
- Б**
Баба-огул, золотоордынский царевич 122
Багдад-хатун, супруга Абу Саида 123
Бадакул, золотоордынский царевич 178, 180, 182
Бади ал-Джамал, супруга золотоордынского хана Ахмада 254
Базарджи, *см.* Наурус
Байалун, супруга Токты, затем Узбека 109, 119, 124
Байдар, монгольский царевич 13, 20, 34
Байдемир 124
Байджу, монгольский наместник в Иране 29, 30
Байрам-Ходжа, золотоордынский посол 161
Балакан, золотоордынский царевич 96
Балтычак, синеордынский эмир и беклярибек, отец Идигу 212, 213
Баркук, египетский султан 201
Барсбай, египетский султан 232
Басараб I, валашский воевода 120
Бату (Батый, Саин-хан), правитель Золотой Орды 6, 8, 10–25, 26–38, 40, 42, 45, 47, 50, 53–55, 57–59, 61, 68, 70, 74, 79, 96, 140–143, 146, 148–153, 167, 178, 179, 189, 195, 198, 214, 262, 270
Батый, *см.* Бату
Бахадур-султан, золотоордынский царевич 274, 277, 281
Баязид I, османский султан 204
Баязид II, османский султан 268, 269, 274, 276, 277
Баян, правитель Синей Орды 102
Бегич, золотоордынский военачальник 168
Бегич, казанский посол 242
Бейбарс, ал-Малик аз-Захир Рукн ад-Дин, египетский султан 42, 50–53, 55, 59, 60, 75, 76
Бек-Пулад, хан Золотой Орды 203
Бек-Суфи, хан Золотой Орды 225, 226
Бела IV, венгерский король 19, 20, 54
Бердедат Кудудатович, золотоордынский царевич, московский воевода 239
Бердибек, хан Золотой Орды 136, 138–143, 146, 149–151, 156, 157, 163, 169, 195, 198
Берке, правитель Золотой Орды 6, 8, 13, 19, 25, 27, 29, 33–41, 42–55, 56–62, 67, 68, 70–75, 83, 98, 138

- Беркечар, золотоордынский царевич 33, 34, 39, 62, 63
- Билыкчи, золотоордынский царевич 95
- Бодончар, легендарный предок монголов 155
- Борак, хан Синеи Орды, Золотой Орды 229, 230, 231, 232
- Борак, чагатайский хан 64, 65, 66
- Боракчин, супруга Бату 39, 40, 57
- Борис Константинович Городецкий, великий князь нижегородский 161
- Борте, супруга Чингис-хана 11, 12
- Бочук, золотоордынский посол 261
- «Брунахо Батырь», золотоордынский посол 258
- Бувал, золотоордынский царевич 69, 70
- Буга-Тимур, монгольский нойон из племени ойрат 57
- Булга, см. Балакан
- Буреке-султан 235
- Бури, монгольский царевич 13, 14, 18–21, 25, 34
- Бури, золотоордынский царевич 33
- Бурлюк, золотоордынский царевич 66, 96, 101, 103
- Бурундай, золотоордынский военачальник 21, 46
- Буянту, великий хан 121
- Бюджек, монгольский царевич 13, 19, 20
- В**
- Василий Васильевич Темный, великий князь московский 197, 230, 233, 234, 236, 237, 238, 239, 242, 243, 247, 249
- Василий Дмитриевич, великий князь владимирский и московский 222, 223
- Василий Дмитриевич Кирдяпа, князь суздальский 197
- Василий III Иванович, великий князь московский 197, 243, 281
- Василий Константинович, князь рязанский 104
- Василий Михайлович Кашинский, великий князь тверской 117, 131
- Василий Ярославич, великий князь владимирский 65
- Василий Ярославич, князь серпуховский 239
- Василько Романович, князь волинский 46
- Вассиан Рыло, ростовский епископ 262
- Витовт Кейстутович, великий князь литовский 206–210, 219, 220, 224, 226, 230, 232, 234, 235, 245, 248
- Владимир Андреевич, князь серпуховский, московский военачальник 222
- Владислав III Варненчик, польский король 249, 258
- Всеволод Александрович Холмский, великий князь тверской 117, 132
- Всеволод Юрьевич, владимирский княжич 14, 15
- Г**
- Газан, золотоордынский эмир, 224
- Газан, персидский ильхан 92, 97, 98, 103
- Гази, сын Идигу, бекляри-бек 231–233, 235
- Гедимин, великий князь литовский 120, 121
- Гейхату, персидский ильхан 97
- Генрих Силезский 20
- Георгий IV Лаша, грузинский царь 29
- Георгий VII, грузинский царь 204
- Георгий Тертер I, болгарский царь 78, 100
- Георгий Тертер II, болгарский царь 119
- Гетум, армянский царь 53
- Гийас ад-Дин, правитель Крыма 246
- Гийас ад-Дин, хан Золотой Орды 230, 235, 236, 237
- Гирей, казахский хан 232, 255
- Годан, монгольский царевич 22
- Григорий IX, римский папа 21
- Григорий Протасьев, литовский наместник Мценска 233, 237
- Гуюк, монгольский хан 13, 14, 18, 19, 22–25, 27, 29, 34–36, 141
- Д**
- Давид Нарин, грузинский царь 23, 29, 54
- Давид Улу, грузинский царь 23, 29, 54
- Даниар, хан Касимова 243, 261

- Даниил Александрович, князь московский 104
- Даниил Борисович, великий князь нижегородский 238
- Даниил Романович, князь галицкий, король Малой Руси 27, 31, 45, 46, 47, 65
- Даулат, золотоордынский эмир 120
- Девлет-Берди, хан Золотой Орды 229, 231
- Дервиш, хан Золотой Орды 225
- Дервиш-Али, хан Хаджи-Тархана 282
- Джаббар-Берди, хан Золотой Орды 225
- Джалал ад-Дин, хан Золотой Орды 224
- Джанай, золотоордынский царевич, претендент на трон Золотой Орды 274
- Джанай, крымский царевич 246
- Джанай (Джанибек)-султан, золотоордынский царевич 281
- Джанди-бек, золотоордынский (?) эмир 178
- Джанибек, хан Золотой Орды 8, 124, 125, 127–129, 130–139, 141, 142, 146, 150, 151, 156, 157, 160, 161, 163, 167, 169, 170, 174, 175, 189, 199
- Джанибек, правитель Крыма, хан Хаджи-Тархана 235, 239, 242, 260
- Джаныке, дочь Токтамыша, супруга Идигу 213, 224
- Джиджек-хатун, супруга Берке и Менгу-Тимура 68, 83, 86, 87, 95
- Джир-Кутлуг, наместник Синей Орды 149, 156
- Джованни-Баттиста делла Вольпе (Иван Фрязин), венецианский авантюрист 258
- Джованни-Баттиста Тревизано, венецианский дипломат 258, 259
- Джуки, золотоордынский царевич, царь Болгарии 87, 88, 91, 92, 99, 104
- Джучи, правитель Золотой Орды 7, 10–13, 22, 23, 26, 28, 29, 31, 33, 69, 70, 71, 90, 141, 142, 146–149, 156, 175–179, 189, 190, 228, 283
- Дмитрий, правитель Феодоро, вассал Золотой Орды 159
- Дмитрий Александрович Переяславский, великий князь владимирский 64, 65, 79, 82, 96
- Дмитрий Иванович Донской, князь московский, великий князь владимирский 160, 161, 164–171, 180, 183, 194, 195, 197, 222, 234, 242
- Дмитрий Константинович Суздальский, великий князь владимирский и нижегородский 160, 161, 163, 164, 166, 168, 183, 186, 196
- Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, литовский князь, московский военачальник 207
- Дмитрий Михайлович Грозные Очи, князь тверской, великий князь владимирский 115, 116, 117
- Дмитрий Ольгердович, князь Брянский 207
- Дмитрий Путятич, литовский наместник в Киеве 278
- Дмитрий Юрьевич Красный, галицкий княжич 236
- Дмитрий Юрьевич Шемяка, князь галицкий, великий князь московский 236, 239, 242, 247, 248
- Дува, чагатайский хан 97, 98, 102, 103, 121
- Дюдень *см.* Тудан
- Е**
- Евдокия, супруга Дмитрия Ивановича Донского 161
- Евпатий Коловрат, легендарный рязанский воевода 14
- Евфросиния, византийская царица, супруга Ногай 76, 78
- Едигей, *см.* Идигу
- Елена, болгарская царица, супруга Джучи 100
- Ентяк, золотоордынский царевич, правитель Казани 206
- И**
- Ибак (Сайид-Ибрахим), хан Синей Орды, Золотой Орды 255–257, 264, 269, 270
- Ибишей, претендент на трон Золотой Орды 281
- Ибрахим (Аба-оглан), золотоордынский царевич 181, 182, 187, 188, 221
- Ивайло, болгарский царь 77, 78

- Иван, золотоордынский царевич 143
 Иван, князь друцкий 121
 Иван Андреевич, князь можайский 239
 Иван Асен III, болгарский царь 77, 78
 Иван III Васильевич, великий князь московский 243, 251, 258, 261–264, 268, 269, 270, 275–277
 Иван IV Васильевич Грозный, великий князь, затем царь московский 6, 282, 284
 Иван Данилович Калита, князь московский, великий князь владимирский 115, 116, 117, 121, 131, 197
 Иван Дмитриевич, суздальский княжич 168, 185
 Иван Дмитриевич Всеволожский, московский боярин 234
 Иван Иванович Коротопол, князь рязанский 121
 Иван Иванович Красный, великий князь владимирский 132
 Иван Иванович Молодой, великий князь тверской 262
 Иван Иванович Московский 147
 Иван Михайлович, княжич 164
 Иван Ярославич, князь рязанский 117
 Идигу (Едигей), бекляри-бек 6, 7, 9, 192, 198, 202–204, 206–229, 233, 255, 264
 Изз ад-Дин Кей-Кавус II, сельджукский султан 23, 29, 30, 53, 55, 67, 72, 73
 Ильбасар, золотоордынский царевич, бекляри-бек, претендент на трон 100, 106, 107, 109
 Ильбарс, узбекский хан 188
 Ильбек (Айбек, Алп-ходжа), хан Золотой Орды 165, 180, 182, 183
 Ильгам (Алегам), хан Казани 270
 Ильяс, бекляри-бек 161, 180
 Имад ад-Дин ал-Маскири, шейх-ул-ислам 109
 Инка-Торе, киргизский правитель 201
 Иоанн, правитель Фессалии 77
 Иоанн, сарайский епископ 133
 Иринбек, золотоордынский царевич 151
 Иса, брат Идигу, бекляри-бек 204, 213–215, 218, 223
 Иса(-гурген), бекляри-бек 109, 125
 Исатай, наместник Синей Орды 111, 149, 156
 Ислам-Гирей I, хан Крыма 280
 Исмаил, бий Ногайской Орды 281
 Исмаил Самани, бухарский правитель 178, 182
 Ичкили-Хасан-оглан, золотоордынский царевич 228
 Иштван II, венгерский король 54
- ## Й
- Йадгар, узбекский хан, хан Синей Орды 188, 255
 Йанджи, золотоордынский царевич 90, 91
 Йису-Менгу, чагатайский правитель 36
 Йисун-Дува, см. Сунтай
 Йасавур, чагатайский царевич 122, 123
- ## К
- Кабак, дочь Ногая 78, 79
 Кавгадый, золотоордынский эмир 82, 114
 Каганбек, хан Золотой Орды 167, 183–185, 187, 194
 Кадак, золотоордынский нойон 109
 Кадан, золотоордынский царевич 69, 87
 Кадан, монгольский царевич 13, 14, 18–21, 24, 34
 Каджулай-багатур 224
 Кадыр-Берди, хан Золотой Орды 225, 226, 228
 Кадыш, литовский хорунжий 281
 Казаган, чагатайский временщик 131
 Казанчи, синеордынский эмир и бекляри-бек 213, 214
 Казимир IV Ягеллончик, великий князь литовский, польский король 249–251, 257–259, 262, 263
 Калаун, египетский султан 76
 Камар ад-Дин, правитель Кашгара 201
 Кара-Ногай, хан Синей Орды 149, 189, 190
 Кара-Пулад, золотоордынский военачальник 119
 Кара-Хулагу, чагатайский правитель 24
 Караджа, см. Ак-тайджи
 Каракисек, золотоордынский царевич 101
 Карачин, золотоордынский царевич 90, 91

- Карл Великий, франкский король, император 31
- Касим, казанский царевич, первый хан Касимова 242, 243, 249
- Касим, правитель Хаджи-Тархана 256, 262
- Кебек (Бетсбул, Беш-Сабулу), хан Золотой Орды 225, 245, 250
- Кебек, чагатайский хан 123
- Кейстут Гедиминович, великий князь литовский 170
- Келмиш-хатун, дочь монгольского хана Мунке 88
- Керим-Берди, хан Золотой Орды 223, 224, 244, 245
- Кильдибек, хан Золотой Орды 140, 151–153, 158, 159, 174, 179
- Киндяк, ханский посол 117
- Кичи-Мухаммад 232–237, 243, 247, 248, 250–253, 255
- Койричак, хан Золотой Орды 205, 206, 216, 218, 229
- Конкур-Токай-нойон 24
- Константин Михайлович, великий князь тверской 117
- Константин Романович, князь рязанский 104
- Константин Тих (Асен), болгарский царь 53, 72, 76, 77
- Конуш-бек, золотоордынский тысячник 257
- Кончака (Агафья), сестра Узбека, супруга Юрия Даниловича Московского 114
- Кончи, правитель Синей Орды 101, 102
- Кориат 132
- Котян, кипчакский хан 19, 21
- Куйлюк, правитель Синей Орды 102
- Кулькан, монгольский царевич 13, 14, 34
- Кульна (Кулла), хан Золотой Орды 140, 142, 143, 146–148, 151, 157
- Кунче-оглан, золотоордынский царевич 202, 203, 214–216
- Кунчек 84, 95
- Куремса, золотоордынский царевич 45, 46, 90
- Кутан-Кончек (Куй-Кичик), мать Токтамыша 190
- Кутлубей, *см.* Хубилай
- Кутлуг-Буга, бекляри-бек, даруга Крыма 156, 159
- Кутлуг-Буга, синеордынский царевич 182, 191, 192
- Кутлуг-Тимур, *см.* Улджай-Тимур
- Кутлуг-Тимур, бекляри-бек 109, 118, 121, 122, 125, 156
- Кутлуг-Тимур, даруга Крыма 136
- Кутлукья 212
- Кутуган, золотоордынский царевич 68, 87
- Кутуй-хатун, супруга Менгу-Тимура 68
- Кучу-хатун, мать хана Менгу-Тимура 57
- Кушай, правитель Синей Орды 102
- ## Л
- Лев I Данилович, князь галицкий, король Малой Руси 46, 78
- Лев II Юрьевич, князь волынский 120
- Людовик IX, французский король 21, 25
- ## М
- Маву, золотоордынский военачальник 59
- Маджи, золотоордынский нойон 91
- Мазовша, золотоордынский царевич 250, 251
- Малакан, золотоордынский царевич 68, 87
- Малик Ашраф, правитель Азербайджана 137, 139
- Мамай, бекляри-бек 6, 7, 8, 31, 152–173, 179, 182–187, 194, 195–198, 207, 226, 275
- Мамук 270
- Мангутай, правитель Синей Орды 102, 181
- Мансур, золотоордынский эмир, сын Мамая 195
- Мансур, сын Идигу, бекляри-бек, бий Ногайской Орды 229, 231
- Масуд, сельджукский султан 67
- Матвей Бестужев, московский посол 261
- Мауци, монгольский царевич 24
- Махмуд, хан Золотой Орды, родоначальник ханов Хаджи-Тархана 178, 252, 253, 254, 256

- Махмуд (Мамутек), хан Казани 239, 242, 243
- Махмуд-султан, узбекский царевич 256
- Менгли-Гирей, хан Крыма 251, 252, 258–261, 263–278
- Менгу-Тимур, золотоордынский царевич 180, 182
- Менгу-Тимур, хан Золотой Орды 8, 22, 53, 56–68, 74–76, 78–84, 86–88, 94, 105, 106, 108, 142, 178, 203
- Мехмед II Фатих, османский султан 254, 257, 259, 260, 268
- Милутин, сербский король 91
- Мир-Пулад, см. Пулад
- Мираншах, сын Амира Тимура 199
- Митрофан, сарайский епископ 66
- Михаил, золотоордынский царевич 143
- Михаил (Митяй), киевский митрополит 169
- Михаил VIII Палеолог, византийский император 52, 53, 72, 73, 78, 79
- Михаил Александрович, великий князь тверской и владимирский 117, 164, 167, 197
- Михаил Андреевич, князь белозерский 239, 242
- Михаил Всеволодович, князь черниговский 27
- Михаил Сигизмундович, претендент на литовский трон 249, 250
- Михаил Ярославич Тверской, великий князь владимирский 104, 114, 115, 132
- Мого, монгольский царевич 24
- Могол-Буга, бекляри-бек 135, 147, 148, 152, 161
- Мстислав Юрьевич, владимирский княжич 15
- Мубарак-Ходжа, правитель Синей Орды 111, 149
- Мубарак-шах, сын Идигу, наместник Хорезма 221, 224
- Мубариз ад-Дин Мухаммад, правитель Фарса 139
- Музаффар, золотоордынский царевич 279
- Мунджук, золотоордынский нойон 91
- Мунке, монгольский хан 13, 14, 19, 24, 25, 26–30, 34–39, 40–42, 59, 64, 68, 71, 78, 141
- Мурад II, османский султан 232
- Муртаза, хан Золотой Орды 263, 264, 266–274, 279
- Муса, бий Ногайской Орды 255, 256, 264, 265, 269–271, 277, 279
- Муса-хан, персидский ильхан 123
- ал-Мустансир, каирский халиф 51
- Мустафа, золотоордынский царевич 238
- Мухаммад (Булак, Туляк), хан Золотой Орды 163
- Мухаммад б. Баязид, шахзаде 274
- Мухаммад б. Мухаммад ар-Рази Кутб ад-Дин ат-Тахтани, золотоордынский шейх 130
- Мухаммад Шайбани, узбекский царевич, основатель Бухарского ханства 256, 257, 261, 284
- Мухаммад-Амин, хан Казани 243, 269
- Мухаммад-Гирей I, хан Крыма 280
- Мухаммад-Джуки, сын Шахруха 223, 231
- Мухаммад-хан, см. Улуг-Мухаммад, Кичи-Мухаммад
- Мухаммад-ходжа, золотоордынский эмир 109, 118
- Мюрид, хан Золотой Орды 150–153, 158–161, 164, 179–181
- ## Н
- Нагудай, золотоордынский наместник Хорезма 152
- ан-Насир, египетский султан 103, 105, 117, 124, 133
- Наху, монгольский царевич 24
- Наримонт, литовский княжич 120
- Наурус, сын Идигу, бекляри-бек 231–233, 235
- Наурус, хан Золотой Орды 140, 146–148, 151, 157, 160
- Ногай, золотоордынский царевич, бекляри-бек, претендент на трон 7, 8, 42–44, 53, 57, 58, 60, 68, 69, 70–85, 86–99, 100, 101, 106, 108, 109, 155, 226
- Нуган, золотоордынский эмир 175
- Нумуган, монгольский царевич 63, 68
- Нур ад-Дин, сын Идигу, бекляри-бек (?) 211, 224, 225

Нур-Девлет, хан Крыма, Касимова 259, 260, 268
 Нур-Султан, супруга казанского хана Ибра-
 хима, крымского хана Менгли-Гирея I
 372

О

Оболенский В. И., московский наместник
 в Муроме 242
 Огул-Гаймиш, монгольская правительница
 24, 27
 Олджай-хатун, супруга Менгу-Тимура 68,
 88, 94
 Олджайту, персидский ильхан 103, 105,
 121, 122
 Олег, князь рыльский 82, 83
 Олег Иванович, великий князь рязанский
 168, 170, 185, 196, 206
 Ольгерд Гедиминович, великий князь ли-
 товский 132, 164, 204, 220
 Омар-Шейх, сын Амира Тимура 200
 Орду, правитель Синей Орды 13, 14, 20,
 23, 29, 34, 36, 45, 90, 102, 149, 189
 Орду-Ичена 156
 Орду-Мелик, хан Золотой Орды 149–151,
 158
 Оттокар II, чешский король 54

П

Петр, киевский митрополит 105
 Петр Кузьминский, московский воевода
 237
 Петр Ордынский, золотоордынский царе-
 вич, святой русской церкви 50
 Пимен, киевский митрополит 169
 Пулад, хан Золотой Орды 8, 158, 159,
 161, 162, 174–182
 Пулад-бек, хан Золотой Орды 222, 223
 Пулад-Тимур, см. Улджай-Тимур
 Пулад-Тимур, правитель Волжской Булга-
 рии 158, 168, 175, 216
 Пулад (Деулиуллах)-Ходжа, хан Золотой
 Орды 161, 175, 180

Р

Рамадан, Зайн ад-Дин, даруга Крыма 136
 Ратибор Клукович, новгородский посад-
 ник 65

Роман Михайлович, князь брянский 78
 Роман Ольгович, князь рязанский 66, 67
 Рукн ад-Дин Килич-Арслан IV, сельджук-
 ский султан 23, 29, 30, 53
 Руссудан, грузинская царица 29

С

Саадат-Гирей I, хан Крыма 280, 281
 Сад ад-Дин, маулана, золотоордынский
 богослов 130
 Саин-хан, см. Бату
 Сайид-Ата, золотоордынский шейх 162
 Сайид-Ахмад, хан Золотой Орды (ставлен-
 ник Идигу) 8, 225
 Сайид-Ахмад I, хан Золотой Орды 9, 234,
 235, 237, 244–252, 278
 Сайид-Ахмад II, хан Золотой Орды, 266,
 267–270, 274
 Сайф ад-Дин Бахарзи, бухарский шейх
 51
 Салджидай-гурген, золотоордынский ной-
 он 88, 89, 96, 97, 99
 Салчи, наместник Хаджи-Тархана 167
 Сангуй, золотоордынский нойон 91
 Сарай-ака, золотоордынский посол 166
 Сарай-Буга, золотоордынский царевич 68,
 96, 101
 Сарай-Тимур, золотоордынский эмир, ве-
 зир 109, 152, 156
 Сартак, правитель Золотой Орды 30, 35,
 38, 39, 40
 Сары-ходжа, золотоордынский посол 164
 Свидригайло Ольгердович, великий князь
 литовский 235, 244, 245, 247, 248
 Святослав, князь липецкий 82, 83
 Сегиз-бей, золотоордынский эмир 159,
 165, 167
 Семен Волынец, московский воевода 237
 Семен Дмитриевич, суздальский княжич
 197, 206
 Семен Иванович Гордый, великий князь
 владимирский 117, 131, 132, 135
 Сигизмунд, германский император 232
 Сигизмунд I Старый, великий князь ли-
 товский, польский король 278, 280,
 281
 Сигизмунд Кейстutowич, великий князь
 литовский 235, 246, 248, 249

- Симеон, аланский митрополит 133
 Смилец, болгарский царь 87, 91
 Стефан III, сербский краль 88, 93, 120
 Субэдэй-багатур, монгольский военачальник 19, 20
 Суйургатмыш, чагатайский хан 191
 Сулейман-Суфи, правитель Хорезма 198, 200
 Султан Ахмад Джалаирид, правитель Ирана 201
 Султан-Ахмад, ногайский мирза 277
 Султан-Махмуд, сын Идигу 224
 Султан-хатун, см. Хан-Султан
 Султан-хатун, супруга хана Менгу-Тимура 68
 Сунтай, золотоордынский военачальник 44, 73
 Сутан, золотоордынский нойон 91
 Сытылган б. Нур-Девлет, касимовский хан 269
- Т**
 Таваккул, бекляри-бек 270, 274, 275, 276
 Тагай, наместник Мохши 151, 158, 159, 163, 165, 167, 186
 Таз, золотоордынский нойон 89, 91, 100, 109
 Тайдула, супруга Узбека 124, 125, 128, 129, 133, 136, 138, 146–148
 Тайра, золотоордынский военачальник 59
 Тама-Токта, золотоордынский царевич 84, 85, 88, 89, 96, 97, 109
 Тамерлан, см. Амир Тимур
 Тангут, золотоордынский царевич 13, 34, 147, 148, 178
 Тарбу, золотоордынский царевич 57, 78, 79
 Тармаширин, чагатайский хан 131
 Татар, золотоордынский царевич 69
 Таш-Тимур, золотоордынский нойон 87, 203, 206
 Таш-Тимур, хан Золотой Орды 228, 229, 231
 Теке, золотоордынский царевич 87, 91, 99, 100
 Текне, бекляри-бек 224
 Текне, золотоордынский эмир из рода Ширин 229, 233, 234, 246, 250
 Темир, золотоордынский посол 258
 Темур-нойон 24
 Тенгиз-Буга, наместник Синей Орды 149, 156, 157, 189
 Теркен-хатун, мать хорезмшаха Алла ад-Дина Мухаммада II 33
 Тимур (Тамерлан), см. Амир Тимур
 Тимур б. Узбек, золотоордынский царевич 111, 124, 128
 Тимур, золотоордынский эмир (1400-е гг.) 120
 Тимур, золотоордынский эмир (1470-е гг.) 165
 Тимур, золотоордынский эмир из рода мангыт, бекляри-бек 264–267, 270
 Тимур, монгольский хан, император Юань 98
 Тимур-Кутлуг, хан Синей Орды, Золотой Орды 201–204, 206–210, 214–216, 218–222
 Тимур-Малик, хан Синей Орды 186, 193, 213
 Тимур-хан, хан Золотой Орды 222, 223, 224
 Тимур-ходжа, хан Золотой Орды 149–152, 158, 179, 181
 Тинибек, хан Золотой Орды 124, 128, 129, 130
 Товарков И. Ф., московский посол 262
 Тоглу-бай, золотоордынский эмир (сер. XIV в.) 121, 138–150, 153, 156
 Тогрул, золотоордынский царевич 68, 84, 87, 95, 108
 Ток-Тимур, монгольский хан, император Юань 122
 Токле(Тевеккель)-бий, золотоордынский эмир 175
 Токта, хан Золотой Орды 8, 68, 85–99, 100–110, 114, 119, 124, 131, 155
 Токтакия, хан Синей Орды 186, 192, 193
 Токтамыш, хан Синей Орды, Золотой Орды 7, 8, 57, 153, 170–173, 178, 183, 184, 186, 187, 189–211, 213–226, 228, 244–249, 252, 278
 Тохтамыш см. Токтамыш
 Тоухад, персидский ильхан 84
 Туга-Тимур, золотоордынский царевич 34, 61, 141, 149, 157, 172, 175, 178, 180, 182, 189, 190, 202, 203, 228, 269

- Тугулджа, дочь Ногая 89
 Туда-Менгу, хан Золотой Орды 58, 79–84, 106
 Тудан (Дюдень), золотоордынский царевич 68, 96, 116
 Туй-Ходжа, синеордынский царевич, наместник Мангышлака 190
 Тукан, золотоордынский царевич 39, 57
 Тукель-Буга, золотоордынский царевич (сын Токты) 101
 Тула-Буга, хан Золотой Орды 76, 78, 79, 83–85, 86, 87, 92, 94, 95, 97, 106, 108
 Тулак-Тимур, золотоордынский военачальник 119
 Тулии-хан, *см.* Тулуй
 Тулуй, монгольский царевич 13, 24, 25, 34, 35, 141
 Тулук-Тимур, даруга Крыма 155, 156
 Тулун-бай, золотоордынская царица, супруга египетского султана ан-Насира 117
 Тулунбек, ханша Золотой Орды, супруга Мамай 156, 163, 195, 198
 Тунгуз, золотоордынский нойон 100, 109
 Тура-Тимур, золотоордынский военачальник 82
 Туракина-хатун, монгольская правительница 22
 Тури, золотоордынский царевич 76, 87, 91, 92, 100, 101
 Тутар, золотоордынский царевич 71
 Тэмүгэ-отчигин, брат Чингис-хана 22
- У**
- Угедэй, монгольский хан 11, 12, 13, 18, 19, 21, 22, 24, 25, 27, 34–37, 62, 64, 102, 141
 Уз-Тимур, крымский царевич 271
 Узбек (Азубек-султан), золотоордынский царевич 281
 Узбек, хан Золотой Орды 7, 8, 56, 105, 107–115, 116–129, 130–133, 138, 139, 141–143, 146–152, 154, 156, 157, 159, 169, 179, 189, 199
 Уки-хатун, супруга Джучи, мать Бату 10, 12
 Улагчи, правитель Золотой Орды 39, 57
 Улджай-Тимур, хан Золотой Орды 161, 162
 Улуг-Мухаммад (Мухаммад-хан), хан Золотой Орды, хан Казани 8, 9, 164–167, 169, 171, 172, 182, 183, 227–243, 246–248, 253, 261
 Улугбек, правитель Самарканда 229, 231
 Ульяна, супруга Ольгерда 164
 Уран (Урук)-Тимур, золотоордынский царевич 61, 197
 Урбай-хатун, дочь Берке 53, 55, 67
 Урбан IV, римский папа 54
 Урук-Тимур, золотоордынский эмир из рода Ширин 173
 Урус, хан Синеи Орды, Золотой Орды 165–167, 182–187, 190–193, 206, 213, 216, 218, 229, 255
- Ф**
- Фарамарз, сельджукский царевич 67
 Федор, князь киевский 120
 Федор Александрович, тверской княжич 117
 Федор Иванович, князь стародубский 117
 Федор-Святослав, болгарский царь 100
 Феогност, киевский митрополит 133
 Филипп IV Красивый, французский король 103
 Фридрих II, германский император 21
- Х**
- Хаджи-бек, даруга Кырк-Ера 159, 179
 Хаджи-Гирей, хан Крыма 246, 250–254, 259
 Хаджи-Мухаммад, хан Синеи Орды 226, 229, 231, 255, 279
 Хаджи-Черкес, наместник Хаджи-Тархана 158, 162, 165, 166, 182, 216
 Хаджике, крымский бек из рода Ширин 259, 270
 Хайдар, золотоордынский эмир из рода кунграт 233, 234, 246
 Хайдар, хан Крыма 259
 Хайду, монгольский хан 41, 62, 64, 102, 103
 Хайр-Пулад, *см.* Пулад
 ал-Хаким, кайрский халиф 51, 52

Хан-Султан, супруга Джучи 33
 Хантун-нойон, монгольский военачальник 64
 Харунбек, сын Кутлуг-Тимура 109
 Хасан, хан Золотой Орды 162, 180, 182
 Хачиун, брат Чингис-хана 13
 Ходжа, монгольский царевич 24
 Ходжа-Ахмад Баба-Туклес, шейх, распространитель ислама в Дешт-и Кипчаке 212
 Ходжа-Мухаммад (Хаджике), хан Золотой Орды 271, 274, 279, 280
 Ходжа Омар, золотоордынский купец 134, 135
 Хубилай, монгольский хан, император Юань 40–42, 59, 62–64, 73, 98
 Худайдат, хан Золотой Орды 229, 230, 239
 Худайкул (Петр Ибрагимович), казанский царевич, наследник московского трона 243
 Хулагу, персидский ильхан 26, 37–39, 41–43, 45, 50–54, 71–73, 131
 Хусайн, золотоордынский эмир 237
 Хусайн Байкара (Султан-Хусайн-мирза), потомок Амира Тимура, правитель Хорасана 254
 Хусайн-Суфи, правитель Хорезма 198
 Хусам ад-Дин Махмуд Дивани, везир 156
 Хыдрбек, золотоордынский царевич 129
 Хызр, хан Золотой Орды 140, 147–150, 152, 157, 160, 179, 181
 Хызр-Ходжа, хан Могулистана 201

Ч

Чагатай, чагатайский правитель 11–13, 22, 24, 25, 34, 36, 37, 102
 Чапар, правитель Улуса Угедэя 98, 102, 103, 121
 Чаур-сэчен, дочь Чингис-хана 24
 Черкес из племени сиджиут 99
 Чингис-хан, монгольский хан 7, 10–13, 20, 22, 24, 25, 28, 33, 34, 41, 61, 69, 99, 118, 131, 133, 141, 155, 189, 191, 194, 262, 283
 Чингис б. Узбек 281
 Чокре, хан Золотой Орды 225

Чопан, персидский военачальник и временщик 86, 103, 122, 123, 137
 Чормагун, монгольский наместник в Иране 43

Ш

Шабан, ал-Ашраф, Насир ад-Дин, египетский султан 163
 Шадибек, хан Золотой Орды 210, 211, 221, 222
 Шайх Мухаммад Балигджи, азербайджанский эмир 137
 Шайх-Хайдар, хан Синей Орды 255
 Шайх Хасан Кучак, правитель Азербайджана 137
 Шакирбек, дочь хана Узбека, супруга Ак-Суфи
 Шакран, египетский посол 124
 Шах-Баглул, золотоордынский посол 268
 Шахрух, сын Амира Тимура, правитель Хорасана 223, 224, 231
 Шевкал, золотоордынский царевич 116
 Шейх-Ахмад, хан Золотой Орды 8, 251, 265–283
 Шейх-Ахмед, см. Шейх-Ахмад
 Шейх-Мухаммад, бекляри-бек, бий Ногайской Орды 279, 280
 Шейх-Хайдар, золотоордынский царевич, хан Хаджи-Тархана (?) 282
 Шеритамгу, см. Тайдула
 Шибан, золотоордынский царевич 13, 14, 19, 34, 36, 141, 147, 148, 158, 178, 194, 264
 Ширэмун, монгольский царевич 24, 24
 Ширэмун, военачальник персидских ильханов 43

Э

Эльджигитай, племянник Чингис-хана 18, 25
 Эминек, крымский эмир, глава рода Ширин 259
 Эрзен, правитель Синей Орды 111, 175
 Эсен-Буга, чагатайский хан 102, 121, 122

Ю

Юмадук, хан Синей Орды 233

- Юрий Всеволодович, великий князь владимирский 14, 15, 26
- Юрий Даниилович Московский, великий князь владимирский 104, 105, 114, 115
- Юрий Дмитриевич Звенигородский, великий князь московский 233, 234, 236
- Юсуф, бий Ногайской Орды 281
- Юсуф, казанский царевич 242, 243
- Юсуф-Суфи, правитель Хорезма 198
- Юшумут, персидский царевич 44, 74
- Я**
- Ягайло Ольгердович, великий князь литовский 170, 171, 204, 206, 215, 235, 249
- Яглы-бай, золотоордынский эмир 150, 151, 153
- Яйлаг, золотоордынский нойон 88, 89
- Яйлак, супруга Ногая 87, 89, 100
- Якопо Корнаро, венецианский посол 159
- Якуб, казанский царевич 239, 243, 250
- Ямгурчи, бий Ногайской Орды 255, 256, 264, 265, 270, 277
- Ярослав Всеволодович, великий князь владимирский 15, 26
- Ярослав Романович, князь рязанский 66
- Ярослав Ярославич, великий князь владимирский 47, 61, 64

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Кто они — «цари ордынские»?	5
Очерк первый. Батый, или Три жизни Саин-хана	.10
Очерк второй. Берке, или Младший брат	.33
Очерк третий. Менгу-Тимур, или Первый хан .	.57
Очерк четвертый. Ногай, или Ордынский Kingmaker	.69
Очерк пятый. Токта, или Самый талантливый и честолюбивый среди сыновей Менгу-Тимура	.94
Очерк шестой. Узбек, или «Золотой век» Золотой Орды	108
Очерк седьмой. Джанибек, или «Добрый хан».	128
Очерк восьмой. Кульна — Наурус — Хызр — Кильдибек, или «Игра в ханы» в начале «Замятни великой»	140
Очерк девятый. Мамай, или Взлет и падение Titanus'a	155
Очерк десятый. Пулад, или Загадочный хан смутного времени.	174
Очерк одиннадцатый. Арабшах, или Бич русских окраин .	181
Очерк двенадцатый. Токтамыш, или «Новый Чингис-хан»	189
Очерк тринадцатый. Едигей, или Последняя попытка возродить великую Орду.	.212
Очерк четырнадцатый. Улуг-Мухаммед, или От Сарая до Казани	.228
Очерк пятнадцатый. Сеид-Ахмед, или Загадки одного правления середины XV в.	.244
Очерк шестнадцатый. Ахмат, или Крушение Орды	.253
Очерк семнадцатый. Шейх-Ахмед, или Последний хан и его братья	.266
Послесловие. Наследство «Царей ордынских» .	.283
Примечания .	.286
Хронология	.392
Генеалогические таблицы	.402
Библиография	.406
Указатель имен442

Почекаев Роман Юлианович

**ЦАРИ ОРДЫНСКИЕ:
БИОГРАФИИ ХАНОВ И ПРАВИТЕЛЕЙ
ЗОЛОТОЙ ОРДЫ**

Научное издание

Директор издательства: *Чубарь В. В.*

Главный редактор: *Трофимов В. Ю.*

Верстка: *Харитонов Л. А.*

Корректор: *Чебыкина М. В.*

Подготовка указателей: *Чебыкина М. В.*

Компьютерная обработка карт: *Астайкин М. А.*

Подписано в печать 12.03.2012. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 29. Гарнитура «Antiqua». Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ № 3060

ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр-кт, д. 86, пом. 106,
тел. (812) 320-57-74, <http://www.eurasiabooks.ru>

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

В издательстве «ЕВРАЗИЯ» готовится к изданию книга:

Р. Ю. Почекаев, И. Н. Почекаева

Властительницы Евразии.

Правительницы тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв.

Образ восточной женщины обычно ассоциируется с красотой, экзотикой, загадочностью, нередко — с особой страстностью, но также и с зависимым положением, бесправностью. Наиболее распространенный стереотип такой женщины — это обительница гарема, скрывающая лицо от всех мужчин за исключением своего мужа и если даже участвующая в политических делах, то только путем тех же «гаремных» интриг или с помощью любовных чар.

Тем не менее, в истории известны имена многих восточных правительниц, не уступавших мужчинам по властности, энергичности и амбициям. Сведения о некоторых из них являются полуполюгендарными — например, о египетских женщинах-фараонах Нитокрис и Хатшепсут или ассирийской Семирамиде (Шаммурамат). Другие правительницы, несмотря на то, что и о них складывались многочисленные легенды и исторические мифы, были вполне реальны. Среди них — египетская правительница Клеопатра, подчинившая своей власти Цезаря и Марка Антония; царица Пальмиры (в Малой Азии) Зенобия, несколько лет успешно боровшаяся с Римом в 270-е гг. н. э. и даже сама претендовавшая на императорский титул; китайская императрица У, властвовавшая над империей Тан едва ли не столетия в VIII в. н. э.; Разийя-хатун в Делийском султанате и Шаджаррат ад-Дурр в Египте, носившие титулы султанов в первой половине — середине XIII в. н. э.; султанши Роксолана (супруга Сулеймана I Великолепного) и Баффо (супруга его внука Мурада III), во многом определявшие политику Османской империи в XVI в.; еще одна китайская императрица — страшная Цыси, находившаяся у власти в империи Цин с 1874 по 1908 гг., чье правление во многом способствовало падению в Китае императорской власти, последовавшему вскоре после ее смерти... Однако, несмотря на столь многочисленные примеры, приход к власти женщин в государствах Древнего, Мусульманского или Дальнего Востока представляется, скорее, исключением, вызванным чрезвычайными обстоятельствами (кризис власти, пресечение династии и т. д.). Совершенно иная ситуация складывалась в тюрко-монгольских государствах — империи Чингис-хана и многочисленных государств, возникших после ее распада (последние из государств, возглавлявшихся потомками Чингис-хана и их правопреемниками, Бухарское и Хивинское ханства, просуществовали до 1920 г.). Права женщин в тюрко-монгольском обществе были

неизмеримо шире, чем в современных ему странах Запада и Востока: они обладали собственным имуществом, распоржались им, а представительницы правящих семейств на законном основании участвовали в курултаях (съездах знати), участвовали в принятии важных государственных решений. Нередко супруги ханов становились правительницами в период между смертью их мужей и избранием нового монарха. Многие жены и дочери правителей являлись крупными землевладелицами, обладали значительным влиянием на политические дела, занимались благотворительностью и покровительствовали деятелям искусства.

В настоящей книге представлены очерки о правительницах различных государств Евразии с конца XII до середины XIX вв. — от степей Монголии до берегов Волги, находившихся у власти или, по крайней мере, игравших значительную роль в политической жизни этих государств, созданных Чингис-ханом и его потомками. Сведения об одних из них вполне историчны, о других же сохранились только такие сообщения, в которых реальные факты настолько тесно переплетаются с эпическими и фольклорными элементами, что их практически невозможно отделить друг от друга.

Очерки сгруппированы по территориальному принципу. Первая часть книги посвящена правительницам Монгольской империи, династии Юань в Китае и Монгольского ханства (XIII — рубеж XV—XVI вв.). Во второй части содержатся очерки о правительницах Ирана и среднеазиатских государств — Чагатайского улуса, державы Тимуридов, Бухарского и Кокандского ханств (XIII—XIX вв.). В третью часть книги вошли очерки о правительницах Золотой Орды (XIII—XV вв.). Наконец, в четвертой части книги представлены очерки о правительницах пост-ордынских государств — Казанского, Крымского, Касимовского, Калмыцкого и Казахского ханств (XV—XIX вв.).

Всего в книгу вошло двадцать пять очерков, каждый из которых посвящен конкретной правительнице — ее происхождению, семейному положению, приходу к власти и обстоятельствам кончины. Одни из них происходили из рода Чингис-хана, другие выходили замуж за Чингизидов, третьи становились женами правителей и правительницами государств, возникших после падения чингизидских династий. Безусловно, влиятельных женщин в правящем роду Чингизидов и их преемников на тронах государств Евразии за семь столетий было намного больше, чем представлено в настоящей книге. Однако авторы остановились на наиболее ярких или типичных, по нашему мнению, героинях, постаравшись также при этом охватить в той или иной степени все страны и регионы, в которых правили потомки Чингис-хана или их наследники в тот или иной период времени.

Роль и значение каждой из героинь очерков было различно: одни официально управляли государствами (некоторые даже официально носили ханский титул), другие были настолько влиятельны, что именно им принадлежала реальная власть, третьи являлись марионетками или даже «разменными монетами» в борьбе за власть различных политических сил. При этом если сами женщины нередко демонстрировали мужские качества, борясь за трон и влияние, то и их противники-мужчины не делали скидок на принадлежность своих соперниц к «слабому полу»: из двадцати пяти героинь очерков девять погибли в борьбе за власть, восемь других принудительно выдавались замуж (порой даже по второму и третьему разу) и т. д. Однако их трагические судьбы не останавливали и других «властительниц Евразии», который вплоть до падения последних чингизидских и пост-чингизидских государств во второй половине XIX — начале XX вв. продолжали играть значительную роль в их политической жизни.

При написании книги использовано большое количество исторических источников — летописи и исторические сочинения, свидетельства современников, официальные (актовые) материалы, данные нумизматики и археологии и пр. Кроме того, были учтены исследовательские работы — как немногочисленные труды, посвященные непосредственно правительницам, чьи биографии вошли в книгу, так и более общие работы по истории стран и регионов, во главе которых стояли ее героини. Несмотря на то, что книга написана в жанре научного исследования, авторы постарались сделать ее текст доступным для широкой аудитории, снабдили ее генеалогическими таблицами, а также словарем, содержащим объяснение некоторых исторических терминов, встречающихся в книге.

Борте, главная супруга Чингис-хана (ум. после 1235)

Борте происходила из племени кунграт, которое традиционно было связано с монгольским ханским родом брачными узами: девушки из этого рода выходили замуж за членов ханского рода, юноши же женились на представительницах ханского рода. Со своим супругом Тэмуджином — будущим Чингис-ханом она познакомилась, когда ему было девять лет, она же была на год старше. Их отца решили поженить своих детей благодаря пророческому дару Дай-сэчена — отца Борте: он увидел вещий сон о том, что юному Тэмуджину суждена великая судьба, и ему захотелось, чтобы его род возвысился вместе с ним.

На долю Борте и Тэмуджина в первые годы совместной жизни выпало немало испытаний: уже вскоре после свадьбы супруга будущего основателя была похищена враждебным племенем меркитов и стала наложницей

одного из их вождей. Она была довольно быстро освобождена, но вскоре у нее родился первенец, Джучи, в отношении которого в течение всей его жизни ходили слухи, что его отцом был не Чингис-хан, а именно меркитский вождь.

Не пытаясь реально управлять государством или даже влиять на политические решения своего супруга Борте постоянно находилась при нем и порой ее суждения имели важное значение. Так, вскоре после своего освобождения от меркитов она сумела истолковать слова Джамухи, побратима Тэмуджина в таком смысле, что побратимы разъехались и вскоре вступили в смертельную вражду. В другой раз именно ей удалось подтолкнуть Чингис-хана к решительным действиям против могущественного шамана Тэб-Тэнгри, стремившегося ограничить власть хана и стать первым лицом в Монгольской империи.

С годами Борте перестала пользоваться вниманием своего мужа, но сохранила уважение и его, и всех его соратников. Именно ее сыновья и их потомки стали основателями самых крупных улусов Монгольской империи, выделившихся впоследствии в самостоятельные государства — Улуса Джучи (Золотой Орды), Улуса Чагатая, империи Юань в Китае, государства Хулагуидов в Иране и др.

Борте имела собственные владения и даже собственные войска, которые остались за ней и после смерти его супруга, которого она пережила, по меньшей мере, на восемь-девять лет, несмотря на то, что была старше его. Она вошла в историю как идеальная спутница жизни монгольского властителя, и в официальной монгольской историографии представлена как пример для подражания последующих ханских жен.

Чаби, первая императрица династии Юань (ум. 1284)

Чаби-хатун, главная жена хана Хубилая, внука Чингис-хана, основателя династии Юань, была дочерью Ильчи-нойона из племени кунграт, который, в свою очередь, был братом Борте-хатун — бабушке Хубилая. Подобно своей тетке, она являлась главной супругой хана и матерью тех его четырех сыновей, которые имели право на трон и наиболее обширные улусы.

В официальной монгольской историографии XVII–XVIII вв., создававшейся преимущественно представителями буддийского духовенства Чаби описана как ревностная приверженка буддизма, фактически обратившая своего супруга в эту религию. Именно в этом ее деянии и видят буддийские ламы историки главную заслугу супруги Хубилая.

Однако из других источников следует, что Чаби играла весьма значительную роль в политической жизни империи Юань, несмотря на то, что официально не вмешивалась в вопросы управления. Она покровительствовала чиновникам, священнослужителям разных конфессий, деятелям искусства и культуры. Ряд ее протеже впоследствии занимал высокие посты в империи Хубилая. Она также старалась как-то защитить своих сыновей, когда тем случалось вызывать гнев своего властного отца.

В последние годы жизни Чаби пережила немало потрясений, от которых ее не могли защитить ни статус императрицы, ни искренняя любовь и уважение Хубилая. Один из ее сыновей принял участие в заговоре против сановника Ахмада, которому в свое время покровительствовала Чаби. Другой, потерпев поражение в Монголии и попав в плен, вернулся домой только через несколько лет и вскоре скончался от пережитых потрясений. Затем настала очередь и самой Чаби-хатун. Ее смерть произвела такое тягостное впечатление на Хубилая, что это сказалось и на его довольно непоследовательной и нерациональной политике в последние годы правления.

Хутулун — девушка-богатырь (ум. после 1303)

Хутулун была дочерью Хайду, правнука Чингис-хана, который создал особое государство на Памире и при этом около полувека боролся за ханский трон с Хубилаем и его потомками. Дочь была верной соратницей своего отца, наравне со своими братьями участвовала в походах и сражениях, в управлении государством и принятии важных политических решений, владела собственным крупным уделом.

Поскольку Хутулун предпочитала политику и войну чисто женским обязанностям — обязанностям супруги и матери, — она долгое время отказывалась выходить замуж. Поэтому среди подданных Хайду стали ходить слухи, что она состоит в кровосмесительной связи с собственным отцом, к которому, она, и в самом деле, испытывала большую привязанность. Чтобы пресечь такие слухи, Хайду поспешил выдать ее замуж за одного из своих приближенных.

Однако и после замужества Хутулун не устранилась от государственных дел. После смерти своего отца она намеревалась и далее играть важную роль в политической жизни государства Хайду, поэтому, когда между ее многочисленными братьями началось соперничество за отцовский трон, она решила поддержать одного из братьев в борьбе с другим. Однако в конечном счете победу одержали ее соперники, которые заявили, что ей, как женщине, следует иметь дело с ножницами и иглой, а не делами государства. Последние годы жизни Хутулун не участвовала

в политических событиях и до самой смерти считалась хранительницей могилы своего отца Хайду.

Хутулун стала героиней среднеазиатского эпоса — под тюркским именем Ай-Ярук. Согласно степным сказаниям, она отличалась незаурядной силой, превосходя даже многих мужчин, и соглашалась выйти замуж только за того, кто победит ее в единоборстве — таковых не находилось. Однако, и ее посетила любовь, в результате чего она, якобы, поддалась в поединке своему любимому и позволила ему победить себя.

Тайдула — жена, мать и бабка золотоордынских ханов (ум. 1360)

Тайдула, происхождение которой достоверно не установлено, была супругой знаменитого золотоордынского хана Узбека — причем супругой любимой, матерью его сыновей-наследников. После его смерти она сохраняла власть в течение 15-летнего правления своего сына Джанибека, которого также пережила, сохранив влияние и при его сыне, своем внуке Бердибеке.

Формально Тайдула не носила титула ханши (она не была ханского происхождения) или даже регентши, но фактически обладала очень значительной властью и влиянием. У нее были собственные владения (включая современный город Тулу, название которого произошло от ее имени), право собирать налоги с некоторых местностей в свою пользу. Она вела обширную переписку с иностранными правителями, включая римских пап и венецианских дождей. В русской летописной традиции она представлена как «заступница» православной церкви, сохранилось даже несколько ее грамот русским церковным иерархам.

После смерти (или убийства) Бердибека Тайдула не захотела лишаться власти и попыталась возвести на трон хана Науруса, представителя боковой ветви Джучидов, а сама вышла за него замуж. Однако еще один претендент на трон, хан Хызр вскоре захватил Сарай, столицу Золотой Орды, и умертвил как Науруса, так и Тайдулу, которая в течение тридцати лет влияла на политику государства.

Тулунбек — женщина-хан на троне Золотой Орды (ок. 1370 — ок. 1371)

Сведения о Тулунбек довольно противоречивы, и в источниках о ней имеется не так уж много сведений. Тем не менее, есть основания полагать, что она была дочерью (или сестрой) хана Бердибека, который выдал

ее замуж за могущественного эмира Мамай — знаменитого впоследствии золотоордынского временщика.

Около 1370 г. Мамай, пользуясь золотоордынской смутой («великой замятней» русских летописей), сумел возвести на трон свою супругу, пока приискивал более подходящую кандидатуру среди представителей поредевшего ханского рода. Тулунбек чеканила собственную монету, ее власть признавали правители ряда золотоордынских регионов. Однако вскоре Мамай посчитал целесообразным заменить ее другим своим ставленником.

После того, как Мамай был разгромлен в Куликовской битве, а вскоре убит воинами своего соперника — хана Токтамыша, Тулунбек вместе с другими женщинами из гарема временщика попала в плен к победителю, который женился на ней. Однако Тулунбек не смирилась со своей участью и попыталась устроить заговор против нового супруга, сумев привлечь к нему и несколько влиятельных эмиров из окружения Токтамыша. По-видимому, своей целью заговорщики ставили возведение на престол представителя рода Бату (Батыя) — фактического основателя Золотой Орды, тогда как Токтамыш был потомком Туга-Тимура, одного из братьев Бату. Однако заговор был раскрыт, и Тулунбек вместе с несколькими другими заговорщиками была казнена.

Нур-Султан — ханша Казани и Крыма (ум. между 1519 и 1522)

Нур-Султан была дочерью Тимура — одного из предводителей Ногайской Орды. В 1460-е гг. она по политическим соображениям была выдана замуж за казанского хана Халила, однако он умер в молодости, после чего она стала супругой его брата и преемника Ибрахима. В этом браке у нее родилось несколько детей, двое из которых — Мухаммад-Амин и Абд ал-Латиф — также стали правителями Казанского ханства.

После смерти своего второго супруга Нур-Султан вступила в третий брак — на этот раз с Менгли-Гиреем, могущественным властителем Крымского ханства, который сделал ее своей главной женой. В течение всего долгого правления Менгли-Гирея (1470–1510-е гг.) Нур-Султан оказывала существенное влияние на политику и Крымского, и Казанского ханства.

Ханша самостоятельно осуществляла дипломатическую деятельность, вела переписку с московскими и литовскими государями, которые направляли ей особые послания, а также богатые дары (которыми она зачастую бывала была недовольна и требовала большего). Несколько раз ханша

совершала путешествия — в Москву, к Василию III, союзнику Крымского ханства, затем в Казань, где правил ее сын Мухаммад-Амин.

Влияние Нур-Султан сохранялось и в первые годы правления ее сына Мухаммад-Гирея — сына и наследника Менгли-Гирея, впрочем, в это время престарелая ханша начала постепенно сдавать свои позиции, иностранные государи все больше старались влиять на решения крымского хана через его собственных жен. Тем не менее, до конца жизни Нур-Султан в силу своего статуса и происхождения продолжала пользоваться уважением в Крыму и на международной арене.

Суюн-бике — супруга трех казанских ханов (регентша Казанского ханства, 1549–1551)

Суюн-бике была родственницей Нур-Султан: она также происходила из рода ногайских правителей, была дочерью бия («князя») Юсуфа, правителя Ногайской Орды. Судьба ее во многом была схожа с судьбой ее родственницы, поскольку она также трижды была замужем и оказывала значительное влияние на судьбу Казанского ханства.

Суюн-бике в молодости была выдана замуж за казанского хана Джан-Али, но вскоре он был убит в результате придворного переворота, и его вдове выдали замуж вторично — за крымского царевича Сафа-Гирея, ставшего новым ханом Казани. В этом браке родился сын Утемиш-Гирей, который после смерти отца в 2-летнем возрасте был провозглашен казанским ханом, а Суюн-бике стала при нем регентшей.

Регентство продлилось около двух лет, после чего Казань была захвачена московскими войсками, и новым ханом стал Шах-Али, брат Джан-Али, первого мужа Суюн-бике. Он не пользовался популярностью в Казани и вскоре по просьбам местного населения был отозван Иваном Грозным с престола, вернувшись на свой прежний трон — в Касимовское ханство. Однако перед этим он женился на Суюн-бике, обосновав свой брак тем, что она прежде была женой его брата, и по тюрко-монгольским обычаям должна теперь стать его женой. Малолетний Утемиш-Гирей был разлучен с матерью и отправлен в Москву, где его крестили под именем Александра.

Впоследствии вокруг Суюн-бике (как и вокруг многих других «властительниц Евразии») в Казани стали складываться легенды. В них, в частности, утверждалось, что на Суюн-бике собирався жениться сам Иван Грозный, намеревавшийся ее, к тому же, насильно крестить. Чтобы не допустить этого, она велела построить высокую башню, с которой бросилась вниз и разбилась. На самом деле, ничего такого не произошло:

ханша покинула Казань со своим новым мужем Шах-Али, а «башня Суюн-бике» в действительности была построена лишь в XVII в.

Брак Шах-Али и Суюн-бике был несчастлив. В какой-то момент даже распространился слух, что хан в гневе изуродовал супруге лицо, и она умерла от ран. Московскому царю даже пришлось пригласить в города Касимов посольство из Ногайской Орды, чтобы ее родственники убедились, что ханша жива и здорова. О ее роли в политике на постордынском пространстве других сведений не имеется. Неизвестна даже точная дата ее смерти.

Надира — поэтесса на троне (1792—1842)

Имя Надиры, известной узбекской поэтессы первой половины XIX в., знакомо многим знатокам и любителям восточной классической поэзии, ее стихи неоднократно переводились на русский язык, а в советское время сформировался ее образ как носительницы передовых взглядов, критиковавшей существовавший политический строй и его пороки и активно борющейся за права женщин. В конечном счете, как считалось, она и погибла за свои убеждения.

Однако лишь узкому исследователей известно, что на самом деле Надира (это ее творческий псевдоним, а настоящее имя было Махлар-айим) принадлежала к династии ханов Коканда, возводивших свой род к знаменитому Амиру Тимуру — Тамерлану. В молодости она была выдана замуж за своего дальнего родственника Омар-хана, который, сам будучи поэтом, приохотил к поэзии и жену. После смерти мужа Надира осталась фактической правительницей Кокандского ханства при своем малолетнем сыне Мухаммад-Али-хане и так эффективно справлялась со своими обязанностями, что даже после наступления его совершеннолетия продолжала сохранять власть, управляя государством в течение двадцати лет.

В течение всего правления ей приходилось исправлять последствия неблагоприятных поступков своего сына-хана, мирить его с братом и другими родственниками и противостоять натиску другого узбекского государства — Бухарского эмирата. В конечном счете бухарский эмир сумел победить, захватить Коканд и пленить хана и его мать. Надира не побоялась публично обвинить эмира в узурпации и принадлежности к роду, менее знатному, чем ее собственный, за что и была казнена.